

Вісник

Дніпропетровського університету

Науковий журнал

№ 11

Том 18

2010

РЕДАКЦІЙНА РАДА:

акад. Академії наук ВО України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **М. В. Поляков** (*голова редакційної ради*); акад. Академії наук ВО України, д-р техн. наук, проф. **М. М. Дронь** (*заст. голови*); д-р фіз.-мат. наук, проф. **О. О. Кочубей**; д-р хім. наук, проф. **В. Ф. Варгалюк**; чл.-кор. АПН України, д-р філос. наук, проф. **П. І. Гнатенко**; д-р фіз.-мат. наук, проф. **О. Г. Гоман**; д-р філол. наук, проф. **В. Д. Демченко**; д-р техн. наук, проф. **А. П. Дзюба**; д-р пед. наук, проф. **Л. І. Зеленська**; чл.-кор. НАН України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **В. П. Моторний**; чл.-кор. АПН України, д-р психол. наук, проф. **Е. Л. Носенко**; д-р філос. наук, проф. **В. О. Панфілов**; д-р біол. наук, проф. **О. Є. Пахомов**; д-р іст. наук, проф. **С. І. Світленко**; акад. Академії наук ВО України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **В. В. Скалозуб**; д-р філол. наук, проф. **Т. С. Пристайко**; чл.-кор. НАН України, д-р біол. наук, проф. **А. П. Травлєєв**; д-р техн. наук, проф. **Ю. Д. Шептун**.

Серія: **МОВОЗНАВСТВО**

Випуск 16

Дніпропетровськ
Видавництво
Дніпропетровського
національного університету

УДК 811(060.55)
ББК 81Я5

*Друкується за рішенням вченої ради
Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара*

Розглядаються актуальні проблеми фонетики, граматики та семантики слов'янських та західноєвропейських мов. Значна увага приділяється дослідженню мовних явищ та одиниць у комунікативно-прагматичному, лінгвокогнітивному і лінгвокультурологічному аспектах; опису функціональних різновидів мовлення, у тому числі мови Інтернету. Друкуються рецензії.

Для наукових працівників, спеціалістів-філологів, аспірантів і студентів філологічних факультетів, а також для широкого кола читачів, що цікавляться проблемами сучасного мовознавства.

Рассматриваются актуальные проблемы фонетики, грамматики и семантики славянских и западноевропейских языков. Значительное внимание уделяется исследованию языковых явлений и единиц в коммуникативно-прагматическом, лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах; описанию функциональных разновидностей речи, в том числе языка Интернета. Публикуются рецензии.

Для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов и студентов филологических факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами современного языкознания.

Topical problems of phonetics, grammar and semantics of Eastern Slavonic and West European languages are regarded. A great attention is paid to the research of language phenomena and units in communicative-pragmatic, linguocognitive and linguocultural aspects, to the description of functional variants of speech. The chronicles are published.

The papers are interesting for scientists, specialists in philology, post-graduate students and students of philological faculties, as well as for a wide range of readers who are interested in the problems of modern linguistics.

Редакційна колегія:

д-р філол. наук, проф. **Т. С. Пристайко** (відп. редактор), д-р філол. наук, проф. **О. І. Панченко** (зам. відп. ред.), д-р філол. наук, проф. **Ж. П. Колоїз**, д-р філол. наук, проф. **І. І. Меньшиков**, д-р філол. наук, проф. **А. М. Поповський**, д-р філол. наук, проф. **Н. В. Підмогильна**, канд. філол. наук, доц. **І. І. Турута** (відпов. за випуск).

Рецензенти:

д-р філол. наук, проф. Л. П. Дядечко
д-р філол. наук, проф. В. І. Теркулов

УДК 811.161.1'38

Н. С. Андрианова

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ – РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ СИМУЛЯКР?

Проаналізовано базові характеристики інтернет-комунікації з точки зору понять *реальність, симулякр, симулятивна комунікація*.

Ключові слова: інтернет-комунікація, реальність, симулякр, симулятивна комунікація.

Проанализированы базовые характеристики интернет-коммуникации с точки зрения понятий *реальность, симулякр, симулятивная коммуникация*.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, реальность, симулякр, симулятивная коммуникация.

Basic characteristics of the Internet-communication in terms of *reality, simulacres, and simulation of communication* are analyzed in the article.

Key words: reality, simulacres, simulation of communication, Internet-communication.

Интернет-коммуникация является предметом лингвистических исследований конца XX – начала XXI веков. Интерактивная и глобальная коммуникативная среда Интернета предоставляет богатый материал для изучения. Наблюдаются революционные преобразования традиционной коммуникативной среды в Интернете, приводящие в результате к возникновению веб-коммуникации, появлению новых виртуальных сообществ – «интерактивной межличностной коммуникации» [11, с. 112].

Цель данной статьи: изучить понятия *реальность* и *симулякр* в интернет-коммуникации. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие *задачи*: определить базовые характеристики понятий *реальность* и *симулякр*, описать наиболее значимые лингвистические подходы к данным понятиям.

В нашем исследовании мы исходим из положения, что функционирование языка в интернет-коммуникации можно рассмотреть сквозь призму дискурсивной стратегии, основанной на оппозиции *реальность / симулякр*.

Проблема объективной и субъективной реальностей всегда вызывала большой интерес в гуманитарных исследованиях. Под объективной реальностью понимается действительность; всё то, что существует; окружающий нас мир, мир сам по себе; весь материальный мир, существующий независимо от человеческого сознания и первичный по отношению к нему [10]. Субъективная реальность – данное в ощущениях отражение объективной реальности в сознании человека [10]. И в этом смысле, у каждого человека складывается своё представление о мире, о реальности.

Язык является средством познания окружающего мира, формирования представлений и идеалов и средством сохранения информации, что определяет дальнейшую возможность обмена опытом как в синхронном, так и в диахронном планах. Как замечал Э. Бенвенист, язык – «орудие упорядочения окружающей действительности и обществ», он «накладывается на мир, рассматриваемый как «реальный», и отражает реальный мир» [2, с. 76].

Таким образом, языковая картина мира позволяет описать образ мира говорящего человека, его сознание, референтные группы и возникающие социумы. В Интернете ресурсы языка приобретают особую значимость, симулируя в том числе и визуальные контакты. «Языком как средством общения активно и ежеми-

нотно пользуется общество, для которого именно язык становится определяющей силой консолидации и национально-культурной независимости» [11, с. 33]. Язык и общество развиваются и активно взаимодействуют, дополняя друг друга новыми тенденциями. «Возникнув как историческая необходимость, язык призван отвечать тем требованиям, которые предъявляет к нему общество, он отражает состояние общества и активно способствует его прогрессу» [5, с. 59].

Виртуальная реальность всегда порождена некоторой исходной (константной) реальностью; виртуальная реальность относится к реальности константной как самостоятельная и автономная реальность, существуя лишь во временных рамках процесса ее порождения [12].

Само слово «виртуальный» все шире и активнее используется в различных дискурсах – философском, научном, политическом, быденном.

Амбивалентный буквальный смысл лексемы *виртуальный* понимается как действие, которое заменяет или дублирует собой опыт действительности; действие, являющееся «нереальным», «неактуальным», существует «как бы»; однако буквально виртуальный означает «фактический», «действительный», происходящий на самом деле [10].

Н. А. Носов считает, что ключ к пониманию категории *виртуальность* следует искать у представителей средневековой схоластики, а «растиражированное массовой культурой выражение «виртуальная реальность» лишь затрудняет «плавное вхождение» виртуальности в нашу культуру» [9, с. 83–84.] Бесспорно, использование философского наследия для анализа этого феномена позволяет более полно и глубоко раскрыть его смысл, что в отношении такого семантически богатого понятия, как «виртуальность», будет вполне уместным. Но при этом не следует уменьшать значение новейших электронных технологий, ведь именно они послужили тем толчком, который инициировал процессы, в результате которых и началась та экспансия «виртуальной реальности», которая наблюдается в сегодняшнем обществе постмодерна.

Виртуальная реальность – один из видов символических реальностей, который создается на основе компьютерной и некомпьютерной техники, «реализует принципы обратной связи, посредством дискурсивной практики позволяет человеку достаточно эффективно действовать в мире виртуальной реальности. Это реальность дискурсивная, жизненная, средовая» [7, с. 220].

Виртуальная реальность является симулякрот внешней действительности. Понятие *симулякра* («видимости», «подобия») – древнее, в европейской философии оно существовало начиная с античности, было включено в теологическую схему репрезентации, сформулированную Платоном: имеется идеальная модель-оригинал (эйдос), по отношению к которой возможны верные или неверные подражания. Верные подражания-копии характеризуются своим сходством (с моделью), а неверные подражания-симулякры – своим отличием (от модели и друг от друга), но общим для тех и других является соотносительность, позитивная или негативная, с трансцендентальным образцом [3, с. 5].

Придя к выводу, что творчество является либо божественным, творящим природные предметы и их отображения, либо человеческим, творящим искусственные предметы и их отображения (человек, создавая предметы, симулирует деятельность бога), Платон применительно к софистике обращает внимание на создание отображений искусственных предметов, т. е. подражание (симулируются предметы, созданные человеком). Он отмечал, что человеческое подражание бывает также двух видов – творящее образы, соответствующие предметам, и творящее призраки, им не соответствующие [4, с. 16]. Характерно, что, пытаясь исключить из реальности искажающие ее фантазмы-симулякры, Платон первым поставил вопрос о том,

что в структуре бытия присутствуют объекты, которые в конце XX века мы назвали бы виртуальными. При этом именно им было отмечено то, что симуляция представляет собой бесконечный процесс, подобный «саду расходящихся тропок», где каждый порожденный симулякр является конституирующим для серии других.

В своем труде «Символический обмен и смерть» Ж. Бодрийяр предлагает историческую схему «трех порядков» симулякров, сменяющих друг друга в новоевропейской цивилизации от Возрождения до наших дней: «подделка – производство – симуляция». Симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка – на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка – на основе структурного закона ценности. Ж. Бодрийяр показал, что точность и совершенство технического воспроизводства объекта, его знаковая репрезентация конструируют иной объект – *симулякр*, в котором реальности больше, чем в собственно «реальном», который избыточен в своей детальности [3, с. 8]. Симулякры как компоненты виртуальной реальности, по мнению Ж. Бодрийяра, слишком видимы, слишком правдивы, слишком близки и доступны.

Если *подделка* делает предмет похожим на другой, который обладает ценностью (например, подделка картины великого художника или имитация дорогих материалов в дешевой бижутерии), *производство* тиражирует ценные объекты (например, серийное репродуцирование картины), то *симуляция* заменяет реальные процессы и абстрактные сущности на их знаки, под которыми уже нет исходного значения (например, симуляция болезни, симуляция действия, симуляция понятия). Если подделанные и даже растиражированные объекты еще содержат в себе свои оригиналы, которые при определенных трудозатратах могут быть реконструированы, то симулякры окончательно теряют свои связи с прообразами и реконструкции не поддаются.

Полагаем, что тенденции развития информационно-коммуникативного общества позволяют дополнить преемственность симулякров еще одним компонентом – *симулятивной коммуникацией*. В этом случае схема этапов развития симулякров будет выглядеть следующим образом: «подделка – производство – симуляция – симулятивная коммуникация».

Ж. Делез пишет о том, что «наблюдатель становится частью самого симулякра, а его точка зрения трансформирует и деформирует последний». Например, Интернет, где коммуникации не имеют временных и пространственных координат. Посетителю страницы не известно, где он фактически находится, на родном сервере, сервере провайдера или в памяти собственного компьютера, с кем, где и когда он на самом деле вступает в коммуникацию.

«Симулятивная коммуникация обладает еще одним важным свойством – она преобразует симулякры нижних порядков, разрозненные и фрагментарные, в систему, связанную определенным кодом. Код порождался еще симулякрами третьего порядка, однако в соответствии с представлениями семиотики и структурной лингвистики он выполняет роль фиксатора (фотографа) времени. Симулякр-коммуникация, напротив, осуществляется во времени и с его помощью» [6].

Понятие *симулякра* вошло в современную лингвистику как лингвофилософская категория, описывающая идеологию постмодерна и используемая в изучении виртуального пространства. Новейший философский словарь дает следующее определение данному понятию: *симулякр* (фр. simulacres, от simulation – симуляция) – термин философии постмодернизма для обозначения непонятного средства фиксации переживаемого состояния [8].

Осознание роли виртуальной симулятивной реальности в жизни человека началось с полномасштабного внедрения электронных технологий. Именно информационное общество в полной мере способствовало утверждению виртуальной реаль-

ности в качестве общественно значимого феномена, причем значимого до такой степени, что появляются такие эпитеты, как «виртуальная цивилизация».

Социальный теоретик М. Постер, сопоставляя феномен виртуальной реальности с эффектом «реального времени» в сфере современных телекоммуникаций (чаты, блоги, игры, телеконференции и т. п.), отмечает, что происходит проблематизация реальности, ставится под сомнение обоснованность, эксклюзивность и конвенциональная очевидность «обычного» времени, пространства и идентичности. М. Постер фиксирует конституирование симуляционной культуры с присущей для нее множественностью реальностей. Информационные супермагистралы и виртуальные реальности еще не стали общекультурными практиками, но обладают гигантским потенциалом для порождения иных культурных идентичностей и моделей субъективности – вплоть для сотворения постмодерного субъекта. В отличие от автономного и рационального субъекта модерна, этот субъект нестабилен, популятивен и диффузен. Он порождается и существует только в интерактивной среде. В постмодерной модели субъективности такие различия, как «отправитель – реципиент», «производитель – потребитель», «управляющий – управляемый» теряют свою актуальность [13].

Виртуализация общества обратила на себя внимание многих ученых из разных областей науки. Такие понятия, как *виртуальная корпорация*, *виртуальные деньги*, *виртуальная демократия*, *виртуальное обучение*, *виртуальная игрушка*, *виртуальная студия*, *виртуальное общение* вошли в языковое сознание пользователей Интернета. Так, посетители чатов стремятся максимально стереть границы между виртуальной и реальной жизнью, используя устоявшиеся чат-нормы в повседневной жизни. Возникает проблема утраты реальности, которая формулируется как «гибель реального» или «царство симулякров».

«Реальность не просто отчуждается, овеществляется или обесмысливается – она исчезает, а вместе с ней исчезает и общий субстрат человеческого опыта, заменяясь множеством знаково произвольных и относительных картин мира. Каждая раса, культура, пол, возраст, местность, индивид создают свою «реальность». Отчуждение реальности от человека и, далее, исчезновение самой реальности – ступени одного поступательного процесса, в котором сумма всей информации, выработанной человечеством, делается все менее доступна отдельному индивиду» [14, с. 89].

Интернет с его виртуальной жизнью как нельзя лучше соответствует этим представлениям. Интернет называют «миром, управляемым мышами, ошибками, возможностями» [1]. С этой точки зрения, философией Интернета может быть только постмодернизм, подчеркивающий разнообразие индивидуальных и социальных форм. Интернет действительно становится не только сетью компьютеров, но и сообществом людей, что заставляет говорить о нем как о социальной виртуальной реальности, некоем «пятом измерении», где общение происходит опосредованно, через компьютер. В Интернете группы лиц находятся в состоянии взаимозависимости друг от друга, так как успешность их индивидуальных задач зависит от координированных согласованных усилий в использовании интернет-технологий. Новые условия функционирования диктуют и новые правила социального поведения, по мнению Г. Н. Трофимовой [11, с. 41].

В виртуальном пространстве личность надевает маску, которая облегчает процесс коммуникации, и симулирует действительность, строит свой виртуальный субъективный мир. Виртуальная среда дает уникальные возможности для самовыражения, например, в таких формах общения в Интернете, как чаты, форумы, электронная почта, телеконференции и т. д. В связи с новыми условиями существования личности в Сети возникла необходимость в выработке свода правил поведения в Интернете, подобно правилам поведения в реальном обществе. В Интернет-

коммуникации, особенно в чатах, все равны и независимы. Вежливость, по мнению Г. Н. Трофимовой, уступает место дружескому панибратству, что также проявляется в речевом поведении [11, с. 41].

Главным новшеством виртуальной реальности является изменение условий для взаимодействия людей на языковом уровне. «Порожденное внешней реальностью, интернет-пространство может существовать только при условии активной человеческой деятельности по его созданию и развитию. Оно само по себе является ничем иным, как реальным, живым, человеческим мышлением, воплощенным в виде текста в его новом облике, совмещающем в себе не только словесное высказывание, но и цвет, звук, графику и анимацию» [11, с. 42–43]. Таким образом, благодаря активной деятельности человека в интернет-пространстве создается копия, симулякр реальной действительности, копии социальных групп.

Л. Ф. Компанцева замечает, что «в интернет-коммуникации наблюдается межкультурная трансляция – из реального мира в виртуальный и наоборот – образов сознания, дискурсивных практик, когнитивных, прагматических, эмотивных и аксиологических установок» [7, с. 85].

Человек информационного общества все в большей степени контактирует с симулякрами, порядок которых меняется в направлении потери вещественности и все большего обобщения в сторону симуляции самой по себе коммуникации.

Такая личность все в меньшей степени оказывается способной к реконструкции значений, так как знаки чаще оказываются симулякрами. Вот почему она скорее откажется от самой идеи реконструкции, чем попытается выяснить, что существует, а что ему показывают под видом реальности. Происходит нивелирование понятия и значения смысла и автоматическое принятие навязываемых симулятивных кодов. Ясно, что последствия – психологические и, в целом, культурологические – этих процессов далеко не позитивны.

Вместе с тем та же личность, как бы противостоя личностному уничтожению, развивает способности к сотворению собственных симулякров, эволюционирующих в том же направлении, как и те, что создаются во внешней социокультурной среде. Эти «авторские» симулякры наделяются смыслами частной человеческой жизни и уже этим заявляют о своем существовании в глобальных коммуникативных пространствах.

Примером симулякра могут послужить игры семейства *JavaMud*, основанные на подключении библиотек и использовании в качестве сюжетной основы построения виртуальных миров текстов художественных произведений жанра *fantasy*, что усложнило коммуникативно-прагматические связи интертекстуальностью и созданием симулякров. Например, один из таких миров (<http://discworld.imaginary.com/>) основан на книге «Мир-диск» Т. Прагчета, классика комического жанра фэнтези. Такого рода игры позволяют игрокам задавать программу коммуникативной ситуации и виртуального мира: воспроизводить новые типы коммуникации, изменять пространство и время игры.

Отношение индивидуальной симулятивной реальности и системы симулятивных реальностей цивилизации, вероятно, и является главной антропологической проблемой современности. Человек проник во многие области познания реальности, ему известны физические законы, он осваивает полёты в космос, куда можно двигаться человеческой мысли – познавать и осваивать информационное пространство, которое не ограничено территориями и не изведано. Виртуальная реальность – симулякр, иллюзия, всюду проникающая и изменяющая отношение человека к реальности. При этом ценность реальной жизни для очень многих постоянных пользователей снижается до пограничной отметки, когда возвращаться к обыденной жизни становится все труднее и труднее с каждым днем.

Библиографические ссылки

1. **Абрахам Ф.** Теория хаоса и Интернет в эпоху постмодерна / Ф. Абрахам. – Режим доступа : <http://offline.computerra.ru>.
2. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 386 с.
3. **Бодрийяр Жан.** Символический обмен и смерть / Жан Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
4. **Делез Ж.** Платон и симулякр / Ж. Делез // Интенциональность и текстуальность. – Томск : Водолей, 1998. – 278 с.
5. **Исаев М. И.** Языковое строительство как один из важнейших экстралингвистических факторов развития языка. Язык и общество / М. И. Исаев. – М. : Наука, 1968. – 289 с.
6. **Калмыков А.** Симулятивная коммуникация – феномен информационного общества / А. Калмыков. – Режим доступа : <http://www.bestreferat.ru>.
7. **Компанцева Л. Ф.** Интернет-лингвистика когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы : монография / Л. Ф. Компанцева. – Луганск : Знание, 2008. – 528 с.
8. **Новейший философский словарь.** – Режим доступа: <http://www.slovopedia.com>.
9. **Носов Н. А.** Фома Аквинский и категория виртуальности / Н. А. Носов // Виртуальная реальность : философские и психологические аспекты. – М. : Прогресс, 1997. – С. 83–84.
10. **Современный философский словарь.** – Лондон – Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Мн. : Панпринт, 1998. – 784 с.
11. **Трофимова Г. Н.** Языковой вкус интернет-эпохи в России : Функционирование русского языка в Интернете : концептуально-сущностные доминанты / Г. Н. Трофимова. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 340 с.
12. **История философии** : энциклопедия. – Режим доступа : <http://slovari.yandex.ru>
13. **Эпштейн М.** Знак пробела : О будущем гуманитарных наук / М. Эпштейн. – М. : Новое лит. обозрение, 2004. – 616 с.

Надійшла до редколегії 10.01.10

УДК 811.161.1'38

А. А. Андрухович

Национальная академия Службы безопасности Украины (г. Киев)

О ВИРТУАЛИЗАЦИИ И МАНИПУЛЯЦИИ

Присвячена питанням когнітивно-прагматичних закономірностей між процесом віртуалізації особистості та суспільства, можливостям маніпулятивного впливу на адресата в дискурсивному інтернет-середовищі. Автор визначає передумови виникнення феномена віртуальної особистості, на основі дискурс-аналізу ряду повідомлень німецьких інтернет-видань показує їх маніпулятивний потенціал. Інтернет як сучасний і найсильніший засіб масової комунікації, інформації й пропаганди виступає посередником у впливі на підсвідомість і маніпуляціях мовною свідомістю віртуального співтовариства. Сама організація інтернет-дискурсу має сугестивний потенціал, що продемонстровано на прикладах лексичного наповнення повідомлень новин.

Ключові слова: віртуалізація особистості, віртуальне співтовариство, маніпуляції, мовна свідомість, інтернет-дискурс, сугестивний потенціал.

Посвящена вопросам когнитивно-прагматических закономерностей между процессом виртуализации личности и общества, возможностям манипулятивного воздействия на адресата в дискурсивной интернет-среде. Автор определяет предпосылки возникновения феномена виртуальной личности, на основе дискурс-анализа ряда сообщений немецких интернет-изданий показывает их манипулятивный потенциал. Интернет как современное и самое мощное из средств массовой коммуникации, информации и пропаганды выступает посредником в воздействии на подсознание и манипуляциях языковым сознанием виртуального сообщества. Сама организа-

ция интернет-дискурса обладает суггестивным потенциалом, что продемонстрировано на примерах лексического наполнения новостных сообщений.

Ключевые слова: виртуализация личности, виртуальное сообщество, манипуляции, языковое сознание, интернет-дискурс, суггестивный потенциал.

The article deals with the problems of cognitive and pragmatic regularities in the process of the virtualization of a personality and society, resources of manipulative influence on the addressee in the discursive Internet environment. The author determines the prerequisites for the emergence of the phenomenon of the virtual personality, using the discourse analysis of some articles from the German language Internet media the author shows their manipulative potential. The Internet as a modern and the most influential one from the mass media is the mediator in the impact on the subconsciousness and in the manipulation with the linguistic consciousness of the virtual community. The organization of the Internet discourse itself has a suggestive potential, which is exemplified with the lexical field of the news reports.

Key words: virtualization of a personality, virtual community, manipulation, linguistic consciousness, Internet discourse, suggestive potential.

Постановка проблемы. Информационно-коммуникативное общество формируется в противоречии трендов: развитие современных технологий не только предоставляет невиданные ранее возможности обмена информацией, но и создает прагматическую ситуацию глобального манипулирования. Традиционные СМИ уступают место СМК (средствам массовой коммуникации), среди которых все большее влияние на человека и сообщество в целом оказывает сетевая коммуникация.

Актуальность исследования. Вхождение Всемирной сети в обыденную жизнь, неограниченный доступ к различного рода информации, трансформация, виртуализация общества предполагают возникновение новых типов коммуникации, представляющих интерес для анализа и лингвокультурологических исследований.

Цель статьи: установить когнитивно-прагматические закономерности между процессом виртуализации личности и общества и возможностями манипулятивного воздействия на адресата в дискурсивной интернет-среде.

Задачи статьи: 1) определить предпосылки возникновения феномена виртуальной личности, 2) исследовать манипулятивные возможности интернет-коммуникации, 3) на основе дискурс-анализа ряда сообщений немецких интернет-изданий выявить их манипулятивный потенциал.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблема дискурсивного подхода к изучению языка затрагивает многие сферы современного научного знания: лингвокультурологию, психолингвистику, социолингвистику и т. д. Единого подхода к определению терминологического статуса дискурса не существует, поэтому многие отрасли науки трактуют это понятие по-разному. В современном языкознании вопросам дискурс-анализа, виртуализации личности, интернет-коммуникации и информационно-психологического воздействия на массовое сознание посвящены работы, находящиеся в междисциплинарной научной парадигме: психолингвистике (Е. И. Горошко, А. В. Кирилина, Д. В. Иванов), лингвокультурологии (В. И. Карасик, Л. Ф. Компанцева, О. В. Лутовинова), социолингвистике (С. А. Зелинский, В. Г. Крысько).

Изложение основного материала. XX век принёс обществу радио, телевидение, Интернет, расширив тем самым возможности доступа к информации, успешно конкурируя с печатными изданиями, разнообразя пути и методы психологического воздействия на языковое сознание сообщества. Век XXI успешно использует все доступные СМИ, исследуя старые манипулятивные методики, внедряя и совершенствуя новые. Языковая личность в настоящее время находится в центре глобальных интересов как исследователей, так и манипуляторов. «Поведенческие характеристики языковой личности – это совокупность вербальных и невербальных индексов, определяющих языковую личность как индивидуума или как тип. В самом широком плане, говоря о человеке в аспекте его коммуникативного поведения,

мы имеем в виду прагматингвистические параметры языковой личности, т. е. рассматриваем общение как деятельность, имеющую мотивы, цели, стратегии и способы их реализации» [4, с. 45].

Получение информации, расширение границ картины мира, возможность коммуникации, дискурсивность современного мира – вот факторы, породившие возникновение нового варианта языковой личности, виртуальной личности. «Социально-психологических причин обращенности современных людей к Сети может быть много, но основных три: неудовлетворенность миром и моделью его описания, желание самоидентифицироваться, ответить на вопрос «Кто Я?», стремление к коммуникации.

Нам кажется, эти изменения связаны с процессом глобализации современного общества, мобильностью и креативностью современного мира, активной обращенностью общества к гендерным проблемам, изменением социально-политических приоритетов» [6, с. 100].

Д. В. Иванов пишет, что «концепция виртуализации общества уже в ее первоначальной формулировке основывалась на критическом подходе, то есть на рефлексии социально-исторической обусловленности, а значит, и ограниченности классических моделей трансформации общества, и на целостном описании эмпирически фиксируемых тенденций, которые невозможно свести лишь к компьютеризации нашей жизни или ее прямым следствиям. Объяснение новых тенденций строится, исходя из анализа стремлений-ценностей, из представления об обществе не как о системе институтов, но как о процессе реализации ценностей, процессе, историческими моментами которого являются формирование и упадок социальных институтов как реальности *suī generis*» [3, с. 18]. Желание уйти от реальности обыденной жизни, абстрагироваться от проблем, возникающих в обществе глобализации и кризисов, побуждает к погружению в виртуальный мир. «Вместе с тем в странах с развитой компьютеризацией, в основном, среди молодого поколения появляется все больше людей, для которых обычная реальность кажется серой, неинтересной и абсолютно непривлекательной, но, к сожалению, необходимой для поддержания жизни. Виртуальное пространство, напротив, представляет для них целый мир, в котором и находятся все их основные цели, ценности и интересы» [8].

Интернет предоставляет личности ряд «свобод» – самоидентификации, высказываний, выбора времени и места для коммуникации, самопрезентации. Виртуальная личность – отличительная черта эпохи постмодерна, «имитационный образ», который, чтобы быть психологически продуктивным, «не должен составлять функциональную альтернативу самой личности» [5, с. 270]. Поскольку постмодерн рождает прецессию симулякров, «сущность человека отчуждается уже не в социальную, а в виртуальную реальность. Речь в данном случае идет отнюдь не только о так называемых киберпанках – людях, для которых смыслом жизни стало погружение в миры компьютерных симуляций и «бродяжничество» по сети Internet, хотя именно киберпространство – базовая для предлагаемой концепции метафора. В любого рода виртуальной реальности человек имеет дело не с вещью (располагаемым), а с симуляцией (изображаемым). Человек эпохи модерна, застающий себя в социальной реальности, воспринимает ее всерьез, как естественную данность, в которой приходится жить. Человек эпохи постмодерна, погруженный в виртуальную реальность, увлеченно «живет» в ней, сознавая ее условность, управляемость ее параметров и возможность выхода из нее. Перспектива того, что отношения между людьми примут форму отношений между образами, и есть перспектива виртуализации общества. В этой перспективе появляется возможность трактовать общественные изменения, различая старый и новый типы социальной организации с помощью дихотомии «реальное / виртуальное»» [3, с. 19–20].

Постмодернизм использует принцип децентрации для отхода от эпистемологии модерна. «Постмодернизм подвергает критике центрированность как основной принцип европейской культуры Нового времени, рационального мышления модерна, которое отвергается как метафизическое. Децентрация субъекта как ядра, центра, вокруг которого строилось познание, культура, общественная жизнь, деконструкция всякого текста, выявляющая незакрепленность знаков, релятивизируют любой текст, любое понятие. На этом основании постмодернисты доказывают невозможность существования целостной, универсальной системы знания – оно может быть лишь фрагментом множества локальных культурных контекстов, которые делают его возможным и задают ему смысл. Поэтому никакое знание не может быть оценено вне контекста культуры, традиции и языка. Именно с этим тезисом связана постмодернистская критика всей предыдущей культуры, образа мышления как метафизического и логоцентрического, его «методологическое сомнение» по отношению к рационально обоснованным универсальным ценностям, истинам и убеждениям, к самым рациональным формам познания, его отказ от основных понятий эпистемологии модерна, таких как истина, причинность и т. п.» [10].

Изменения в обществе, его жизнь и приоритеты отражаются в языке. Виртуализация личности позволяет говорить о возникновении новых разновидностей дискурсов, среди которых значимая роль отводится интернет-дискурсу, сетевому, виртуальному и компьютерному дискурсам. Уже само разграничение близких, на первый взгляд, понятий, свидетельствует об установлении новой лингвистической парадигмы «дискурс». «“Сетевой дискурс” трактуется шире, чем “интернет-дискурс”, поскольку представляет собой текст, погруженный в ситуацию общения как в Интернете, так и других сетях, например, локальных. Кроме того, “интернет-дискурс” и “сетевой дискурс” входят в понятие компьютерного дискурса как частное в общее. Таким образом, рассмотренные виды дискурса в качестве отличительной особенности содержат указание на то или иное средство связи, которое обуславливает создаваемую коммуникативную среду. Виртуальный дискурс, являющийся объектом нашего исследования и представляющий собой текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности, в значительной степени отличается от вышеперечисленных видов, поскольку при его определении следует принимать во внимание не только текст в ситуации общения, отличающегося от непосредственного контакта специфическим каналом связи, но и учитывать характеристики, заложенные в понятие виртуальной реальности» [7, с. 27]. Виртуальный дискурс сравним с дискурсом в повседневном, реальном общении, но предоставляет куда более широкие возможности информационной и коммуникативной интеракции. «Таким образом, виртуальный дискурс симулирует идентичность привязанности и неоставленности, незаброшенности и «наполненности бытия», т. е. ничто иное, как фундаментальный культурно-экзистенциальный модус-дискурс человеческого существования» [1].

Обретая свободу и независимость в Сети, человек испытывает потребность находиться в виртуальном мире, соответственно, становится зависимым, а следовательно, и открытым для различного рода манипуляций. «Коммуникация – это информация, сообщение. Средства коммуникации – способы передачи сообщений на большие территории. Массовая коммуникация – означает вовлеченность в подобный процесс масс. И уже если объединить все подобное, окажется, что по силе своего воздействия на психическое сознание масс средства массовой коммуникации оказывают преобладающее значение. Они играют чуть ли не первостепенную роль именно в факторе задействования массовой аудитории, массового воздействия на психику. Причем многие упускают особенность воздействия информации на психику. Дело в том, что любая информация, даже если она не получила свой «отклик»

у сознания, откладывается в подсознание (в бессознательное психики), а позже оказывает свое воздействие на сознание» [2, с. 106]. Получая свободу общения, виртуальной идентичности, возможность укрыться за вымышленным именем, человек неосознанно приобретает новые знания, проникающие в подсознание или целенаправленно внедряемые туда при помощи четко продуманных манипулятивных моделей. Никем не контролируемая свобода виртуальной личности в Сети расслабляет, делает ее уязвимой, незащищенной от возможных манипуляций. Комбинация свободы – зависимости – подчиненности. Путем воздействия на интеллектуально-познавательную сферу оказывается влияние на мировосприятие индивида, что способно изменить картину мира не только отдельной личности, но и масс, нации в целом. Регуляторное воздействие на психику, подсознание оказывается при помощи обыденных, на первый взгляд, лексических единиц. С. Г. Тер-Минасова приводит пример, когда совершенно нейтрально-информативное выражение «Нет выхода» на некоторых людей оказывает депрессивное воздействие. «Мне рассказывала моя подруга: «Еду в метро, настроение ужасное, все в жизни сломалось. Поднимаю глаза – «Нет выхода». Иду дальше – опять «нет выхода». Захотелось утопиться – все равно выхода нет» [11, с. 239].

Подобная ситуация объясняется суггестивностью лексемы *выход*. Если в английском языке выражение *No exit* ('нет выхода') имеет нейтральную коннотацию (значение 'нет выхода из ситуации' передается другим выражением – *way out*), то в русском языковом сознании лексема *выход* запечатлена как многозначная и может оказывать суггестивное воздействие на носителей языка.

Следы манипуляций особо четко видны, когда речь идет о событиях в политической жизни страны. Например, рассмотрим последние новости в Германии. Президент страны Хорст Кёлер подает в отставку. Информация об этом событии объективно отражается в СМИ. В ходе проведенного нами дискурс-анализа сообщений по этой теме мы зафиксировали лексические единицы, оказывающие суггестивное воздействия на адресата:

– лексемы, содержащие сему 'сожаление': «Канцлер Німеччини Ангела Меркель, коментуючи рішення президента, зазначила, що *шкодує* про це. / Канцлер Германии Ангела Меркель, комментируя решение президента, отметила, что *сожалеет* об этом» [9]; «Mitglieder aus Regierung und Opposition *bedauerten* Köhlers Rücktritt. <...> Auf die Regierungsgeschäfte hat der Rücktritt *keine direkten Auswirkungen*. Für die CDU-FDP-Koalition kommt der Rückzug trotzdem *äußerst ungelegen*. <...> Köhlers Rücktritt ist auch eine *Niederlage für Kanzlerin Merkel und Vizekanzler Westerwelle*. / Члены правительства и оппозиции *сожалеют* об отставке Кёлера. <...> На правительственные дела уход *напрямую не повлияет*. Все же для коалиции ХДС-СДП отставка *крайне несвоевременна*» [16].

– лексемы со значением 'спад / ход вниз': «Der Rücktritt sei ein «Symbol für den *Niedergang von Schwarz-Gelb*», so SPD-Chef Sigmar Gabriel zur «Berliner Zeitung». / Отставка стала «символом *упадка черно-желтых*», как сказал глава СДПГ Зигмар Габриел газете «Берлинер Цайтунг»» [14].

– лексемы со значением 'проблемы и их сокрытие': «Horst Köhler hat der Koalition einen letzten *Dienst erwiesen*. Sein Rücktritt lässt *die wahren Probleme* der Koalition plötzlich *ganz klein* erscheinen. / Хорст Кёлер оказал коалиции последнюю *услугу*. На фоне его отставки *настоящие проблемы* коалиции кажутся совершенно *незаметными*» [15].

– лексемы со значением 'тайный/скрытый смысл': «Eine knappe Mehrheit der Deutschen hat Verständnis für den Rücktritt von Horst Köhler als Bundespräsident. <...> 43 Prozent der Bundesbürger haben dafür kein Verständnis».

Nur ein Drittel der Deutschen (32 Prozent) ist allerdings der Meinung, dass Horst Köhler mit Verweis auf die Kritik an seinen Äußerungen zu Auslandseinsätzen der Bundeswehr den Grund für den Rücktritt ehrlich benannt hat. 58 Prozent sind hingegen der Ansicht, dass Köhler *in Wahrheit andere Gründe für seinen Rücktritt hat.* / Незначительное большинство немцев соглашаются с отставкой Хорста Кёлера как президента. (...) 43 процента граждан федерации с ней не согласны.

Лишь треть немцев (32 процента), в общем, придерживаются мнения, что Хорст Кёлер, ссылаясь на критику своих высказываний относительно международного присутствия войск бундесвера, назвал истинную причину отставки. 58 процентов, напротив, считают, что *в действительности у Кёлера есть другие причины для его отставки* [12].

– лексемы со значением ‘измена’: «Verzweiflungstat», «kopflos», «Fahnenflucht»: Die Mehrheit der deutschen Zeitungen spart nicht mit Kritik am Rücktritt Horst Köhlers. / «Отчаянный поступок», «безрассудство», «дезертирство»: Большинство немецких газет не скупятся на критику относительно отставки Хорста Кёлера [13].

Анализ сообщений позволяет сделать вывод, что ставленник и единомышленник федерального канцлера Ангелы Меркель, крупный специалист в финансовой сфере, Хорст Кёлер, совершая беспрецедентный в истории Германии поступок, уходя в отставку с поста президента страны в момент кризиса, декларирует провал действующей власти и прогнозирует закат политической карьеры коалиции ХДС-СДП. Сообщения направлены на потребностно-мотивационную и эмоциональную сферу личности, масс, а в данном случае – граждан Германии накануне президентских выборов. Таким образом, на лексическом уровне интернет-издания оказывают суггестивное влияние на электорат, создают предпосылки для манипулирования общественным сознанием.

Выводы. Глобализация общества и социальные процессы приводят к тому, что человек испытывает потребность вхождения в виртуальный мир, новую реальность, предлагающую неограниченные возможности самоидентификации и самореализации личности. Интернет, как современное и самое мощное из средств массовой коммуникации, информации и пропаганды, выступает посредником в воздействии на подсознание и манипуляциях языковым сознанием виртуального общества. Сама организация интернет-дискурса обладает суггестивным потенциалом, что было продемонстрировано нами на примерах лексического наполнения новостных сообщений.

Библиографические ссылки

1. **Галкин Д.** Виртуальный дискурс в культуре постмодерна / Д. Галкин // Критика и семиотика : сб. науч. тр. – Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2000. – Вып. 1–2. – С. 26–34.
2. **Зелинский С. А.** Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды – как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс / С. А. Зелинский. – СПб. : Изд. дом «СКИФИЯ», 2008. – 280 с.
3. **Иванов Д. В.** Виртуализация общества / Д. В. Иванов. – СПб. : Петербург. Востоковедение, 2000. – 96 с.
4. **Карасик В. И.** Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
5. **Компанцева Л. Ф.** Гендерные основы Интернет-коммуникации в постсоветском пространстве : монография / Л. Ф. Компанцева. – Луганск : Знание, 2004. – 404 с.
6. **Компанцева Л. Ф.** Философия Сети Интернет: школа Бернарда Лонергана и славянский опыт : монография / Л. Ф. Компанцева. – Луганск : Знание, 2006. – 352 с.

7. **Лутовинова О. В.** Виртуальный дискурс как одно из направлений в исследовании киберпространства / О. В. Лутовинова // Вестник МГОУ. Сер. «Лингвистика». – 2009. – № 1. – М. : Изд-во МГОУ. – 212 с.
8. **Луценко Е. В.** Виртуализация общества как основной информационный аспект глобализации (основы информационно-функциональной теории развития техники и информационной теории стоимости). [Электрон. ресурс] / Е. В. Луценко. – Режим доступа : <http://ej.kubagro.ru/2005/01/02>.
9. **Неділько Н.** Президент ФРН Келер подав у відставку. Хто прийде замість нього? / Н. Неділько, Р. Гончаренко // Deutsche Welle. – 31.05.2010. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5635938,00.html>.
10. **Социальная теория постмодернизма: исходные постулаты.** [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : <http://www.chem.msu.su/rus/teaching/sociology/2.html>.
11. **Тер-Минасова С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
12. **ARD-Deutschland.** Die Mehrheit hat Verständnis für Köhler. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tagesschau.de/inland/koehlernachfolge112.html>.
13. **Deutschlandfunk.** Presseschau des Deutschlandfunks. "Fahnenflucht" und "Scherbenhaufen". [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tagesschau.de/inland/presseschaukoehler100.html>.
14. **Gaul Benjamin.** Führung in der Krise. Die Koalition muss den großen Wurf schaffen. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : <http://berlindirekt.zdf.de/ZDFde/inhalt/31/0,1872,8076895,00.html>.
15. **Leifert Stefan.** Bundespräsident, CDU. Köhlers Abschiedsgeschenk für Merkel. – 3.06.10. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : <http://blog.zdf.de/zdfdasblog/2010/06/koehlers-abschiedsgeschenk-fur.html#more>.
16. **Tagesthema.** Enttäuscht: Horst Köhler tritt zurück. / Dw-Tv Europa. – 31.05.10. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dw-world.de/dw/episode/0,,5573163,00.html>.

Надійшла до редколегії 09.06.10

УДК 811.161.1'373.23

И. Н. Апоненко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СТРУКТУРА НАИМЕНОВАНИЙ ПЕРСОНАЖЕЙ В «РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ» А. Н. АФАНАСЬЕВА

Розглянуто структурні типи найменувань персонажів із збірки О. М. Афанасьєва «Російські народні казки».

Ключові слова: антропонімія, структура іменування, власне ім'я, по батькові, прізвище.

Рассмотрены структурные типы наименований персонажей из сборника А. Н. Афанасьева «Русские народные сказки».

Ключевые слова: антропонимия, структура именованья, личное имя, отчество, фамилия.

In the article structural types from the collected stories by A. N. Afanasiev called «Russian Folk Tales» are considered.

Key words: antroponymy, structure of naming, proper name, patronymic, surname.

В русском языкознании довольно мало работ, посвященных рассмотрению имен сказочных персонажей в фольклорных текстах. Это исследования Н. С. Колесник, Т. Н. Кондратьевой, Т. И. Мальцевой, М. Н. Морозовой, М. И. Пи-лаш. Изучение же структурных типов именованний героев народных сказок позво-

ляет в известной мере восстановить структуру антропонимии, свойственную русскому народу в период создания сказок (XIV–XVIII вв. и даже ранее). **Целью** настоящей статьи является описание структуры наименований персонажей русских народных сказок.

Представителей социальной верхушки и уважаемых пожилых людей называли обычно по имени и отчеству, а выходцев из социальных низов – только по имени или имени и прозвищу. Фамилии как компонент официального имени обычно в это время отсутствуют, поэтому вполне закономерно, что они практически не отражены в сказках. Как отмечает М. Н. Морозова, автор статьи «Антропонимия русских народных сказок», «представленные в сказках компоненты двухчленных имен [состоящих из имени и прозвища], совпадающие структурно с современными фамилиями, можно отнести к прозвищам или прозваниям, которые предшествовали фамилиям и были их образующей базой» [3, с. 235].

В анализируемых сказках из сборника А. Н. Афанасьева формы именования героев имеют разную структуру: одночленную, двучленную и многочленную.

1. Одночленное именование состоит из:

1.1. Одно личного имени:

1.1.1. Неканонического: *Баран, Жучок, Козел, Несмеяна*.

1.1.2. Канонического: *Иван, Дмитрий, Федор, Тарас, Антон, Маша, Фетинья, Аксинья, Дуня, Анастасия* и др., например: «В некотором городе жил-был купец, у него было три сына: первый – *Федор*, другой – *Василий*, а третий – *Иван*» («Соль») [1, т. 2, № 242, с. 215]; «Был-жил старик со старухой: старика того звали *Абросимом*, а старуху *Фетиньей* ...» («Сказка про утку с золотыми яйцами») [1, т. 2, № 196, с. 53].

1.1.3. Заимствованного из других языков: *Булат* (с тюркского), *Дуаза, Сиаса, Лаота* (исходя из содержания сказки, эти имена китайского происхождения), например: «Поскакал *Булат-молодец* назад и повстречал на дороге погоню...» («Кощей Бессмертный») [1, т. 1, № 158, с. 296].

1.1.4. Заимствованного из художественной литературы: *Додон, Бова*.

1.2. Прозвища-фамилии:

Всего лишь в одной сказке сборника А. Н. Афанасьева «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» встречается персонаж с наименованием *Тарабанов*: «Пошел отставной солдат *Тарабанов* странствовать ...» [1, т. 2, № 214, с. 120].

Скорее всего, данная сказка зафиксировала тот период истории, когда люди именовались не только по имени, а уже и по фамилии. Можно считать, что эта сказка была создана не ранее, чем в конце XIV века, когда уже начался процесс формирования фамилий. Термин «фамилия» не старше Петровской эпохи, а формообразующие суффиксы *-ов-*, *-ин-*, оформленные в патронимические именные типа *Найдин, Киселев, Попов*, известны и в XIV в., но тогда это были семейные прозвища, в отличие от прозвищ индивидуальных [8, с. 62].

Как отмечает Ю. Федосюк, объясняя фамилию *Тарабанов*, во многих русских говорах и в украинском языке *тарабан* обозначает *барабан*, очевидно, это прозвище шумного, громогласного человека, или, может быть, того, кто «играет» на барабане [7, с. 179].

1.3. Отчества:

В тексте бытовой сказки «Шут» встречается лишь одно отчество – *Пафнутьевна*: «Ладно, – бае поп, – ступай к попадье, скажешь, что меня, мол, нашел поп. А я покамест съезжу в деревню, окрещу ребенка, вишь *Пафнутьевна* родила» [1, т. 3, № 399, с. 123].

Практически полное отсутствие фамилий и отчеств позволяет говорить о времени создания сказок, которые отражают в известной мере структуру антропологии, свойственную русскому народу в период XIV–XVIII вв. и даже ранее.

Однако в русских народных сказках преобладают именованія двучленной (или двухкомпонентной) структуры.

2. Двучленные именованія состоят:

2.1. Из имени и прозвища: *Иванко Медведко, Никита Колтома, Тимофей Колтома, Марко Бегун, Марко Богатый, Елена Прекрасная, Василиса Премудрая*.

Данные именованія не только выделяют персонаж, но и подчеркивают какие-либо его признаки, заложенные в приложениях, которые имеют определенное значение для характеристики образа.

«Вот однажды пробежал по этому полю *Марко Бегун*, увидел Ивана Голого, побратался с ним, посадил его на себя и пустился в дремучий темный лес» («Бедный и слепой богатыри») [1, т. 2, № 200, с. 71]; «Поскакали гонцы, начали всюду разыскивать и нашли брата *Никиты – Тимофея Колтому*» («Бедный и слепой богатыри») [1, т. 2, № 199, с. 69]. Персонаж этой сказки *Тимофей Колтома* получает такое прозвище потому, что у него отрублены ноги, следовательно, он не может ходить нормально, а только *колтать, хромать* [6, т. 2, с. 297].

Христианские имена, которые вошли в состав фольклорного именника, были самыми употребительными именами церковного календаря. Появление же отапливающих номинаций персонажа непосредственно связано с их семантикой, которая, в свою очередь, подтверждается в тексте сказок. Например, *Прекрасная* – «такая красавица ...»; *Премудрая* – «хитрей и умней своего отца народилась». Об этом пишет и О. О. Порпулит: «в имени-прозвище персонажа отражается основная семантическая черта, которая обозначает его функциональное поле действительности» [4, с. 177]. В фольклоре релевантными структурами для женских персонажей являются такие: внешняя привлекательность (*Анастасия Прекрасная*) и умственные способности (*Марья Премудрая*) [4, с. 177].

В. К. Чичагов считает, что в XVI–XVII вв. в русском языке различалось два вида имен: имена в собственном смысле и имена-прозвища [8, с. 19]. К последним можем отнести прозвища *Царенко, Поваренко, Сученко*, которые даны героям сказки по обстоятельству их рождения: «Вот поймали леща золотоперого, отдали в кухню изжарить; *повариха* вычистила, вымыла леща, кишки *собаке* бросила, помой отдала трем кобылам выпить, сама обглодала косточки, а рыбу *царица* скушала. Вот разом родили: царица сына, и повариха сына, и собака сына, а три кобылы ожеребились тремя жеребятами. Царь дал им всем имена: *Царенко Иван, Поваренко Иван и Сученко Иван*» («Иван Сученко и Белый Полянин») [1, т. 1, № 139, с. 236]. В самом тексте сказки имена не разграничиваются, однако вторые компоненты именованія представляют собой матронимические формы, т. е. это типичные прозвища, но оформленные в виде фамилий.

2.2. Из имени и фамилии:

В России сначала слово «фамилия» употреблялось в значении «семья». В XVII в. еще бытовало слово «прозвище», оно-то и обозначало, называло фамилию в современном понимании [8, с. 131].

Можно выделить всего несколько персонажей сказок, которые «имели фамилию»: «В некотором царстве-государстве жил-был мужик *Фома Беренников*» («Фома Беренников») [1, т. 3, № 432, с. 162]; «Не через долго времени к тому же месту приехал *Федор Лыжников...*» («Иван-дурак») [1, т. 3, № 430, с. 158]. Однако эти герои встречаются только в бытовых сказках, которые были созданы гораздо позже волшебных, следовательно, отразили уже сформировавшуюся систему именованія.

2.3. Из имени и отчества:

2.3.1. Собственно русского имени и канонического отчества: «В некотором царстве, в некотором государстве был-жил царь, по имени *Выслав Андронович*» («Сказка об Иване-царевиче, жар-птице...») [1, т. 1, № 168, с. 331]; «Иван-царевич и говорит: “Я поехал добывать живую воду, сладкие моложавые яблоки – туда, где живет *Белая Лебедь Захарьевна*”» («Сказка о молодце-удальце») [1, т. 1, № 174, с. 359].

Данные примеры отражают один из способов христианизации сказочного ономастического пространства – соединение некалендарного славянского имени и календарного отчества: *Выслав Андронович, Белая Лебедь Захарьевна*.

Использование в роли отчества календарного имени свидетельствует о том, что христианские антропонимы выступают не только во всем своем основном богатстве, а практически во всем своем словообразовательном разнообразии как полностью адаптированные личные названия. Антропоним *Захар* в наименовании героини *Лебедь Захарьевна* был выбран потому, что в период 1780–1890 годов он входил в десятку популярных канонических имен, которые употреблялись сельскими жителями России [4, с. 178]. Данная сказка датируется нами приблизительно XV в., т. к. наименования, начиная с XV в., по мнению В. К. Чичагова, уже имели сложившуюся структуру (каноническое имя и неканоническое отчество).

2.3.2. Канонического имени и неканонического отчества, например: «Собрался в дорогу, шел-шел и видит – лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич: «...кто побил это войско великое?» Отозвался ему жив человек: «Все это войско великое побила *Марья Моревна*, прекрасная королевна» («Марья Моревна») [1, т. 1, № 159, с. 301].

По мнению О. О. Порпулит, древним славянам известно имя *Моревна*, которое может трактоваться как древний славянский антропоним, корнями уходящий в языческую мифологию [4, с. 177]. Е. С. Отин считает, что *Моревна* – это типичный старорусский патроним, а не древнеславянское женское личное имя. Словарь С. Б. Веселовского свидетельствует о наличии в памятниках XIV–XV вв. мужского личного имени и прозвища *Море* и полуотчества *Морин*: посол в Царьград (1443 г.) *Полукт Васильевич Море Глебов-Сорокоумов* (от него пошли его потомки – *Моревы*) и землевладелец *Яков Морев* (1498 г.) [2]. На выбор этого отчества мог повлиять и фоноэстетический фактор – звуковая переключка с именем *Марья* – *Марья Моревна*, особенно заметная при акающем произношении, создающем фонетическую анафору.

Следует отметить, что такая модель в сказках А. Н. Афанасьева представлена только в именовании женских образов.

2.3.3. Канонического имени и канонического отчества, например: «Горшеня едет-дремлет с горшками. Догнал его государь *Иван Васильевич*» («Горшеня») [1, т. 3, № 325, с. 15].

2.3.4. Еще одной особенностью структуры именованья персонажей русских народных сказок является повтор корневой основы (т. е. своего рода структура «имя + отчество»), что характерно только для мужских имен: *Бухтан Бухтанович, Бел Белянин, Гагатея Гагатеевич, Липан Липанович, Плетухан Плетуханович*. При этом еще раз подчеркиваем, что в данной модели повторяется или дохристианское имя (*Бел¹ Белянин*), или вымышленное, созданное на основе каких-либо народных ассоциаций или звукоподражания.

«А что, служивый, – спрашивает старуха, не бывал ли ты в городе Горшанске, не знал ли там *Гагатея Гагатеевича*?» – «Как не знать! Только тепер его там нету; *Гагатея Гагатеевич* вышел оттуда в город Кошелянск, в село Заплечан-

¹ Бел – др.-рус. – белый [5, с. 63].

ское, а наместо его в город Горшанск приехал *Плетухан Плетуханович*, сын Ковырялкин» («Солдатская загадка») [1, т. 3, № 394, с. 116].

Имена, личные и прозвищные, представляют собой главный и первый состав русских именованных XV–XVII вв. Вторым составом этих наименований были отчества, или слова, указывающие на отношение лица, названного до этого по имени, к известному отцу. На местонахождение отчества в составе наименования, как отмечает В. К. Чичагов, указывало и слово «сын» [8, с. 40]. Прозвищные отчества возникали как и христианские отчества и являлись притяжательными прилагательными, образованными, главным образом, с помощью суффиксов *-ов*, *-ин*. При этом отчества стояли и в Им. п., и в Род. п., например: *Клок Семенов сын Лупандин*, *Борис Иванов сын Перепечин* (1577 г.) и *Иван Перепеча Мартемьянов сын Посульщикова* (1526 г.) [8, с. 55].

2.4. Из имени с приложением, что является наиболее типичной структурой для двухкомпонентных именованных.

«Бывали-живали царь да царица; у царя, у царицы был один сын, *Иван-царевич*» («Притворная болезнь») [1, т. 2, № 207, с. 92]; «Не в каком царстве, не в каком государстве был-жил царь с царицею, и была у них дочь *Марья-царевна*» («Буренушка») [1, т. 1, № 101, с. 122].

Приложение является единичным определением, выраженным именем существительным, стоящим в том же падеже, что и определяемое слово (*царевич (-на)*, *стрелец*), но может быть и распространенным и выступать в виде атрибутивного словосочетания «прилагательное + существительное» (например: *Мартын Вдовин сын*, *Ирина мягкая перина*, *Василиса золотая коса*), или в виде сложного словосочетания (существительное + прилагательное + существительное), выступающих единым атрибутом к стержневому слову (*Катома-дядька дубовая шапка*). Приложения содержат или сжато передают самую разную информацию о персонаже (ведь семантика наименования может расшифровываться через контекст, а может быть скрыта в самом приложении). Приложения могут характеризовать героя:

– по возрасту: «На третий день посылает убогий *меньшого сына*. *Семен малый юныш* сел под мостом и слушает» («Скорый гонец») [1, т. 2, № 259, с. 246];

– по профессии, роду занятий: «Жил-был *Фомка-шут*, *умен шутить шутки хитрые*» («Шут») [1, т. 3, № 398, с. 122]; «... снарядили корабль, пригласили с собой и *Ивана-полковника*» («Елена Премудрая») [1, т. 2, № 237, с. 201–202];

– по социальной принадлежности: «В некотором царстве, *не в нашем государстве*, за тридевять земель, *жил король*; у него была дочь красоты неописанной, звали ее по имени *Марья-королевна*» («Рога») [1, т. 2, № 194, с. 49].

Примеры с препозитивным употреблением приложения встречаются не так часто, это сочетание такого типа: «Идут двое сироток – *сестрица Аленушка* с *братцем Иванушкой* по дальнему пути, по широкому полю...» («Сестрица Аленушка и братец Иванушка») [1, т. 2, № 261, с. 252]; «Ваше королевское величество! Я – *солдат Мартышка*»... Приходит служанка к нему в дом: «Господин министр! Наша *королевна Настасья* зовет тебя»...» («Рога») [1, т. 2, № 193, с. 48].

3. Многочленное именование.

К данному типу можно отнести наименования, представляющие собой сочетания прозвища и имени с приложением, характеризующим героя. Например: «Пошли добры молодцы: один назывался Иван-царевич, другой – Иван девкин сын, третий – *Буря-богатырь Иван коровий сын*» («Буря-богатырь Иван коровий сын») [1, т. 1, № 136, с. 217]; «Уложила царевича спать да сбросила с себя лягушачью кожу – и обернулась *душой-девицей*, *Василисой Премудрою* ...» («Царевна-лягушка») [1, т. 2, № 269, с. 265].

Такие сложные многочленные именованія служили, скорее всего, для сжатой, компактной характеристики персонажа. В «Ономастиконе» С. Б. Веселовского также находим сложные формы наименований, в состав которых входили и отапельнятивныя прозвища, сравните: кн. *Василий Андреевич Гага* (Гага – 1) утка, 2) лентяй, зубоскал [2, с. 76]), *Шастунов-Ярославский* (XV в.), кн. *Михаил Иванович Гагара* (Гагара – 1) водяная птица, 2) весельчак, зубоскал [2, с. 76]), *Голибесовский-Стародубский* (первая половина XV в.) [2, с. 76], кн. *Лев Дмитриевич Балыгат* (Балыгат от баламут – шутник, проказник [2, с. 23]), *Ростовский* (начало XVI в.) [2, с. 23]. Указанные примеры из реального именника дают возможность датировать народные сказки приблизительно XV–XVII вв.

В целом следует отметить, что и мужские, и женские наименования героев сказок создаются по одинаковым моделям, за небольшим исключением (модель «каноническое имя + собственно русское отчество» – женская, повтор корневых морфем в модели «имя + отчество» представлен в мужском именовании).

Именованія персонажей русских народных сказок отражают реальное использование их в жизни, характерное для XIV–XVIII вв.

Библиографические ссылки

1. **Афанасьев А. Н.** Народные русские сказки : в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М. : Наука, 1985.
Т. 1. – 1985. – 512 с.
Т. 2. – 1985. – 464 с.
Т. 3. – 1985. – 496 с.
2. **Веселовский С. Б.** Ономастикон : Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский. – М. : Наука, 1974. – 382 с.
3. **Морозова М. Н.** Антропонимия русских народных сказок / М. Н. Морозова // Фольклор. Поэтическая система. – М. : Наука, 1977. – С. 231–241.
4. **Порпуліт О. О.** Християнізація ономастичного простору чарівної казки / О. О. Порпуліт // Восточноукраинский лингвистический сборник : сб. науч. трудов / [отв. ред. Е. С. Отин]. – Донецк : Донеччина, 2000. – Вып. 6. – С. 175–179.
5. **Справочник личных имен народов РСФСР** / [под ред. А. В. Суперанской, Ю. М. Гусева]. – М. : Рус. яз, 1979. – 574 с.
6. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986–1988.
7. **Федосюк Ю. А.** Русские фамилии / Ю. А. Федосюк. – М. : Дет. лит., 1972. – 223 с.
8. **Чичагов В. К.** Из истории русских имен, отчеств и фамилий / В. К. Чичагов. – М. : Учпедгиз, 1959. – 128 с.

Надійшла до редколегії 01.06.10

УДК 811. 161. 1'367

В. Г. Байрак

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ТИПОЛОГИЯ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Розглянуто види синтаксичних зв'язків між предикативними частинами складного речення як види специфічного, понятійно цілісного поліпредикативного синтаксичного зв'язку; запропоновано типологію цього синтаксичного явища.

Ключові слова: типологія, синтаксичний зв'язок, поліпредикативність, підрядність, сурядність, зчеплення.

Рассмотрены виды синтаксических связей между предикативными частями сложного предложения как виды специфической, понятийно целостной полипредикативной синтаксической связи; предложена типология данного синтаксического явления.

Ключевые слова: типология, синтаксическая связь, полипредикативность, подчинение, сочинение, сцепление.

In the article all types of syntactic relations between predicative parts of a compound sentence are considered as types of specific, conceptually complete polypredicative syntactic relation; The typology of the given syntactic phenomenon is suggested.

Key words: typology, a syntactic relation, polypredicative constructions, hypotaxis, parataxis, coupling.

Типы синтаксических связей между предикативными частями сложного предложения (полипредикативные синтаксические связи) нуждаются в более глубоком и детальном исследовании. В современном синтаксисе еще не выработан единый подход относительно принципов и критериев такой типологии. Можно отметить следующие тенденции в решении данной проблемы синтаксического мета-языка. В большинстве школьных и вузовских учебниках (например, в учебнике В. А. Белошапковой [1989]), исходя из принципа синтаксического изоморфизма, четкая грань между типами связей в словосочетании, простом, усложненном и сложном предложении не проводится, т. е. в сложном предложении реализуются те же типы связей – **сочинительная, подчинительная** и (уникальная в этом смысле) **бессоюзная** связь. Дальнейшей внутренней типологизации подвергаются не типы связей, а типы сложносочиненных, сложноподчиненных, бессоюзных предложений. В логическом синтаксисе придаточные части сложных предложений отождествляются с членами предложения, поэтому Е. Ф. Будде считает возможным детализировать типовую аналогию связей таким образом: придаточные, относящиеся к подлежащему, реализуют, как правило, **согласование**, придаточные, относящиеся к сказуемому, – **управление**. В формальном синтаксисе (П. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский [6]) данная типологическая проблема сводится, по сути, к задаче детально классифицировать союзы и союзные слова, которые признаются единичными показателями связи. При этом, как отмечает М. М. Петерсон [6], критерий «самостоятельность / несамостоятельность предикативной части» не может быть объективной основой дихотомии «подчинение / сочинение». В структурно-семантической типологии связей между частями сложного предложения (М. С. Поспелов, О. С. Мельничук, И. Р. Выхованец, О. Б. Шапиро, А. А. Загнитко и др. (см. обзор в [1]) учитывается 1) характер соотношения предикативных частей, т. е. тип синтаксического отношения, 2) характер единицы, к которой относится вторая и последующие предикативные части, 3) характер всех средств выражения

синтаксических связей данного типа. Данная типология в чем-то повторяет типологию сложносочиненных, сложноподчиненных и бессоюзных предложений, и это закономерно, поскольку синтаксическая форма сложного предложения – это и есть форма (тип) синтаксической связи между его частями. Поэтому А. А. Загнитко [4] внутри сложноподчиненных предложений выделяет, например, такие оппозиции типов связи: **соотносительная / несоотносительная, местоименно-соотносительная / союзно-соотносительная, предсказующая / непредсказующая, соединительная / сочленяющая, комплетивная / коалиционная, распространяющая / аннексированная** и др. Учитывая специфику дерева зависимостей, И. И. Меньшиков [5] относит связи предикативных частей к разряду нестандартных. Выделяется, соответственно, **сочинение, соподчинение, недифференцированная связь и однонаправленное / двунаправленное сцепление** (связь в сложноподчиненном предложении). Учитывая речевую специфику данного явления и его уникальное место в синтаксической системе, мы считаем, что связи между частями сложного предложения следует выделить в отдельную типологическую ветку **полипредикативных** синтаксических связей. При первом разбиении типов логично взять за основу типологию И. И. Меньшикова. Дальнейшее разбиение на подтипы следует проводить на основе структурно-семантических критериев (А. А. Загнитко, О. Б. Шапиро и др.), суммируя все языковые средства выражения того или иного типа синтаксического отношения.

Итак, **полипредикативная синтаксическая связь** – это связь между предикативными частями сложного предложения. Идентифицируют данный обобщенный тип связи следующие средства связи: а) общее соотношение параметров структурно-семантического типа сложного предложения; б) интонама завершенности, целостности предложения-высказывания; в) инвариантная тематема соединяемых предикативных частей; г) синтаксическая связь актуализации как идентификатор констатирующей целостности и завершенности предложения-высказывания. Данная комбинация средств выражения / идентификации связи, с одной стороны, разграничивает полипредикативную связь и изоморфное сочинение и подчинение в простом и усложненном предложении. С другой стороны, такая комбинация понятийно отделяет полипредикативную связь от логико-синтаксических связей между предложениями в сложном синтаксическом целом.

Полипредикативная связь типологически разбивается на три ветки: 1) полипредикативное сочинение; 2) полипредикативное подчинение-сцепление; 3) недифференцированная (бессоюзная) полипредикативная связь.

Полипредикативное сочинение – это сочинительная связь между предикативными частями сложного предложения. От сочинения в монопредикативном предложении данную связь отличают форманты полипредикативности образуемой синтаксической структуры и некоторые специфические средства связи, которые отсутствуют в комплексе средств выражения сочинения в усложненном предложении. Сочинительные союзы как средства связи функционируют и в монопредикативном, и в полипредикативном сочинении аналогично. Их основная функция – семантически дифференцировать синтаксические отношения между компонентами ряда как специфической синтаксической конструкции. При выражении сочинительных типов сочинения союзы факультативны, поэтому в качестве релевантных, конститутивных средств выражения сочинения следует принять именно идентификаторы сочинительного ряда. К таковым относятся: 1) обобщенная сочинительная интонама, которая не совсем корректно иногда определяется как перечислительная интонация; 2) форманты однопозиционности, однофункциональности, «единообразности» предикативных частей. Дальнейшее разбиение сочинений на подтипы, по сути, повторяет типологию сложносочиненных предложений, поскольку,

как мы уже отмечали, тип связи и тип образуемой конструкции часто находится в отношениях взаимной идентификации.

Открытая полипредикативная сочинительная связь – это связь между компонентами открытого сочинительного ряда. Например: *И почет им, и девки какие хочешь, и деньжищ немеряно, и одеваются селезнями* (Борис Акунин). Релевантные средства выражения этого типа связи: 1) перечислительная интонаема, 2) факультативные соединительные союзы, 3) общая тематема всех предикативных единиц сочинительного ряда (в данном примере – «превосходные условия жизни»). По характеру соотношения временного значения предиката выделяются следующие подвиды связи: а) одновременное соединительное сочинения и б) последовательное соединительное сочинение, например: а) *Уходит в тьму дневная муть, Текут стихи, ресницы мокнут* (Кэт Батлер); б) *Затем рыданья, мысли черной тучей Мне приходили в голову потом, Замкнулась я в обиде жгучей И в мыслях только об одном* (Елена Филипповская).

Разделительное полипредикативное открытое сочинение – это сочинительная связь между предикативными частями сложного предложения, выраженная облигаторными разделительными союзами. Например: *Рука ли дрогнула сгоряча, или виною промаха была еще какая-нибудь причина <...>* (М. А. Шолохов). Можно выделить семантические варианты данной связи: а) разделительное сочинение взаимоисключения предикативных частей, б) сочинение чередующихся предикативных частей (в выражении последнего участвуют однотипные граммы категории времени. Примеры: а) *Братъ их нам же придется, или дядя за нас возьмет?* (М. А. Шолохов); б) *То зубы начнут дробь выстукивать, то в дрожь кинет, никак не согреешься* (Борис Акунин).

Закрытая сочинительная полипредикативная связь – это связь между предикативными единицами, составляющими бинарный сочинительный ряд. Показатели закрытости ряда: 1) специфические союзы, 2) местоименные наречия и союзные элементы, 3) вводные (модальные) слова, 4) особенности лексического наполнения предикативных частей. Например: *<...> она хотела сама зайти, но он прибежал, принес ей денег* (Л. Улицкая). Дифференциация подтипов закрытого сочинения полностью отражает классификацию средств связи. Повторять эти, достаточно подробно разработанные классификации, на наш взгляд, нет необходимости. Другой критерий – тип выражаемого синтаксического отношения – тоже достаточно подробно описан. Например, в работе Г. М. Глушковой описывается 19 таких типов [3, с. 10]. Следовательно, и эти подтипы СС не нуждаются в повторной типологизации. Пожалуй, представляет интерес как специфический тип сочинения, выраженный лексическим параллелизмом, лексической симметрией компонентов, находящихся в разных предикативных единицах, напр.: *Одни смеются, другие радуются, третьи всякие шуточные советы ему дают* (М. А. Шолохов).

Полипредикативное подчинительное сцепление – это связь между главной и придаточной частью сложноподчиненного предложения. Конститутивный идентификатор подчинительного сцепления – разнопозиционность, неоднофункциональность соединяемых предикативных частей. По этому признаку данная связь изоморфна типам подчинения внутри монопредикативной конструкции, а некоторые средства выражения сцепления функционально аналогичны типичным средствам выражения в простом и усложненном предложении. Например, близки по функциям синтаксические граммы «род», «число», «падеж» и асемантические союзы (союзные слова); семантические союзы, в свою очередь, функционально сближаются с падежными граммами с лексико-семантическим значением.

Предсказующее присловное сцепление – это связь с обязательным наличием в перечне средств связи опорного слова, находящегося в главной предикативной

части, например: *Грохнул выстрел, брызнул из дула столп огня, засвистел горюх, которым заряжено было ружье* (М. А. Шолохов). Данный пример иллюстрирует двунаправленное сцепление, поскольку расчлененный состав граммем местоименного слова выражает, с одной стороны, посредством граммем числа и рода подчиненность опорному слову (а через него – и всей главной части), а с помощью граммемы падежа – подчиненность предикату придаточной части.

Граммемно-выраженное присубстантивное сцепление – это полипредикативная связь, выраженная опорным словом с активированной семой «предметность» и, как правило, союзным словом *который* или асемантизированным союзом, приобретающим атрибутивное значение, напр.: *Тот стук, которому ответил глубокий вздох присевшего на табурет часового, раздался изнутри особо охраняемой камеры* (А. С. Грин). Можно сказать, что двунаправленное сцепление выражается формой нестандартной связи – расчленением, при которой происходит функциональное расчленение граммемного комплекса союзного слова и, соответственно, продуцируется вариант разнонаправленной цепочки синтаксических зависимостей.

Граммемно-выраженное прикомпаративное сцепление – это однонаправленная полипредикативная связь, выражающаяся сем-граммемами компаративов и сравнительными союзами. Например: *Его возвращение пугало и потрясало больше, чем он сам по себе* (В. Г. Сорокин). В морфемном плане данная связь идентифицируется формообразующими аффиксами компаратива (прилагательного или наречия); на уровне лексико-семантических средств связи – соотносительностью лексического наполнения предикативных частей. Такая соотносительность обязательна, исходя из онтологических свойств сравнения: сравнивать можно только те объекты, которые имеют что-то общее – основу сравнения. Следовательно, при реализации данной СС всегда активируется архисема «семантическая база сравнения».

Семно-выраженное изъяснительное сцепление – это однонаправленная полипредикативная связь, выраженная опорным словом с активированной семой «отношение мыслящего субъекта к содержанию придаточной части», а также синтаксическими или асемантизированными союзами, напр.: *Он знал, что, сделает только один шаг вперед, больше не остановится* <...> (А. С. Грин).

Непредсказующее однонаправленное детерминантное сцепление – это полипредикативная связь, выраженная семантическими подчинительными союзами, соотношением граммем предикатов или активированными структурно обязательными семами в главной или придаточной предикативной части. Данная связь разбивается на подтипы, отражающие виды выражаемых семантико-синтаксических отношений.

1. **Каузативное сцепление:** *Он вскрикнул так, потому что зацепил веслом о подводный древесный лом* (А. С. Грин). Связь дополнительно выражается соотношением граммем категории времени у предикатов.

2. **Условное сцепление:** *Ежели в санях едут – отскочишь на обочину, шапку долой, кланяешься* (Т. Н. Толстая). Связь также может дополнительно выражаться соотношением граммем категории времени у предикатов или ситуативных контекстных временных значений, напр.: <...> *а он так пьян, что вряд ли ее удержит, если ей захочется порвать их на куски* (Л. Улицкая).

3. **Целевое сцепление:** *Но сегодня я сказал Нагульнову, чтобы он обратно раздал птицу* (М. А. Шолохов). Помимо союза, связь дополнительно выражается активированной семой «целенаправленное действие» у предиката главной части и граммемой «инфинитив» или «прош. вр.» у предиката придаточной части.

4. **Уступительное сцепление:** *Тут уж я осерчал на него, хотя мы с ним и темные друзья* (М. А. Шолохов). Связь может дополнительно выражаться корреляцией граммем категории времени.

5. Полипредикативное сцепление **следствия**: *А уж с подрастающими Тогусовыми сыновьями совсем не могла она управиться, так что пришлось отправить их к отцу <...>* (Л. Улицкая). Связь выражается семантическим союзом следствия и линейным средством связи – обязательной постпозицией придаточной части.

6. Полипредикативное сцепление **времени**: *Когда Грей поднялся на палубу «Секрета», он несколько минут стоял неподвижно <...>* (А. С. Грин). Связь выражается временным союзом и корреляцией граммем категории времени у предикатов (ср.: **когда... поднимусь..., стоял...*).

7. Полипредикативное **сравнительное** сцепление: *Однако у него осталось такое впечатление, как будто он шел и вот зачем-то остановился* (А. С. Грин). Связь выражается сравнительным союзом, архисемой «основа сравнения», постпозицией придаточной части (при отсутствии эмфазы).

8. Полипредикативное сцепление **соответствия**: *Думал, чем больше мешаешь, тем слаще* (Л. Улицкая). Связь выражается составными союзами, части которых находятся в главной и придаточной части, корреляцией граммем категории времени у предикатов, формой компаративов, активированной архисемой «основа сопоставления».

9. Полипредикативное двунаправленное сцепление **вмещающего распространения**: *Был чисто выбрит и в тиджаче, чего никогда Валерия не видела <...>* (Л. Улицкая). Связь выражается союзным словом с вмещающим значением, а также интерпозицией или постпозицией придаточной части.

Особую типологическую ветку представляют связи, не имеющие аналогов в монопредикативных конструкциях. Они реализуются в так называемых местоименно-соотносительных предложениях и выражаются функционально-целостным лексическим комплексом, компоненты которого находятся в главной и придаточной части (*то... что, там... где, так... как, такой... что, столько... что* и др.). Эти компоненты находятся друг с другом в отношениях довольно жесткой валентностной предопределенности: наличие одних лексем в одной из предикативных частей предопределяет выбор соответствующих лексем в другой предикативной части. Если вторым компонентом комплекса является соотносительное слово, то реализуется подтип двунаправленного подчинительного сцепления; если второй компонент – асемантический союз, то реализуется сцепление однонаправленное. Семантико-позиционные соотношения средств связи и соотношения общей семантики предикативных частей типологизируют «продукты» данной связи как сложноподчиненные предложения отождествительного, фразеологического или вмещающего типа.

Для собственной типологии связей наиболее существенной является именно схема направленности синтаксических зависимостей, поэтому будет достаточным выделить два главных подтипа данной связи: 1) двунаправленное местоименно-соотносительное сцепление и 2) однонаправленное местоименно-союзное сцепление. Семантические варианты данных подтипов, по-видимому, в большей степени относятся к области «продуктов» связи, а не к ее типологии.

Двунаправленное местоименно-соотносительное сцепление: *Однако о том, чем покорить и завоевать поклонников, точно можем рассказать* (Кэт Батлер).

Однонаправленное местоименно-союзное сцепление: *Париж ее так очаровал, что даже до Лазурного Берега она не доехала <...>* (Улицкая Л.)

Полипредикативная недифференцированная связь – это связь между предикативными частями структурно-бессоюзного предложения, которая выражается опорными словами, анафорическими элементами, структурными соотношениями синтаксических позиций, модально-временными граммемами предиката, соотношением лексического наполнения предикативных частей, интонациями, пункто-

граммами. Например: *Так вот что я хотел вам сказать: на одной подводе с вами до станции поедет секретарь волостной ячейки Покусаев* (М. А. Шолохов). Этот самый древний вид полипредикативных связей вызвал в лингвистике научную дискуссию, которая продолжается и в настоящее время. Остаются до конца не выясненными такие вопросы: 1) существует ли бессоюзие как самостоятельный тип синтаксической связи; 2) симультанно ли бессоюзие паратаксису, гипотаксису или гипо-паратаксису; 3) является ли вообще бессоюзие синтаксической связью (возможно, это тип сугубо семантических отношений или вид стилистических фигур). Неоднозначность этого типа связи вызывает к жизни дефиниции типа: «<...> бессоюзная связь – это самостоятельный, формально не выраженный, переходный тип ассоциативно-дифференцированного имплицитного семантико-синтаксического пара-гипотаксиса (сочинительно-подчинительной связи), занимающий промежуточное положение между союзно-маркированными типами: синтаксическим паратаксисом (сочинением) и гипотаксисом (подчинением) [8, с. 19–25]. В этой дефиниции, на наш взгляд, некорректен понятийный признак «формально не выраженный». Если понимать формальность как материальность, то бессоюзие, даже при отсутствии союзов, выражается формально – другими, несоюзными средствами, оформляющими бессоюзные предложения как структурно-семантический тип. Именно наличие структурно-семантического типа – бессоюзного предложения – доказывает факт существования особого типа связи – связи бессоюзной, недифференцированной по отношению к оппозиции пара-гипотаксис.

Типология видов бессоюзия, по сути, отражает типологию «продуктов» данной связи. Соответственно, можно выделить **типизированное бессоюзие**, выраженное специализированными анафорическими элементами и соотношением синтаксических позиций, например: *Мой вопрос звучит так: почему раньше Великих Учителей называли учителями?* (Т. Федорченко). Данная связь специфична тем, что ее может выражать любой информативно-недостаточный компонент в первой предикативной части, который нуждается в информативном восполнении (в том числе абстрактные субстантивы, различные комбинации местоимений и частиц). Например: *Скажу вам одно: <...>; Нужно сделать следующее: <...>; Он имел одну привычку: <...>; А внешность у нее была такая: <...>; Вот одно горе прошло, за ним идет другое: <...>; Нашел он себе одно место: <...>*. Хотя диапазон вариантов семантического наполнения данной структуры очень широк, все же некоторая заданность, предопределенность семантического соотношения предикативных частей существует. Следовательно, в комплексе средств связи активизируется также и некоторая сема – семантический инвариант, объединяющий предикативные части и являющийся основой идентификации семантико-синтаксического отношения между ними. Данная связь может выражаться также анафорическим элементом во второй предикативной части. В этом случае перечень анафорических средств связи существенно ограничен: в этой функции активизируется только сочетание указательной частицы с соотносительным местоимением, а также указательные и лично-указательные местоимения, например: *Нет, женщины любить не умеют – я не раз убеждался в этом.*

Можно также выделить типизированное недифференцированное сцепление, выраженное вербализованной или невербализованной позицией частицы *так* и модально-временными граммемами предикатов, например: *Не будь на свете учителей от Бога (так), школьное образование давно бы рухнуло.*

Типизированное изъяснительное сцепление выражается активированной изъяснительной семой опорного слова и незамещенной синтаксической позицией в одной из предикативных частей, например: *Я знаю: Не без греха я и не идеал* (Т. Федорченко). Данный тип связи объективируется как бессоюзный вариант подчинительного изъяснительного сцепления, ср.: *Я знаю, что не без греха я и не идеал.*

Основная нагрузка в процессе выражения **нетипизированных** видов сцепления ложится на семантические средства связи. В основе дифференциации данной связи на подтипы лежит комбинаторика семантико-синтаксических отношений. Наиболее частотными семантическими подтипами нетипизированного сцепления являются следующие.

Нетипизированное мотивирующее сцепление: *Прости, прощай: я уйду, Ты не увидишь меня боле!* (Т. Федорченко). Дополнительно связь выражается интенцией мотивации, которой автор нагружает вторую часть полипредикативной конструкции.

Нетипизированное уточняющее сцепление: *Ну, ни дать ни взять – Кобель: Уши востры, клыки нараспашку <...>* (Т. Федорченко). Дополнительным средством связи является общий денотат (событие) обеих предикативных частей, тематема которых находится в семантическом соотношении «общее сообщение – конкретное сообщение».

Нетипизированное сопоставительное сцепление: *В доме темном радость я встречала – В тихом омуте и черти есть* (Кэт Батлер). Дополнительно связь может выражаться антонимическими (шире – ассоциативными) соединениями компонентов лексического наполнения предикативных частей. В данном примере: *в доме темном – в тихом омуте; радость – черти*.

Типологическая ветка полипредикативных связей характеризуется чрезвычайно разнообразной и объемной номенклатурой средств связи. Это соответствует общей логике построения всей языковой системы. Поскольку полипредикативные конструкции занимают верхний ярус синтаксической подсистемы, для выражения связей в ней активируются специфические средства именно этого уровня, а также многие средства связи, основная область функционирования которых находится на нижних уровнях – средства связи в словосочетаниях и простых предложениях. Повышенную степень релевантности имеют также тонально-позиционные, семантические средства и ситуативно-коммуникативные идентификаторы типов синтаксических связей.

Библиографические ссылки

1. **Байрак В. Г.** Типологические признаки, критерии типологизации и типологические системы синтаксических связей / В. Г. Байрак // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках : матер. II Междунар. науч. конф. 14–15 апреля 2005 г. – Д. : Пороги, 2005. – С. 17–20.
2. **Виноградов В. В.** Из истории изучения русского синтаксиса / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1958. – 400 с.
3. **Глушкова Г. М.** Структурно-семантичні типи сурядності: автореф. дис... канд. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова» / Г. М. Глушкова. – Д., 1998. – 16 с.
4. **Загнітко А. П.** Сучасна українська літературна мова. Синтаксис простого ускладненого і складного речення / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонДУ, 1994. – 204 с.
5. **Меншиков І. І.** Синтаксичні зв'язки слів у сучасній українській літературній мові : навч. посіб. / І. І. Меншиков, І. С. Попова. – Д. : РВВ ДНУ, 2001. – 92 с.
6. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1935. – 452 с.
7. **Современный русский язык** : учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова. – М. : Высш. шк., 1989. – 800 с.
8. **Тягунова М. М.** Бессоюзная связь в системе типов синтаксической связи как феномен ассоциативно-дифференцированного имплицитного пара-гипотаксиса / М. М. Тягунова // Русистика. – Вып. 6. – Харьков, 2006. – С. 19–25.

Надійшла до редколегії 11.06.10

УДК 811.161.1'367.62.3 + 811.161.1'373.2

О. С. Белозор

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ЧИСТЫЙ В СОСТАВЕ ЭРГОНИМОВ

Розглянуто значення прикметника *чистий* у складі прагматичних ергонімів; встановлено основні референтні зони ергонімів; виявлено типологію власних назв комерційних організацій з точки зору двох їх функцій: інформаційної та рекламної.

Ключові слова: прагматика, ергонім, референт, семантика, назва.

Рассмотрено значение прилагательного *чистый* в составе прагматических эргонимов; установлены основные референтные зоны эргонимов; определена типология собственных названий коммерческих организаций с точки зрения двух выполняемых ими функций: информационной и рекламной.

Ключевые слова: прагматика, эргоним, референт, семантика, название.

The article deals with the meaning of adjective «чистый» in the composition of pragmatic ergonyms; the main reference spheres of advertisement names are established; typology of proper names of commercial enterprises is set up in 2 main functions: informative and advertising.

Keywords: pragmatics, ergonym, referent, semantics, naming unit.

Эргонимия (как и искусственная ономастика вообще) стала объектом изучения языкознания сравнительно недавно. Однако за последние годы в отечественной и зарубежной лингвистике появился ряд работ, посвященных наименованиям субъектов экономики, начиная с тех, среди основных задач которых числилось простое констатирование факта существования такого пласта имен собственных, как эргоним, и кончая теми, которые предлагали для обозначения названий предприятий свои термины, новые разряды имен собственных, отличные от эргонима. Термином *эргоним* для обозначения названий предприятий пользуются такие авторы, как С. В. Земскова, А. В. Беспалова, М. В. Голомидова. Вместе с тем предлагаются и другие варианты термина, обозначающего эту реалию: *НКП* – сокращение от «название коммерческого предприятия» (Д. А. Яловец-Коновалова), *фирмоним* (В. А. Коршунков и Т. К. Николаева). Но даже те исследователи, которые используют термин *эргоним*, понимают его по-разному.

Д. А. Яловец-Коновалова трактует его как «обозначение социальных объединений» [8, с. 3], С. В. Земскова определяет эргонимию как «совокупность названий промышленно-хозяйственных объектов, в частности какого-либо региона» (цит. по: [7, с. 7]). А. М. Емельянова к эргонимам относит «названия деловых объединений людей, коммерческих предприятий, объектов культуры и спорта» [2, с. 3]. Мы в своем понимании эргонима опираемся на определение Н. В. Подольской: «Эргоним – разряд онима. Собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [4, с. 151].

Объектом нашего научного интереса является прагматическая составляющая коммерческой эргонимии, предназначенная для воздействия на адресата (потенциального клиента предприятия, обозначенного эргонимом).

Под *коммерческой эргонимией* мы понимаем названия всех структур, так или иначе имеющих главной задачей своей деятельности получение прибыли. *Коммерческие эргонимы* – названия деловых объединений, созданных для осуще-

ствлення діяльності, направленої на отримання прибутку і звичайно вступаючих в конкурентні відносини з іншими аналогічними об'єднаннями.

Склад комерційної ергонімії в значній мірі визначається фактором економічної конкуренції. Це проявляється, перш за все, в тому, що назва підприємства, як правило, несе в собі певну інформацію, яку необхідно по задуму номінатора як-небудь привернути адресата до названої фірми. Іншими словами, ергонім може передбачати вплив на потенційного клієнта, т. є. мати *прагматику*. Ергоніми, що впливають на адресата *внелогічними* шляхами, прийнято називати *прагматическими* [7, с. 8–9].

В нинішньому дослідженні була здійснена спроба розділення досліджуваного масиву прагматических ергонімів на дві основні групи на основі виконуваних ними функцій: інформативні та рекламні (асоціативні). В завдання дослідження входило так само виділення основних референтних зон, в відповідності з призначенням позначуваних ергонімом референтів.

В якості бази дослідження задіяно триста ергонімів. Джерелом фактичного матеріалу послужили електронні довідники підприємств Росії та України (Общероссийская сеть бизнес-порталов «ROSFIRM» [http://www.rosfirm.ru], «AllBiz» [http://www.ua.all-biz.info], Каталог підприємств та організацій «Фірми Росії» [http://www.rufirms.net], Довідник підприємств Росії [http://www.09009.ru/sprav.php]).

Згідно деяким дослідникам [6; 7], прагматическі ергоніми можна розділити на дві групи: прагматическі інформативні та прагматическі асоціативні. З однієї сторони, більшість ергонімів, включаючи в свій склад прикметельне *чистий*, надають певну *перевірну* додаткову інформацію про підприємство, конкретизують сферу діяльності фірми, що дозволяє нам віднести їх до групи прагматических інформативних ергонімів (*Компанія «Чистий повітря»* (кліматическе обладнання), *магазин «Чистий двір»* (хазтовари), клінінгові компанії *«Чистий дім»*, *«Чистий Іжевськ»*, *«Чистий світ»*, *«Чиста планета»* і др.).

З іншої сторони, не можна не врахувати те, що до основної функції прикметельного (вираження признака) нерідко приєднується функція оцінки виражаемого прикметельним якості. По даним досліджень, ад'єктив *чистий* і іменник *чистота* мають високу ступінь позитивної оцінки [1], то є названня, включаючи в свій склад перераховані лексеми, працюють за принципом: фірма називається «X»; X – це добре (о чому говорить попередній досвід адресата), значить, фірма теж повинна бути хорошою. Інакше кажучи, ергоніми намагаються впливати на вибір адресата на користь тієї або іншої конкуруючої фірми, не звертаючись до його логічного мислення, а впливаючи на нього через асоціативний фон [7, с. 14], ср., наприклад: *«Чисті прудки»* ООО г. Воронеж. Сфера діяльності – продаж кисломолочних напоїв; *«Чиста компанія»*. Види діяльності – обслуговування та ремонт легкових автомобілів; *«Чиста вигода»*, ООО. Види діяльності – торгівля виробами з кераміки, плитками, обоями і др.

Інформативні ергоніми перш за все орієнтовані на повідомлення про об'єкт продажу: ООО *«Чистий виріб С»* (продукти харчування), ОАО *«Чисті метали»* (метали високої чистоти), компанія *«Чистий лен»* (текстиль, тканини), ООО *«Чистий повітря»* (кліматическе обладнання), ООО *«Чистий світ автомобіля»* (автомобільне обладнання, автомийки), ООО *«Чиста вода»* (вода, доставка та розлив). Об'єкт може бути позначено через суб'єкт продажу: ООО *«Дока чистоти»* (клінінгова компанія), АО *«Чистою»* (товари, пылесосы професійні, мийки високого тиску для автомоек) або через адресата: ООО *«Чистюля»* (клінінгова компанія).

Рекламная информация – это разного рода выделительно-оценочная характеристика: ООО «Чистый берег» (мед. учреждения, наркология), парфюмерный магазин «Чистый дом», «Чистый стиль» (интернет-дизайн, веб-дизайн), культурный центр «Чистое поле», ООО «Чистый мир» (тележки сервисные), ООО «Чистая компания-К» (бытовая техника), «Чистая технология» (ковры, ковровые покрытия, изделия).

Как показал анализ, эргони́мы, включающие в свой состав прилагательное *чистый*, называют различные общества, предприятия, ассоциации, фабрики, фонды, Дома отдыха, биостанции, лаборатории, культурные центры, туристические агентства, жилищно-коммунальные службы, химчистки, магазины, санатории, автомойки, медицинские учреждения, WEB-студии. Исходя из этого, мы выделили семь референтных зон анализируемых прагматических эргонимов: *экология, здоровье, продукты питания, туризм, материалы и оборудование, полиграфия, сервис*. Критерием такого разделения послужило назначение предлагаемых предприятиями услуг, сфера деятельности деловых объединений.

Рассмотрению семантики прилагательного *чистый*, лежащей в основе формирования рекламных имен двух из выделенных нами референтных зон – «экология» и «здоровье», посвящена статья Т. С. Пристайко «“Экологическая” семантика прилагательного “чистый” в рекламных именах» [5]. Как отмечено в названной работе, «экологическая» составляющая концепта «чистый» в значении «освобожденный от грязи, не имеющий грязи», во многих случаях предопределяет выбор атрибута *чистый* для наименования организаций, занимающихся уборкой и вывозом мусора, отходов; уборкой помещений; чисткой канализации, вещей и т. д. При этом имя существительное в структуре онима обозначает объект, который должен стать очищенным от чего-л., чистым в результате деятельности референта [5, с. 11]. Например: «Чистый дом» (клининговая компания), «Чистый Канал» (аварийная служба, занимающаяся прочисткой труб водопровода, канализации), «Чистый город» (жилищно-эксплуатационное предприятие), «Чистый двор сервис» (компания, занимающаяся вывозом мусора), «Чистая компания Урал» (компания, специализирующаяся на очистке и утилизации оборудования), «Чистая планета» (экологический центр), «Чистый Петербург» (компания по уборке и вывозу мусора) и др.

В целом «экологический» компонент прилагательного «чистый» выступает в следующих группах названий:

- названиях экологических компаний, предприятий, ассоциаций, занимающихся уборкой, очисткой чего-л. («Чистый вид», «Чистый мир», «Уфа – Чистый город», «Чистый берег», «Чистый восток», «Чистая работа» и под.);
- названиях коммунальных организаций, биостанций, инспекций и служб («Чистый город», «Чистый мир», «Чистый лес»);
- названиях автомоек, химчисток и прачечных («Чистый мир», «Чистый текстиль», «Чистая жизнь», «Чистый город», «Чистая планета-2», «Чистое авто»).

Отдельно нами были рассмотрены названия компаний и организаций, специализирующихся на продаже профессиональной уборочной техники и бытовой химии (ООО «Чистый Дом» (бытовая химия и очистительное оборудование), ООО «Техника чистоты» (Средства моющие, минимойки), производственное предприятие «Чистый Урал» (бытовая химия), ООО «Чистый пол» (бытовая химия, моющие средства) и т. п.). Многие клининговые компании занимаются не только уборкой помещений, но и продажей инструментов и средств, необходимых для осуществления этого (ЧП «Территория чистоты» (клининг, бытовая химия), ООО «Технология чистоты» (клининг, бытовая химия), ООО «Чистый дом» (клининг, продажа пылесосов) и др.).

С референтной зоной «экология» тесно связана зона «здоровье». Вслед за Т. С. Пристайко, названия предприятий, магазинов и фирм, торгующие товарами для здоровья, мы рассматриваем как находящиеся на пересечении этих референтных зон [5] (См.: ООО «Чистый Мир» (салфетки влажные антибактериальные), компании «Чистый воздух», «Чистый воздух-ДАВ» (сфера деятельности – продажа климатического оборудования), ООО «Чистая вода» (фильтры, фильтрующие системы, очистное оборудование)).

Рассматривая здоровье как правильную, нормальную деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие [3], к данной референтной зоне мы отнесли названия фирм, занимающихся распространением и продажей средств, обеспечивающих состояние живого организма, при котором все органы способны полностью выполнять свои функции (ТД «Чистая Флора-Био» (фиточай, продукты питания, обладающие целебными свойствами), компания «Чистая вода» (фильтры для воды, ионизаторы, увлажнители), ООО «Чистая кожа плюс» (розничная торговля фармацевтическими товарами), ООО «Чистый дом» (косметические средства) и т. д.), названия медицинских учреждений (наркологическая клиника «Чистый берег», благотворительный фонд реабилитации наркозависимых «Чистая жизнь», санитарно-эпидемиологическая служба «Чистый город», санаторий-профилакторий «Чистый ключ»).

В состав референтной зоны «Продукты питания» нами были включены наименования продуктов, употребляемых человеком в пищу в натуральном или переработанном виде, названия сортов питьевой воды, безалкогольных напитков (ООО «Чистый продукт С», ООО «Чистая вода» (безалкогольные напитки, пиво), ЗАО «Чистый мир» производственное предприятие (мясная продукция, мясо, мясопродукты), ООО «Чистый город – Аква сервис плюс» (безалкогольные напитки, пиво), ООО «Чистая линия продукт» (молочная продукция, молочные продукты, молоко).

Наиболее многочисленным является сочетание опорного компонента *вода* с атрибутом *чистая*. Прилагательное *чистый* реализует здесь значение «без примеси чего-л. постороннего или с незначительной примесью» (вода, не замутненная грязью, прозрачная).

Менее многочисленной является референтная зона «туризм». Эргонимы, отнесенные к этой группе, называют курортные учреждения («Чистый ключ» (санатории, профилактории)) и туристические агентства (туристическое агентство «Чистая вода»). При этом реализуется второе значение существительного *туризм* – «вид путешествий, совершаемых для отдыха и самообразования».

В состав референтной зоны «полиграфия» входят названия фирм, занятых производством печатной продукции, продажей соответствующих технических средств. Ср.: ООО «Чистый лист» (сфера деятельности – продажа канцтоваров, бумаги, картона) и ООО «Чистый лист» (компания, предоставляющая полиграфические услуги), ООО «Чистая реклама» (наружная реклама, полиграфия, дизайн), ЧП «Чистый лист» (заправка картриджа, восстановление картриджа), ООО «Чистый дом» (бумага, картон).

Наиболее разнообразной можно считать референтную зону «материалы и оборудование». Имя существительное в структуре эргонима обозначает самые различные объекты и понятия: текстиль, ткани (компания «Чистый лен»), хозяйственные товары (ООО «Чистый свет», магазин «Чистый двор», ТФ ООО «Чистый дом К^о»), садовый инструмент (магазин «Чистый мир. Семена»), краски, лаки, органические покрытия (ИП магазин «Чистый дом»), стройматериалы (ЗАО Компания «Чистая вода», ООО «Чистая выгода»), оборудование для реставрации пухоперьевой продукции (ИП «Чистый Пух»), природный камень (компания «Чистый камень»), оборудование, принадлежности, запчасти для автомобиля (ИП студия

«Чистый звук»), компакт-диски, расходные материалы (ООО «Чистый источник»), мебель и комплектующие (ООО «Чистый лист»), оборудование для пищевой промышленности (ООО «Чистый мир»), бытовая техника (ТФ ООО «Чистый мир»), полипропилен, медь, котлы, радиаторы (ООО «Чистая вода»), металлы высоких частот (ОАО «Чистые металлы»).

Референтная зона «сервис» включает названия компаний и организаций, занимающихся обслуживанием, удовлетворением чьих-либо бытовых, текущих или постоянных нужд, оказывающих услуги по закупке семян (ООО «Чистая Флора»), программному обеспечению, разработке ПО (Веб-студия «Чистый дизайн», ИП «Чистый стиль»), ландшафтному дизайну (ООО «Чистые бассейны-Казань», ООО. Компания «Чистый город»), доставке сыпучих стройматериалов, закупке и реализации вторсырья, доставке бетонных смесей, проведению аудита системы качества (ООО «Чистый сервис»), дизайну, интерьеру, оформлению витрин (ООО Творческая мастерская «Чистый дизайн»), аренде промышленного оборудования (ООО «Чистый город»); услуги в сфере рекламы, маркетинга и PR (ООО рекламное агентство «Чистый город»), шиномонтажа (ООО «Чистый город-Сеть»), грузовых перевозок, такси, автотранспорта (ООО «Чистый мир»), обслуживания и ремонта легковых автомобилей (ООО «Чистая компания»).

Нельзя не отметить, что многие проанализированные эргонимы характеризуются множественностью референтов: «Чистый мир», «Чистый дом», «Чистая вода», «Чистый свет», «Чистый город», «Чистый берег», «Чистый звук», «Чистая компания», «Чистый лист», «Чистая планета». Например, эргоним «Чистый мир» называет клининговые компании, ЖКХ, предприятия торговли, химчистки, прачечные, компании, занимающиеся продажей бытовой техники, влажных салфеток, мясопродукции; «Чистый дом» используется как название клининговых компаний, парфюмерного магазина, фирм, основной деятельностью которых является продажа бытовой химии, косметики, бумаги, древесины, бытовой техники, органических покрытий; эргоним «Чистая вода» обозначает не только компании, занимающиеся поставкой и продажей воды, безалкогольных напитков, пива, но и туристические агентства, магазины промышленного холодильного и вентиляционного оборудования, бытовых и хозяйственных товаров, строительных материалов и изделий.

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о том, что эргонимы, включающие в свой состав прилагательное *чистый*, во многих случаях соединяют в себе рекламную и рациональную информацию.

В сознании референта чистота – положительная оценка личного свойства человека или признака предмета, то есть, если прагматические эргонимы информируют об объекте продажи, они одновременно дают предприятию, товарам или предоставляемым услугам высокую оценку. Актуализация того или иного значения адъектива *чистый* зависит от рода деятельности адресата.

Библиографические ссылки

1. **Залевская А. А.** Экспериментальное исследование параметра оценки в психологической структуре значения слова / А. А. Залевская // Психолингвистические проблемы семантики : сб. науч. тр. – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1990. – С. 73–83.
2. **Емельянова А. М.** Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / А. М. Емельянова. – Уфа, 2007. – 22 с.
3. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1984. – 816 с. – Режим доступа: <http://www.slovoedia.com/4/210/674431.html>.

4. **Подольская Н. В.** Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская / под ред. А. В. Суперанской. – [2-е изд.]. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
5. **Пристайко Т. С.** «Экологическая» семантика прилагательного «чистый» в рекламных именах (по материалам Интернет-страниц) / Т. С. Пристайко // Науч. зап. Серия : филологические науки (языкознание). – Вып. 75 (1). – Кировоград, 2008. – С. 10–13.
6. **Романова Т. П.** Проблемы современной эргонимии / Т. П. Романова // Филология. – 1998. – № 1. – Режим доступа : <http://vestnik.ssu.samara.ru/gum/1998web1/plog/199811801.html>.
7. **Шимкевич Н. В.** Русская коммерческая эргонимия : прагматический и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н. В. Шимкевич. – Екатеринбург, 2002. – Режим доступа : <http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/548/1/urgu0088s.pdf>.
8. **Яловец-Коновалова Д. А.** Названия коммерческих предприятий : ономастическая классификация и функционирование в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Д. А. Яловец-Коновалова. – Челябинск, 1997. – 24 с.

Надійшла до редколегії 24.02.10

УДК 811.161.1'27 + 811.161.1'373.7

Л. А. Белоколенко

Криворожский государственный педагогический университет

ЛЕКСИЧЕСКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ КОНФЛИКТНОГО ДИСКУРСА НА САЙТЕ «LENTA. RU»

Описані лексичні і фразеологічні маркери конфліктного дискурсу, які виявлено у кореспонденціях на сайті Lenta.ru. Охарактеризована оцінна лексика та слова явної і спонтанної конфліктної взаємодії.

Ключові слова: лексичні і фразеологічні маркери, конфліктний дискурс, оцінна лексика.

Описаны лексические и фразеологические маркеры конфликтного дискурса, которые выявлены в корреспонденциях на сайте Lenta.ru. Охарактеризована оценочная лексика и слова явного и спонтанного конфликтного взаимодействия.

Ключевые слова: лексические и фразеологические маркеры, конфликтный дискурс, оценочная лексика.

The article describes the lexical and phraseological conflict discourse markers, which are found in the articles on the site Lenta.ru. Evaluating vocabulary words and the explicit and spontaneous conflict interaction were characterized.

Key words: lexical and phraseological markers, conflicting discourses, the evaluating vocabulary.

Структура конфликтной коммуникации определяется рядом несоответствий, которые возникают между оппонентами. Это взаимодействие проявляется на трех фазах. Первая – докоммуникативная, в которой происходит осознание участниками конфликта противоречий между их целями и интересами. На этой стадии индивидуумы готовы к осуществлению определенного речевого взаимодействия. Вторая фаза – коммуникативная – характеризуется развитием, кульминацией и спадом интенсивности конфликта. Субъекты реализуют передачу средствами языка своего состояния, используя вербальные и невербальные символы. В посткоммуникативной фазе происходит завершение конфликта, проявляются его последствия. Они зависят от предыдущих речевых реакций сторон, их интенсивности, степени решения вопросов, связанных с осознанием различных языковых маркеров («маркер –

сигнал, который указывает на функцию или свойство, обычно обозначает наличие или отсутствие отличительных особенностей» [3, с. 6]).

Достаточно активным маркером конфликтного взаимодействия является лексико-семантическая система языка, которая отображает национальные особенности такой коммуникации. Носителем подобной передачи сообщений выступает, прежде всего, оценочная лексика, которая хорошо вписывается в публицистический стиль. Оценочными маркерами конфликтного дискурса являются слова, выражающие отношение к адресату по шкале хороший/плохой, умный/глупый, достойный/недостойный, положительный/отрицательный и т. п. Явными сигналами могут быть и слова, оценивающие интеллектуальные, эстетические, моральные, умственные качества собеседника. В этой роли могут функционировать и инвективные слова и выражения. Конечно, в СМИ не должны употребляться слова, имеющие в своей семантике, экспрессивной окраске интенцию унизить или оскорбить. Но существуют трудности в определении границы между инвективными единицами и эмоционально-экспрессивными образованиями, передающими определенное состояние говорящего без особой агрессии. Следовательно, конфликтный дискурс – это оценочное явление, проявляющееся в отрицательном восприятии говорящим действий оппонента либо ситуации. А поскольку дискурс социален по своей природе, каждый из коммуникантов имеет свой социальный статус, то такая оценка может иметь значительный эффект, особенно, если речь идет о средствах массовой коммуникации.

Лингвисты обратились к проблеме коммуникативного дискурса во II половине XX в. (Ю. Апресян, А. Леонтьев, В. Маришук, Е. Падучева, А. Романов, И. Сусов, Д. Спивак, В. Шейнов, J. Austin, W. Downes, B. Fraser, R. Gale, J. Searle, P. Strawson др.). Тем не менее конфликтный дискурс и его графические, лексические и текстуальные особенности представляют собой еще практически неизученную область.

Целью данной работы является выявление и анализ совокупности лексических и фразеологических маркеров для выражения конфликтного дискурса на интернет-сайте Lenta.ru. Нами отобрана корреспонденция, которая была представлена в разделе «Украина» за период с февраля по май 2010 года.

Lenta.ru – одно из ведущих новостных интернет-изданий, электронная периодическая газета, принадлежащая холдингу Rambler Media Group и освещающая мировые и российские новости. Газета, несомненно, формирует у своей аудитории особое восприятие и понимание окружающей действительности. Нам была интересна форма подачи информации именно об Украине в свете явного изменения, в последние месяцы, отношений между нашими странами. Подготовка, подача и восприятие информации, как утверждают исследователи, проходит в несколько этапов: «сообщения формулируются профессионалами, передаются в газету быстро и непрерывно, интерпретируются аудиторией в соответствии с их жизненным опытом и, как результат, аудитория подвергается определенному влиянию» [5, с. 12–13]. Интернет-газета зачастую представляет информационные материалы, в которых присутствуют описания серьезных размолвок, скандалов и конфликтов, происходящих в политическом поле Украины.

В структуре конфликта есть два важных элемента: «стороны конфликта и информационные модели конфликта, которые возникают у основных и второстепенных его участников» [1, с. 95]. Но представление конфликта в интернет-газете ограничивает информационные модели участников и выносит на первый план модель третьей стороны – сайта. Также конфликты не мотивируются докоммуникативной и посткоммуникативной фазами. Мы предполагаем, что конфликтные маркеры несут не только символически избранную информацию, но и могут, в некото-

рой степени, замещать отсутствующие элементы конфликта. Также мы считаем, что для анализа дискурса необходимо учитывать и его структурные характеристики, и тонально-жанровые измерения: «Говоря о тональности дискурса, имеются в виду такие параметры, как серьезность либо несерьезность, ... стремление к уническому либо конфликту, сокращение либо увеличение дистанции общения, открытое (прямое) либо завуалированное (косвенное) выражение интенций» [4, с. 6].

Система маркеров, выражающих отношение к адресату по шкале хороший / плохой, оценивающих интеллектуальные, моральные, умственные способности индивидуумов, называющих недружелюбное, недоброжелательное, враждебное чувство, а также инвективная лексика представлены на сайте существительными, прилагательными и наречиями. Интенции данных лексем акцентируются различными аспектами и представляют собой намерение адресанта не просто сообщить нечто, а передать в высказывании определенное значение, которое, несомненно, отвечает информационной политике газеты. Условием успеха в распознавании интенции индивидом является наличие именно лексических маркеров.

Лексические маркеры нельзя отрывать от общего контекста. Ситуативная интерпретация дискурса предполагает учет социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств общения, то есть помещает дискурс в область лингвопрагматического исследования. Но все же многие маркеры трактуются однозначно оценочно даже без контекста.

Прежде всего, представим лексические маркеры, которые дают характеристику Юлии Тимошенко. Их можно разделить на несколько групп, в частности:

1) называют недружелюбное, недоброжелательное, даже враждебное чувство к ней, ее поступкам, политическому будущему со стороны других политиков и официальной власти: *неприятнь* (А. Яценюка); *беседа* (о приглашении в прокуратуру), *персона*, *мученица*, *сухие и прохладные камеры с видом на тюремный двор*, *уньялая картина* (о будущем Ю. Тимошенко);

2) инвективная лексика: *жертва* (как пострадавшая в выборах);

3) отношение власти по шкале хорошая / плохая: *«имперский комплекс»*, *«владычица морская»*;

4) оценивающие интеллектуальные, моральные, умственные качества: *«балласт, перебежчики и козлы»* (процитированы якобы слова Ю. Тимошенко о бывших соратниках), *зловещая рука*, *незаконные, грубые, циничные нарушения*.

Выделены и лексические маркеры оценки действий официальной власти (Президента Украины, Верховной Рады), а также Президента России, например:

1) называют недоброжелательную, враждебную оценку со стороны других политиков и оппозиции: *коррупция и диктат*; *скандал*, *предательство*, *«экспромт» Путина*, *зablуждение* (о харьковских соглашениях); *пределы дружбы России и Украины*, *прыть российского премьера*, *шутка*, *«овосточивание»* (о слиянии «Нафтогаза» и «Газпрома»); *загончик с телевизором* (о предоставленном журналистам месте работы); *диверсия* (о политике В. Януковича);

2) инвективная лексика: *«стратегическое холопство»*, *марионетки* (Ю. Тимошенко о команде президента), *дурацкая блокада*, *«бандитская» власть* (Ю. Тимошенко о правительстве);

3) отношение по шкале хороший / плохой: *бездарности*, *бездарное руководство*, *бездарное и непрофессиональное правительство*, *истеричная манера*, *жесткий* (о Н. Азарове), *резко*, *грубо*, *не совсем цензурная форма*, *не самым правильным образом* (о выступлении Н. Азарова), *имперское предложение*, *незаконная коалиция*, *никудышный бюджет*, *запредельные амбиции*;

4) оценивающие интеллектуальные, моральные, умственные способности: *свистопляска* (о принятии бюджета), *неожиданно выдал* (об общении Н. Азарова с

журналістами), *какая-никакая* (о фракції), *мелочи* (о порушенні конституційного заборони на перебування іноземних баз на території України і о протестах опозиції), *чуть-чуть більш понятна ідея* (о Д. Медведєві); *чехарда, дележ потів, штурм трибуни* (в Верховній Раді); *ритуальна частина програми*.

Лексическі маркери оцінки дійсвий опозиційних сил:

1) недоброжелательная, враждебная оценка со стороны официальной власти: *хулиганство* (о А. Парубіє), *драчун* (о А. Яценюке), *вредители, обманщики, провокации, преступления* (о діяльності В. Ющенко);

2) инвективная лексика: *сборище*;

3) отношение по шкале хороший / плохой: *злые и крикливые вредители, плохо исполняли обязанности* (о діяльності правительства Ю. Тимошенко), *истерические стенания*;

4) оценивающие интеллектуальные, эстетические, моральные, умственные способности: *дело личного благосостояния* (о діяннях «Комітета спасения Украины»), *мародерство* (о діяннях організації «Братство»), *условно назвать разумными*.

Итак, сайт не пренебрегает «цитированием» и использованием явно конфликтной лексики, в корреспонденциях неизменно дает свои оценки событиям в Украине. Для формирования у пользователей определенного представления о чем-либо о ком-либо акцентирует внимание на нужных моментах. Больше всего используются маркеры, которые обозначают недоброжелательную, недружелюбную, иногда враждебную оценку политика со стороны других политиков, официальной власти, оппозиции. Менее используемые маркеры, которые обозначают отношение по шкале хороший / плохой. Такая оценочная лексика часто характеризуется явно негативной окраской, но ее употребление должно восприниматься пользователями сайта как «обоснованное», поэтому в информационных корреспонденциях она проявляется осторожно и обдуманно. Довольно продуктивной есть и группа, которая дает оценку интеллектуальным, эстетическим, моральным, умственным способностям индивидуумов. Есть основание полагать, что использование маркеров для подобных характеристик вполне оправданно. Именно они создают «картину» стратегии достижения цели политиком, в том числе и в конфликте. Случаи употребления инвективной лексики – единичны. Интересно, что в комментариях к событиям в России за последние месяцы мы зафиксировали только лексические маркеры, обозначающие недоброжелательную оценку отдельных российских личностей со стороны официальной власти или оценивающие их интеллектуальные, эстетические, моральные способности. Другие группы отсутствуют.

Интенции лексических маркеров, которые выражаются глаголами, будут охарактеризованы в ином поле: явная реакция потенциального конфликтного взаимодействия и реакция спонтанная, затрагивающая нравственно-психологический аспект взаимоотношения сторон. Отличия объясняем тонально-жанровыми особенностями конфликтных глаголов, которые имеют возможность называть различные действия во времени из возникновения или развития. А именно действия, речевые или физические, открытое либо завуалированное выражение интенций – это определители коммуникативной фазы конфликта.

Маркеры, идентифицирующие политическую деятельность Ю. Тимошенко:

1) потенциальное конфликтное взаимодействие: *не желала приходить, разворовывал средства* (бывший Кабинет Министров), *подставилась, гневно потрясая повесткой, отвернулись* (соратники), *отказалась выполнять требования, делает втихую, преследует; не знает, за что хвататься*;

2) спонтанное взаимодействие, нравственно-психологический аспект взаимоотношения сторон: *не заладилось* (с другими партиями), *пригрозила; заявила; сорвалась на угрозы, умудрилась разругаться, пожаловалась, обвинила* (Н. Азарова).

Маркеры, которые определяют действия официальной власти:

1) потенциальное конфликтное взаимодействие: *сорвала ток-шоу* (об А. Герман), *подрался, выставил за дверь, успел подраться с Л. Черновецким* (В. Цушко), *плюнул и ушел* (В. Литвин), *выдавили* (оппозицию), *позвали поговорить* (бывших министров), *отыгаться, играть роль лидера* (о России), *отобрал и выбросил в урну* (микрофон), *выпросить у России скидки на газ, «сдали» Москве;*

2) спонтанное взаимодействие, нравственно-психологический аспект взаимоотношения сторон: *заявила, хочет проверить* (об А. Герман), *заявил* (Л. Грицак), *требует* (В. Янукович), *запретили, заставит* (В. Литвин), *зарезали* (тему), *продавить* (закон), *забыли* (об уступках), *поддерживали заблуждение; Янукович капитулировал перед иностранцами, костерит* (о выступлении О. Тягнибока); *запахло скандалом, возмутило* (Президента), *посоветовал* (Д. Медведев украинским министром), *открестился* (украинский Президент) и др.

Маркеры, которые определяют оценку действий оппозиции:

1) потенциальное конфликтное взаимодействие: *дожать* (власть) *и проскочить* (в Раду), *расселись* (БЮТ), *отступить не намерены, встать на защиту Родины, порулить, потребовала импичмента для Януковича, пригрозили массовыми акциями;*

2) спонтанное взаимодействие, нравственно-психологический аспект взаимоотношения сторон: *лукавят, гордо отказались, намерены спасти* (от Президента), *не могут простить экс-премьеру воркования с Путиным, возмутило, впали в истерику, склочничают, бестолково призывают* и др.

Если стороны конфликтного взаимодействия достигают своих целей через открытое выражение интенций, активную вербальную агрессию, то на сайте представлено описание и открытого потенциального конфликтного взаимодействия политиков (с комментариями редакции), и завуалированного нравственно-психологического аспекта взаимоотношения, который эмоционально воздействует на адресата, ведь «главное назначение ценностных суждений не сообщать о фактах, а оказывать влияние» (4, с. 8). Таким образом, порицание, которое реализовано в системе лексических маркеров, имеет своей целью вызвать у пользователей сайта необходимое социально-психологическое восприятие Украины.

Логичным представляется и использование на сайте фразеологизмов, которые также дают разного рода оценки и образно-эмоциональные характеристики. Сайт использует публицистические фразеологизмы, близкие к научному, книжному стилю, но используется и разговорная фразеология, обладающая яркой эмоциональной экспрессивностью. Мы сделали вывод, что интернет-газета свое предпочтение отдает не классической, а трансформированной или новой фразеологии. Фразеологизмы разговорного характера имеют сниженный стилистический оттенок: *укажу другое место* (В. Янукович о министре угольной промышленности), *рассказывал студентам всякую всячину, не болтать языком* (В. Янукович журналисту), *ответить за базар* (Ю. Тимошенко), *пацан сказал – пацан сделал, дошли руки, не вышел политическим ростом; в кризис коней не меняют; сажание на кол* (о А. Яценюке), *ни с того, ни с сего; теряют почву под ногами, запахло грандиозным скандалом, ситуация зашла в тупик, взял под козырек* (Генпрокурор), *не выдержали нервы* (у Ю. Тимошенко).

Книжные фразеологизмы на сайте придают сообщениям оттенок приподнятости и торжественности. Но такая экспрессия наблюдается не всегда, эти фразеологизмы могут быть и стилистически нейтральными. Например: *президент и пре-*

мьер денно и ноцно заботятся о народе; поставит в вину, обнаружит «благие побуждения», в спасителях согласия нет, учинит суд, сохранит ненадежное статус-кво. Таким образом, сайт Lenta.ru активно использует фразеологизмы для маркировки конфликтного дискурса, а особенно в названиях информационных материалов и комментариях: *Украинский министр отправил в нокдаун депутата Рады* (06.05); *Грехи ее тяжкие* (30.04); *Снова нездорово* (03.04); *Тимошенко и не снилось* (22.04); *Шутка ли сказать* (04.05); *Азаров обнаружил «благие побуждения» в идее слияния «Газпрома» и «Нафтогаза»* (05.05). В интернет-издании, прежде всего, используются фразеологизмы, которые дают не столько негативную, сколько иронично-насмешливую оценку нашей политической жизни. Ведь формирование политического имиджа нашей власти не является их задачей, поэтому редакция не ограничивает себя в использовании определенного языкового материала.

Интересно, что в разделе «Россия» фразеологизмы также присутствуют. Редакция осознает, что легче воспринимается информация, представленная с юмором, комическим эффектом, например: *Возмездие замедленного действия* (24.05); *Мочить в иракском сортире* (26.04); *Словами сыт будешь* (12.02); *Елки-палки* (19.05); *Роскошь – не порок* (13.05); *Те же яйца, вид сбоку* (24.03). Но при этом по отношению к официальной власти, к Президенту их использование не допускается.

Обратим еще раз внимание на тот факт, что сайт не украинский, но при этом дается характеристика нашим политическим личностям, которые не участвуют в процессе коммуникации, не могут влиять на ситуацию и представить свою модель конфликтного взаимодействия. Это нарушает традиционные нормы этикета в обществе и может вызывать у адресата негативные эмоциональные реакции. Но повторяемость информации, которая реализуется в повторяемости, прежде всего, лексических маркеров, формирует «украинский» имидж в сознании мирового и российского сообщества. Казалось бы, улучшения во взаимоотношениях Украины и России должны были бы изменить представляемый «украинский образ». Но такой вывод сделать мы не можем. Фактически количество лексических маркеров не уменьшилось. Кроме этого, на политической арене появились новые лица, привнесшие свои конфликтные взаимодействия, и в отношении которых журналисты реализовали уже новые речевые сигналы.

Итак, использование лексических и фразеологических маркеров направлено на организацию словесного материала для компенсации отсутствующих фаз конфликтной коммуникации. На этапе подготовки редакцией текста для аудитории маркеры «замещают» информационные модели конфликта от лица самих конфликтующих. Таким образом, эти конфликтные маркеры несут символическую информацию, которая объединяет не два, а три элемента: стороны, информационные модели участников и информационные модели редакции. И именно такой процесс вызывает у пользователей сайта нужное психологическое восприятие, ибо они не готовы к подобной «замене». Следовательно, маркеры в СМИ нужно воспринимать как сложное и опасное социально-психологическое явление.

Библиографические ссылки

1. **Анцупов А. Я.** Конфликтология в схемах и комментариях / А. Я. Анцупов, С. В. Баклановский. – СПб. : ПИТЕР, 2005. – 288 с.
2. **Белоус Н. А.** Функциональные особенности конфликтного дискурса / Н. А. Белоус // Знание, понимание, умение. – 2008. – № 4. – С. 152–157.
3. **Каменский М. В.** Социоллингвистическая парадигма дискурсных маркеров: автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19. Теория языка / Каменский М. В. – Ставрополь, 2007. – 19 с.

4. **Каразия Н. А.** Лингвопрагматическое исследование конфликтного дискурса [Электронный ресурс] / Н. А. Каразия. – Режим доступа : http://www.kamgu.ru/catalog/journal/2006/KR%202006%202_6.pdf.
5. **Квіт С.** Масові комунікації / Сергій Квіт. – К. : Видавничий дім «Киево-Могилянська академія», 2008. – 206 с.
6. **Муравьева Н. В.** Язык конфликта / Н. В. Муравьева. – М. : Термика, 2004. – 214 с.
7. **Почепцов Г. Г.** Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук; К. : Ваклер, 2001. – 656 с.

Надійшла до редколегії 03.06.10

УДК 811.161.1'37

Л. В. Бердник

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

ИСТОЧНИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТИ СЕМАНТИКИ ДЕВЕРБАТИВОВ

Проаналізовано фактори, які зумовлюють фразеологічність семантики віддіслівних найменувань діяча, а також розглянуто можливість типізації пропозиціональних імплікацій.

Ключові слова: семантика, фразеологічність, пропозиціональні імплікації, найменування діяча, девербатив.

Проанализированы факторы, обуславливающие фразеологичность семантики отглагольных наименований деятеля, а также рассмотрена возможность типизации пропозициональных импликаций.

Ключевые слова: семантика, фразеологичность, пропозициональные импликации, наименования деятеля, девербатив.

Factors which cause semantic augments in nouns derived from verbs and denoting a doer of an action are analyzed and besides, the possibility of implicit meaning typification is considered.

Key words: semantic augments, implicit meaning, deverbative, to denote, a doer of an action.

Словарная дефиниция, эквивалентная производному имени деятеля, представляет собой «особый тип синтаксической конструкции» [8, с. 289] с экспонированными связями и актантами производящего. Складывающиеся внутри словообразовательной конструкции отношения, по мнению Марчанда, повторяют определенные синтаксические отношения с разницей в том, что эксплицитная синтагма, предложение, редуцируется в словообразовательной конструкции – синтагме латентной [8; 21, с. 132–133]. Производное, – утверждает Г. Марчанд, – это синтагма с отношениями определяющего и определяемого (*determinant* и *determinatum*), и суть анализа отношений между компонентами производного заключается в том, чтобы установить, какая именно часть предложения – субъект, объект или обстоятельства – становятся *determinatum* сложения, а какая часть предложения осмысливается, соответственно, как детерминант [8; 22, с. 62].

«Маркированность семантической связи характером и содержанием определенного вида отношения, обязательно инкорпорированного в его дефиниционную часть, дает полное представление об именуемой реалии. Наличие определенного сходства в построении словообразовательной модели и синтаксической позволяет «на основе уже зафиксированных образцов ... создать модель, которая была бы приемлема к потенциально возможным объектам и которая отразила бы в исчисли-

мом и конечном множестве символов неопределенное и бесконечно большое количество реальных и потенциально возможных объектов» [2, с. 52; 16, с. 379].

Анализ словообразовательной семантики производных слов, их «внутренне-го» (глубинного) синтаксиса, актуализирующего те или иные аспекты содержания, на основании своеобразного распределения видов мотивационных отношений между словообразовательными типами, позволяет в их составе выявить модели, группируемые по типу номинации [7, с. 44–47; 10; 11 и др.].

Сложность, с которой приходится столкнуться, состоит в том, что в пределах одного ономаσιологического аспекта оказываются реализованными структурно-логические схемы, получающие разное словообразовательное решение, но с той разницей, что для одного словообразовательного типа это характерное, «ядерное» решение, типичное, а для другого – «периферийное» [1, с. 47].

Наборы актантных и семантических связей позволяют одному и тому же мотивирующему и мотивированному презентовать разные структурно-логические схемы (за счет смысловых приращений) и одновременно ограничивают актуализацию словообразовательного потенциала глагола в силу принадлежности к определенной лексико-семантической группе [1, с. 51]. В то же время «синтаксичность словообразовательных процессов есть их универсальное, функциональное свойство, определяющее в содержательном аспекте характер и типологию этих процессов и, в конечном итоге – структуру производного слова» [17, с. 159; 1, с. 44].

Неоднородность скрытых семантических компонентов по характеру и источникам возникновения – факторы, определяющие степень их серийности, индивидуальности, предсказуемости и непредсказуемости [9, с. 252].

В русском языке примеры отглагольных субстантивов свидетельствуют в пользу того, что способы концептуализации определяют способы вербализации, а степень предсказуемости скрытых в них дополнительных смыслов имеет градиционный характер: 1) полная; 2) высокая; 3) промежуточная; 4) низкая или отсутствующая полностью. Поэтому с некоторыми поправками заимствуется [9, с. 247–248] соответствующая номинация скрытых дополнительных смыслов:

нулевой – (*цокальщик* – ‘тот, кто цокает’ [25, т. 4, с. 1228]; *дакальщик* – ‘тот, кто дакает’ [25, т. 3, с. 538]);

минимальный – унаследованный от производящего, обусловленный его семантикой и валентностями, системный, регулярный, предсказуемый, напр.: *нагревальщик* – ‘рабочий, занятый нагреванием чего-л.’ [24, т. 7, с. 118], *нагревальщик* – ‘рабочий, занятый нагреванием чего-л.’ [24, т. 7, с. 119] (скрытый, но регулярно предсказуемый смысл ‘профессия’);

фразеологический – приращенный в процессе словообразования, не всегда регулярный, но с выраженной тенденцией к предсказуемости, ср.: *изгнанник* – ‘тот, кого изгнали’; *выученик* – ‘тот, кого выучили, прошедший школу у кого-н.’; но *взрывник* – не ‘тот, кого взорвали’, а ‘тот, кто профессионально выполняет действие – взрывает’);

идиоматический – уникальный, неповторимый, единичный, непредсказуемый, невыводимый по стандартной модели / схеме, напр. *связник* – *спец.* ‘Часть тычинки, соединяющая половинки пыльника’ [24, т. 13, с. 455], *наездник*₆ – *спец.* ‘Насекомое из отряда перепончатокрылых, откладывающее яйца в тело гусениц других насекомых’ [24, т. 7, с. 190].

Таким образом, в лингвистике представлены две точки зрения [9, с. 98] на фразеологичность семантики производных как индивидуальное свойство конкретного слова, в пределах которого она 1) невыводима, непредсказуема и в силу ее индивидуальности нетипизирована (М. В. Панов, А. М. Пешковский) и 2) предсказуема, выводима, типизирована (О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова,

И. С. Улукханов, И. Г. Милославский, В. А. Кудрявцева). Обе они представляют собой крайности, обе имеют право на существование с той только разницей, что у словообразователя особый интерес вызывают производные с типовым, регулярным характером приращений. Градация на уровне приращения производных имени деятеля (ср.: уровень внутренней формы и уровень словообразовательного значения) позволяет и в нем увидеть родовидовые отношения: смысловое приращение как некая абстракция (вообще) и ее реализация в частностях (НП, МП, ФП, ИП). В отличие от внутренней формы и словообразовательного значения этот слагаемый компонент лексического значения может полностью отсутствовать.

Учет и анализ нетипизированных приращений, в свою очередь, имеющих место как языковой факт, также помогают прояснить перспективы развития, т. е. являются показательными.

Типы отношений в синтагме девербатива (субъектные, объектные, осложненные инструментальными, временными, целевыми и т. п. характеристиками) представляют разновидности синтагматической субординации, т. к. актанты, вступающие в синтагматические отношения с производящим словом, семантически дополняя его, детерминируются им.

Источниками скрытых компонентов значения в семантике деривата называются «производящая основа, обеспечивающая сохранение значения исходной предикативной конструкции; суффикс, закрепляющий приращенное значение, а также экстралингвистический и прагматический факторы, привносящие индивидуальное значение в семантику слова» [9, с. 246].

Структурно невыраженное «нечто большее», определяемое лингвистами как фразеологичность семантики, детерминируется рядом факторов:

- многопризнаковостью денотата (наименования *выключатель* и *включатель* соотносится с представлением об одном и том же приспособлении, *шифровщик* коррелирует с представлением о таком же *лице*, что и *расшифровщик*, *скупщик* – ‘тот, кто скупает и перепродает что-л.’ [24, т. 13, с. 1098]);

- синтаксической ролью производящего глагола (напр., активность – пассивность: *воспитатель* – *воспитанник* и т. п.);

- особенностями лексической семантики производящего слова (*гонщик* – ‘тот, кто гонит спортивные машины, стадо, лес’ [24, т. 3, с. 261]; *терицик* – ‘тот, кто растирает, размельчает что-л.; растирает тела в бане’ [24, т. 15, с. 373]);

- частными словообразовательными значениями ‘лицо’ / ‘предмет’ / ‘вещество’ / ‘место’: *распределитель* – 1. ‘Лицо, распределяющее что-л.’ 2. ‘Учреждение, ведающее распределением кого-л. ...’ 3. ‘В период существования карточной системы магазин, в котором распределялись товары’. 4. ‘Приспособление, устройство, машина и т. п. для распределения чего-л. (тока, газа, воды и т. п.)’ [24, т. 12, с. 738]; *наполнитель* – 1. ‘Рабочий, занимающийся наполнением чего-л.’ 2. ‘Вещество, прибавляемое к другому веществу для улучшения свойств последнего’ [24, т. 7, с. 397];

- наличием или отсутствием коннотации (*паскудник* – груб., простореч., бранное [24, т. 9, с. 256]; *искуситель* – книжн. [23, с. 219]; *ваятель* – устар. и высок. [23, с. 60]);

- возможностью употребления производного слова в переносном значении (метафора, метонимия): *штамповщик* (*идей*), *пленник* (*страстей*); *заместитель* (‘лицо’ – ‘должность’), *заготовитель* (‘лицо’ – ‘организация’);

- субъективным и объективным характером внутренней формы (ср.: *воспитатель* – о том, кто не соответствует образу, и т. п.).

Асимметрия между планом содержания и выражения предстает наглядно в дефиниции, выражающей лексическое значение слова, т. к. объяснительная часть

превышает по объему дефинируемое производное. «...Парадокс семантики, заключающийся, образно говоря, в том, что шар большего объема, т. е. план содержания, вкладывается в шар меньшего объема – план выражения» [82, с. 85]. Так, *писатель* – не тот, кто просто пишет, а ‘лицо, профессионально занимающееся литературной деятельностью; автор художественных произведений’ [24, т. 9, с. 1225].

Фразеологичность семантики производного наименования безусловно зависит от фактора одно- / многозначности производящего глагола (чем меньше значений у производящего, тем больше вероятность предсказать значение приращения), от степени проявляемой именем избирательности в наследовании значений глагола, от способа / вида мотивации семантики производного имени производящим глаголом («параллельная», «радиальная», «опосредованная») [15]. Согласно исследованиям, «параллельная мотивация наблюдается в случае, когда от каждого значения исходного глагола образуется несколько значений имени. В случае радиальной мотивации от одного значения мотиватора образуется несколько значений имени. Наконец, при опосредованной мотивации образуется вторичное, метафорическое значение имени» [9, с. 251].

В то же время, несмотря на одинаковую внешнюю форму, первичное и вторичное наименование также обладают разными значениями, т. е. за поверхностным тождеством скрывается прямой и переносный смысл дериватов, обусловливаемый разными идейными стержнями (характером внутренней формы) и курсором (смысловым приращением): *лакировщик* (прям.) – *лакировщик* (перен.), *вольничик* (прям.) – *вольничик* (перен.) и т. п.

Прямые и переносные значения глагола могут оформляться в дериватах разными суффиксами, ср.: *сеяльщик* – ‘с./х. рабочий, занимающийся посевом семян’ [24, т. 13, с. 739] и *сеятель* – *высок*. ‘Тот, кто сеет. С. знаний, добра (перен.)’ [23, с. 621]; *подрывник* – ‘специалист по взрывным, подрывным работам’ [24, т. 10, с. 578] и *подрыватель* – ‘тот, кто вредит чему-л.’ [24, т. 10, с. 575]; *носильщик* – ‘рабочий по переноске чего-л. // рабочий по переноске багажа на вокзалах, пристанях и т. п.’ [24, т. 7, с. 1412] и *носитель* – 1. ‘Тот, кто обладает, наделен чем-н. (идеями, талантом, идеалами и т. п.)’. 2. ‘О предмете, веществе и т. п., обладающем каким-л. свойством, содержащим в себе что-л.’. 3. *Спец.* ‘Распространитель какой-н. инфекции’ [24, т. 7, с. 1412]; *гонщик* – ‘участник спортивных гонок’ [24, т. 2, с. 261] и *гонитель* – (*высок*.) ‘притеснитель, преследователь’ [24, т. 3, с. 170], но могут иметь и одинаковые структурные выражения, напр.: *проповедник* – 1. ‘Тот, кто произносит проповеди.’ 2. (перен.) ‘Распространитель какого-н. учения, идей, взглядов и т. п. (книжн.)’ [23, с. 535]; *пленник* – 1. ‘Человек, взятый в плен, находящийся в плену’. 2. (перен.) ‘Человек, находящийся под непреодолимой властью, влиянием кого-, чего-л.’ [24, т. 9, с. 1374].

Семантическая сочетаемость производящего, возможное его лексическое окружение сказываются на степени идиоматичности производного. Так, исключительная направленность действия производящего глагола на один объект лишает производное слово в прямом его значении идиоматичности: *копать (землю)* – *копальщик*, *пилить (дерево)* – *пильщик*, *прясть (пряжу)* – *прядильщик*, *удить (рыбу)* – *удильщик* [13; 14; 19; 20 и др.]. Тем не менее в подобных словах возможность умышленной подмены не экспонируемого в структуре производного слова объекта создает предпосылки для метафоризации (напр., *пилить мужа*, *удить / выуживать информацию*).

Направленность действия может предполагать и несколько объектов, напр.: *подавать (кирпичи на стройке; кушанья, блюда в столовой; пожертвования и т. д.)* – *подавальщик* [24, т. 10, с. 214]; *расширять (обувь; скважины; трубчатые органы и т. д.)* – *расширитель* [24, т. 12, с. 1008]. Объектная сема, в таких случаях,

формирует скрытое значение, эксплицировать которое можно только в контексте ситуации речевого общения. Между тем «...семантический результат относительной актуализации двух или более слов в каждом языке не только разнообразен, но и в высшей степени своеобразен и идиоматичен» [204, с. 68].

Многозначная производящая основа в синхронном срезе языка вмещает в себя все возможные на этом этапе развития слова семантические признаки (и первичные, и переносные), определяющие отдельные его (производящего глагола) семантические значения. Отличие мотивации моносемными, семантически элементарными словами от мотивации полисемными заключается в появлении, как правило, фактов более высокой степени идиоматичности во втором случае по сравнению с первым [12, с. 100].

Потенциально любое слово (и моносемное в том числе) способно передавать несколько значений. На базе каждого из них при отсутствии строгих ограничений может возникнуть производное, которое может быть и носителем, и источником переносных, вторичных наименований [7, с. 6].

Степень активности использования производящего слова носителями языка, являющаяся показателем его социально-культурной значимости, оказывает влияние на его словообразовательный потенциал. Большая частота употребления производящего обуславливает его высокую деривационную активность [18, с. 64]. Значение производных от лексических единиц иноязычного происхождения подвергается сужению / расширению в зависимости от особенностей их осмысления в родном языке. Это увеличивает степень фразеологичности семантики производных.

Внутреннюю форму (ВФ) языковой единицы нельзя свести ни к этимологии, ни к лексическому значению, ни к мотивированности, ни к сумме значений составляющих морфем. Она только ориентирует на значение слова, не обозначая его, создавая условия для порождения явления фразеологичности семантики производных слов. Характер же ВФ слов непосредственно связан со словообразовательными особенностями производной лексической единицы. Образно говоря, ВФ дает жизнь слову, «настраивает» на то, какое лексическое значение оно будет передавать (абстрактное, образное, оценочное и т. д.).

Таким образом, при синхронном рассмотрении внутренняя форма производного слова – это ключевой эксплицитный компонент его словообразовательной семантики, который позволяет установить структурно-семантическую связь с производящим словом, указывает не только на выделяемый сознанием отличительный признак реалии, но и на отношение (прямое, переносное) к ней, а также позволяет как передать, так и предположить содержание, заключенное в вербальной оболочке. ВФ одновременно выступает и носителем идейной информации, и координатором внешней структурной формы деривата. ВФ диктует способ образования производных слов (в случае сходства основополагающей идеи), и развитие их значения.

Выводы. При условии регулярности внутренних импликаций производных имен деятеля тождественной структуры отмечаются перспективы их систематизации на основании общей специфики характера внутренней формы производного слова. Было установлено, что имплицитные смысловые отношения фиксируются в словообразовательных моделях достаточно регулярно. Когнитивный подход к выявлению специфики семантической структуры производного слова позволяет произвести учет типизированных пропозициональных импликаций: 1) своеобразии синтаксических и семантических связей, 2) степень их предсказуемости на основании регулярности.

В этой связи систематизация информации (объектной, субъектной, атрибутивной, обстоятельственно-характеризующей – причины, места, времени и др., а также коннотативной, ассоциативно-образной, ассоциативно-смежной), передавае-

мой семантическими приращениями в зависимости от характера внутренней формы, способствует решению проблемы декодирования структуры отглагольных производных. Взаимодействие и соотношение скрытых связей (предикативных, семантических, логических, ассоциативных) производящего слова и основополагающего признака номинируемого производным словом фрагмента действительности (т. е. внутренней гипотезы слова) принимает определенную словообразовательную форму, тем самым формируя качественное своеобразие производного слова как представителя словообразовательного типа. Следовательно, семантическое приращение является словообразовательным явлением.

Библиографические ссылки

1. **Араева Л. А.** Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы (на материале русских говоров) : дис... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 / Араева Л. А. – Кемерово, 1994. – 452 с.
2. **Волоцкая В. М.** Об одном подходе к описанию словообразовательной системы / В. М. Волоцкая // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. – М. : Наука, 1966. – С. 51–62.
3. **Голев Н. Д.** Типы реализации предметных мотивирующих значений в производной лексике русского языка / Н. Д. Голев // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. – Томск : Томский ун-т, 1979. – Вып. 3. – С. 11–19.
4. **Голев Н. Д.** Ономазиология как наука о номинации (О взаимодействии ономазиологии и семасиологии) / Н. Д. Голев // Семантика слова и ее функционирование : межвуз. сб. науч. тр. – Кемерово, 1981. – С. 9–10.
5. **Голев Н. Д.** К соотношению лексической и словообразовательной мотивации (функциональный аспект) / Н. Д. Голев // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. ст. – Ташкент : Укитувчи, 1985. – С. 117–124.
6. **Голев Н. Д.** Динамический аспект лексической мотивации : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Н. Д. Голев – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1989.
7. **Гинзбург Е. Л.** Словообразование и синтаксис / Е. Л. Гинзбург. – М. : Наука, 1979.
8. **Караулов Ю. Н.** Лингвистическое конструирование и тезаурус русского литературного языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1981. – 366 с.
9. **Кудрявцева В. А.** Наследование валентностных свойств глагола отглагольным именем : (На материале наименований лиц в русском языке) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. А. Кудрявцева. – М., 1991. – 379 с.
10. **Кубрякова Е. С.** Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1986. – 149 с.
11. **Кубрякова Е. С.** О новых путях исследования значения (теория айсберга) / Е. С. Кубрякова // Проблемы семантического описания единиц языка и речи. – Минск, 1998.
12. **Моисеев А. И.** Мотивированность слов / А. И. Моисеев // Уч. зап. ЛГУ. – № 232. – Сер. филол. наук. – Вып. 68. – Л., 1963. – 255 с.
13. **Морозова Т. С.** Наблюдения над фразеологичностью семантики производного слова / Т. С. Морозова // Вопросы русского и общего языкознания : сб. науч. тр. – № 580. – Ташкент : Ташк. гос. ун-т, 1979. – С. 129–133.
14. **Морозова Т. С.** О фразеологичности семантики производных слов (на материале отглагольных существительных) / Т. С. Морозова // Русский язык в нац. школе. – 1983. – № 3. – С. 15–20.
15. **Медведева Л. М.** Типы словообразовательной мотивации и семантика производного слова / Л. М. Медведева // Вопросы языкознания. – 1989. – № 1. – С. 86–88.
16. **Общее языкознание. Внутренняя структура языка** / под ред. Б. Н. Серебренникова. – М. : Наука, 1972. – 560 с.
17. **Сахарный Л. В.** Некоторые особенности функционирования словообразовательных моделей (На материале имен существительных в русских говорах Среднего Урала) / Л. В. Сахарный // Уч. зап. Перм. ГУ. Языкознание. – Пермь, 1966. – № 612. – С. 136–159.

18. **Тихонов А. Н.** Синхрония и диахрония в словообразовании / А. Н. Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд : Самарк. гос. ун-т, 1972. – С. 351–374.
19. **Улуханов И. С.** Изменение лексической сочетаемости как причина семантических изменений / И. С. Улуханов // Актуальные проблемы лексикологии : тез. докл. 3-й лингв. конф. – Ч. 3, 4. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1971. – 301 с.
20. **Улуханов И. С.** Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания / И. С. Улуханов. – М. : Наука, 1977. – 256 с.
21. **Marchand H.** On attributive and predicative derived adjectives and some problems related to the distinction / H. Marchand. – «Anglia». – 1966. – Bd. 84. – Н. 2.
22. **Marchand H.** The analysis of verbal lexus nexus substantives / H. Marchand. – «Indogermanische Forschungen». – 1965. – Bd. 70. – Н. 1.
23. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – [18-е изд., стереотип.]. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
24. **Словарь современного русского литературного языка** : в 17 т. – М.–Л. : АН СССР, «Наука», 1948–1965.
25. **Толковый словарь русского языка** : в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ОГИЗ, 1935–1940.

Надійшла до редколегії 30.03.10

УДК 811.11'25

Н. И. Билан

*Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта
имени академика В. Лазаряна*

ПЕРЕВОД НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК РУССКИХ И УКРАИНСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРЕДИКАТАМИ АФФЕКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И ОБЛАДАНИЯ

Запропоновано семантико-синтаксичний аналіз варіантів перекладу англійською мовою високочастотних інверсивних синтаксичних конструкцій російської та української мов, які утворені предикатами афективного впливу і володіння.

Ключові слова: переклад, семантико-синтаксична структура, агенс, модальність, каузальність, стан.

Предложен семантико-синтаксический анализ вариантов перевода на английский язык высокочастотных инверсивных синтаксических конструкций русского и украинского языков, образуемых предикатами аффективного воздействия и обладания.

Ключевые слова: перевод, семантико-синтаксическая структура, агенс, модальность, каузальность, залог.

The semantic syntactic analysis of the ways of translating into English frequently used Russian and Ukrainian inverted syntactic structures with the predicates of emotional impact and possession has been carried out.

Key words: translation, semantic syntactic structures, agent, modality, causality, voice.

Данная статья посвящена семантико-синтаксическому анализу вариантов перевода на английский язык инверсивных синтаксических конструкций русского и украинского языков, образуемых предикатами аффективного воздействия и обладания типа *Им нравится эта музыка; У нее много работы; Ей много работы; Ему есть / было / будет задание.* **Целью** статьи является анализ высокочастотных семантико-синтаксических структур украинского, русского и английского языков, до

сих пор порождаючих лінгвістическіє спори. Достиження поставленої цілі здійснюється за допомогою виявлення семантико-синтаксическіє механізмів вираження категорії активності / пасивності в аналізованих висловлюваннях українського, російського і англійського мов, що є задачею даного дослідження.

Предикати, описуючі психіческіє стани людини, згідно порівняльно-історическому дослідженню основних типів індоєвропейських речень, походять з неактивних предикатів *perfecta tantum*, розділених на «стан тіла» і «стан духа». Ці предикати формували І-й тип протоіндоєвропейського речення, складеного з неактивного суб'єкта і неактивного дієслова [7, с. 18].

З предикатами цієї групи пов'язані, наприклад, дієслова *радіюватися, боятися, ненавидіти, бачити, содрогатися, здивуватися, думати (о чом-либ), жадати, прагнути, вірити, надіятися, знати* [7, с. 18–23]. Ця група предикатів з значенням психіческого стану людини, за результатами досліджень Г. А. Климова, на які посилається Ю. С. Степанов, знаходить повне типологічне співвідношення в так званих афективних дієсловах картвельських мов, і в тому числі грузинської. В плані вираження афективні дієслова грузинської мови мають характерні особливості: во всіх трьох рядах часів (прислівної, аористної і перфектної) вони утворюють інверсійну конструкцію речення – суб'єкт виражається дательним падежом, а в дієслові відбувається інверсія показувачів суб'єкта і об'єкта – дієслово згоджується не з суб'єктом, а з об'єктом. За першою особливістю (дательному падежу суб'єкта) ця конструкція аналогічна всім індоєвропейським: рос. *Мне холодно*. За другою рисою, об'єктному згодженню, вона схожа на структуру латинського речення *Mihi pater colendus est* – лат. *Мне слід почитати батька*, де *pater* – є формальним підлеглим в номінативі, але не суб'єктом, а об'єктом дії, так як в більш архаїчному латинському обороті семантичний об'єкт є підлеглим, а прямим доповненням в аккузативі: *Patrem mihi colendum est* [7, с. 32–33].

Крім дієслів сприйняття і спробування почуттів, в клас інверсивних дієслів в грузинській мові входять ще дієслова володіння. За спостереженнями Э. Бенвениста, во всіх мовах розвиток конструкції володіння йде від синтаксическої конструкції, подібної латинській *mihi est – мне есть* до дієслова володіння типу латин. *habeo* [2, с. 212]. Ю. С. Степанов наводить дані Ю. Г. Кортова, який з допомогою цього положення показав, що всі грузинські інверсивні дієслова мають одну глибоку семантику – «стан володіння». Різноманітністю конструкції *єсть у мене* в індоєвропейських мовах є *єсть мне*, наприклад, *Jam buvo trys broliai* – лит. *Ему были три брата*. Слід відзначити і ще одну дуже важливу для розкриття семантики перфекта мовний механізм – всі перехідні дієслова грузинської мови, але тільки в перфектній групі часів, утворюють інверсійну конструкцію. При відсутності семантики психіческого стану в цьому випадку явним значенням, що об'єднує всі групи дієслів, створює інверсійну конструкцію, є значення «стан володіння». Саме це значення, за думкою Ю. С. Степанова, лежить в основі індоєвропейського перфекта [7, с. 33].

Зв'язок між станом і володінням відображений в назві Категорії 8 «Володіння» (Стан) Аристотеля, яку філософ демонструє формами грецького перфекта (цит. по: [2, с. 110; 6, с. 127; 8]).

Слід відзначити, що в російській і українській мовах зберігається ця інверсійна конструкція в предикаціях типу *Мне есть / было / будет задание, ис-*

пытание, указание, предостережение; Мне был / будет сон, знак; Мені є / було / буде завдання, випробування, вказівка, попередження; Мені був / буде сон, знак.

Русская и украинская структуры со значением обладания *У нее много работы; У нее нет работы; У неї багато роботи; У неї немає роботи* трансформируются в конструкции с дательным падежом и факультативной модальностью необходимости, усиливающей сему зависимости денотата, идентифицируемого личным местоимением от наличия или отсутствия *работы* – *Ей много работы; Ей нечего делать; Ей нужно сделать много; Ей ничего не нужно делать; Їй багато роботи; Їй немає чого робити; Їй треба зробити багато; Їй не треба нічого робити*. Значение предопределенности действий или состояния элемента семантической структуры высказываний, соответствующего поверхностному субъекту, отражено и в таких предложениях русского и украинского языков, как *Что мне делать с кем-либо / чем-либо? Что я должен (могу) с ним / с собой / с этим делать?; Що мені робити з ким-небудь / чим-небудь? Що я повинен (можу) з ним / з собою / з цим робити?*, также оформляемых модальностью необходимости или возможности. В последнем примере модальность возможности, хотя и отличается от модальности необходимости степенью сообщаемой элементу в позиции подлежащего свободы в принятии решения относительно каких-либо действий, все же определенно говорит об отсутствии той степени свободы действий и контролируемости ситуацией, которая присуща агенсу. То же можно сказать и о примере *У нее много работы, которую она может / должна сделать; У неї багато роботи, яку вона може / повинна зробити*. Возможность сделать данную работу предопределяется наличием последней. В отрицательном варианте этого примера *У нее нет работы; Ей нечего делать; У неї немає роботи; Їй немає чого робити* полное отсутствие возможности сделать некоторую работу сообщает ситуации значение полного отсутствия контроля со стороны субъекта поверхностной структуры предложения.

Очевидно эту сему модального глагола *can* – англ. *мочь, быть в состоянии* имеет в виду Г. Г. Сильницкий, когда, объединяя модальные глаголы английского языка *can* – англ. *мочь, быть в состоянии; may* – англ. *мочь, иметь разрешение и must* – англ. *быть обязанным* в группу потенциальных предикатов, этот лингвист говорит о том, что данные глаголы имплицитно подразумевают ненамеренное терминальное состояние объекта, которому предиктируются данные потенциальные глаголы [5, с. 377].

Разрабатывая логико-семантические аспекты языка, Г. Г. Сильницкий постулирует ряд значительных положений о семантических доминантах семантических структур предложений, одной из которых является объект обладания. Этот лингвист вычленяет в ситуациях, моделируемых высказываниями, константы и переменные. Первые автор называет актантами, вторые – состояниями актантов. В том случае, если состояние имеет два носителя данного состояния, оно называется реляционным и его актантами могут чаще всего быть связаны отношением субординации, то есть выполнять различные – доминантную и субординантную – функции в ситуации. Под доминантой понимается более стабильный, под субординантой – менее стабильный элемент ситуации. Одним из двух основных подтипов субординации является адъекция. В основе адъекции лежит понятие принадлежности, формулируемое следующим образом: А имеет Б. Б – объект обладания, выступающий в роли доминанты. Приобъектный актанта, выполняющий субординантную функцию, называется адъектом – А. Г. Г. Сильницкий называет в таких реляционных состояниях доминантой объект на том основании, что он является потенциальным субъектом. «Принадлежность» определяется в данном исследовании как «возможность применения»: А имеет Б означает, что А может использовать Б [5, с. 379].

О типологической важности способа выражения категории посессивности пишет Т. В. Булыгина, указывающая на тот факт, что «...особенности выражения посессивных отношений были положены в основу деления языков мира на два класса: класс языков, широко использующих в этой функции конструкции типа лат. *mihī est liber* ‘у меня (букв. ‘мне’) есть книга’, и класс языков, предпочитающих конструкции типа лат. *habeo librum* ‘я имею книгу’ (мы будем называть эти два класса Е-языками и Н-языками – по первым буквам соответствующих латинских глаголов)» [3, с. 13].

Среди комплекса явлений, связанных с этой типологической характеристикой, Т. В. Булыгина отмечает тенденцию к грамматикализации данных глаголов, воплощающуюся в перфектных конструкциях, и использованию соответствующих глаголов для передачи значения долженствования [3, с. 19–20].

Семантически доминантная роль объекта обладания и субординантная роль субъекта обладания, оформляемого в русском и украинском языках косвенными падежами, находят соответствующее выражение и в английском языке – позицией предложного дополнения для одушевленного субъекта обладания в предложениях типа *There is a lot of / much work for her to do; There is no work for her to do*. Роль семантического объекта воздействия, отводимая одушевленному партиципantu в ситуациях обладания в английском языке, подтверждается семантико-синтаксическими структурами следующих предложений, передающих значение русских и украинских предложений типа *У нее много работы; У нее нет работы; Ей нужно сделать много; Ей ничего не нужно делать; Їй багато роботи; Їй немає чого робити; Їй треба зробити багато; Їй не треба нічого робити, Що мне делать с кем-либо / чем-либо? Что я должен с ним / с собой / с этим делать?; Що мені робити з ким-небудь / чим-небудь? Що я повинен з ним / з собою / з цим робити?*, – англ. *There is a lot of / much work that she must / has to / has got to do; There is no work that she must / has to / has got to do; What must I / do I have to / have I got to do with smth / smb?; What must I / do I have to / have I got to do with him / myself / this?*. В данных английских предложениях модальность необходимости, диктуемая объектом обладания, может выражаться в том числе и грамматикализированным использованием предиката обладания, сочетающего в себе сему обладания и производных от нее сему долженствования *have to do* и перфекта, образующего модальную конструкцию *have got to do* со значением обладания и долженствования.

Субординантность роли одушевленного партиципанта инверсивных русских и украинских конструкций типа *Мне есть / было / будет задание / указание / предостережение; Мені є / було / буде завдання / вказівка / попередження* в английском языке, не имеющем свободного порядка слов в предложении, свойственного флективным языкам, передается пассивным залогом – *I have been / was / will be given a task / an assignment; I have been / was / will be assigned / ordered to do smth / warned*.

Аналогию русской инверсивной конструкции с предикатами психических состояний человека исторически образовывали аффективные предикаты английского языка. О. Есперсен объясняет происшедший переход от употребления выражений типа *Him like oysters* – англ. *Ему нравятся устрицы; Їому подобаються устриці; Him dreams a strange dream* – англ. *Ему снится странный сон; Їому сниться дивний сон*; к использованию выражений типа *He likes oysters* – англ. *Он любит устрицы; Їому подобаються устриці; He dreams a strange dream* – англ. *Он видит странный сон; Він бачить дивний сон* тем обстоятельством, что форма имен существительных в начальной позиции предложений с этими предикатами не показывала, что они являются дополнениями: ср. *The king dreamed...* – англ. *Королю снилось....* Этот сдвиг формальных показателей именных групп в начальной позиции

повлек за собою изменения в значениях глаголов: по мнению О. Есперсена, глагол *like*, который первоначально имел значение *нравиться*, стал означать *любить* [4, с. 182]. С таким современным значением глагола *like* не согласен Ч. Филлмор [9, с. 430], к мнению которого мы присоединяемся на том основании, что значением *любить* обладает английский глагол *love*, а глагол *like* передает менее сильное эмоциональное состояние и сохраняет за собой значение *нравиться кому-либо*.

Однако нельзя отрицать и тот факт, что произошло некоторое изменение в семантике глагола, а именно: увеличение степени агентивности субъекта, которому предикруется данное состояние, что происходит за счет изменения падежной формы выражения поверхностного субъекта – объектный падеж сменяется именительным падежом. Тем не менее семантика предиката сохраняет сему ‘воздействие, исходящее от объекта восприятия и направленное на субъект восприятия’, что позволило субъекту восприятия исторически подняться только от семантического падежа «объект» к семантическому падежу «датель» в трактовке этого развития значения семантики аффективных предикатов *like* – англ. *нравиться*, *want* – англ. *хотеть*, *think* – англ. *думать*, *dream* – англ. *сниться* Ч. Филлмором [9, с. 430; 10, с. 500].

Н. Д. Арутюнова квалифицирует конструкции с предикатом *нравиться* как пассивные. В ее анализе диспозициональных предикатов глагол *любить* противопоставляется глаголу *нравиться* по способности образовывать активную конструкцию: глагол *любить* обладает этой способностью, глагол *нравиться* – нет. Семантически это, по мнению автора, объясняется наличием желания, являющегося активным началом в ситуациях, обозначаемых глаголом *любить*, и отсутствием стимула к действию в ситуациях, обозначаемых глаголом *нравиться* [1, с. 92].

Трудно согласиться, на наш взгляд, с такой трактовкой предложений с глаголом *нравиться*. Эти предложения являются активными, так как в них есть семантический субъект (агенс), который соответствует субъекту поверхностной структуры (например, *некто*, оформленный именительным падежом) и который оказывает аффективное воздействие на семантический объект, соответствующий объекту поверхностной структуры (*кому-то*, оформленному дательным падежом). Это утверждение Н. Д. Арутюновой, очевидно, было сделано относительно частотных структур, таких, как, например, *Ему нравится она* с коммуникативно выделяемым объектом воздействия, помещаемым в начальную позицию, и в силу своей частотности воспринимаемых как не эмфатические, а нормативные, в которых начальную позицию занимает субъект поверхностной структуры. Таким образом, сема аффективного воздействия сигнификата предложений с глаголом *нравиться* обуславливает частотность коммуникативного выделения объекта аффективного воздействия и вероятность восприятия семантического компонента неактивности как основного значения семантических структур таких предложений.

Выявленные в результате данного семантико-синтаксического исследования данные свидетельствуют об общности принципов ролевого моделирования когнитивных сцен, лежащих в основе типологически значимых синтаксических структур, образуемых предикатами аффективного воздействия и обладания, русского, украинского и английского языков, что указывает на фундаментальную общность языковых картин мира русско-, украино- и англоязычных участников коммуникации и что должно получать соответствующее выражение в практике перевода. Изучение семантико-синтаксических соответствий, особенностей и различий средств перевода высокочастотных и в поверхностной структуре элементарных высказываний русского и украинского языков является, безусловно, перспективной областью развития теории перевода.

Библиографические ссылки

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; пер. с фр. Ю. Н. Караулова, В. П. Мурат и др. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
3. Булыгина Т. В. 'Быть' или 'иметь'? (О некоторых фреквенталиях, связанных со способом выражения посессивных отношений) / Т. В. Булыгина // Сущность, развитие и функции языка. – М. : Наука, 1987. – С. 12–24.
4. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен; пер. с англ. В. В. Пассека. – М. : Иностранная литература, 1958. – 404 с.
5. Сильницкий Г. Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов / Г. Г. Сильницкий // Проблемы структурной лингвистики 1972. – М. : Наука, 1973. – С. 372–391.
6. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения: Семантико-грамматика / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.
7. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1989. – 247 с.
8. Степанов Ю. С. К универсальной классификации предикатов / Ю. С. Степанов // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. – 1980. – Т. 39, № 4. – С. 311–323.
9. Филлмор Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1981. – Вып. X : Лингвистическая семантика. – С. 369–496.
10. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1981. – Вып. X : Лингвистическая семантика. – С. 496–531.

Надійшла до редколегії 10.06.10

УДК 801.311

М. В. Богачева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

АРГУМЕНТАТИВНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ И ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Розглянуто різні підходи до розуміння понять «стратегія» і «тактика» та їх класифікацій. На основі аналізу російськомовних публікацій в електронних ЗМІ України, що містять аргументативний дискурс, розроблено власну класифікацію тактичних прийомів реалізації аргументативної стратегії здійснення впливу.

Ключові слова: комунікативна стратегія, комунікативна тактика, аргументативний дискурс, лінгвістичні маркери.

Рассмотрены различные подходы к пониманию понятий «стратегия» и «тактика» и их классификаций. На основе анализа русскоязычных публикаций в электронных СМИ Украины, содержащих аргументативный дискурс, разработана собственная классификация тактических приемов реализации аргументативной стратегии осуществления воздействия.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, аргументативный дискурс, лингвистические маркеры.

A review of various approaches to understanding of the concepts of «strategy» and «tactics» and their classifications is effectuated. On the basis of the analysis of Russian publications in electronic media in Ukraine, containing an argumentative discourse, the classification of different tactics of the realization of an argumentative influence strategy is developed.

Key words: communication strategy, communication tactics, argumentative discourse, linguistic markers.

В процессе общения, вербального или письменного, каждый человек пытается добиться максимального результата и эффективности. Языковая репрезентация коммуникации обуславливается коммуникативной заданностью, социально-ролевой принадлежностью, психологическими факторами. Лексическое наполнение, синтаксические структуры, последовательность фраз и т. д. могут выбираться неосознанно или же детально продумываются участниками коммуникации, исходя из преследуемых целей и поставленных задач. Зачастую первостепенную роль в достижении эффективности сообщения играют его субъективные компоненты, эксплицитно или имплицитно выраженные в высказывании [6].

Создавая определенный текст, автор в первую очередь думает о результате, которого ему необходимо достичь, об эффективности сообщения и, соответственно, о том, какие подходы выбрать для достижения этого результата. Это позволяет рассматривать коммуникацию в аспекте «общей стратегии (с точки зрения цели) и конкретной тактики (с точки зрения способа ее достижения)» [3], которые влияют не только на формирование семантического содержания дискурса, но и на его композиционное и стилистическое оформление.

Проблема коммуникативных стратегий и тактик в лингвистике исследована достаточно хорошо, однако отсутствие их единой классификации (у разных исследователей-лингвистов они значительно разнятся), а также отсутствие четких и однозначных определений некоторых конкретных стратегий и тактик (некоторые исследователи даже используют эти понятия как взаимозаменяемые) не дает пока возможности представить их полную классификацию. Кроме того, по мнению О. С. Иссерс, «исчерпывающая классификация частных стратегий представляется весьма затруднительной в силу многообразия самих коммуникативных ситуаций» [3; с. 105]. Нами были рассмотрены различные точки зрения на понятия «стратегия» и «тактика» (О. С. Иссерс, А. А. Романова, Л. И. Шадаевой, И. Н. Борисовой, Т. Е. Янко, И. В. Труфановой, Е. В. Клюева, В. Г. Костомарова, О. Н. Паршиной, Я. Т. Рытниковой). Обобщение различных точек зрения позволяет нам определить *стратегию* как планирование речемыслительного процесса в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, совокупность речевых действий, соотносимых с планом достижения глобальной коммуникативной задачи и локальных коммуникативных целей, план комплексного речевого воздействия на реципиента; а *тактику* – как конкретные пути и способы достижения поставленных коммуникативно-прагматических целей, способствующие реализации стратегии [3; 5; 7; 8]. О. С. Иссерс считает, что основной целью описания стратегий является выделение типовых тактик, реализующих ту или иную стратегию. «Именно тактики производят впечатление действительно доступных изучению единиц – по-видимому, они и являются практическим инструментом говорящего» [3; с. 111]. О. С. Иссерс выделяет класс *прагматических (коммуникативно-ситуационных) стратегий*, к которым относит: *общие и частные стратегии* (с типологической точки зрения); *основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии* (с функциональной точки зрения). Общая стратегия обычно реализуется через частные (так, например, общая стратегия дискредитации реализуется в частных стратегиях обвинения, оскорбления, насмешки). Основная стратегия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей. Вспомогательная страте-

гия способствует эффективной организации речевого взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата.

С точки зрения контроля за организацией диалога автор выделяет *диалоговые стратегии*, которые используются для мониторинга темы, инициативы, степени понимания в процессе общения. Особо выделяются *риторические стратегии*, в рамках которых используются различные приемы ораторского искусства.

В качестве языковых индикаторов речевых тактик выступают семантика, лексика, а также лексико-грамматические, синтаксические и прагматические показатели [3].

Другие исследователи-лингвисты предлагают разделять стратегии на основании таких критериев, как сотрудничество, соперничество и конфликт. Исходя из этого, стратегии могут быть кооперативными и некооперативными.

К кооперативным стратегиям относят: *информативную стратегию*, которая, в основном, реализуется посредством тактик установления, поддержания и прерывания речевого контакта, тактик запроса информации и информирования; *аргументативную стратегию*, которая реализуется через тактики генерализации, проведения аналогии, ссылки на авторитет, противопоставления, описания позитивной перспективы, поэтапной мотивации и др.; *побуждающую стратегию*, которая реализуется через тактики непосредственной или скрытой каузации; *стратегию компромисса*, которая реализуется тактиками убеждения, проявления сочувствия, внимания, согласия.

В рамках некооперативных стратегий выделяют *стратегию конфронтации*, которая реализуется как манипулятивное давление тактиками отказа от действия, упрека, угрозы, проявления неуважения; как речевая агрессия – тактиками оскорбления, намека, иронии, угрозы и др.

В качестве принципа данной классификации коммуникативных стратегий и тактик выступает основание, которое учитывает направленность сообщения на партнера по коммуникации или против него. Некоторые же исследователи учитывают также случаи игнорирования собеседника и добавляют к стратегиям кооперации и конфронтации стратегию дистанцирования, в соответствии с нейтральной направленностью сообщения [2; 4].

Выбор тех или иных коммуникативных стратегий и тактик позволяет говорить о наличии у коммуниканта определенного коммуникативного стиля (доминантный, демонстративно-эмоциональный, абстрактно-лаконичный, адаптирующийся, поучительный, ироничный и др.). Например, доминантный коммуникативный стиль характеризуется частым употреблением стратегий и тактик требования ответа, приказов; демонстративно-эмоциональный стиль – использованием разных тактик одобрения и восхищения, позитивно и негативно настроенных обращений, сопровождающихся выражением позитивных и негативных эмоций; абстрактно-лаконичному стилю соответствует использование стратегий и тактик негативной самопрезентации, краткого ответа, отстраненности, нейтральности [2].

В данной статье нас интересует, какие стратегии и тактики присущи аргументативному дискурсу. В процессе аргументации адресант преследует такие коммуникативно-прагматические цели, как изменение убеждений адресата, убеждение в приемлемости каких-то положений, доказательство истинности обсуждаемого положения, контроль за сознанием адресата с целью внесения возможных изменений в его модель мира [1]. По нашему мнению, все вышперечисленные цели соответствуют одной стратегической задаче аргументативного дискурса – осуществлению убеждающего воздействия. Достигается эта задача благодаря следованию различным тактикам, которые необходимы для создания любого аргументативного текста [8], использованию достоверных, непротиворечивых аргументов, их последова-

тельному и логичному представлению, наличию явной логической связи между доводами и тезисом. В процессе коммуникации на выбор тактик влияют социально-ролевые, психологические, профессиональные и другие характеристики как адресанта, так и адресата [7], цели аргументации, ситуация общения (официальная / неформальная).

Проведенный нами анализ русскоязычных электронных статей публицистического жанра, содержащих аргументацию, позволяет утверждать, что в аргументативном дискурсе можно выделить одну общую коммуникативную стратегию *осуществления воздействия*, для реализации которой аргументатор прибегает к целому набору разнообразных тактических приемов, выполняющих различные коммуникативно-прагматические функции и характеризующихся своими языковыми реализациями. Рассмотрим выделенные нами коммуникативные тактики, присущие аргументативному дискурсу, а также их возможные лингвистические маркеры в русском языке.

Для увеличения аргументативной силы сообщения авторы электронных публикаций часто прибегают к тактическим приемам **ссылки на авторитет/авторитетную организацию и обращения к примерам, статистике, результатам исследований**. Что касается первой тактики, возможна ссылка на конкретное лицо или организацию (*ВОЗ, эксперты Калифорнийского университета, финансовый аналитик инвестиционной компании Astrum Investment Management, глава компании «Аэролифт» Евгений Захаров*), или употребление слов, выражающих обобщенные понятия (*эксперты, ученые, экономисты, специалисты, авторы проекта, психологи*). При этом использование цитат делает аргументацию более сильной. Стоит заметить, что автор может сослаться на авторитетное мнение или цитировать экспертов не только с целью поддержать и сделать весомее свою собственную мысль. Часто авторы статей, содержащих аргументацию, ссылаются на мнение экспертов, но при этом их собственная позиция по обговариваемому вопросу остается нейтральной. Автор выражает тезис, обосновывает его, но делает это без выражения субъективной точки зрения, а лишь ссылаясь на третьих лиц. Таким образом, остается непонятным, разделяет ли он сам выраженную мысль. При этом даже название статьи может отражать его нейтральную позицию. Так, в статье «Пенсионный возраст следует повышать только женщинам – эксперты» автор сначала формулирует тезис: *Среднестатистические украинцы после достижения ими 60-летнего возраста живут еще 14 лет, а среднестатистические украинки после достижения 55 лет – 23 года. Поэтому в первую очередь повышать пенсионный возраст нужно женщинам, чтобы «выровнять» их с мужчинами [...]*, а затем переходит к мнению экспертов: *Об этом интернет-газете «СЕЙЧАС» рассказала директор Института демографии и социальных исследований НАН Украины Элла Либанова. В целом с экспертом согласна директор социальных программ Центра экономических и политических исследований им. Разумкова Людмила Шангина. «Украинские мужчины еле-еле доживают до своей пенсии. По-моему, повышать для них в сложившейся ситуации пенсионный возраст просто аморально», – отметила она.* И хотя тезис можно воспринимать как личное мнение автора, оно больше похоже на косвенную речь тех же экспертов. После прочтения данной статьи позиция автора остается неясной.

Что касается второго тактического приема, можно утверждать, что конкретные примеры, статистические данные и цифры делают аргументацию более наглядной и убедительной. Очень часто авторы в процессе аргументации целенаправленно подбирают различные примеры, подтверждающие и раскрывающие их позицию. Бывает же и так, что какая-то история из жизни, которая могла бы быть описана в информационной статье, становится основой для статьи аргументативной.

Так, стаття «Массовый расстрел в Германии. Психологи призывают прислушиваться к подросткам» описує жахаюче подія, що відбулася в Німеччині в березні 2009 року, яку автор використовує як приклад для обґрунтування тези, висловленої на початку, – дітям необхідно приділяти більше уваги і не можна ігнорувати їх проблеми.

Стується також, що автор говорить про статистику, але, в той же час, жодних конкретних даних не наводить, – аргументативна сила такого повідомлення дуже сумнівна. В прикладі «[...] народні синоптики України не раз доводили, що основні кліматичні тенденції можна передбачити на рік і більше. В основі їх спостережень – народні примети і власні методи» не знайдено жодної конкретики, тому цей аргумент не викликає довіри.

Тактика **предупреждения** може характеризуватися використанням дієслів *грозить, уgroзати, попередити* і др.: *Празднование Нового года по лунному календарю грозит распространением вируса [...]*; тактика **призыва-обращения** відрізняється використанням дієслів *призывать, приглашать, побуждать* і др.: *ВОЗ призывает не терять бдительности, не есть недостаточно прожаренное мясо и всегда мыть руки после контакта с сырым мясом*. Використання дієслів *считается, заключается* створює **очевидність і загальновідомість представлених фактів**: *Одним из наиболее эффективных антистрессорных средств считается физическая нагрузка; Лучший способ обеспечить хороший ночной сон заключается в точном соблюдении режима сна*. Також очевидність досягається і завдяки використанню нейтральних, позбавлених суб'єктивно-модальної оцінки, тверджень з використанням майбутнього часу: *В период праздников ... увеличатся объемы перевозки и торговли продукцией птицеводства*. Завдяки тому, що дані твердження позбавлені емоційного навантаження і суб'єктивності, вони будуть в меншій ступені піддаватися сумніву, і, відповідно, аргументативна сила повідомлення буде підвищуватися.

Тактика **требования** може реалізуватися за допомогою використання коротких прикметних з семантикою обов'язковості і предписання або форм повелительного нахилу: *Мы считаем, что эта градация должна учитываться и другими народными депутатами*. Також маркером цієї тактики може виступати і предикативне нареччя *надо*: *[...] сначала надо обеспечить соответствующие дорожные условия [...]*. Звернемо увагу, що це нареччя, але з пом'якшувачем частини *бы* може виступати показником комунікативної тактики **совета**, яка характеризується використанням присвійного і повелительного нахилу: *[...] штрафы необходимо было бы увеличить в два-три раза максимум [...]*; *Попытайтесь решить все накопившиеся проблемы до отхода ко сну [...]*. Підвищеною частотою використання в подібних дискурсах відрізняються і лексеми *следует, необходимо, нужно, подобает, стоит, желательно, рекомендуется* і др. В аргументативному дискурсі рада може супроводжуватися описом позитивної (1) або негативної (2) перспективи: 1) *Гораздо правильней было бы закрепить законодательно практику «ГАИшных месячников», когда на определенный период проверку на дорогах проводят ГАИшники из другого города, незаангажированные. Они же получают право изымать у нарушителей права. Вот это действительно эффективный метод борьбы с беспределщиками на дорогах [...]*; 2) *Не стоит злоупотреблять и алкоголем: даже умеренные дозы могут существенно уменьшить длительность глубоких стадий сна и обусловить прерывистый и неосвежающий сон*.

Тактичний прийом **предположения** реалізується в російській мові завдяки використанню дієслів *прогнозировать, думать, полагать, предполагать, считать* і др., виступаючих як вступні слова: *А через полгода, думаю, мы опять вернемся к этому закону [...]*; модальних частин *вряд ли, едва ли*, виражаю-

щих сомнение и усиливающих субъективность высказываемой точки зрения: *Китай и Россия вряд ли согласятся предоставить SDR роль новой мировой резервной валюты*; вводных слов *вероятно, вероятнее всего*, выражающих степень достоверности высказывания с точки зрения говорящего: *Военно-транспортный самолет Ил-76, упавший в озеро после взлета из аэропорта Энтеббе столицы Уганды в ночь с 8-го на 9 марта, вероятнее всего, был сбит ракетой*.

Также для построения аргументации аргументатор может прибегать к тактическому приему **дискредитации**, который характеризуется употреблением эмоционально-окрашенной лексики с негативной экспрессией: *В Украине, как и в России, две беды: дураки и дороги*; художественных тропов: *Просто государство в очередной раз оставило своих «маленьких украинцев» наедине с их маленькими проблемами*; отрицательных местоимений: *[...] оно [государство] дало нам всем понять, что улучшить состояние дорожного покрытия [...] никто по-прежнему не намерен*; разговорных выражений: *[...] от причастности к последнему инциденту здесь «открестились»*.

Благодаря тактике **компромисса** автор может частично признавать приемлемость обговариваемого вопроса, что делает его в глазах оппонента более дипломатичным, несмотря на то, что своей точки зрения при этом он не меняет. Маркерами данной тактики могут выступать частицы и модальные слова, выражающие согласие: *действительно, правильно, подлинно, правда, да: Да, закон полезный. В какой-то степени. Но спасет ли он ситуацию с беспределом на дорогах? Не думаю*.

Тактический прием **проведения аналогии** выполняет функцию усиления аргументации: *[...] в банковской сфере, как и в медицине, ошибка может привести к летальному исходу*.

Помимо рациональных аргументов, которые включают конкретные факты или статистику, аргументатор может значительно повысить эффективность убеждения благодаря использованию тактического приема **апелляции к эмоциям и чувствам**, моральным и нравственным ценностям, взглядам и убеждениям, предпочтениям конкретной аудитории. При анализе практического материала были отмечены следующие языковые маркеры данной тактики:

– использование художественных тропов, позволяющих воздействовать не только на разум, но и на чувства, добавляя языку экспрессивности: метафор (*[...] в банковской сфере [...] ошибка может привести к летальному исходу*), сравнений (*[...] количество проблемных банков растет как снежный ком*), эпитетов и персонификаций (*Современные украинцы страдают от причудливого сочетания экономического, экологического и демографического кризисов, которые, разрастаясь и усиливая друг друга, не позволяют пока вырваться из неблагоприятной окружающей действительности*);

– использование эмоционально-окрашенной лексики, разговорных выражений, которые выполняют контактоустанавливающую функцию и позволяют дать сниженную или грубоватую оценку предмету реальности (*Вот это действительно эффективный метод борьбы с беспредельщиками на дорогах; [...] корреспонденту интернет-газеты «СЕЙЧАС» в телефонном режиме удалось «продать» [...] двушку на пятом этаже девятиэтажного [...] дома*);

– использование риторических вопросов для эмоционального выражения утверждения или непрямого побуждения к действию (*Зачем трогать сейчас этот очень тонкий вопрос, тем более зная численность русскоязычного населения в нашем государстве?*).

В целях создания впечатления непринужденной беседы, разговора с адресатом напрямую, подготовки его к восприятию представленной информации аргументатор часто прибегает к тактическим приемам **интимизации** (непосредственно-

го обращения к адресату) и **консолидации**, выполняющих контактоустанавливающую функцию. Маркерами тактики интимизации может выступать использование личного местоимения *вы*, притяжательного *ваш* (*Появились предприниматели, которые могут погасить ваш займ или выкупить недвижимость*), личного местоимени *я* (*А так лично я прогнозирую, что после вступления в действие этого закона, очень существенно увеличится коррупция на дорогах со стороны сотрудников ГАИ*), повелительного наклонения (*[...] соблюдайте данный ритуал каждый вечер [...]*); тактики консолидации – использование личного местоимения *мы* (*Внесением подобного законопроекта [...] оно [государство] дало нам всем понять, что улучшатся состояние дорожного покрытия [...] никто по-прежнему не намерен*).

Иногда, чтобы усилить аргументативную силу текста, аргументатор может использовать тактику **вывода**, которая может реализовываться посредством употребления вводных слов *итак, таким образом, иными словами, следовательно* и др.: *Таким образом, единственной валютой в мире, представляющей столь же мощный рынок и столь же развитую финансовую систему, является евро*. Своим выводом автор как бы показывает, что все аргументы, которые он приводит в поддержку тезиса, основательны, и выраженная им точка зрения полностью обоснована. При этом вывод может повторять тезис, выраженный в начале статьи, который потом обосновывается автором, или же может его вводить впервые в качестве логического итога рассуждения.

Таким образом, общий обзор существующих коммуникативных стратегий и тактик в русской речи показал, что на сегодняшний день не существует единой, исчерпывающей классификации: они либо дополняют друг друга, либо различаются в зависимости от критерия, положенного в их основу. Тем не менее рассмотрение различных классификаций и подходов к пониманию понятий «стратегия» и «тактика» было необходимым для разработки собственной классификации тактических приемов реализации основной коммуникативной стратегии аргументативного дискурса, которой мы считаем стратегию *осуществления воздействия*. Проведенный анализ русскоязычных публикаций в электронных СМИ Украины показал, что для реализации данной стратегии аргументатор прибегает к целому набору разнообразных тактических приемов: ссылка на авторитет / авторитетную организацию, обращение к примерам и статистике, предупреждение, призыв-обращение, создание очевидности и общеизвестности представленных фактов, требование, совет, предположение, дискредитация, компромисс, проведение аналогии, апелляция к эмоциям и чувствам, интимизация, консолидация, представление вывода. Выбор того или иного коммуникативного приема зависит от коммуникативно-прагматических целей автора, от социально-ролевых, профессиональных, психологических и других характеристик как адресанта, так и адресата, от коммуникативной ситуации. Подобная классификация необходима для более глубокого анализа аргументативного дискурса с точки зрения влияния гендерного фактора на процесс построения аргументации.

Библиографические ссылки

1. **Григорьева В. С.** Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты : монография / В. С. Григорьева. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.
2. **Жданова Е. В.** Взаимодействие речевых стратегий и психолингвистического типажа коммуникантов (на материале русской и английской литературы конца XIX в.– конца XX в.) : автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Е. В. Жданова. – Краснодар, 2008. – 24 с.

3. **Иссерс О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Омск, 1999. – 284 с.
4. **Певнева И. В.** Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур : автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / И. В. Певнева. – Кемерово, 2008 – Режим доступа: <http://www.kemsu.ru/%5Cabout%5Cdissov%5C1%5Cpevneva.doc>.
5. **Романов А. А.** Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А. А. Романов. – Калинин : КГУ, 1988. – 115 с.
6. **Формановская Н. И.** Размышления о единицах общения / Н. И. Фурмановская // Русский язык за рубежом. – 2000. – № 1. – С. 56–63.
7. **Шадаева Л. И.** Стратегии аргументации А. Линкольна / Л. И. Шадаева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.buk.irk.ru/library/sbornik_06/shadaeva.doc.
8. **Francis M. Carton** Le discours oral en élaboration Directions de recherche // Mélanges pédagogiques, 1981. – Режим доступа : <http://revues.univ-nancy2.fr/melangesCrapel/IMG/pdf/3carton.pdf>.

Надійшла до редколегії 20.05.10

УДК 811.161.1'38

Л. И. Бондаренко

*Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта
имени академика Лазаряна*

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЫ ЖАНРА «СОВЕТ»

Досліджено типи синтаксичних конструкцій нового жанру сучасних ЗМІ «Порада», проаналізовано структурно-компонентний склад текстів порад та їх характерні особливості.

Ключові слова: структурні моделі, композиція, речення, інтерпретоване висловлювання, текст.

Исследованы типы синтаксических конструкций нового жанра современных СМИ «Совет», проанализированы структурно-компонентный состав советов и их отличительные особенности.

Ключевые слова: структурные модели, композиция, предложение, интерпретированное высказывание, текст.

The article deals with the investigation of the syntactic types of constructions of a new genre of contemporary mass-media «Advice», comments upon structural and componential analysis of advice composition and their peculiarities.

Key words: structural models, composition, sentence, interpreted utterance, text.

Каждая эпоха характеризуется преобладанием определённой формы словесности. Вторая половина XX века обозначена динамичным развитием традиционных СМИ (периодики, радио, телевидения) и, следовательно, стремительным увеличением новой сферы текстопотребления в массовой коммуникации. Эта тенденция способствовала появлению новых жанров периодики, к которым мы относим и медиа-жанр «Совет». Анализ языка средств массовой коммуникации находится в фокусе внимания отечественной лингвистики, это чрезвычайно обширное и интересное поле деятельности для современных исследователей. Проблемам синтаксических и стилистических особенностей газетно-публицистического стиля посвящены работы Г. Н. Акимовой [1], Н. С. Валгиной [4], Г. О. Винокура [5], В. Г. Костомарова [8], К. А. Роговой [12], Г. С. Шалимовой [13] и многих других. Большая

часть истории синтаксиса газетно-публицистических произведений подробно описывается в книге В. Г. Костомарова «Русский язык на газетной полосе» [8], в которой автор раскрывает динамику развития публицистики и отмечает, что стандарт в газетно-публицистическом жанре переплетается с антистандартом, то есть с экспрессивными конструкциями. Следует отметить, что, хотя анализу функционирования синтаксических конструкций в языке публицистики посвящено немало работ учёных-лингвистов (И. В. Арнольд [2], Е. А. Баженова [3], К. Л. Кайда [6; 7], Е. М. Лазуткина [9], А. В. Молодыхенко [10], Н. А. Николина [11] и др.), структурные модели собственно совета как одного из новых жанров публицистики, насколько нам известно, не получали теоретического освещения в научной литературе.

Цель данной статьи – с одной стороны, выявить и описать различные типы структурных моделей, представленных в жанре «Совет»; а с другой – охарактеризовать их компонентный состав и отличительные особенности. Цель предполагает решение следующих задач: а) рассмотреть основные типы синтаксических конструкций, входящих в совет; б) описать структурно-компонентный состав советов; в) определить отличительные особенности композиционной структуры советов как нового жанра публицистики.

Лингвистической основой советов, как и любого другого текста, является некая речевая модель, выраженная в определенной синтаксической конструкции. Эти синтаксические структуры – объект нашего исследования. Заметим, что совет – это небольшой по объёму текст аналитического или информационного характера, имеющий, однако, множество вариативных структурно-синтаксических моделей. Несмотря на обусловленность этого жанра авторской свободой выбора тех или иных средств выражения смысловой структуры, все эти структуры тем не менее не выходят за рамки традиционных синтаксических конструкций.

Исследованные нами советы в выборке из 2 тысяч распределились по типам синтаксических моделей следующим образом:

– суждение, которое состоит из одного элементарного высказывания о предмете речи и является простым предложением, что составляет 4,35 % обработанного нами фактического материала;

– суждение, которое также состоит из одного элементарного высказывания о предмете речи, однако имеющего в своей структуре ряд осложняющих его компонентов, вследствие чего квалифицируется нами как осложнённое простое предложение, такие модели составили 6,4 %;

– суждение, которое состоит из двух и более элементарных высказываний о предмете речи и является сложным предложением; частотность употребления этого типа структур составила 11,9 %;

– интерпретированные (сложные) высказывания о предмете речи, состоящие из нескольких объединённых простых высказываний и являющиеся так называемым сверхфразовым единством или сложным синтаксическим целым. Данный тип конструкций доминирует и составляет 64,55 % фактического материала;

– текст (расширенная структура совета), имеющий в своей организации один, два и более интерпретированных высказываний о предмете речи, объединённых в единое коммуникативно-функциональное целое. Такие структуры составляют 12,8 % текстов советов, подвергнутых нашему анализу.

Рассматривая синтаксическую структуру совета, остановимся более подробно на каждой из вышеупомянутых синтаксических конструкций и проанализируем их компонентный состав.

Описывая синтаксические построения, входящие в совет, представленный одним элементарным высказыванием о предмете речи, отметим, что оно может быть выражено:

– простым предложением – 4,35 %:

Советы при бессоннице

Сидячая ванна из холодной воды в продолжение 3–4 минут перед сном создаст хорошую предпосылку для спокойного сна (Украинский пенсионер, 2008, № 25).

– осложненным простым предложением – 6,4 %:

Советы психолога

Научитесь не допускать критики в адрес мира, событий и людей (простое предложение осложнено однородными членами) (Вечерний город, 2008, № 50).

– сложным предложением – 11,9 %:

Советы на все случаи жизни

Засохший сыр надо положить на некоторое время в кислое молоко – он станет мягким и свежим (Украинский пенсионер, 2009, № 23) – сложное бессоюзное предложение.

Ошибайтесь вместе с детьми, чтобы развить в них уверенность – сложно-подчинённое предложение.

Скажите человеку что-то приятное, и он согласится выслушать ваш совет (Вечерний город, 2008, № 16) – сложносочинённое предложение.

Анализируя синтаксические построения, входящие в совет, представленный интерпретированным высказыванием (сверхфразовым единством), под которым мы понимаем сложное синтаксическое целое, микротекст, имеющий форму двух и более самостоятельных предложений, объединённых общностью темы, обратим внимание на то, что в советах такие конструкции могут состоять из разного числа самостоятельных предложений:

– двух (25,9 %):

Советчик

Как выбрать зонт и ухаживать за ним?

Стирайте зонт по мере необходимости. Для этого достаточно замочить зонтик в полусложенном положении в тёплой мыльной воде, а затем раскрыть и ополоснуть под душем (Лица, 2009, № 64);

– трёх (20,05 %):

Советы тем, кто хочет сократить расходы на бензин вдвое

Заправская экономия

Осторожно пользуйтесь педалью газа. Резкий старт – верный способ израсходовать топливо впустую, поскольку при этом в цилиндры подаются большие порции горючего. Не используйте повышенные передачи на малых скоростях – это тоже значительно повышает расход (Горожанин, 2008, № 21);

– четырёх (9,25 %):

Добрые советы (35 лучших антикризисных советов)

Запасайтесь импортом впрок!

Впереди возможны скачки валют, и ваш любимый крем или лекарство, без которого вы никак не можете обойтись, подорожает. Но, делая покупки впрок, смотрите на срок годности. Иначе может получиться так, что товар испортится раньше, чем вы успеете им воспользоваться. А значит, ваши деньги будут потрачены впустую (Тайны звёзд, 2009, № 23);

– пяти (5,55 %):

Бабушкин совет

Чтобы варенье получилось вкуснее, попробуйте приготовить его по старинному бабушкиному рецепту. Наши бабушки варили сладкие лакомства в печи, но сегодня для этого вполне можно использовать современную духовку. Сначала уварив варенье в 2 раза на плите в кастрюле (кастрюля должна быть такой, чтобы её потом можно было поместить в духовку), поставив на медленный огонь. Затем

поставь кастрюлю в духовку и вари, пока масса не уменьшится в объёме ещё в 2 раза. Но помни, что разные ягоды увариваются по-разному, в зависимости от содержания в них сока (Бабушка, 2008, № 35);

– шести и более самостоятельных предложений (3,8 %):

Уникальные советы знахаря

Взять 1 литр мёда, 10 лимонов, 5 головок чеснока. Из лимонов выжать сок, чеснок очистить, промыть и натереть на тёрке (можно пропустить через мясорубку). Всё смешать и оставить в закрытой банке в прохладном месте на неделю. Принимать по 4 чайные ложки 1 раз в день. Нужно пить медленно, с промежутками между приёмом каждой ложки по 1 минуте. Применять при стенокардии с одышкой (Народный целитель, 2008, № 7).

Совет также может быть репрезентирован достаточно **развёрнутым синтаксическим построением** (текстом), что составляет **12,8 %** проанализированных нами рекомендаций. Отметим, что все объёмные тексты советов представлены двумя структурными моделями.

Первая модель (**9,35 %**) создана по определенной иерархической системе построения текстов: зачин (смысловый центр), основная информативная часть (программа действий) и концовка (выводы, аргументирующие эффективность применения совета). Проиллюстрируем сказанное следующим примером, представляющим собой достаточно объёмный совет и обладающим чётко выделяемыми структурными элементами (зачином, основной частью и концовкой):

Банан против укусов насекомых

Зачин: *В этом году лета в Красноярске – никакого. Все залито дождями, но лес манит в любую погоду.*

Основная часть: *Собрали рюкзаки, и мы уже далеко за городом. После дождей травы сочные, цветы изумительной красоты, а запах еще вкуснее. Увлеклась и не заметила, как комары ноги покусали. Зуд, краснота, отекает... А мазь от комаров забыли. Да и противник я всяких химикатов. Дома промыла укусы холодной водой, взяла банан и натерла покрасневшую голень. Щипало сильно, но терпеть можно. Потом еще раз натерла на ночь. Утром все было в полном порядке – ни тебе зуда, ни красноты, ни отека.*

Концовка: *Вот такое просто отличное, я считаю, средство от укусов насекомых – комара, мошки, осы. Советую брать с собой на дачу банан: он вам поможет (Лечебные письма, 2009, № 15).*

Вторая модель (**3,45 %**) имеет в своей организации два и более интерпретированных высказывания о предмете речи, объединённых в единое коммуникативно-функциональное целое. В качестве примера сошлёмся на следующий текст совета (текст несколько сокращён):

Советы диетолога

Предлагаю несколько проверенных советов, следуя которым, вы сумеете продлить молодость и сохранить свежесть, красоту.

При выборе диеты следует учитывать возраст. После тридцати лет у женщин морщинки появляются позднее, если они будут есть печень и орехи, людям старше сорока полезен бета-каротин, после 50 кальций поддерживает кости, а магний – сердце и кровеносные сосуды.

О пользе капусты спорить бесполезно, кроме этого она калорийно безопасна – всего 27 ккал на 100 г. В капусте больше всего витаминов и микроэлементов, много веществ, препятствующих накоплению холестерина, и в ней есть вещество, препятствующее развитию рака.

Овсянка на завтрак – это здоровая привычка, отличная профилактика сердечных заболеваний, отложений солей, атеросклероза, кроме перечисленного, овсян-

ка полезна тем, кто хочет похудеть, она обеспечивает ощущение сытости в течение долгого времени. Тарелка овсяной каши содержит четверть дневной нормы клетчатки и треть суточной дозы такого важного антиоксиданта, как селен.

Сколько людей, столько и мнений о полезности мяса, выбор за вами. Сравните сами: содержание холестерина в 100 г мяса утки – 500 мг, телятины – 110 мг, курицы – 80 мг, а свинину и говядину вообще желателно употреблять как можно реже. А вот в 100 г индейки всего 30 мг холестерина (Вечерний город, 2009, № 29).

Комментируя структурно-компонентный состав вышеизложенного совета, отметим, что в отличие от предыдущей модели, он имеет другую композицию и представлен восьмью интерпретированными высказываниями, объединёнными в коммуникативно-функциональное целое единством темы.

Вышеперечисленные показатели частотности употребления видов синтаксических конструкций свидетельствуют о том, что большинство проанализированных нами советов имеют форму сверхфразового единства небольшого объёма, состоящего из двух или трёх объединённых между собой самостоятельных предложений.

Преобладание таких структур, на наш взгляд, способствует достижению общедоступности и легкости восприятия для получателя информации.

Отличительной особенностью структурно-синтаксической модели исследуемого нами медиа-жанра, на наш взгляд, является наличие программной информации (некоего алгоритма действий), когда в первой его части дается базовый факт (исходное явление), затем идёт основная часть, рассказывающая и отражающая совокупность и последовательность определенных действий, и в большинстве случаев (в концовке) делается вывод. Причём такое композиционное построение отражено как в структуре отдельных суждений, так и в их совокупности, представленной в виде сверхфразовых единств.

Следует отметить, что если содержанием информационной заметки «Совет» является изложение программы (плана) действия, то структура ее отображает структуру программы, что также является показательным для исследуемого нами жанра.

В результате структурно-стилистического анализа синтаксических моделей жанра «Совет» мы пришли к некоторым выводам и обобщениям.

Жанр «Совет» представлен текстами, обладающими специфической синтаксической структурой. На основании исследований советов с точки зрения синтаксических особенностей можно выделить пять речевых моделей, выраженных в таких синтаксических конструкциях: 1) совет минимальной синтаксической модели, состоящий из одного элементарного высказывания о предмете речи, ограниченный рамками одного простого предложения; 2) совет минимальной синтаксической модели, состоящий из одного элементарного высказывания о предмете речи, однако имеющего в своей структуре ряд осложняющих его компонентов, вследствие чего квалифицируемого нами как осложнённое простое предложение; 3) совет минимальной синтаксической модели расширенной структуры, состоящий из двух и более элементарных высказываний о предмете речи и являющийся сложным предложением; 4) совет, представленный как интерпретированное (сложное) высказывание о предмете речи, состоящий из нескольких объединённых простых высказываний о предмете речи и являющийся сверхфразовым единством или сложным синтаксическим целым; 5) совет расширенной структуры, имеющий в своей организации один, два и более интерпретированных высказывания о предмете речи, объединённых в единое коммуникативно-функциональное целое.

Специфической особенностью жанра «совет», которая присуща каждой из пяти синтаксических моделей и отличает его от других жанров газетно-публицистического стиля, является наличие программной информации.

Представляется важным и то, что независимо от вида синтаксической модели советы являются информативно ёмкими в содержательном и структурном аспектах: даже советы минимальной синтаксической конструкции, несмотря на ограниченность рамками одного предложения, могут содержать самую разнообразную информацию и имеют достаточно широкий видовой спектр.

Анализ материала показал, что большинство проанализированных нами советов имеют форму сверхфразового единства небольшого объёма, состоящего из двух объединённых между собой самостоятельных предложений.

Такая распространённая структура текста совета, по нашему мнению, обусловлена его жанровой принадлежностью к информационной заметке, целью которой является информирование, сообщение и передача значимой для обеих сторон информации о наиболее заметных, характерных чертах отображаемого предмета, но не проникновение в сущность его внутренних взаимосвязей и их анализ. Преобладание таких структур, на наш взгляд, способствует достижению общедоступности и легкости восприятия для получателя информации. Перспективы наших дальнейших исследований видятся в анализе и описании видов межфразовых синтаксических связей, репрезентируемых в советах.

Библиографические ссылки

1. **Акимова Г. Н.** Экспрессивные свойства синтаксических структур / Г. Н. Акимова // Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1988. – 247 с.
2. **Арнольд И. В.** Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – М. : Просвещение, 1990. – 300 с.
3. **Баженова Е. А.** Композиция / Е. А. Баженова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под. ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2006. – С. 168–173.
4. **Валгина Н. С.** Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие [Электронный ресурс] / Н. С. Валгина. – Режим доступа: www.hi-edu.ru/e-books/.../part-011.htm
5. **Винокур Т. Г.** Русский язык в его функционировании / Т. Г. Винокур. – М. : Русский язык, 1990. – 376 с.
6. **Кайда Л. Г.** Композиционная поэтика публицистики / Л. Г. Кайда. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 144 с.
7. **Кайда Л. Г.** Эссеизация публицистики : анализ в аспекте композиционной поэтики / Л. Г. Кайда // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М. : МАКС Пресс, 2008. – С. 285–287.
8. **Костомаров В. Г.** Русский язык на газетной полосе / В. Г. Костомаров. – М. : МГУ, 1971. – 267 с.
9. **Лазуткина Е. М.** Публицистический стиль : новые черты / Е. М. Лазуткина. – М. : Изд-во ЭЛИПС, 2008. – 80 с.
10. **Молодыхченко А. В.** О специфике композиционно-речевой структуры современного публицистического дискурса / А. В. Молодыхченко // Наукові записки Луганського національного університету : зб. наук. праць. – Випуск VIII. – Луганськ, 2009. – Т. 2. – С. 162–171.
11. **Николина Н. А.** Композиция произведения. Архитектоника текста / Н. А. Николина // Филологический анализ текста. – М. : Академия, 2007. – С. 46–74.
12. **Рогова К. А.** Синтаксические особенности публицистической речи / К. А. Рогова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 71 с.
13. **Шалимова Г. С.** Вводные конструкции как средство выражения авторской позиции журналиста / Г. С. Шалимова // Журналистика и культура русской речи. Вып. 5. – М. : МГУ, 1998. – С. 37–54.

Надійшла до редколегії 17.05.10

УДК 811.161.1'373.4

А. С. Букалов

Херсонский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЩЕГО СЛЕНГА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Проаналізовано деякі закономірності функціонування загального сленгу в сучасних засобах масової інформації. Представлено основні сфери функціонування загального сленгу в ЗМІ, наведені його функції та головні причини зростаючої популярності.

Ключові слова: загальний сленг, жаргон, літературний стандарт, субстандартна лексика, просторіччя.

Проанализированы некоторые закономерности функционирования общего сленга в современных средствах массовой информации. Рассмотрены основные сферы функционирования общего сленга в СМИ, освещены его функции и главные причины возрастающей популярности.

Ключевые слова: общий сленг, жаргон, литературный стандарт, субстандартная лексика, просторечие.

The article offers the review of some of the principles according to which general slang functions in modern mass media. Principal scopes of application for general slang in mass media are considered. The articles also deals with functions of general slang and causes of its growing popularity in mass media.

Key words: general slang, jargon, literary standard, substandard vocabulary, urban vernacular.

Как отмечают многие лингвисты, с началом свободы, связанной с социальными изменениями в обществе во второй половине 80-х годов XX века, свобода пришла и в язык [2, с. 18]. Это справедливо и по отношению к нашему времени: мы можем наблюдать употребление сниженной лексики во всех сферах, представителями почти всех социальных, возрастных, профессиональных групп. Связано это, прежде всего, с отменой цензуры, снятием многих запретов и общей демократизацией общества. Это привело к тому, что сленг, жаргон и даже бранная лексика стали употребляться в средствах массовой информации и художественной литературе. Причём нередко разговорная лексика применяется авторитетными изданиями, рассчитанными на широкую аудиторию, а сленг проник даже в выпуски новостей на общенациональных каналах. Всё это обуславливает *актуальность* изучения такого относительно нового явления в русском языке, как *общий сленг* и, в частности, особенностей его функционирования в СМИ и художественной литературе.

Цель статьи – проследить некоторые особенности использования общего сленга в средствах массовой информации.

Прежде всего необходимо дать определение общего сленга, который также нередко называют *общим жаргоном*, или *интержаргоном*. По поводу этой проблемы существует множество противоречивых мнений. Некоторыми учёными оспаривается наличие данного феномена. Обобщая точки зрения Р. И. Розиной [3], Л. А. Кудрявцевой [1] и В. А. Хомякова [5], мы определяем общий сленг как особый лексико-фразеологический слой, состоящий из слов и фразеологических единиц, заимствованных из специального сленга, жаргона, арго, просторечия и других социолектов, единицы которых, покидая первоначально узкую сферу своего употребления и распространяясь в устной разговорной речи, языке СМИ и художественной литературы, становятся понятными для широкого круга носителей русского языка независимо от возраста, профессии, образования и социального статуса и

употребляются ими в ситуации непринуждённого общения или для создания такой ситуации. Стоит особо подчеркнуть, что одной из главных особенностей общего сленга является то, что он может использоваться в речи образованных людей в ситуации непринуждённой беседы либо для достижения определённой прагматической цели.

Кроме того, принято различать такие явления, как *общий сленг*, *специальный сленг* и *жаргон*. Мы это делаем по степени открытости социальных групп, в которых эти явления репрезентированы: общий сленг обслуживает открытые социальные группы, специальный сленг – относительно открытые (например, молодёжный сленг, профессиональный сленг и т. д.), а жаргон или арго – закрытые (например, воровской жаргон, военный жаргон и т. п.). По употреблению общего сленга, специального сленга и жаргона СМИ разделяются на три группы. К первой принадлежат масс-медиа, ориентированные на охват широкой аудитории. Это такие общенациональные телеканалы, республиканские и областные издания, как «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Экспресс-газета» и др., телеканалы «Первый», «Россия», «Интер» и т. д. Ко второй группе относятся молодёжные журналы и телеканалы, рассчитанные на более ограниченную аудиторию. Третью группу составляют СМИ, предназначенные для специалистов в узкой области знаний. Например, журналы, целевой аудиторией которых являются компьютерщики, физики, химики и представители других профессий. Отметим, что подобное разделение не может применяться строго, поскольку в популярной прессе могут присутствовать рубрики, посвящённые научным проблемам, а общенациональные телеканалы нередко транслируют молодёжные программы. В первой группе сленг выполняет, прежде всего, эмотивную функцию, а во второй и третьей – фатическую. Нам интересна первая группа СМИ, поскольку общий сленг преобладает именно в ней.

Сегодня также наблюдается активное развитие интернет-СМИ. Свои электронные версии имеют почти все известные газеты и журналы. Есть также СМИ, которые функционируют исключительно в Сети. Такие издания мы считаем релевантными для нашего исследования, поскольку они (за исключением узкоспециальных) широко охватывают всю окружающую нас действительность, а статьи пишутся образованными людьми, хорошо владеющими словом.

Итак, в СМИ общий сленг может быть репрезентирован по-разному: 1) в газетных заголовках и анонсах выпусков новостей; 2) в основном тексте статьи; 3) при передаче прямой речи в интервью или цитировании.

Особенно ярко общий сленг проявляет себя в заголовках газетных статей. В данном случае заголовок выполняет, скорее, не номинативную, информативную или рекламную функцию, а в большей степени оценочную или эмоционально-экспрессивную. Приведём несколько примеров:

Прапорщик облапошил 180 депутатов Госдумы (Экспресс-газета (далее ЭГ. – А. Б.), 06.04.10); *Москвичей достал шум над головой* (Комсомольская правда (далее КП. – А. Б.), 04.03.10); *Над Карелией летала фигня из странного металла* (КП, 22.09.08).

Такие заголовки сразу привлекают к себе внимание читателя, а также уже заранее содержат в себе отношение автора к излагаемым событиям. Так, слова *облапошить* и *достать* являются более сильными и яркими в экспрессивно-эмоциональном плане, чем соответствующие им *обмануть* и *надоест*.

Нередко авторы статей прибегают к использованию общего сленга в процессе изложения материала. При этом автор, по-видимому, преследует цель дать более ёмкую, чёткую характеристику объекта, подчеркнуть его особенности. Например:

Настоящей бомбой вечера стал дуэт, сообщениями о котором интернет нестрел все последние дни, – Пугачёва и Ротару с провокационной песней «Нас не

догонят» группы «Тату» (РТР, «Вести», 15.04.09); **Сынуля** президента Украины [В. А. Ющенко] оказался вовсе не **балбесом**, шикующим на чужие **баксы**. Пока сторонники «папы Вити» и «тёти Юли» **тусовались** на майдане, сынок лидера овладел правами на символику «оранжевой» революции (КП, 03.08.05); Продюсер нахваливал будущего ребенка и утверждал, что, когда «Бригада» выйдет в телеэфир, зрители будут **балдеть** от восторга (КП, 24.01.01); Важно понять, что в этих условиях [условиях кризиса] есть возможность научиться чему угодно – вот это **кайф** (Аргументы и Факты (далее АиФ. – А. Б.), 10.03.09).

Следует отметить, что сленговые слова могут употребляться в печатном тексте как в кавычках, так и без них. Использование кавычек имеет место в том, случае, если в текст слова вводятся из специального сленга или из жаргона закрытой социальной группы и автор осознаёт нелитературность данной лексической единицы. Например:

100 гостей ночных клубов Москвы задержали «под кайфом» (КП, 23.03.10); *Кто в G-20 самый «крутой»: Россия пока тянет только на «среднячок»* (АиФ, 01.04.09); *Церковь и милиция: кто кого будет «крышевать» и воспитывать?* (КП, 03.02.10).

В то же время можно увидеть использование подобных слов и выражений без применения кавычек. В таком случае можно говорить, во-первых, о том, что жаргонные слова расширяют значение и входят в состав общего сленга, перестают быть «чужими». Так, слово *кайф* означает уже не только «состояние наркотической эйфории» в речи наркоманов, а и любое удовольствие, а слово *крыша*, первоначально имевшее значение «защита от рэкета, мафии, предоставляемая за определённую плату», расширяет сферу своего функционирования и теперь обозначает любое покровительство. Во-вторых, как отмечает проф. Р. И. Розина, в сознании носителя русского языка может не существовать границы между сленгом и литературным языком, и те слова, которые лингвисты традиционно относят к сленгу и внелитературной лексике, уже стали общеупотребительными [4, с. 106]. Иногда к подобным словам бывает сложно подобрать литературный эквивалент. Приведём ещё несколько примеров.

У ростовских детишек появился шанс засветиться в детском юмористическом киножурнале «Ералаш», который в этом году отмечает 35-летний юбилей (КП, 10.07.09); *Иногда ради прикола он [Сергей Пенкин] просто включает громкую связь и смеётся над шутником вместе со своими друзьями* (АиФ, 30.09.08); *Во дворце Галкина будет зал в арабском стиле. Эту фишку Максим подглядел у друга в Ташкенте* (ЭГ, 17.03.10).

Ещё одной сферой использования общего сленга является прямая речь, когда авторы статей цитируют политиков, общественных деятелей, представителей массовой культуры и т. д., печатают интервью с ними. Часто публичные люди используют общий сленг, выступая на телевидении, во время пресс-конференций. Делается это, очевидно, с целью точнее охарактеризовать предмет речи. При этом говорящий чётко соотносит сленговое слово с его литературным эквивалентом. Приведём несколько реплик премьер-министра России В. В. Путина:

Бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, что вместе продули они, – реплика по поводу встречи президентов Украины и Грузии В. А. Ющенко и М. Н. Саакашвили (Ялта, 20.11.09); *Это даёт мне полное право сказать коротко и понятно для каждого: это круто!* – реплика по поводу предстоящей Олимпиады в Сочи (Первый канал, «Время», 12.02.10); *То есть вы больше ничего драсть с заёмщика не будете?* – реплика на сообщение главы Сбербанка России об отмене комиссий (Первый канал, «Время», 16.04.10).

Нередко за подобными фразами скрывается отношение говорящего к предмету речи. Приведём ещё несколько примеров употребления общего сленга публичными людьми:

*Она [А. Б. Пугачёва] всегда говорит так – кто с открытым сердцем принимает участие в «Рождественских встречах», тем **прёт** потом в году и в жизни. Вот видите: уже 10 лет **прёт**, – Н. В. Басков (Интер, «Подробности», 14.12.09); Сейчас нет. Сейчас меня просто **прёт** от политики. Мне в **кайф**, – ответ кандидата на пост Президента Украины С. Л. Тигипко на вопрос о том, не жалеет ли он, что променял бизнес на политику (Корреспондент, 27.11.09).*

Таким образом, видим, что для современного русского сленга характерен такой необычный для этого лексического пласта инновационный процесс, когда сленговые слова создаются на вершине социальной пирамиды, а затем распространяются к ее основанию. Распространение сленга сверху вниз имеет место, например, в тех случаях, когда писатели, публицисты, деятели театра и кино не только популяризируют уже существующий сленг, но и создают свой собственный, часть которого становится общеупотребительной. Об этом процессе в английском языке говорит А. Д. Швейцер, называя новообразования, созданные в результате данного процесса, «синтетическим сленгом» [6, с. 11]. Подобный процесс мы видим и в русском языке. Создателями синтетического сленга, как правило, являются писатели, теле- и радиоведущие, юмористы, политики и вообще все публичные люди. Например: *гламур, гламурный, уик-энд, хеппи-энд, тусовка, тусоваться* и т. д.

Источниками общего сленга, применяемого в СМИ, могут служить различные пласты лексики. Это могут быть иноязычные заимствования и кальки, например:

*Тучи над «зелёным» сгущаются – в начале мая газета Financial Times поместила статью, где было сказано, что **бакс** держится на плаву благодаря тому, что до кризиса китайцы вложили в гособлигации США 2 триллиона долларов (АиФ, 03.06.09); Самарцы скупают золото, **баксы** и экономят на еде (КП, 22.10.08); О новой **пассии** актрисы узнал её **бойфренд**, находящийся на военной базе (АиФ, 22.05.08).*

Помимо иноязычных заимствований в общем сленге присутствуют заимствования из других подсистем русского языка, в частности из профессиональных жаргонов, аргос и специального сленга.

*На Кутузовском проспекте столкнулась **легковушка** и маршрутное такси (КП, 08.12.09); В Латвии **хакер**, похитивший данные Службы государственных доходов, начал публиковать их в Интернете (АиФ, 19.02.10); В гараже его [наркотики] подруга расфасовывала **дурь** по пачкам с бисквитным печеньем или по упаковкам с кошачьим кормом (КП, 26.10.09); Если ночи напролёт **бухать** и нюхать всякую гадость (а без этого **тусовочное** веселье нелегально), то когда же работать? – Ю.В. Шатунов (АиФ, 03.09.08); **Глюки** компьютера, или Скупой платит дважды (КП, 02.04.09).*

Общий сленг также заимствует материал из молодёжного сленга, студенческого и школьного жаргона.

*Медведев осмотрел офицерскую **общагу** (КП, 23.02.10); Новый год встречали **классно** – шумно, ярко, безопасно (КП, 13.01.10); Слева – упитанный ДПС-ник, которому все очевидно было **по барабану** (АиФ, 14.08.09); Дорога на Сочи: Первые километры. Природа прекрасна, связь – **отстой** (АиФ, 14.08.09).*

На газетных полосах также находим многочисленные примеры употребления дериватов слов литературного языка, а также литературные слова, использованные в производных метафоричных значениях, например:

*Мне в дороге **небезуха** – не понос, так золотуха... (КП, 08.07.04); Дайте мне **телик** – пару рулонов... Новые технологии делают экраны тоньше 1 мм (АиФ,*

11.03.09); *Версия милиции по поводу июньских драк одна: чистая бытовуха* (КП, 30.06.08); *Путин обещал бандитов мочить в сортире, а я сказал, что там же надо мочить и олигархов*, – В. И. Шандыбин (ЭГ, 30.12.09); *Как двое русских кинули 40 млн. американцев* (АиФ, 19.08.09); *Хотелось бы наехать на актеров – не получается. И шутки вроде бы написаны грамотно...* (КП, 12.04.10).

Перечисленные выше пласты лексики представляют собой далеко не полный список источников пополнения общего сленга. На страницах периодических изданий встречается огромное количество фразеологических единиц, образных выражений, неологизмов и окказионализмов. Общий сленг используется для создания игры слов. Например, в статье под заглавием «Улётный пакетик» повествуется о том, что в ангаре шаттла «Дискавери» на космодроме во Флориде нашли пакетик кокаина. Таким образом, в заголовке объединяются два значения слова *улететь* – литературное «отправиться куда-либо воздушным транспортом» и жаргонное «испытать состояние наркотической эйфории».

Авторы статей иногда используют также просторечные слова и выражения, которые бывает сложно отличить от сленговых. Такие единицы в словарях определяются как разговорно-сниженные. Они тяготеют к общему сленгу, но имеют более фамильярную окраску и чаще используются в устной речи. Например:

Чтобы не думать о силах, которые так колбасят и плющат наши символы стройности, перевозжу взгляд на обочины, которые на вид почти не отличаются от подмосковных (АиФ, 07.11.08); *На светофорном столбе еще осталось место, куда можно присобачить знак «Движение прямо и налево»* (КП, 19.03.10); *Зрители, включившие приемники в 15.30 по Москве, в течение получаса с изумлением разглядывали пьяного в зюю (в умат, в стельку) Деда Мороза* (КП, 05.01.02; Скобки в тексте авторские. – А. Б.).

Проведённое исследование позволяет говорить о том, что в настоящее время СМИ не только отражают языковую действительность, но и выступают популяризаторами общего сленга. Есть несколько причин этого.

Во-первых, современные журналисты – это чаще всего молодые люди, студенты либо выпускники журналистских факультетов вузов, представители той социальной прослойки, которая применяет в своей речи сленг.

Во-вторых, большинство журналов и газет сейчас направлены на адекватное восприятие информации большим кругом лиц, что достигается при помощи употребления понятной и привычной лексики, то есть жаргона и сленга.

В-третьих, язык постоянно развивается и совершенствуется, заимствуются новые слова, речь молодёжи, а с нею и речь всего общества становится менее консервативной. То есть СМИ в данном случае придерживаются этой тенденции к либерализации языка и уже, по сути, не являются образцом красивой, грамотной, литературной речи, как это было 20 лет назад.

Таким образом, сегодня наблюдается активное использование журналистами общего сленга. Он применяется даже там, где раньше не было места разговорной лексике, – в выпусках новостей и авторитетных печатных изданиях. Сленг употребляется в заголовках газет и журналов, основном тексте статей, он вошёл в речевой обиход публичных людей: артистов, политиков, общественных деятелей. Это обусловлено, прежде всего, высоким стилистическим и экспрессивно-эмоциональным потенциалом общего сленга. Активное развитие общего сленга, расширение круга его носителей, употребление его в устной речи, СМИ и художественной литературе – всё это определяет перспективы его дальнейшего глубокого изучения.

Библиографические ссылки

1. Кудрявцева Л. А. Общий сленг в русском языке / Л. А. Кудрявцева // Владимир Иванович Даль и современные филологические исследования : сб. науч. работ. – К. : Издательско-полиграф. центр «Київський університет», 2002. – С. 198–203.
2. Орлова Н. О. Сленг vs. жаргон: проблема дефиниции / Н. О. Орлова // Ярославский педагогический вестник. – 2004. – № 3 (40). – С. 4–8.
3. Розина Р. И. Состояние и тенденции развития общего русского сленга 2000–2003 гг. / Р. И. Розина // Русский язык. – 2003. – № 20 (23–31 мая). – С. 12–13.
4. Розина Р. И. Сравнительный анализ семантических процессов в литературном языке и в сленге / Р. И. Розина // Современный русский язык : Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 712 с.
5. Хомяков В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / В. А. Хомяков. – Л., 1980. – 49 с.
6. Швейцер А. Д. Американский вариант литературного английского языка: пути формирования и современный статус / А. Д. Швейцер // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 3–16.

Надійшла до редколегії 20.05.10

УДК 811.161.1'38

Н. В. Васюкова

Национальный университет обороны Украины (г. Киев)

ПРИНЦИПЫ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ

Розглянуто принципи рекламної діяльності в Інтернеті та висвітлені її інформаційно-комунікативні характеристики.

Ключові слова: інформація, комунікація, Інтернет-реклама, медіакультура, медіаоб'єкт, медіасуб'єкт.

Рассмотрены принципы рекламной деятельности в Интернете, а также представлены ее информационно-коммуникативные характеристики.

Ключевые слова: информация, коммуникация, Интернет-реклама, медиакультура, медиаобъект, медиасубъект.

The article deals with the principles of the Internet advertising as well as with its informative and communicative features.

Key words: information, communication, Internet advertising, media-culture, media-object, media-subject.

Реалией современного общества является активизация коммуникативной деятельности аудитории в сети Интернет, развивающаяся «на фоне системного кризиса традиционных СМИ, популярность которых падает все заметнее и драматичнее» [2, с. 7]. Однако информационно-коммуникативные потребности общества не исчезают, и аудитория переключается на новые способы потребления информации и осуществления коммуникативных актов. Возникшие в Сети «медийные» площадки социальных сетей, блог-платформ предоставляют неограниченные возможности и для рекламной деятельности: новая медиарельность, новые аудитории породили новые коммуникативные инструменты.

Вслед за исследователями, рассматривающими разнообразные грани новой коммуникативной реальности, существующей параллельно с традиционной (Интернет как новая коммуникативно-языковая среда – Г. Н. Трофимова [19], Интернет-лингвистика в условиях новой коммуникативной среды – Л. Ф. Компанцева [10]; гендерное измерение информационно-коммуникативного общества Интернета – Е. И. Горошко [3], вопрос существования вымышленных языков в Интернет-лингвистике – М. Ю. Сидорова, О. Н. Шувалова [15], масштабы Интернета как новой коммуникативной среды – «революции в языке» – Д. Кристалл [20] и др.), мы определили **целью** данной статьи описание ключевых категорий и характеристик медиареальности как новой информационно-коммуникативной среды для осуществления рекламной деятельности, направленной на проблему комплектования ВС военнослужащими по контракту. Для достижения поставленной цели следует решить ряд **задач**: рассмотреть подходы к категории информационно-коммуникативного пространства Сети, очертить и охарактеризовать ее функции, ключевые категории медиареальности, выделить их особенности, принципы рекламной деятельности в Интернете на основании сравнительных характеристик официальных сайтов министерств обороны.

На наш взгляд, развитие информационно-коммуникативной среды Интернета соотносимо с античной философской категорией *микрокосма* («человек как подобие, отражение, зеркало, символ Вселенной – макрокосма» [1]): человек как создатель и транзиттер информации моделирует в электронном пространстве «микровселенные» (интернет-сайты, блоги, форумы и т. д.), векторы и траекторию вращения (тематическую направленность) которых, а также их «заселенность» (посещаемость), определяет он сам. Таким образом, автор перемещает из реального в электронное пространство события, трансформируя их в *медиареальные* образы (т. е. опосредованные определенным средством коммуникации, в данном случае – компьютером). «Медиа в широком смысле – среда, опосредующая взаимоотношение (взаимопонимание) человека и мира его существования, а также взаимоотношение одного индивида и другого» [11, с. 4]. Новая среда существования – медиареальность – налагает определенные правила и нормы на форму трансформируемых образов, принципы их передачи и восприятия, ее суть – «медийные образы действительности» [18].

Ключевыми категориями *медиареальности* являются:

- *медиакультура* («совокупность книжной (печатной) и экранной культур, визуальной и аудиовизуальной ... включает в себя культуру передачи информации и культуру ее восприятия: она может выступать и показателем уровня развития личности, способной воспринимать, анализировать, оценивать медиатекст» [9]);
- *медиаобъект* («все, что не является текстом – видео, изображения, музыка, анимация и т. п.» [16]);
- *медиа субъект* («человек, который сам становится средой – массой – постоянного круговращения информации» [13]).

Рассмотрим более детально каждую из категорий.

1. Из всех медиасредств *медиакультура* наиболее выражена в сети Интернет. Именно в этом пространстве уровень взаимосвязи аудио- и визуальной составляющей особенно высок. Причем, как отмечают исследователи, законодателями медиакультуры Интернета преимущественно становится молодежь – «Сегодня медиа – один из основных факторов социализации молодого поколения» [6]. Принадлежность / непринадлежность к популярным в современном обществе социальным сетям, участие / неучастие в браузерных (он-лайн) играх определяет статус современного молодого человека, таким образом расширяя / ограничивая для него коммуникативный круг. В данном случае актуализируется метод построения сообщества по

принципу «свой – чужой»: без регистрации ограничивается доступ к форумам, чатам, лентам социальных сетей, он-лайн играм; незнание терминологии сообщества ограничивает или делает невозможной коммуникацию – таким образом, активизируется вопрос владения общими коммуникативными нормами (в он-лайн игре Траван участники называют игру «*травой*», зерно – «*кропом*» (от англ. *crop* – урожай), ресурсы – «*ресами*», золото – «*голдом*» (от англ. *gold* – золото), нападение – «*напом*»). Очевидны типичные для любого сетевого сообщества особенности терминообразовательных процессов: употребление сокращений, что «усложняет прагматику на фоне упрощения средств выражения» [10, с. 37]; заимствование английских слов путем транслитерации (*голд* – от англ. *gold*, *кроп* – *crop*) и др.

Очевидно, что медиакультура Интернета в целом и его отдельных сообществ в частности, как и культура любого общества, определяет образ мыслей и действий человека, относящегося к ней.

2. *Медиаобъекты* способствуют большему информационному объему сообщения, передаваемого в интернет-коммуникации, а также упрощают процесс его восприятия благодаря наличию графической информации, облегчающей усваивание. К тому же поликодовый, или креолизованный, текст (Н. С. Валгина, Е. Е. Анисимова, Л. С. Большаянова), семиотически усложненный по своей структуре, способен выполнять множество функций, нетипичных или невозможных с точки зрения только вербального изложения информации:

– смайлики (эмотиконы) – способствуют передаче эмоционального состояния участников коммуникации с минимальной затратой пространства и времени (как если бы коммуниканты описывали свои эмоции вербально). Например: %-) *очень долго тарачился на экран*; :-& *лишившийся дара речи, смутившийся*;

– картинки, фотографии – часто используются участниками форумов, чатов в качестве так называемых «аватарок» (в ЖЖ – «юзерпики») – визитной карточки владельца. Выбор определенного объекта для самопрезентации личности воплощает множество скрытых смыслов, недостающих их носителю в реальной жизни (образ супермодели, героини фэнтезийного жанра, детей, животных, аниме – типичен для женщин; собаки, лошади, оружие, автомобили, супергерои – для мужчин; гендерно нейтрально окрашенными остаются знаки зодиака, тайные знаки);

– музыка, видео – привносят в передаваемое сообщение ощущение «живой картинки», реальности. Особенно актуально на форумах, где слишком длинное сообщение тяжело для восприятия, в таком случае дается ссылка на референтную информацию. Часто используется в виртуальных открытках в качестве звукового сопровождения поздравления.

Особенно актуально и удобно использование таких объектов в интернет-рекламе, часто размещенной на баннерах сайтов. Размер таких рекламных сообщений ограничен, поэтому с целью сохранения информационного объема сообщения лимитированность в пространстве должна компенсироваться другими средствами, например:

– в случае полностью вербального текста сообщения – придание ему динамичности: «смена одного текста другим, т. е. показ текста последовательно, бегущей строкой или по частям» [12, с. 318];

– при использовании иконического текста – «ограничить вербальный текст необходимым минимумом, а все подробные сведения, включая цены, детали и адрес размещают на страницах, имеющих сноски» [12, с. 319].

Проанализировав тематическую направленность рекламы баннерных площадок официальных сайтов министерств обороны (МО) Украины, Российской Федерации, Республики Беларусь, США и Франции, мы пришли к следующим выводам:

– МО України: баннерная площадь используется для освещения новостных событий (вся правосторонняя колонка страницы), ссылок на правительственные порталы (8 из 16), ссылок на сайты партнеров (4 из 16), ссылок на сайты программ АнтиСПИД, профессиональной подготовки гражданского персонала и военнослужащих, уволенных в запас и отставку (4 из 16). При этом отсутствуют ссылки на сайт, посвященный военной службе по контракту [27].

– МО РФ: ссылки с баннеров на правительственные программы (3 из 10), фотогалерею ВС (1 из 10), сайт военной службы по контракту (1 из 10), правительственные сайты – Президента и Министра обороны РФ (2 из 10), сайт призывной кампании (1 из 10), сайт «О новом облике ВС РФ» (1 из 10), сайт «Пансион воспитанниц МО РФ» (1 из 10). Нижняя строка в конце страницы отведена баннерам со ссылками на сайты партнеров и программ [25].

– МО Республики Беларусь: из 15 баннеров: 2 ссылки на правительственные порталы, сайт службы по контракту, система поиска сослуживцев, игровой сайт «Детям об армии», виртуальный военкомат, справка, остальные 8 – посвящены программам, партнерам, военным изданиям [24].

– МО США: из 4 баннеров 1 посвящен обсуждению правительственной инициативы «Open Gov», 1 – каналу Пентагона, 1 – рекреативным программам военнослужащих и еще 1 – конкурсу «Апрель 2010 – месяц детей военнослужащих». При этом система навигации по сайту путем ссылок предоставляет возможность широкого доступа к любой информации (в т. ч. о поступлении на военную службу) [26].

– МО Франции: из 7 баннеров 2 посвящены участию военнослужащих в международных миротворческих операциях, 1 – опросу военнослужащих, остальные – правительственным программам и партнерам [28].

Из рассмотренных сайтов только ВС Украины и Франции не имеют прямых ссылок на вопросы службы по контракту, при этом неправительственные СМИ отмечают, что «в Украинской армии проблемы с контрактниками» [7], а официальные утверждают, что в некоторых регионах план-задание по призыву был выполнен на 111 % [23].

3. В определении *медиа субъекта*, с одной стороны, несколько нивелируется роль коммуникатора традиционного видения коммуникативного процесса (коммуникатор – текст – канал коммуникации – коммуникант), когда он сам превращается в информационную среду. Однако, с другой стороны, подчеркивается значимость медиа субъекта для непрерывности коммуникативного процесса на всех этапах («Человек в электронной коммуникативной системе становится не менее значимым, чем собственно технологии» [4, с. 231]) – выпадение одного звена (т. е. одного медиа субъекта) разрывает кругооборот информации. Особенно актуален такой принцип в торрентах – файлообменниках, где сокращение количества «сидов» (раздающих информацию) приводит к снижению скорости ее раздачи и увеличению времени скачивания.

К характеристикам медиареальности интернет-пространства относят также *интерактивность* и *гипертекстовость* содержимой в нем информации.

Интерактивность достигается путем использования возможности обратной связи коммуникатора с коммуникантом, что особенно важно в рекламной деятельности. «Ориентация на диалоговость, увеличение значения использования обратной связи, как положительной, так и отрицательной, которая осуществляется симультанно», – такие черты приписывает интерактивности интернет-коммуникации А. А. Калмыков [8].

Исходная антропоцентричность сообщения (созданного человеком) в интернет-среде переплетается с цифровой кодировкой всех ее элементов (опосредованность канала передачи коммуникации): именно здесь созданный человеком текст

превращается в систему знаков и символов. И если в традиционной трактовке «знак соотносим с конкретным денотатом», то «в постмодернистской перспективе знак может иметь множество значений, культурных интерпретаций» [17]. Такие категориально разные интерпретации элементов (в данном случае – знаков) системы (среды) обуславливают определенные правила создания сообщений в зависимости от выбора коммуникационного канала. Однако в данном случае речь идет не о тех правилах, требование соответствовать которым ограничивает возможности создателя, а, скорее, наоборот, предоставляет более широкое поле для деятельности. «Фактором, выгодно отличающим интернет-рекламу, является и то, что в Сети не столь жестко, как в традиционных СМИ, ограничение на объем информации. Ее может быть так много, насколько это необходимо: за счет использования большего количества фактов, аргументов, мнений... различные аспекты могут быть раскрыты глубже и представлены убедительнее» [12, с. 316].

Единственным лимитирующим рекламную деятельность фактором остается культурный компонент коммуникации: владение основными базовыми понятиями медиакультуры не означает возможности свободной коммуникации со всеми ее «микровселенными». Здесь применим принцип Вавилонской башни: все говорят на разных языках. Однако и это препятствие преодолимо благодаря второй типичной черте – *гипертекстовости* сообщений. Употребляя термин, известный в узком кругу пользователей, в зависимости от прагматических целей коммуникатора (быть / не быть понятым другими, «чужими»), термин может являться ссылкой на его объяснения или употребления в других контекстах. Часто такой принцип используется в электронных энциклопедиях, текст которых насыщен референциями на другие тексты, толкующие терминологию исходного. Именно в этом суть *гипертекстовости* – «качественного усложнения современного информационно-коммуникативного пространства» [8].

Еще одна черта медиакоммуникации в Интернете – превалирование одной из функций – *коммуникативной* или *информативной*. Такая градация значимости зависит от прагматических целей участников коммуникации: авторы и участники форумов, чатов, блогов общей тематической направленности преследуют в первую очередь *коммуникативные* цели, восполняя недостаток коммуникации в повседневной жизни: «**гравитон**: Я написал это и сейчас помещу на форуме – потому что не могу уже быть наедине с собой. Не мог не написать. И ещё, честно говорю, очень хочу хотя бы по телефону с кем-нибудь поговорить... Но мне бы хоть человеческий голос услышать» [29]; «**Марго**: Дорогие мои поговоримцы и поговоримки! С наступающим вас! Как приятно мне приходит и видеть вновь ваши милые мне ники, аватарки.. Читать вас. Говорить с вами...» [31]. В то же время первоочередной целью пользователей поисковых систем, новостных сайтов, электронных библиотек, узкоспециализированных форумов является *информативная*.

Разность прагматических функций пользователя переплетается с разнонаправленностью коммуникативных потоков в Сети. Основа такой теории была заложена в моделях развития практики PR, их четыре:

- 1) направленность коммуникаций от организации к общественности, цель – общее информирование, пропагандирование деятельности;
- 2) информация общественности, демонстрация открытости путем представления полной и достоверной информации;
- 3) ассиметричная модель, с отсутствием обратной связи;
- 4) симметричная модель, основа которой – полученная в результате коммуникации точка зрения общественности [14].

Однако, вслед за Г. Г. Почепцовым, принимая за основу прямое воздействие рекламы и косвенное – PR, в исследовании нами рекламы службы по контракту бу-

дуг актуальны лишь некоторые из представленных PR-моделей. Программа комплектования ВС на контрактной основе может носить сугубо информативный характер (информационный сайт Центра комплектования), переплетаясь с новостными событиями СМИ, в таком случае задействованы первая и третья модели и такой поток имеет исключительно информативную природу. Видеоролики по телевидению, радио, в печатных средствах оказывают прямое воздействие на целевую аудиторию и поэтому имеют ярко выраженный рекламный характер. Однако такая модель асимметрична, единственно возможной реакцией потребителя такой информации (в идеальном случае) может стать поступление на военную службу по контракту. Наиболее эффективной в случае такой рекламы будет четвертая, симметричная модель, где принципы деятельности основываются на результатах обратной связи. Наиболее простым и поэтому эффективным средством для такого рода коммуникации является Интернет с возможностью интерактивной коммуникации, в том числе рекламной. Изучение аудитории путем опросов, статистики посетителей веб-страницы, статистики запросов поисковых систем по ключевым словам, обсуждений на тематических форумах – все это может использоваться рекламодателем с целью создания эффективного рекламного сообщения.

Еще одним популярным способом распространения рекламной информации в сети Интернет является т. н. «вирусная реклама». Суть ее сводится к упрощенной, на первый взгляд, подаче информации в смешных, забавных, понятных для всех ситуациях, однако именно такой подход является креативным результатом продуманных действий рекламодателя. «Вид рекламы не навязчив и распространяется по Сети сам собой, без особых затрат. Ведь его распространителями невольно становятся сами пользователи» [5]. Ярким примером такой рекламы стал один из первых роликов рекламы службы по контракту в ВС Украины: мотив из к/ф «Черный бумер», знакомый славянской лингвокультуре типаж «нового русского» и возникающий образ «нового героя» – военнотружашего-контрактника (следуя слогану комплектования на контрактной основе «Время новых героев»). *«Очень веселый рекламный ролик контрактной украинской армии»* [30], *«Прикольная пропаганда службы в армии. Группа беззаботных девушек предпочитает воплощению героя песни «Черный бумер» бравого десантника-контрактника»* [21], *«Утопический рекламный ролик про службу в армии по контракту, а также про чёрный бумер на селе и про военных, которые по сёлам катаются на боевом БТР»* [22] – лишь некоторые реакции посетителей, просмотревших ролик. При этом, несмотря на снисходительно положительные и категорически отрицательные позиции, ссылка на ролик очень популярна в Интернете, что подтверждает принцип действия вирусной рекламы.

Итак, мы можем утверждать об укреплении позиций и роли информационно-коммуникативной среды Интернета как новой медиареальности, открывающей перед пользователями возможности, граничащие с традиционными и новыми средствами массовой информации. Симулякр медиареальности включает категории медиакультуры, медиаобъекта и медиасубъекта, обладающие типичными данной среде особенностями. Игнорирование таких особенностей, равно как и владение общими коммуникативными нормами, типичными для определенной медийной площадки Интернета, определяет коммуникативный успех / неудачу всего процесса обмена информацией в новой коммуникативной среде. Благодаря интерактивности интернет-пространства, обеспечивается возможность максимального изучения целевой аудитории, а также ее положительных / отрицательных реакций, что крайне важно для рекламодателя, заинтересованного в распространении своего продукта или услуги. Гипертекстовость содержащейся информации позволяет расширить границы стандартной информации о продукте / услуге, выводя процесс рекламы на

качественно новый уровень, что крайне важно для ВС на этапе популяризации и становления военной службы по контракту.

Библиографические ссылки

1. **Большая Советская Энциклопедия.** – Режим доступа : <http://great-soviet-encyclopedia.ru/>
2. **Брекенридж Д.** PR 2.0: новые медиа, новые аудитории, новые инструменты / Дейдра Брекенридж; [пер. с англ. М. В. Синельниковой]. – М. : Эксмо, 2010. – 272 с.
3. **Горошко Е. И.** Информационно-коммуникативное общество в гендерном измерении : монография / Е. И. Горошко. – Х.ФЛП Либуркина. Л. – М., 2009. – 816 с.
4. **Горошко Е.И.** Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы / Е. И. Горошко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Орел : ПФ «Картуш», 2007. – Вып. 5. – С. 223–237.
5. **Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе** : межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 5 / отв. ред. А. Г. Пастухов. – Орел : ОГИИК, ПФ «Картуш», 2007. – 378 с.
6. **Зобов А.** Что такое вирусная реклама? / А. Зобов. – Режим доступа : <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-12633>.
7. **Ильющонок Н. Н.** Значение медиакультуры в современном образовательном пространстве / Н. Н. Ильющонок. – Режим доступа : <http://edu.of.ru/attach/17/40085.doc>
8. **Интернет-издательство «Украинская правда».** – Режим доступа: http://www.pravda.com.ua/rus/news/2010/04/13/4932495/view_comments.
9. **Калмыков А. А.** Интернет-журналистика в системе СМИ: становление, развитие, профессионализация : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. А. Калмыков. – Режим доступа : <http://www.ipk.ru/index.php?id=1844>.
10. **Кириллова Н. Б.** Что такое медиакультура? / Н. Б. Кириллова. – Режим доступа: <http://www.ifap.ru/library/book045.pdf>.
11. **Компанцева Л. Ф.** Интернет-лингвистика : когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы : монография / Л. Ф. Компанцева. – Луганск : Знание, 2008. – 528 с.
12. **Конев В. А.** Медиа-реальность и реальность медиа / В. А. Конев // Вестник Самарской Гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2009. – № 2 (6). – С. 3–10.
13. **Назайкин А. Н.** Рекламный текст в современных СМИ : практ. пособие / А. Н. Назайкин. – М. : Эксмо, 2007. – 352 с.
14. **Савчук В. В.** Медиареальность. Медиаасубъект. Медиафилософия / В. В. Савчук. – Режим доступа: http://www.interlos.ru/pdf/mediafilosofia_2/31.pdf.
15. **Связи с общественностью (PR) как часть управления коммуникациями.** – Режим доступа : <http://cit.wsu.ru/Portal/resources/12/17-6.html>
16. **Сидорова М. Ю.** Интернет-лингвистика : вымышленные языки / М. Ю. Сидорова, О. Н. Шувалова. – Режим доступа : www.philol.msu.ru/~sidorova/files/conlangs.pdf.
17. **Система управления сайтами Corbis.** – Режим доступа : www.corbis-cms.ru.
18. **Ткачева М. Л.** Медиареальность: коммуникативистский и постмодернистский подходы / М. Л. Ткачева. – Режим доступа : http://window.edu.ru/window_catalog/pdf2txt?p_id=25692&p_page=4.
19. **Трофимова Г. Н.** Языковой вкус Интернет-эпохи в России : Функционирование русского языка в Интернете : концептуально-сущностные доминанты : монография / Г. Н. Трофимова. – М. : Изд-во РУДН, 2004. – 308 с.
20. **Crystal D.** The Language Revolution. – Cambridge : Policy Press, 2001. – 272 p. Available at: http://www.Davidcrystal.com/DC_articles/Internet2.pdf.

Материалы исследования

1. Анекдоты и веселые истории. – Режим доступа : <http://petrenko.ru/aneq/category/reklama/>
2. Видео: [tochka.net](http://video.tochka.net/8503-zhalka-popytka/). – Режим доступа : <http://video.tochka.net/8503-zhalka-popytka/>
3. Официальный веб-сайт Центра комплектования ВС Украины военнослужащими по контракту. – Режим доступа : <http://kontraktnik.mil.gov.ua/detail.php?p=23,ua>

4. Официальный сайт Министерства обороны Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.mod.mil.by>
5. Официальный сайт Министерства обороны Российской Федерации. – Режим доступа : <http://www.mil.ru/>
6. Официальный сайт Министерства обороны США. – Режим доступа : <http://www.defense.gov>
7. Официальный сайт Министерства обороны Украины. – Режим доступа : <http://www.mil.gov.ua/>
8. Официальный сайт Министерства обороны Франции. – Режим доступа : <http://www.defense.gouv.fr>
9. Психологический форум. Дом, семья, здоровье. – Режим доступа : <http://forum.ngs.ru>

Надійшла до редколегії 20.05.10

УДК 811.161.1'374

М. Л. Вотинцева

*Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта
имени академика Лазаряна*

СЛОВО-МОНОСЕМАНТ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ: ЧАСТЕРЕЧНЫЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Висвітлено частиномовну віднесеність та стилістичну маркованість слів-моносемантів в одномовному лінгвістичному словнику.

Ключові слова: слово-моносемант, тлумачення, словникова стаття, поняття, тлумачний словник, стилістичні маркери, лексикографія.

Рассмотрена частеречная отнесенность и стилистическая маркированность слов-моносемантов в одноязычном лингвистическом словаре.

Ключевые слова: слово-моносемант, толкование, словарная статья, понятие, толковый словарь, стилистические пометы, лексикография.

The article deals with relativity of monosemantic words to different parts of speech and stylistic marking of monosemantic words in the explanatory dictionary.

Key words: monosemantic word, explanation, dictionary entry, concept, explanatory dictionary, stylistic markers, lexicography.

В данной статье в общем виде ставится проблема частеречной отнесенности и стилистической маркированности слов-моносемантов в одноязычном лингвистическом словаре. Эта проблема находится в русле важнейших современных исследований, так как проблемы семантики являются определяющими при решении большинства вопросов лингвистики и смежных с ней наук. Подобные проблемы в сфере лексикографии были исследованы рядом ученых, среди которых А. А. Поликарпов, В. Я. Курлов, А. А. Смирнов и другие. В значительной мере внимание исследователей словарей привлекают многозначные слова (П. Н. Денисов, И. М. Кобозева, Д. Н. Шмелев, А. А. Уфимцева и др.), тогда как лексикографическое представление и стилистическая маркированность однозначных слов ещё остается нерешенной задачей лексикографии.

Целью настоящей работы является рассмотрение связи стилистических характеристик слов с их семантическими (моносемическими) и грамматическими (частеречными) характеристиками. Исследование ведется на материале «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова [1], величина

словника которого – около 130 тысяч слов. Наиболее существенным при выборе в качестве объекта нашего исследования БТС было то, что это словарь, который достаточно полно отображает состав и содержание актуальных для данного времени сфер функционирования лексических единиц данного языка, а именно – описывает в некотором приближении совокупный активный нормативный словарный запас данного языкового общества в данную языковую эпоху. Эту важнейшую типологическую черту БТС мы должны иметь в виду при оценке соотношения ожидаемой и обнаруженной в нем стилистической и иной системной информации.

«В Словаре содержится лексика всех стилистических пластов и литературных жанров, в которых функционирует русский язык на протяжении всего XX века. Кроме общеупотребительных слов, в Словаре приведена основная терминология современной науки и техники, а также слова, обозначающие явления и реалии производственной, культурной и общественной жизни русского народа» [1, с. 3].

Указанными выше характеристиками, разумеется, не исчерпывается набор системно значимых семантических и грамматических параметров лексики. Однако рассмотрение в данной работе даже только этих характеристик совместно со стилистическими позволяет прикоснуться к важному узлу системных отношений – узлу взаимоотношений внешнефункционального и внутрисистемного аспектов в организации лексики и её динамике.

Внефункциональный аспект представлен стилистическими характеристиками, которые особым образом отображают функциональный диапазон употребления лексических единиц, степень их универсальности или прикрепленности к определенным условиям общения, степень их семантической специфичности, а также связанный с этим экспрессивный потенциал их употребления. Внутрисистемный аспект в настоящем исследовании представлен частеречными и количественно-полисемическими характеристиками слов. Частеречная характеристика – это наиболее общая, категориальная характеристика семантики слова.

Гипотеза, которую предстоит проверить нам в настоящем исследовании, – наличие тенденции к последовательному снижению средней степени функционально-стилистической маркированности значений слов признаков частей речи (прилагательных, глаголов, наречий) в сравнении с существительными, а всех служебных слов – в сравнении со всеми знаменательными. Согласно модели жизненного цикла слова должна наблюдаться (и экспериментально наблюдается) следующая типовая последовательность словообразовательного процесса: от слов, в основном, с исходной категориальной субстантивностью, существительных – к менее «вещным», более абстрактным по их категориальной и лексической семантике словам так называемых признаков частей речи – прилагательным, глаголам, наречиям, а от них – к наиболее абстрактным, служебным категориям (местоимениям, предлогам и союзам). Сообразно этой логике, значения существительных, как наиболее специфической категории слов, должны быть в наибольшей степени маркированы той специальной сферой общения, в которой они употребляются. Степень функционально-стилистической маркированности значений слов должна падать по мере их продвижения по указанной эволюционной словообразовательной последовательности.

Материалом для статистического исследования стали все слово-моносеманты, находящиеся на каждой 20-й странице словаря, начиная со страницы 40 и заканчивая 1520 страницей. Из общего количества слов (3822) однозначными оказались 2265, что составляет 59,21 %. Мы можем сделать вывод, что слово-моносемантов не так уж и мало, тем самым опровергая привычное для всех утверждение: «Слова бывают однозначные и многозначные. Однозначные называют какое-нибудь одно понятие, явление действительности, действие и т.п. Так, лишь

единственное значение имеют существительные азот, бетон, троллейбус, прилагательное криминальный, глагол сердиться и т.п. **Таких слов сравнительно немного.** Обычно это термины: катод, ладан, метафора, метонимия, суффикс [3]; Слово может быть *однозначным* (моносемичным). Однако большинство слов в русском языке имеет несколько значений» (выделения наши. – М. В.) [2, с. 11].

Однозначные слова разнообразны по морфологической структуре: имя существительное (*остроугольник*), имя прилагательное (*остроугольный*), глагол (*остроумничать*), наречие (*остроумно*) и т. д. Что касается морфологического состава, то наибольшая склонность к моносемии проявляется у существительных – 1195 слов, что составляет 52,7 % от общего количества исследуемых моносемантов и 31,2 % от общего количества слов на исследуемых страницах. Прилагательные-моносеманты (их 419) составляют 18,6 % от общего количества моносемантов и 10,9 % от общего количества слов, в то время как моносемантичными является 601 глагол, что составляет 26,5 % от общего количества моносемантов и 15,7 % от общего количества слов. Это можно объяснить тем, что признаки предметов и действия имеют одно значение по своей лексической природе. Наречий всего 34, что составляет 1,5 % от общего количества моносемантов и 0,89 % от общего количества слов. Таким образом, общее количество знаменательных частей речи среди исследуемых моносемантов составляет 2249 слов, то есть 99,3 % всех моносемантов. Другие части речи имеют такие показатели: предлогов – 5, союзов – 1, частиц – 2, числительных – 1, междометий – 7, что составляет – 0,7 % всех моносемантов (см. табл. 1).

Таблица 1

Частеречная отнесенность слов-моносемантов

		Существительные	Прилагательные	Глаголы	Наречия	Другие части речи
		1195	419	601	34	16
Всего слов	3822	31,2 %	10,9 %	15,7 %	0,89 %	0,4 %
Однозначные слова	2265	52,7 %	18,6 %	26,5 %	1,5 %	0,7 %

Что касается стилистического маркирования, необходимо отметить, что общее количество маркированных моносемантов – 705 слов (27,6 % от исследуемых единиц). Большинство моносемантов стилистически нейтральны и не имеют эмоциональной окраски. Для упрощения системы подсчетов мы решили 54 стилистические пометы, которые мы встретили на исследуемых страницах, разделить на 4 класса, а именно:

1. **Пометы, характеризующие разговорную форму современного языка (Р):** разг., нар.-разг., разг.-сниж., проф., жарг.

2. **Пометы, характеризующие хронологическое расслоение лексики (У):** ист. (историческое), устар. (устаревшее).

3. **Пометы, характеризующие книжную форму современного языка и передающие эмоционально-экспрессивную оценку (К):** книж., поэт., высок., трад.-поэт., нар.-поэт., офиц., ирон., презр., пренебр., неодобр., шутл., усилит. и др.

4. **Пометы, характеризующие специальную и узко профессиональную лексику (СП):** спец.; авиа., анатом., биол., бот., воен., геолог., гидротех., ж.-д., зоол., кулин., лингв., лит., матем., мед., мор., муз., оптич., охотн., пчел., спорт., с.-х., техн., типогр., торг., физ., физиолог., финанс., хим., церк., цирков., экон., юрид.

Пометы ориентируют пользующегося словарём на социально значимые сферы общественно-речевой практики, особенности которой обусловлены особенностями общения людей в данной сфере. Конечно, эта ориентация носит самый общий характер, однако она ценна как элемент знания о языковом приспособлении человека к общественной среде. Больше всего в словаре содержится слов-моносемантов, маркированных пометами разговорного класса – 60,2 % от числа всех стилистически помеченных слов-моносемантов (18,7 % от общего количества всех исследуемых слов-моносемантов). Слова-моносеманты, маркированные пометами специального и профессионального класса, находятся на втором месте – 23 % от числа всех стилистически помеченных слов-моносемантов (7,1 % от общего количества всех исследуемых слов-моносемантов). Соответствующие показатели для классов книжно-эмоциональной и устаревшей лексики ещё ниже – 12 % (3,2 %) и 4,8 % (1,5 %). Обобщенные данные представлены в табл. 2:

Таблица 2

Стилистическая маркированность однозначных слов

Части речи Пометы	Существительные	Прилагательные	Глаголы	Наречия и др. части речи	Всего
Р	150 / 21,3%	31 / 4,4%	222 / 31,5 %	21 / 3 %	424 / 60,2 %
К	55 / 7,8%	11 / 1,5%	16 / 2,2 %	3 / 0,4 %	85 / 12 %
СП	111 / 15,9 %	33 / 4,6 %	18 / 2,5%	0	162 / 23%
У	16 / 3,1 %	4 / 0,6 %	8 / 1,1%	0	34 / 4,8%
Всего:	338	79	264	24	705 / 100%

Предполагалось, что специальные значения, представляющие культурную сферу словаря данного общества, должны преобладать над любыми другими стилистически маркированными типами значений, в том числе и над разговорно-экспрессивными значениями, представляющими «ядро» языковой системы. То, что в данном словаре наблюдается обратное соотношение, доказывает, что не только термины стремятся к однозначности (см. рис. 1. на с. 78).

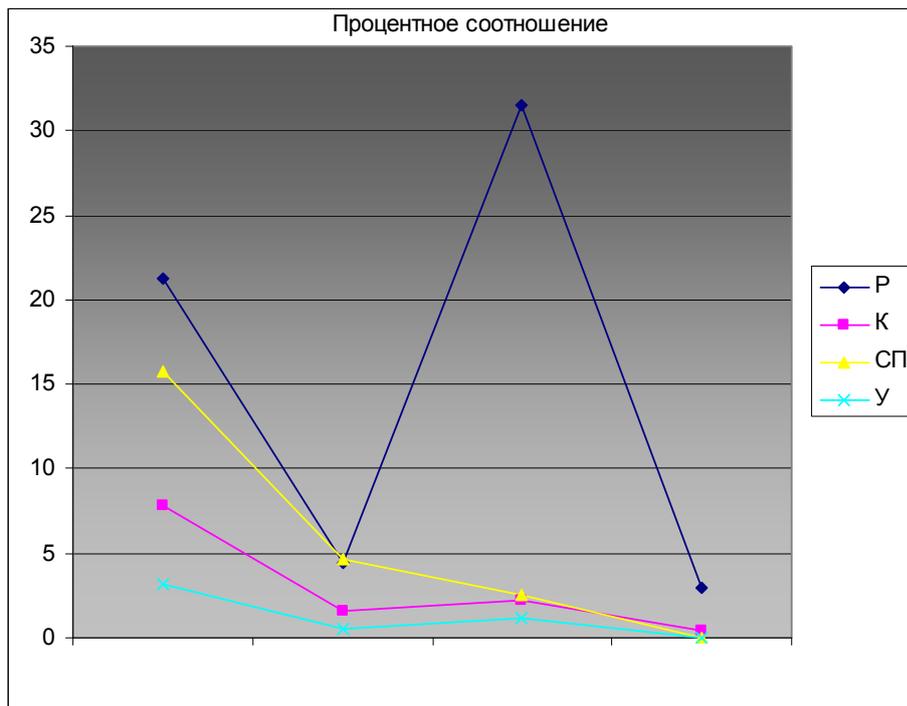
А. А. Смирнов отмечает, что «и в БТС, так же как в БАС и МАС, наблюдается постулированная А. А. Поликарповым лексикографическая тенденция неоправданного нарушения пропорций пополнения маргинальной (периферийной) лексики за счет завышения доли разговорных пластов и занижения доли книжных новаций. Что делать? Лексикографу, находящемуся в центре словесного мира, ближе и понятнее междисциплинарное просторечие, чем локализованная пятнами на периферии языкового поля терминология» [4]. Так что расчеты по маргинальной лексике пока более чем приблизительны.

Дальнейшее углубление в вопрос о стилистической устроенности словаря литературного языка может быть осуществлено, если мы рассмотрим специфику разных лексико-грамматических классов слов (частей речи) в отношении разных классов стилистических помет.

Оставляя пока в стороне наречие, служебные слова, а также числительные и междометия (совместно рассматриваемые нами в категории «Наречие и другие части речи»), мы можем сделать вывод, что среди трёх знаменательных частей речи (существительное, глагол, прилагательное) в исследуемом словаре в наибольшей степени помеченными оказываются значения глаголов – 43,9 % от общего их числа. Количество стилистически помеченных однозначных глаголов – 264 из 601.

Степень общей стилистической маркированности значений существительного оказывается ниже: обнаруживается 28,3 % помеченных значений от общего числа

всех значений этой части речи (в абсолютных цифрах соответственно – 338 из 1194). Далее следуют по степени маркированности прилагательные – 18,8 % (79 из 419).

Рис. 1. Соотношение частеречной и стилистической характеристик слов-моносемантов

Напомним, что ожидалась большая стилистическая маркированность значений существительного, а не глагола или любой другой части речи. Количество стилистически маркированных существительных значительно бы увеличилось, если бы были помечены все слова, типа *анемон, антибиотики, бит, бициллин, геоэкология, гепатит, радиология, сераделла, твердофазный, хлораты, хромотерапия*, которые содержат отнесение к специальным сферам внутри толкования; судя по всему, реальное место приобретений специально-профессиональной стилистики сразу после разговорной лексики.

В перспективе дальнейшего исследования мы видим необходимость выявить механизм, лежащий в основе стилистической дифференцированности слов-моносемантов, с помощью анализа их функционирования в речи.

Библиографические ссылки

1. **Большой толковый словарь русского языка** / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2004. – 1536 с.
2. **Гольцова Н. Г.** Многозначность слова / Современный русский литературный язык : учеб. для филол. спец. пед. институтов / П. А. Лекант, Н. Г. Гольцова, В. П. Жуков и др.; под ред. П. А. Леканта. – М. : Высш. шк., 1988. – С. 11–13.
3. **Матвеев Б. И.** Многозначные слова и их стилистические функции. Практикум по стилистике / Б. И. Матвеев / [Электронный ресурс] // Русский язык. – 2001. – № 35. – Режим доступа : <http://rus.1september.ru/newspaper/php?year=2001 &num=35>.
4. **Смирнов А. А.** Большой толковый словарь русского языка (СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.) : предварительная оценка через букву «х» / А. А. Смирнов / [Электронный ре-

суре] / Русский язык. – 2001. – № 28. – Режим доступа : <http://rus.1september.ru/newspaper/php?year=2001&num=28>.

Надійшла до редколегії 25.05.10

УДК 811.161.1'373.46

Т. Н. Высоцкая

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

ПРОЦЕДУРА СТУПЕНЧАТОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫДЕЛЕНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП НАИМЕНОВАНИЙ ТЕХНИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ

Обґрунтовано процедуру лексико-семантической классификации наименований артефактов горнодобывающей промышленности за помощью метода ступенчатой идентификации; определены термины-идентификаторы, которые обозначают родовые понятия в сфере технических артефактов, и разработаны их рабочие определения; выделены основные лексико-семантические группы наименований артефактов горнодобывающей промышленности.

Ключевые слова: наименование технического артефакта, метод ступенчатой идентификации, лексико-семантическая группа, терминология горнодобывающей промышленности.

Обоснована процедура лексико-семантической классификации наименований артефактов горной промышленности методом ступенчатой идентификации; определен круг терминов-идентификаторов, обозначающих родовые понятия в сфере технических артефактов и разработаны их рабочие определения; выделены основные лексико-семантические группы наименований артефактов горной промышленности.

Ключевые слова: наименование технического артефакта, метод ступенчатой идентификации, лексико-семантическая группа, терминология горной промышленности.

The procedure of the mining industry artifacts nominations on the basis of the stepwise identification method is grounded; the range of terms-identifiers, denoting generic notions in the sphere of technical artifacts, is defined; the working definitions are elaborated; the main lexico-semantic groups of the mining industry artifacts nominations are distinguished.

Key words: technical artifact nomination, stepwise identification method, lexico-semantic group, mining industry terminology.

Сегодня техника является неотъемлемой частью жизни человека. Она становится показателем тех общественных отношений, в рамках которых осуществляется его трудовая деятельность. «Новые понятия, явления и предметы получают свои имена и используются или отвергаются языковым сообществом в процессе коммуникации» [10, с. 8]. Появление новых наименований, особая архитектура, логичность и лаконичность изложения научных фактов и явления являются основными показателями данного слоя общелитературного языка. Наиболее важным показателем языка техники являются термины, большая часть которых обозначает наименования артефактов [8; 10].

Дальнейшее развитие горнодобывающей промышленности определяет высокий технический уровень горных машин. В процессе их эволюции в русском языке возникла достаточно развитая терминологическая система, позволяющая рассмотреть и изучить её структурные элементы на основе, в первую очередь, лексико-семантической классификации терминов, обозначающих технические артефакты горнодобывающей промышленности.

Исходя из сказанного, *целью* нашей работы явилось обоснование процедуры лексико-семантической классификации наименований артефактов горной промышленности.

ленности методом ступенчатой идентификации. Данная цель предопределила следующие основные *задачи* нашего исследования: 1) определить круг и выработать рабочие определения терминов-идентификаторов, обозначающих родовые понятия в сфере технических артефактов горной промышленности; 2) выделить основные лексико-семантические группы наименований артефактов горной промышленности.

Теоретическую базу исследования составляют труды таких ведущих специалистов в области лингвистики и терминологии, как Л. В. Ивина [8], Э. В. Кузнецова [9], Л. А. Манерко [10] и др.

Источником материала исследования послужили энциклопедический справочник горного дела [16], политехнический словарь русского языка [12], учебники, учебные пособия и справочные издания по горному делу, горным машинам, горным комплексам для открытой и подземной разработок [3; 4; 5]. Выборка номинаций технических артефактов составила более 1000 единиц.

Предпошлем изложению основного содержания проведенного исследования понимание базовых для нашей работы понятий «артефакт» и «техника». *Артефакт* (от лат. *artefactum* – искусственно сделанное) – явление, процесс, предмет, свойство предмета или процесса, появление которого в наблюдаемых условиях по естественным причинам невозможно или маловероятно. Возникновение артефакта, следовательно, является признаком целенаправленного вмешательства в наблюдаемый процесс, либо наличия неких неучтенных факторов. Термин употребляется в несколько разных смыслах в различных областях [2]. Мы в настоящем исследовании под *артефактом* будем понимать предмет, изготовленный, сделанный человеком [2]. Технические артефакты вообще и их наименования в частности представляют собой предметную область, которая, по мнению Л. А. Манерко, «в состоянии показать не только то, что подобные единицы всегда «под рукой», но и рядом в сознании человека» [10, с. 3].

Термин *техника* часто употребляется для совокупной характеристики навыков и приемов, используемых в какой-либо сфере деятельности человека. В технике материализованы знания и опыт, накопленные в процессе развития общества. Основное назначение техники – облегчение и повышение эффективности труда человека, расширение его возможностей, освобождение (частичное или полное) человека от работы в условиях, опасных для здоровья; частичная или полная замена производственных функций человека с целью облегчения труда и повышения его производительности [1]. Средства техники применяются при создании материальных и культурных ценностей; для получения, передачи и преобразования энергии; исследовании природы и общества; сбора, хранения, обработки и передачи информации; управления производственными процессами; создания материалов с заранее заданными свойствами; передвижения и связи; бытового и культурного обслуживания. Техника позволяет существенно повысить эффективность трудовых усилий человека, расширить его возможности в процессе целесообразной трудовой деятельности [2]. В нашей работе мы будем опираться на следующее определение *техники горной промышленности*: это механизированное хозяйство, совокупность машин, механических устройств, орудий и средств, применяемых в горнодобывающей отрасли.

Специалисты в области языкознания и терминологии отмечают, что «слова и их значения существуют не отдельно друг от друга, но объединяются ... в различные группы, и основанием для этого служит подобие и прямая противоположность по основным значениям» [10, с. 82]. Вследствие этого системная организация лексики проявляется в существовании в ней объединений слов, характеризующихся определённой общностью значений [8, с. 32]. На общности значения строятся многие лексические группировки терминов, в том числе и лексико-семантическая.

В настоящей работе для выделения лексико-семантических групп наименований артефактов горной промышленности применяется метод ступенчатой идентификации, разработанный Э. В. Кузнецовой [9]. Основывающийся на методике компонентного анализа и использовании словарных дефиниций, «прием ступенчатой идентификации позволяет определить лексико-семантическую группу слов как совокупность единиц, толкуемых через одни и те же слова-идентификаторы» [13, с. 117]. Так, например, лексико-семантическая группа «орудия» объединяется общей архисемой 'орудие'. При анализе словарных единиц данной подгруппы слово-идентификатор *орудие* выступает как наиболее частотный наряду с идентификаторами *инструмент* и *приспособление*. В ряде случаев идентификатор присутствует непосредственно в толковании, в других случаях может проявляться на первой, второй или третьей ступенях идентификации. «Слова, в значениях которых удалось выявить общий идентификатор, будут входить в данную лексико-семантическую группу (ЛСГ), другие останутся за ее пределами» [13, с. 118].

Применение процедуры ступенчатой идентификации как инструмента классификационного анализа требует, прежде всего, выяснения родовых понятий, которые будут служить идентификаторами при выделении соответствующих лексико-семантических групп наименований. Дефиниционный анализ терминов-наименований технических артефактов горной промышленности с точки зрения их системности показал, что значимыми для проведения процедуры ступенчатой идентификации являются такие родовые понятия техники горной промышленности, как «оборудование», «сооружение», «конструкция», «машина», «транспортное средство», «механизм», «аппарат», «устройство», «приспособление», «прибор», «узел», «орган», «инструмент», «сосуд», «деталь», «элемент». Приведем дефиниции выделенных понятий, выработав в каждом конкретном случае рабочее определение обсуждаемого термина.

Толковый словарь Ушакова так определяет лексему *оборудование*: «(тех. спец.) совокупность приспособлений, необходимых для чего-нибудь» [14]. Мы принимаем в качестве рабочего следующее определение данного понятия: совокупность механизмов, приборов, приспособлений, необходимых для производства каких-либо работ в горнодобывающей отрасли.

Толковые словари русского языка определяют слово *сооружение* как «1. Действие по гл. соорудить – сооружать; 2. Здание, постройка. Монументальное сооружение. Всякая значительная постройка (различного вида и назначения)» [6; 11]. Исходя из этого, под *сооружением* будем понимать «то, что сооружено; строение» [7].

Понятие «конструкция» имеет следующие толкования: «состав и взаимное расположение частей какого-н. построения, сооружения, механизма, а также само такое построение, сооружение, машина с таким устройством» [11]; «построенье, постройка, строй, сложенье, образование, устройство, расположенье» [6]. Рабочим определением данного понятия мы будем считать следующее: «**Конструкция** (от лат. *constructio* – составление, построение) – строение, устройство, построение, сооружение» [2].

Понятие «машина» также неоднозначно. Так, научно-технический энциклопедический словарь русского языка предлагает под этим понятием понимать «устройство, которое преобразует или передает силу для того, чтобы совершить полезную работу»; а современная энциклопедия определяет его как «устройство, выполняющее механическое движение с целью преобразования энергии» [1]. Для нас *машина* в горнодобывающей отрасли – это устройство, выполняющее механические движения для преобразования энергии, материалов. К классу машин относятся электродвигатели, двигатели внутреннего сгорания, турбины, поршневые, паровые машины, электрогенераторы, станки, подъемники, конвейеры и др. [2].

Под **транспортным средством** Энциклопедический словарь экономики и права предлагает понимать любые средства, используемые для перевозок [15]. Мы будем оперировать следующим определением данного понятия: **транспортное средство** – это рабочая транспортная машина, чьей функцией является изменение положения перемещаемого предмета [2].

Следующее важное для нашего исследования понятие – «механизм» – имеет следующие определения: «внутреннее устройство (система звеньев) машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие» [12]; «система или устройство, определяющие порядок какого-либо вида деятельности или процесса» [10]. Опираясь на имеющиеся дефиниции, под **механизмом** мы будем понимать «систему тел, предназначенную для преобразования движения одного или нескольких тел в требуемые движения других тел» [1].

Понятие «аппарат» имеет такие определения: «прибор, техническое устройство» [2]; «приспособление для какой-н. работы (тех.)» [14]. Для нас **аппарат** – прибор, устройство, приспособление, предназначенное для выполнения определённой работы и применяемое в области горной промышленности [1].

Толковый словарь Ушакова и Современный толковый словарь русского языка Ефремовой определяют понятие «устройство» как механизм, конструкцию [7; 14]. **Устройство** (в горнодобывающей отрасли) – это механизм, машина, прибор [12].

Слово **приспособление** имеет следующие значения: «действие по гл. приспособить – приспособливать и приспособиться – приспособливаться» [14]; устройство, посредством которого совершается какая-либо работа, действие [7]. В метаязыке нашего исследования под **приспособлением** будет пониматься предмет, особое устройство, прибор, механизм, аппарат, посредством или при помощи которого совершается какая-нибудь работа, действие [14].

В свою очередь, **прибор** – это аппарат, приспособление для производства какой-нибудь работы, устройство, предназначенное для измерений, регистрации; специальные приспособления к станкам, машинам, установкам, устройствам, в которых они выполняют определённые функции [14].

Ещё одним понятием, требующим уточнения значения, является понятие «узел». Толковые словари русского языка предлагают следующие определения: «место, где связаны концы чего-н.» [14]; «часть механизма или технического устройства, представляющие собой сложное соединение деталей, отдельных частей (спец.)» [11]. Оптимальным нам представляется определение **узла** как части машины, механизма, состоящей из нескольких более простых элементов (деталей) и представляющей собой сборочную единицу этой машины [2].

Многозначный термин **орган** (от греч. *organon* – орудие, инструмент) определяется как «часть организма с особыми функциями и структурой» [14]; «орудие, инструмент, средство» [14]; «составная часть сложной машины» [14]. В качестве рабочего нами будет использоваться следующее определение **органа**: «составная часть сложной машины с особыми функциями, инструмент».

Следующим понятием, которое требует уточнения значения, является понятие «инструмент». Большой энциклопедический словарь определяет его как «орудие человеческого труда или исполнительный механизм машины»; Толковый словарь Ушакова – как «ручное орудие для производства каких-нибудь работ, совокупность ручных орудий в какой-нибудь специальности» [14]. Мы считаем целесообразным в категорию «**инструмент**» (в горнодобывающей отрасли) включить следующие родовое и видовые понятия: это (от лат. *instrumentum* – орудие) орудие человеческого труда или исполнительный механизм машины: 1) режущий (резец, сверло, протяжка, фреза и др.); 2) давящий (штамп, накатка и др.); 3) шлифующий (шлифовальный круг, шлифовальный брусок и др.); 4) ударный (молоток, зубило,

пробойник и др.); 5) крепёжно-зажимный (зажимной патрон станков, резцовая державка, тиски, клещи и др.) [2].

В качестве слова-идентификатора в дефинициях артефактов иногда используется термин *сосуд*, обозначающий «вместилище для жидкости» [14]; «вместилище для жидких и сыпучих тел» [11]. На основе данных определений может быть сформулирована рабочая дефиниция: *сосуд* – это ёмкость для жидких и сыпучих материалов.

Довольно часто в определениях артефактов идентифицирующую позицию занимают термины *деталь* и *элемент*. Толковый словарь Ушакова и Современный толковый словарь русского языка Ефремовой определяют *деталь* как мелкую часть механизма, машины, прибора [7; 14]. Нашему подходу более соответствует определение *детали* как части механизма, машины, прибора, изделия, изготовленную без применения сборочных операций [1].

В свою очередь, понятие «элемент» определяется как составная часть чего-либо [15]; составная часть сложного целого [1]. Мы будем опираться на более конкретное понимание *элемента* как составной части горных сооружений, конструкций, машин, транспортных средств, механизмов, аппаратов, устройств, приспособлений, приборов, узлов, органов и инструментов.

Анализ вышеизложенных определений показывает, что некоторые из понятий синонимичны: *сооружение – конструкция; машина – устройство; устройство – аппарат, прибор, приспособление; аппарат – прибор, приспособление, устройство; прибор – устройство, аппарат, приспособление; приспособление – прибор, устройство, аппарат; орган – инструмент; деталь – элемент*. Это позволяет несколько сузить первоначальный круг лексем-идентификаторов, включив в него следующие термины: *оборудование, сооружение, конструкция, машина, транспортное средство, механизм, устройство (аппарат, приспособление, прибор), узел, инструмент (орган), сосуд, деталь, элемент*. Данные идентификаторы содержат в себе наиболее общие, родовые признаки, позволяющие выделить лексико-семантические группы наименований артефактов горной промышленности путём компонентного анализа, т. к. именно этот метод предполагает выявление в значениях слов сем, из которых складывается их содержание [9].

На основе результатов компонентного анализа 1017 отобранных единиц номинаций технических артефактов горной промышленности были выделены следующие лексико-семантические группы:

- 1) ЛСГ «Оборудование» (84 ед.): *ходовое оборудование, бегун, грейфер, гусеницы* и др.;
- 2) ЛСГ «Сооружения» (16 ед.): *бункер, вагоноопрокидыватель, газгольдер, крепь, пульповод* и др.;
- 3) ЛСГ «Конструкции» (24 ед.): *армировка шахтных стволов, водовод, настил, рама, став* и др.;
- 4) ЛСГ «Машины» (156 ед.): *альтернатор, ворот, грейдер, грузчик, засыпатель* и др.;
- 5) ЛСГ «Транспортные средства» (12 ед.): *вагонетка, гондола, думпка* и др.;
- 6) ЛСГ «Механизмы» (35 ед.): *домкрат, затвор, манипулятор, пара винтовая, пневмоударник* и др.;
- 7) ЛСГ «Устройства» (104 ед.): *бегун, буфер, вентилятор, вилка, вкладыш; абсорбер, адсорбер, динамометр крупного скола, стабилизатор, фильтр; вертлюг, вилка; сверло динамометрическое* и др.;
- 8) ЛСГ «Узлы» (7 ед.): *букса, расштыбовщик, турель* и др.;
- 9) ЛСГ «Органы» (10 ед.): *барабан, канат, лента, ротор* и др.;

10) ЛСГ «Инструменты» (60 ед.): *буссоль, веретено, движитель, державка, долото* и др.;

11) ЛСГ «Сосуды» (4 ед.): *бадья, бочка, маслёнка, скип*;

12) ЛСГ «Детали» (194 ед.): *анкер, барабан, болт, бугель, вал* и др.;

13) ЛСГ «Элементы» (355 ед.): *амортизатор, арка, балансир, балка* и др.

Таким образом, с помощью процедуры ступенчатой идентификации и компонентного анализа номинаций технических артефактов горной промышленности была проведена лексико-семантическая классификация, результатом которой явились 13 ЛСГ наименований артефактов горной промышленности.

Библиографические ссылки

1. **Большая советская энциклопедия** [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru>
2. **Большой энциклопедический словарь**. – М., 1998. – 1456 с.
3. **Ганзен Г. А.** Горное оборудование / Г. А. Ганзен, Н. С. Родионов. – М., 1971. – 221 с.
4. **Гетопанов В. Н.** Горные и транспортные машины и комплексы. – М., 1991. – 303 с.
5. **Горные машины для подземной добычи угля** / [Горбатов П. А., Петрушкин Г. В., Лысенко Н. М. и др.]. – Донецк, 2006. – 669 с.
6. **Даль В. И.** Толковый словарь русского языка / В. И. Даль [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru>.
7. **Ефремова Т. Ф.** Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru>.
8. **Ивина Л. В.** Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем / Л. В. Ивина. – М., 2003. – 304 с.
9. **Кузнецова Э. В.** Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. – М. : Высш. шк., 1982. – 152 с.
10. **Манерко Л. А.** Язык современной техники: ядро и периферия / Л. А. Манерко. – Рязань, 2000. – 140 с.
11. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru>.
12. **Политехнический словарь**. – М., 1980. – 656 с.
13. **Попова З. Д.** Лексическая система языка : Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания : учеб. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – [изд. 2-е, испр. и доп.]. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 176 с.
14. **Ушаков Д. Н.** Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru>.
15. **Энциклопедический словарь экономики и права** [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru>.
16. **Энциклопедический справочник горного дела**. – М., 1957. – 760 с.

Надійшла до редколегії 10.03.10

Л. Є. Гапонова

Національна металургійна академія України (м. Дніпропетровськ)

ІНШОМОВНІ ЗАПОЗИЧЕННЯ В УКРАЇНСЬКІЙ КРИМІНАЛІСТИЧНІЙ ТЕРМІНОЛОГІЇ

Розглянуто іншомовні запозичення з латинської, грецької, французької, англійської та німецької мов в українській криміналістичній термінології, зокрема змішані мовні конструкції, утворені шляхом поєднанням двох основ типу (лат. + гр.). На прикладі криміналістичної термінології висвітлено специфіку препозитивних та постпозитивних компонентів. Серед перших виділено синонімічні, антонімічні, омонімічні та полісемічні парадигматичні відношення, а в системі других – словотвірні форманти складних термінів у сфері української криміналістичної науки.

Ключові слова: іншомовні запозичення, криміналістична термінологія, морфоелементи, словотвірні форманти, термінотворення.

Рассмотрены иноязычные заимствования из латинского, греческого, французского, английского и немецкого языков в украинской криминалистической терминологии, в частности смешанные языковые конструкции, образованные путем сочетания двух основ типа (лат. + гр.). На примере криминалистической терминологии освещена специфика препозитивных и постпозитивных компонентов. Среди первых выделены синонимические, антонимические, омонимические и полисемантические отношения парадигм, а в системе вторых – словообразовательные форманты сложных терминов в сфере украинской криминалистической науки.

Ключевые слова: иноязычные заимствования, криминалистическая терминология, морфоэлементы, словообразовательные форманты, терминообразование.

Foreign borrowings of criminal terminology from the Latin, Greek, French, English and German languages are considered in this paper. Mixed constructions, made by joining two stems (Latin+Greek). The peculiarities of preposition and postposition components are shown, based on criminal terminology. Among the former we may distinguish synonymous, antonymous, homonymous and polysemantic paradigmatic relations, among the latter - word-formation formants of complicated terms used in the field of Ukrainian criminalistics.

Key words: foreign borrowings, criminal terminology, morphemic elements, word-formation formants, term formation.

Іншомовні запозичення в українській мові вивчаються вже тривалий час. Актуальність цих досліджень зумовлена тим, що наша мова повсякчас поповнювалась і буде поповнюватися шляхом запозичень з інших мов. Серед галузей найактивнішого поповнення мови іншомовними лексемами досить чітко виокремлюється термінологія, особливо, якщо вона є відносно молодою, тобто знаходиться у періоді становлення. Однією з таких терміносистем є мова сучасної науки криміналістики.

Аналіз іншомовних морфоелементів у словниковому складі мови здійснювали В. Акуленко [1], В. Григор'єв [4], Т. Канделакі [6], Н. Клименко [8], І. Кочан [9], Г. Онуфрієнко [12] та ін. Запозичення іншомовних лексем у терміносистемах досліджували М. Васильєва [2], Я. Голдованський [3], А. Дьяков і З. Куделько [5], Т. Кияк [7] та ін.

Тезаурус сучасної криміналістичної науки містить чимало запозичень з різних мов. Найвиразніше проявляється вплив неслов'янських, насамперед класичних мов, здебільшого *латинської* (або пізньолатинської): *алібі, версія, пенітенціарний, странгуляція, стигми, сугестія, фрагмент, фальсифікація, фрустація, рецидив, інкримінування, рексит, конфабуляція, криміналістика, легенда, модель, папілярний, парабелум, перлюстрація, персеверація, провокація, реактив, реквізиція, рела-*

ксація, ремінісценція, референтний, рефлексія, сензитивність, симуляція, детектор, експеримент, експерт, індуктор тощо і **грецької**: *аграфія, антропометрія, фобія, асфіксія, гіпотеза, балістика, фізіогноміка* і т. д. Слід також зазначити про наявність змішаних конструкцій з двох зазначених мов, що активно функціонують у термінології криміналістики за схемою поєднання основ – лат. + гр. Наприклад: *відео+грама, габіто+скопія, дикто+фон, професіо+графія, пальмо+скопія* та под. Простежуємо в криміналістичній термінології вплив романо-германських мов, зокрема **французької** мови: *ерготоксин, параф, тир, транс, верифікація, капсуль, кастет, фіксувати, рикошет, авантюризм, дезорієнтація, татування* тощо; **англійської** мови: *снайпер, револьвер, кілер, трал, ледісміт, морнінгстар* і т. д.; **німецької** мови: *гільза, дунст, шабер, патрон, маузер, фальсифікат, фолькспістоле, фальш, демпфер, зарин, штуцер* та ін. У криміналістичній термінології серед романо-германських запозичень також наявні змішані конструкції, утворені шляхом поєднання двох основ, наприклад: *трасологія* (фр. + гр.), *снайперскоп* (англ. + гр.) та под., у яких, як правило, другою частиною виступає складова грецького походження. Наприклад: «*Експертиза слідів рук (дактилоскопічна експертиза) – вид трасологічної експертизи; основне завдання – ідентифікація особи за слідами рук, залишеними на місці події*» [16, с. 141].

Мова сучасної криміналістики активно використовує не тільки іншомовні лексеми, а й іншомовні морфоеlementи, які є складовими термінів. У криміналістичній термінології використовуються префікси іншомовного походження із значенням протилежності або заперечення: *анти-*: *антипатія, антиципація* (лат.); *де-* (*дез-*): *деградація, деморалізація* (фр.), *дезінформація* (лат.), *дезорієнтація* (фр.); *контр-*: *контркриміналістика*. В утворенні термінів із значенням заперечності або протилежності також беруть участь і власне українські префікси, приєднуючись як до іншомовних, так і до власне українських основ: *без-*: *безапеляційний, бездіяльність* (злочинна), *бездоказовий* (*бездовідний*), *беззаконний, безкарний*.

Розглянемо випадки, коли іншомовні компоненти стоять у препозиції. Наприклад: *стерео-* (від гр. 1) просторовий, об'ємний) у складних словах вказує на зв'язок даних термінів з простором, об'ємністю): *стереоскоп* (гр.); *стерео-* (від гр. 2) твердий) *стереотип*); *авто-* (від гр. *autos* – сам): *автограф, автодог, автоекс; авто-* (від гр. *automatos* – саморушній): *автомат, автоматизм, авторучка, автопідроблення* (підпису); *аеро-* (від гр. – повітря): *аерофоторозвідка; відео-* (від лат. – бачу): *відеодокумент, відеозапис* (судовий), *відеотехніка, відеограма; пара-* (від гр. – біля, при, коло), від якого творяться слова, що позначають зовсім різні поняття: *парамнезія* (гр.), *парафазія* (або *парафразія*) (гр.), *параграма* (гр.), *паралогізм* (гр.); *піро-* (від гр. – вогонь) *піроколодій, піроксил* (або *піроксилін*), *піроманія* (гр.), *пірокатехін* (гр.), *піротехніка; фіто-* (від гр. – рослина): *фітоконтроль, фітотаблиця; фоно-* (від гр. – звук): *фонограма, фонографія, фонометрія, фоноскопія; фото-* (від гр. – світло): *фотограмметрія, фотографія* (судово-оперативна, судово-дослідна тощо), *фотолюмінісценція, фоторобот, фотоснайпер, фотоспостереження, фототаблиця, фототека*. У поданих вище прикладах простежується також і спосіб утворення термінів шляхом складання двох і більше основ.

Серед препозитивних міжнародних компонентів, що мають кореневий статус, спостерігаємо різні парадигматичні відношення:

– **синонімічні**: *бі-*(гр.) – (дво-) і *ді-* (гр.) /*ду-* (лат.) – (двічі) [18, с. 43]; *дека-* (гр.) – (десять) і *дец-* (лат.) – (десять); *ксил(о)-* (гр.) – (дерево) і *дендр-* (гр.) – (дерево); *невр-* (жилка, нерв) і *нейр-* (жилка, нерв);

– **антонімічні**: *гетеро-* (розрізненість) – *гомо-* (спорідненість); *кріо-* (холод, мороз) – *піро-* (вогонь); *міні-* (мінімальний) – *максі-* (максимальний); *мікро-* (дуже малий) – *макро-* (великий, довгий);

– **омонімічні**: *радіо-* має відношення до радіо, пов'язаний з радіо; *радіо-* відношення до радіоактивності;

– **паронімічні**: *арх(e)-* (початок, походження), *архі-* (зверхність, старшинство), *архео-* (стародавній); *бі-* (двічі), *біо-* (життя); *гомо-* (рівність, однорідність), *гомео-* (однаковий); *ді-* (двічі), *діа-* (наскрізний); *оро-* (гора), *орто-* (прямий, правильний). Наприклад: «Особливо вдалий ефект дає використання позитивних матеріалів для виготовлення кольорових діапозитивів, які можна демонструвати в суді, на попередньому слідстві» [10, с. 322];

– **полісемічні**: *стерео-*: 1) просторовий, об'ємний; 2) твердий; *авто-*: 1) власний; 2) автоматичний; 3) що стосується автомобіля; *контра-*: 1) проти; 2) у музиці – октавою нижче; *окси-*: 1) присутність кисню в сполуках чи сумішах; 2) відношення до кислого середовища; *суб-*: 1) розміщення під чимось або біля чогось; 2) підпорядкований; 3) неосновний, неголовний; *теле-*: 1) здійснюваний на відстані; 2) той, що діє на далеку відстань.

Певний інтерес становлять кінцеві словотвірні форманти складних термінів іншомовного походження в криміналістичній термінології. Так, словотвірний формант *-скоп* у складі композитів позначає прилади, інструментальні засоби чи їх частини: *снайперскоп* (англ.+гр.), *стереоскоп* (гр.); *-скоп(ія)* (від гр. – спостерігаю, розглядаю) – назви методів криміналістичних досліджень: *габітоскопія* (лат.+гр.), *гомеоскопія* (гр.), *механоскопія* (гр.), *спектроскопія* (гр.), *дактилоскопія* (гр.), *антропоскопія* (гр.), *пороскопія* (гр.), *пальмоскопія* (лат.+гр.), *еджескопія*, *фоноскопія*, *дефектоскопія* [14, с. 348] (серія термінів з формантами *-скоп* і *-скопія* є досить продуктивною в сучасній криміналістичній науці); *-грам(a)* (від гр. – риска, літера, написання) надає утвореним словам значення різного роду інформації: *відеограма* (лат.+гр.), *ідеограма* (гр.) *фонограма*. Із формантом *-граф* (від гр. – записування, відображення) творяться слова, що позначають назви приладів: *спектрограф*, *варіограф*; зі словотвірним формантом *-графія* творяться слова, що позначають різні види запису для дослідження інформації: *гаммаграфія*, *фотографія*, *стенографія*, *ідеографія* (гр.), *криптографія* (гр.), *топографія* (гр.); з формантами *-манія* (від гр. – безумство, пристрасть) і *-фобія* (від гр. – страх) творяться слова, що позначають нав'язливий стан людини, під дією якого було скоєно злочин: *графоманія* (гр.), *клептоманія* (гр.), *наркоманія* (гр.), *німфоманія* (гр.), *піроманія* (гр.); *антропофобія* [15, с. 161], *агорафобія* [15, с. 161] (антонім: *клаустрофобія* [15, с. 161]), *гінекофобія* [15, с. 161], *клептофобія* [15, с. 161], *зоофобія* [15, с. 161], *астрофобія* [15, с. 161], *балістофобія* [14, с. 147]. Наприклад: «Фобії трапляються під час неврозів, психозів та органічних захворювань головного мозку» [17, с. 245].

За допомогою форманта *-лог* (від гр. – слово; поняття, вчення; думка; визначення; відношення) утворюються слова, що позначають особу, яка вивчає науку, зазначену на початку складного слова: *кінолог*, *мікробіолог*; з формантом *-логія* (від гр. – слово; поняття, вчення) термінолексеми позначають наукові галузі: *графологія* (гр.), *одорологія* (гр.), *трасологія* (фр. + гр.), *габітологія* (лат. + гр.), *пенологія*, *патологія*, *френологія* (гр.) та под. Серед постпозитивних компонентів зафіксовані паронімічні відношення і варіантність, напр.: *біо+граф(ія)* і *геліо+граф*, *біо+лог(ія)* і *графо+лог(ія)* та под. Такі лексеми не мають однослівних відповідників в українській мові, тому що переклад складних слів неможливо здійснити у межах однокореневого простого слова. Як правило, терміни, що є складними словами іншомовного походження, замінюються зворотами, оскільки до них неможливо дібрати короткі відповідники. Наприклад, не піддаються однослівному перекладу назви таких термінів судової балістики (одного з розділів науки криміналістики), як *снайперскоп* та под., загальнонаукові терміни (*мікросистема*, *макрофлора*), а також

деякі загальноновживані слова іншомовного походження, що активно використовуються в криміналістичній науці: *фотоплівка, мікроскоп* та под.

Процес термінотворення завжди супроводжується двома тенденціями: до нормативного збереження національної самобутності мови та до термінологічних запозичень. Обидві тенденції спрямовані на відповідну номінацію спеціального поняття за ознаками і поряд з номінативною функцією, виконують також сигніфікативну, інформаційну, прагматичну та евристичну функції, проте «що стосується юридичних термінів, які функціонують у законодавчих та інших нормативних і патентних документах, то вони виконують ще й додаткову специфічну функцію – правову» [12, с. 98]. З огляду на те, що криміналістика також є складовою юридичної науки, її термінологічна лексика відповідно виконує правову функцію.

На основі іншомовних запозичень у термінологічному просторі мови криміналістики формуються гнізда похідних слів (*криміналіст – криміналістика, криміналістичний; афера – аферист, аферистка; шантаж – шантажувати, шантажист, шантажистський, шантажний; детектив – детективний; банда – бандит, бандитизм* та под.), а також терміни-словосполучення: *анексія – повзуча анексія; версія – необґрунтована версія, обґрунтована версія, робоча версія, розшукова версія, слідча версія*.

Дослідження іншомовних запозичень сучасної криміналістики дає змогу виявити «зовнішні ресурси мови для спеціальних цілей, що складають достатньо вагому, відкриту і незамкнену множину, за різними параметрами: *джерелом* (мова-джерело; мова-посередник; мертві / живі мови; близько контактуючі / дистантно-контактуючі мови); *причинами* (екстралінгвістичні та інтралінгвістичні); *хронологією* (час фіксації у мові-реципієнті, періоди запозичення); *мовним статусом* (первинні / вторинні елементи, здатність самостійно переміщуватися з мови у мову); *інтернаціональним статусом* (інтернаціоналізм / неінтернаціоналізм); *видом запозичення* (пряме, матеріальне / калькування, змішане)» [12, с. 99–100].

Продуктивність словотвірних засобів для термінології завжди є явищем вторинним. Вона відбиває позалінгвістичну актуальність, тобто потребу для найменування нових понять. Чимало криміналістичних термінів утворено за допомогою іншомовних (переважно грецьких і латинських) морфоелементів, які набули статусу міжнародних: *префіксів анти-, де-, контр-*, що концентруються в розрядах іменних основ. Наприклад: *антигромадський, дискваліфікований, дискредитування, децентралізований, контркриміналістика* тощо. *Префіксоїдів квазі-, макро-, мікро-, фото-*, які ще не повністю втратили власне лексичне значення і займають проміжне місце між коренем та префіксом: з одного боку, не є завершеним процес їх морфологізації; з іншого – регулярність їх використання є високою (наприклад, *квазідоговор, макрофотозйомка, мікрофотозйомка*). Зазначені приклади додатково ілюструють, що термінолексеми криміналістичної науки можуть складатися не тільки з елементів іншомовного походження, а й поєднувати іншомовний морфоелемент з власне українським. Як ощадливий спосіб передачі змісту складних понять, вони «мають ознаки загальновідомості (загальнозрозумілості), частотності, соціальної значимості та психолінгвістичну ознаку короткості (оптимальної довжини)» [11, с. 12]. Іншомовні суфікси, які поширилися у складі європізмів, набули в багатьох мовах «статусу суфіксів, які не тільки вичленовуються», але й стають словотвірними [1, с. 31]. До їх складу увійшли суфікси на зразок: «*-аж* (франц. *-age* < пізньолат. *aticum*); *-ант* (лат. *-antis*); *-ат* (лат. *-atus*); *-(а)цій /-а* (лат. *-atio*); *-ист /-іст* (лат. *-ista*) тощо. Наприклад: *арештант, провокація, контрабандист*» [12, с. 101].

У криміналістиці при творенні термінів за кількісним підрахунком переважають блоки грецького походження. Латинське походження мають компоненти

аудіо-, бібліо-, бі-, відео-, імуно-, карб-, квазі-, кон-, контра-, лакто-, мото-, мульти-, радіо-, спектро- (спектроскопія), уні-, -фікація (верифікація). Наприклад: «Способом фіксації місця події є фотозйомка і відеозапис» [16, с. 39]. «Фотографічні методи криміналістичної техніки ділять на *фіксуючі, вимірювальні, контрастуючі, сигналітичні, кольоророзрізняльні, стереоскопічні, голографічні, електрографічні, термографічні, радіографічні, кінематографічні*» [10, с. 349].

Основні напрями термінологічної роботи в Україні «передбачають узгодженість національної і міжнародної термінології, вироблення методологічних засад уніфікації терміносистем та їх збагачення за рахунок власних мовних одиниць і необхідних на даний час лексичних запозичень (теоретичний аспект), участь українських термінологів у роботі міжнародних організацій з питань стандартизації (прагматичний аспект), укладання різного роду термінологічних словників у співпраці фахівців і філологів (прикладний аспект)» [13, с. 15].

Запозичення термінів, як і будь-яких інших слів, з однієї мови в іншу відбувається безпосереднім і опосередкованим шляхом. Опосередковане запозичення здійснюється з мови-джерела через мову-посередник. Як справедливо зазначає дослідник Г. Онуфрієнко, «... деякі давні запозичення настільки пристосувалися до системи мови-реципієнта і засвоїлися, що іншомовне походження їх майже не відчувається носіями цієї мови та виявляється лише за допомогою етимологічного аналізу» [12, с. 99].

Вивчення іншомовних запозичень у термінології відбиває об'єктивний чинник її еволюції. Такі дослідження доцільні за умови відповідності життєвим потребам і таким засвоєнням, при яких не порушується національна специфіка терміносистем. Співвідношення між національними та інтернаціональними елементами у термінологічних системах встановлюється в доцільних пропорціях тільки за умови, якщо розв'язане питання національного, тобто спостерігається орієнтація на загальнонародну основу в лексиці, в побудові стандартних висловів, у синтаксичній структурі, у відмові від штучного словотворення, немотивованого калькування, передусім подвійного. «Термінологія кожного народу, – писав В. Сімович, – йшла й іде іншими шляхами, вона зв'язана з культурними впливами чужих мов <...> та зі структуральними законами кожної мови» [13, с. 15].

Досліджувані термінолексеми набули статусу інтернаціональних, що свідчить про інтернаціоналізацію досліджуваної лексики, а також історичні витоки криміналістики як науки та багатоджерельність походження цієї терміносистеми. Разом з тим терміни, наслідуючи тенденцію до міжнародного стандарту, зберігають національні особливості термінологічного фонду.

Поширення слів з іншомовними препозитивними та постпозитивними блоками в сучасній криміналістичній термінології пояснюється як мовною традицією, так і прагненням конденсації – передавати одним словом досить складне наукове поняття, а також прагнення відповідати вимогам європейської мовної спільності.

Бібліографічні посилання

1. **Акуленко В. В.** Вопросы интернационализации словарного состава / В. В. Акуленко. – Х. : Изд-во Харьк. ун-та, 1972. – 214 с.
2. **Васильева М. В.** К семантическому и функциональному описанию греко-латинских терминологических элементов в лингвистической терминологии / М. В. Васильева // Вопросы языкознания. – 1983. – № 3. – С. 71–79.
3. **Голдованський Я. А.** Українські неокласичні етимологічні джерела (терміни, складені з грецьких та латинських морфем) / Я. А. Голдованський // Іноземна філологія. Вип. 107. – Львів, 1994. – С. 129–133.

4. **Григорьев В.П.** О взаимодействии словосложения и аффиксации / В. П. Григорьев // Вопросы языкознания. – 1961. – № 5. – С. 71–77.
5. **Дьяков А. С.** Основи термінотворення: Семантичні та соціолінгвістичні аспекти / А. С. Дьяков, Т. Р. Кияк, З. Б. Куделько. – К. : КМ Akademia, 2000. – 218 с.
6. **Канделаки Т. Л.** Об одном типе словаря международных терминологических элементов / Т. Л. Канделаки // Филологические науки. – 1967. – № 2. – С. 37–49.
7. **Кияк Т. Р.** До питання про «своє» та «чуже» в українській термінології / Т. Р. Кияк // Мовознавство. – 1994. – № 1. – С. 22–25.
8. **Клименко Н. Ф.** Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові / Н. Ф. Клименко. – К. : Наук. думка, 1984. – 252 с.
9. **Кочан І. М.** Слова з міжнародними терміноелементами в сучасній українській літературній мові / І. М. Кочан // Мовознавство. – 1998. – № 6. – С. 62–66.
10. **Криміналістика: Підручник для слухачів, ад'юнктів, викладачів вузів системи МВС України** / П. Д. Біленчук, О. П. Дубовий, М. В. Салтєвський, П. Ю. Тимошенко / за ред. акад. П. Д. Біленчука. – К. : Атіка, 1998. – 416 с.
11. **Лейчик В. М.** О некоторых современных способах словообразования / В.М. Лейчик. – Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1984. – С. 3–15.
12. **Онуфрієнко Г. С.** Запозичення неслов'янського походження в юридичному термінологічному просторі української мови / Г. С. Онуфрієнко // Ономастика і апелятиви : зб. наук. праць. Вип. 9. – Д. : ДДУ, 2000. – С. 96–104.
13. **Панько Т. І.** Концептосфера термінологічної розбудови української мови / Т. І. Панько // Мовознавство. – 1994. – № 1. – С. 14–21.
14. **Словник іншомовних слів** : 23 000 слів та термінологічних словосполучень / кол. авт. Л. О. Пустовіт, О. І. Скопненко, Г. М. Сюта, Т. В. Цимбалюк. – К. : Довіра; УНВЦ «Рідна мова», 2000. – 1018 с.
15. **Словник термінів з правової конфліктології** : наук.-довід. вид. / за заг. ред. М. І. Панова, Ю. П. Битяка, Л. М. Герасіної. – Х. : Одиссей, 2006. – 208 с.
16. **Шепітько В. Ю.** Довідник слідчого / В. Ю. Шепітько. – К. : Видавничий Дім «Ін Юре», 2003. – 208 с.
17. **Шепітько В. Ю.** Криміналістика : словник термінів / В. Ю. Шепітько. – К. : Видавничий Дім «Ін Юре», 2004. – 264 с.
18. **Юшманов Н. В.** Элементы международной терминологии : словарь-справочник / Н. В. Юшманов. – М. : Наука, 1968. – 72 с.

Надійшла до редколегії 19.04.10

УДК 811.161.1'373.611

Р. И. Гафарова

Крымский инженерно-педагогический университет (г. Симферополь)

СУФФИКСАЛЬНЫЕ УНИВЕРБЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ НА БАЗЕ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С ПРЕДИКАТНЫМИ АКТАНТАМИ

Описано універби, мотивовані словосполученнями з предикатними актантами. Встановлено, що конструкції з предикатними актантами мають один семантичний актант вершинного дієслова (або будь-якого іншого вершинного слова) з предикатним значенням. Суфіксальні універби можуть мати основу власної назви, яка відсилає до цілої ситуації, що виявляється при розгортанні похідних. Мотивуюче словосполучення при цьому містить у своїй структурі предикатні актанти.

Ключові слова: суфіксальні універби, предикатні актанти, семантичні моделі, мотивуюче словосполучення.

Описаны универбы, мотивированные словосочетаниями с предикатными актантами. Установлено, что конструкции с предикатными актантами имеют один семантический актант вершинного глагола (или любого другого вершинного слова) с предикатным значением. Суффиксальные универбы могут иметь основу имени собственного, которая отсылает к целой ситуации, проявляющейся при развертывании производных. Мотивирующее словосочетание при этом содержит в своей структуре предикатные актанты.

Ключевые слова: суффиксальные универбы, предикатный актант, семантические модели, мотивирующее словосочетание.

The article deals with described uniwillows, which are motivated by word-combinations having predicate actants. Contructions with predicate actants have one semantic actant of a topmost verb (or any other topmost word) with predicate value. Suffixal uniwillows can have a basis of a proper name which sends to the whole situation, which is shown at expansion of derivatives. The motivating word-combination contains predicate actants in the structure.

Key words: suffixal uniwillows, a predicate actant, the semantic models, a motivating word-combination.

Приоритетным направлением современной лингвистики является изучение семантики языковых единиц с позиций речевой динамики, наблюдение над законами развития языка, механизмов его действия. Реализации одного из общих законов развития лексики служит универбация, которая связана с устранением внутреннего противоречия между расчлененностью наименования и единством значения.

Процесс универбации связан с действием закона языковой экономии, поскольку в плане выражения происходит преобразование мотивирующего синтаксической конструкции в лексему с сохранением полного объема семантического содержания [7]. Частным случаем универбации является суффиксальная универбация.

Суффиксальные универбы образуются на базе словосочетаний: дисконтная карточка → *дисконтка*, муниципальный орган → *муниципалка* и др.

Среди суффиксальных универбов отмечены деривационные словосочетания с предикатными актантами.

Статья представляет собой исследование семантико-синтаксической организации конструкций, включающих предикат в позиции вершинного слова – предикатный актант и определяется как компонент семантической структуры предложения, занимающий позицию аргумента вышестоящего в иерархии предиката и являющийся при этом номинацией отдельного события.

Актуальность исследования обуславливается тем, что в современной дериватологии активизировалось появление суффиксальных универбов, образованных на базе словосочетаний с предикатными актантами. Часто в одном структурно простом предложении наблюдается совмещение нескольких смыслов за счет введения компонентов предикатных актантов или включенных актантов.

Цель статьи – охарактеризовать семантические модели суффиксальных универбов с включенными актантами, характеризующие имя собственное или топоним в составе мотивирующих словосочетаний.

Словосочетание с предикатным актантом «представляет собой целую микроситуацию со своими актантами, встроенную в основную. Предикатные актанты относятся к числу компонентов, усложняющих семантическую структуру предложения» [10, с. 46].

Конструкции с предикатными актантами – это «конструкции, в которых как минимум один семантический актант вершинного глагола (или любого другого вершинного слова) имеет предикатное значение» [13]. Предикатный актант может быть представлен в свернутом виде и имплицитно содержать в себе смысл компонентов, которые ранее были выражены эксплицитно.

Так, в простом словосочетании *гавайская рубашка* однословный предикатный актант имплицитно содержит смысл целой ситуации: «цветная рубашка, которую первоначально носили жители Гавайских островов». Например, в простом

распространенном предложении «*Японские автомобили известны своей комфортабельностью*» однословный предикатный актант имплицитно передает смысл целой ситуации: «*автомобили, которые производятся в Японии*». Словосочетание *японская машина* с предикатным актантом конденсируется в лексическую единицу *японец*.

Дериваты, которые содержат в своей семантической структуре предикатные актанты, А. В. Петров называет суффиксальными производными с включенными предикатными актантами [8]. Такие производные характеризуются усложненной семантической структурой, отражают различные пропозиции.

Традиционно считается, что суффиксальные универбы образуются на базе словосочетания.

Фактический материал выявил, что часть производных образовалась без опоры на соответствующие словосочетания; дериваты являются «знаками» всей ситуации: ‘певец, который учит партию на слух’ → *слуховик*; ‘передвижной подъемный кран, используемый для укладки труб’ → *трубач*; ‘боец военизированного отряда по предупреждению и ликвидации нефтяных и газовых фонтанов’ → *фонтанищик*; ‘животное, родиной которого является Африка’ → *африканка*; ‘ручная тележка для груза, появившаяся во времена правления Л. Кравчука’ → *кравчучка*; ‘ребенок, родившийся благодаря тому, что его матери было сделано кесарево сечение’ → *кесаренок*. Наблюдение над фактическим материалом подтверждает мнение исследователей о том, что ступень свертывания синтаксической объективации до фразеосочетания может быть пропущена в акте словопроизводства» [11, с. 22]. В недрах разговорной речи постоянно рождаются не только лексические окказионализмы, но и синтаксические, в которых отсутствует привычная связность компонентов [10]: *сырихи* «оперные фанатки, которые некогда собирались в магазине “Сыр” в г. Москве», *фабрикант* «участник программы “Фабрика звезд”», *квартильцы* «участники группы “95 квартал”» и др. Л. А. Капаназе считает, что «семантическая конденсация создает в разговорной речи такие “сильнодействующие” модели, что иногда слово-конденсат образуется уже без оглядки на какое-либо словосочетание – по аналогии. Таким образом, за некоторыми подобными наименованиями в РР (разговорная речь) стоят нуль-сочетания (а, значит, они сами становятся лжеконденсатами)» [6, с. 410]. В качестве примеров ученый приводит слова *баярка* (шапка), *чешки* (спортивные туфли) и утверждает, что «они сразу образовались в РР по готовой модели и мотивированы лишь прилагательным» [6, с. 410]. Т. Д. Соколовская отмечает, что «такие слова не имеют синонимичных вариантов наименования» [9, с. 82].

Дериватологи отмечают, что в качестве мотивирующей базы суффиксальных универбов могут выступать только словосочетания. Производные, образованные на базе пропозиции с пропущенным звеном словосочетания, являются самостоятельным объектом исследования.

И. А. Устименко утверждает, что обычно «универб возникает на второй ступени свертывания синтаксического описания: «*пассажир, едущий без билета*: первая ступень свертывания – *безбилетный пассажир* – вторая ступень – *безбилетник*. Образование конденсированных словосочетаний на первой ступени идет путем увеличения смысловой емкости словосочетания, заключающейся в переадресации зависимого имени и в эллипсисе этого имени. В результате конденсированные словосочетания становятся базой для образования универбов: *дома типовой постройки* → *типовой дом* → *типовуха*.

Мотивирующее словосочетание при этом содержит в своей структуре предикатные актанты. Производные могут иметь основу имени собственного, которая отсылает к целой ситуации, проявляющейся при развертывании производных.

Одним из центральных в лингвистике является понятие функции. Семантика языковых единиц тесно связана с их функцией, это особенно актуально для оттопонимических и отперсональных имен прилагательных, значение которых зависит от контекста. Теоретические вопросы словообразования оттопонимных имен прилагательных разработаны в исследованиях В. А. Горпинича и его учеников [3].

Функциональный аспект исследования семантики оттопонимических и отперсональных адъективов предполагает рассмотрение последних в единстве с определяемыми существительными. Атрибутивные двучленные словосочетания «относительное имя прилагательное + имя существительное», в соответствии с классификацией Т. А. Тулиной, являются знаками сокращенно обозначенной усложненной ситуации [10].

З. А. Харитончик отмечает, что исследование семантики относительных прилагательных предполагает «исчисление скрытых предикатов производных адъективных слов» [12, с. 36].

Отгеографические, оттемпоральные и отперсональные прилагательные в многочисленных контекстах реализуют одно общее словообразовательное значение – «относящийся к тому, что названо производящей основой» [5, с. 35].

«Прилагательные каждой из микросистем конкретизируют общее словообразовательное значение по-своему, передавая разные словообразовательные значения – отношение к географическому объекту (с помощью структур на *-ский*), отношение к временному объекту (с помощью форм на *-ный/-ний, -овый, -ский*), отношение к лицу (с помощью форм на *-ов, -ин, -ий, -ский*). Микросистемные значения у оттопонимических прилагательных являются единными, в них не выделяются более частные значения. Отперсональные прилагательные, наоборот, распределяются на несколько групп, каждая из которых имеет частное словообразовательное значение – принадлежности, родовой принадлежности и свойственности» [5, с. 35].

При анализе суффиксальных универбов многие исследователи отмечали, что в качестве «узлового» компонента в деривационном процессе может выступать известное в ту или иную эпоху имя собственное лица или топоним, а также то актуальное, что связывается с этим именем.

Универбы, образованные на базе собственного имени, относятся к производным с включенным предикатным актантом: квартира в доме, построенном в период правления И. В. Сталина – сталинская квартира → *сталинка*; водка, выпущенная в честь президента России В. Путина – путинская водка → *путинка* и др.

Данные универбы характеризуются усложненной семантической структурой и отражают различные пропозиции: *сталинка* ('дом, построенный в период правления И.В. Сталина'), *путинка* ('водка, названная в честь президента России В.Путина') и др.

В. П. Даниленко, изучая природу собственных имен, говорит, что «имена собственные (фамилии, географические имена и всякого рода наименования) необычайно активно включились в современное словопроизводство и вызвали некоторые изменения в судьбе отдельных словообразовательных типов» [4, с. 77].

Универбы с включенным предикатным актантом, образованные на базе имен собственных, представлены двумя семантическими моделями: ● *антропоним – отперсональное прилагательное – универб* и ● *топоним – оттопонимическое прилагательное – универб*.

Конкретизация модели происходит в результате включенного актанта.

Семантическая модель ● *антропоним – отперсональное прилагательное – универб* детализируется следующими подмоделями:

антропоним – отперсональное прилагательное – универб (наименование де-нежных знаков)

В этой группе следует различать наименования денежных знаков в зависимости от изображенного на них лица, предмета и названия монет по имени официальных лиц, имеющих отношение к их появлению: Николай II – николаевские деньги → *николаевки* «деньги, выпущенные во время царствования Николая II»; Немцов – немцовские облигации → *немцовки* «облигации нижегородского займа по имени руководителя Новгородской области Б. Е. Немцова», ср.: «В Нижнем Новгороде начали выпуск “немцовок”, областных денежных знаков, которые получили в народе название по фамилии одного из инициаторов их выпуска Б. Е. Немцова» (<http://www.bonistikaweb.ru>);

антропоним – отперсональное прилагательное – универб (наименование напитков): Бальзак – бальзаковская водка → *бальзаковка* «водка, настоянная на почках каштана, растущего в бывшем поместье Э. Ганской на Украине, и названная по имени О. Бальзака»; Кончаловский – кончаловская наливка → *кончаловка* «спиртной напиток, настоянный на смородиновых почках, по рецепту семьи Кончаловских», ср.: «Сын не откажется от домашней “кончаловки”, которую его мама, Наталья Кончаловская, готовила по особому рецепту» (<http://www.inosmi.ru>);

антропоним – отперсональное прилагательное – универб (наименование одежды): Гоген – гогеновская блуза → *гогеновка*, Толстой – толстовская рубаха → *толстовка* и др.

В настоящее время отмечается тенденция появления универбов, которые служат для наименования головных уборов по имени их обладателя: Косыгин – косыгинская шляпа → *косыгинка* «фетровая шляпа с по-особому загнутыми полями, которую носил Косыгин»; Жириновский – картуз Жириновского → *жириновка*.

Особый интерес представляет универб *афганка*, называющий не головной убор национального костюма народа Афганистана, а специальную армейскую шапку с козырьком, которую носили советские солдаты в Афганистане в 1982–1989 гг.: Афганистан → афганская шапка → *афганка*, ср.: «Афганка состоит из средней части, двух боковых частей, ушек, застегивающихся на две пуговицы, и козырька» (<http://www.megasklad.ru>);

антропоним – отперсональное прилагательное – универб (наименование оружия): Бердан – ружье Бердана → *берданка* «однорядная винтовка, названная по имени Х. Бердана»; Токарев – винтовка Токарева → *токаревка* «самозарядная винтовка системы Токарева», ср.: «В 1940 году, на смену 7,62-мм снайперской винтовке приходит новая самозарядная винтовка, разработанная Ф. В. Токаревым, которая отличалась меньшей длиной и массой и получившая в дальнейшем народное название “токаревка”» (<http://www.altnet.ru>);

антропоним – отперсональное прилагательное – универб (наименование жилых домов): Лужков → лужковские дома → *лужковки* «дома, построенные под руководством мэра г. Москвы Ю. Лужкова», ср.: «В Москве есть дома с кухнями в два метра. Эти дома их жильцы окрестили “лужковками” – в противовес печально известным “хрущевкам”» (<http://www.rg.ru>);

антропоним – отперсональное прилагательное – универб (наименование награды): Сорос → соросовская премия → *соросовка* «премия, которая присуждается за заслуги в науке из фонда миллионера Дж. Сороса»; Нобель → нобелевская премия → *нобелевка* «Международная премия им. А. Б. Нобеля, присуждается ежегодно за выдающиеся работы в области науки, экономики, за литературные произведения, за деятельность в укреплении мира», ср.: «Нобелевка досталась американскому химику. В этом году лауреаты Нобелевской премии – сплошь американцы: физики, медики» (<http://www.edu.ksu.ru>).

Семантическая модель *топоним – оттопонимическое прилагательное – универб* детализируется следующими подмоделями:

топоним – оттопонимическое прилагательное – универб (наименование денежных знаков): Новгород → новгородские деньги → *новгородки* «серебряные монеты, чеканившиеся в древнем русском городе Новгороде с 1420 года»; Бутырская тюрьма – бутырские деньги → *бутюр* «деньги, выпущенные в Бутырской тюрьме», ср.: «История оставила нам и лагерные деньги 1929–1932 гг. Бутырская тюрьма – “бутюр”, без указания даты выпуска, без наименования» (<http://www.centrasia.ru>);

топоним – оттопонимическое прилагательное – универб (наименование напитков): Америка → американский алкогольный напиток → *американка* «алкогольный напиток, распространенный в Америке»; Мексика → мексиканский алкогольный напиток → *мексиканка* «алкогольный напиток, смешанный с экзотическими фруктами, появившийся в Мексике»;

топоним – оттопонимическое прилагательное – универб (наименование одежды): Голливуд → голливудская рубашка → *голливудка* «цветная мужская рубашка, которую носили артисты Голливуда», ср.: «Двубортная рубашка “демократка” ему бы тоже не пошла, а уж расписная “голливудка” тем более» (А. Чаковский «Свет далекой звезды»).

Эта подмодель является наиболее продуктивной, включенными родовыми именами являются *куртка* и *шорты*: Пакистан → пакистанская куртка → *пакистанка* «куртка цвета хаки на толстом искусственном меху пакистанского производства»; Бермуды → бермудские шорты → *бермуды* «от названия Бермудских островов, где туристы носят именно такие шорты с пальмами» и др.;

топоним – оттопонимическое прилагательное – универб (наименование оружия): Тула → тульское ружье → *тулка* «ружье, изготовленное на Тульском оружейном заводе»; Ижевск → ижевское ружье → *ижевка* «разновидность охотничьих ружей, выпускаемых на Ижевском заводе», ср.: «Такая характеристика была представлена вполне определенно: лучшие ружья – английские (“перде”, “гринер”, “голланд-голланд”), чуть уступают им бельгийские и значительно – немецкие; наши же “тулки” и “ижевки” не идут ни в какое сравнение ни с первыми, ни со вторыми, ни с третьими» (<http://www.arms-expo.ru>);

топоним – оттопонимическое прилагательное – универб (наименование домов): Чехия → чешский дом → *чешка* «многоэтажный дом, построенный по чешской планировке (с просторной прихожей и лоджией)»; Берлин → берлинские дома → *берлинки* «временные дома, собранные немцами после войны в Щелкино АРК», ср.: «В лютую зиму 2006 года из-за сильных морозов во многих зданиях, в том числе и в “берлинках”, замерзли коммуникации» («Первая крымская», № 10 (216), 03.08: 5);

топоним – оттопонимическое прилагательное – универб (наименование водных средств передвижения)

«Различные названия судам и баркасам даются по имени рек или тех мест, где их построили» [1, с. 87]: Баку → бакинские суда → *бакинки*; р. Днестр → днестровские суда → *днестровки*; Казань → казанская лодка → *казанка* «моторная лодка, изготовленная на Казанском заводе»; р. Клязьма → клязьменская лодка → *клязьменка*; р. Коломна → коломенская лодка → *коломенка* и др.

топоним – оттопонимическое прилагательное – универб (наименование тканей): Флоренция → флорентинская ткань → *флоранс* «легкая шелковая ткань для подкладки, изготавливаемая во Флоренции»; Шотландия → шотландская ткань → *шотландка* «клетчатая ткань с крупными клетками»; Марли → марлевая ткань → *марлёвка* «хлопчатобумажная ткань, похожая на марлю», ср.: «Марлёвка – хлопчатобумажная ткань очень редкого полотняного переплетения. Получила название по городу Марли, около Версаля во Франции» («Женские советы», 29 ноября 2006);

топоним – оттопонимическое прилагательное – универб (наименование животных).

Ета подмодель представлена универбами с включенными предикатными актантами *область* и *страна*.

Беркшир → беркширская свинья → *беркширы*, Голландия → голландская курица → *голландка*; Дон → донская лошадь → *донец*, *дончак*; Йоркшир → йоркширская свинья → *йоркширы*; Кабардиния → кабардинская лошадь → *кабардинка*, *кабардинец*; Киргизия → киргизская лошадь → *киргиз*, *киргизка*;

топоним – оттопонимическое прилагательное – универб (наименование транспортных средств): Китай → автомобиль китайского производства → *китаец*, Италия → автомобиль итальянского производства → *итальянец*, Япония → автомобиль японского производства → *японец*, *японка* «автомобиль, выпущенный в Японии», ср.: «Тестирование *японца* подтвердило его превосходство по всем параметрам среди всех представленных марок» («Автомир», № 11, 11.08: 16); «В крупных городах в обиход вошли *японки*. Благодаря своим размерам они могут спокойно передвигаться даже в пробках» («Телескоп», № 4, 01.08: 12);

топоним – оттопонимическое прилагательное – универб (наименование гармоней): Ливны → ливенская гармонь → *ливенка* «однорядная гармонь, названная по месту изготовления – городу Ливны Орловской области», Саратов → саратовская гармонь → *саратовка* «небольшая однорядная гармонь, выпускаемая в г. Саратове».

«Существительные со значением предмета типа *толстовка*, *шалыпинка*, *памирка* (палатка), *ангарка* (лодка), *испанка* (шапка), *румынки* (ботинки), *хемингуэйка* (свитер) и многие другие занимают промежуточное положение между словами “однодневками” и терминами. Обозначая предметы, эти слова, как правило, вместе с выходом из употребления предметов уходят и сами из языка» [4, с. 78].

Таким образом, в результате исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Суффиксальные универбы дают основание считать, что словообразование можно рассматривать как «мощный конденсатор» семантико-синтаксической базы производных. Для суффиксальных универбов характерна фазисность, связанная с тем, что словопроизводству могут предшествовать определенные процессы по преобразованию мотивирующего многокомпонентного словосочетания.

2. Универбы с включенными предикатными актантами отражают различные микроситуации.

3. Суффиксальные универбы могут иметь основу имени собственного, которая отсылает к целой ситуации, проявляющейся при развертывании производных. В исследовании выделены две семантические модели суффиксальных универбов с включенными предикатными актантами, характеризующие антропоним или топоним в составе мотивирующих словосочетаний.

4. Среди отперсональных новообразований продуктивны универбы, обозначающие «денежные знаки» и «алкогольные напитки». Оттопонимические производные активно пополняют семантические группы «наименование одежды» и «наименование тканей».

Библиографические ссылки

1. **Введенская Л. А.** От собственных имен к нарицательным / Л. А. Введенская, Н. П. Колесникова. – М. : Просвещение, 1981. – 144 с.
2. **Глотова И. П.** К вопросу об универбации (о функционально-стилевом и общелитературном употреблении) / И. П. Глотова // Вопросы стилистики. – Вып. 12. – Саратов, 1977. – С. 96–105.

3. **Горпинич В. О.** Теоретичні питання відтопонімного словотвору східнослов'янських мов : монографія / В. О. Горпинич. – К. : Наук. думка, 1973.
4. **Даниленко В. П.** Имена собственные как производящие основы современного словообразования / В. П. Даниленко // Развитие грамматики и лексики русского языка. – М. : Наука, 1964. – С. 77–94.
5. **Зверев А. Д.** Словообразование в современных восточнославянских языках / А. Д. Зверев. – М. : Высш. шк., 1981. – 207 с.
6. **Капанадзе Л. А.** Номинация / Л. А. Капанадзе // Русская разговорная речь. – М. : Наука, 1973. – С. 403–461.
7. **Мартине А.** Принципы экономии в фонетических изменениях / А. Мартине // Проблемы диахронической фонологии. – М. : Иностран. лит., 1960. – С. 126–199.
8. **Петров А. В.** Аффиксальные дериваты с включением (на материале имен существительных с суффиксом *-к(а)*) / А. В. Петров // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Филологические науки». – Т. 15 (54). – № 4. – Симферополь, 2002. – С. 160–173.
9. **Соколовская Т. Д.** Активные процессы в современном русском языке (универбация, конденсация и другие сокращения) / Т. Д. Соколовская. – М., 2004. – 154 с.
10. **Тулина Т. А.** О форме и семантике предикатных актантов / Т. А. Тулина, М. М. Харитонова // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. – С. 68–72.
11. **Устищенко И. А.** Ономазиологический аспект семантической конденсации / И. А. Устищенко // Лексикология. Семасиология. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2001. – С. 19–25.
12. **Харитончик З. А.** Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка : монография / З. А. Харитончик. – Минск : Высшая шк., 1986. – 96 с.
13. **Храковский В. С.** Предисловие / В. С. Храковский // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. – С. 7–8.

Надійшла до редколегії 07.06.10

УДК 81'25

В. В. Демецька

Херсонський державний університет

РЕПРОДУКТИВНИЙ ПЕРЕКЛАД VS АДАПТИВНИЙ ПЕРЕКЛАД

Обґрунтовано виокремлення в перекладознавстві понять «репродуктивний переклад» і «адаптивний переклад». Диференціація перекладацьких стратегій зумовлена ступенем прагматичного потенціалу тексту / дискурсу в перекладі, який перш за все залежить від частотності функціонування культурно зумовлених лексичних одиниць.

Ключові слова: репродуктивний переклад, адаптивний переклад, прагматичний потенціал тексту / дискурсу.

Обосновано вычленение в переводоведении понятий «репродуктивный перевод», «адаптивный перевод». Дифференциация данных переводческих стратегий обусловлена степенью прагматического потенциала текста / дискурса в переводе, который в первую очередь зависит от частотности функционирования культурно маркированных лексических единиц.

Ключевые слова: репродуктивный перевод, адаптивный перевод, прагматический потенциал текста / дискурса.

The article highlights the necessity to distinguish the notions of «reproductive translation» and «adaptive translation» in the theory of translation. This differentiation of translational strategies is defined, first of all, by the degree of the pragmatic potential of a text / discourse under translation.

From this perspective the most essential is frequency of functioning of the culture bearing lexical elements.

Key words: reproductive translation, adaptive translation, pragmatic potential of a text / discourse.

Перекладний текст визнають високоякісним у тому випадку, коли він відповідає традиціям типології текстів у культурі суспільства перекладної мови, тобто тим традиціям, що добре відомі адресатові, й він очікує на них за певних умов спілкування. Зауважимо, що за умов домінантної орієнтації на мовні й культурні пріоритети рецептора, ступінь близькості або віддаленості від тексту оригіналу може варіюватися для різних типів текстів. У такому розумінні особливої ваги набуває свідоме рішення перекладача на користь власне перекладацьких або адаптивних стратегій. Якщо перекладач ладен пожертвувати інтересами своєї аудиторії, наприклад, з тим, щоб ознайомити з чужою культурою, або з тим, щоб пом'янути настанови своєї аудиторії, перекладач удається до репродукції з метою зламати свої стереотипи.

У випадку інформативного перекладу прагматичного, культурно зумовленого типу тексту для спеціалістів вважається логічним застосування репродуктивного перекладу, оскільки для спеціалістів ця інформація становить певну професійну значущість. Ідеологічне підґрунтя цього тексту в такому розумінні сприймається не як культурно зумовлена інформація, а як технологія. В усіх інших випадках, коли йдеться про орієнтацію на всіх носіїв мови (або на неспеціалістів), алгоритм перекладацьких дій зрушується в бік адаптивних стратегій. Більш того, коли йдеться про вплив на аудиторію, перекладач повинен зробити вибір між двома комплементарними типами перекладу. Перекладач може погодитися на це у роботі з одними типами текстів й не погодитися під час роботи з іншими типами текстів, проте у будь-якому випадку він обирає свідомо, прогнозуючи ймовірну реакцію аудиторії.

Зрозуміло, що прагматичний і, відповідно, адаптивний потенціал типу тексту перебувають у прямій залежності від частотності реалізації культурно зумовлених лексичних елементів. Інакше кажучи, вербалізація типу тексту набуває ознак складного, суперечливого процесу, якщо йдеться про аналіз лексики, задіяної в ідеологічно детермінованих дискурсах, таких як, наприклад, педагогічний, політичний і релігійний.

Для цілей нашої статті актуальним убачається окреслення специфіки не лише прагматексту, а й тексту, створеного в умовах однієї національної культури, що містить певний ступінь імпліцитного культурологічного змісту, а отже – упізнаваного носіями певної культури.

Процес адаптації лінгвокультурологічного аспекту розглянуто на матеріалі художніх творів у роботах як вітчизняних, так і зарубіжних лінгвістів та перекладачів [2; 3; 4; 6; 12; 14; 16–19; 22; 25; 27].

Культура – сукупність матеріальних і духовних цінностей, накопичених і накопичуваних певною спільнотою людей, і ті цінності однієї національної спільноти, яких зовсім немає в іншій або суттєво різняться від них, становлять національний соціокультурний фонд, що у певний спосіб відображений у мові. У першу чергу це стосується реалій.

Реалії як своєрідне лінгвістичне явище становлять категорію безеквівалентної лексики. В аспекті лінгвокраїнознавства цей термін було всебічно розглянуто в роботах В. С. Виноградова [5], Є. Верещагіна та В. Костомарова [4]. Характерною ознакою безеквівалентної лексики й реалій зокрема є їх неперекладність на інші мови за допомогою постійної відповідності. Проте це зовсім не означає, що вони є абсолютно неперекладними [там само]. З точки зору перекладу, маючи на меті практичну ціль – полегшення роботи перекладача з «неперекладним» у перекладі, вагомим значенням набувають дослідження С. Флоріна й С. Влахова, які пропону-

ють детальну систему способів відтворення реалій і фразеологізмів засобами цілової мови [7].

Далі – символ. Слово «символ» одне з найбільш багатозначних у системі семиотичних наук [19]. Історію вивчення поняття «символ» можна уявити як розгортання основних його властивостей.

Природа символу, розглянута з позицій психології, соціології, семантики і т. п., полягає в тому, що знаки стають символами лише тоді, коли ними послуговуються в ментальному житті колективу, адже лише тоді вони дійсно набувають ваги [26; 28; 29]. Аналіз найрізноманітніших наукових підходів до вивчення поняття «символ» свідчить про низку визначень цього поняття, які навіть можуть протиставлятися одне одному принаймні тому, що вчені пропонують свої визначення, зважаючи переважно на цілі й завдання свого конкретного спрямування. Інакше кажучи, навіть якщо ми не знаємо, що таке символ, кожна система знає, що таке «її символ», і потребує його для роботи її семиотичної структури [19].

Ми розглядаємо поняття «символ» з позицій прагмалінгвістики й перекладознавства, саме тому нашу увагу привертає таке визначення, яке мало б практичну цінність для роботи перекладача з іншокультурними прагматичними текстами. У такому розумінні найповнішою вбачається дефініція символу, запропонована С. С. Аверинцевим. Слідом за ним ми розуміємо під символом «образ у аспекті його знаковості, і знак, наділений усією органічною та невичерпною багатозначністю образу» [1, с. 607]. Таке трактування править за основу піонерського, за своєю сутністю, теоретичного й практичного дослідження специфіки функціонування символів простору у художньому тексті на матеріалі творів М. Гоголя та їх англійських перекладів, здійснених М. О. Новиковою та І. М. Шамою [20].

Ідеологічна домінанта, що є підґрунтям функціонування політичного й релігійного дискурсів, визначає й прагматику аналізованих типів текстів, що багато в чому (якщо не у всьому) базується на культурно специфічних мовних одиницях. У такому розумінні щодо символу важливо пам'ятати, що символи завжди емоційні тому, що вони «нащадки не сухого (бездушного) розуму, але потужного духовно-психологічного переживання, причому ... переживання неодмінно колективного» [21, с. 239]. Питання в іншому: якою мірою застосовуються перекладацькі й адаптивні стратегії під час роботи не так з національно-культурними лексичними маркерами, як під час перекладу типів текстів. Для того щоб знайти відповідь на це питання, ми дослідили основні, вагомі для прагматекстів одиниці, як-от реалії і символи. Залишається розглянути концепти.

Отже, концепт. Підхід до аналізу тексту з огляду на його змістові компоненти набув значного теоретичного розвитку у зв'язку з уведенням у науковий обіг поняття «концепт». Під концептом у сучасних дослідженнях розуміється: «базова когнітивна сутність, що уможливлює поєднання смислу з уживаним словом» [13]; «культурно відзначений вербалізований зміст, представлений у плані вираження низкою своїх мовних реалізацій, що утворюють відповідну лексико-семантичну парадигму» [8]; «ментальне утворення, що відображає об'єкти як предметного, так і ідеального світу, і являє собою одиницю колективної свідомості, що зберігається в колективній пам'яті носіїв мови, характеризується багатомірністю, дискретністю смислу» [3; 15; 18; 23].

Лінгвокультурологічний підхід до аналізу тексту спрямований на «висвітлення особливостей менталітету народу, зумовлених його історією й відображених у мові концептосфери (Д. С. Лихачов), культурних концептах (Ю. С. Степанов)» (цит. за: [15, с. 186]). З цих позицій культурний концепт розглядається як «багатовимірне смислове утворення, в якому виділяються ціннісна, образна й понятійна сторони» [15, с. 109]. Актуалізація низки культурних концептів у тексті утворює

так звану «сітку» [3, с. 337], або основу, змістової структури тексту, що спричиняє уявлення про текст як динамічне явище, співвідносне з історико-культурними особливостями його створення й прочитання. Зважаючи на зазначене, логічним убачається й вибір ряду ключових не лише для певного дискурсу, але й, що більш важливо, для обох культурних традицій концептів, функціонування яких дозволяє відзначити культурну специфіку (культурну зумовленість) певного прагматичного тексту. Так, для політичного дискурсу релевантними постають концепти «*влада*», «*вибори*», «*лідер / лідерство*», «*політика*», яким у атлантичній традиції відповідають «*authority*», «*candidate*», «*leader (politician)*», «*politics*». Для релігійного дискурсу відповідно – «*grіx*», «*душа*», «*спокуса*», «*проповідь*», «*святий*», «*спасіння*» й в атлантичній традиції – «*salvation*», «*saint*», «*sermon*», «*sin*», «*soul*», «*temptation*».

Розглянувши поняття концепту, перед нами постало питання: який саме аспект концепту необхідний перекладачеві під час роботи з прагматичними типами тексту?

Концепт – це поняття з культурною семантикою [21]. Культурна семантика концепту виражається в асоціаціях, що, у свою чергу, реалізуються оцінністю, а ще конкретніше – аксіологемами. Аксіологеми з експліцитно / імпліцитно вираженою позитивною / негативною коннотаціями «конвоюють» концепт у тексті, накопичуючи навколо нього оцінки, емоції, коло асоціацій, які через знаковість для певної культури часом не мають того, що називається текстовою або вербальною актуалізацією, але однаково сприймаються аудиторією.

Що відбувається, наприклад, з лексемою «політик» під час переходу від одного типу тексту до іншого в межах політичного дискурсу, якщо інтерес для нас становить семантична структура цієї лексеми, а точніше – її культурний компонент? У словниковій статті «політик» – це термін, тому що основна функція словника все ж інформативна. Для підручника з політології «політик» уже не термін, а поняття, оскільки воно вже містить асоціації й тому набуває культурної конотації. Наведений зсув від терміна до поняття пояснюється імпліцитно заданою настановою навчального тексту на формування політичних переваг і, відповідно, на програмування ідеологічних поглядів соціуму. З точки зору тексту подібні семантичні трансформації сполучені зі зміною домінант в системі функцій, а саме – в актуалізації директивної або волюнтаривної функцій даного типу тексту. Уже в політичному виступі або в політичній промові лексема «політик» тяжіє до концепту. Прагматичний комунікативний початок політичної промови максимально актуалізує культурний компонент лексеми «політик» за допомогою широкого залучення не лише культурних асоціацій, а й оцінності всіх видів, наприклад, «емоційної оцінки» [24, с. 6], а також реалій і символів, що всі разом і «виводять» лексеми «політик» на рівень концепту. У рекламному типі тексту лексема «політик» може вербально й не реалізовуватись, проте, залучення всього арсеналу мовних засобів оцінності від аксіологем з експліцитно вираженою позитивною / негативною коннотаціями, а також реалій, символів до гіпонімів політичних концептів зрештою зміцнить позицію лексеми «політик» на самому високому з точки зору культурної зумовленості рівні, а саме концепту. Водночас ми простежуємо і зсув домінуючих функцій у бік однозначно директивної та експресивної.

Таким чином, міра прагматичності типу тексту пропорційна частотності функціонування мовних одиниць з національно-культурним компонентом. Причому й сама частотність уживання, й ієрархія культурно зумовлених одиниць впливають на специфіку функціонування аналізованого типу тексту не лише в межах дискурсу, а й у межах культурної традиції. Для перекладача це означає, що реально він працює з двома типами інформації в тексті – предметною (власне фактуальною) [10] і оцінною.

У процесі перекладу дискурсу / тексту різні типи інформації визначають алгоритм перекладацьких дій у виборі або на користь репродуктивного перекладу, або на користь адаптивного перекладу. Для репродуктивного перекладу домінуючою є предметна інформація, виражена магістральністю інформативної (денотативної, когнітивної) функції для даного типу тексту. Перевага оцінних (конотативних) видів інформації неминуче спричиняє актуалізацію стилістичних функцій. А це означає, що під час репродуктивного перекладу дотримати сполучення домінуючих функцій в умовах асиметрії мов і культур надзвичайно складно. Як це не парадоксально, але особливої ваги це твердження набуває в роботі з текстами близьких культур.

Удавана близькість культур спричиняє легкість сприйняття аксіології та чималі складнощі при перекладі, особливо в тих випадках, коли йдеться про історично близькі культури, що й зумовлює необхідність застосування адаптації на рівні оцінності. Унаслідок цього адаптивний потенціал дискурсу / тексту – це потенційна спроможність певного дискурсу / тексту до адаптації в перекладі, а іноді й до обов'язкової його адаптації. Потенційна «схильність» до адаптації залежить від дистанції між контактуючими мовами й культурами та безумовного пріоритету прагматичної функції під час перекладу.

Таким чином, приходимо до висновку, що обов'язковість перекладу-адаптації пояснюється не так мовними розбіжностями, як культурними. Незбереження під час перекладу домінуючих функцій спричиняє зсув як у межах дискурсу, так і в межах типів текстів. За приклад розглянемо волонтактивну й директивну функції, характерні для проповіді як типу тексту. Що з ними відбувається на рівні дискурсу, якщо ми репродукуємо, а не адаптуємо цей тип тексту із східнослов'янської в атлантичну традицію?

Специфіка проповіді східнослов'янської традиції полягає в тому, що в ній, порівняно з іншими типами тексту, найповніше реалізується концептосфера православ'я, що виявляється у високій частотності реалізації аксіологем з полярними маркерами, концептів і гіпонімів до релігійних концептів. Під час репродуктивного перекладу волонтактивна функція значно редукується, а водночас підвищується ймовірність виникнення в аудиторії хибних асоціацій. У першу чергу це пояснюється високою частотністю функціонування сакральних онімів у православній проповіді (свв. отці, великомученики) і надто концептосфери Пресвятої Богородиці. Під час репродуктивного перекладу збереження сакральних онімів спричиняє редукцію волонтактивної і директивної функцій, що зрештою «посує» даний тип тексту не лише в бік іншого типу тексту (релігійного есе, наприклад), але й у бік іншого дискурсу – наукового. І пояснюється це асиметрією релігійної традиції в обох культурах, оскільки протестантизм не сприймає свв. отців та великомучеників і концептосфери Пресвятої Богородиці.

Яким же чином під час репродуктивного перекладу в іншочультурної аудиторії виникають хибні асоціації?

Волонтактивна функція в проповіді тісно пов'язана з емотивною та емоційною функціями. Вона майже завжди апелює до емоційності тексту, а емоційність, як ми вже зазначали, експлікується в тексті маніфестацією аксіологем різних типів, гіпонімами до концептів і самими концептами. І в результаті репродуктивного перекладу концепт «гріх» східнослов'янської традиції, набуваючи оцінності з полярними маркерами, сприймається аудиторією атлантичної традиції не лише як тільки страшне й погане, а як дещо безвихідне й депресивне, що зрештою породжує сумніви в необхідності такої релігії.

Усе викладене, на наш погляд, яскраво демонструє теоретичне положення про те, що функціональне призначення тексту визначає набір перекладацької стра-

тегії [30] і, таким чином, може передбачати комплементарність перекладацьких і адаптивних стратегій. Іншими словами, усвідомлені чи неусвідомлені контекстуальні, функціональні, типологічні зсуви під час перекладу можуть викликати неадекватну ідентифікацію типу тексту / дискурсу в умовах іншої культури.

Кожен тип тексту (і в цілому дискурсу) характеризується певним набором та ієрархією елементів з культурним компонентом, функціонування яких і визначає місце цього типу тексту в парадигмі прагматичних текстів. Отже, логічно припустити, що статутна зміна одного або всіх елементів може спричинити й статутну зміну типу тексту. Так, у принципі, відбувається з типами текстів під час інтралінгвістичної транспозиції текстів, коли при переході від менш прагматичного до більш прагматичного типу тексту значно зростає частотність функціонування культурно зумовленої лексики й ширше – культурного значення. І під час перекладу в іншу культуру ця модель допомагає перекладачеві уникнути хибних шляхів у виборі стратегій. Наприклад, статутні зміни реалії та символу (перехід реалії в символ і навпаки), характерні для певного типу тексту, можуть спричинити надлишкову гіперсимволізацію, тобто нарощення додаткових символів, які будуть сприяти переключенню типу тексту в інший або гіпосимволізації – визначення конкретного символу, який у свідомості іншої культури не є символом. Такий якісний перерозподіл культурної інформації, безумовно, стосується й системи контекстів. У такому розумінні можна говорити про те, що чим менше культурного компонента в тексті, тим більше необхідно стратегій репродуктивного перекладу й, відповідно, менше адаптивних стратегій і навпаки. Таким чином, культурна асиметрія зумовлює не лише принципові відмінності в парадигмі текстів, але також і визначає систему домінуючих форм дискурсів, збереження яких під час перекладацької трансляції сприяє адекватному сприйманню певного типу дискурсу, тобто адекватну його ідентифікацію та інтерпретацію.

Важливо наголосити, що зростання культурного компонента в тексті вимагає залучення здебільшого стратегій адаптивного перекладу й, відповідно, зменшення стратегій репродуктивного перекладу.

І, оскільки переклад підкоряється функції спілкування, розуміння, то для того, щоб це спілкування було повноцінним і, головне, адекватним, необхідно, як влучно зазначив С. С. Аверинцев, щоб переклад приймав форму розуміння «поверх бар'єрів нерозуміння» [11, с. 278].

Бібліографічні посилання

1. **Аверинцев С. С.** Символ / С. С. Аверинцев // Философский энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1983. – С. 607–608.
2. **Болдырев Н. Н.** Антропоцентричность языка с позиции разных культур / Н. Н. Болдырев // Матер. II Междунар. науч. конф. «Филология и культура» / отв. ред. Н. Н. Болдырев : в 3 ч. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина. – 2001. – Ч. 1. – С. 15–21.
3. **Вежбицкая А.** Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1997. – 416 с.
4. **Верещагин Е. М.** Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1983. – 233 с.
5. **Виноградов В. С.** Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. – М. : Изд-во МГУ, 1978. – 174 с.
6. **Виноградова Т. Ю.** Картина мира и некоторые аспекты межкультурной коммуникации / Т. Ю. Виноградова // Филология и культура. – Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. – Ч. 2. – С. 127–129.
7. **Влахов С.** Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – 2-е изд.-е., испр. и доп. / под ред. Вл. Россельса. – М. : Высш.шк., 1986. – 416 с.

8. **Воркачев С. Г.** Методологические основания лингвоконцептологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tp11999.narod.ru/WEBTPL2002/CONTESTSTPL2002.HTM>
9. **Воробьев В. В.** Лингвокультурология (Теория и методы) : монография / В. В. Воробьев. – М. : РУДН, 1997. – 331 с.
10. **Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 138 с.
11. **Гуревич А. Я.** Средневековая литература и ее современное восприятие / А. Я. Гуревич // Из истории культуры средних веков и Возрождения. – М. : Наука, 1976. – С. 256–279.
12. **Донец П. Н.** Основы общей теории межкультурной коммуникации : научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики / П. Н. Донец. – Харьков : Штрих, 2001. – 386 с.
13. **Залевская А. А.** Психолингвистический подход к анализу языковых явлений / А. А. Залевская // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 31–42.
14. **Зорівчак Р. П.** Реалія і переклад (на матеріалі англословних перекладів української прози) / Р. П. Зорівчак. – Львів : Вид-во Львів. ун-ту, 1989. – 216 с.
15. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Изд-во «Гнозис», 2004. – 390 с.
16. **Комиссаров В. Н.** Слово о переводе. Очерки лингвистического учения о переводе / В. Н. Комиссаров. – М. : Междунар. отношения, 1973. – 215 с.
17. **Коптілов В. В.** Актуальні питання українського художнього перекладу / В. В. Коптілов. – К. : Дніпро, 1971. – 132 с.
18. **Лихачев Д. С.** Культура как целостная система / Д. С. Лихачев // Новый мир. – 1994. – № 8. – С. 3–8.
19. **Лотман Ю. М.** Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской литературы, 1996. – 464 с.
20. **Новикова М. А.** Символика в художественном тексте. Символика пространства (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и их английских переводов) : учеб. пособие / М. А. Новикова, И. Н. Шама. – Запорожье : СП «Верже», 1996. – 172 с.
21. **Новикова М. О.** Міфи та місія / М. О. Новикова. – К. : ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. – 432 с.
22. **Петров М. К.** Язык, знак, культура / М. К. Петров. – М. : Наука, 1991. – 327 с.
23. **Степанов Ю. С.** Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект, 2001. – 990 с.
24. **Телия В. Н.** Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке : Языковые механизмы экспрессивности. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – С. 5–12.
25. **Швейцер А. Д.** Текст и перевод / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 120 с.
26. **Burke K.** Language as Symbolic Action / K. Burke. – Barkley, CA : Univ. of California Press, 1966. – 514 p.
27. **Hymes D. H.** Language in Culture and Society : A Reader in Linguistics and Anthropology / D. H. Hymes. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1964. – 261 p.
28. **Mead, George H.** Social Consciousness and the Consciousness of Meaning // Psychological Bulletin, 7. – Leipzig, 1910. – P. 397–405.
29. **Miller, Neal E., and Dollard, John.** Social Learning and Imitation. – New Haven : Yale Univ. Press, 1941. – 349 p.
30. **Newmark P.** Approaches to Translation. – Oxford : Pergamon Press, 1982. – 284 p.

Надійшла до редколегії 30.05.10

УДК 81'27

Ю. В. Дорофеев

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь)

ИЗМЕНЧИВОСТЬ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Розглянуто проблему варіювання мови. На прикладі конвергентних і дивергентних процесів у сучасних мовах встановлено, що мінливість і варіювання являють собою онтологічні характеристики мови в цілому і тому їх слід аналізувати як універсальні категорії.

Ключові слова: мінливість, варіативність, виникнення мови.

Рассмотрена проблема вариативности языка. На примере конвергентных и дивергентных процессов в современных языках установлено, что изменчивость и вариативность представляют собой онтологические характеристики языка в целом и поэтому их следует анализировать как универсальные категории.

Ключевые слова: изменчивость, вариативность, происхождение языка.

This article is devoted to a problem of description and research of convergent and divergent processes in the modern languages from a position of functional linguistic.

Key words: changes, variability, language occurrence.

Проблема изменчивости языка в современном языкознании не может рассматриваться безотносительно к деятельности человека, ведь «в последней четверти XX в. постепенно стало очевидно, что интерес к языку есть в то же время интерес к самому человеку» [3, с. 225]. Человеческий язык возник как средство выражения социальных отношений и поэтому «пока не было постоянного трения друг об друга человеческих групп, не могло быть ни сознания, ни речи» [1, с. 275]. Но в этой взаимосвязи кроется своеобразный парадокс: гораздо удобнее для отдельного коллектива было бы, чтобы язык оставался постоянным, однако это сделало бы невозможным развитие общества, поскольку «процесс становления и развития языковой системы как продукта адаптации ее к биосоциальным особенностям человека» [13, с. 125] происходил параллельно с процессом эволюции человека, и, таким образом, в самом языке должны были быть заложены механизмы, обеспечивающие его развитие. Какова суть этих механизмов и каковы условия, приводящие их в действие, – вот вопросы, которые, по нашему мнению, являются центральными для лингвистики.

В связи с этим мы ставим *целью* нашей работы рассмотреть изменчивость и вариативность языка как онтологически присущие ему свойства, без которых язык не смог бы выполнять свои функции.

Достижение этой цели предполагает решение следующих задач: 1) анализ общих закономерностей развития языка на этапе его возникновения и в современном мире; 2) рассмотрение условий, которые определяют изменчивость языка; 3) характеристика вариативности как свойства, обеспечивающего адаптивные возможности языка.

Понимание языка и объяснение закономерностей его развития связаны с истолкованием проблемы возникновения языка: «никакая общая теория языка не может считаться полной и законченной, если она не включает ту или иную концепцию происхождения языка» [1, с. 271]. Ведь обращение к этой проблеме позволит нам выделить те свойства языка, которые были заложены в нем изначально и без которых было бы невозможно его функционирование. Именно здесь кроются корни изменчивости языка.

В данном случае нас интересует не непосредственно момент возникновения языка, а тот факт в каком виде он появился: как единый для всех язык или же как множество языков?

Теория моногенеза утверждает, что все разнообразие языков возможно свести к общему предку [6]. Этой позиции придерживаются многие ученые. Приведем только одно высказывание из современного источника: «По-видимому, первоначальный язык человека существовал как один (единый) язык» [8, с. 11]. При этом автор в дальнейшем отмечает, что «языковые изменения представляют собой процесс непрерывного совершенствования языка как средства общения и познания» [8, с. 270]. Однако в этом случае непонятно, как исследователи объясняют проблему изменчивости языка. Что послужило стимулом к разделению языков? Каким путем произошло это разделение, ведь носители языка на достаточно большой территории не знали других языков? Наконец, зачем в этом случае вообще происходили какие-то изменения в языке?

Мы полагаем, что в условиях моногенеза развитие языка зашло бы в тупик (как и развитие человечества, ведь люди, владеющие одним языком, должны были представлять собой некое достаточно устойчивое единство), так как в этом случае утрачивается важнейший стимул развития: конкуренция. Вследствие этого нам представляется более правильным, что «вопреки распространенному убеждению, огромное разнообразие языков, засвидетельствованных к настоящему времени, скорее всего, невозможно свести к одному первоначальному языку, единому для всего человечества» [3, с. 16].

Более того, мы уверены, что возникшие языки не стремились к слиянию, а, наоборот, отталкивались друг от друга, что наблюдается и в современном мире: «мы до сих пор видим, как самые мелкие и мельчайшие языковые группы с поразительной цепкостью держатся за родную речь, хотя коммуникативные нужды повелительно толкают их на путь языковой ассимиляции и объединения с соседями. Эта цепкость есть наследие того времени, когда язык был выражением социальной особенности, отказаться от которой означало потерять свое лицо. Язык был ценен и дорог своей этнодемаркационной функцией» [1, с. 277]. И это противостояние как раз и послужило важнейшим стимулом развития языков, отражающих картину мира своих носителей: «потребность все время отталкиваться от других коллективов, противопоставлять себя им, порождала множество дифференцированных звуковых комплексов социально-символического характера и создавала великолепные условия для тренировки звукопроизводительных органов и для постоянной дифференциации, пополнения и обогащения лексики [1, с. 273]. Существование таких отношений подтверждают выводы разных исследователей: «Раздробленность первобытного человечества на огромное число общностей или общин (причем разного уровня и пересекающихся), стоящих к друг другу в отношении «мы – они», было объективной хозяйственной необходимостью» [10, с. 405]; «человеческие языки в современном смысле слова могли возникнуть лишь после миграций людей на дальние расстояния. Отсюда следует предположить, что этот процесс происходил одновременно в самых разных местах» [3, с. 20]. Однако для нас важно, что в любом случае язык возник не в монолитном обществе, представлявшем собой единый коллектив, а в условиях, когда два или более коллектива были противопоставлены друг другу (и прежде всего, при помощи языков).

В этих условиях процесс развития языка мог идти только по двум направлениям, отражающим взаимоотношения различных коллективов: разделение одного языка на два и слияние двух (или более) языков в один [2, с. 245]. Такое «многократное повторение процессов объединения и взаимопроникновения коллективов влечет за собой быстрое, в геометрической прогрессии обогащение лексики» [2, с. 246]. И эти

процессы не являются частью только древнейшей истории человечества, мы наблюдаем их и сегодня. Дивергенция возникает, например, в случаях, когда колония отделяется от метрополии, но язык последней продолжает функционировать и постепенно превращается в национальный вариант. Конвергенция наблюдается в случае функционирования на одной территории близкородственных языков, что приводит к образованию койне (например, суржика). В связи с активизацией процессов взаимодействия различных языков в эпоху глобализации во многих современных языках существенно расширяются границы лексико-семантической системы.

При этом надо иметь в виду, что развитие языка всегда протекает не само по себе, а только в деятельности человека. «Если говорить о механизме возникновения нового в языке не только на первых этапах его развития, то надо иметь в виду, что всякая новация появляется сначала в индивидуальной речи, а затем уже, будучи принятой обществом, становится объективным и социальным явлением» [14, с. 119–120], и поэтому «изменение является результатом многих актов принятия, осуществляющихся в одном и том же направлении» [7, с. 162]. В связи с этим Б. В. Якушин пишет: «Представляется несомненным, что и в современной речевой деятельности очень важна роль авторитета при создании инновации, а на заре языка эта роль, очевидно, была еще выше» и поэтому, «если мы признаем выдающуюся роль лидера в языкотворчестве, то должны признать и уникальность звукового оформления семантических единиц в каждом социуме. А это означает, что при первобытно-общинном строе должно существовать великое множество различных языков, а при их «скреживании» – бурный рост лексики нового языка» [14, с. 134]. Таким образом, изменения в языке напрямую связаны с деятельностью человека и имеют одно основание: языковую свободу говорящих, имеющую экспрессивную и коммуникативную целенаправленность [7, с. 147].

Уже на первых порах язык выполнял те же функции, что и в современном обществе: «Язык стал чутким регистратором общественных процессов и изменений. Всякие перемены, сдвиги, колебания в отношениях как внутри коллектива, так и между соседними коллективами находили отзвук в языке» [2, с. 245]. И он уже тогда обладал всеми необходимыми характеристиками для выполнения своих функций. Закономерным представляется, что на современном этапе изменились только внешние проявления языка, а его онтологическая, бытийная сущность сохранилась. И тогда изменчивость языка следует рассматривать как необходимое свойство, без которого язык теряет важнейшее качество, характеризующее его как «живой».

Итак, можно считать, что для современного языкознания является бесспорным «положение о том, что язык – это деятельность, что он находится в постоянном преобразовании, изменении, развитии или эволюции, относится не только к значимой стороне языка, где все эти процессы характеризуются наибольшей наглядностью, но и ко всем прочим строевым элементам языка» [5, с. 155–156].

В основе изменчивости и развития языка лежит вариативность: «вариативность – это не какое-то средство украшения речи, которым овладевают дополнительно к усвоению языка как некой однородной целостности. В действительности речь идет о центральном свойстве языка, вариативность присуща ему внутренне» [3, с. 262–263]. Поэтому, когда языковедами ставится вопрос: «Можно ли перечислить черты, которые присущи любому языку – просто «по определению», в силу его принадлежности к классу семиотических систем, называемых «естественный звуковой язык человека?» [8, с. 12], на наш взгляд, прежде всего нужно обращать внимание не на общность грамматических категорий, а на те черты, которые делают язык орудием регуляции общественных отношений.

Изменчивость языка обусловлена изначально его функциями в обществе. Следовательно, устойчивость или варьирование языковой системы связано с развитием

коммуникативных потребностей говорящих: «условиями, благоприятными для изменения, являются разнообразие (региональное или социальное) языковых навыков – в пределах одного и того же исторического языка – и слабость этих навыков в эпоху культурного упадка или в социальных группах низкой культуры» [7, с. 83]; «условиями относительной устойчивости (сопротивляемости по отношению к изменениям) являются однородность и четкость языковых навыков, а также вообще приверженность говорящего коллектива к своей языковой традиции» [7, с. 83].

При таком понимании изменчивости вариативность естественного языка не должна восприниматься как антиномия или парадокс, свойственная языковой системе, это и есть форма существования языковой системы: «вариативность – это и есть сама реальность, и всякие попытки редуцировать или игнорировать ее приводят к построению лингвистики, лишенной социального содержания» [3, с. 216]. Здесь необходимо указать, что механизм языкового варьирования базируется на отношении инвариант – вариант. Если «инвариант является не простой суммой фактуального, а неким виртуальным обобщенным единством, осознанным на основе когнитивной обработки множества фактуальных знаний и вычленения их однородности и однопорядковости» [12, с. 2.15], то вариант – это одна из форм манифестации инварианта, способ его проявления, та реальность, которую мы наблюдаем в речевой деятельности. Бесспорно, таких вариантов может быть множество (как, например, вариантов фонемы <a> в известном примере М. В. Панова), однако среди них выделяются такие, которые обладают определенной значимостью для носителей данного языка. Ведь каждый из нас является носителем не одной формы языка, а сразу нескольких, и способен использовать эти формы дифференцированно в разных ситуациях общения (например, литературный язык и социолект).

Следовательно, сущность человеческого языка состоит в вариации: язык проявляет себя в виде конкретных языков, а языки – в виде вариантных форм. И такое разнообразие является ключом к постижению закономерностей функционирования и развития языка в целом. Соответственно, появление вариантных форм также представляет собой закономерный процесс. И необходимо определять различные диалекты, интерферированные формы языков не как искажения и отступления от традиционной нормы, а как универсальную тенденцию для тех языков, которые получили распространение на очень широкой территории или стали средством коммуникации более чем одной нации. Любой язык, достигший определенной степени влияния, утрачивает свою целостность и распадается на разного типа диалекты, каждый из которых потенциально при благоприятных условиях может стать самостоятельным языком.

Посмотрим с этой точки зрения на историю формирования ряда языков. Так, восточнославянские языки являются относительно молодыми и имеют общий язык-предок – древнерусский, который в течение нескольких веков использовался на очень большой территории, вследствие чего в нем четко выделились три наречия, каждое из которых дало начало новому языку. Также показательна в этом отношении история становления такого языка как африкаанс, который сложился в результате креолизации и поначалу рассматривался как разновидность нидерландского языка, но впоследствии получил статус самостоятельного языка [9].

С другой стороны, языки, функционирующие в иных условиях (на относительно замкнутой территории, где проживает преимущественно одна нация), демонстрируют большую целостность и устойчивость. Например, исландский язык почти не имеет диалектных различий, более того, среди всех германских языков он сохранил наиболее архаичные черты [4].

Отношение к вариантным формам языка является важным элементом культуры. Так, в Японии диалекты не только используются в определенных кругах, но и

культивируются [8, с. 145]. Также относительно благоприятные условия для существования и развития диалектов сложились в Италии. Следует отметить, что и в Российской Федерации в последнее время находят финансовую поддержку активные поиски и описания разнообразных диалектов и даже интерферированных форм русского языка. Как представляется, следующим шагом на этом пути должно стать признание возможности образования не только территориальных и региональных вариантов русского языка, но и национальных. Как показывает история распространения таких языков, как английский, испанский, французский, португальский, функционирование одного и того же языка на территории разных государств с неизбежностью приводит к языковому варьированию. И в этой закономерности наблюдаются те тенденции, которые сопровождали появление первых языков и стремление относительно замкнутых общностей людей противопоставить себя другим коллективам.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Прежде всего, язык обладает универсальными онтологическими свойствами, которые обеспечивают его использование в качестве средства регуляции общественных отношений. Среди этих свойств функция языка и изменчивость, которая проявляется в способности языка к развитию путем образования вариантных форм. Без этих свойств язык утратил бы возможность адаптироваться к потребностям социума и в итоге прекратил бы свое функционирование в качестве коммуникативной системы.

Далее, поскольку вариативность присуща любому языку, то формы ее проявления не должны вызывать неприятия со стороны лингвистов (со стороны носителей языка вариативность, как правило, почти не осознается). Необходимо разработать исследовательский инструментарий, позволяющий описывать вариативность в аспекте перспективности развития тех или иных форм, их значимости для отдельных групп носителей того или иного языка. То есть нужно принять как постулат идею о том, что язык не может быть раз и навсегда кодифицирован, а находится в состоянии непрерывного изменения, и потому наши потомки будут говорить на другом русском, украинском или ином языке, продолжая считать его языком соответствующей нации. Конечно, традиция предполагает, что язык времен А. С. Пушкина и современный язык представляют собой общую систему, однако, если бы нам пришлось встретиться с А. С. Пушкиным, мы бы вряд ли сочли его речь соответствующей нашим представлениям о русском языке. Особенно, если учесть, что для русского дворянства в XIX веке было естественно разнообразить свою речь французскими словами, и этим, по сути, создавать свой социальный вариант, отличный, скажем, от речи крестьянина того времени (в этом отношении большой интерес представляет речевая характеристика персонажей в «Войне и мире»).

Наконец, мы должны увидеть в способности языка образовывать вариантные формы потенциал для его дальнейшего развития, а вовсе не основание для языкового пуризма: «способность порождать национальные варианты свидетельствует о силе и мощи языка. Яркое подтверждение этого факта – Русофония как один из важнейших языковых миров, формирующих значительный слой планетарной лингвистической ноосферы» [11, с. 121].

Библиографические ссылки

1. **Абаев В. И.** О происхождении языка / В. И. Абаев // Василию Ивановичу Абаеву 100 лет : сб. статей по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам. – М. : Языки русской культуры. – 2001. – С. 271–283.

2. **Абаев В. И.** Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка / В. И. Абаев // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. – М. : Наука. – 1970. – С. 232–262.
3. **Ажеж К.** Человек говорящий : Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж; пер. с фр. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : Эдиториал УРСС, 2008. – 304 с.
4. **Берков В. П.** Исландский язык / В. П. Берков // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энциклопедия, 2000. – С. 203.
5. **Звегинцев В. А.** Мысли о лингвистике / предисл. В. М. Алпатова / В. А. Звегинцев. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 336 с.
6. **Иванов Вяч. Вс.** Моногенеза теория / Вяч. Вс. Иванов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энциклопедия, 2000. – С. 308–309.
7. **Косериу Э.** Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). – 2-е изд., стереотип. / Э. Косериу. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 204 с.
8. **Мечковская Н. Б.** Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. – 6-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 312 с.
9. **Миронов С. А.** Африкаанс / С. А. Миронов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энциклопедия, 2000. – С. 57.
10. **Поршнев Б. Ф.** О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии) / Б. Ф. Поршнев. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
11. **Рудяков А. Н.** Георусистика и русофония / А. Н. Рудяков // Лингводидактика. Социоллингвистика. Языки мира. К 90-летию со дня рождения академика И. Ф. Протченко / Учреждение Российской академии наук, Институт языкознания РАН. – М., 2008. – С. 115–128.
12. **Селиванова Е. А.** Основы лингвистической теории текста и коммуникации : монограф. учеб. пособие / Е. А. Селиванова. – К. : Брама, Изд. Вовчок О. Ю., 2004. – 336 с.
13. **Шелякин М. А.** Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы : учебн. пособие / М. А. Шелякин. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 296 с.
14. **Якушин Б. В.** Гипотезы о происхождении языка / отв. ред. Г.В. Степанов / Б. В. Якушин. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 136 с.

Надійшла до редколегії 24.04.10

УДК 811.112.2'271.12 + 811.112.2'374

Г. П. Дьяконов

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ И НОРМАТИВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ НЕМЕЦКИХ ЯЗЫКОВЫХ ОБЩЕСТВ

Розглянуто особливості формування норм сучасної німецької мови. Проаналізовано нормативні концепції мовних товариств, їх реалізацію при формуванні лексикографічної бази німецької мови.

Ключові слова: мовна норма, мовні товариства, лексикографія.

Рассмотрены особенности формирования норм современного немецкого языка. Проанализированы нормативные концепции языковых обществ, их реализация при формировании лексикографической базы немецкого языка.

Ключевые слова: языковая норма, языковые общества, лексикография.

The article considers peculiarities of the development of standards in contemporary German. Normative concepts of language societies, their use for building up the lexicological base of German are being analyzed.

Key words: linguistic norm, language societies, lexicography.

В настоящее время существует достаточное количество работ, в которых изучаются различные направления деятельности немецких языковых обществ [2; 3]. Вместе с тем по-прежнему отсутствуют исследования, в которых были бы рассмотрены концепции, предопределившие впоследствии лексикографический аспект формирования нормативных положений в современном немецком языке. В этой связи представляется актуальным рассмотреть лексикографический аспект деятельности немецких языковых обществ, ставший одним из элементов системы языковых нормативных положений, сформировавшейся при их непосредственном участии.

Кажется вполне закономерным и естественным, что попытки создания определенных нормативных основ для немецкого языка опирались на изучение и описание его лексической системы. Членам барочных языковых обществ концепция представлялась достаточно простой и легко реализуемой, и заключалась в отборе, систематизации и последующей фиксации изначально корректных лексем в форме лексикографического источника. Изначальная функционально-смысловая корректность постулировалась на основе лингвофилософской интерпретации генезиса немецкого языка в сакральном контексте. Несмотря на то, что к моменту активной деятельности языковых обществ уже предпринимались попытки создания словаря немецкого языка, они, как отмечал Шоттель, так и не получили логического завершения [4, с. 158–159]. Сам Шоттель, хотя и предложил определенное видение реализации лексикографического проекта в рамках языковых обществ [4, с. 159], однако также не смог довести его завершения. Впоследствии Харсдерфер, воспринявший его идеи, особо выделил важность подобного лексикографического проекта с точки зрения формирования национального языка и системы его норм.

Процесс создания словаря рассматривался при этом как некий совместный проект, результатом которого должна была стать регистрация значения и употребления языковых единиц. Одной из концептуальных особенностей являлось то, что подобную регистрацию планировалось проводить предпочтительно на основе изучения особенностей документально зафиксированного материала, то есть предполагалось создавать глоссарии, опиравшиеся на текстовую репрезентацию языковых единиц. Кроме того, предполагалось, что зафиксированное корректное употребление языковых единиц должно, в определенном смысле, предопределять узус.

Обращает на себя внимание факт определенного расхождения в понимании источника нормативных параметров. Так, если Мартин Лютер в процессе перевода сакральных текстов прямо признавал главенство живого узуса носителей языка, то в основе лексикографического проекта языковых обществ было положено использование зафиксированных нормативных характеристик. Нужно заметить, что именно в этот момент формируется бинарная оппозиция прескриптивной нормы и нормы, вытекающей из динамики развития узуса. Важно также отметить, что при таком подходе неизбежно формировалась не только дистанция между устной и зафиксированной формами реализации языка, но и некоторая социальная дистанция. Нельзя не заметить, что при таком подходе прескриптивный характер в большей степени оправдывался авторитетностью высших социальных слоев, нежели вытекал из анализа особенностей системы немецкого языка. Этот факт позволяет понять, почему в качестве источников будущих норм в первую очередь рассматривались административные, законодательные и сакральные тексты. Их уже апробированное функционирование в качестве административно-законодательных и духовных источников определяло их пригодность для реализации проектов нормирования языка, поскольку они являлись как основой, так и средством последующих процессов нормирования.

В этой связи нужно отметить преемственность идей языковых обществ и лингвистической деятельности Мартина Лютера. Задача Лютера состояла в том,

чтобы закрепить развивающийся немецкий язык среди других общепризнанных языков сакральной практики. Это имело отнюдь не маргинальное значение для процесса эмансипации немецкого языка, поскольку должно было подтверждать постулат протестантских теоретиков о возможности адекватно и доступно передавать содержание Священного писания на немецком языке, верифицируя статус его равноправия среди языков, традиционно использовавшихся для этого ранее. Этот факт неоднократно подчеркивался исследователями, да и самими членами языковых обществ с целью формирования определенной исторической и лингвистической традиции, продолжателями которой и считали себя языковые общества. Этот же факт, вероятно, и предопределил избрание лексикографического аспекта как наиболее подходящего направления реализации идей по формированию и нормированию немецкого литературного языка.

Становится очевидным стремление не только опереться на идейные концепции и стать продолжателями дела Лютера, но также и достаточно ясное намерение сделать уже реализованные им концепции составной частью лингвистической практики языковых обществ. Теоретики того времени (Чернинг, Бухнер, Цезен) склонны рассматривать результаты проделанной Лютером работы в качестве исходного стандарта. Впрочем как носители лингвистических норм в документах столь же часто фигурируют местные канцелярии и прочие административные органы. В основе такого подхода лежит идея о том, что общедоступность административных документов позволяет им стать реальными источниками распространения лингвистических норм. Именно распространенность и общепризнанность законности таких документов должны были обеспечить распространение языковых норм и придать им статус узаконенных и обязательных к употреблению стандартов.

Реализация проекта требовала систематической каталогизации лексической системы немецкого языка, в частности, систематизации и фиксации примеров сохранившихся древних и «чистых» языковых форм в виде лексикографических источников. Этот этап рассматривался как предварительная ступень при подготовке определенной базы для последующего воссоздания на их основе литературного немецкого языка. Так, например, Шоттель приводит не только перечень собранных лексем, но также их толкование и лингвистические комментарии, в том числе относительно словообразовательных процессов с их участием [4], что можно рассматривать как попытку решения задачи по созданию репрезентативных источников норм немецкого языка.

Несколько иную методику подачи лексем, призванных обеспечить использование немецкого языка в поэтическом и литературном творчестве, использует Харсдерфер [1]. Его трактат должен был помочь в поиске и создании новых поэтических метафор. В основу трактата положена алфавитная репрезентация наиболее подходящих для этих целей моносиллабических основ. Интересно, что в отличие от Шоттеля, который стремится педантично и скрупулезно описать как можно больше существующих лексем, Харсдерфер предлагает несколько иной механизм их представления, опираясь на вероятностно-лингвистическое прогнозирование их семантико-функциональных особенностей. Эти практические результаты можно признать особо важными, поскольку они демонстрируют, что члены языковых обществ предпринимали конкретные шаги по реализации своих концепций, не оставаясь исключительно в сфере умозрительных концепций, лишенных всякой жизненной силы. И хотя первый репрезентативный словарь немецкого языка появится в Германии гораздо позже, все же нельзя недооценивать теоретический и практический вклад языковых обществ в этом отношении. Фактически именно с этого момента начинается полноценный лингвистический процесс создания устойчивых ортодок-

сальных норм немецкого языка, впервые в конкретной форме начинают внедряться основы уже «очищенного» языка.

Следуя в русле общеевропейской тенденции к вытеснению латыни из сферы научной коммуникации, теоретики языковых обществ изначально стремятся постулировать фактическое равноправие немецкого языка, его способность быть столь же приемлемым для передачи научных знаний и прочих функций, как и другие языки. Об этом достаточно ясно говорит, например, Харсдерфер, предостерегая от попыток ставить адекватность и полноту отражения окружающей действительности в зависимость от типа конкретного языка и ставить под сомнение тот факт, что немецкий язык может являться адекватным средством представления научных знаний. Справедливо ставя под сомнение возможность пространственного, локального ограничения способности любого языка отражать когнитивные процессы и процессы человеческого мышления, Харсдерфер приходит к выводу о неправомерности попыток приписывать подобную возможность исключительно одному или нескольким конкретным языкам, подчеркивая универсальный характер этого явления. Тезис о способности немецкого языка создавать лексемы, адекватно отражающие действительность, принципиально важен в связи с тем, что использование иноязычных лексем уступало место передаче содержательной стороны за счет реализации словообразовательного и семантического потенциала немецкого языка и его естественной способности адекватно отображать любые явления. Это кажется весьма существенным, поскольку свидетельствует о неоправданности узкого понимания исторической роли языковых обществ исключительно в духе гипертрофированного пуризма.

Одной из причин раздробленности и потери аутентичности немецкого праязыка теоретики языковых обществ считают безответственное употребление языка его носителями, что привело к потере изначальной внутренней чистоты и совершенства, дестабилизации лингвистических основ языка, повлияв на его способность адекватно и полно отражать окружающую действительность [4,10]. Осознавая необходимость определенных изменений в речевой практике, теоретики языковых обществ постулировали в качестве одного из наиболее приемлемых средств очищения немецкого языка «правильное» употребление речевых норм, предлагая следовать конвенциональным нормам, определявшим внутригрупповую коммуникацию их объединений. Предполагалось, что таким способом можно будет постепенно добиться закрепления стандартов языковых обществ не только среди узкого круга их участников, но и перенести их на более высокий уровень повсеместного признания и употребления, опираясь на собственные материалы в качестве источников новых стандартов. Лингвистические стандарты должны были соответствовать историческим обстоятельствам, поскольку именно из этого вытекала их точность и уместность. В то же время нормы языкового общества должны отличаться рациональностью и применимостью своих стандартов от хаотичных, случайных норм простолюдинов. Именно создание таких норм, которые основаны на фундаментальных языковых закономерностях, должно привести массы к осознанию необходимости нормированного языкового употребления.

Интерес вызывает тот факт, что в среде языковых обществ прослеживается определенная тенденция к отказу от использования диалектов в качестве базовых моделей для рационально нормированного языка. Вероятно, под влиянием лингвистического дискурса того времени и под воздействием идей связи с праязыком видеть в этой роли какой-либо из региональных диалектов представлялось невозможным. Предполагалось, что немецкий язык – это конструкт более высокого иерархического уровня, который не отражался адекватно ни одним из диалектов, которые были всего лишь частью разрушенного единого праязыка, не обладая к тому

же в полной мере всеми его качествами. Следует отметить, что в основу кладется понятие фундаментальной корректности или филологической точности немецкого языка, которое противопоставляется неустойчивому и неупорядоченному узусу диалектов. Противопоставление норм употребления, принятых среди членов языковых обществ, и неправильного употребления или, говоря языком обществ, «неправильных привычек» является характерной чертой их теоретических построений. Постулат о необходимости опираться на естественные языковые законы и корректное употребление языковых средств, и игнорировать моменты частного диалектного характера – вот суть подхода, который должен был лечь в основу создания единого нормированного немецкого языка.

Несмотря на значение упомянутого отождествления немецкого языка с праязыком, игравшего существенную роль в теоретических построениях членов языковых обществ, все же кажется, что этот момент постепенно вытесняется осознанием необходимости регулярной систематической филологической работы по эмансипации немецкого языка. Показательна в этом отношении точка зрения Харсдерфера, полагавшего, что необходим не поиск доказательств связи немецкого языка с праязыком, а развитие литературного немецкого языка. Именно стремление найти пути к созданию в нем наибольшего совершенства в орфографии, словоупотреблении и других аспектах приведет к тому, что немецкий язык сможет занять подобающее ему место [1, с. 124]. Похожую идею выдвигает и Шоттель, видя в языковых обществах силу, способную генерировать авторитетные языковые стандарты: не только и не столько широта распространения узуса играют при выборе норм существенную роль, но и фактор консенсуса среди участников языковых обществ [4, с. 16].

Как видим, процессы нормирования немецкого языка концентрируются, главным образом, вокруг текстовой практики языковых обществ. Акцентирование необходимости текстовой репрезентации языковых норм и процесса нормирования подчеркивает концептуальную новизну оценки реальной степени нормативности со стороны языковых обществ. Не устные образцы речевого поведения широких масс, с практически ничем не верифицируемыми нормами, а именно лингвистический узус языковых обществ, который верифицируется как речевыми, так и текстовыми формами употребления, становится носителем фиксированных (и поэтому стабильных) лингвистических норм. Именно такой подход реализует Шоттель, сопровождая обширный лингвистический материал указанием источников, верифицирующих корректность предлагаемого варианта употребления определенного словообразовательного средства, симплекса, композита или даже целого словосочетания. Особо нужно отметить, что среди таких источников фигурируют многочисленные работы самих членов языковых обществ. Это не только давало необходимые образцы норм языкового употребления, но и обеспечивало самим языковым обществам приоритетный статус решающего звена процессов языкового нормирования.

Библиографические ссылки

1. **Harsdörffer, Georg Philipp** : Prob und Lob der Teutschen Wolredenheit. Das ist : deß Poetischen Trichters Dritter Theil... Zu nachrichtlichem Behuff Aller Redner/Poeten/ Mahler/ Bildhauer und Liebhaber unsrer löblichen Helden Sprache angewiesen durch Ein Mitglied der Hochlöblichen Fruchtbringenden Gesellschaft, Nürnberg 1653. Nachdruck in: Georg Philipp Harsdoerffer, Poetischer Trichter, Darmstadt 1969.
2. **Kügel, Werner**: Geschichte und Gedichte des Pegnesischen Blumenordens, B.2, Shaker Media, Aachen, 2008.
3. **Newman, Jane O.** : Pastoral Conventions, Poetry, Language, and Thought in Seventeenth-Century Nuremberg, Baltimore, London: The Johns Hopkins Un. Pr. 1990. – xlv, 313 S.

4. **Schottelius, Justus Georg:** Ausführliche Arbeit von der Teütschen Hautb Sprache/ Worin enthalten Gemelter dieser Hautb Sprache Uhrankunft/ Uhraltertum/ Reinlichkeit/ Eigenschaft Vermögen/ Unvergleichlichkeit/ Grundrichtigkeit/ zumahl die SprachKunst und VersKunst Teutsch und guten theils Lateinisch völlig mit eingebracht/ wie nicht weniger die Verdoppelung/ Ableitung/ die Einleitung/ Nahmwörter/ Authores vom Teütschen Wesen und Teutscher Sprache/ von der verteutschung/ Jtem die Stammwörter der Teütschen Sprache samt der Erklärung und derogleichen viel merkwürdige Sachen. Abgetheilet In Fünf Bücher. Ausgefertiget von Justo-Georgio Schottelio D., Braunschweig 1663. Nachdruck, hrsg. v. Wolfgang Hecht, 2. Bde., Deutsche Neudrucke. Reihe: Barock 11/12, Tübingen 1967 // Schottelius, Justus Georg: Ausführliche Arbeit Von der Teutschen Hautb sprache 1663, hrsg v Wolfgang Hecht, Teil I-II, Tubmgen Niemeyer 1967 (= Deutsche Neudrucke, Reihe Barock, Bd 11, 12), Teil I, S 5.

Надійшла до редколегії 25.05.10

УДК 811.161.1'37 + 811.161'38

С. В. Евраева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ХРИСТОС В КАРТИНЕ МИРА ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. БЛОКА

Визначено критерії виявлення концептів у межах мовної картини світу. Досліджено засоби вербалізації концепту *Христос*, його семантичне наповнення та місце у релігійній концептосфері художньої картини світу О. Блока.

Ключові слова: концепт, релігійна концептосфера, картина світу, вербалізація, онім.

Определены критерии выявления концептов в рамках языковой картины мира. Исследованы средства вербализации концепта *Христос*, его семантическое наполнение и место в религиозной концептосфере художественной картины мира А. Блока.

Ключевые слова: концепт, религиозная концептосфера, картина мира, вербализация, оним.

The criteria of exposure of concepts within the framework of language worldview are picked out. The means of language representation of the concept Christ, its semantic filling and place in the religious sphere of concepts of A. Blok's worldview are studied.

Key words: concept, religious sphere of concepts, worldview, language representation, proper name.

Интерпретация поэтического текста посредством изучения его ключевых концептов является одним из путей проникновения в глубинные пласты идиостиля автора. В подобных лингвистических исследованиях реализуются когнитивный подход (позволяющий выявить смысловые особенности художественных концептов), лингвокультурологический (рассматривающий индивидуально-авторские концепты как проекцию в индивидуальном сознании общекультурных ценностей, символов и т. п.), а также психолингвистический (изучающий ассоциативно-семантическое поле концепта).

В последние десятилетия перечисленные подходы всё чаще применяются в рамках лингвистического анализа художественного текста. Однако в силу недостаточной разработанности критериев, по которым в идиостиле автора можно выделить концепты и концептосферы, в настоящее время «частотность использования слова “концепт” может соперничать только, пожалуй, с количеством разных его интерпретаций» [8, с. 13]. Поэтому разработка таких критериев является одной из актуальных задач современной теории концепта.

Наша *цель* – в соответствии с существующими характеристиками концепта определить место религиозного концепта *Христос* в картине мира А. Блока и описать семантическую структуру данного концепта.

Опираясь на работы В. И. Карасика, В. П. Нерознака, Г. Г. Слышкина, С. Г. Воркачёва, Ю. С. Степанова и других исследователей, можно выделить следующие показатели концептуальной значимости понятия:

- 1) переживаемость мотивирующего концепт понятия языковой личностью;
- 2) частота использования вербализаторов концепта в текстах (в нашем случае поэтических);
- 3) способность языковой единицы, вербализующей концепт, к экзemplификации (конкретизации) абстрактных понятий;
- 4) способность выполнять функцию квалификации, то есть оценивать различные понятия и явления действительности;
- 5) наличие в семантической структуре концепта ценностной составляющей.

Перечисленным критериям в идиостиле А. Блока отвечает религиозный концепт *Христос*. Данный концепт представлен в языке именем собственным, в связи с чем возникает вопрос о возможности квалификации его в качестве концепта. Поскольку принято считать, что концепт мотивируется понятием и в основе его семантической структуры лежит именно понятийное ядро, проблема концептуализации собственных имён остаётся в современной лингвистике нерешённой.

Тем не менее многие исследователи указывают на существование у отдельных онимов коннотативного компонента значения, в частности, Е. С. Отин, именуется такие единицы коннотативными собственными именами [7].

Таким образом, наличие у слова *Христос* в произведениях А. Блока коннотаций и перечисленных выше характеристик свидетельствует о его концептуальной значимости для идиостиля автора.

Не останавливаясь подробно на общей характеристике поэзии А. Блока, отметим, что религиозные концепты занимают в его художественной картине мира особое место. *Бог, Христос, Душа, Вера, Церковь, Священнослужитель* – компоненты религиозной концептосферы, в которых отражаются русские наивные представления о мироустройстве и философские искания поэта, общехристианские и индивидуальные ценности.

Н. И. Ильинская, автор монографии «Религиозно-философские искания в русской поэтической традиции рубежей XX века: специфика, сознание, концептосфера, типология», указывает на актуальность концепта *Христос* для религиозно-поэтического сознания Серебряного века. Исследователь связывает повышенное «внимание» поэтов к данному образу с «попытками обретения национальной идентичности, с поисками Русского Христа» [3, с. 61]. В качестве национальной доминанты концепта *Русский Христос* Н. И. Ильинская выделяет кротость, жертвенность и смирение, а его источником считает произведения Ф. М. Достоевского [Там же]. Именно Ф. М. Достоевский впервые в русской литературе облёк в художественную форму вопрос о психологическом облике Христа.

А. Блок, как представитель русской элиты начала XX века, также был охвачен религиозными исканиями, жаждой выйти за рамки православных канонов и в то же время вернуться к истокам русской религиозности, постичь истинную сущность учения Христа. Вслед за Ф. М. Достоевским, Александр Блок как бы примеряет Христа к своей эпохе, пытаясь понять, какую позицию занял бы Сын Божий, явись он в революционной России. Ответ Блока – неожиданный как для его читателей, так для самого поэта, – даётся в финальной сцене поэмы «Двенадцать», где Иисус Христос возглавляет шествие революционеров.

Однако для Блока Христос – это больше, чем наместник Бога на земле, несущий божественное слово людям. Об этом свидетельствуют результаты семантического анализа концепта *Христос* в произведениях поэта.

Вербализуется данный концепт различными лексическими и фразеологическими единицами. Это онимы «Христос», реже «Иисус», перифрастические номинации «Сын Человеческий» и «учитель Иуды», «Спас», а также нарицательное имя «мессия» и онимизированные в произведениях А. Блока лексемы «Младенец», «Новорождённый» и местоимение «Он». Единичными контекстами представлены адъективные номинации «Христовы Слёзы» и «Христово сердце». Всего в поэтических текстах автора было выделено около 50 употреблений перечисленных наименований.

Однако чаще, чем номинации концепта, в стихотворениях поэта используются косвенные указания на него. С этой целью А. Блок вводит в поэтический текст наименования тех или иных атрибутов Христа (например, «венце из терний») или упоминает распятие и воскресение Иисуса Христа:

*Так, – не забудь в венце из терний,
Кому молился в первый раз.
«Ты был осыпан звёздным цветом...» [2, с. 390]
Потом на рёбра гроба лёг
Свинец полоскою бесспорной
(Чтоб он, воскреснув, встать не мог)...
«Возмездие» [2, с. 305]*

Имя «Христос» в произведениях А. Блока характеризуется эпитетами: *Всепобедный, юный, сжигающий, нежный, кроткий, уставший крест нести*. Кроме того, поэт использует словосочетание «свой Христос», которое выражает идею иноверия:

*Задебренные лесом кручи:
Когда-то там, на высоте,
Рубили деды сруб горячий
И пели о своём Христе.
«Задебренные лесом кручи...» [2, с. 234]*

Ещё одним интересным семантическим свойством концепта *Христос* является отождествление блоковского лирического героя с образом Христа:

*Да. Ты – родная Галилея
Мне – невоскресшему Христу.
«Ты отошла, и я в пустыне...» [2, с. 40]*

Не всегда поэт прямо именуется (точнее, своё поэтическое «Я») Христом – чаще с этой целью используются упомянутые выше косвенные вербализаторы данного концепта:

*На четвёртый день я восстану,
Подыму раскалённый щит...
«Я умер. Я пал от раны...» [2, с. 55]
Я здесь, в углу. Я там, распят.
Я привождён к стене – смотри!
«Приявший мир, как звонкий дар...» [2, с. 63]*

Таким образом, коннотации блоковского концепта *Христос* («жертвенность», «страдание», «непризнанность современниками») символичны и позволяют ему выполнять функцию квалификатора, то есть характеризовать лирического героя произведений поэта.

Отдельного внимания заслуживают прономинальные вербализаторы концепта *Христос* «Он» / «Его», довольно часто используемые поэтом:

*И Он идет из дымной дали;
И ангелы с мечами – с Ним;
Такой, как в книгах мы читали,*

Скучая и не веря им.

«Сон» [2, с. 155]

Употребление личных местоимений и их онимизация наделяет концепт **Христос** дополнительными смыслами, указывая на его особую значимость для автора. Умышленно «избегая» прямой номинации, поэт создаёт некий мистический образ Христа, образ-загадку. В стихотворении «Сон» имя Христа не упоминается, и читатель может «расшифровать» его благодаря косвенным указаниям: *Воскресение, ангелы с мечами, древний склеп* и др.

Концепт **Христос** вербализуется в блоковских произведениях колоративами («белый», «голубой», «лазурный») и наименованиями природных стихий («туман», «вьюга», «метель»), которые приобретают в идиостиле автора символическое наполнение. Наряду с ними концепт **Христос** выражается лексемами «роза» и «крест», отсылающими к символике розенкрейцерства («Братства Розы и Креста», религиозного течения, популярного в России начала XX века):

*Вот Он – Христос – в цепях и розах –
За решёткой моей тюрьмы.
Вот Агнец Кроткий в белых ризах
Пришёл и смотрит в окно тюрьмы.*

«Вот Он – Христос – в цепях и розах...» [1, с. 370]

В приведённом стихотворении сосредоточено несколько ёмких символов и эпитетов, раскрывающих блоковское видение концепта **Христос**. Так, «белые ризы» – символ божественной чистоты Иисуса; «окно» – косвенное указание на крест, символ жертвенности Христа (как известно, оконные рамы в жилищах славян не случайно имели крестообразную форму: они оберегали дом от нечистой силы); «розы» в произведениях А. Блока заменяют «терновый венок» на челе Иисуса, символизируя его жертвенную кровь, а также являются атрибутом крестьянского почитания иконы (крестьяне традиционно украшают розами оклад иконы). Можно предположить, что Блок использовал наименования атрибутов простонародной эстетики для раскрытия национальной специфики концепта **Христос**. Об этом также свидетельствуют эпитеты, характеризующие Христа в данном произведении: *нищий, кроткий, светлый, грустный*.

Концепт **Христос** в таком понимании отражает ценности картины мира А. Блока. Как отмечалось ранее, в христианской традиции Христос являет собой образец праведной жизни. Поэт наследует православные ценности, поэтому сближение с Христом считает возможным только через страдание и отказ от земных благ и страстей:

*Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всём не забудешь, и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, как мёртвый знак.*

«Вот Он – Христос – в цепях и розах...» [1, с. 371]

Именно таким видели **Русского Христа** мыслители рубежа XIX – XX веков. Однако в картине мира А. Блока концепт **Христос** неоднозначен, и **Русский Христос**, по словам Н. И. Ильинской, – лишь «одна из его «ипостасей» в многоликой христологии поэта» [3, с. 65].

Так, наряду с эпитетами *кроткий* и *нежный* в произведениях А. Блока даются такие характеристики Христа, как *сжигающий* и *Всепобедный*. А в знаменитом финале поэмы «Двенадцать» рождается противоречивый образ Христа:

*...Так идут державным шагом –
Позади – голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,*

*И от пули неведим
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной поступью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос.*

«Двенадцать» [2, с. 324]

Предводитель революционеров, «с кровавым флагом», блоковский *Христос*, тем не менее, остаётся нежным и чистым. Приведённый отрывок содержит сгусток символов, дополняющих друг друга и создающих целостный образ Христа.

Проведённый анализ позволил прийти к выводу, что концепт *Христос*, представленный в произведениях Александра Блока, неоднозначен. С одной стороны, в нём находят отражение религиозные взгляды современников поэта, которые выражены в особом концепте *Русского Христа* – кроткого, нежного, печального. С другой стороны, *Христос* в идиостиле поэта отождествляется с лирическим героем, приобретающая иные семантические признаки: непризнанный современниками, страдающий, предвещающий перемены.

Показательно, что именно этот концепт отражает суперморальные ценности поэта, что свидетельствует о его особом статусе в идиостиле автора и позволяет квалифицировать данный концепт в качестве ядра религиозной концептосферы картины мира А. Блока.

Библиографические ссылки

1. **Блок А.** Собрание сочинений : в 6-ти т. / редкол. : М. Дудин и др.; оформ. худож. Н. Нефедова. – Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1898–1906 / вступ. статья М. Дудина; сост. и примеч. Вл. Орлова. – Л. : Худож. лит., 1980. – 512 с.
2. **Блок А.** Собрание сочинений : в 6-ти т. / редкол. : М. Дудин и др.; оформ. худож. Н. Нефедова. – Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1907–1921 / сост. и примеч. Вл. Орлова, 1980. – 472 с.
3. **Воркачёв С. Г.** Культурный концепт и значение [Электронный ресурс] / С. Г. Воркачёв // Труды Кубанского гос. технологич. ун-та. – Сер. Гуманитарные науки. – Т. 17. – Вып. 2. – Краснодар, 2003б. – С. 268–276. – Режим доступа : <http://kubstu.ru/docs/lingvoconcept/meaning.htm>
4. **Ильинская Н. И.** Концепт *Русский Христос* в научной рецепции и в религиозно-поэтическом сознании Серебряного века / Н. И. Ильинская // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2006. – № 5. – С. 60–71.
5. **Карасик В. И.** Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания [Электронный ресурс] / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методология современной психолингвистики: сб. статей. – Москва; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – Режим доступа : <http://psycholing.narod.ru/monograf/karasik-psy-hrest.htm>
6. **Нерознак В. П.** Теория словесности: старая и новая парадигмы / В. П. Нерознак // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 8.
7. **Отин Е. С.** Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – М. ; Донецк : А Темп, 2006. – 436,[4] с. – (Филологические словари русского языка).
8. **Прохоров Ю. Е.** В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 176 с.

Надійшла до редколегії: 01.06.10.

УДК 811.161.1'38

О. В. Завадська

Національна академія Служби безпеки України (м. Київ)

ОСОБЛИВОСТІ РОЗВИТКУ І ФУНКЦІОНУВАННЯ ЛІНГВОПРАГМАТИЧНОЇ СТРАТЕГІЇ ПОЛІТКОРЕКТНОСТІ НА ПОСТРАДЯНСЬКОМУ ІНФОРМАЦІЙНОМУ ПРОСТОРІ (на прикладі російської мови)

Досліджено особливості розвитку і функціонування лінгвопрагматичної стратегії політкоректності на пострадянському просторі (на прикладі Росії). З'ясовано особливості дефініцій і встановлено різницю між визначеннями поняття *політкоректність* у словниках англійської та російської мов. Визначено основні лінгвістичні засоби для побудови політично коректних висловлювань. Позначено коло тем, яких торкається стратегія політкоректності в англійській та російській мовах, виявлено схожість і відмінність політкоректної термінології в обох мовах.

Ключові слова: політкоректність, міжкультурна комунікація, когнітивно-прагматична стратегія, прагмалінгвістична адекватність, ефемізація, сема.

Исследованы особенности развития и функционирования лингвопрагматической стратегии политкорректности на постсоветском пространстве (на примере России). Выявлены особенности дефиниций и установлена разница между определениями понятия *политкорректность* в словарях английского и русского языков. Определены основные лингвистические средства для построения политкорректных высказываний. Обозначен круг проблем, которых касается стратегия политкорректности в английском и русском языках, установлены сходства и различия политкорректной терминологии в каждом из двух языков.

Ключевые слова: политкорректность, межкультурная коммуникация, когнитивно-прагматическая стратегия, прагмалингвистическая адекватность, эфемизация, сема.

The author of the article studies the peculiarities of development and functioning of the linguo-pragmatic strategy of political correctness in the Post-Soviet space (with Russia taken as an example). Characteristics of definitions of the concept *political correctness* and differences between them in English and Russian dictionaries have been identified. Main linguistic means for construction of politically correct expressions have been defined. The sphere of problems to which the strategy of political correctness applies in English and Russian has been shown, and similarities and differences of politically correct terminology in both languages have been established.

Key words: political correctness, intercultural communication, cognitive-and-pragmatic strategy, pragmatic-and-linguistic adequacy, euphemisation, seme.

Демократизація суспільного життя на пострадянському інформаційному просторі актуалізувала проблему міжкультурного спілкування. В свою чергу, міжкультурне спілкування передбачає перемикання мовного коду, що реалізується в лінгвокультурологічних та когнітивно-прагматичних стратегіях спілкування. Успішність комунікативної взаємодії залежить від цілого ряду факторів – змістових, когнітивно-прагматичних, мовних. «Прагмалінгвістична адекватність дискурсу складає один з найважливіших аспектів комунікативного процесу, який протікає нормально, забезпечуючи гармонійну соціальну і інформативну взаємодію індивіда з іншими учасниками спілкування» [12, с. 14]. Але те, що здається природним одній стороні (тій, що говорить), може сприйматися як неадекватне і навіть таке, що відхиляється від норм спілкування, іншою стороною (адресатом). Наприклад, в ситуаціях міжкультурного спілкування дуже типові випадки, коли цілком нормовані з лексичної, граматичної і семантичної точки зору висловлювання іноземців носії мови сприймають як незвичайні, недоречні, неадекватні. Комунікативна парадоксальність висловів негайно відчувається і фіксується носіями мови. Володіння мов-

ним кодом не є гарантією правильного користування ним в умовах реальної комунікації. Важливо ще оволодіти когнітивно-прагматичними стратегіями спілкування.

Дослідження прагмалінгвістичної адекватності дискурсу диктується і тенденціями розвитку політичної комунікації, що спостерігаються в нашому суспільстві, а саме – «оралізацією» спілкування, значним зростанням ролі усної мови, збільшенням її питомої ваги у спілкуванні і підвищенням значимості у встановленні взаємодії між представниками сучасного суспільства, в тому числі й інститутами сектора безпеки. Це може бути й свідченням зміни монологічної комунікативної парадигми на діалогічну [4, с. 17]. У сучасній публічній комунікації відзначається тенденція до переважання діалогічних жанрів над монологічними. Діалог, як зазначає О. Ю. Левашкіна, є також поширеним видом міжкультурної взаємодії. І. В. Наместнікова вважає діалог основою міжкультурної комунікації.

Із демократичними змінами глобального масштабу, які також вимагають уникати висловлювань, які могли б образити або роздратувати людину, задіяну в комунікації як об'єкт (адресат), пов'язана і поява відносно нового лінгвокомунікативного явища – політичної коректності (або політкоректності, *political correctness*, РС). Це призвело до поширення політично коректних висловлювань у дискурсі.

Явище політкоректності стало невід'ємним компонентом ідеології і обов'язковою частиною мовної практики американської культури (де цей феномен вперше з'явився у 70-х роках ХХ століття), а також культур західноєвропейських країн. Ставши інструментом мовної політики західних країн, політкоректність допомагає уникнути соціальних загострень і досягти безконфліктної атмосфери в суспільстві, полегшує комунікацію між різними соціальними групами.

Останнім часом політкоректність все більше привертає увагу учених на пострадянському просторі, зокрема, цей феномен досліджений російськими вченими. Цей факт може бути пояснений декількома соціолінгвістичними чинниками. По-перше, для росіян, що все частіше беруть участь у процесі міжкультурної комунікації, вміння правильно інтерпретувати зміст політкоректних висловлювань рідною та іноземною мовами є запорукою ефективного спілкування. По-друге, багатонаціональний склад населення цієї держави, посилення міжнаціональної і міжконфесійної ворожнечі, порушення прав людини, прояви ксенофобії говорять про необхідність виховання толерантності, поведінкову і мовну коректність у суспільстві.

Дослідження розвитку політкоректності в російській мові і порівняння політкоректної лексики в російській і англійській мовах є важливим, тому що цей феномен все частіше зустрічається в засобах масової інформації, у висловлюваннях політиків, входить у повсякденне життя суспільств, а це означає, що він стає актуальним предметом наукового дослідження. Особливо актуальною представляється розробка цієї теми на матеріалі російської мови, в якій політкоректність доки не відіграє такої помітної ролі, як в англійській мові. Проте саме поняття і деякі політкоректні одиниці вже міцно закріпились в російській мові. Оскільки багато робіт присвячено саме феномену політкоректності в англійській мові, приклади в російській мові даються в них зазвичай в недостатній кількості, щоб по них можна було судити про роль політкоректності в російській мові та культурі. Сказане вище зумовлює **актуальність** даного дослідження. Недостатність теоретичної розробленості феномена *політкоректність* і відсутність спеціальних досліджень на пострадянському просторі по цій проблематиці свідчать про необхідність наукової розробки теоретичних питань політкоректності в сучасній лінгвістиці. Інтерес до широкого кола питань, пов'язаних з феноменом політкоректності, є виправданим ще і тому, що існує потреба порівняльного аналізу мовних і поведінкових проявів політкоректності в російській і англійській мовах.

Мета даної роботи – вивчити особливості функціонування лінгвопрагматичної стратегії політкоректності на пострадянському просторі, зокрема в Росії. Для цього необхідно вирішити наступні **завдання**: 1) з'ясувати особливості дефініцій і встановити різницю між визначеннями, що даються словниками як у межах однієї мови (англійської та російської), так і в порівнянні між російською та англійською мовами; 2) визначити основні лінгвістичні засоби для побудови політично коректних висловлювань; 3) позначити коло тем, яких торкається стратегія політкоректності в англійській та російській мовах, а також виявити схожість і відмінність політкоректної термінології в обох мовах.

Хоча політкоректність як лінгвопрагматична стратегія вже давно стала майже нормою життя в багатьох західних країнах, не можна вважати її прерогативою лише західних суспільств. Зокрема, багато російських лінгвістів (В. П. Москвін, Л. В. Цурікова) відмічають, що тепер це явище має міжнародний характер. Завдяки англійській мові, яка стала мовою міжнародного спілкування за останні декілька десятиків років, до цього процесу постійно залучаються нові суспільства. Цьому також сприяло прагнення наслідувати американський спосіб життя, яке можна спостерігати в багатьох європейських країнах, а також у країнах на пострадянському просторі. При цьому культурні співтовариства, аналізуючи нові для себе проблеми, створюють нові мовні форми і виробляють способи їх вживання.

Однак це явище має лінгвокультурологічне підґрунтя: мовна свідомість громадян цих країн налаштована на політкоректне спілкування; стратегія політкоректності отримує статус когнітивно-прагматичного зразка в мовній картині світу та суспільства.

В зарубіжному науковому дискурсі, і зокрема в словниках, підходи до аналізу політкоректності різні. Єдина дефініція поняття *політична коректність* у тлумачних словниках англійської мови відсутня. Усі визначення можна розділити на дві групи. Перша включає визначення, які не зачіпають мовний аспект політкоректності. У них описується тісний зв'язок політичної коректності з ліберальними цінностями західного суспільств. Також саме поняття і його лексико-семантичні варіанти вокабул мають імпліцитне значення політики, що проводиться суспільством для викоринювання дискримінації, упереджень і підтримки прав певних груп населення, а також політики расово-етнічної мультикультурності. До другої групи входять визначення, які описують, головним чином, мовний аспект політкоректності. Проте в більшості випадків це поняття означає, передусім, «необхідність поводитися ввічливо, шанобливо, дотримуючись правил і норм поведінки, прийнятих у суспільстві» [2, с. 47]. Оскільки під політичною коректністю мається на увазі перш за все мовна політкоректність, можна прослідкувати тенденцію прибирати з мови (та з мовлення) ті слова і вирази, які можуть зачепити почуття власної гідності мовною нетактовністю, дискримінувати особу прямолінійною вказівкою на стан здоров'я або вік, сексуальну орієнтацію або стать. Тому семантика феномена *політкоректність* включає сему *свідомий вплив суспільства на мову*.

Серед багатьох дефініцій є також і визначення, що надають терміну пейоративного значення (відзначається негативна конотація цього явища); в даному випадку феномен *політкоректність* асоціюється з крайнощами, що виникають у нав'язуванні строгого дотримання нейтральної мови стосовно статі, віку, сексуальної орієнтації, расової приналежності тощо. Також слід зазначити, що окремі словники допускають використання терміна *політично коректний* у сфері екологічної діяльності людини, тобто мають на увазі політику, що проводиться суспільством у сфері охорони довкілля.

Проте, незважаючи на усі вказані відмінності, основна ідея, а саме – коректне ставлення до певних груп людей в суспільстві, є загальною для усіх дефініцій терміна в тлумачних словниках англійської мови [2, с. 44].

У Росії терміни *політична коректність* і *політично коректний* з'явилися відносно нещодавно. Найбільшого розповсюдження політкоректність отримала в середині 90-х років минулого століття у зв'язку зі змінами, які відбувались та продовжують відбуватися в суспільній, економічній та політичній сферах життя російського суспільства. Деякі лінгвісти (Ю. Л. Гуманова, І. А. Стернін) наполягають на тому, що така комунікативна категорія англомовного західного світу, як *political correctness*, є лакунарною для російської культури. Інші дослідники (О. Ф. Іванова, І. П. Привалова) вважають, що можна говорити про присутність деяких елементів політкоректності і в російській мові і культурі. З останньою думкою погоджується О. В. Шляхтіна, яка досліджувала мовний аспект політкоректності в англомовній та російській культурах. Згідно з її дослідженням, «є підстави вважати, що політкоректність виникла в російській мові не випадково. За допомогою цього феномена з'явилася можливість говорити про наявність проблем, схожих з проблемами англомовних країн, а саме – про дискримінацію за статевими, національними і іншими ознаками, з якими стикалося і стикається російське суспільство і які довгий час замовчувалися. В російській мові термін стали все частіше використовувати як в наукових дослідженнях для опису явища, важливого для західного суспільства, так і в засобах масової інформації» [14, с. 8].

У російській мові, незважаючи на те, що явище політкоректності широко висвітлюється в науковій літературі і засобах масової інформації, словосполучення *політична коректність* нечасто зустрічається в словниках і має дещо розпливчате смислове навантаження.

«Словник іноземних слів» дає наступне визначення: «Політична коректність, політкоректність – поняття-гасло, що затвердилося в США, демонструє ліберальну спрямованість сучасної американської політики. Політкоректність має справу не стільки із змістом, скільки з символічними образами і коригуванням мовного коду. Мова декорується знаками антирасизму, екологізму, терпимого ставлення до національних і сексуальних меншин, боротьби проти СНІДУ. Терпимість маніфестується в пом'якшених виразах» [4, с. 279–280].

Згідно з точкою зору З. С. Трофімової, «*політична коректність* з'явилася у зв'язку з виникненням ідеї культурного плюралізму і, як наслідок, необхідності відповідно до нової ідеології пропорційно представляти твори літератури і мистецтва, досягнення громадського і політичного життя, що відносяться до представників усіх етнічних і сексуальних меншин» [11, с. 112].

Російський лінгвіст Л. В. Цурікова визначає політкоректність як «поведінковий і мовний феномен, що відображає прагнення носіїв мови здолати існуючу в суспільстві і усвідомлювану суспільством дискримінацію відносно різних членів цього суспільства» [13].

У свою чергу С. Г. Тер-Мінасова вважає, що «політична коректність мови виражається в прагненні знайти нові способи мовного вираження замість тих, які зачіпають почуття і гідність індивідуума, защемляють його людські права звичною мовною нетактовністю і/або прямолінійністю відносно расової і статевої приналежності, віку, стану здоров'я, соціального статусу, зовнішнього вигляду тощо». Однак вона вважає термін *політична коректність* невдалим через слово *політична*, що підкреслює раціональний вибір за політичними (а значить, нещирими) мотивами на противагу ширій турботі про людські почуття, прагненню до тактовності, до мовного прояву гарного ставлення до людей [10, с. 216].

Такої ж думки дотримуються і дослідники, які вважають, що це словосполучення було б краще перекласти російською мовою як *етична / комунікативна / культурна коректність*, оскільки термін *політичний* в російській мові часто має негативну конотацію. Російські учені часто прирівнюють політкоректність до комунікативної коректності або мовного такту, маючи на увазі, що внутрішня форма слова не відповідає його змісту. Незважаючи на те, що вирази *комунікативна коректність* або *мовний такт* вдало уникають термінологічної неточності слова *політкоректність*, існують відмінності в їхньому значенні, які перешкоджають такій заміні. Політкоректність, на думку багатьох російських авторів, покликана боротися з дискримінацією в суспільстві і відстоювати права меншин (низькостатусних груп у суспільстві). Тим часом в основі мовної коректності (комунікативної коректності, мовного такту) лежить дуже позитивне намагання не образити, не зачепити почуття людини, зберегти його гідність, гарний настрій, здоров'я, життя, тобто мовна коректність (комунікативна коректність, мовний такт) включає набагато більше тем, ніж політкоректність. Сюди відносять такі ситуації, що не входять у політкоректність, як необхідність вказівки негативних рис у людини (використання хороших манер, тактовності, щоб не образити людину прямолінійністю: наприклад, лексема *неохайний* коректніша, ніж слово *брудний*; у англійській мові також перевага віддається словам *untidy, unclean* замість *dirty*). Таким чином, вислів *коректно/тактовно поводитись* означає поводитись ввічливо, шанобливо, дотримуючись правил і норм поведінки, прийнятих у суспільстві. Поводитись політкоректно означає практично те ж саме, але в першу чергу стосовно груп, що дискримінуються.

Отже, більшість російських дослідників сходяться в тому, що політкоректність – це в першу чергу явище, властиве саме західній культурі. На відміну від англійських словників, у російських, в основному, дається відносно коротка дефініція, з невеликою кількістю додаткової інформації і декількома найпоширенішими прикладами. Іншою істотною відмінністю є той факт, що в російських словниках рідко відзначається негативна сторона цього явища. Проте, при всіх зазначених відмінностях основна ідея, а саме – коректне ставлення до певних груп людей в суспільстві, є загальною для терміна в кожній з двох мов.

Найважливішою стратегією, за допомогою якої реалізується в мові феномен політичної коректності, є евфемізація. Часто ці поняття вважають тотожними. Але О. В. Шляхтіна вважає цю точку зору помилковою. За її висновками, головною відмінністю політкоректності від евфемії є те, що політична коректність – це ставлення людини до оточуючих людей і явищ соціального життя, тобто лінія (політика) поведінки, а евфемія – це засіб вираження цього ставлення, засіб здійснення політкоректності на практиці, в мові. З цієї причини не можна зараховувати до політкоректних одиниць усе евфемізми. Зважаючи на вищесказане, дослідник визначає політкоректні евфемізми як слова або словосполучення, використовувані для уникнення образи якої-небудь групи населення. Вони реалізують соціально-регулятивну функцію попередження прояву в суспільстві дискримінації за різними ознаками.

Евфемістичні вирази, покликані заміщати початкове значення позитивно забарвленими найменуваннями, найбільш придатні для реалізації ідей політичної коректності. Основною функцією політично коректних евфемізмів слід визнати функцію пом'якшення. Політично коректні евфемізми утворюються переважно з морально-етичних причин і тісно пов'язані з установкою на подолання різних видів дискримінації.

В деяких випадках політично коректним евфемізмам властива і функція маскування негативного поняття, вуалювання суті того, що воно означає. Усвідомлюючи негативну оцінку денотата, адресант, що наслідуює ідеї політичної коректності,

використовує вторинну номінацію з установкою на зменшення негативного ефекту висловлювання. До політично коректної лексики належить особливий пласт слів і стійких виразів, які спеціально створювалися для того, щоб не образити почуття соціально уражених людей, пом'якшити існуючу в суспільстві дискримінацію. Евфемія також може бути розглянута як спосіб табуїзації – за допомогою евфемізмів заміщується заборонене слово.

Феномен евфемізації з метою побудови політично коректних висловлювань дослідив і російський науковець В. В. Панін. Класифікація евфемізмів, яку він запропонував, виглядає таким чином:

- 1) евфемізми, що безпосередньо виключають расову і етнічну дискримінацію;
- 2) евфемізми, створені з метою підвищення статусу жінки і уникнення проявів сексизму в мові: *domestic partner (companion)* – *домашній партнер, компаньйон*, замість *дружина*; *flight attendant* – *супроводжуючий політ*, замість *стюардеса*;
- 3) евфемізми, створені для виключення дискримінації за соціальним статусом;
- 4) евфемізми, що підвищують престиж окремих професій;
- 5) евфемізми, що виключають вікову дискримінацію;
- 6) евфемізми, спрямовані проти дискримінації за станом здоров'я;
- 7) евфемізми, спрямовані проти дискримінації за зовнішнім виглядом;
- 8) евфемізми, пов'язані із захистом навколишнього середовища, тварин тощо.

До цих евфемізмів він також додає ще одну категорію, яку визначає як евфемізми, що є релевантними з ідеями політичної коректності:

- 1) евфемізми, які відволікають від негативних економічних факторів;
- 2) евфемізми, спрямовані на прикриття антигуманної політики держави, особливо агресивних військових дій [8, с. 78–79].

На відміну від перших, другі використовуються з метою пом'якшення негативних факторів, а в окремих випадках і для маніпулювання суспільною думкою.

На думку цього ж дослідника, реалізація категорії політичної коректності відбувається на різних рівнях мовної системи.

На **словотворчому рівні** категорія політичної коректності представлена:

- нейтральною по відношенню до статі морфемою *person*, що входить до складу таких слів, як *businessperson, chairperson, spokesperson* та ін.;
- опущенням суфіксів *-ess* і *-ette* у іменників, що означають особу жіночої статі, щоб уникнути вказівки на статеву приналежність: *actress* – *actor, heiress* – *heir, poetess* – *poet* тощо.

На **лексичному рівні** категорія політичної коректності представлена:

- переосмисленими назвами етнічних і національних меншин: *African* – *American, Asian* – *American, Native American, Native Alaskan*;
- формою звернення *Ms* (що не вказує на сімейний статус жінки);
- евфемізмами, спрямованими на виключення расової і етнічної дискримінації: *person of color, indigenous person, Jewish person*; вікової дискримінації: *golden ager, senior, mature*; дискримінації за станом здоров'я: *physically challenged, physically different, unseeing, visually challenged, learning disable*; дискримінації по зовнішньому вигляду: *vertically challenged, person of size, big-boned*; дискримінації за соціальним статусом: *low-income, environmental hygienist, sanitation engineer*.

На **синтаксичному рівні** категорія політичної коректності проявляється у вигляді заміни займенника *he (his)* в конструкціях, коли стать іменника не вказана: *Everyone must do his work well* – *Everyone must do his/her work well. Everyone must do their work well* тощо.

Незважаючи на існування думки про те, що в Росії феномен політкоректності не може бути присутнім в усій своїй багатогранності, О. В. Кіпрська не погоджується з цією точкою зору. Як аргумент вона перераховує різноманітні сфери вико-

ристання політкоректної лексики в російській мові, порівнюючи їх з англійською мовою.

Серед основних американських реалій та способів утворення політкоректних слів та висловлювань вона виділяє наступні:

1. Заміна «расистських» сем:

Hispanics (латиноамериканець) – *Chicano/Chicana* (американець /американка мексиканського походження) – *Spanish American* (американець іспанського походження); *Negro* (негр) – *coloured* (кольоровий) – *black* (чорний) – *African-American/Afro-American* (африканський американець / афроамериканец). Пропускається сема, яка вказує на колір шкіри.

2. Виключення з використання скорочень, які вказують на соціальний статус жінки (заміжня/незаміжня):

Mrs (місіс=заміжня)/*Miss* (міс=незаміжня) – *Ms* (не дискримінує жінку).

3. Заміна «сексистських» морфем:

Chair-man (голова) – *chair-person*; *spokes-man* (делегат) – *spokes-person*; *fire-man* (пожежник) – *fire-fighter* (борець з вогнем); *steward-ess* (стюардеса) – *flight attendant*; *headmistr-ess* (директриса) – *head-teacher*; *actr-ess* (акторка) – *actr-on* (актер/акторка); *waitr-ess* (офіціантка) – *waitr-on* (офіціантка/офіціант).

4. Заміна слів, які означають соціально уражених людей:

Invalid (інвалід) – *handicapped* (з фізичними/розумовими обмеженнями) – *disabled* (покалічений) – *differently abled* (з іншими можливостями) – *physically challenged people* (люди, що долають труднощі через свій фізичний стан). Ігноруються сема *хвороба, інвалідність*.

Old age pensioners (пенсіонери літнього віку) – *senior citizens* (старші громадяни). Ігноруються сема «старість».

Poor (бідні) – *disadvantaged* (позбавлені можливостей). Ігноруються сема *бідність*.

5. Заміна слів, які означають людей з певними фізичними вадами:

Short people (люди низького зросту) – *vertically challenged people* (люди, що долають труднощі через свої вертикальні пропорції). Ігноруються сема *зріст*.

Fat people (повні люди) – *horizontally challenged people* (люди, що долають труднощі через свої горизонтальні пропорції). Ігноруються сема *вага*.

Illiterate (неграмотний) – *print challenged* (люди, що долають труднощі при читанні). Ігноруються сема *грамотність*.

6. Заміна слів, які означають країни, що є нерозвиненими в економічному плані:

Third world countries (країни «третього» світу) – *emerging nations* (країни, що виникають). Ігноруються сема *бідність*.

Основними російськими реаліями та способами утворення політкоректних слів та висловлювань науковець визначає наступні:

– назви «низькостатусних» професій: *доярка* – *оператор машинного доїння*; *тракторист* – *механізатор*; *асенізатор* – *оператор очисних споруд*; *перукар* – *стиліст, іміджмейкер*.

– назви різних виправних закладів: *інтернат* (для дітей із затримкою розумового розвитку) – *специкола*; *установа для лікування алкоголіків* – *ЛТП (лікувально-трудова профілакторія)*; *установа для малолітніх злочинців* – *виправна колонія для неповнолітніх*; *табір, в'язниця* – *заклад*.

– назва страти: *страта* – *вища міра соціального захисту, спецакція*.

– назви народів Кавказу, Середньої Азії тощо: представники цих регіонів – *особи кавказької (вірменської, узбецької) національності*.

– назви «непопулярних» заходів у сфері економіки: *зростання цін – лібералізація, звільнення, упорядкування цін*.

Порівнявши сфери функціонування політкоректної лексики в США та Росії, вона дійшла висновку, що реалії російського та американського суспільств є близькими, а отже і сфери використання політкоректної лексики в англійській та російській мовах є схожими [3, с. 5].

Отже, єдиного визначення поняття *політична коректність* не існує, що свідчить про різні підходи дослідників до цього феномена. Але всі визначення можна розділити на дві групи: визначення, які не зачіпають мовний аспект політкоректності, та визначення, які описують, головним чином, мовний аспект політкоректності. В більшості випадків це поняття означає необхідність поводитися ввічливо, шанобливо, дотримуючись правил і норм поведінки, прийнятих в суспільстві, а в деяких джерелах відзначається негативна сторона цього явища. У російській мові *політична коректність* нечасто зустрічається в словниках і має розпливчате смислове навантаження. Більшість російських дослідників погоджуються з тим, що політкоректність – це явище, властиве західній культурі. В російських словниках, в основному, дається відносно коротка дефініція, з невеликою кількістю додаткової інформації і прикладів. Іншою істотною відмінністю є те, що в російських словниках рідко відзначається негативна сторона цього явища. Проте, при всіх зазначених відмінностях основна ідея, а саме – коректне ставлення до певних груп людей в суспільстві, є загальною для терміна в двох мовах.

Найпоширенішою стратегією реалізації в мові політичної коректності є евфемізація. Основною функцією політично коректних евфемізмів є функція пом'якшення. Політично коректні евфемізми утворюються переважно з морально-етичних причин і тісно пов'язані з установкою на подолання різних видів дискримінації (расової, етнічної, вікової, а також дискримінації за соціальним статусом, зовнішнім виглядом, станом здоров'я). Ряд евфемізмів створюється з метою підвищення статусу жінки і виключення проявів сексизму в мові; вони пов'язані із захистом навколишнього середовища, відволікають від негативних економічних факторів, спрямовані на прикриття антигуманної політики держави. За допомогою евфемізмів заміщуються заборонені слова (слова-табу). Реалізація категорії політичної коректності відбувається на різних рівнях мовної системи – словотворчому, лексичному, синтаксичному рівнях.

Коло тем, яких торкається політкоректність в англійській та російській мовах, є дуже схожим, що пояснюється близькістю реалій російського та американського суспільств. З метою мовної реалізації лінгвопрагматичної стратегії політкоректності в обох мовах відбувається уникнення вживання неполіткоректних сем у сфері соціальних проблем, етнічної, расової та гендерної приналежності. Тож, як і в західних країнах, у Росії феномен політкоректності також може бути присутнім в усій своїй багатогранності, допомагаючи в ситуаціях міжкультурного спілкування.

Бібліографічні посилання

1. **Гончарова О. М.** Політичне красномовство в світлі сучасної теоретичної рефлексії. – Режим доступу : http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Kis/2009_2/12.pdf
2. **Завадская Е. В.** Политкорректность как новая международная коммуникативная норма: анализ дефиниций на материале словарей современного английского языка / Е. В. Завадская // Наукові записки. – Вип. 89 (3). – Серія: Філологічні науки (мовознавство) : у 5 ч. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2010. – С. 44–48.
3. **Кипрская Е. В.** Национально-специфические особенности политкорректной лексики (на примере английского и русского языков). – Режим доступу : <http://www.lingvomaster.ru/files/167.pdf>

4. **Комлев Н. Г.** Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. – М. : Эксмо-пресс, 1999. – 324 с.
5. **Кошкарлова Н. Н.** Межкультурный диалог конфликтного характера с точки зрения субъекта, объекта и наблюдателя / Н. Н. Кошкарлова // Вестник Челябин. гос. ун-та, 2009. – № 35 (173). Филология. Искусствоведение. – Вып. 37. – С. 91–94.
6. **Левашкина О. Ю.** Текст как репрезентант языковой личности в межкультурной коммуникации : дис. ... канд. культурологии / О. Ю. Левашкина. – Саранск, 2005. – 170 с.
7. **Наместникова И. В.** Межкультурная коммуникация как социальный феномен : дис. ... д-ра филос. наук / И. В. Наместникова. – М., 2003. – 330 с.
8. **Панин В. В.** Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / В. В. Панин. – М., 2005.
9. **Паршина О. Н.** Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты : дис. ... доктора филол. наук : спец. 10.02.01 / Ольга Николаевна Паршина. – Саратов, 2005.
10. **Тер-Минасова С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
11. **Трофимова З. С.** Словарь новых слов и значений в английском языке / З. С. Трофимова. – М. : Павлин, 1993. – 302 с.
12. **Цурикова Л. В.** Адекватность дискурса : анализ стратегий дискурсивного поведения на родном и иностранном языке / Л. В. Цурикова // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2002. – № 2. – С. 14–25.
13. **Цурикова Л. В.** Политическая корректность как социокультурный и прагмалингвистический феномен / Л. В. Цурикова // Эссе о социальной власти языка / под ред. Л. И. Гришаевой. – Воронеж : ВГУ. – 2001. – С. 94–102.
14. **Шляхтина Е. В.** Языковой аспект политкорректности в англоязычной и русской культурах : автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Е. В. Шляхтина. – Ярославль, 2009.

Надійшла до редколегії 08.06.10

УДК 811.161.2'373

І. Г. Заєць

Волинський національний університет імені Лесі Українки

СТРУКТУРА ТА ДИНАМІКА АСОЦІАТИВНИХ ПОЛІВ ЛЕКСЕМ ДІВЧИНА, ЖІНКА, ХЛОПЕЦЬ, ЧОЛОВІК

Присвячено зіставленню асоціативних полів українських лексем *дівчина, жінка, хлопець, чоловік*, отриманих у ході асоціативних експериментів 1974 р. та 2009 р. Виявлено зміни у наповненні та структурі цих полів, що свідчить про зміни у свідомості носіїв мови – молоді студентського віку.

Ключові слова: асоціативний експеримент, асоціативне поле, ядро, периферія, словостимул, слово-реакція, динаміка.

Посвящена сопоставлению ассоциативных полей украинских лексем *дівчина, жінка, хлопець, чоловік*, полученных в ходе ассоциативных экспериментов в 1974 г. и в 2009 г. Обнаружены изменения в наполнении и структуре этих полей, которые свидетельствуют об изменениях в сознании носителей языка – молодежи студенческого возраста.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, ядро, периферия, словостимул, слово-реакция, динамика.

The article deals with the comparison of the associative fields of Ukrainian lexemes *dівчина, жінка, хлопець, чоловік*, received during the associative experiments held in 1974 and 2009. Some

changes in the filling and structure of these fields were found. This affirms the changes in the consciousness of language speakers – young people of student age.

Keywords: associative experiment, associative field, kernel, periphery, word-stimulus, word-reaction, dynamics.

Постановка проблеми. Сучасні уявлення про лексичний простір мови спираються на теорію поля як складного утворення певної структури. Різноманітні дослідження засвідчують плідність польової моделі мовної системи, яка представляє її як безперервну сукупність полів, що переходять одне в одне та інтегруються своїми периферійними зонами.

Слова не ізольовані одне від одного. Кожне з них пов'язане численними і багатоплановими зв'язками з десятками, сотнями і навіть тисячами інших слів мови. «Наша свідомість, – писав відомий лінгвіст Ж. Вандрієс, – встановлює ряд аналогій між словами, ряд перехресних зв'язків між їхніми звуками, між поняттями і предметами, що позначаються ними. Слово ніколи не виринає у нашій свідомості самотньо. Навіть коли тільки одне слово в одному значенні присутнє у нашій свідомості, то інші, що залишаються в тіні, маса понять і емоцій, пов'язаних з ним найтоншими нитками, щохвилини готові увірватися в нашу свідомість» [2, с. 176]. Польова концепція мови дозволяє вирішити цілий ряд питань, у тому числі її можна застосовувати як загальний прийом аналізу мовних явищ і категорій, а також лексичного значення слова [6]. У сучасних лінгвістичних дослідженнях прийнято виділяти поля різних типів, організовані на основі різних параметрів. Найбільший обсяг має асоціативне поле, в якому лексика об'єднується у групи шляхом будь-яких, навіть вільних та індивідуальних, асоціацій.

Термін «асоціативне поле» вперше ввів у лінгвістику французький лінгвіст Шарль Баллі, а за останні роки, завдяки використанню в психології нової методики досліджень, він інколи використовується як синонім терміна «семантичне поле» [7, с. 80]. У сучасній лінгвістиці є багато робіт, присвячених вивченню асоціативних полів, їх лексичного складу, структурі асоціацій та їх взаємодії [3, с. 103–110], [7, с. 80–95]. Проблема логічної структури поля докладно розроблялась Ю. С. Карауловим [4, с. 106–117]. О. О. Залевська досліджувала асоціативні поля як один із важливих способів отримання інформації про особливості організації лексикону людини [3, с. 39–43]. Однак у сучасній русистиці та українистиці практично відсутні праці, присвячені динаміці асоціативних полів.

Асоціацією називають «закономірний зв'язок між двома змістами свідомості (відчуттями, уявленнями, думками і так далі), що виник у досвіді індивіда і який виражається в тому, що поява у свідомості одного змісту спричиняє за собою появу іншого» [5, с. 26]. Для асоціативного поля характерне об'єднання навколо слова-стимула різних груп слів-асоціатів. Останні, незважаючи на їх склад, що варіюється у різних інформантів, виявляють значну міру однорідності [8, с. 381]. Відомо, що в межах асоціативного поля можуть проявлятися базові системні зв'язки між одиницями лексики (синтагматичні, парадигматичні, гіпо-гіперонімічні). Тому асоціативні поля служать матеріалом для різноманітних досліджень у галузях лексикології, психо- та соціолінгвістики. Особливий інтерес становлять дослідження, скеровані на виявлення змін в організації та наповненні асоціативних полів у свідомості носіїв тої чи тої мови.

Темою нашого дослідження є структура асоціативних полів лексем *дівчина, жінка, хлопець, чоловік* у свідомості носіїв української мови в динамічному аспекті. Ці лексеми було обрано через їхню приналежність до базової лексики мови, стилістичну нейтральність, стабільність лексичного значення.

Метою статті є порівняння результатів асоціативних експериментів 1974 та 2009 року і виявлення змін у наповненні та будові асоціативних полів названих лексем, що відбулися за останні три десятиліття.

Актуальність теми зумовлена активним розвитком когнітивної лінгвістики та психолінгвістики, які намагаються проникнути в механізми людського мислення, пізнання дійсності та способів збереження знань за допомогою мовних одиниць.

Матеріалом для порівняння стали, по-перше, дані нашого власного експерименту, який було проведено у 2009 р. зі студентами 1–5 курсу факультету романо-германської філології Волинського національного університету ім. Лесі Українки (загалом 360 анкет), по-друге, дані з асоціативного словника Ніни Петрівни Бутенко, виданого 1979 року. В нашому експерименті було отримано 1058 лексичних одиниць – реакцій на чотири слова-стимули.

При обробленні результатів нашого експерименту ми вдалися до певної уніфікації отриманих реакцій. Так, деякі словоформи зводили до початкової форми (наприклад, реакції *співає* враховували у формі *співати*, *заробляє гроші* – *заробляти гроші*). Проте ми залишали множину іменника (*банти*, *квіти*, *туфлі*), якщо таке вживання є типовим для узусу. В деяких випадках нам доводилося усувати прояви суржику (наприклад, реакції *сігарети* враховували у формі *цигарки*, прикметник *красіва* – у нормативній формі *красива*, реакцію *накачений* ми міняли на граматично правильне *накачаний*), хоча ми свідомо залишали деякі експресивні номінації, що використовуються в ненормативному мовленні студентів (*балбес*). Зменшувано-пестливі іменники ми об'єднували з нейтральними (так, реакцію *косички* ми зараховували до реакції *коси*). Інколи ми також об'єднували синоніми, обираючи як основну ту лексему, що мала більшу кількість згадувань, наприклад, реакцію *господиня 1* (де число вказує на кількість відповідей) ми об'єднали з реакцією *хазяйка 2*, в результаті отримали реакцію *хазяйка 3*. Для прикметників залишали ту форму роду, яку подавали респонденти у своїх відповідях (*добра* – про дівчину, *сильний* – про хлопця).

На першому етапі дослідження ми розподілили всі слова-реакції на певне слово-стимул між такими семантичними групами: зовнішність та фізичні ознаки людини; риси характеру, поведінкові властивості; типові для певної особи об'єкти; типові дії, стани, функції; ситуації; в деяких полях виявили також групу оцінок, які даються певній особі. При аналізі ми брали до уваги, по-перше, абсолютну частоту реакцій одного типу (кількість згадувань), а по-друге, чинник різноманітності ознак певної групи.

Ми отримали також низку низькочастотних реакцій, поява яких зумовлена індивідуальним досвідом того чи того респондента; інколи з'являлися зовсім унікальні реакції, відомі лише окремим індивідам. Ці реакції ми опускаємо як нетипові.

У першу групу реакцій ми віднесли слова, які вказують на зовнішність та фізичні ознаки особи (наприклад, для лексеми *дівчина*: *гарна*, *красива*, *брюнетка*, *нафарбована*, для лексеми *хлопець*: *блондин*, *голубоокий*, *стрункий*).

Друга група включає в себе слова-асоціати, що стосуються рис характеру, якостей та властивостей відповідної особи (*розумна*, *загадкова*, *роботяца*, *кумедний*, *мудрий*, *порядний*).

Третя група об'єднує низку типових об'єктів, з якими може асоціюватись певна особа. Серед них виділяємо групу осіб (*діти*, *сім'я*, *дружина*), а також групу предметів, які можуть споживати чи використовувати дівчина, хлопець, жінка або чоловік (*каструля*, *костюм*, *косметика*, *кросівки*, *цигарки*); сюди ж ми залучили слова-реакції, які позначають типові локуси (*будинок*, *університет*, *школа*).

Четверта група складається з низки слів-реакцій, що позначають дії, стани та функції, характерні для дівчини, хлопця, жінки та чоловіка (*захист, навчання, студент, робота, мама, берегиня, домогосподарка*).

До п'ятої групи ми включили слова-реакції, які містять певну оцінку (позитивну чи негативну) дівчини, хлопця, жінки або чоловіка, їх ділових якостей (*спеціаліст, фахівець, надійний, балбес, зрадник, опора*).

У шосту групу ввійшли слова, що позначають ситуації, які розгортаються в часі та просторі і часто мають типове місце для своєї реалізації (*прогулянка, відпочинок, зустріч*). Реакції типу *магазин, кухня, дискотека* ми вважаємо вербалізаторами концептів-сценаріїв, в яких наявні названі особи, а тому також залучаємо їх до шостої групи.

Слова-реакції, які не створюють ніякого стереотипного образу і належать до далекої периферії поля (*вона, весна, вік, ім'я, кінець життя*), проте були виявлені серед слів-асоціацій, ми віднесли до останньої, сьомої групи.

Подібним чином ми проаналізували реакції на лексеми *дівчина, жінка, хлопець, чоловік* зі словника Н. Бутенко, що відбивають стан свідомості українських студентів початку 1970-х років.

Передусім нас цікавило питання, які саме концептуальні ознаки складають ядро асоціативних полів. Проаналізувавши всі отримані слова-реакції, ми дійшли до висновку, що наповнювання кожного з асоціативних полів (лексем *дівчина, жінка, хлопець, чоловік*) суттєво відрізняється за домінантними ознаками. Цей результат стосується як нашого опитування, так і експерименту, відбитому у словнику Н. Бутенко.

Так, зіставлення асоціативних полів стимулів *хлопець* та *дівчина* засвідчує, що в асоціативному полі слова *хлопець* в обох експериментах за різноманітністю переважають вказівки на риси характеру і поведінкові особливості (*розумний, мужній, вірний, веселий, кмітливий, сміливий, впевнений, впертий*). Менш різноманітними є реакції, що вказують на зовнішність та фізичні ознаки. В асоціативному полі лексеми *дівчина*, навпаки, за різноманітністю переважають ознаки зовнішності та фізичні ознаки (*гарна, красива, струнка, блондинка, гнучка, гарне тіло*), на другому місці опинилися назви рис характеру і поведінкових особливостей. Отже, в ядрі асоціативного поля лексеми *хлопець* опинилися внутрішні ознаки, пов'язані з характером і поведінкою, а в ядрі асоціативного поля лексеми *дівчина* домінують зовнішні ознаки.

Аналізуючи набір реакцій на стимули *жінка* та *дівчина*, зауважуємо, що, на протилежному асоціативному полю лексеми *дівчина*, у полі лексеми *жінка* зменшується кількість ознак зовнішності та фізичних ознак (*вродлива, вишукана, брюнетка, велика, витончена, елегантна, нафарбована*), а збільшуються ознаки рис характеру і поведінкових особливостей (*розумна, досвідчена, мудра, ніжна, розсудлива, ввічлива, сильна, турботлива, амбіційна, жіночна*).

Зіставляючи поля на слова-стимули *чоловік* та *хлопець*, ми помітили, що в асоціативному полі *чоловік* в порівнянні з полем стимулу *хлопець* немає радикальних відмінностей. У двох асоціативних полях приблизно однакова кількість зовнішніх та фізичних ознак, у жодному полі не засвідчена перевага рис характеру і поведінкових особливостей.

Таким чином, співвідношення зовнішніх та фізичних ознак до рис характеру та властивостей у концептах *дівчина, жінка, хлопець, чоловік* практично не міняється протягом років. Асоціативні поля лексеми *жінка* містили і містять більше реакцій, що пов'язані в уяві респондентів з характером, а лексеми *дівчина* – з зовнішністю. Якщо найчастотнішою ознакою дівчини виявляється краса, то жінці, на думку респондентів студентського віку, більшою мірою притаманна не краса, а

розум. У двох асоціативних полях *чоловік* та *хлопець*, навпаки, менше проявляються реакції на позначення зовнішності, а більше – на позначення рис характеру, внутрішніх якостей.

Разом з тим у відповідних асоціативних полях можна простежити динамічні явища, які вказують на зміни у сприйнятті образів жінки, дівчини, хлопця та чоловіка, що сталися за останні тридцять п'ять років. Це стосується як ядерної зони концептів, яка, очевидно, має стабільнішу природу, так і (значною мірою) периферії. Характерно, що зміни торкнулися ядерної зони лише трьох досліджуваних полів: «хлопець», «чоловік», «жінка», і лише в ядрі поля «дівчина» провідною залишилася та сама ознака «краса» (в нашому експерименті сумарно 61 реакція). Сучасний експеримент дозволив виявити такі домінуючі ядерні ознаки: для концепту «жінка» – «сім'я» (сумарно 50 реакцій); для концепту «хлопець» – фізична сила (сумарно 35 реакцій). У концепті «чоловік», на нашу думку, матеріали експерименту дозволяють виділити дві ядерні ознаки, які домінують в опитуванні: «робота» (19 реакцій) та «сім'я» (17 реакцій). Таким чином, якщо давніше уявний образ жінки містив ознаку «розум», то зараз в ньому переважає ознака «сім'я». Типовий хлопець раніше уявлявся передусім високим, а тепер типовий хлопець є носієм фізичної сили. Чоловік у свідомості студентів 70-х років був наділений ознакою росту, а сучасні студенти його образ пов'язують з роботою та сім'єю.

У концепті «хлопець», на нашу думку, відбулися не такі радикальні зміни, як у концептах «чоловік» та «жінка». Останні трансформувалися під впливом сучасних умов життя. Ознакою нашого часу та нових соціальних умов можна вважати той факт, що з образом чоловіка мовці-студенти тісніше пов'язують уявлення про роботу, бізнес, успіх та його різноманітні зовнішні прояви (наявність власного будинку, автомашини тощо).

З образом жінки меншою мірою, ніж тридцять п'ять років тому, корелюють ознаки зовнішнього вигляду і віку, адже в уяві наших студентів жінка – передусім дружина. Тут також можна вбачати зміни соціальних стереотипів: на думку наших респондентів, жінка не обов'язково має ходити на роботу, вона може присвятити себе сім'ї та вихованню дітей. Можливо, такі реакції є проявом певного ідеалу, який хотіли би наслідувати наші студенти: чоловік має свій бізнес, працює, заробляє достатньо грошей, а жінка їх витрачає на сім'ю. Отже, спостерігаємо прояви певної гендерної асиметрії, що загалом характерно для уявлень українців про суспільні функції жінок та чоловіків.

Суттєвих змін зазнало наповнювання периферії асоціативних полів лексем *дівчина*, *жінка*, *хлопець*, *чоловік*. Дальня периферія в розглянутих асоціативних полях, на нашу думку, трансформувалася дуже сильно. Якщо ядерні ознаки в асоціативних полях двох експериментів могли просто переходити в ближчу периферію, то в дальній з'являються абсолютно нові реакції, яких не було виявлено в експериментах 1974 року. Суттєво, що в уяві респондентів за тридцять п'ять років змінився набір типових предметів, які асоціюються з тією чи іншою особою. Передусім реакції такого типу суттєво розширились: якщо в минулих експериментах типові речі називалися лише зрідка, то зараз вони становлять значний відсоток від всіх реакцій, причому він свідчить про входження у свідомість багатьох речей, які раніше були майже відсутні у побуті. Зокрема, в той час респонденти називали відносно невелику за різноманітністю групу типових речей (для хлопця – *м'яч*, *гітара*, *штани*, *сорочка*, для дівчини – *квіти*, *одяг*, *плаття*, *хустина*, для чоловіка – *вуса*, *шляпа*, *брюки*, *книжка*, *люлька*, для жінки – *плаття*, *брюки*, *перстень*, *хустка*). У нашому опитуванні з'явилися назви таких характерних для певних осіб предметів, як, наприклад, для хлопця – *пиво*, *джинси*, *цигарки*, *машина*, *гроші*, *кросівки*, *алкоголь*, *квіти*, *кеди*, *костюм*, для дівчини – *спідниця*, *косметика*, *мило*,

каблуки, помада, банти, гроші, дзеркало, лялька, парфуми, повітряна кулька, туфлі, цукерка, для чоловіка – гроші, машина, костюм, діти, дружина, будинок, борода, телевизор, довгий чорний плащ, комп'ютер, обручка, пиво, піджак, для жінки – високі підбори, костюм, сукня, авто, каструля, квіти, косметика, шуба. На структуру периферії асоціативних полів вплинули нові соціальні стереотипи, наприклад такі, як уявлення про пиво як про атрибут особи чоловічої статі, про автомашину як прояв успішності, про модні предмети одягу і туалету (*кросівки, кеди, джинси, помада, косметика, парфуми, туфлі*), про нові престижні професії (*модель*), про акторок, яких дівчата хочуть наслідувати (*Анджеліна Джолі*). Відзначимо також появу таких слів-реакцій на лексеми *дівчина* та *хлопець*, як *секс, сексуальна, коханець, самець*, а також лексеми *попа*. Це явище можна розглядати як прояв більш відвертого обговорення проблем інтимного життя, що перестали бути закритою темою, як це було тридцять п'ять років тому.

В асоціативному полі лексем *хлопець* та *чоловік* суттєво зросла кількість реакцій, які вказують на престижність занять спортом (*накачаний, сильний, спортивний, кеди, футбол, баскетбол*). На периферії полів з'явилося більше іншомовних, передусім англійських, слів (*шопінг, макіяж, дискотека, бізнес*), що свідчить про входження у свідомість молоді деяких категорій, притаманних західному способу життя.

Характерно, що в асоціативних полях, отриманих у сучасному експерименті, повністю зникли реакції компаративного типу, які були присутні в асоціативних експериментах 1974 року (*дівчина – (як) калина, сонце, береза, зірка, стеблина, тополя, лань, жінка – весна, музика, хлопець – орел, сокіл, півень, чоловік – звір*). Деякі з них відбивають традиційні поетичні стереотипи українського народу і корелюють із сталими порівняннями (*дівчина струнка як тополя, як береза, хлопець як сокіл, задерикуватий як півень* тощо). У свідомості більшості сучасних студентів традиційні образи, очевидно, або зовсім не представлені, або мають одиничні прояви. Загалом можна відмітити, що в сучасних реакціях зник романтизм, характерний для деяких проявів свідомості українських студентів 1974 року, і тепер уявлення про базові концепти «дівчина», «жінка», «хлопець» та «чоловік» стали більш прагматичними.

Висновки. Зіставлення результатів асоціативних експериментів 1974 р. та 2009 р. свідчить, що в основних рисах наповнення концептів «дівчина», «жінка», «хлопець» та «чоловік» не зазнало змін, а відповідні лексеми не змінили свого лексичного значення. Проте асоціативний експеримент дає змогу стверджувати, що відбулася реструктуризація асоціативних полів, переміщення деяких ознак з периферії в ядро і навпаки. Незмінним залишилося лише ядро асоціативного поля лексеми *дівчина*. Загалом реакції на кожне слово-стимул стали більш різноманітними. З'явилися цілком нові групи реакцій, які були відсутні у експерименті 1974 р.

На нашу думку, зміни в будові асоціативних полів лексем *дівчина, жінка, хлопець, чоловік* є проявом трансформації відповідних концептів, що можна пояснити загальними змінами в соціальному та культурному житті українського народу за останні тридцять п'ять років, більшою відкритістю молоді до інновацій, появою нових соціальних орієнтирів, змінами у прагненнях і системі цінностей.

Отримані в ході експерименту результати дозволяють чіткіше окреслити ментальний лексикон людини, виявити системні зв'язки в концептуальному просторі, а також простежити за змінами у системі знань про світ, пов'язаними з трансформаціями у соціальній організації суспільства.

Вважаємо **перспективним дослідження** в динамічному аспекті асоціативних полів інших лексем, що служать засобами вербалізації сталих концептів культури. На

нашу думку, цікаво визначити інваріантні та варіативні компоненти у структурі асоціативних полів лексем-стимулів *хліб, дім, свято, робота, зірка, друг, народ* та ін., а також простежити за змінами у ставленні до цих понять молоді студентського віку.

Бібліографічні посилання

1. Бутенко Н. П. Словник асоціативних норм української мови / Н. П. Бутенко. – Львів : Вища шк., 1979. – 120 с.
1. Вандриес Ж. Язык / Ж. Вандриес. – М. : Соцэкгиз, 1937. – 410 с.
2. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека / А. А. Залевская. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 204 с.
3. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 359 с.
4. Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : АСТ, 1998.
5. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 171 с.
6. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 255 с.
7. Языкознание : Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Яцева. – М. : Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.

Надійшла до редколегії 04.06.10.

УДК 811.161.1'37

М. Ю. Закурдаева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПЯТЬ КЛАССОВ СЛОЖНОГО АДЪЕКТИВНОГО КОЛОРАТИВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Розглянуто принципи утворення складних прикметників із значенням кольору в сучасній російській мові. Сформовано 5 основних класів складних ад'єктивних колоративів, що позначають: відтінок кольору; суміш кольорів; сполучення кольорів, зіставлення кольорів; інтенсифікацію кольору.

Ключові слова: колоратив, складний колоратив, відтінок кольору, суміш кольорів, сполучення кольорів, інтенсифікація кольору, зіставлення кольорів.

Рассмотрены принципы образования сложных прилагательных, обозначающих цвет, в современном русском языке. Сформированы 5 основных классов сложных адъективных колоративов, обозначающих: оттенки цвета; смешение цветов; сочетание цветов; сопоставление цветов; интенсификацию цвета.

Ключевые слова: колоратив, сложный колоратив, оттенок цвета, смешение цветов, сочетание цветов, интенсификация цвета, сопоставление цветов.

The principles of formation of compound adjective coloratives in modern Russian language are considered. Five classes of compound adjectives used for color designation are formed. Those classes are: shades of colors, color combinations, color blensings, intensified colors and comparison colors.

Key words: Colorative, compound colorative, shades of colors, color combinations, color blensings, intensified colors, comparison colors.

Цветовозначение исследовалось лингвистами в разных аспектах, как правило, с установкой на формирование семантического поля адъективов, обозначающих цвет, и их конверсионных омонимов, на формирование и изучение соответствующего множества [2; 4; 9; 10]. Так, в широко известной диссертации Р. М. Фрумкиной [9] зафиксиро-

ровано 110 колоративов. Наибольшее же их число на данный момент было зафиксировано в диссертации Чжун Сяовен, и составляет 210 наименований [10, с. 32]. Однако какое бы множество ни было сформировано, оно, надо полагать, никогда не будет конечным, поскольку человеческий глаз способен воспринимать примерно 10 миллионов цветов и их оттенков [3], и для обозначения каждого из них просто нет соответствующего лексического материала, не говоря уже о наименовании сочетания и смешения разных цветов и их фиксации в лексикографических справочниках.

Одним из путей решения проблемы соотношения возможностей человеческого глаза и лексического обозначения соответствующей цветовой действительности является образование сложных колоративов, указывающих и оттенки, и смешение, и сочетание различных цветов.

Нам не известны сколько-нибудь полные монографические исследования в этом плане. Более того, даже отображение сложных колоративов в словарях оставляет желать лучшего. Так, один из самых полных словарей русского языка, Сводный словарь современной русской лексики в 2 томах [6], фиксирует около 250-ти сложных колоративов, что, как нам кажется, представляет собой лишь незначительную часть реально функционирующих в русском языке сложных цветообозначений. Причем не всегда понятно, по какому принципу они фиксируются. Например, есть *крово-красный*, *черно-белый*, *розовато-желтый*, *ярко-малиновый*, но почему-то нет *кораллово-красного*, *желто-голубого*, *розовато-белого*, *ярко-синего*.

Но если фиксация в словарях всех сложных колоративов достаточно проблематична, то изучение и описание принципов образования прилагательных, указывающих на сочетание различных цветов не только возможно, но и, как нам кажется, необходимо. В настоящей работе мы попытаемся указать основные группы сложных колоративов, характер их наполнения и специфику.

Сложный колоратив по своей проблематике четко соотносится со сложным словом вообще, и если сложное слово – это «слово, имеющее в своем составе не менее двух основ и особый тип словообразовательного значения – соединительное значение, связанное с объединением разных по семантике мотивирующих основ в одну целостную единицу» [8], то под сложными колоративами следует, по-видимому, понимать адъективные цветообозначения, состоящие из двух и более основ, такие как: *светло-красный*, *ярко-синий*, *желтовато-коричневый*, *желто-зеленый*, *канареечно-желтый*, *черный-пречерный*, *красно-белый*, *ядовито-зеленый*, *бело-сине-красный*.

Мы проанализировали два наиболее полных словаря русского языка, а именно: Русский орфографический словарь под редакцией В. В. Лопатина, включающий около 180 000 слов [7] и Сводный словарь современной русской лексики, включающий в себя лексику 14 общих и специальных словарей русского языка [6]. Проведенный анализ показал, что все представленные в словарях колоративы можно по функционально-структурному принципу разделить на следующие 5 основных классов:

1. Сложный адъективный колоратив, обозначающий оттенок цвета (*светло-голубой*, *ярко-красный*, *темно-каштановый*, *чисто-белый*, *тускло-серый*, *слабо-желтый*, *прозрачно-синий*, *ослепительно-белый*, *нежно-розовый*, *мутно-серый*, *мертвенно-зеленый*, *мертвенно-серый*, *мутно-сизый*, *густо-черный*, *грязно-желтый*, *блело-лиловый*, *белесо-голубой* и проч.);

2. Сложный адъективный колоратив, обозначающий смешение цветов (*ало-красный*, *багрово-красный*, *беловато-голубой*, *буро-желтый*, *голубовато-белый*, *желтовато-красный*, *избура-желтый*, *изжелта-бурый*, *иззелена-голубой*, *искрасна-бурый*, *иссиза-черный*, *иссиня-зеленый*, *исчерна-лиловый*, *каштаново-бурый*, *красновато-лиловый*, *пурпурно-красный* и проч.);

3. Сложный адъективный колоратив, обозначающий сочетание цветов (*черно-белый*, *фиолетово-зеленый*, *серо-желтый*, *серо-розовый*, *красно-белый*, *красно-сине-*

белый, красно-синий, зелёно-бурый, зелёно-серый, жёлто-серый, буро-зелёный, бело-голубой, бело-зелёный, бело-сине-красный, бело-розовый и проч.);

4. Сложный адъективный колоратив, обозначающий сопоставление цветов (*небесно-голубой, мраморно-белый, оливково-серый, пепельно-серый, песочно-кремовый, сахарно-белый, свинцово-серый, свинцово-чёрный, снежно-белый, соломенно-жёлтый* и проч.);

5. Сложный адъективный колоратив, обозначающий интенсификацию цвета (*чёрный-чёрный, чёрный-пречёрный, белый-белый, белый-пребелый, синий-синий, синий-пресиний* и проч.).

Укажем наиболее существенные параметры каждого из сформированных нами классов.

К первому классу мы отнесли колоративы, обозначающие оттенки цвета. *Светло-синий, ярко-синий, темно-синий* – все это оттенки синего цвета, входящие в парадигму синего цвета, в значение слова *синий*. Оттенок – это цвет, незначительно отличающийся от базового цвета. Базовыми могут быть не только основные цвета, но и такие цвета, как *вишневый, малиновый, пепельный* и проч. Особенностью данного класса является то, что первой частью входящих в него колоративов являются слова, не обозначающие цвет. Это могут быть разнообразные качественные прилагательные, такие, как: *светло-, ярко-, блекло-, бледно-, нежно-* и проч. Некоторые из них, помимо оттеночного значения, несут в себе и коннотативную оценку говорящим обозначаемого цвета (*ядовито-зелёный, блекло-голубой, нежно-розовый*). Первая часть колоративов данного класса представлена усеченной формой прилагательных, вторая часть – колоративом, называющим базовый цвет.

О смешении цветов, то есть ситуации, представленной вторым классом, мы можем говорить тогда, когда данный цвет спектра находится между двумя другими цветами, имеющими однословное наименование, и не может быть соотнесен только с одним из них. Как известно, спектр представляет собой не набор каких-то конкретных цветов, которые можно назвать, или хотя бы сосчитать. Цвета в спектре не имеют четких границ, но плавно перетекают один в другой, создавая бесчисленное множество оттенков. Даже основные цвета, к которым относятся 7 цветов спектра, а также чёрный, белый и коричневый, часто даются в толковых словарях как промежуточные между другими цветами. Например, в толковом словаре Кузнецова: *жёлтый* – имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между оранжевым и зелёным; цвета яичного желтка, золота; *красный* – имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым; цвета крови [1]. В семантическое же поле основных цветов входит не столько значение какого-то точечного цвета, сколько отрезок спектра, содержащий все оттенки данного цвета. Обе части таких колоративов представлены прилагательными, обозначающими цвет, первое из которых имеет краткую форму, второе – полную (*жёлто-зелёный, жёлто-коричневый, красновато-лиловый, иссиня-чёрный* и подобные).

По нашим наблюдениям степень приближения к одному из цветов-полюсов может быть большей или меньшей. Такие цвета, как *жёлто-зелёный, красно-коричневый, буро-красный, серо-зелёный* называют относительно равномерное смешение цветов, полученный в результате которого цвет равноудален от соседних цветов спектра, через которые он называется.

В случаях, когда смешение цветов неравномерное, когда к главному цвету примешивается некий неярко выраженный дополнительный оттенок, лексически это выражается при помощи аффиксации первой части сложного колоратива. Для этого используются префиксы *ис-* или *из-* (*избура-жёлтый, избура-красный, изголуба-белый, изголуба-синий, изжелта-бурый, изжелта-зелёный, изжелта-красный, иззелена-синий, искрасна-жёлтый, иссера-голубой, иссиза-чёрный, иссиня-зелёный, исчерна-сизый*) и

суффикс *-оват-* (*беловато-голубой, беловато-розовый, буровато-коричневый, голубовато-белый, желтовато-красный, зеленовато-серый, красновато-лиловый, розовато-жёлтый, рыжевато-коричневый, серовато-голубой, сизовато-красный, синевато-зелёный*).

Третий класс сложного адъективного колоратива, обозначающий сочетание цветов, называет сочетание двух (или более) смежных цветов, окрашивающих один объект, не смешанных между собой. В структурном плане нет четкой границы между колоративами, называющими смешение цветов и колоративами, называющими сочетания цветов. Некоторые лексемы могут совмещать в себе оба значения и реализовывать то или другое из них в зависимости от ситуации, например: *желто-зеленое платье* – только из контекста можно понять, идет ли речь об однотонном платье желто-зеленого цвета, либо, скажем, о платье в желто-зеленую полоску или с желто-зелеными разводами.

При этом есть группа колоративов, которые всегда обозначают только сочетание цветов. К этой группе относятся колоративы, части которых обозначают 2 цвета, при смешении дающие третий, имеющий общеизвестное однословное название. Например, при смешении желтого и синего цветов получается в результате зеленый, поэтому колоратив *сине-желтый* не может обозначать смешения цветов. Смешение белого и черного дает серый цвет, красного и зеленого – черный. Таким образом, колоративы *черно-белый, красно-зеленый* и подобные им могут обозначать только сочетание цветов.

В отличие от всех других классов сложных колоративов, в этом классе возможны не только двукомпонентные конструкции, но и конструкции с тремя и, возможно, больше компонентами.

К этому классу относятся колоративы типа: *черно-белый, фиолетово-зелёный, серо-жёлтый, серо-розовый, красно-белый, красно-сине-белый, красно-синий, зелёно-бурый, зелёно-серый, жёлто-серый, буро-зелёный, бело-голубой, бело-зелёный, бело-сине-красный, бело-розовый*. Этот список может быть значительно продолжен, поскольку единственным ограничением к сочетаниям цветов можно считать количество простых колоративов, способных участвовать в формировании сложных цветообозначений, список которых тоже, в свою очередь, может пополняться новообразованиями даже в процессе речи. В словарях из всех цветообозначений, колоративов данного класса зафиксировано едва ли не меньше всего.

В то время как смешение цветов все же связано с какими-то объективными цветовыми характеристиками и свойствами вещей, то сочетание цветов – сугубо прагматическая реалья, как это имеет, например, место при указании цветов флагов. Флаг Украины *желто-голубой*, флаг Польши *бело-красный*, флаг России *бело-сине-красный*, флаг Бельгии *черно-желто-красный*, флаг Италии *зелено-бело-красный*, флаг Египта *красно-бело-черный*, флаг Литвы *желто-зелено-красный*, флаг Эстонии *сине-черно-белый*, флаг Республики Сейшельских Островов вообще состоит из 5 цветов и может быть назван как *сине-желто-красно-бело-зеленый*. И хотя эти сочетания являются реально существующими и четко задокументированными, в словарях зафиксированы единицы. Из трехкомпонентных сочетаний, в словарях зафиксировано всего 2 колоратива: *бело-сине-красный* (флаг России) и *сине-бело-красный* (флаг Франции).

Четвертый класс сложного адъективного колоратива, обозначающего сопоставление цвета, представляет собой группу прилагательных, называющих цвет через сравнение его с цветом какого-либо предмета. К этому классу мы причисляем группу сложных колоративов, первой частью которых являются относительные прилагательные, соотносящие называемый цвет с цветом предмета, носителя цвета (*бруснично-красный, жемчужно-белый, жемчужно-серый, бутылочно-зелёный, известково-белый, изумрудно-зелёный, канареечно-жёлтый, кирпично-красный, лимонно-жёлтый, медно-красный, молочно-белый, небесно-голубой, оливково-серый, пепельно-серый, пе-*

сочно-кремовый, сахарно-белый, свинцово-серый, свинцово-чёрный, снежно-белый, соломённо-жёлтый).

Чаще всего прилагательные, выступающие в качестве первой части таких колоративов могут и самостоятельно выступать в значении «цвет названного предмета». *Бутылочный, кровавый, канареечный, изумрудный* и другие имеют, в том числе, и значение цвета. Однако в отличие от класса сложных адъективных колоративов, обозначающих смешение цветов, называемый данными сложными словами цвет не является результатом смешения. *Изумрудно-зеленый* – это не смешение изумрудного и зеленого, ведь *изумрудный* – это зеленый, ярко-зеленый.

Интересно при этом отметить, что подобные слова являются колоративами только в том случае, если вторая часть их обозначает цвет. В противном случае слово будет обозначать «сделанный из» или «состоящий из». Так *кирпично-красный* – цвет красного кирпича (например, *кирпично-красный сюртук*), а *краснокирпичный* – сделанный из красного кирпича (например, *краснокирпичное здание*); *мраморно-белый* – белый, как мрамор (например, *мраморно-белые зубы*), *беломраморный* – сделанный из белого мрамора (например, *беломраморные колонны*).

И в последний, пятый класс, мы включили колоративы, выражающие интенсификацию какого-либо цвета: *черный-черный, черный-пречерный, синий-синий, белый-пребелый* и проч. Отличительной чертой колоративов этого класса является то, что первая часть их представлена не краткой, а полной формой прилагательного.

Средством выражения интенсивности цвета служит редупликация, повторение основ (*белый-белый, красный-красный* и проч.). Это значение может быть усилено приставкой *пре-*, присоединяемой ко второй части сложного колоратива (*черный-пречерный, синий-пресиний* и проч.). Проанализированные нами словари почему-то вообще не фиксируют колоративы данного класса, хотя существование их в русском языке очевидно и они встречаются в ряде текстов. Прочитируем в качестве примера одно предложение из миниатюры П. Б. Мордковича «Сказка про Абсолютное Зло»: «*На черной-черной горе (на каждой) там стоял непременно черный-пречерный замок, в котором черный-пречерный колдун творил черные-пречерные дела*» [5].

Таким образом, мы видим, что система сложного адъективного колоратива весьма разнообразна как по форме, так и по семантике. С помощью сложных колоративов можно назвать гораздо большее число цветов и их оттенков, чем при помощи простых. Кроме того, они дают возможность называть сочетания цветов, что значительно сокращает речевые конструкции. Сложные колоративы легко формируются в процессе речи в зависимости от конкретных потребностей, а потому не перегружают лексическую базу языка. Заполняя лексические лакуны и реализуя языковые потенции, сложные колоративы всегда остаются понятными носителям языка, в отличие от заимствований.

Построенные нами классы сложного адъективного колоратива базируются, как нам кажется, на самых общих принципах отражения и восприятия обозначения различных сочетаний цветов в их лексической субстанции, что, в свою очередь, открывает определенные перспективы для решения вопроса о фиксировании как уже существующих (*бело-зелёный, блёкло-сиреневый, вуалево-серебристый, грязно-белый*), так и потенциально возможных, но не включенных в словари (*карминно-красный, желтовато-коричневый, ярко-бирюзовый, желто-черный*) колоративов.

Библиографические ссылки

1. **Большой толковый словарь** русского языка / [под ред. С. А. Кузнецова]. – СПб. : Норинт, 1998.
2. **Волков В. В.** Деадъективное словообразование в русском языке / В. В. Волков; науч. ред. д. ф. н., проф. И. Г. Милославский. – Ужгород, 1993. – 296 с.

3. **Медицинская энциклопедия.** Строение человека и его суть. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.prosvetlenie.org/mystic/20/8.html>.
4. **Меньшиков И. И.** Система адеквативов в художественной прозе Т. Г. Шевченко / И. И. Меньшиков, И. С. Попова // Ономастика і апелятиви. – Д. : ДНУ, 2000. – Вип. 11. – С. 94–98.
5. **Мордкович П. Б.** Сказка про Абсолютное Зло [Электронный ресурс] / П. Б. Мордкович // Библиотека Максима Мошкова. При поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. – Режим доступа : http://zhurnal.lib.ru/m/mordkovich_p_b/zlo.shtml.
6. **Рогожникова Р. П.** Сводный словарь современной русской лексики : в 2 т. / Р. П. Рогожникова. – АН СССР. Ин-т рус. яз., М. : Рус. яз., 1990.
7. **Русский орфографический словарь** : около 180 000 слов / [отв. ред. В. В. Лопатин]. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2004. – 960 с.
8. **Столярова Л. П.** Базовый словарь лингвистических терминов / Л. П. Столярова, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко. – К., 2003. – 192 с.
9. **Фрумкина Р. М.** Цвет, смысл, сходство : Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. – М. : Наука, 1984. – 173 с.
10. **Чжун Сяовен.** Адеквативный колоратив и его словообразовательная парадигма в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Чжун Сяовен. – Д., 2002. – 162 с.

Надійшла до редколегії 21.05.10

УДК 811.161.2'373.2

Г. В. Зимовец

Институт мовознавства імені О. О. Потебні НАН України

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ВЛАСНИХ НАЗВ

У зіставному аспекті розглянуто структурні та семантичні особливості ергонімів банківської сфери, типи їх мотивованості, визначено найпродуктивніші моделі утворення власних назв цього розряду.

Ключові слова: семантика, номінація, ергонім, мотивованість.

В сопоставительном аспекте рассмотрены структурные и семантические особенности эргонимов банковской сферы, типы их мотивированности, определены наиболее продуктивные модели образования имен собственных данного разряда.

Ключевые слова: семантика, номинация, эргоним, мотивированность.

The article looks upon structural types of commercial names, as well as their semantic characteristics and motivation patterns. The most productive models of these proper names are stated.

Key words: semantics, naming, business name, motivation.

Упродовж останніх десятиліть спостерігається динамічний розвиток ергономії – специфічного ономастичного розряду, до якого входять назви суб'єктів господарської діяльності. Вивчення цього різновиду пропріативів було започатковане в другій половині ХХ століття такими відомими ономастами, як Ю. О. Карпенко, Є. С. Отін, Н. В. Подольська, О. В. Суперанська [3; 4; 5; 7; 8]. Слід зазначити, що моделі утворення ергонімів зазнають змін у залежності від епохи, сформованої традиції називання та особливостей самих підприємств. На відміну від більшості інших власних назв, члени даного класу в семіотичному плані є одночасно як мовними одиницями, які вступають у увесь спектр парадигматичних відношень різних рівнів, так і знаками, які також належать до деяких невербальних систем, зокрема графічних, що уможливорює заміну ергоніма у таких типах тексту, як реклама, логотипом. Така особливість ергонімів вимагає комплексного аналізу моделей їх тво-

рення та особливостей функціонування із врахуванням всього спектру засобів презентації тієї або іншої компанії. У піонерських працях з аналізу українських і польських ергонімів акцент робиться на визначенні типу мотивованості назви, її конкретних мотиваційних ознак та структурних способів її утворення [1; 2; 6; 9; 10]. Однак атомарний підхід не дозволяє визначити основні чинники, які зумовлюють номінацію в цій сфері. Ми вважаємо, що до дослідження даного ономастичного розряду слід застосовувати комплексний підхід із залученням прагматичного компонента, тобто з'ясування характерних рис комунікативної ситуації, в якій побутують одиниці цього класу. Крім того, для загальної лінгвістики становить значний інтерес встановлення універсальних та специфічних, історично та культурно зумовлених, рис ергонімів, що висуває завдання зіставного дослідження способів утворення та мотивації ергонімів у різних мовах.

Об'єктом розгляду в цій статті є особливості номінації ергонімів банківської сфери в Польщі та Україні в зіставному аспекті. Були проаналізовані назви фінансових закладів України, представлені на інтернет-сторінці www.bankstore.com.ua/banks. Список польських банківських установ було взято на сайті Народного Банку Польщі. Прагматичний аспект функціонування назв, а також їхні можливі мотиватори ми додатково з'ясували на веб-сторінках відповідних банків.

За нашими даними, основними способами утворення ергонімів є такі: 1) лексико-семантичний словотвір шляхом онімізації апелювативів або трансонімізації інших ономастичних розрядів; 2) слово- та основоскладання; 3) утворення нових слів; 4) лексикалізація словосполучень різного типу. При цьому слід відзначити нетиповість для назв банків повних, позбавлених мотивації новотворів, що, на нашу думку, пояснюється позамовним чинником, а саме – значним консерватизмом фінансової сфери, де особливу роль відіграє солідність установи та спадкоємність її роботи, і тому номінація в значній мірі засновується на використанні обґрунтованих з позиції бізнес-комунікації назв.

Семасіологічний аналіз мотивування назв банків свідчить, що, як правило, в їх основі лежать елементи фрейма господарської діяльності, а саме – предмет та місце діяльності, а також деякі інші периферійні компоненти відповідного тематичного поля. Істотним способом номінації банків також є трансонімізація інших ергонімів або використання останніх як складових у назві банку. Крім того, мотиватором ергонімів виступає, по-перше, оціночна лексика, що, на нашу думку, опосередковано вказує як на адресата, так і на адресанта фрейма, які поділяють відповідні аксіологічні установки, і, по-друге, культурні символи, які відсилають адресата до інтенціональної області важливих для певної культури смислів. Метафора, за нашими даними, не є типовим способом утворення ергонімів, очевидно з огляду на її суб'єктний характер.

Спочатку розглянемо структурні та семантичні особливості назв банків України загальною кількістю 207 одиниць. Найбільш продуктивним способом побудови ергонімів є лексикалізація атрибутивних словосполучень. Вони, як правило, містять опорний гіперонім *банк* та прикметники, що вказують на спеціалізацію закладів: *Комерційний інвестиційний банк, Промислово-фінансовий банк, Аграрний комерційний банк, Інноваційно-промисловий банк, Земельний банк, Морський транспортний банк, Об'єднаний комерційний банк, Індустріально-експортний банк*. В інших випадках ергоніми містять відтопонімні прикметники, які вказують на місце походження банку: *Всеукраїнський банк розвитку, Український інноваційний банк, Український комунальний банк, Український промисловий банк, Український професійний банк, Всеукраїнський акціонерний банк, Східно-промисловий комерційний банк, Український кредитний банк, Український бізнес-банк, Харківський акціонерний комерційний земельний банк, Старокиївський банк*. Відносний прикметник *єв-*

ропейський при цьому набуває оціночного значення: *Європейський газовий банк, Європейський промисловий банк, Східно-Європейський банк, Європейський банк раціонального фінансування*. Крім того, атрибутивний елемент може підкреслювати глобальну орієнтацію суб'єкта, що ми витлумачуємо не як характерологічну, а як аксіологічну мотивацію: *Міжнародний Інвестиційний Банк*. В одному випадку опорним іменником є інше гіперонімічне позначення типу підприємства: *Українська фінансова група*. В ергонімі *Український фінансовий світ* опорний компонент виступає в метафоричному значенні.

Атрибут також виражається родовим відмінком, іменник у якому вказує або на область спеціалізації: *Банк інвестицій та заощаджень, Банк регіонального розвитку*; або на місце розташування головного офісу банку: *Банк Кіпру, Банк Грузії, Банк Москви*. У деяких випадках спостерігаємо паралельне використання узгодженого та неузгодженого означення, причому перше має відтопонімний характер, а друге уточнює сферу діяльності: *Український банк реконструкції та розвитку, Чорноморський банк розвитку та реконструкції, Європейський банк розвитку та заощаджень*. В одному випадку розподіл ролей між узгодженим і неузгодженим означеннями є зворотним: *Державний експортно-імпорتنний банк України*. Явно оціночний характер має в складі ергоніма порядковий числівник перший: *Перший інвестиційний банк, Перший український міжнародний банк*.

Опорним словом словосполучення, крім гіпероніма *банк*, виступають також інші лексеми тематичного поля банківської діяльності: *Фінансова ініціатива, Фінанси та кредит, Кліринговий дім, Національні інвестиції, Національний кредит, Національний стандарт, Український капітал, Земельний капітал, Народний капітал*.

Лексико-семантичний словотвір є також продуктивним способом утворення ергонімів. Онімізації в ряді випадків зазнають апелятиви на позначення референтів, дотичних до банківської діяльності: *Аллонж, Грант, Капітал, Контракт, Камбіо, Кредит*. В інших випадках апелятив вказує на форму організації підприємства (*Союз, Альянс*), позначає місце діяльності (*Столиця, Столичний*), у т. ч. опосередковано через відносні прикметники (*Морской* в м. Севастополі, *Південний* в м. Одесі), або ж називає інші компоненти бізнес-діяльності (*Форум, Синтез*). Можливим є мотивування через сферу діяльності підприємств, які обслуговує банк: *Аркада* (будівельний бізнес), *БІГ Енергія*. Вказівка на адресата має місце в ергонімі *Фамільний*.

У ряді випадків спостерігаємо використання оцінної лексики: *Європейський, Новий, Перспектива, Преміум*. Символічне мотивування, під яким ми розуміємо утворення назви на основі культурних смислів, має місце в ергонімах *Глобус, Славянський, Княжий*.

Типовими моделями трансонімізації є перехід до класу ергонімів ойконімів: *Київ, Львів*; хоронімів: *Причорномор'є, Таврика, Буковина*. У даних випадках відбувається метонімічний переніс на назву банку топоніма, що вказує на місце здійснення його діяльності. Однак в основі трансонімізації може лежати й символічна функція, яку ми констатуємо в таких прикладах: *Богуслав, Київська Русь, Велес, Конкорд, Меркурій, Славутич*. В одному випадку на місце реєстрації банку вказує відтопонімний прикметник: *Володимирський*.

За нашими даними, продуктивною моделлю побудови українських ергонімів є також слово- та основоскладання. Як правило, до складу ергоніма входить гіперонімічний апелятив *банк* у поєднанні з усіченими основами або повними словами, які входять до тематичного поля банківської діяльності: *Брокбізнесбанк, Інвестбанк, Індустріалбанк, Інобанк, Коопінвестбанк, Кредитпромбанк, Кредобанк, Легбанк, Промекономбанк, Полікомбанк, Трансбанк, Фінексбанк, Фінростбанк, Експобанк, Енергобанк, Метабанк* (колишній *Металург*). Крім коренів з предметним

значенням сфери спеціалізації, твірною основою ергонімів виступають також географічні назви, зокрема: назви вулиць *Артем-Банк*; ойконіми: *Полтава-банк*, *Одеса-Банк*; хороніми: *Сведбанк*, *УкрСиббанк*. Ці дві розглянуті вище мотиваційні ознаки (предмет та місце діяльності) можуть виступати разом в одному ергонімі: *Донвуглекомбанк*, *Західбудгазбанк*, *Укргазбанк*, *Укргазпромбанк*, *Західінкомбанк*, *Південкомбанк*, *Укрсоцбанк*. В інших випадках гіперонім *банк* супроводжується апелятивом із значенням «місто»: *Місто-банк*, *Сітібанк*. У той час як останній ергонім походить від материнського американського найменування, перший, на нашу думку, є його семантичною калькою, що вказує на ціннісні установки номінатора. Назва *Регіон-банк* фактично територіально обмежує цільову групу потенційних адресатів, у цьому конкретному випадку Східним регіоном України. В інших випадках залежний член, навпаки, максимально розширює сферу діяльності банку шляхом використання префіксоїда *інтер*, що є мовним проявом глобалізації: *Інтербанк*; *Інтерконтинентбанк*. Безумовно, що таку референцію не можна розглядати тільки в реальній площині, оскільки, суб'єкти, що позначаються зазначеними ергонімами, діють винятково на території України. У подібних випадках мова, швидше, йде про символічний характер мотивації, про самохарактеристику суб'єкта, який відносить себе до відповідної системи цінностей. Схожу картину спостерігаємо також при використанні популярного префіксоїда *євро*: *Євробанк*. Ергонім може також вказувати на інші компоненти фрейма бізнес-діяльності, зокрема на адресата (*Партнер-Банк*, *Діалогбанк*), форму власності (*ПриватБанк*, *ПриватІнвест*); крім того, у його складі використовується лексика, яка входить до тематичного поля банківської діяльності: *Факторіал-Банк*, *АктаБанк*.

У ряді випадків зустрічаємо ергоніми, які займають проміжне місце між складними словами та словосполученнями аналітичного типу: *Інвест-Кредит Банк*, *Кредит Європа Банк*, *Мотор Банк*, *ПроКредит Банк*, *Профін Банк*, *СоцКом Банк*, *Хоум Кредит Банк*, *Бізнес Стандарт*. Слід відзначити, що така аналітична тенденція спостерігається не лише серед власних назв, вона також характерна для загальних назв, що проявляється в активізації аналітичного словотвору і граматичного способу прилягання. Часто мова йде про нові зображальні засоби в письмовій мові, що дозволяє знехтувати цією структурною відмінністю розглядуваних ергонімів при їхньому семасіологічному аналізі.

Деякі ергоніми взагалі не містять гіперонімічного компонента *банк*. Як правило, до складу таких назв входять апелятиви, що належать до тематичного поля банківської діяльності: *Порто-Франко*, *Траст-Капітал*. Такий апелятив може супроводжуватися топонімом, який вказує на місце реєстрації закладу, або оціночними елементами: *Кредит-Днепр* (Дніпропетровськ), *Кредит-Оптима*. В одному випадку відбувається трансонімізація іншого ергоніма: *Укоопспілка*.

Крім віднесення до сфери діяльності, типовою моделлю побудови ергонімів є використання елементів з різним оцінним значенням: *Актив-банк*, *КласікБанк*, *Мегабанк*, *Прайм-Банк*, *Реал Банк*, *Банк Ренесанс Капітал*, *Універсал Банк*, *Експресс-Банк*, *Бізнес Стандарт*, *Діапазон-Максимум Банк*, *Плюс Банк*, *Прем'єр Банк*, *Унікомбанк*, *УніКредит Банк*, *Інтеграл-банк*.

У деяких випадках між ергонімом та використаним в його складі апелятивом спостерігаємо відношення символізації. Типовими семантичними групами для утворення ергонімів є назви літер грецького алфавіту: *Альфа-Банк*, *Дельта банк*, *Сігмабанк*; музична термінологія: *Акордбанк*; астроніми: *Астра Банк*, назви каміння: *Корал-Банк*; а також інша лексика: *Родовід Банк*, *Фортуна Банк*, *Терра Банк*. Назви металів характеризуємо як метонімічний компонент, хоча вони, безумовно, відіграють разом з тим і символічну роль: *Платіnum Банк*, *Златобанк*.

Деякі ергоніми не мають однозначного тлумачення. Зокрема, *Радабанк* може вказувати, з одного боку, на консультаційний характер діяльності закладу, а з іншого – на послуги, які надаються адресату. В одному ергонімі спостерігаємо використання типового словотвірного компонента, який втратив зв'язок з твірною основою, перетворившись на маркер належності до класу ергонімів: *Правекс-Банк*.

На веб-сторінці Народного Банку Польщі зазначено 70 акредитованих банків, що значно менше ніж в Україні. Крім того, переважна більшість фінансових установ є іноземного походження. За нашими даними, лише 30 % банків є власне польськими, всі інші є відділеннями або дочірніми підприємствами іноземних суб'єктів. Саме цей позамовний факт визначає істотні відмінності в номінації ергонімів у Польщі та Україні з огляду на зростання чинника міжмовної взаємодії, оскільки більшість із польських ергонімів у польській мові або зовсім втрачають, або мають послаблену мотивованість. До того ж згідно із сформованою в Європі традицією ці назви залишаються в оригінальному написанні без адаптації до графічної системи польської мови. Однак, з огляду на глобалізацію та пов'язану з нею багатомовність, слід визнати можливість наявності мотивованості у відповідних назв. Крім того, у фінансовій сфері робочою мовою є англійська, тож фактично адресанти та деякі адресати ергонімів володіють відповідним мовним кодом для інтерпретації назв.

Існують також юридичні позамовні чинники, які визначають специфіку кожного з двох розглядуваних ергонімій. Якщо в Україні гіперонім *банк* зазвичай входить до юридичного терміна на позначення типу компанії, найчастішим варіантом чого є *АКБ (Акціонерний комерційний банк)*, то в Польщі аналогічним юридичним позначенням є *S. A. (Spółka Akcyjna) «Акціонерне товариство»*, а гіперонімічний компонент входить безпосередньо до індивідуальної назви. Фактично це перешкоджає використанню лексико-семантичного словотвору в банківських назвах.

Більшість ергонімів становлять словосполучення атрибутивного типу. З огляду на аналітичний характер англійської та романських мов, із яких переносяться назви до польської ергонімії, лише незначна частина назв є узгодженими словосполученнями. Зокрема йдеться про ергоніми власне польського та німецького походження. Залежний прикметник при цьому вказує на: 1) характер діяльності (*Bank Handlowy, Bank Pocztowy*); 2) місце діяльності (*Bank Zachodni WBK, Mazowiecki Bank Regionalny, Bank Staropolski*); 3) одночасно на спеціалізацію та місце діяльності (*Gospodarczy Bank Wielkopolski*). Іноді спостерігаємо паралельне використання неузгодженого означення, яке вказує на афілійований банк, та узгодженого означення, яке уточнює спеціалізацію установи: *BRE Bank Hipoteczny, Pekao Bank Hipoteczny*. У двох випадках польський ергонім містить поряд із компонентом *bank* історичну назву кредитної установи *kasa*: *Powszechna Kasa Oszczędności Bank Polski, Bank Polska Kasa Opieki*. Узгодженими з позиції німецької мови є назви, які вказують на країну походження установи: *Danske Bank A/S; Deutsche Bank PBC; Deutsche Bank Polska*.

Атрибутивний член у назві банку виражається також родовим відмінком, іменники в якому вказують на спеціалізацію кредитної установи: *Bank Polskiej Spółdzielczości, Bank Gospodarki Żywnościowej, Bank Gospodarstwa Krajowego, Bank Ochrony Środowiska*.

Більшість іншомовних назв є неузгодженими словосполученнями із граматичним зв'язком прилягання. Опорним іменником так само, як і у випадку узгоджених словосполучень, виступає компонент із значенням «банк», який супроводжується різними модифікаторами, зокрема 1) вказівкою на країну заснування: *AIG Bank Polska (American International Group), Skandinaviska Enskilda Banken AB, DZ Bank Polska* (від *Deutsche Zentral-Genossenschaftsbank*), *Svenska Handelsbanken*; 2) зазначенням території діяльності конкретного банку: *Citibank Europe plc, Euro Bank,*

EFG Eurobank Ergasias (European Financial Group); 3) вказівкою на спеціалізацію банківської установи: *Credit Agricole Corporate and Investment Bank*; 4) вказівкою на організаційну форму: *Allianz Bank*. Відзначаємо тенденцію до використання абрєвіатурних варіантів написання назви банку, що, на нашу думку, має декілька пояснень. По-перше, безумовно, спрацьовує загальний принцип економії зусиль, і по-друге, послаблюється зв'язок з мотиваційними ознаками, що розширює можливості для різнопланового використання назви в рекламному дискурсі. Саме у складно-скороченій формі побутують у діловій сфері Польщі ергоніми *HSBC Bank Polska* (від історичної назви компанії *Hongkong and Shanghai Banking Corporation Limited*), установи фінансової групи *ING (ING Bank Hipoteczny, ING Bank Śląski (Internationale Nederlanden Groep))*, *RBS Bank (Royal Bank of Scotland)*, *WestLB Bank Polska* (від *Westdeutsche Landesbank*). Модель зустрічаємо і серед питомо польських назв: *BRE Bank* (раніше *Bank Rozwoju Eksportu*), *Bank BPH* (раніше *Bank Przemysłowo-Handlowy*). Тяжіння до утворення коротких назв проявляється також при перейменуванні банків або створенні нових закладів. Зокрема, фінустанова *FM Bank* отримує свою назву, яка фактично є абрєвіатурою її попередниці *Fundusz Mikro*, що відображає спеціалізацію компанії, цільовою групою якої є саме малі підприємства. Це створює підґрунтя для виникнення чисто абрєвіатурних назв на кшталт *KBL European Private Bankers*, плюсом яких є уникнення небажаних конотацій.

Подібно до питомих польських назв, деякі іншомовні ергоніми містять опорний іменник із значенням «каса»: *Caja De Ahorros Y Pensiones De Barcelona "La Caixa"*. Метонімічний переніс констатуємо у випадках використання у функції ергоніма словосполучення, яке належить до тематичного поля банківської діяльності (*Credit Suisse*), або позначення юридичної форми підприємства (*Societe Generale, Banque Societe Anonyme*).

Оцінні мотиватори спостерігаємо у випадку *Aareal Bank*. Аксіологічні компоненти поєднуються також із використанням лексики тематичного поля банківської діяльності: *Banco Espirito Santo de Investimento*.

На відміну від ситуації в українській ергонімії, серед назв банківських установ Польщі зустрічаємо незначну кількість композитів. При цьому так само, як і в українській мові констатуємо проблему розмежування власне композитів і словосполучень аналітичного типу. Головним компонентом складного слова виступає гіперонімом *банк*, а залежний член дає характеристику спеціалізації кредитної установи: *Commerzbank AG, Dexia Kommunalkredit Bank Polska, Invest-Bank, Kredyt Bank*, або містить аксіологічні компоненти *Nykredit Realkredit* (перший компонент є назвою данської материнської компанії, що в перекладі означає «новий кредит»). Крім того, залежний член ергоніма може відсилати до назв суб'єктів, з яких було створено нову установу. Наприклад, перший елемент *Rabobank Polska* походить від початкових складів назв банків *Raiffeisen-Bank* та *Boerenleenbank*.

Використання трансонімізованих антропонімів не характерне для банківської ергонімії Польщі. Наявний лише один приклад – назва австрійського банку *Raiffeisen Bank Polska*. Також нетиповими, на відміну від ситуації в Україні, є найменування, які відсилають до ойконімів: *Santander Consumer Bank* (від назви міста в Іспанії).

Онімізація апелює не є продуктивною моделлю утворення назв банків Польщі. Серед іншомовних ергонімів спостерігаємо поодинокі випадки, наприклад, *Banco Mais* (Португалія). У двох назвах використано латинські лексеми із значенням, відповідно «тисячоліття» та «заслуги»: *Bank Millennium, Meritum Bank ICB*. У першому випадку має місце підкреслення в назві такої характеристики банку, як сучасність, а у другому констатуємо нав'язування позитивної оцінки установи.

Серед ергонімів Польщі, порівняно до ситуації в Україні, значно зростає роль використання іншого ергоніма в складі назви банку. У ряді випадків фактично йдеться про злиття частин двох назв унаслідок об'єднання компаній. Наприклад, назва *Bank DnB NOR* *Polska* виникає, відповідно, від німецького та норвезького ергонімів: *NORD/LB* (*Norddeutsche Landesbank*) та *DnB NOR*, останній, у свою чергу, є похідним від *Den norske Bank* та *Gjensidige Nor*. Подібну картину спостерігаємо також у назвах *BNP Paribas* та *BNP Paribas Securities Services* – назви фінансової групи, яка виникла внаслідок злиття банків *Paribas* (назва походить від телеграфної адреси попередньої установи *Banque de Paris et des Pays-Bas*), *Société Générale* та *BNP* (*Banque Nationale de Paris*). Трансонімізація є характерною стратегією номінації для банків, які спеціалізуються на кредитуванні придбання автомобілів і, відповідно, є дочірніми компаніями автомобільних концернів: *Fiat Bank Polska*, *Mercedes-Benz Bank Polska*, *Toyota Bank Polska*, *Volkswagen Bank Polska*, *Banque PSA Finance* (аббревіатура походить від старої назви виробника автомобілів *Peugeot Société Anonyme*), *Bank of Tokyo-Mitsubishi UFJ*, *FCE Bank Polska* (аббревіатура від материнської компанії *Ford Motor Credit Company*), *GMAC Bank Polska* (аббревіатура від материнської компанії *General Motors Corporation*), *RCI Bank Polska* (від *Renault Credit*). *Lukas Bank* отримує назву від своєї материнської компанії *Lukas S. A.*

Деякі назви на перший погляд здаються не мотивованими, однак при комплексному розгляді можна віднайти підґрунтя номінації. Наприклад, перший компонент складного ергоніма *Elavon Financial Services Limited* походить від англійського дієслова *to elevate* «піднімати, поліпшувати», на що вказує слоган підприємства: *Elevating payments* «покрещувати платежі». Подібну стратегію комплексного створення ергоніма та його логотипа спостерігаємо також у випадку питомо польської компанії *Getin Noble Bank*, де логотип членує перший компонент назви на англійські лексеми *get* та *in*, які разом формують фразове дієслово із значенням «входити, сідати», що можна витлумачити як імперативне звернення безпосередньо до кінцевого споживача. Ергонім *Nordea Bank Polska* містить корінь *nord* «північ», що вказує на територію діяльності банку – північні регіони Європи.

У поодиноких випадках констатуємо використання паронімів, метою чого є створення сприятливих для іміджу компанії алузій. Наприклад, ергонім *Fortis Bank Polska* асоціюється із латинським оцінним прикметником *fortius* «сильний». Для ергоніма *Alior Bank* нам не вдалося знайти вірогідних мотиваторів.

Проведений аналіз показує наявність зон подібностей і розбіжностей в ергонімі банківської сфери Польщі та України. Встановлена нами загальна тенденція номінації полягає у частому використанні опорного гіперонімічного іменника *банк* у поєднанні з модифікаторами щодо місця походження та характеру діяльності. Специфіка визначається, насамперед, позамовними чинниками, а саме – більшою включеністю Польщі до глобальних моделей господарювання, що має наслідком вищий ступінь інтернаціоналізації комунікації у бізнес-сфері, а також різною юридичною традицією написання та утворення комерційних назв, що зумовлює абсолютне домінування в польській традиції назв-словосполучень. У семасіологічному аспекті слід відзначити відсутність значної кількості аксіологічних компонентів у польській банківській ергонімії. Ще одна відмінність полягає в наявності в Польщі назв спеціалізованих фінансових установ, які включають трансонімізовані ергоніми материнських або афілійованих компаній. Крім того, в Польщі проявляється тенденція до поширення використання аббревіатур. Фактично спостерігаємо утворення нового коду для втаємничених – формування нової моделюючої системи на базі мовних знаків, які, втрачаючи свою первинну мотиваційну семантику на базі апелювання, починають набувати нових конотацій на ґрунті сприйняття названих ними суб'єктів. Зазначені відмінності в стратегії номінації ергонімів зумовлюють необ-

хідність подальшого дослідження побутування цих одиниць у різних дискурсивних формах, насамперед у рекламному дискурсі та у віртуальній комунікації.

Бібліографічні посилання

1. **Белей О.** Трансформація українського ономастикону посттоталітарного періоду на загальнослов'янському тлі / О. Белей // Slavica Wratislaviensia. – CXLV. – 2007. – 201 с.
2. **Белей О. О.** Сучасна українська ергонімія : власні назви підприємств Закарпаття / О. О. Белей. – Ужгород : УДУ, 1999. – 111 с.
3. **Карпенко Ю. А.** Современное развитие русской ономастической системы / Ю. А. Карпенко. // Актуальные вопросы русской ономастики : сб. науч. трудов. – К. : УМК ВО, 1988. – С. 5–14.
4. **Отин Е. С.** Из истории русской эргонимии / Е. С. Отин. // Избранные труды по языкознанию. – Донецк : Донеччина, 1999. – Т. 2. – С. 155–166.
5. **Подольская Н. В.** Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
6. **Соколова Л. Н.** Типи мотивованості ергонімів (на матеріалі ергонімів м. Києва) / Л. Н. Соколова // Мовознавство. – 1993. – № 6. – С. 65–69.
7. **Соболева Т. А.** Товарные знаки / Т. А. Соболева, А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1986. – 176 с.
8. **Суперанская А. В.** Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
9. **Шестакова С. О.** Лексико-семантичні інновації в системі української номінації (на матеріалі ергонімів і прагмонімів) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / С. О. Шестакова. – Харків, 2002. – 20 с.
10. **Kopertowska D.** Tradycja i nowoczesność w kieleckiej chrematonimii / D. Kopertowska // Z najnowszych tendencji w polskim nazewnictwie. – Łask: Oficyna wydawnictwa LEKSEM, 2005. – S. 51–68.

Надійшла до редколегії 27.05.10

УДК 811.161.2'373.7

Т. В. Кедич

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ФРАЗЕОЛОГІЧНІ ОДИНИЦІ, СПІВВІДНОСНІ ЗА СТРУКТУРОЮ ЗІ СЛОВОСПОЛУЧЕННЯМ (на матеріалі історичного роману П. А. Загребельного «Роксолана»)

Досліджено фразеологічні одиниці, організовані за моделлю сурядних та підрядних словосполучень; розглянуто структурні й семантичні особливості фразем. Аналіз фразеологізмів здійснюється на матеріалі історичного роману «Роксолана» П. А. Загребельного.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, фразема, іменникові, дієслівні, прислівникові, вигуківі фразеологізми.

Исследованы фразеологические единицы, организованные по модели сложносочиненных и сложноподчиненных словосочетаний; рассмотрены структурные и семантические особенности фразем. Анализ фразеологизмов осуществляется на материале исторического романа «Роксолана» П. А. Загребельного.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразема, существительные, глагольные, фразеологизмы-наречия, фразеологизмы-междометия.

In the article the phraseological units are investigated, organized by model of complex sentences and compound sentences; structure and semantics peculiarities of phrasem are considered. Analysis of phraseology is realized by material of historical novel "Roksolana" by P.A. Zagrebelskiy.

Key words: *phraseological unit, phrasema, noun, verb, adverb, interjection phraseologisms.*

Мова – найважливіший засіб спілкування, вона перебуває в постійному русі, змінюється в просторі й часі, але водночас зберігає ознаки стабільності, цілісності. У періоди кардинальних змін уся мовна система збагачується, реагуючи на виникнення нових понять, явищ, реалій суспільного життя людини. Найбільшою динамікою розвитку відзначається передусім лексичний і фразеологічний рівні.

Фразеологія – порівняно молода лінгвістична дисципліна. У 20-х роках ХХ століття Є. Д. Поливанов обґрунтував ідею про необхідність створення фразеології як самостійного розділу лінгвістичної науки. Він уважав, що фразеологія «займе відособлену і стійку позицію (подібно до фонетики, морфології тощо) у лінгвістичній літературі майбутнього...» [12, с. 333].

Вагомий внесок у розвиток фразеологічної теорії зробили українські та зарубіжні вчені, дослідники фразеології різних національних мов. Серед них є видатні вчені ХІХ і першої половини ХХ ст. О. О. Потебня, Ш. Баллі, Ф. де Соссюр; українські вчені Л. А. Булаховський, М. Ф. Алефіренко, Ф. П. Медведєв, Л. Г. Скрипник, В. Д. Ужченко, які вивчали семантику фразеологічних одиниць, їх ознаки, структуру, походження й етимологію; зарубіжні вчені Ю. Ю. Аваліані, Н. М. Амосова, В. П. Жуков та ін.

Останнім часом поглибився інтерес мовознавців до вивчення семантики й форми фразеологічних одиниць у текстах різних стилів і жанрів, зокрема в мові художньої літератури. Мова художньої літератури є особливим різновидом літературної мови. Автори художніх творів використовують різностильові мовні засоби для створення образів, надання зображуваним подіям об'єктивної (позитивної) чи суб'єктивної (негативної) оцінки. Серед використовуваних мовних засобів експресивного характеру значне місце посідає фразеологія.

Основою фразеологічної системи будь-якої мови є фразеологічна одиниця (фразеологізм, фразема), що являє собою стійку відтворювану сполуку слів. Фразеологізми відзначаються низкою ознак, що дозволяють вважати їх самостійними одиницями мови, відмінними від інших лінгвістичних одиниць (слова, словосполучення, речення) [10, с. 9]. Порівняно зі словами фразеологічні одиниці, як правило, є виразнішими з емоційно-експресивного погляду, значення фразеологічних одиниць супроводжується різними образними характеристиками. Від синтаксичних одиниць, зокрема вільних словосполучень, фраземи відрізняються тим, що вони відтворюються як цілісні структури, є відносно стійкими, а не будуються щоразу за певними синтаксичними моделями.

Під фразеологізмом розуміємо окрему самостійну одиницю мови, що характеризується фразеологічним значенням, компонентним складом, граматичними категоріями, відтворюваністю [1, с. 42].

Предметом цього дослідження є фразеологічні одиниці, організовані за моделлю словосполучення, в історичному романі «Роксолана» П. А. Загребельного.

Враховуючи специфіку утворення, фразеологізми типу словосполучення можна класифікувати в такі групи: 1) фраземи, організовані за моделлю сурядних словосполучень; 2) організовані за моделлю підрядних словосполучень.

До фразеологізмів, організованих як сурядні словосполучення, належать сталі семантично й синтаксично неподільні поєднання слів. Характерною рисою таких структур є те, що компоненти, які з'єднуються сурядними сполучниками, виступають або як синонімічні, або як антонімічні. Найуживанішими сполучниками є *і, ні-ні: вдень і вночі* вживається в романі з традиційним значенням «завжди, постійно»

[11, с. 55]: *На килимі кольору полуниці ходжа **вдень і вночі** читає коран* [5, с. 86]; фразема *ні вдень, ні вночі* має значення «ніколи» [11, с. 55]: *В жахливому караван-сараї, біля воріт якого дрібні злодії продають крадене взуття, ... гамір не втихав **ні вдень ні вночі**, а довкола ще ж бруд, сморід, нечистоти* [6, с. 186].

За семантичними й синтаксичними функціями фразеологічні одиниці, які мають форму сурядних словосполучень, співвідносяться зі словами, що зумовлює виділення таких категорій:

1. Субстантивні одиниці. Компонентами таких одиниць можуть бути іменники, прикметники, займенники. В історичному романі «Роксолана» продуктивні лише такі фраземи, компонентами яких є іменники (іменник + іменник); у реченнях вони функціонують здебільшого як додатки та присудки: *альфа і омега* має значення «головне в чомусь, основа, зміст, сутність» [11, с. 20]: *...всім цим нещасним споруджували кенотафи, могили без тіла, бо тіло – це вогонь, земля або вода, а душа – це **альфа і омега** життя, і їй слід возвести святилище* [6, с. 84]. Уплітаючи фразеологічну одиницю в мову художнього твору, П. А. Загребельний вдається й до заміни традиційних компонентів такої одиниці словами, які увиразнюють фразеологічний зворот, змінюючи в такий спосіб його традиційне загальне значення: *вогнем і мечем* має традиційне значення «нещадно, з великою жорстокістю» [11, с. 119] → *вогнем і кров'ю* – «війна»: *Ждала відомщення за гріхопадіння, ...так ніби то з її вини рушається царства і гідь розповзається по землі, заливає простори, **вогнем і кров'ю** значаться часи* [6, с. 11–12].

2. Найчисленнішу групу фразеологізмів сурядного типу в романі «Роксолана» становлять прислівникові фраземи. Компонентами таких одиниць можуть бути прислівники, іменники, у реченні виконуючи роль обставини. В історичному романі «Роксолана» письменник переважно використовує такі фраземи, компонентами яких є прислівники: *щокроку і щомиті* має значення «завжди, постійно»: *Згадувалися слова з книги, яка тепер переслідувала її **щокроку і щомиті**: «Але той, хто давав, і страшився, і вважає істиною найпрекрасніше, тому ми полегшимо до найлегшого»* [6, с. 41]; *з дня на день* має традиційне значення «скоро, найближчим часом» [11, с. 209]: *Стривожена смертю двох султанських синів, могла очікувати (бо все в руках аллаха!), що з **дня на день** чорна смерть забере і останнього* [5, с. 131]; *так і сяк* уживається письменником зі значенням «по-різному» [11, с. 705]: *З'явився непомічено і щез, вмить опинився коло своїх євнухів, які стерегли одалісок, розставляли їх **так і сяк**, гострим шепотом передавали веління валіде...* [6, с. 78]. Фразеологічну одиницю *туди й сюди*, що організована за моделлю сурядного словосполучення, письменник уживає в романі з традиційним значенням «у різні місця, в різних напрямках» [11, с. 726]: *Тому глухий неспокій жив у його душі ще змалку, ніщо не подобалося, ні на чому не міг зосередитися, зненацька накочувалася дика туга, і він, знемагаючи, метався **туди й сюди*** [6, с. 145]; *Коли то такий непевний чоловік, що бігає **туди й сюди**, то як же можемо покладатися на нього?* [6, с. 244].

До цієї групи фразеологічних одиниць належить й індивідуально-авторський *безслідно і безіменно*, що за своєю структурою є сурядним словосполученням й має фразеологічне значення «назавжди»: *До вогню незмога було досягнути, він панував неподільно під вічними склепіннями базару, все, що було там живе, гинуло **безслідно і безіменно*** [5, с. 18].

До фразеологічних одиниць, що мають структуру підрядних словосполучень, належать семантично неподільні стійкі звороти мови, у яких виділяються граматично незалежне, головне слово й залежні від нього компоненти. Хоч стрижневе слово таких фразеологічних одиниць може бути виражене будь-якою повнозначною частиною мови, в історичному романі П. А. Загребельного «Роксолана»

найбільш численними й різноманітними за структурою представлені ті, що об'єднуються навколо іменника та дієслова (іменникові та дієслівні фрази).

1. Іменникові фразеологічні одиниці найчастіше являють собою стійку сполуку іменника з такими частинами мови:

а) «іменник + прикметник»: *царство небесне* «рай» [11, с. 755]: *Перед боєм під Халебом султан сказав своїм воїнам: «Коли нам судилося погинути, – наше царство небесне...»* [5, с. 67]; *ласий иматок* «що-небудь найкраще, спокусливе, вигідне»: *Але Мурад був найближче до ласого иматка, до того ж володів силою найбільшою* [5, с. 117]; індивідуально-авторські фрази: *живий товар* має значення «людина, яка опинилася в неволі», *чорні чутки* – «плітки»: *Віддавши повіддя коней слугам, вони зійшли на землю, змішалися з натовпом багатих муштрі – покупців живого товару* [5, с. 19–20]; *Чорні чутки* *вирували довкола Роксолани, лизоблюди, дармоїди, лакизи... купалися в тих чутках, як у райських ріках задоволення* [6, с. 68];

б) більшість мовознавців у науковій літературі неодноразово вказували на зв'язок перифрази та фразеологічної одиниці. Ці два поняття певною мірою «накладаються», але не є тотожними. З одного боку, поняття перифрази є ширшим, адже перифразою може бути й нефразеологічна одиниця, з іншого, – перифраза є вужчим поняттям, якщо зважити, що серед фразеологічних одиниць є й такі, що не співвідносні зі словом, одиниці, що передають судження, є навіть фразеологічними комплексами [8, с. 73]. Зокрема Л. Г. Авксент'єв до фразеологізмів відносить певну частину фразеологічних одиниць, що «утворилися внаслідок описового переосмислення – перифрази, коли замість слова-назви подається його своєрідна образно-експресивна кваліфікація, і які функціонують у мові як загальномовні метафори» [1, с. 40]. Такі фразеологічні одиниці наявні й у романі П. А. Загребельного «Роксолана». До цієї групи належать індивідуально-авторські перифрази, що являють собою сполуку «іменник + іменник у родовому відмінку»: *книга книг* – це «священна книга» ісламу коран: *Тільки ви своїм радуєтесь, – знову вдався він до спасенних слів з Книги книг ісламу* [5, с. 56]; *Володар Віку* – «султан Сулейман»: *Вже при вступі на престол Сулейман запобігливими мудрецьями... був названий Сахібі Кіран – Володар Віку, той, хто має найліпше і з найбільшим успіхом сповнити число десять* [5, с. 63]; *лицарі свободи* – «козаки»: *Назвав козаків, а мав на гадці не цих лицарів свободи, з якими, власне, й хотів би послужити великому султанові...* [6, с. 185]; *обрубки людства* – «євнухи»: *Я б згодився возити навіть цілий гарем, тільки не цих обрубків людства* [5, с. 15];

в) іменникові фрази з структурою «іменник + іменник у формі будь-якого непрямого відмінка» представлені у романі фразеологічними одиницями з традиційним значенням: *вітер у кишенях* «немає грошей» [11, с. 112], *гра з вогнем* «великий ризик» [11, с. 165]: *Там справжнє життя, бо там небезпека, гра з вогнем, і навіть коли загинеш через свій нестримний язик...* [6, с. 56]; *Чоловік наймудріший може вмерти з голоду, коли в нього вітер у кишенях...* [5, с. 16].

Стрижневе слово (іменник) здебільшого має змінну форму, здатне реалізувати в контексті всі відмінки. Наприклад: *Навіть імами підступили ближче, повторюючи вдоволено султанові слова, бо ж вони були мовби прочитані з книги книг...* [6, с. 83] та *Все записано в книзі книг* [6, с. 144]. Із наведених вище ілюстрацій видно, що фразеологізми-словосполучення, які мають змінну форму, можуть бути в усіх синтаксисних функціях іменника – підмета, додатка, частини складеного присудка.

До складу іменних фразеологічних одиниць, які мають структуру підрядних словосполучень, відносимо й ті, у яких стрижневим компонентом є прикметник. У реченні вони функціонують як означення або присудки і мають таку структуру: «прикметник + порівняльна конструкція», «прикметник + іменник»: *дурний, як баран*

має значення «розумово обмежена людина» [13, с. 63]: *Айяс-паша був дурний, як баран* [6, с. 63]; *свята справа* вживається письменником із традиційним значенням «благородна, добра справа» [11, с. 205]: *Люди, які жертвують усім для інших, творять святу справу* [6, с. 177]; *білий світ* – «все навколишнє» [11, с. 632]: *Колись була їжачком під кленовим листочком, ...приспівувала собі співаночки, пострибуючи на одній нозі, висовувала від насолоди язичок, показувала білому світу* [5, с. 33].

2. Дієслівні фразеологічні одиниці, організовані за моделлю підрядних словосполучень, це такі одиниці, стрижневим компонентом яких є дієслово, що й зумовлює семантичну та синтаксичну функції в реченні.

Найпродуктивнішою серед лексико-граматичних конструкцій дієслівних фразеологічних одиниць у історичному романі П. А. Загребельного є конструкція типу «дієслово + іменник з прийменником або без нього»: *припасти до серця* «сподобатися» [11, с. 564]: *...Мустафа був простим ханіджі в Пірі Мехмеда... і так припав до серця великому візирі, що той наважився запропонувати султанові Селіму зробити його візиром* [5, с. 152]; *дурити голову* «вводити в оману» [11, с. 223]: *Та одразу збагнула науку молодого стайничого, а ця маніжилася й дурила голову новоспеченому візирі...* [6, с. 60]; *прибрати до рук* «захоплювати, заволодівати чим-небудь» [11, с. 556]: *Австрійський король Фердинанд норувив видати за старого Запойяї одну з своїх численних принцес, щоб прибрати до рук всю Угорщину* [6, с. 99]; *розкрити очі* «розказувати усю правду про щось» [11, с. 103]: *Коли приходив до тебе, то хотів сказати, що то він розкрив мені очі на зрадливість Ібрагіма* [5, с. 63]. П. А. Загребельний у романі «Роксолана» використовує також синонімічні дієслівні фразеологізми *терзати душу* та *терзати серце* зі значенням «завдавати кому-небудь переживань, прикрощів, страждань» [11, с. 709]: *Але то в дні, коли вона ще задихалася од відчаю, коли безнадійна самотність і сирітство терзали її душу, і вона гарячково придивлялася до цих малювань...* [6, с. 6]; *Саме тільки слово «Рогатин» терзає серце* [6, с. 32]. У реченні такі фразеологізми виконують звичайно функцію присудка.

Дієслівні фразеологічні одиниці, маючи виразне емоційно-оцінне забарвлення, уживаються романістом для позначення різноманітних дій, пов'язаних здебільшого із взаєминами людей, для позначення психічного стану осіб, яких вони стосуються.

3. Прислівникові фраземи представлені в історичному романі «Роксолана» П. А. Загребельного невеликою кількістю. У таких фразеологізмів не можна визначити стрижнєве слово, бо його компоненти рівноправні. У мовознавчій літературі подібні конструкції прийнято називати прислівниковими утвореннями з поєднання різних відмінкових форм одного й того ж іменника або стійкими лексично неподільними прислівниковими утвореннями [1, с. 103].

Лексико-граматичне значення таких фразеологічних одиниць співвідноситься з прислівниками, вони мають постійний порядок розташування компонентів. Найпродуктивнішими є фраземи, які мають таку структуру: а) «прийменник + прикметник + іменник» та б) «прийменниково-відмінкова форма іменника + прийменниково-відмінкова форма іменника»: *з порожніми руками* «без нічого, ні з чим» [11, с. 621]: *Тоді знов повертався в свої кам'яні пустелі, іноді несучи в шкіряних хурджинах награване золото, частіше з порожніми руками, і знов, перемірювали безконечні шляхи...* [6, с. 150]; *з голими руками* «не маючи нічого при собі» [11, с. 621]: *...щойно, приїхавши з далекого Діярбекіра, з такою рішучістю пірнув у надра Стамбула, пірнув з голими руками, а вже виринув, маючи в руках султанську доньку* [6, с. 94]; б) фразеологічні одиниці, компоненти яких виступають як антонімічні: *з ранку до вечора* «протягом тривалого часу» [11, с. 593]: *Він завжди лякався самотності й прагнув самотності, а довкола Мустафи вирувало бурхливе життя, крути-*

лося безліч людей, і всі були закохані в шах-заде, всі змагалися за його увагу, з ранку до вечора повторюючи... [6, с. 136]; від початку до кінця «повністю» [11, с. 552]; Моя султанишо, ви можете переконатися в цьому, коли дозволите вашому рабові Яптифі прочитати бодай один вірш Насимі від початку до кінця [6, с. 166].

Крім розглянутих фразеологічних зворотів підрядного й сурядного типу, що вживаються в ролі того чи того члена речення, є ще усталені словосполучення модального та вигукowego характеру.

4. Інтер'єктивні та модальні фразеологізми. У мовній системі існують вигуківі фразеологізми, що являють собою графаретні формули розмовно-побутового вжитку. Особливе місце у творчості П. Загребельного посідають вигуківі або інтер'єктивні фразеологічні одиниці. Їхня головна функція – вираження й передача емоційних, волюнтативних, апелятивних відношень у процесі комунікації. Вигуківі фразеологічні одиниці передають різноманітні почуття людини, її емоції, волевиявлення, хоча й не називають їх. Вигуківі фразеологічні одиниці дають інформацію про емоційно-чуттєвий стан людини, її реакції на зовнішній світ, а також про мотиви поведінки особи, умови активного мовного спілкування. Такі фраземи несуть у собі емоційне забарвлення й мають категоріальне значення вигуківі семантики. На першому місці в цьому структурному типі фразеологічних одиниць стоїть саме конотативна функція, тоді як номінативна не відіграє великої ролі. В інтер'єктивних фраземах стрижневий компонент зазвичай не визначається, оскільки вони тлумачаться здебільшого за допомогою описової формули. Інтер'єктивні фразеологізми вживаються письменником на позначення різних емоцій, побажання, заборони, клятви та ін. Так, наприклад, із компонентом *бог* у романі П. А. Загребельного нараховується понад 10 таких фразеологізмів: **Боже, хто ж панував над її життям** [6, с. 192]; **Має просити милості в царя, але боронь боже набридати йому своїми домаганнями** [6, с. 241]; **Боже, як вона змерзла!** [5, с. 74]; **О боже! Що ж він співає?** [6, с. 66]; **Боже милостивий! Баязиде, і ти не боявся?** [6, с. 39]. Серед вигуківих фразеологізмів, що вживаються романістом на позначення різних емоцій, є й такі, що виражають гнів, розчарування, фраземи-прокльони: **А дзуськи! Коли хоче, хай достосовується сам!** [5, с. 77]; **Крик? І крику її не почують, хоч би й усі поглухли!** [5, с. 132]; **Будь прокляті всі закони, встановлені цими міднолицими султанами** [6, с. 93]; **Хуррем гидливо відсунулася від Кінати, але та не хотіла від неї відчепитися, хоч ти її ріж** [5, с. 108].

Модальні фразеологізми виражають ставлення до висловлюваної думки й виділяються здебільшого як вставні чи вставлені словосполучення. Один із таких фразеологізмів вживає й П. А. Загребельний у романі «Роксолана» – *ясна річ* з традиційним значенням «очевидно, безумовно, без сумніву, зрозуміло» [11, с. 600]: **Ясна річ, до шах-заде Мехмеда молодий візир ставився з належною поштивістю...** [6, с. 108]; **Що це за дельфійська піфія, Рустем, ясна річ, не знав** [6, с. 104]; **...свій час в основному витрачає на пліткарство... і, ясна річ, на вивідування й стеження кожного кроку султанового...** [5, с. 52]; **Ясна річ, старий негідник обдурює нас, як це він завжди робить...** [5, с. 25].

Отже, фразеологічні одиниці, організовані за структурою словосполучення, виступають у ролі головних і другорядних членів речення. Номінативні фразеологізми, незалежно від структури, за значенням і синтаксичною функцією співвідносні з тими чи тими частинами мови.

В історичному романі «Роксолана» П. А. Загребельного вражає багатство й різноманітність словника, за допомогою якого письменник відтворює багатогранну історичну дійсність. Кількісне багатство фразеологічних одиниць, виявлених нами в романі видатного українського письменника П. А. Загребельного, поряд з їх висо-

комаїстерним застосуванням свідчить про те, що автор широко й вільно володіє невичерпними словесними скарбами української мови.

Бібліографічні посилання

1. **Авксентьєв Л. Г.** Сучасна українська мова : Фразеологія / Л. Г. Авксентьєв. – Харків : Вища шк., 1983. – 137 с.
2. **Алефіренко М. Ф.** Теоретичні питання фразеології / М. Ф. Алефіренко. – Харків : Вища шк., 1987. – 135 с.
3. **Гнатюк І. С.** Деякі особливості використання фразеологізмів у мові сучасної художньої прози / І. С. Гнатюк // Українська мова і література в школі. – 1981. – № 12. – С. 62–64.
4. **Загребельний П. А.** Бути самим собою / П. А. Загребельний // Літературна Україна. – 1993. – 14 січня.
5. **Загребельний П. А.** Роксолана / П. А. Загребельний. – Кн. I. – К. : Дніпро, 1979. – 190 с.
6. **Загребельний П. А.** Роксолана / П. А. Загребельний. – Кн. II. – К. : Дніпро, 1980. – 271 с.
7. **Коваль А. П.** Крилаті вислови в українській літературній мові / А. П. Коваль, В. В. Коптілов. – К. : Вища шк., 1975. – 335 с.
8. **Мілева І. В.** Евфемізм – дисфемізм – перифраза / І. В. Мілева // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія Філологія. – № 632. – Вип. 42. – 2004. – С. 71–74.
9. **Муқан Г. М.** Структура і синтаксична роль фразеологізмів / Г. М. Муқан // Українська мова і література в школі. – 1968. – № 5. – С. 13–20.
10. **Скрипник Л. Г.** Фразеологія української мови / Л. Г. Скрипник. – К. : Наук. думка, 1973. – 279 с.
11. **Словник фразеологізмів української мови** / упоряд.: В. М. Білоноженко та ін. – К. : Наук. думка, 2003. – 1104 с.
12. **Сучасна українська літературна мова. Лексика і фразеологія** / за заг. ред. акад. І. К. Білодіда. – К. : Наук. думка, 1973. – С. 333–400.
13. **Юрченко О. С.** Словник стійких народних порівнянь / О. С. Юрченко, А. О. Івченко. – Харків: Основа, 1993. – 176 с.

Надійшла до редколегії 25.02.10

УДК 811.161.1'373.46

Л. А. Ким

Приднепровская государственная академия строительства и архитектуры

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ НЕИЗМЕНЯЕМЫХ ЗАВИСИМЫХ КОМПОНЕНТОВ В СОСТАВЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Розглянуто теоретичні питання, пов'язані з виокремленням та обґрунтуванням понять терміноелемента й термінокомпонента, на основі яких впроваджено поняття незмінного залежного компонента (НЗК) термінів. Обговорено й продемонстровано можливості застосування морфологічного й синтаксичного критеріїв до виділення НЗК на матеріалі термінолексики різних терміносфер російської мови.

Ключові слова: термін, терміноелемент, термінокомпонент, незмінюваний залежний компонент терміна (НЗК).

Рассмотрены теоретические вопросы, связанные с выделением и обоснованием понятий терминоэлементы и терминокомпонента, на основе которых введено понятие неизменяемого зависимого компонента (НЗК) терминов. Обсуждены и продемонстрированы возможности при-

менения морфологического и синтаксического критериев к выделению НЗК на материале терминологии различных терминосфер русского языка.

Ключевые слова: термин, терминологический элемент, терминологический компонент, неизменяемый зависимый компонент термина (НЗК).

Theoretical questions, connected with highlighting and grounding of such notions as term-elements and term-components on the basis of which the idea of unchangeable dependent component of terms (UDC) is introduced, are regarded. The possibility of usage morphological and syntactic criteria to UDC highlighting on the ground of term-lexics of different term-spheres of the Russian language is discussed and demonstrated.

Key words: term, term-element, term-component, unchangeable dependent term component (UDC).

Динамические процессы последних лет, происходящие в номинативных системах специального назначения (терминосистемах), вызывают к жизни огромное количество составных, сложных и сложно-составных терминов разных типов. Особое место среди терминологических единиц занимают номинации, в структуру которых входят несклоняемые (неизменяемые) зависимые компоненты (НЗК), выполняющие функцию атрибута. Системному изучению в качестве единиц языков для специальных целей подобные образования не подлежали. Отмеченное обусловило актуальность проводимого исследования, *цель* которого заключается в выработке критериев, позволяющих выделить НЗК в составе многокомпонентного термина. В *задачи* исследования входило, во-первых, разграничение понятий терминологического элемента и терминологического компонента и, во-вторых, рассмотрение морфологического и синтаксического критериев выделения НЗК. Материалом исследования послужили более 2700 терминов, извлеченных методом сплошной выборки из специальных словарей, репрезентирующих терминологические системы экономики, права, металлургии, материаловедения, математики и информатики.

Вполне закономерным представляется то, что у исследователей, занимающихся изучением формальной и содержательной структуры термина, возникла мысль о существовании единиц, которые являются носителем терминологического значения и которые входят в состав термина. В европейском терминоведении о структурной (корневой или аффиксальной) единице слова-термина писали Е. Вюстер [21] и Ф. Вернер [20]. В российском терминоведении подобные единицы в составе терминов впервые выделил Э. К. Дрезен, назвав их словоэлементами [8, с. 109–110].

Обозначение *терминологический элемент* было введено Д. С. Лотте, отмечавшим: «Под „терминологическими элементами“ понимаются слова, имеющие самостоятельное значение и входящие в состав простого или сложного термина: например, в термине *коробка передач* различают два терминологических элемента: *коробка* и *передача*» [16, с. 15, 79–89]. В дальнейшем Д. С. Лотте уточнил свое понимание терминологического элемента: «... любой термин-словосочетание, или термин-слово, или, наконец, часть (частичку) термина-слова, неделимые в терминологическо-смысловом отношении, мы будем называть *элементом термина*» [16, с. 88]. Позднее такое понимание терминологического элемента было развито в работах В. П. Даниленко, которая писала, что под терминологическим элементом она «имеет в виду широкое понятие, включающее в себя на равных основаниях производящую основу, словообразующую морфему, слово в составе терминологического словосочетания, символы, цифры, графические знаки, включаемые в особый тип символа-слов (γ -частица, β -распад, V-образный)» [7, с. 107].

В. М. Лейчик также подчеркивает зависимость терминологического элемента от системы понятий. «В термине, – отмечает он, – можно выделить столько терминологических элементов, сколько в нем морфем (или слов), обозначающих понятия определенной системы понятий. ... В определении терминологического элемента должны быть названы следующие пять признаков: 1) неделимость; 2) соответствие обозначаемому понятию или его

признаку; 3) зависимость от определенной терминосистемы; 4) зависимость от терминосистемы либо данной отрасли знаний, либо смежной или базовой отрасли знаний; 5) выделяемость в составе термина (поскольку терминологический элемент всегда обозначает понятие, но в некоторых случаях в связанном виде: *-ил, -ол, -ен, -ан* в терминосистеме химии). В этом последнем признаке состоит отличие терминологического элемента от термина: терминологический элемент может быть частью слова или зависимым словом в словосочетании; термин же представлен либо словом, либо словосочетанием» [15, с. 57].

Из терминоведения обсуждаемое понятие проникает и в терминологию, получая при этом следующее определение: терминологический элемент – минимальная структурная единица термина с фиксированным значением, участвующая в терминологическом образовании и представляющая собой слово (прилагательное или наречие) в составе словосочетаний, символ в составе словосочетаний, основу или словообразующую морфему в составе сложных и производных слов. Особенностью терминологического осмысления данного понятия является то, что в терминологии терминологические элементы иногда трактуются как самостоятельные лексические единицы и репрезентируются самостоятельными статьями, хотя и не обладают номинативностью или оформленностью [6, с. 51].

В своем понимании терминологического элемента мы солидарны со сторонниками преобладающего в научной литературе подхода, основанного на анализе линейной структуры термина, вследствие чего терминологические элементы определяются как формальные компоненты специальной единицы. В рамках такого определения, как уже было отмечено, терминологическим элементом считается любой структурный компонент термина – от морфемы до целого слова или условного знака [7]. Показательно, что Р. С. Беляев в диссертационном исследовании, посвященном анализу терминологических элементов, относит к последним словосочетание, слово, морфемный комплекс, морфему, ее часть, символ, которые: 1) структурно вычлениваются в терминах данной терминологии, обладая постоянством формы; 2) регулярно используются для одного или нескольких близких понятий или признаков понятий соответствующей науки; 3) характеризуются общими свойствами более чем в одном термине [3, с. 7]. При такой трактовке термины, входящие в состав других терминов, также выступают при этом в качестве терминологических элементов [13, с. 101].

Наряду с понятием терминологического элемента в исследованиях по терминологии довольно часто фигурирует понятие терминологического компонента или компонента термина, при этом обозначения *терминологический элемент* и *терминологический компонент* часто употребляются как синонимичные. Противоположный подход был предложен в работе Н. В. Васильевой, которая, анализируя русскую лингвистическую терминологию, предложила различать *терминологический элемент* – конститuent термина, который выделяется путем морфологического членения, *терминологический компонент* – результат синтаксического и *терминологический символ* – графического членения исходного термина [4, с. 7]. Вслед за Н. В. Васильевой, В. Ф. Новодрановой [17, с. 47], С. Г. Казариной [9, с. 80], И. Н. Кочан [11, с. 28–32], мы считаем последовательное размежевание понятий «компонент термина» и «элемент термина», или «терминологический элемент», целесообразным. При этом под терминологическим элементом понимается регулярно повторяющийся, воспроизводимый конститuent цельнооформленного термина, занимающий определенное место в его морфологической структуре и передающий стабильное обобщенное значение. Понятие «компонент» закрепляется за словом или словосочетанием, являющимся частью составного термина. Такое разграничение, прежде всего, позволяет «избежать разнобоя в названиях несколькихсловных терминов». Их можно называть «двух-трех- и несколькокомпонентными, причем любой компонент таких терминов может включать в себя терминологические элементы, выделяемые посредством морфологического членения» [17, с. 47]. Используя понятие «компо-

нент» термина, мы четко соотносим понятие «терминокомпонент» с лексемным (в случае однословности компонента) и синтаксическим (в случае, если компонент представляет собой словосочетание), а «терминоэлемент» – с морфемным уровнями составных терминов.

В отличие от рассмотренных выше понятий терминоэлемента и терминокомпонента, понятие «неизменяемый зависимый компонент термина» практически не являлось объектом обсуждения в плане решения вопроса о критериях выделения таких структурных составляющих термина.

Зависимые компоненты-определители, интересующие нас, отличаются от других определяющих компонентов своей неизменяемостью. Неизменяемость, то есть способность языковой единицы иметь во всех употреблениях только одну форму, может быть обусловлена морфологическими и синтаксическими факторами, поэтому при выделении НЗК в составе термина необходимо опираться как на морфологический, так и на синтаксический критерий.

Морфологический критерий заключается в неспособности слова как единицы определенной части речи русского языка иметь словоизменительные аффиксы. К грамматически неизменяемым словам, парадигма которых состоит из одной формы, в русском языке относятся неизменяемые существительные и прилагательные*, наречие, инфинитив, компаратив и деепричастие. Все перечисленные единицы, кроме деепричастия, могут входить в терминологическое наименование на правах НЗК, например: *пут опцион*, *стоп-гоу цикл*, *премия «колл»*, *котировка спот*, *ТИР-корнет*, *активы ностро*, *брутто-запас* – неизменяемые прилагательные и существительные; *кредит в рассрочку*, *груз россыпью*, *перевозка наливом*, *оплата вперед*, *расчет сталии вкруговую*, *продажа оптом* – наречия; *цена ниже номинала*, *цена выше номинала* – компаратив; *обязанность трудиться*, *риск заразить* – инфинитив.

Синтаксический критерий, в свою очередь, базируется на выявлении характера синтаксических отношений и их репрезентации в том или ином виде синтаксической связи, возникающих в составном термине между зависимым и опорным компонентами. Поскольку почти половина анализируемых нами единиц извлекалась из терминографических источников в результате применения синтаксического критерия, считаем необходимым остановиться на характеристике понятия синтаксической связи и отношений более подробно.

Согласно теории синтаксической синтагматики [14, с. 3], компоненты неоднословного термина находятся друг с другом в определенных смысловых связях – синтаксических отношениях, которые формально выявляются, объективируются синтаксической связью.

В синтаксической традиции выделяется два вида синтаксической связи – сочинительная и подчинительная. В свою очередь, подчинительная связь делится на согласование, управление и примыкание. Все виды подчинительной связи реализуются, объективируются в тех или иных синтаксических отношениях – обобщенных смысловых значениях, характеризующих компоненты словосочетания. В работе Е. В. Кротевича «О связях слов» отмечается, что «в пределах словосочетания

* В настоящей работе не рассматриваются факторы (морфонологический, прагматический, семантический и т.д.), обуславливающие неизменяемость имен в системе русского языка (см. об этом: [2, с. 21–37]).

** В современной грамматике существует точка зрения, согласно которой неизменяемые существительные и прилагательные образуют так называемое нулевое склонение, парадигма которого состоит из омонимичных форм с нулевой флексией [19, с. 506, 556]; другие исследователи предпочитают в таком случае говорить не об омонимии, а о категориальной полифункциональности неизменяемых имен [2, с. 38–50].

возможны только четыре вида синтаксических отношений, а именно: атрибутивные, объектные, циркумстантивные (обстоятельственные) и аппозитивные» (Цит. по: [1, с. 142]). «Русская грамматика-80» выделяет три вида синтаксических отношений, связывающих компоненты словосочетания: а) объектные; б) определительные, включающие в себя собственно определительные (зависимая форма отвечает на вопрос *какой? чей? который?*), обстоятельственно-определительные (зависимая форма отвечает на вопросы *как? каким образом? когда? с каких пор? до каких пор? где? куда? откуда? зачем? почему? при каких условиях?* и другие вопросы обстоятельственных значений) и субъектно-определительные (зависимое слово в форме родительного падежа обозначает производителя действия или носителя состояния, свойства); в) информативно-восполняющие, или комплетивные, отношения [19, с. 18–19]. В своей классификации синтаксических отношений мы будем следовать за «Русской грамматикой-80».

Рассмотрим, какие из отмеченных типов синтаксических связей и отношений возникают между НЗК и другими компонентами терминологических единиц.

Как показывают наши наблюдения, главный и зависимый компоненты анализируемых номинаций могут быть связаны двумя видами подчинительной связи – примыканием, что наблюдается в большинстве случаев, и частично управлением.

Вслед за «Грамматикой-70» и «Русской грамматикой-80» при квалификации такого вида синтаксической связи между главным компонентом-именем существительным и НЗК, как примыкание, мы различаем собственно примыкание и падежное (или именовое) примыкание [5, с. 489–490, 516; 19, с. 21], основные случаи которого в традиционных грамматиках относятся к слабому управлению (см., например: [12, с. 347]).

Под собственно примыканием понимается подчинительная связь, при которой в роли зависимого слова выступают неизменяемые слова: наречие, неизменяемое прилагательное, инфинитив, компаратив. При примыкании НЗК, выраженных словами перечисленных категорий, к опорному термину существительному возникают определительные отношения (см. примеры выше. – Л. К.).

При падежном примыкании к главному слову присоединяется падежная (без предлога или с предлогом) форма имени с определительным значением. Примыкать могут не только отдельные словоформы, но и разнообразные синтаксические конструкции, характеризующиеся различной семантикой [19, с. 62–69]. «При именовом примыкании возобладавшем оказывается не предметное значение примыкающего имени, а атрибутивное (в широком смысле этого слова) значение самой падежной формы или всей предложно-падежной группы, которая выступает в этом случае как потенциальное наречие или потенциальная “прилагательная форма”» [5, с. 516].

Атрибутивные отношения в целом определяются как отношения, при которых «предмет, явление, действие, состояние, признак определяется со стороны своего внешнего или внутреннего качества, свойства, принадлежности» [19, с. 18]. В этом случае неизменяемый компонент-определитель отвечает на вопросы *какой? чей? который?*

Предварительно отметим, что атрибутивные отношения в кругу анализируемых номинативных единиц возникают при падежном примыкании к опорному термину компонентов, выраженных: 1) неизменяемыми существительными нулевого склонения без предлогов и с предлогами: *сумма **инкассо**, агент по **инкассо**, доход от **роялти*** и т. д.; 2) аббревиатурами: *задача **МОВ**, анализ **АБВ**, соглашение «**АБС**»* и пр.; 3) нарицательными существительными в различных падежных формах без предлогов и с предлогами: *валюта **аванса**, государство **назначения**, подпись **крестом**; **доверенность без уведомления**, налог **путем вычета**, капитал в **акциях**, **вексель к получению**, **прибыль на бумаге**, **инвестиции по формуле*** и т. д.;

4) атрибутивно-именными группами, чаще всего неразложимого типа: *валюта «безопасной гавани», депозит доброй воли, компания закрытого типа, кредитор последней инстанции, представительство юридического лица, режим наибольшего благоприятствования*; 5) предложно-именными группами наречного типа: *проект «под ключ», торговля с самим собой, сделка «на ночь», осада «по отметку»* и пр.; 6) именами собственными: *модель Мак-Кинси, постулаты Савори, метод Симплекса, принцип Питера, равновесие Нэша, рейтинг Беста, система Бриша* и др.; 7) словами и словосочетаниями, в функционально-ономасиологическом аспекте представляющими собой: а) условные наименования: *контракт «амбrella», облигация «бульдог», матрица «стадии рынка – конкретные позиции», принцип аудита «профессиональная компетентность»* и др.; б) профессиональные клише: *приказ брокеру «стоп», предложение «при условии», индоссамент «без оборота на меня», допущение «при прочих равных правах»* и др.

Собственно примыкание наблюдается и при сочетании в составе термина двух зависимых компонентов, один из которых является неизменяемым словом (наречием или компаративом), а другой – прилагательным или полным причастием, согласованным с опорным компонентом: *заведомо прибыльный опцион, излишне распределенные накладные расходы, наименее развитые страны, полностью разбавленный доход на акцию*. В таких случаях наречие или компаратив примыкает к атрибуту исходного составного термина и конкретизирует его в соответствии со своим лексическим значением по мере, образу действия (см. примеры выше. – Л. К.), оценке (*хорошо зарекомендовавшая себя компания, хорошо оплачиваемая работа*), реже – по времени (*ежедневно публикуемый курс акций, ранее ввезенные товары*) и другим обстоятельственным признакам. Обстоятельственные отношения возникают лишь между согласованным атрибутом, относящимся к опорному термину, и неизменяемым компонентом, в целом же комплекс «НЗК + прилагательное / причастие» связан с опорным термином атрибутивным, определительным отношением.

Управление как вид подчинительной связи, которая выражается присоединением к главному слову существительного в форме косвенного падежа с предлогом или без предлога, чаще всего объективирует разные виды предметных, или иначе объектных, отношений. Объектные отношения – это «отношения между называемым в слове действием или состоянием и тем предметом (в широком смысле этого слова), на который направлено действие или с которым сопряжено состояние» [19, с. 18]. Обращенность предмета (собственно предмета, явления, лица) к действию (деятельности, процессуальному или непроцессуальному состоянию), направленному на него (на предмет. – Л. К.), в языке показана формально: в присловных связях объект выражается косвенным падежом существительного или инфинитивом [Там же].

В кругу анализируемых нами единиц объектные отношения наблюдаются между опорными терминами, выражающими процессуальную семантику, и НЗК, относящимися к нулевому склонению [18, с. 506], а именно: неизменяемыми существительными иноязычного происхождения, например: *введение эмбарго, перенос сальдо, передача ноу-хау* и др.; или же являющимися аббревиатурами в составе таких терминов, как *стабилизация ВВП, уплата НДС, раздувание ВВП* и др. Опорные компоненты таких номинаций словообразовательно соотносятся с глаголами, что и позволяет им сохранять глагольные связи (см. об этом: [19, с. 53]), в частности беспредложное управление род. падежом со значением объекта (см. примеры выше. – Л. К.). Устойчивость глагольных связей сохраняется у отглагольных существительных и в сфере предложного управления: *информация о ноу-хау, отказ от ноу-хау, операция с контанго* и др.

Выше были рассмотрены синтаксические отношения, возникающие между компонентами бинарных терминов, и частично – между компонентами составных

терминов, образованных по модели, которую можно описать формулой «наречие + (прилагательное + существительное)». Отмеченные синтаксические отношения характеризуют и связи НЗК с определяемыми ими словами в составе многокомпонентных терминов других моделей, например: валютные операции «**аутрайт**», кредитная линия «**свинг**», доход от операции «**кросс-овер**», процентная ставка **ЛИБОР**, бухгалтерский учет по системе **ГААП**, исправление **ошибочно** сделанных записей, страховая гарантия **твердо** установленного дохода, **предельно** допустимый норматив вредного физического воздействия на атмосферный воздух, движение цены **вниз**, нулевое движение цены **вверх**, стоимость лицензии «**ноу-хау**»^{*}.

Отметим, что с точки зрения синтаксической структуры составные термины с НЗК представляют собой простые, сложные и комбинированные словосочетания [20, с. 81–82].

Простые словосочетания, составляющие в анализируемом материале очевидное большинство, образуются на основе подчинительной связи одного типа: примыкания или управления, например: книга **инкассо**, комиссия **за делькредере**, покупка **оптом**, поручение «**без потерь**».

Сложные словосочетания возникают на основе двух и более разных подчинительных связей, исходящих от главного слова: а) согласования и примыкания: трудовое соглашение **типа «золотой парашют»**, расширенная оговорка **СИФ**, валютные операции «**форвард**»; б) управления и примыкания: поручение брокеру «**по наилучшей цене**», доставка груза **на условиях «от двери до двери»**, продажа товаров **с доставкой**, скупка акций **со спекулятивными целями**. Наиболее распространены в исследуемой терминосфере сложные словосочетания первого подтипа.

Комбинированные словосочетания образуются на основе связей, исходящих от разных стержневых слов; зависимое слово в таком словосочетании само является стержневым словом какого-то простого или сложного словосочетания: консамент **с отметкой «фрахт уплачен»** (консамент **с отметкой** и **отметка «фрахт уплачен»**); акции **с опционом «все льготы»** (акции **с опционом** и **опцион «все льготы»**) и т. д.

В заключение необходимо отметить, что при определении синтаксических отношений, возникающих между неизменяемым зависимым компонентом и опорным именем, следует учитывать обстоятельство, отмечаемое авторами «Русской грамматики», а именно то, что во всех «присубстантивных подчинительных связях – сильных и слабых – на возникающие отношения оказывает непосредственное и сильное влияние предметное значение существительного как части речи: поэтому в отношениях между существительным и любой зависящей от него формой слова всегда присутствует ярко выраженный элемент определительного значения: *приезд начальника* – кого? и чей?; *удар об стену* – обо что? и какой? ...» [20, с. 55, 59]. Явление осложнения объектного значения определительным наблюдается и в синтаксических отношениях компонентов большинства из рассматриваемых нами номинаций: *доход от роялти* – от чего? и какой?; *информация о ноу-хау* – о чем? и какая?; *цена ноу-хау* – чего? и какая?

Изложенное выше позволяет говорить в целом об определительных, атрибутивных отношениях как главенствующем типе синтаксических отношений, существующих между НЗК и главным компонентом рассматриваемых терминов. Исключение составляют только те случаи, когда НЗК относится к атрибуту – прилагательному или причастию – и выражает обстоятельственные значения, а также редкие случаи сильного управления, при котором между НЗК – неизменяемым существительным и опорным термином возникают объектные отношения.

^{*} Возможные структурные типы составных наименований с НЗК рассмотрены в [10].

Квалификация отношений НЗК с опорными компонентами терминов как преимущественно атрибутивных, в свою очередь, предполагает последующее решение вопроса о соотношении некоторых типов рассматриваемых НЗК с так называемыми аналитическими прилагательными, выделяемыми некоторыми учеными в отдельную самостоятельную категорию прилагательных в русском языке. Исходя из этого можно наметить перспективу дальнейших исследований, которая заключается в анализе основных подходов к проблеме неизменяемых (аналитических) прилагательных, существующих на сегодняшний день в научной литературе, а также детальном рассмотрении отдельных типов примыкающих компонентов – падежных форм и их сочетаний.

Библиографические ссылки

1. **Авербух К. Я.** Общая теория термина / К. Я. Авербух. – Иваново : Изд. центр «Юнона», 2004. – 252 с.
2. **Астен Т. Б.** Аналитизм номинации: когнитивное содержание и прагматика неизменяемых существительных в русском языке в сравнении с другими славянскими языками / Т. Б. Астен. – Ростов н/Д. : РГЭУ (РИНХ), 2003. – 62 с.
3. **Беляев Р. С.** Ономазиологический анализ греко-латинских терминологических элементов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.15. «Общее языкознание» / Р. С. Беляев. – К., 1990. – 24 с.
4. **Васильева Н. В.** Греко-латинские элементы в лингвистической терминологии : автореф. ... дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.19. «Общее языкознание» / Н. В. Васильева. – М., 1983. – 16 с.
5. **Грамматика современного русского литературного языка.** – М. : Наука, 1970. – 767 с.
6. **Гринев С. В.** Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М. : Московский лицей, 1993. – 309 с.
7. **Даниленко В. П.** Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 246 с.
8. **Дрезен Э. К.** (1936) Научно-технические термины и обозначения и их стандартизация / Э. К. Дрезен // Татаринцев В. А. История отечественного терминоведения : в 2-х т. – Т. 1. Классики терминоведения: Очерк и хрестоматия. – М. : Московский лицей, 1994. – С. 104–165.
9. **Казарина С. Г.** Типологические характеристики отраслевой терминологии / С. Г. Казарина. – Краснодар, 1998. – 271 с.
10. **Ким Л. А.** Структурно-семантическая характеристика терминов-неологизмов с неизменяемым зависимым компонентом (на материале экономической терминологии) / Л. А. Ким // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Мовознавство. – 2003. – Вип. 9. – С. 89–93.
11. **Кочан Ирина.** Динаміка і кодифікація термінів з міжнародними компонентами у сучасній українській мові : монографія / Ирина Кочан. – Львів : Видав. центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2004. – 519 с.
12. **Краткая русская грамматика** / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – М. : Наука, 1989. – 682 с.
13. **Кудашев И. С.** К вопросу о формах терминологических элементов и терминов / И. С. Кудашев, А. Д. Хаютин // Лексикология. Терминоведение. Стилистика : сб. науч. тр. – М.–Рязань : Изд-во «Пресса», 2004. – С. 101–107.
14. **Кузьмина Е. С.** Синтагматика научного текста / Е. С. Кузьмина. – М. : Изд-во УДН, 1986. – 120 с.
15. **Лейчик В. М.** Терминоведение : предмет, методы, структура / В. М. Лейчик, Л. Бесекирска. – Белосток : Изд-во Белостокского ун-та, 1998. – 180 с.
16. **Лотте Д. С.** Основы построения научно-технической терминологии : Вопросы теории и методики / Д. С. Лотте. – М. : Наука, 1961. – 157 с.
17. **Новодранова В. Ф.** Еще раз о статусе терминологического элемента / В. Ф. Новодранова // Терминоведение. – 1994. – Вып. 1. – С. 46–47.
18. **Русская грамматика** : в 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Т. 1. – М. : Наука, 1980. – 784 с.

19. **Русская грамматика** : в 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Т. 2. – М. : Наука, 1980. – 710 с.
20. **Werner F. Cl.** Wortelemente lateinisch-griechischer Fachausdrucke in der Biologie, Zoologie und vergleichenden Anatomie / F. Cl. Werner. – Leipzig, 1956.
21. **Wüster E.** Einführung in die Allgemeine Terminologie und Terminologische Lexicographie / E. Wüster. – Wien – New York, 1979. – S. 1–2.

Надійшла до редколегії 20.03.10

УДК 811.133.1

І. С. Кіркоська

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

СКАЛЯРНІ ЄДНОСТІ В ОБМЕЖУВАЛЬНОМУ ВИСЛОВЛЮВАННІ (на матеріалі сучасної французької мови)

Присвячено дослідженню скалярних єдностей в середині обмежувальних суджень у сучасній французькій мові. У висловленні обмежувальні звороти, зокрема домінантний знак *ne...que*, мають описові або аргументативно-оцінні характеристики. Функціонування зазначених обмежувальних зворотів, що доповнюють один одного, відзначається селективністю і скалярністю.

Ключові слова: обмежувальне висловлювання, імплікатура, градаційна шкала, *ne...que* описове, *ne...que* оцінне, скалярність, селективність.

Посвящена исследованию скалярных единств внутри ограничительных суждений в современном французском языке. В высказывании ограничительные суждения, в частности доминантный оборот *ne...que*, имеют описательные или аргументативно-оценочные характеристики. Функционирование указанных ограничительных оборотов, которые дополняют друг друга, отличается селективностью и скалярностью.

Ключевые слова: ограничительное высказывание, импликатура, градационная шкала, *ne...que* описательное, *ne...que* оценочное, скалярность, селективность.

The article studies the scalar unities inside the restrictive utterances in the contemporary French language. Restrictive utterances, namely dominant sign *ne...que*, possess descriptive or argumentative-evaluating characteristics. The functioning of the stated restrictive utterances, complementing each other, are marked by the selective scalarity.

Key words: restrictive utterance, implicativity, gradation scale, *ne...que* descriptive, *ne...que* evaluative, scalarity, selectivity.

Відношеннями протиставлення цікавився ще Аристотель. Це поняття пронизує всю його творчість, хоча дослідження, в якому порушувалася ця проблема (трактат, який, як відомо, мав би називатися «Перелік протиставлень») до нас не дійшло. У «*Метафізиці*» Аристотель описує протиставлення «буття та небуття», «малого і великого», він визнає, що всі протилежності можуть бути зведені до малого та великого, а також намагається визначити це велике та мале, пряму та криву лінію і т. ін. Усі ці явища він розглядає як результат взаємодії протилежностей, стверджуючи, що все складається з протилежностей (усі кольори походять від білого та чорного). Тому **актуальність** представленої статті полягає у необхідності розробки певної методики аналізу скалярних єдностей всередині обмежувальних суджень. **Метою** статті є виявлення відношень протиставлення всередині обмежувальних суджень шляхом методу мовленнєвого експерименту. **Об'єктом** дослідження є скалярні єдності всередині обмежувальних суджень у сучасній французькій мові. **Предметом** розгляду стали особливості реалізації «селективності» та «скалярності» обмежувальних висловлювань, зокрема, знаку

не...*que*. **Завданням** дослідження є: 1) розглянути різні типи обмежувальних висловлювань; 2) встановити, де пролягає межа між семантикою та прагматикою висловлювань, що містять форми обмеження; 3) виявити аргументативні властивості обмежувальних зворотів.

Враховуючи «наївну» мову трудів Аристотеля, не дивно, що його система протиставлень, у якій мовний фактор відіграє провідну роль, становить певні труднощі при вивченні. Міркування Аристотеля мають описовий характер та зовсім позбавлені прикладного характеру. Оскільки мова є повним відбиттям розумової діяльності її носіїв, то кожна мова має свій механізм перетворення понятійних речей на мовні знаки [1]. Соціологи стали розглядати боротьбу за існування як причину всіх змін і головну умову розвитку, що призвело до необхідності переглянути й теорію протилежностей, оскільки її трактування Аристотелем і Гегелем не відповідало часу. Це завдання поставив перед собою французький філософ і соціолог Г. Тард у трактаті «*L'opposition universelle*», який побачив світ у 1897 р. На його думку, філософія не дає чіткої відповіді на питання «що таке протилежності?». Саме тому навіть ті протиставлення, які здаються, на перший погляд, статичними, насправді є динамічними. Візьмемо, наприклад, емоційний стан «любові» та «ненависті», двох протилежностей, що виключають одна іншу, але які у філософському плані є неможливими одна без одної. Між цими полярними станами можна винайти цілу низку перехідних етапів емоційного становлення: симпатія → закоханість → кохання, пристрасть → усталеність стосунків, сімейне життя → *об'єктивне бачення позитивних і негативних сторін коханої людини* → розчарування → перші чвари → бажання віддалитися одне від одного → розставання → ... → можливо, ненависть. Людська мудрість про це говорить: «Від любові до ненависті один крок». Даючи формальну характеристику протиставлення, Г. Тард переходить до класифікації протиставлень за змістом. Існують якісні (*скалярні*) та кількісні протиставлення. Як приклад Г. Тард наводить протиставлення між випуклим та увігнутих, любов'ю та ненавистю та, що є найбільш цікавим для нас, ствердженням та запереченням. Іншим ключовим поняттям цієї концепції є «нульова точка», у якій закінчується дія обох протилежностей [115, р. 73; 4, с. 57–66].

Оскільки лексика – це сукупність семантичних полів, всередині яких слова пов'язані відношеннями взаємного протиставлення, то зрозуміло, що поняття протиставлення стає одним з центральних при описі відношень між лексемами. Однією з перших спроб опису системи протиставлень у мові стала книга Ч. Огдена «Протиставлення» (1923). У цій книзі для аналізу співвідношень значень Ч. Огден пропонує використовувати поняття «шкала» (*skale*) і «розріз» (*kut*). Протилежні слова, згідно з цим принципом, можуть бути або двома кінцями шкали (як біле та чорне), або двома половинами, отриманими в результаті розрізу. Лінія розрізу є нейтральною точкою, у якій відсутні обидві протилежні ознаки, що лежать в основі конкретного протиставлення. Поняття «шкала» і «розріз» дозволяють охопити всі типи протилежних слів, з якими стикаються мовознавці, але жодне з них не може допомогти при описі «протилежних напрямів». У випадку скалярних протилежностей і у випадку «розрізаних протилежностей» необхідно враховувати, ще один фактор – напрямок. Крім того, Ч. Огден досліджує поняття, що виражаються тільки певними частинами мови – прикметниками та іменниками, – залишаючи без уваги дієслова, частки та ін. [10, р. 31]. Семантичне шкалювання ґрунтується на розробках методики семантичного диференціала Ч. Осгуда, який пропонував одновекторні шкали таких параметричних опозицій і вимірював конотативні значення слів [5, с. 530].

Одночасно з Ч. Огденом Е. Сепір ввів та детально опрацював поняття «*градація*». Він відзначив, що такі контрастуючі пари, як *великий* і *малий*, *мало* і

багато справляють хибне враження абсолютних величин. Він наполягає, що такі прислівники та прикметники, як *багато* та *великий*, втрачають будь-який зміст від конотації *більш, ніж*. Дж. Лайонс запозичив термін «градація» у Е. Сепіра, однак використав його інакше. У його розумінні градація передбачає операцію порівняння, а у розумінні Е. Сепіра градація передбачає не стільки порівняння, скільки упорядкування відповідно до певної шкали [6, с. 43–78]. Це означає, що прикметник *heureux* можна розташувати на градаційній шкалі відносно певної точки відліку, причому сама градаційна шкала відображає поступальний перехід від однієї якості (у нашому випадку *ravie*) до іншої (*content*):

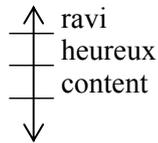

Рис. 1. Градаційна шкала

Отже, підсумовуючи класифікацію Дж. Лайонса, можна сказати, що термін «антонімія» охоплює протилежні слова, які підпорядковуються градації, а «доповнюваність» – протилежні слова, що не підпорядковуються градації. Указані відношення є бінарними та об'єднуються за цією ознакою терміном «опозиція». Не бінарні протиставлення називаються «несумісними». Загальним терміном для усіх видів протиставлень є «контраст» [4, с. 57]. По суті, градація, як і скалярність, є предметом розгляду прагматики, яка вивчає задані слова у висловлюванні. Така система протиставлень, безперечно, стосується і граматичних категорій, оскільки, як відомо, обов'язковою умовою існування граматичної категорії є її відмінність від інших подібних їй. Так, категорія обмеження, в свою чергу, не тільки протиставляється категоріям ствердження та заперечення, але й частково зберігає семантичний обсяг останніх.

З появою робіт Ж. Анкомбра та О. Дюкро (1976–1977) певна кількість праць (Ж. Муаньє та Р. Вален) була присвячена опису семантичних та аргументативних функцій конекторів. Разом з тим О. Дюкро ввів до лінгвістичного обігу поняття «аргументативної шкали» [7], корисність якої було повністю доведено впродовж останніх десятиріч. З іншого боку, користуємося поняттям семантики (умови істинності, семантики можливих світів, імплікації тощо). Тобто заперечуємо протиставлення, яке існує між семантикою та прагматикою: для нас існує, швидше, взаємодоповнення між інформацією та аргументацією [3; 8, р. 46]. Однак не слід змішувати поняття, які застосовує мовлення, – інформація та аргументація та ті, які використовуються для його опису, – семантика та прагматика. Напевно, буде хибним, якщо взаємодоповнення на рівні об'єкта перетвориться на опозицію на рівні опису. Вивчення семантики *ne...que* призводить до виокремлення двох основних груп вживання: *ne...que* описове та *ne...que* оцінне. Розглянемо приклади:

- (1) *Je n'aime que mes parents;*
- (2) *Je n'ai que du vin blanc;*
- (3) *Je n'ai acheté que du poisson;*
- (4) *Ce n'est qu'une règle;*
- (5) *Cette table ne coûte que 40 euros;*
- (6) *Je n'ai que 20 ans.*

Навіть інтуїтивно можемо здогадатися, що фрази (1, 2, 3) вписуються в описовий контекст вживання, а фрази (4, 5, 6) можуть розглядатися лише відносно оцінного судження. Але можна помітити, що оцінка як така може бути наявною, незважаючи ні на що, як в описових випадках вживання *ne...que*, так і в оцінних судженнях, що містять *ne...que*. У випадку останніх оцінка є невід'ємною частиною

судження, а оператор рестрикції *ne...que* є інструментом її створення. Розглянемо обидва типи речень окремо.

Перший тип – описовий. Фрази цього типу, що містять *ne...que*, окрім простого виокремлення об'єкта серед інших, здатні в певному контексті набувати й оцінного характеру.

Наприклад, фраза (2) *Je n'ai que du vin blanc* може мати наступні пресупозиції, які можуть передаватися низкою перифраз:

2.1. *le vin blanc est moins bon que X = je préférerais avoir X (du champagne, du bourgogne) mais je dois me contenter de vin blanc;*

2.2. *le vin blanc est le meilleur = j'ai exclusivement du vin blanc (et pas du vin rouge, de l'apéritif, bien inférieurs) au vin blanc.*

У реченні (2.1) оцінна шкала виглядатиме так:

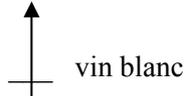

Рис. 2. Рух градаційної шкали

а у реченні (2.2) шкала змінюється та виглядає вже інакше:

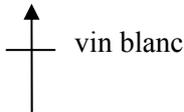

Рис. 3. Зворотний рух градаційної шкали

Потрібно відзначити, що 2.2. пов'язане з виключенням, що властиве ситуації, у якій йдеться про певну можливість вибору. Але фраза *Je n'ai que du vin blanc* у певному контексті звичайно здатна набувати суто описового значення. У такому випадку зміст висловлювання полягає лише у простому констатуванні одиничності певного елемента предмета чи явища серед інших. Як інтерпретувати це «чисте» описове вживання *ne... que*, що, як видається на перший погляд, є повністю зрозумілим, якщо не враховувати контекст його вживання. Цей аспект уживання оператора рестрикції *ne...que* є предметом вивчення не лінгвістики як такої, а, швидше, формальної логіки, адже йдеться не про засоби вираження обмежувального судження й не про ситуацію *ne... que*, а про зміст окремо взятого судження. На нашу думку, у висловлюванні *Je n'ai que du vin blanc* мовець бере до уваги весь спектр напоїв або значну їх кількість, з якої він вибирає лише один – *du vin blanc*, але не в наказовий спосіб, а згідно з необхідністю, адже коли присутня наказовість, то маємо справу з оцінним судженням. Можна сказати, що мовець описує порівняння з альтернативними об'єктами (можливими світами або ситуаціями), серед яких: сік, аперитив, червоне вино тощо. Механізм суто описового виокремлення одного об'єкта серед однорідних, у нашому випадку *du vin blanc*, може виглядати або: 1) як виокремлення одного об'єкта певного класу серед однорідних, подібних до нього, або 2) як виокремлення одного об'єкта певного класу серед однорідних, не обов'язково подібних до нього, або 3) як виокремлення одного об'єкта серед різних об'єктів усього класу, наприклад:

1) *Les vins: le vin rouge, le vin vert, le vin de liqueur, le vin de table, le vin blanc...*

2) *Les boissons alcoolisés: le champagne, le cognac, le liqueur, la vodka, le vin blanc...*

3) *Toutes les boissons possibles: le jus d'orange, le cognac, l'eau minéral, le vin blanc...*

Рис. 4. Альтернативні випадки виокремлення об'єкта серед однорідних

Потрібно зазначити, що для того, щоб всі три судження набули оцінного характеру, необхідно для кожного з них винайти упорядковуючий принцип, який дозволить розташувати кожний об'єкт у певному порядку та в подальшому змодельовати оцінну шкалу. У випадках (1) та (2) наявність узагальнюючого принципу в кожному з цих рядів у 1) – *les vins*, а в 2) – *les boissons alcoolisées*), який, з одного боку, об'єднує схожі між собою об'єкти, а з іншого – унеможлиблює їх «конкуренцію», робить це завдання складним для виконання. Якщо все ж таки спробувати винайти такий критерій, то ним може бути принцип особистісного вподобання. Наприклад: *Parmi toutes les boissons qu'on a au monde je préfère le champagne et la liqueur, je peux parfois boire du vin blanc mais jamais du vin rouge.*

Ось як виглядатиме оцінна шкала в такому випадку:

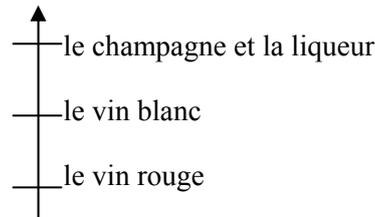

Рис. 5. Рух оцінної шкали об'єктів одного класу

У реченні (3) завжди можна винайти один-єдиний критерій, за яким можуть бути розташовані наведені об'єкти, оскільки вони належать до одного класу напоїв, але є зовсім різними – алкогольні та неалкогольні. Оцінна шкала в такому випадку буде побудована за критерієм міцності напою та виглядатиме так:

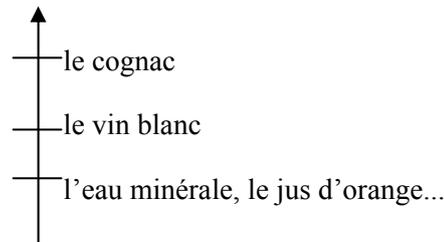

Рис. 6. Рух оцінної шкали об'єктів різних класів

Речення другого, оцінного типу, теж не завжди мають заздалегідь визначене місце свого референта в оцінній шкалі. Наприклад:

(6) *Je n'ai que 20 ans* може мати наступні пресупозиції, що передаються перифразами:

Vingt ans c'est si peu } = 6.1. *Malheureusement je suis si jeune que je ne peux pas accomplir ce travail;*
 = 6.2. *Heureusement je suis si jeune, ma vie vient de commencer.*

Рис. 7. Можливі випадки тлумачення речення (6)

Отже, розуміння цієї фрази може бути різним, її аргументативність може мати зовсім протилежні значення [9, р. 97]. При цьому напрям оцінної шкали залишається незмінним, змінюється лише поріг її доречності (див. рис. 8 на с. 164).

Нарешті, можемо уточнити наше розуміння різниці між двома основними типами вживання обмежувального звороту *ne...que*, які були зафіксовані як різниця між описовістю та оцінкою. Власне, як ми побачили, йдеться про різницю між селективністю та скалярністю. Так, наприклад, у реченні (2) *Je n'ai que du vin blanc*

на семантичному рівні спостерігається процес селективності: серед можливих світів (або ситуацій) обирається один. А в реченні (6) *Je n'ai que 20 ans* встановлюється оцінна шкала, підгрунття майбутньої аргументативної шкали. Якщо речення типу (2) здатні в певних умовах набувати оцінного характеру, то речення типу (6) заздалегідь містять описовий аспект існування певних об'єктів та ситуацій. Але обидва типи речень неминуче натикаються на категорію істинності, яка супроводжує як описові, так і оцінні фрази, що містять *ne... que*: *Je n'ai que 20 ans = J'ai 20 ans*; *Je n'ai que du vin blanc = J'ai du vin blanc*.

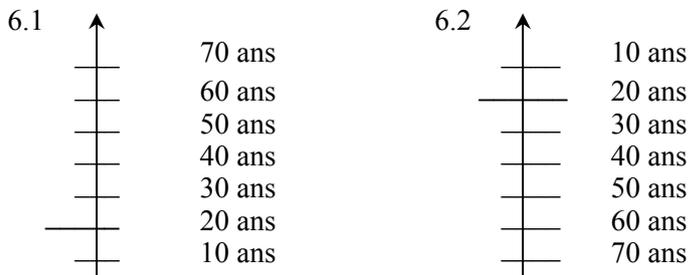

Рис. 8. Рух оцінної шкали «оцінного» судження

Проведімо три експерименти:

№ 1. Умови істинності обмежувальних висловлювань.

Розглянемо речення з *ne...que* оцінного типу:

(7) 7.1. *Ce n'est qu'un conte de fées* = 7.2. *C'est un conte de fée*

7.1. та 7.2. мають однакові умови істинності, адже мова вивчає, насамперед, достовірність слів, уникаючи порушення відповідності між означуваним та означальним, а формальна логіка, в свою чергу, займається умовами істинності, які упорядковують процеси адекватної подачі інформації. У кожному з випадків, коли 7.1. правильне, 7.2. правильне також. Можемо дійти висновку: якщо фраза А, яка містить *ne...que*, має ті самі умови істинності, що й фраза В, за винятком відсутності *ne... que*, то *ne...que* у фразі А є оцінно-скалярною.

Розглянемо речення з *ne...que* описового типу, моделюючи перифрази, які слугуватимуть лакмусовим папірцем для з'ясування їх умов істинності:

- (8) *Il ne conduit que Peugeot* {
- 8.1. *Il ne conduit aucune autre voiture que/sauf Peugeot*
  - 8.2. *S'il n'a pas de Peugeot il ne conduit pas*
  - 8.3. *Il conduit pas autre chose que Peugeot*
  - 8.4. *Il conduit Peugeot, mais il ne conduit pas les autres voitures*
    - 8.4.1. *Il ne conduit rien sauf Peugeot*
    - 8.4.2. *Il ne peut pas conduire sauf Peugeot*

Рис. 9. Можливі випадки тлумачення речення (8)

У кожній з цих перифраз бачимо, що реальний зміст речення буде передаватися через категорію заперечення, але в кожному з цих речень вона передається різними граматичними засобами: у реченні 8.1 – це заперечний прикметник *aucune*, у реченні 8.2 – це заперечні частки *ne... pas*, у реченні 8.3 – через перифразу *pas autre chose que* або через складносурядне речення, як у 8.4 і т.д. Якщо ж ми спробуємо передати зміст того самого речення, але уникаючи категорії заперечення у будь-якому вигляді, то воно виглядатиме так:

(8) *Il ne conduit que Peugeot* ≠ 8.5. *Il conduit Peugeot*.

Як бачимо, речення 8.5 *Il conduit Peugeot* не зовсім передає зміст речення *Il ne conduit que Peugeot* тому, що залишає по собі великий баласт імпліцитно

захованої інформації, без якої це речення не може бути адекватно сприйнятим. Адже речення *Il conduit Peugeot* є суто інформативним і не дає нам ніякої іншої інформації про те, ні які вподобання того суб'єкта, про якого йдеться в реченні, ні про інші причини його вибору, а просто називається марка автомобіля, яким він керує. Отже, висловлювання (8) *Il ne conduit que Peugeot* та 8.5. *Il conduit Peugeot* не мають однакових умов істинності. Дві фрази, що містять *ne... que*, мають однакові умови істинності, якщо вони сумісні з іншими фразами-носіями подібного змісту, або перифразами, які мають однакові імплікації.

Речення 8.4.1. та 8.4.2., що містять прийменник виключення *sauf*, взагалі передбачають виключення елемента із групи інших елементів, зв'язок з якими заперечується. Виключення, що передається за допомогою прийменників *sauf* і *hormis* ті інших, передбачає виділення одного або декількох елементів з групи елементів, із якою встановлюється заперечний зв'язок. Елемент, той що не підпадає під заперечення, не протиставляється іншим, а є одним із складових групи [2, с.34]. Отже, речення 8.4., 8.4.1. та 8.4.2. передають протиставлення між автівками як такими, так і автівками марки *Peugeot*, а не між *Peugeot* та іншими марками автомобілів. В наведених реченнях спостерігається вживання форм категорії заперечення, які в той чи інший спосіб супроводжують обмежувальні висловлювання. Однак у реченні (8) вона формально представлена лише часткою *ne* та має прихований, імпліцитний характер, а в усіх інших вона експліцитно заперечує певні поняття серед однорідних. *Ne...que* може функціонувати як прийменник *sauf*, передаючи виключення, але для цього необхідно, щоб після граматичного форманта слідував елемент, який має узагальнюючий характер, або той, що позначає групу предметів. В такому випадку *que* виключатиме предмет (або предмети), який зберігає позитивний зв'язок з дією. Наприклад:

Il ne restait plus personne, sauf (que) vous et moi [13, p. 207].

Elle voulait l'amour, rien d'autre que (sauf) le fol amour et attendait le prince charmant en brodant ses chemises de nuit [12, p. 37].

Отже, можемо дійти висновку, що в реченнях описового типу, що містять *ne...que*, категорія істинності передається через категорію заперечення, а в реченнях оцінного типу, що містять *ne...que*, – через категорію ствердження. Щойно встановлена різниця еквівалентна різниці, яка існує між семантичним та прагматичним уживанням одного й того самого висловлювання. Справжня різниця, на нашу думку, існує між семантикою висловлювання, тобто висловлюванням, що наділене умовами істинності, які можна виявити шляхом експерименту та аргументацією – уживанням висловлювання з *ne...que* як аргументом з метою побудови висновку/умовиводу. Термін «прагматика» є дуже розпливчастим та занадто узагальнюючим стосовно вживання оператора рестрикції *ne...que*. Розходження існують не між семантикою та прагматикою, а насамперед між семантикою та її складовою – аргументацією. Оцінне *ne...que* не є аргументуючим, воно, швидше, перетворює висловлювання на аргумент та є оператором аргументації.

№ 2. Заперечення обмежувальних висловлювань.

Перш за все перед початком експерименту необхідно подати наше розуміння заперечення. Як відомо, існує кілька типів заперечення (семантичне, металінгвістичне, полемічне тощо). Спробуємо застосувати семантичне заперечення (яке має на меті просте спростування того чи іншого явища або факту) до висловлювань з оператором рестрикції *ne...que* описового та оцінного типів:

(9) 9.1. *Martine n'a parlé que de ses amis* ≠ 9.2. *Martine n'a pas parlé que de ses amis*;

(10) 10.1. *Martine n'est qu'une élève moyenne* ≈ 10.2. *Martine n'est pas qu'une élève moyenne*.

Отже, якщо висловлювання містить оператор *ne...que*, то семантичне заперечення, скероване на це висловлювання, змінює умови його істинності таким чином, що воно стає хибним стосовно попереднього. Заперечення у даному випадку скеровано на референт, до якого відноситься оператор *ne... que*. Якщо вживання часток заперечення справляє незрозуміле враження, то йдеться про *ne... que* оцінно-скалярне. У випадку 9.2. стверджується обмежувальне поняття *ses amis*, яке стверджувалося і в 9.1., але в 9.2. воно набуває додаткового змісту (наприклад: *de ses parent, de ses habitudes*). А ось у реченні 10.2. зміст залишається дещо розпливчастим, тому що незрозуміло, куди піде напрямок оцінної шкали, тобто що мається на увазі. У наступному прикладі спробуємо все ж таки винайти інтерпретацію заперечення оцінно-скалярного *ne... que*.

(11) 11.1. *Ce parfum ne coûte pas que 100 €*, що може бути зрозумілим як:

11.2. *Le parfum coûte plus de 100 €*

Надамо варіанти інтерпретації 11.2:

11.2.1. *Le parfum ne coûte pas que 100 €; il coûte 109,99 €, або*

11.2.2. *Le parfum coûte plus de son prix en argent, un prix d'une autre nature.*

Отже, можемо дійти висновку, що коли заперечення скероване на оцінно-скалярне *ne... que*, саме це заперечення в такому випадку є полемічним. Як бачимо, другий експеримент є наслідком першого. Категорія заперечення може застосовуватися як до висловлювань описового типу, що містять *ne... que*, так і до висловлювань оцінного типу. Основна ж різниця існує лише у типі заперечення, що вживається у цих висловлюваннях. Семантичне заперечення може застосовуватися лише до іншого семантичного оператора, коли йдеться про *ne...que* описове, а полемічне заперечення застосовується до *ne... que*, яке виконує функцію оператора аргументації, а саме до *ne... que* оцінно-скалярного.

Таким чином, розробка стратегії керування актом мовлення припускає забезпечення мовцем таких умов, як цілісність, послідовність, доречність, технічна організація акту мовлення і т. ін. Від успішної розробки цієї стратегії багато в чому буде залежати успішна інтерпретація співрозмовником змісту висловлювання. Вибір засобів для розв'язання усіх цих завдань здійснюється мовцем відповідно з метою та змістом акту мовлення. Обмежувальні висловлювання, зокрема оцінно-скалярного типу, виступають у якості аргументів, що реалізують себе як поліструктури динамічного характеру. Ця поліструктура складається з окремих частин таким чином, що попередня її частина зумовлює існування наступної, а самі висловлювання виступають як логіко-лінгвістичний механізм, що має свої особливості та різновиди. Важливим є і те, що необхідно усвідомлювати умовну межу, яка відокремлює семантику та прагматику висловлювання від логіки, яка займається переважно формальними мовними підрахунками. Ключовим тут є поняття імплікатури, воно являє собою переосмислення логічного поняття імплікації. При цьому застосовується логічний зв'язок, який відповідає формулі «А є наслідком В» або «В є наслідком А».

Перспективною подальшого дослідження можуть стати функціонально-семантичні аспекти категорії заперечення та ствердження в аспекті базової дихотомії мови та мовлення, а також номінативний та референційний аспекти категорії обмеження у сучасній французькій мові. Семантико-структурні та комунікативно-прагматичні особливості обмежувальних зворотів можуть бути використані в подальшому дослідженні взаємовідношень заперечного й стверджувального компонентів значення висловлювання.

Бібліографічні посилання

1. **Аристотель.** Категории / Аристотель // Сочинения в 4 т. – М., 1978. – Т. 2. – С. 51–91.
2. **Бурчинский В. Н.** Категория ограничения и некоторые её реализации / В. Н. Бурчинский // Французский язык и межкультурная коммуникация : матер. Междунар. науч. конф. (Пятигорск, 25–26 марта 2008). – Пятигорск : ПГЛУ, 2008. – 268 с.
3. **Гак В. Г.** Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.
4. **Инькова-Манзотти О. Ю.** Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование) : [моногр.] / О. Ю. Инькова-Манзотти. – М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2001. – 432 с.
5. **Селиванова Е. А.** Основы лингвистической теории текста и коммуникации : [монограф. учеб. пособие] / Е. А. Селиванова. – К. : ЦУЛ «Фитосоциоцентр», 2002. – 716 с.
6. **Сэпир Э.** Градуирование: Семантическое исследование / Э. Сэпир // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 16. – С. 43–78.
7. **Debacker L.** L'antropologie du langage dans l'ecole de linguistique de Saint-Petersbourg [Электронный ресурс] / L. Debacker. – Université catholique de Louvain. – Année académique 2005–2006. – Доступный з: <<http://edoc.bib.ucl.ac.be:81/ETD-db/collection/available/BelnUcetd-06262006-220358.html>>
8. **Galatanu O.** Argumentation et analyse du discours / O. Galatanu // Jalons 2. – Presses Universitaires de Turku, Finlande, 1999. – P. 41–54.
9. **Galatanu O.** La dimension axiologique de l'argumentation / O. Galatanu // Les facettes du Dire. – P. : Kimé, 2002. – P. 93–107.
10. **Ogden C. K.** Opposition. A Linguistic and Psychological Analysis / C. K. Ogden. – London, 1932. – P. 24–58.
11. **Tarde G.** L'opposition universelle / G. Tarde. – P., 1897. – P. 42–102.
12. **Chaix M.** Les silences ou la vie d'une femme / M. Chaix. – P. : Editions du seuil, 1976. – 154 p.
13. **Modiano P.** Les boulevards de centure / P. Modiano. – M. : Radougat, 1982. – 98 p.
14. **Montupet J.** Couleurs de paradis / J. Montupet. – P. : Robert Laffont, 1990. – 541 p.

Надійшла до редколегії 10.06.10

УДК 811.161.1'373.421

О. Е. Козлова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ТИПЫ СИНОНИМИИ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Розглянуто різновиди синонімічних відносин між значущими одиницями різних рівнів сучасної російської мови.

Ключові слова: синонімія, синонім, значуща одиниця, афіксальні синоніми, лексичні синоніми, граматичні синоніми.

Рассмотрены разновидности синонимических отношений между значимыми единицами разных уровней современного русского языка.

Ключевые слова: синонимия, синоним, значимая единица, аффиксальные синонимы, лексические синонимы, грамматические синонимы.

The varieties of synonymic relations between meaningful units of different levels of modern Russian are considered.

Key words: synonymy, synonyms, meaningful unit, affixal synonyms, lexical synonyms, grammatical synonyms.

© Козлова О. Е., 2010

Синонимией в современной лингвистике называют особый вид отношений между единицами языка, суть которого состоит в полном или частичном совпадении их значений [2, с. 446]. При этом давно признано, что синонимия относится к универсальным явлениям и охватывает все уровни значимых единиц языка – морфемный, лексический, фразеологический и грамматический (морфологический и синтаксический).

Так, в русском языке широко представлена синонимия словообразовательных морфем, когда одно и то же деривационное значение выражается разными аффиксами (*премилый* – *милейший*, *черниговец* – *киевлянин* – *москвич* – *туляк* – *одессит* – *киприот*).

На фразеологическом уровне выделяют эквивалентные по значению устойчивые словосочетания типа *во все горло* – *во всю Ивановскую*, *бить баклуши* – *лодыря гонять* и под.

К морфологической синонимии можно отнести функционально-семантическую тождественность грамматических форм, например, некоторых страдательных и возвратных причастий (*читанная нами книга* – *читавшаяся нами книга*, *продаваемые вещи* – *продающиеся вещи*).

Довольно широко распространена и описана во многих лингвистических исследованиях синтаксическая синонимия в русском языке (см. [1]): *Зайди я на час раньше* – *я бы их увидел*. *Если бы я зашел на час раньше, я бы их увидел*.

Наиболее полно изучена применительно к русскому языку лексическая синонимия. Именно лексические синонимы тщательно классифицированы с точки зрения их семантических, стилистических и функциональных свойств и отличий [4, с. 632–648].

Таким образом, основное внимание лингвисты уделяют тем синонимичным отношениям, которые наблюдаются у единиц одного языкового уровня. Между тем уже довольно давно была высказана мысль о том, что «все обычно выделяемые уровни языка образуют иерархию лишь своими формальными свойствами в том смысле, что из звуков складываются морфы, из морфов – слова, из слов – предложения. Своими содержательными свойствами значимые единицы языка далеко не всегда образуют иерархию. Одно и то же содержание, в принципе, может быть выражено морфемой, словом или словосочетанием» [3, с. 20].

Очевидно, что единицы разных языковых уровней, выражающие одно и то же значение, представляют собой особый тип синонимов, однако их исследованию в современной русистике еще не уделялось достаточного внимания, и специалисты в области синонимии обычно ограничиваются констатацией подобных фактов, например: «Синонимичными могут также быть слово и словосочетание («ударить» – «нанести удар»), слово и аффикс («маленький нос» – «носик») и т. п.» [2, с. 446].

Как показывают наши наблюдения, явление межуровневой синонимии, то есть синонимии единиц различных уровней языка, встречается не так уж редко, а его изучение представляет немалый теоретический и практический интерес.

Задача нашей статьи – выделить различные типы межуровневых синонимов в русском языке, проанализировать возможности их взаимозамещения и стилистические отличия.

Первая разновидность межуровневой синонимии – синонимия словообразовательного аффикса и лексической единицы. В такие синонимичные отношения в русском языке прежде всего способны вступать аффиксы с так называемым модификационным значением, то есть такие морфемы, которые привносят в семантическую структуру производного слова оттенки увеличительности, уменьшительности, оценки, подобия и др. (см.: [5, с. 200–218, 332–333] и др.). Производные с этими аффиксами всегда принадлежат к той же части речи, что и производящие.

Так, приставки и суффиксы качественных прилагательных, выражающие высокую или низкую степень проявления признака, синонимичны наречиям меры и степени: *премилый* – **очень, весьма милый**; *разлюбезный* – **очень, весьма любезный**, *супермодный* – **очень модный**, *толстенный* – **очень толстый**, *горячуший* – **очень горячий**, *красноватый* – **не очень, не совсем, слегка, чуть-чуть красный** и т. д.

При этом суффиксы *-ейш-* и *-айш-* у прилагательных, которые традиционно относят к превосходной степени [6, с. 228–229], а «Русская грамматика» рассматривает как обычные производные лексемы [5, с. 301], могут быть синонимичны или наречию *очень* (в значении элятива: *милейший человек* = *очень милый человек*), или местоименному прилагательному *самый* (в значении суперлатива: *Эльбрус* – *высочайшая гора Кавказа* = *Эльбрус* – *самая высокая гора Кавказа*).

Суффиксы подобия качественных прилагательных *-оват-* и *-ист-* эквивалентны конструкции «похожий на то, что названо корнем» или сравнительному обороту «как то, что названо корнем»: *шелковистый* – *похожий на шелк, как шелк*; *мешковатый* – *похожий на мешок, как мешок*.

Еще чаще вступают в синонимичные отношения с лексическими единицами модификационные аффиксы существительных. Так, суффиксы *-иц(a)* и *-их(a)* со значением «существо женского пола» в названиях животных эквивалентны существительному «самка»: *тигрица* – *самка тигра*, *слониха* – *самка слона*.

В то же время производные названия лиц женского пола далеко не во всех случаях можно заменить эквивалентным словосочетанием со словом «женщина». Замена невозможна, если производное называет женщину по месту проживания, национальности, семейному положению, титулу (*горянка, москвичка, генеральша, баронесса*). У всех подобных производных отсутствуют синонимичные словосочетания типа **женщина-москвич, *женщина-барон*.

С другой стороны, названия женщин по профессии, должности, квалификации, званию (*аптекариша, врачиха, директриса, майорша*) в настоящее время ушли в разговорную речь. В русском литературном языке (особенно в официально-деловом стиле) закрепилась традиция обозначать в таких случаях лиц обоего пола существительными мужского рода (*преподаватель Иванова, майор Петрова*), хотя при необходимости можно использовать словосочетания типа «женщина-космонавт», «женщина-хирург».

Без ограничений вступают в синонимические отношения с существительным «детеныш» модификационные суффиксы существительных со значением невзрослости: *медвежонок* – *детеныш медведя*, *кенгуренок* – *детеныш кенгуру*, *змееныш* – *детеныш змеи*.

Аффиксы существительных со значением увеличительности и уменьшительности в одних случаях эквивалентны лексемам «большой» и «маленький», которые являются самыми универсальными средствами обозначения размера предмета в русском языке, а в других случаях их словообразовательное значение осложнено оценочным элементом, не поддающимся «переводу» на лексический уровень. Так, продуктивными средствами указания на большую величину того, что названо производящим существительным, являются приставки *супер-* (*супертанкер*), *гипер-* (*гиперинфляция*), *мега-* (*мегазвезда*), *архи-* (*архиплут*), *сверх-* (*сверхдоходы*). Практически всегда вместо таких приставочных существительных возможно использование сочетаний их производящих с прилагательным «большой».

Словообразовательная семантика увеличительности, выражаемая суффиксами *-ин(a)*, *-иц(e, -a)* и *-уг(a)* дополняется оценочным значением, и все производные обладают яркой разговорной окраской: *домица, бородачица, ветрюга*. По этой причине словосочетания типа «большой дом», «большая борода», «большой ветер»

являются лишь частичными синонимами производных, которые не функционируют в письменных стилях литературного языка.

Значение уменьшительности выражается в русском языке заимствованными приставочными элементами *микро-* и *мини-*, которые используются, в основном, в книжных стилях и могут заменяться в словосочетаниях прилагательным «маленький» или его лексическими синонимами: *микроинфаркт*, *мини-юбка*.

Суффиксы со значением уменьшительности, как правило, осложнены оценочной семантикой. Исключения составляют только несколько заимствованных морфем: *статюя* – *статюэтка*, *ария* – *ариетта*. Исконные суффиксы обычно выражают, кроме уменьшительного, ласкательное или уничижительное значение: *городок* – *городушко*, *домик* – *домишко*, *комнатка* – *комнатушка*, *рыбка* – *рыбешка* и т. д.

Особенностью русского языка является то, что большой или малый размер предмета может в одном контексте одновременно обозначаться и словообразовательными, и лексическими средствами: *маленький домик*, *огромный домина*, *небольшой захудалый городишко*. В то же время оценочный элемент семантики у производных настолько силен, что в каждом из них значение увеличительности или уменьшительности может ситуативно нейтрализовываться: *Ну и морозец сегодня!* *Домик построил неплохой: два этажа, бассейн, встроенный гараж*.

Существительные со значением собирательности по семантике близки формам множественного числа производящих (*студенчество* – *студенты*). Однако сочетаясь с названиями растений, суффиксы собирательности выражают значение, синонимичное словам «лес», «заросли»: *малинник* – *заросли малины*, *сосняк* – *сосновый лес*.

Другие модификационные значения существительных не имеют синонимичных лексических средств. Так, семантика подобия у производных *глазок*, *сердечник*, *зубец* не может быть передана конструкцией «похожий на то, что названо производящим», потому что в основу номинации в таких случаях кладется не столько внешнее сходство, сколько сходство функций, предназначенности, расположения и т. п.

Суффиксы существительных и прилагательных с так называемыми мутационными значениями обычно не имеют лексических синонимов, так как семантика производных, как правило, фразеологична (ср.: *подорожник* – трава, *пограничник* – служащий пограничных войск). Однако если значение производного равно сумме значений, составляющих основу морфов, синонимия аффикса и лексемы возможна (*гордец* – *гордый человек*, *добряк* – *добрый человек*). Синтез значения производных в этих случаях является однозначным благодаря тому, что корни называют признаки, свойственные только людям (ср.: существительное *остряк* мотивировано только одним из ЛСВ прилагательного *острый* и толкуется не как «острый человек», а как «остроумный человек»).

Отметим, что глагольные аффиксы со значениями высокой / слабой интенсивности, однократности, продолжительности действия, несмотря на «прозрачность» своей семантики, не могут замещаться лексическими единицами. Например, значение интенсивности действия, выраженное приставками, может только уточняться различным наречиями: *чуть приоткрыть*, *слегка надрезать*, *сильно пережарить*, *чуть-чуть пересолить*), а глаголы со значением однократности или небольшой длительности действия могут сочетаться с лексическими показателями количества или времени действия: *прыгнуть сто раз*, *позаниматься два часа*. Пожалуй, только глагольные приставки со значением начала или завершения действия имеют синонимичные глаголы *начать* и *закончить*: *поехать* – *начать ехать*, *зпеть* – *начать петь*, *отработать* – *закончить работать*, *дочитать* – *закончить читать*, хотя замещение приставочного глагола словосочетанием с фазовым глаго-

лом возможно тоже не всегда (ср.: *Этот станок заработал (=начал работать) два дня назад*, но: *Я начал работать два года назад*).

Гораздо реже встречается в современном русском языке синонимия грамматических аффиксов и слов. Здесь можно отметить разные способы выражения семантики сравнительной степени качественных прилагательных и наречий. Синтетические формы компаративов образуются от основ прилагательных с помощью суффиксов *-ее/-ей*, *-е* и *-ше* (*белее, ярче, раньше*), но такое же значение выражается сочетанием слов *более(менее)* и формы положительной степени прилагательного или наречия: *умнее – более умный, глубже – более глубоко*. Так как лексическое значение признака выражается корневой морфемой, то очевидно, что синонимичными являются грамматические суффиксы и словоформа *более*. Следует, однако, учесть, что аналитическая форма сравнительной степени употребляется только со сравнительным оборотом с союзом *чем* и именительным падежом существительного (*розы более красивы, чем тюльпаны*), а синтетическая форма может употребляться не только со сравнительным оборотом, но и с родительным падежом существительного (*розы красивее, чем тюльпаны; розы красивее тюльпанов*).

Третий тип межуровневой синонимии – синонимия некоторых грамматических форм глагола и разных типов придаточных предложений.

Так, грамматисты отмечают синонимичность причастий и придаточных определительных предложений: *Вылетевший в десять утра самолет уже приземлился – Самолет, который вылетел в десять утра, уже приземлился; На столе лежит прочитанная мною книга – На столе лежит книга, которую я прочитал*.

Гибридное значение, выражаемое причастиями, в таких придаточных «расчленяется»: семантика признака передается союзным словом *который*, а спрягаемая глагольная форма называет действие. Кроме залоговых значений, при замене причастия придаточным предложением нужно учитывать и особую временную соотношенность причастных форм и форм глагольных сказуемых.

Так, причастия прошедшего времени в придаточных предложениях всегда заменяются формами прошедшего времени глагола: *Мы видели птиц, прилетевших с юга – Мы видели птиц, которые прилетели с юга; Мы видим птиц, прилетевших с юга – Мы видим птиц, которые прилетели с юга; Скоро мы увидим птиц, прилетевших с юга – Скоро мы увидим птиц, которые прилетели с юга*.

Значение настоящего времени в причастных формах всегда относительно и указывает на одновременность с действием глагола-сказуемого, что влияет на выбор временной формы глагола в придаточном предложении: *Я видел почтальона, несущего мне письмо – Я видел почтальона, который нес мне письмо; Я вижу почтальона, несущего мне письмо – Я вижу почтальона, который несет мне письмо*.

Отметим также, что причастия синонимичны придаточным предложениям только в функции определения, тогда как в роли именной части составного именного сказуемого их замена придаточными невозможна: *Цветы были увядшими; Урожай собран*.

Более разнообразные синонимичные отношения с придаточными предложениями имеют деепричастия. Это объясняется тем, что деепричастия способны не только называть дополнительное действие субъекта, но и обстоятельно характеризовать сказуемое. Так, деепричастия несовершенного вида обычно обозначают одновременное с главным дополнительное действие (*Он шел, разглядывая витрины*), но в некоторых случаях они указывают на различные обстоятельства действия субъекта (*Упорно работая, ты добьешься успеха*). Синонимичное значение в этом случае можно выразить придаточным условным с глаголом в аналитической форме будущего времени: *Если будешь упорно работать, добьешься успеха*.

Иногда деепричастие несовершенного вида выражает каузативную семантику и может быть заменено придаточным причины. В таких случаях спрягаемая форма глагола в придаточном должна иметь то же значение времени, что и сказуемое в главной части: *Он всегда **проверяет** чеки, боясь, что его обсчитают* – *Он всегда **проверяет** чеки, так как **боится**, что его обсчитают*; *Он всегда, **проверял** чеки, боясь, что его обсчитают* – *Он всегда **проверял** чеки, так как **боялся**, что его обсчитают*.

Деепричастия совершенного вида чаще всего обозначают действие, предшествующее главному действию субъекта (*Сделав покупки, он вышел из магазина*). Такие деепричастия могут замещаться придаточными времени с глагольной формой прошедшего времени. В зависимости от того, какое видовое значение имеет глагол-сказуемое в главной части, форма прошедшего времени в придаточном предложении может быть совершенного или несовершенного вида: *Он остановился, только дойдя до перекрестка* – *Он **остановился**, только когда **дошел** до перекрестка*; *Он **останавливался**, только дойдя до перекрестка* – *Он **останавливался**, только когда **доходил** до перекрестка*.

Таким образом, в современном русском языке наблюдается несколько типов синонимии значимых единиц разных уровней: 1) синонимия аффиксальных и лексических средств; 2) синонимия грамматических форм и словосочетаний; 3) синонимия грамматических форм и придаточных предложений. При этом межуровневые синонимы почти не бывают «дублетными»: каждый из них выражает приблизительно одинаковое значение по-своему. Так, большинство словообразовательных аффиксов со значением увеличительности или уменьшительности имеют яркую оценочную семантику, что (в отличие от синонимичных лексических средств) ограничивает их употребление разговорной речью. Синонимичные формы сравнительной степени прилагательных и наречий и сочетания слов «более/менее» с формой положительной степени различаются способностью употребляться в разных синтаксических конструкциях; причастия способны замещаться придаточными предложениями только в функции определения, а деепричастия иногда выражают семантику, синонимичную некоторым типам обстоятельственных придаточных предложений. Дальнейшее изучение разных видов межуровневой синонимии позволит дополнить представления о тех типах значений, которые могут адекватно выражаться различными языковыми средствами.

Библиографические ссылки

1. **Золотова Г. А.** Синтаксическая синонимия и культура речи / Г. А. Золотова // Актуальные проблемы культуры речи. – М. : Наука, 1970. – С. 178–217.
2. **Лингвистический энциклопедический словарь** / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
3. **Милославский И. Г.** Вопросы словообразовательного синтеза / И. Г. Милославский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 296 с.
4. **Новиков Л. А.** Избранные труды. – Т. 1. Проблемы языкового значения / Л. А. Новиков. – М. : Изд-во РУДН, 2001. – 676 с.
5. **Русская грамматика** : в 2 т. / [под ред. Н.Ю. Шведовой]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 684 с.
6. **Цыганенко Г. П.** Морфология современного русского языка. Введение. Именные части речи / Г. П. Цыганенко. – Донецк : Каштан, 2005. – 343 с.

Надійшла до редколегії 26.05.10

УДК 811.161.1'373.46

Е. А. Конопелькина

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ПО РОДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВОМ АСПЕКТЕ (на материале лексики экономико-правовой сферы русского языка)

Розглянуто питання про функціонально-стильову віднесеність найменувань осіб за родом діяльності (НОД), що функціонують у сфері економіки та права; визначено місце НОД у термінологічній системі економіко-правничої сфери російської мови; схарактеризовано НОД за ступенем термінологізації; визначено типи НОД як одиниць спеціальної комунікації.

Ключові слова: найменування осіб за родом діяльності, економіко-правнича сфера, термін, професіоналізм, передтермін, ступінь термінологізації.

Рассмотрен вопрос о функционально-стилевой принадлежности наименований лиц по роду деятельности (НЛД), функционирующих в сфере экономики и права; определено место НЛД в терминологической системе экономико-правовой сферы русского языка; НЛД охарактеризованы с точки зрения степени их терминологизации; выделены типы НЛД как единиц специальной коммуникации.

Ключевые слова: наименования лиц по роду деятельности, экономико-правовая сфера, термин, профессионализм, предтермин, степень терминологизации.

The article deals with the analysis of the functional and stylistic characteristic of the denominations of persons according to their field of activity; the place of DPs in the terminological system of the economic and legal field of the Russian language is determined; DPs are characterized in accordance with the degree of their terminologization; the types of DPs which function as units of special communication are detailed.

Key words: denomination of persons according to their field of activity, economic and legal field, term, professionalism, preterm, the degree of terminologization.

Обозначения лица занимают центральное место в номинативном инвентаре языка, поскольку представления о человеке и его многообразной деятельности образуют один из важнейших фрагментов языковой картины мира. Наименования человека составляют значительную часть любого национального словаря и могут исчисляться десятками, сотнями тысяч единиц [18, с. 5]. Многочисленность и разнородность номинаций лиц в общей системе языка, и в системах профессиональной коммуникации в частности, неизбежно вызывает необходимость в прояснении вопросов о функционально-стилевой принадлежности наименований лиц по роду деятельности (НЛД) и степени их терминологичности. Рассмотрение данных вопросов и является *целью* настоящей статьи, для достижения которой необходимо решить следующие *задачи*: 1) определить место НЛД в терминологической системе экономико-правовой сферы (ЭПС) русского языка; 2) охарактеризовать НЛД с точки зрения степени их терминологичности; 3) выделить типы наименований лиц по роду деятельности как единиц специальной коммуникации. Перейдем к изложению результатов наших наблюдений.

В подсистему наименований лиц ЭПС по роду деятельности входят как названия лиц по профессии и роду трудовых занятий, то есть имена профессиональных деятелей (*авиаброкер, агент грузоотправителя, внешний аудитор, распорядительный директор* и т. д.), так и имена непрофессиональных деятелей, а именно: а) имена сторон, экономических и правовых субъектов: *залогодержатель, истец, заявитель в страховании, индивидуальный инвестор*; б) имена лиц, чья деятель-

ность находится вне правового поля: *мошенник, кидала, киллер, наперсточник, наркоторговец* и т. д.

Одним из главных вопросов при рассмотрении наименований лиц по роду деятельности, и в особенности профессиональной, является вопрос об их принадлежности / непринадлежности конкретной терминосистеме и их дальнейшем членении в зависимости от степени информационной содержательности и кодифицированности.

Названия лиц по роду профессиональной и трудовой деятельности составляют важную часть общелитературного словаря: они активно используются во всех функциональных разновидностях литературного языка. В то же время многие из данных наименований именуют узкие специальности и принадлежат языку для специальных целей, являясь частью определенной понятийной системы. Наиболее употребительной является давняя по происхождению и устойчивая в языке группа наименований, которые не носят узкоспециального характера, служат обозначениями профессиональных «категорий», являются общеотраслевыми (*учитель, врач, продавец, слесарь, плотник*). В большинстве случаев это однословные названия «массовых» профессий. По мнению Е. Н. Квашниной, именно они, теряя связь с узкоотраслевой терминологией, становятся социально-экономическими терминами, определяя организацию общественного труда в целом [11, с. 75]. Вписываясь в пространство двух взаимодействующих автономных систем, исследуемая группа наименований оказывается в положении «пограничной» зоны между обыденным и специальным знанием [6]. В языке данная группа представлена многотысячным корпусом наименований, которые являются частью общеупотребительного языка и принадлежат языкам профессиональной коммуникации.

Л. А. Шкатова считает наименования лиц по профессии терминами, обосновывая это тем, что они обладают основным свойством терминов – функцией логического определения. Они имеют строго определённое содержание, в ряде случаев не совпадающее со значением слова в неспециальном употреблении. Термины эти закрепляются в специальной литературе, их сознательно строят и стремятся объединить в систему [28, с. 41]. Вторую важную особенность терминов составляет систематичность, принадлежность к единому терминологическому полю. Наименование профессии, функционирующее в качестве термина, занимает определённый участок этого поля. Для термина, обозначающего наименование лица по профессии, характерна существенная особенность: он парадигматичен семантически и моносемичен в пределах терминологического поля. Это означает, что в каждой терминологии он соотносён с теми или иными понятиями, образующими его поле в какой-либо терминологии [27, с. 95].

Применительно к современному состоянию языка в многочисленной лексико-тематической группе наименований лиц по профессии можно указать на слова, обладающие основными признаками терминов. Они обычно закрепляются официальными документами (классификаторами, перечнями, тарифно-квалификационными справочниками, официальными списками), к ним предъявляют требования, как к терминам, их сознательно строят, унифицируют и пытаются согласовать в международном масштабе при разработке международных классификаций [28, с. 24].

Многие исследователи (А. И. Моисеев, В. П. Даниленко, А. В. Суперанская, Е. Н. Квашнина, Л. В. Житникова, Е. И. Голованова, Э. М. Ляпкина, Н. О. Труфанова и др.) в своих трудах также считают наименования лиц по профессии терминами, приводя доказательства их специфичности и принадлежности к языку для специальных целей.

Основной массив исследуемой лексической подсистемы составляют терминологические наименования, т. е. наименования, обладающие чётко закреплённым

значением и используемые, главным образом, в специальных сферах общения. Исходя из этого, к наименованиям лиц по профессиональной и трудовой деятельности применимы общие закономерности формирования и развития терминосистем. Терминосистема – это упорядоченная совокупность терминов, адекватно выражающих систему понятий теории, описывающей некоторую специальную сферу человеческих знаний или деятельности [16, с. 22]. Устойчивая совокупность терминов становится системой лишь в той мере, в какой сложилась соответствующая область знаний. Любой терминосистеме присуща динамичность, способность к развитию и совершенствованию, а также поэтапность развития. Каждый этап развития терминосистемы представляет собой лингвистически зафиксированную совокупность понятий.

По мнению Э. М. Ляпковой, терминосистему наименований лиц по профессии характеризуют следующие семантические признаки: 1) системность как результат искусственного упорядочения терминов, отражающих понятия профессиональной коммуникации; 2) целостность, которая обеспечивается внутренними концептуальными понятийными связями и отношениями в терминосистеме; 3) стабильность (устойчивость), сохраняющаяся в целом при появлении новых или исчезновении старых понятий; 4) однозначность или стремление к однозначности в пределах своего терминологического поля; 5) многословность элементов терминосистемы, где словосочетания количественно превосходят однословные термины; 6) наличие в терминосистеме заимствований, обусловленное фактором экстралингвистического характера; 7) наличие в терминосистеме синонимов; 8) наличие большей части мотивированных терминов; 9) стилистическая нейтральность [18, с. 45].

Очевидно, что к терминологической системе в первую очередь имеют отношение наименования лиц по профессии, должности, специальности, различным видам трудовой деятельности, совершаемой в рамках закона. Как общепризнанные термины функционируют в терминосистемах экономики и права названия сторон и субъектов экономико-правовых отношений. Специфика этих наименований состоит в том, что они включены в профессиональную деятельность, используются в специальной сфере общения. Вместе с тем определённая часть данных наименований активно функционирует и в общелитературном языке, что подтверждается включением их в общелитературные словари. В связи с этим встаёт вопрос о степени терминологизации указанных наименований.

Терминологизация, как лингвистический процесс, характеризуется сужением лексического значения, специализацией языковых средств выражения понятий официально-деловой сферы, тенденцией к регулярности. Терминологизация наименований лиц по роду деятельности влечёт за собой закрепление их за определённой отраслью производства. Подобная специализация лексического значения даёт возможность сохранить в новых терминах указание на связь специального и общеупотребительного понятий, а также передать характер их отношений. Именно от степени терминологизации будет зависеть, считает Л. А. Шкатова, какое место займёт термин в терминосистеме: ядерное, центральное или периферийное. Под терминологизацией наименований лиц Л. А. Шкатова понимает процесс закрепления за ними специального, чётко определённого содержания, совершающийся в сфере функционирования естественной терминологии и заканчивающийся в сфере фиксации закреплением в специальных словарях, справочниках, классификаторах. Исследователь указывает на три степени терминологизации обозначений лиц: нулевую (у общеупотребительных, неспециальных слов), среднюю (у «бытующих» терминов, не имеющих строго определённого содержания) и высокую (у официально принятых кодифицированных знаков строго определённого содержания) [29].

Е. И. Голованова предлагает отказаться от нулевой степени терминологизации и взамен неё вводит понятие низкой степени терминологизации, которому соответствует базовый уровень категоризации профессионального деятеля*. Это значит, что к низкому уровню терминологизации относятся наименования, представленные как в терминосистемах, так и в общелитературном языке. Это, как правило, названия массовых общеотраслевых профессий: *инженер, продавец* и др. Терминологическое содержание данных наименований определяется в рамках соответствующей терминологии, где за ними закреплено конкретное содержание деятельности (виды работ, круг обязанностей и т. д.) [6, с. 100].

Средней степени терминологизации будет соответствовать тематический уровень категоризации профессионального деятеля. На лексическом уровне здесь представлены наименования, содержащие указание на видовое понятие (помимо родового): *биржевой нотариус, оператор расчетов по бездокументарным векселям* и др. Это самая многочисленная группа наименований.

Наконец, высокой степенью терминологизации отличаются наименования, носящие узкоспециальный характер и составляющие субтематический уровень категоризации профессионального деятеля. Они содержат указание на родовой признак лица, видовой признак и уточнение-конкретизатор. Такие наименования не имеют широкого распространения, обычно малоизвестны: *бухгалтер-контролер по исполнению сметы, главный финансовый директор корпорации* и др.

Целый ряд авторов отмечает как специфическую черту терминологии общественных наук наличие в них большого количества терминов «размытой», «нежесткой» семантики (см.: [6; 14; 25 и др.]). «Естественно сложившиеся терминологии, – пишет Т. Л. Канделаки, – обычно имеют существенные недостатки, многозначность, термины-дубликаты, неправильно ориентирующие термины, многие понятия вообще не имеют определенного термина. Терминологии, как правило, формируются стихийно, понятия возникают не одновременно, поэтому в каждой системе научных понятий не соответствует система однозначных, согласованных терминов» [10, с. 8].

Складывающаяся в настоящее время система русской общей экономической и экономико-правовой терминологии не лишена всех этих недостатков. Развиваясь в естественной языковой среде и находясь в прямой зависимости от социальной, правовой и экономической структуры общества, экономические термины зачастую оказываются многозначными, вступают в синонимические отношения, не соответствуют требованиям краткости и неизменности написания и т. д. Кроме того, социальная значимость рассматриваемой терминосистемы, обусловленная тем, что многие тексты экономического содержания не создаются специально для экономистов, а являются продуктом массовой коммуникации, способствует активизации процесса превращения терминов в общеупотребительные слова (т. е. фактически процессу детерминологизации) [25, с. 11]. Пользуясь классификацией В. Г. Гака [5], выделившего разные типы соотношений между терминологической и нетерминологической лексикой, можно сказать, что значительная часть экономических и правовых терминов в русском языке принадлежит к категории «двуплановых лексических единиц», выступающих как в функции термина, так и в функции нетермина [5, с. 27]. В качестве иллюстрации можно привести такие обозначения понятий экономико-юридической сферы, как *автор* [1; 2], *аферист* [1], *беженец* [20], *безработный* [1; 22; 21], *бомж* [1; 20], *мэр* [21; 20] и т. д., в свою очередь, в сфере юриспруденции могут функционировать в качестве обозначений юридических понятий общеупотребительные слова *вдова, вдовец* [3], *глава семьи* [3], *жулик* [3], *знакомый*

* Вопрос об уровнях категоризации наименований лиц по роду деятельности освещен в статье [12].

[3], *изменник (предатель)* [3], *картежник* [3], *клеветник* [3], *мать* [3], *наследник* [3; 2; 20], *незнакомец* [3] и др.

В связи с отмеченным к определению особой природы экономико-правовых терминов как нельзя более применим функциональный подход, суть которого в свое время сформулировал Г. О. Винокур: «В роли термина может выступать любое слово <...> Термины – это не особые слова, а только слова в особой функции» [4, с. 5]. Это положение получило развитие в работах ряда авторов. Приведем характерное для этого подхода высказывание В. М. Лейчика: «...языковая единица получает признаки термина постольку, поскольку она выступает в терминологической функции, и теряет их в том случае, когда данная единица перестает быть термином» [17, с. 10]. С. В. Гринев также указывает на то, что «...граница между терминологической и общеупотребительной лексикой ... имеет не исторический, а функциональный характер» [7, с. 29].

Язык специальной (профессиональной) коммуникации неоднороден по своему составу, помимо терминологии, в нём вычленяются и другие языковые страты, в зависимости от степени информационной содержательности и кодифицированности используемых здесь единиц: устная профессиональная лексика (профессионализмы), профессиональные жаргонизмы, терминоиды, предтермины, квазитермины, прототермины. Некоторые из отмеченных единиц достаточно подробно описаны в литературе, в частности, профессионализмы и специальные жаргонизмы. Идентификация других, как отмечают исследователи, пока еще затруднительна [23, с. 260].

Ядро языка профессиональной коммуникации составляет терминология, его окологерную зону – устная профессиональная лексика, далее располагаются профессиональные жаргонизмы и наименования, находящиеся на пути к тому, чтобы стать терминами – терминоиды, предтермины и т. д. В отличие от профессионализмов и профессиональных жаргонизмов, функционирующих на основе узуальных норм в разговорной профессиональной речи, термины кодифицированы в данном этническом языке, т. е. они отражены в стандартах, словарях и справочниках профессионального и общелитературного характера.

С точки зрения цели нашего исследования наиболее важное значение имеет явление расслоения специальной лексики на терминологическую и профессиональную (профессионализмы и профессиональные жаргонизмы). Одним из наиболее важных критериев разграничения этих двух слоев принято считать такой параметр коммуникативной ситуации, как ее формальность / неформальность.

Важной в связи с этим нам представляется идея Л. П. Крысина, который, говоря об общении в профессиональной среде, отмечает владение представителями определенной профессии двумя подсистемами национального языка: «...для целей непринужденного профессионального общения они используют профессиональный жаргон, для целей официального, в особенности письменного, общения – специальный подязык» [13, с. 69].

В современной лингвистической литературе можно встретить немало попыток классификации специальной лексики на основе различия узуса, ориентации на более или менее официальную сферу употребления, а также соответствия нормам профессионального общения. В частности, С. Д. Шелов, говоря о специфике профессиональной лексики, выделяет следующие ее особенности: 1) большую или меньшую ненормированность употребления слова или словосочетания в данном его значении; 2) функционально-стилевую ограниченность его употребления (ограниченность разговорным стилем); 3) наличие эмоционально-экспрессивных коннотаций и образности [26, с. 82–84]. Первые две характеристики профессионализмов, с точки зрения автора, являются наиболее важными: «Объектом нормативного под-

хода оказывается, таким образом, не факт номинации (правильно или неправильно образован, построен данный знак), но факт употребления данного знака в данном значении и в данной ситуации общения» [26, с. 82]. Что же касается противопоставления «присутствие / отсутствие эмоционально-экспрессивных коннотаций», С. Д. Шелов справедливо указывает на его относительность, продиктованную степенью терминологического освоения языковых единиц. «Именно постепенностью процесса терминологизации, исчезновения всех эмоциональных коннотаций и существованием промежуточных случаев во многом объясняется, по-видимому, длительная научная полемика по вопросу о существовании / несуществовании эмоционально окрашенных терминов» [26, с. 84].

В целом профессионально-разговорные элементы воспринимаются как «теневые» обозначения: они сопровождают (дублируют) официально узаконенные и вносимые в нормативные документы термины и поэтому, по мнению ряда ученых, лишены возможности закрепиться в терминологической системе конкретной области знания. Однако реальная практика говорит о другом: профессионализмы не только употребляются в устной речи, но и активно проникают в специальные тексты, фиксируются в переводных и толковых терминологических словарях и часто являются единственным обозначением специального понятия, как, например, следующие: «*бык*» (*жарг.*, о брокере, играющем на повышение акций [1]), «*волки*» (удачливые игроки на бирже [1]), «*динамитчик*» (*бирж. жарг.* – энергичный торговец, продающий ненадежные бумаги [1]), «*публика*» (*бирж., жарг.* – мелкие спекулянты [1]) и др. Следует отметить, что наиболее многочисленную группу единиц профессиональной лексики составляют лексико-фразеологические кальки («*доктор компании*» [1] < англ. *company doctor*, «*налетчик*» [1] < англ. *raider*, «*ракетный ученый*» [1] < *rocket scientist*, «*местный*» [1] < англ. *local*, «*золотые мальчики Уолл-стрит*» [1] < англ. *Golden Boys of Wall Street* и т. п.). Значительно меньше профессионализмов приходится на долю лексических заимствований (*блокбастер* [1] < англ. *blockbuster*, *скальпер* [1; 21] < англ. *scalper*, *спрэдер* [1] < англ. *spreader*, *пейдер* [1] < англ. *raider* и др.).

Среди других типов профессиональной лексики, не имеющих официально принятых терминологических аналогов, в экономических словарях, в частности в [1], встречаются также немногочисленные примеры суффиксальных существительных («*меняла*», «*кидала*», «*зазывала*», «*воротила*», «*несун*», «*летун*») и единичные собственно русские наименования, образованные в результате метафорического или метонимического переноса («*челноки*», «*подснежники*», «*толкач*», «*рука*»).

В специальных словарях представлены и широко распространенные в профессиональной среде разговорные эквиваленты некоторых многокомпонентных терминологических наименований лиц по роду деятельности. Речь в данном случае идет о многочисленных суффиксальных новообразованиях «компрессивного типа» [9, с. 97]. Среди единиц профессиональной лексики такого рода преобладают суффиксальные наименования, характеризующие лицо по отношению к объекту деятельности (в широком смысле), например, *биржевик* [1], *бюджетник* [1], *рыночник* (сторонник рыночной экономики [1], *плановик* [1; 8], *частник* – частный предприниматель [1], *теневик* [1], *надомник* [1], *контрактник* [1], *льготник* [1], *правовик* [3], *таможенник* [3; 24] и др.

По наблюдениям исследователей, в разговорной профессиональной речи круг подобных наименований, фиксируемых научно-технической литературой и современной прессой, гораздо шире («*фондовик*» (фондовый брокер, дилер фондовой биржи), «*системщик*» (системный администратор), «*фискальщик*» (фискальный агент), «*айтишник*» (специалист по информационным технологиям), а также «*продажник*» (агент /менеджер по продаже), «*сбытовик*» (агент /менеджер по сбыту),

«рекламщик», «рекламист» (агент / менеджер/ специалист по рекламе), «креативщик», «пиарщик», «оффиорник», «сетевик» и др.) [25, с. 40–41], но по понятным причинам не все они находят отображение в специальных словарях.

Многие из таких номинаций уже включаются в толковые словари общего типа; в частности в [24], чаще всего с пометой *разг.*, отмечены следующие лексемы: *антирыночник* (*Экон., разг.* Противник перехода к рыночной экономике в период реформ), *биржевик* (*Фин.* Специалист, занимающийся биржевыми операциями), *бюджетник* (*Разг.* Работник учреждения, находящегося на бюджетном финансировании), *контрактник* – (*Разг.* Специалист, работающий по контракту), *лагерник* (*Разг.* Заключенный, отбывавший наказание а исправительно-трудовых лагерях советского времени), *льготник* (*Соц.* Человек, имеющий льготы), *налоговик* (*Разг.* Работник налоговых органов и служб), *оптовик* (*Экон.* Физическое или юрид. лицо, ведущее оптовую торговлю), *рыночник* (*Экон.* Сторонник рынка как основы хозяйственной жизни страны; специалист по рыночной экономике), *таможенник* (работник таможни), *теневик* (*Криминал.* Представитель теневой экономики), *фискальщик* (*Разг.* Сотрудник налоговой инспекции), *фондовик* (*Разг.* Участник фондового рынка, фондовой биржи) и др.

Заметим, что специальный словарь дает совпадающие слова без каких-либо помет, например: *теневик* – «делец, деятель теневой экономики, подпольный бизнесмен» [1].

На периферии терминологической системы находятся номинативные единицы, не являющиеся в полном смысле терминами, – предтермины и квазитормины.

Предтермины, в понимании С. В. Гринева, это специальные лексемы, используемые в качестве терминов для называния новых сформировавшихся понятий, но не отвечающие основным требованиям, предъявленным к термину [7]. В качестве предтерминов обычно выступают: а) описательный оборот – многокомпонентное номинативное словосочетание, используемое для называния понятия и позволяющее с достаточной точностью описать его сущность, но не отвечающее требованию краткости, например: *налогоплательщики акциза на отдельные виды минерального сырья, выборное должностное лицо местного самоуправления*; б) сочинительные словосочетания типа *агент по продаже и обслуживанию автомобилей, брокер по покупке и продаже зерна, специалист в области экономики и организации сельского хозяйства*; в) сочетания, содержащее причастный или деепричастный оборот: *партнер, финансирующий предприятие, брокер, занимающийся учетными операциями; лицо, заинтересованное в совершении кредитной организацией операции на финансовых рынках*.

Предтермины используются в качестве терминов для именованя новых понятий, для которых сразу не удаётся подобрать подходящие термины. От официальных наименований предтермины отличают временный характер, неустойчивость формы, невыполнение требований краткости и общепринятости, зачастую и отсутствие нейтральности. В большинстве случаев со временем предтермины вытесняются терминами. В ряде случаев замена предтермина лексической единицей, более соответствующей терминологическим требованиям, затягивается, и предтермин закрепляется в специальной лексике, приобретая устойчивый характер и становясь *квазитормином* [15]. Такие единицы специальной лексики, как предтермины и квазитормины той или иной области, по мнению С. В. Гринева, безусловно должны включаться в терминологические словари наряду с терминами, так как являются единственными наименованиями соответствующих специальных понятий, поэтому необходимости в отделении их от терминов обычно нет [7, с. 53].

Спецификой анализируемого лексикографического материала можно считать наличие в нем как терминов со значением лица (*аналитик по инвестициям, инже-*

нер-резидент, консультант по торгівлі товарами, таксатор), так і одиниць професійної лексики («фліппер», «придонний рибак», «овца»). Крім того, в спеціальних економічних словарях представлені і деякі общелітературні найменування осіб, позначають поняття, в більшій або меншій ступені актуальні для сфери економіки і права (*бюджетник, наставник, нелегал*).

Висновки. Обзор спеціальної літератури, яка стосується сутності терміна і специфіки термінотворчості в різних областях науки і сферах людської діяльності, дає нам підставу використовувати по відношенню до розглядаваної в даній роботі тематичної групи НЛД поняття «термін» в тих випадках, коли слово або словосполучення є основною лексическою одиницею мови для спеціальних цілей (в даному випадку – підязыків економіки і права), служачою для номінації поняття цієї області знання і діяльності. Ступені термінологізації найменувань осіб по роду, зокрема професійної, діяльності знаходяться в певній залежності від сфери того або іншого виду діяльності. На периферії термінологічної системи знаходяться номінативні одиниці, не являючись в повному сенсі термінами, – предтерміни і квазітерміни. Крім термінів, в спеціальному спілкуванні використовуються і одиниці професійної лексики (професіоналізми і жаргонізми), які фіксуються спеціальними словарями. Для відмежування одиниць професійної лексики від термінів найбільш ефективним представляється використовувати в якості основного критерію такий параметр комунікативної ситуації, як її формальність / неформальність. Всі позначені пластів лексики в силу того, що вони зафіксовані спеціальними словарями, повинні підлягати вивченню, тобто поряд з термінами з значенням особи повинні розглядатися одиниці професійної лексики, використовувані для номінації осіб і які мають (або не мають) в спеціальних словарях помету (наприклад, (*жарг.*), (*разг.*)), позначають на їх переважне використання в сфері неформального ділового спілкування. При такому підході ми виходимо з того, що в загальній своїй сукупності всі групи номінативних одиниць, відрізняючись функціонально-стильовою належністю, тим не менше відображають реальну практику професійного і ділового спілкування в економіко-юридическій сфері російської мови.

Бібліографічні посилання

1. **Большой экономический словарь** / под ред. А. И. Азрилияна. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Ин-т новой экономики, 2002. – 1280 с.
2. **Большой юридический словарь** / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Инфра-М, 2002. – 704 с.
3. **Борисенко И. И.** Русско-английский юридический словарь / И. И. Борисенко, В. В. Саенко. – К. : Юринком Интер, 1999. – 608 с.
4. **Винокур Г. О.** О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // Труды МИФЛИ. Сборник статей по языкознанию. – М., 1939. – Т. 5. – С. 3–54.
5. **Гак В. Г.** Эволюция способов номинации в свете соотношения внешних и внутренних стимулов в развитии языка / В. Г. Гак // Диалектика развития языка : II Всесоюз. науч. конф. по теоретическим вопросам языкознания: тез. докл. – М., 1980. – С. 27–29.
6. **Голованова Е. И.** Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Е. И. Голованова. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2004. – 330 с.
7. **Гринев С. В.** Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – 309 с.
8. **Жданова И. Ф.** Русско-английский экономический словарь. – М. : Р. Валент, 2000. – 523 с.

9. **Земская Е. А.** Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – [2-е изд., стереотип.]. – М. : КомКнига, 2005. – 224 с.
10. **Канделаки Т. Л.** Семантика и мотивированность терминов / Т. Л. Канделаки. – М. : Наука, 1977. – 167 с.
11. **Квашнина Е. Н.** Автоматизированный банк данных как основа для унификации наименований лиц по профессии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Квашнина Елена Николаевна. – Челябинск, 1997. – Ч. 2. – 276 с.
12. **Конопелькина Е. А.** Основные подходы к пониманию категории деятеля в современной лингвистике / Е. А. Конопелькина // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Серія «Мовознавство». – № 11. – 2008. – Вип. 14. – С. 138–147.
13. **Крысин Л. П.** Социальная дифференциация системы современного русского национального языка. Профессиональные жаргоны / Л. П. Крысин // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / Л. П. Крысин. – М., 2003. – Часть I. – С. 68–74.
14. **Лейчик В. М.** Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод / В. М. Лейчик, С. Д. Шелов // Обзорная информация № 18 ВЦП. – Ч. I. – М., 1989. – 40 с.
15. **Лейчик В. М.** Особенности функционирования терминов в тексте / В. М. Лейчик // Филологические науки. – 1990. – № 3. – С. 80–87.
16. **Лейчик В. М.** Применение системного подхода для анализа терминосистем // Терминоведение и профессиональная лингводидактика : статьи / В. М. Лейчик. – М., 1993. – С. 19–30.
17. **Лейчик В. М.** Термины и терминосистемы – пограничная область между естественным и искусственным в языке / В. М. Лейчик // Вопросы терминологии и лингвистической статистики : статьи. – Воронеж, 1976. – С. 3–11.
18. **Ляпкина Э. М.** Влияние внешних и внутренних факторов на развитие номинативной системы языка (на материале наименований лиц по профессии): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / Ляпкина Эльвира Маратовна. – Челябинск, 2006. – 193 с.
19. **Райзберг Б. А.** Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – М. : Инфра-М., 2000. – 480 с.
20. **Словарь современных понятий и терминов.** – 4-е изд., дораб. и доп. / сост., общ. ред. В. А. Макаренко. – М. : Республика, 2002. – 527 с.
21. **Словарь современных экономических и правовых терминов** / под ред. В. Н. Шимова и В. С. Каменкова. – Мн. : Амалфея, 2002. – 816 с.
22. **Словарь терминов современного предпринимательства** / под ред. В. В. Морковкина. – М. : АСТ, Астрель, 2002. – 416 с.
23. **Татаринов В. А.** Теория терминоведения : в 3 т. / В. А. Татаринов. – М. : Московский лицей, 1996. Т. 1: Теория термина: история и современное состояние. – 1996. – 311 с.
24. **Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика** / под ред. Г. Н. Складчиковой. – М. : Эксмо, 2006. – 1136 с.
25. **Труфанова Н. О.** Проблема номинации лиц в финансово-экономической терминологии (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Труфанова Наталья Олеговна. – М., 2006. – 214 с.
26. **Шелов С. Д.** Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (к проблеме классификации специальной лексики) / С. Д. Шелов // Вопросы языкознания. – 1984. – № 5. – С. 76–86.
27. **Шкатова Л. А.** Наименования лиц по профессии современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Л. А. Шкатова. – М., 1967. – 17 с.
28. **Шкатова Л. А.** Ономазиологические проблемы русской терминологии / Л. А. Шкатова. – Челябинск–Уфа, 1982. – 85 с.
29. **Шкатова Л. А.** Различные степени терминологизации наименований лиц / Л. А. Шкатова // Современные проблемы русской терминологии : статьи. – М. : Наука, 1986. – С. 37–51.

Надійшла до редколегії 18.02.10

УДК 811.161.1'373.45 + 811.161.1'38

И. Н. Кошман

Институт филологии Киевского национального университета имени Т. Г. Шевченко

О СПЕЦИФИКЕ РЕФЛЕКСИВОВ В РУССКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ УКРАИНЫ

Розглянуто кілька специфічних типів метамовних конструкцій, що функціонують у російських публіцистичних текстах України.

Ключові слова: українізм, рефлексив, мовна особистість, двомовність, публіцистичний текст.

Рассмотрено несколько специфических типов метаязыковых конструкций, встречающихся в русских публицистических текстах Украины.

Ключевые слова: украинизм, рефлексив, языковая личность, двуязычие, публицистический текст.

This article discusses several specific types of metalinguistic structures occurring in the Russian newspaper texts of Ukraine.

Key words: Ukrainism, reflexive, linguistic identity, bilingualism, newspaper text.

Наиболее очевидная черта русских публицистических текстов новейшего времени в Украине – удивительное разнообразие включенных украинских конструкций. Это обусловлено, прежде всего, экстралингвистическими причинами: изменившимся статусом украинского языка и существенным расширением сферы его функционирования.

Подобные конструкции, вовлекаемые в русский текст, видимо, не следует рассматривать в качестве результата интерференции – если понимать под интерференцией отклонение от языковых норм в речи двуязычных говорящих вследствие недостаточного владения этими нормами [15, с. 69]. Поскольку важной характеристикой отступлений от языковых норм такого рода является ненамеренность.

Вводимые же в русские тексты украинские единицы являются результатом сознательного выбора и всегда связаны с реализацией определенных коммуникативных целей. Украинские единицы используются для адекватного отражения картины мира. Они функционируют как феномены, создающие «эффект привязки дискурса к точному (геонациональному) месту» и акцентирующие «явное или неявное противопоставление русского и не-русского» [6, с. 9].

Публицистические тексты дают представление об основных процессах, характерных для современной русской речи Украины и свидетельствуют о «масштабах изменений», произошедших в последние годы. Это обусловлено как свойствами самой публицистической речи (связь с бытованием «своего» социума, тематическая всеядность, открытость для любых языковых инноваций), так и тем, что в этой сфере русский язык функционально не ограничен.

Целью данного сообщения является описание особых метаязыковых конструкций – рефлексивов, представляющих собой оязыковленную реакцию на включение в тексты украинских единиц.

Материалом для исследования служат тексты русскоязычных газет и журналов, издающихся в Украине: «Без цензуры», «Бизнес», «Ведомости плюс», «Газета по-киевски», «2000», «День», «Зеркало недели», «Киевский телеграф», «Корреспондент», «Молодогвардеец», «Остров», «Сегодня», «Событие» (Днепропетровск), «События» (Харьков), «Украина-Центр», «Факты и комментарии», «Фокус».

Вслед за И. Т. Вепревой, термином «рефлексивы» обозначаются относительно законченные метаязыковые высказывания, содержащие комментарий к употребляемому слову или выражению [4, с. 8]. Рефлексив как вербализированная реакция языковой личности на определенные факты речи отсылает к фрагментам картины мира, опосредованно трактуя или оценивая их.

Рефлексив относится к формально маркированным лингвистическим феноменам – в его состав входят специальные метапоказатели: лексема *слово* или ее квазисинонимы, глаголы речи и под. [3, с. 213; 10, с. 402; 4, с. 79; 9].

Принципиальное значение имеет положение И. Т. Вепревой о том, что «движущей силой вербализации метаязыкового сознания являются ненормативные факты языка» [4, с. 103]. Описываемый в различных исследованиях (Л. В. Балахонской, Т. В. Булыгиной, А. Д. Васильева, И. Т. Вепревой, М. В. Ляпон, В. Д. Черняк, Б. С. Шварцкопфа) материал – контексты русской речи метрополии – свидетельствуют о том, что в этом случае полем проявления языковой рефлексии является пространство одного языка. То есть в одноязычной ситуации типичным представляется такое положение дел, когда языковая единица, давшая повод для метаязыковой реакции, и рефлексив в целом принадлежат к одному и тому же языку.

Иное положение дел наблюдается в ситуации сосуществования нескольких языков. Этот факт отмечается Х. Пфандлем. Он исследует особенности метаязыковых высказываний русских эмигрантов в Австрии и приходит к выводу о том, что в этом случае метаязыковое комментирование специфично. Он отмечает, что языковая рефлексия «касается не столько употребления отдельной лексической единицы, сколько отношения к языку в целом, а также к выбору одного из двух, реже трех языков» [14, с. 130], включает размышления о родном языке [14, с. 130] или «распространяется также и на второй язык, уже давно ставший для многих эмигрантов первым» [14, с. 133].

Публицистические тексты Украины свидетельствуют об оформлении совершенно особого типа рефлексивов: они заключают в себе метаязыковое высказывание о включенной в контекст украинской единице. Такой тип рефлексивов маркирует межъязыковые диалоги – и вследствие этого может быть назван диалоговым. Другими словами, диалоговые рефлексивы представляются вербализованной реакцией рефлектирующего сознания языковой личности на украинскую речевую единицу в ситуации украинско-русских культурно-языковых стыков и диалогов.

Очевидно, что появление такого рода рефлексивов имеет психолингвистическое основание. В современной психологии речи процесс порождения речи рассматривается как деятельность, включающая совокупность сукцессивных этапов. Такая трактовка восходит к работам Л. С. Выготского, Н. И. Жинкина, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьева. По словам С. Д. Кацнельсона, «речемыслительный процесс включает в себе ряд операций, результаты которых не могут быть заранее предсказаны с абсолютной точностью» [7, с. 121]. Сущностное свойство выделяет А. А. Леонтьев, подчеркивая, что этапы в процессе порождения речи «суть не реальные действия говорящего, а, скорее, своего рода граничные условия: возможно применение различных эвристических приемов, репродукция “готовых” кусков и т. п.» [11, с. 120].

Один из этапов речепорождающей деятельности – выбор слова – «связан с классами операций: поиска семантических признаков слова, поиска их звуковых признаков и учета их субъективной вероятностной характеристики» [12, с. 387].

В ситуации культурно-языкового стыка выбор слова как этап речепорождения для двуязычной языковой личности приобретает качественное своеобразие. Такая языковая личность может ассоциировать с некоторым набором семантических признаков вербальные единицы разных языков. Р. Белл пишет о том, что «би-

лингв имеет, по крайней мере в принципе, две или более лексических единиц, например, для выражения “того же самого” значения <...>, или, напротив, в одном языке может отсутствовать лексическая единица для выражения некоторого конкретного значения, которое говорящий хочет передать» [1, с. 187]. Этот факт отмечает и Е. М. Верещагин, подчеркивая, что у двуязычных говорящих «при речи на одном языке возможна актуализация лексем другого языка» [5, с. 92].

С этой точки зрения диалоговые рефлексивы представляются маркерами языковой лояльности. Результатом «“блуждания” вокруг денотата» [13, с. 25] становится единица другого языка, и метаязыковой комментарий свидетельствует о фиксации языковой личностью этого факта, об осознанной вербализации иноязычной единицы в пространстве речевого произведения. Очевидно, что стимулом к вербализации такого рода языковой рефлексии являются отнюдь не ненормативные речевые единицы. Кроме того, диалоговые рефлексивы имеют специальный формальный маркер – в их состав включаются лексемы *украинский, по-украински* или иные единицы, указывающие на нерусскость означивающего.

При этом важно подчеркнуть, что номинация иноязычной единицей в процессе порождения речи обуславливается типом речевой ситуации [2, с. 130; 1, с. 171; 8, с. 376]. Е. М. Верещагин пишет о зависимости «между речевой ситуацией и формой речи билингва в аспекте сочетания элементов двух языков» [5, с. 94]. Очевидно, положение дел в пространстве русского публицистического дискурса в Украине вполне благоприятствует выбору лексических единиц такого рода.

Русские публицистические тексты Украины выявляют следующие типы применения метаязыковых комментариев – диалоговых рефлексивов:

1. Рефлексивы, фиксирующие, что в процессе порождения речи для вербализации понятия избирается украинская единица: *Ни один врач не ставил диагноз «отравление» – так что, думаю, это, как говорят по-украински, – «переляк». Он, видимо, принял решение, пока здесь не нормализуется ситуация, полечиться за рубежом* (Ф 2007, № 23); *Их возмущение вызвала газовая труба протяженностью 7 километров, проложенная, как говорят по-украински, навпростець через кукурузное поле и ведущая к строящейся заправке* (М 2007, № 47); *Опять же, наша вечно сырая, рыхлая и противная, как грязь под ногами, политика! Для нее прогноз погоды один, железобетонный: дальше будет так же промозгло и противно. «Мэжичка», применяя уже украинское слово* (УЦ 2008, № 39).

Особый интерес в этом случае представляют такие контексты, как: *С 1994 года ставка акцизного сбора на спирт, применяемый при производстве «парфумів» (мы нарочно оставили украинское слово <...>), составляла 30% его стоимости* (Б 2001, № 29); *Редкие, весьма редкие «сполохи» (здесь сознательный украинизм) – и тех не достаёт на пять граф про «кращі досягнення»* (ЗН 2010, № 6). В них не только отражается метаязыковая реакция на означивание понятия при помощи украинской единицы, но и делается акцент на преднамеренности такого выбора.

Видимо, рефлексивы такого рода могут включать любую украинскую лексему, независимо ее лексико-семантических, стилистических или функциональных свойств, а также безотносительно к тому, имеет она русский эквивалент или нет.

2. Рефлексивы, фиксирующие выбор украинской единицы и включающие функциональные характеристики этой единицы. Например:

Пространственные: Из Львова наша семья выехала, как говорят здесь, «за перших радянських часів після злуки» (ФК 2001, 12.10); *Тю, сказал я себе, словно какой-то житель Восточной Украины* (ЗН 2002, № 38); *При таком количестве полномочий у большинства лишь одна проблема – абы не луснуть, как говорят в местах бытования суржика* (СХ 2006, № 11); *Подчеркнем, это не гастролы Ма-*

риинского театра в Нью-Йорке, а якобы совместная продукция. Но – «мени з тим», как говорят здешние украинцы (ЗН 2006, № 28);

Сферы употребления: *На сей раз коммунисты со товарищи использовали в качестве убойного лозунга слово из лексикона национал-демократов перестроечных времен – «Ганьба»* (ФК 2000, 9.02); *Какое бы событие в жизни страны не происходило, «цей перевертень» (как его называют многие СМИ) незамедлительно старается вставить и свои пять копеек* (ВП 2007, 7.12); *Другими словами, Украина и так никуда не денется, но она, как любят говорить украинские «элитчики» (они думают, что они – элита, ха-ха!) из нацдемагера, «не на часі», а значит, может, по мнению Киссинджера, и подождать в предбаннике* (КТ 2008, № 28).

В этом случае языковая личность, производящая текст, свой выбор – украинскую единицу – камуфлирует ссылками на ту или иную группу говорящих. Здесь языковая личность «прячется» за чужую речь» [4, с. 154]. Однако очевидно, что в данном случае выявляется некоторый уровень лингвистической компетенции. Рефлексивы свидетельствуют о наличии «чувства украинского языка», способности ориентироваться в его функционально-стилистическом пространстве.

3. Рефлексивы-пояснения, фиксирующие выбор украинской единицы в ситуации повторного обозначения сигнификата: *Был там обустроен бассейн, или, как его называли, – «скрыня»...* (ЗН 2003, № 28); *Есть в Крыму и другая улитка – горная, ее еще называют «слимак їстівний» («2000» 2003, № 52); Андрухович стоял у истоков современной украинской литературы, «сучукрліта», как ее называют* (К 2006, № 37); *Но это техническая погрешность. Или по-украински «недбалість» главного бухгалтера, которая попросту забыла поставить землю на внебалансовый учет* (ЗН 2007, № 11); *Так, что будьте здоровы, Василий Петрович, или как говорят в Украине – Здоровеньки були* (О 2007, № 23).

В этом случае, видимо, существуют как рациональные, так и эмоциональные причины, побуждающие языковую личность включить в контекст пояснение. В первом случае украинизм представляется привычным и поэтому естественным способом номинации (*скрыня, сучукрліт*), во втором – создается экспрессивный ореол за счет обыгрывания внешней или внутренней формы (*недбалість, слимак їстівний*).

Рефлексивы-пояснения могут также содержать дополнительные сведения о пространственном маркировании лексемы, о принадлежности к лексикону той или иной личности и т. д.: *Мне хотелось выбросить никому не нужные в квартире вещи («лахи», как говорит моя бабуля), да не позволила мать* (ЗН 2004, № 20); *Мне нравится, что во Львове можно взять чашечку кофе («філіжанку кави», как говорят галичане) и на протяжении часа релаксировать над книгой или газетой...* (БЦ 2006, № 39); *Карпатские края изобилуют мини-гостиницами (как их здесь называют – «зелені садиби»), где вас всегда с улыбкой встретят...* (ГК 2007, 16.10).

4. Рефлексивы, фиксирующие несовпадение понятийных объемов в контактирующих языках. В этом случае в рефлексив включаются единицы *емкий, подходит, точный* или их сочетание. Например: *А еще мне тяжело смотреть и слушать, как на меня, на нашу службу выливают грязь... Тут даже больше подходит украинское слово «бруд» – оно более емкое* (ФК 2002, 26.10); *Они работают, пока политики «чубятся» – это украинское слово очень точно отражает характер противостояния между кандидатами* (ФК 2004, 29.10); *Есть такое понятие – надлежащее правление, по-украински звучит значительно точнее – «належне врядування», слышите? – «уряд», «врядування»...* (ЗН 2007, № 16-17); *Субординация и сдержанное уважение в Украине давно подменены – тут хорошо подойдет украинское слово – «плазуванням», желанием со слезами счастья распластаться у ног высшего за тебя* (УЦ 2007, № 51); *Это явление в чем-то подобно комплексу*

неполноценности; куда точнее его содержание передает украинское слово «меншовартість», которое сродни польскому «непелновартощовоць» (ЗН 2009, № 16); Но еще есть надежда – тут только украинское слово подойдет – «вылюднеет». И еще на зависть всем будет. Дожить бы до этого прекрасного времени (УЦ 2009, № 34).

Рефлексивы этой разновидности могут содержать прямое указание на невозможность выразить требуемый понятийный объем русской единицей: Для понятий «природа», «натура» в украинском имеется неперебиваемое на другие языки слово «вдача», которое, на мой взгляд, применимо к целым народам (КТ 2005, № 49); Это прекрасная сцена, по-моему, наоборот, страшно «цнотлива» – точное такое слово, которого нет в русском языке (БЦ 2007, № 17); Этот небольшой человек (более точное определение ему как-то дал депутат Шкиль – не очень переведимое на русский язык украинское слово «мириавий»), похоже, никогда не сможет простить Украине того, что он в 2004-м дважды поздравлял с победой на президентских выборах Виктора Януковича... (УЦ 2007, № 23).

5. Рефлексивы эмоциональной оценки, фиксирующие субъективность языковой личности или ее эстетические пристрастия при отборе вербальной единицы. В метакомментарий в этом случае включаются показатели красивый, прекрасный, хороший, чудесный. Например: Есть и третий вид: готовый написать и озвучить все что угодно – лишь бы за это платили. Но такие – хорошее украинское слово «заробітчани» – существовали всегда (Д 2000, 27.11); Люди должны знать, что за них (есть такое хорошее слово на Галичине) «впираються» (ЗН 2003, № 9); Честно говоря, применительно к этому случаю на ум приходит хорошее украинское слово «марнотратство» (КТ 2003, № 31); Но на самом деле все просто – это способность такая человеческая, умение чувствовать себя на месте другого, болеть его болью, переиматися – есть такое красивое украинское слово – его проблемами (ЗН 2003, № 50); Есть такое образное украинское слово «животіти» – то есть прозябать, влачить жалкое существование. А перед страной и перед новыми властями стоит новая, более амбициозная задача... (ЗН 2005, № 9); Поначалу я взял псевдоним Гай. Почему, даже не знаю – просто красивое украинское слово (ФК 2005, 20.10); Фи, господи. Есть такое красивое украинское слово несмак. Вот это он и есть. В хромяющем переводе – дурновкусие (ЗН 2008, № 2); Испугаться – не испугался, но сердце, конечно, екнуло. За близких всегда очень переживаю. Есть такое хорошее украинское слово «забобоны» – предрассудки (С 2008, 17.09); Мне говорят, что я слишком часто употребляю слово «шляхетный», но ведь оно так идет Украине. Она такая благородная, не скулит (Д 2009, 27.02).

Метаязыковое высказывание может содержать указание на то, что включение украинской единицы обуславливается ее фонетическими свойствами: Искренность хотелось бы видеть в людях, порядочность, «людяність» – так звучит гораздо мягче. Русское слово «человечность» звучит не так мягко и не передает всей теплоты (СД 2007, № 10); Я ей ответил, что души великих людей, которые уходят, никуда не исчезают, мир окутывает их энергетическая нежность, именно она удерживает Землю от того, чтобы та не растворилась во тьме, «темряві» по-украински – так лучше звучит (Ф 2007, № 14).

Таким образом, культурно-языковое сосуществование обуславливает появление специфических разновидностей рефлексивов – намеренное, коммуникативно-обусловленное введение украинских конструкций в русский текст одновременно становится поводом для комментирования и оценивания. Эти явления не только иллюстрируют неповторимость русских публицистических текстов в Украине, но и представляются важными показателями своеобразия языковой личности – адресанта и адресата публицистического текста. Рефлексивы, будучи неэлементарными

единицами, свидетельствуют об особенностях и вербально-семантического, и лингво-когнитивного, и мотивационного уровней такой языковой личности. Дальнейшее выявление типов специфических рефлексивов и их описание представляется чрезвычайно важным для осознания ее своеобразия.

Библиографические ссылки

1. **Белл Р. Т.** Социоллингвистика. Цели, методы, проблемы / Р. Т. Белл; пер. с англ. – М. : Международные отношения, 1980. – 318 с.
2. **Вайнрайх У.** Языковые контакты / У. Вайнрайх. – К.: Вища шк., 1979. – 263 с.
3. **Васильев А. Д.** Слово в российском телеэфире : Очерки новейшего словоупотребления / А. Д. Васильев. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 224 с.
4. **Вепрева И. Т.** Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.
5. **Верещагин Е. М.** Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е. М. Верещагин. – М. : Изд-во МГУ, 1969. – 160 с.
6. **Караулов Ю. Н.** О русском языке зарубежья / Ю. Н. Караулов // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 5–18.
7. **Кацнельсон С. Д.** Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 216 с.
8. **Крысин Л. П.** Кодовые переключения в речевом поведении говорящего / Л. П. Крысин // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – С. 375–379.
9. **Крючкова О. Ю.** Рефлексивность диалектной речи / О. Ю. Крючкова // Язык. – Сознание. – Культура. – Социум : сб. докладов и сообщений. – Саратов : Изд. центр «Наука», 2008. – С. 214–223.
10. **Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 840 с.
11. **Леонтьев А. А.** Основы психоллингвистики / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – 287 с.
12. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Яреца. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
13. **Ляпон М. В.** Оценочная ситуация и словесное само моделирование / М. В. Ляпон // Язык и личность. – М. : Наука, 1989. – С. 24–34.
14. **Пфандль Х.** Металингвистические высказывания и культурная рефлексия у русскоязычных эмигрантов в Австрии / Х. Пфандль // Русскоязычный человек в иноязычном окружении / под ред. А. Мустайоки, Е. Протасовой. – Helsinki : Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 2004. – С. 129–135.
15. **Хауген Э.** Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – Вып. VI. – Языковые контакты / сост. В. Ю. Розенцвейг. – М. : Прогресс, 1972. – С. 61–80.

Надійшла до редколегії 25.05.10

УДК 811.161.1'373.612.2

Ю. В. Кравцова

Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Розглянуто поняття метафоричного концепту, визначено його співвідношення з поняттям концептуальної метафори, вказано специфічні ознаки метафоричного концепту. На підставі розробленої автором методики встановлено та описано метафоричні концепти російської поезії та прози першої половини XX ст., виявлені в творах А. Белого, З. Гіппіус, Г. Ахматової, М. Кузміна, М. Цветаєвої, В. Інбер, І. Сельвінського.

Ключові слова: метафора, метафоризація, метафоричний концепт, метафорична картина світу.

Рассмотрено понятие метафорического концепта, определено его соотношение с понятием концептуальной метафоры, указаны специфические признаки метафорического концепта. На основе разработанной автором методики установлены и описаны метафорические концепты русской поэзии и прозы первой половины XX в., выявленные в произведениях А. Белого, З. Гиппиус, А. Ахматовой, М. Кузмина, М. Цветаевой, В. Инбер, И. Сельвинского.

Ключевые слова: метафора, метафоризация, метафорический концепт, метафорическая картина мира.

In the article a notion of metaphorical concept is considered, its correlation with a notion of conceptual metaphor is identified, the specific signs of metaphorical concept are stated. On the basis of the technique developed by the author the metaphorical concepts of Russian poetry and prose of the first half of the 20th century detected in the works by A. Bely, Z. Gippius, A. Ahmatova, M. Kuzmin, M. Tsvetayeva, V. Inber, I. Selvinskiy are identified and described.

Key words: metaphor, metaphORIZATION, metaphorical concept, metaphorical picture of the world.

Метафорический концепт является обязательным компонентом концептосферы этноса, отражающим особенности национального образного мышления, так как он концентрирует в себе релевантные для данной лингвокультурной общности представления, складывающиеся на основе устойчивых ассоциаций у носителей языка. Понятие метафорического концепта / концептуальной метафоры было введено Дж. Лакоффом и М. Джонсоном для описания когнитивной природы метафоры [8]. В соответствии с их теорией метафора представляет собой концептуальное явление, существующее в человеческом сознании и состоящее в проецировании знаний из одной концептуальной области в другую на основе определенного опыта [8, с. 93]. В широкий научный обиход восточнославянской лингвистики (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, И. М. Кобозева, М. В. Никитин, И. В. Толочин, А. П. Чудинов, Д. Е. Эртнер и др.) термин «метафорический концепт» вошел сравнительно недавно, в конце 1990-х гг., что было обусловлено распространением основных идей концептологии. Однако однозначного его понимания до сих пор нет, как нет и единой методики, позволяющей выявлять, анализировать и описывать систему метафорических концептов, характерных для той или иной лингвокультурной общности или ее отдельного представителя.

Метафорический концепт чаще всего рассматривается как понятие, тождественное понятию концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Н. Баранов, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов и др.). Концептуальные метафоры как устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции этноса, формируют особые когнитивные структуры, которые содержат информацию об определенных областях знания

и хранятся в памяти носителей языка. Метафорические концепты осмысливаются и структурируются в терминах других концептов, что означает концептуализацию одного вида опыта или предметной области в терминах другого вида опыта или предметной области [8, с. 95–96]. По своей сущности концептуальные метафоры отвечают способности человека устанавливать сходство между разными классами объектов. Существуют и другие толкования метафорического концепта: например, «моделированное взаимодействие концептов на аналогической основе» [9, с. 34] и т.п. В некоторых работах (А. Д. Плисецкая и др.) наблюдается смешение, вплоть до полного отождествления, понятий метафорического концепта, концептуальной метафоры и метафорической модели, что делает понятие метафорического концепта аморфным и вызывает необходимость его дальнейшего изучения.

Целью данной работы является описание специфики метафорического концепта как ключевого компонента национальной и / или индивидуальной метафорической картины мира и метафорических концептов русской поэзии и прозы первой половины XX в., выявленных в произведениях З. Гиппиус, А. Белого, А. Ахматовой, М. Кузмина, М. Цветаевой, В. Инбер, И. Сельвинского, на базе разработанной нами методики.

В данной работе метафорический концепт понимается как образно-ментальный конструкт, который отражает устойчивые в коллективном и индивидуальном сознании представления, сложившиеся на основе аналогово-ассоциативных связей тех или иных реалий, и эксплицируется в процессе креативной вербальной деятельности носителей языка. Соответственно он обладает национальными и индивидуальными особенностями и является базовым компонентом метафорической (шире – языковой и концептуальной) картины мира этноса. Понятия концептуальной метафоры и метафорического концепта, на наш взгляд, не тождественны: концептуальная метафора – это метафора, в которой заключено важное для данной лингвокультурной общности понятие, представление о чем-либо (например, *жизнь – это игра, театр, путь, путешествие* и т. п.); метафорический концепт – это общее образное представление, ключевое понятие, которое реализуется в целом ряде метафор (к примеру, «Вода»: *волна, море, океан, литься, струиться, течь* и др.). Метафорический концепт представляет собой некий образно-понятийный инвариант, реализующийся в различных метафорических вариациях.

Метафорические концепты включают в себе релевантные знания о реальности, обладают высокой информативностью, содержат общепринятые ценностные характеристики и позволяют выразить эмоциональное переживание тех или иных событий. Они являются универсальными средствами моделирования, концептуализации и интерпретации окружающего мира. В целом метафорический концепт характеризуется следующими признаками: 1) оперативность в процессе когнитивной деятельности; 2) доминантность в метафорической картине мира; 3) инвариантность; 4) способность к реализации в различных метафорических вариациях; 5) формирование своей понятийно-метафорической сферы; 6) высокая информативность; 7) подвижность границ; 8) высокая частотность его языковых (метафорических) реализаций.

Образование метафорических концептов является всеобщим свойством человеческого мышления, поскольку отражает творческую интерпретацию окружающего мира, в основе восприятия которого лежит опыт. Метафора – наиболее мощное средство формирования новых концептов, т. е. отображения в языковой форме нового знания о мире – эмпирического, теоретического, художественного и т. п. Метафоры, с одной стороны, способствуют осмыслению новых понятий путем освоения неизвестной области-цели с использованием известных источников, а с другой – разрушают сложившиеся стереотипы сознания путем реконструирования извест-

ной области-цели вследствие применения нового источника. В картинах мира различных этносов членение одного и того же фрагмента внеязыковой реальности может строиться на разных основаниях, т. е. этнокультурные метафорические концепты отражают стереотипы образного мышления в данной лингвокультуре. Индивидуальные концепты наиболее ярко проявляются в художественных текстах, что связано с творческим переосмыслением национальной картины мира на основе специфических индивидуально-авторских ассоциаций писателя. В целом же механизм формирования метафорических концептов остается невыясненным, поэтому их исследование – это своего рода ключ к выявлению особенностей национального или индивидуального мышления на определенном этапе развития социума.

Установление и анализ метафорических концептов в соответствии с разработанной нами методикой осуществляется в следующем порядке: 1) на определенном корпусе текстов путем сплошной выборки необходимо выявить все метафорические контексты и выяснить, реализацией каких концептов они являются; 2) определить место данных метафорических концептов в национальной и / или индивидуальной метафорической картине мира с помощью соотнесения с соответствующими переносными значениями, представленными в толковых словарях; 3) обнаружить и проанализировать все возможные языковые и речевые метафорические реализации концептов; 4) на основе полученных результатов установить понятийно-смысловое содержание метафорических концептов в пределах исследуемого корпуса текстов.

Сопоставительное изучение метафорики произведений русских поэтов-прозаиков З. Гиппиус [4], А. Белого [2; 3], А. Ахматовой [1], М. Кузмина [7], М. Цветаевой [12], В. Инбер [5; 6] и И. Сельвинского [10; 11] позволило выявить общие метафорические концепты русской поэзии и прозы первой половины XX в., отражающие сходные образные представления авторов о мире, – «Вода», «Голос» и «Птица».

Метафорический концепт «**Вода**» объективируется в метафорах *брызги, волна, всплеск, зыбь, море, озеро, океан, пена, поток, прибой, река, струя, литься, струиться, течь* и др. Вода, как известно, ассоциируется с источником жизни, энергией, движением, чистотой, свежестью и обновлением. Метафорический концепт «Вода» несет в себе общую авторскую идею о движении и развитии всего существующего в мире, его различных проявлениях.

В поэзии и прозе З. Гиппиус метафорический концепт «Вода» реализуется в словах *волна, всплеск, море, озеро, река, поток, лить(ся), струиться, течь, капать* и т.п.: *улицы звонкие в желтой волне тумана* [4, с. 243]; *то срыв – то всплеск огня* [4, с. 202]; *На лунном море ангелов стезя* [4, с. 269]; *Закидываю неводы В озера грусти* [4, с. 253]; *Какою силой онедвижена Река земного бытия?* [4, с. 215]; *Бессменен поток времен* [4, с. 177]; *Последний свет равно на всех прольется* [4, с. 79]; *душа в чужое тело пролилась* [4, с. 149]; *струится дым благовуханный* [4, с. 158]; *ночь струится длительными зовами* [4, с. 218]; *На влажном небе Звезда огромней, Дрожат – струясь – ее края* [4, с. 238]; *Текут мгновения* [4, с. 235]; *Мысли капаят, капаят скупо* [4, с. 194] и др.

В стихотворных и прозаических произведениях А. Белого данный концепт проявляется в метафорах *брызги, волна, водопад, всплеск, зыбь, море, поток, струя, лить(ся), струиться, течь* и т. п.: *брызги бешеных огней* [2, с. 98]; *весенние волны зари* [2, с. 14]; *волны падающей тьмы* [2, с. 99]; *В эонных волнах плещущих времен* [2, с. 47]; *И била времени волна* [2, с. 69]; *Там волны набегающего света* [2, с. 389]; *побежит травная волна* [3, с. 21]; *веков струевой водопад* [2, с. 35]; *Всюду отблеск червонца Среди всплесков тоски* [2, с. 26, 38]; *Бирюзовых глаз, насытых, Бирюзовый всплеск* [2, с. 189]; *Иссыхают в зыбь лохмотьев* [2,

с. 161]; *Из моря слез, из моря* муки Судьба твоя [2, с. 383]; *Моря* неизливные слез [2, с. 400]; белое *море* тумана медленно *разлилось* по низинам [3, с. 129]; по зеленому *морю* дубовых крон [3, с. 126]; *забил поток* лучей расплавленных в окно [2, с. 45]; *Поток столетий* Вечность прогоняла [2, с. 57]; *Поток столетий* шаткий [2, с. 58]; *Туманов косматый поток* [2, с. 143]; *Твоих песен ручей* [2, с. 31]; *ручьи* моих псалмов [2, с. 104]; *Льется* звонкое сопрано [2, с. 112]; *И разольется* над лугами В ночь умножаемая тень [2, с. 226]; Луна алмазит стекла, Прохладный свет *лия* [2, с. 245]; по краям его *разливается* зорька [3, с. 258]; *Струились* завитки кудрей [2, с. 67]; Полосы солнечных *струй* златотканые [2, с. 27]; Кинулись: *струи* солнца [2, с. 381]; пурпурные *струи* облак [3, с. 240]; *Текла* лазурь [2, с. 58]; Там – время медленно *текло* [2, с. 101]; *Текут* века [2, с. 105]; *Текут* года [2, с. 295]; там, заронясь в воду, *текут* облака [3, с. 117]; *Теченье* быстрое годин [2, с. 295]; Благословенны: – жизни *ток*, И стылость смерти непреложной [2, с. 391] и др.

В стихах и прозе А. Ахматовой концепт «Вода» представлен такими метафорами, как *волна, всплеск, град, дождь, ливень, океан, лить(ся), струиться, течь* и др.: *сквозь волны* фимиама [1, с. 26]; Длинные *волны* расчесанных грив [1, с. 27]; *закат в волнах* эфира [1, с. 256]; *всплески* жесткой беседы [1, с. 305]; *после града* телеграмм приехала к Мандельштамам [1, с. 354]; *непрекращающийся дождь* его стихов [1, с. 351]; *ливни*, хлещущие на страницах книг Бориса Пастернака [1, с. 348]; *После этого океана* грязи, измен, лжи и просто глупости [1, с. 367]; ветер в круглое окно *Вливался* влажною *струею* [1, с. 93]; *исповедь льется* немая [1, с. 191]; Сиянье легкий месяц *льет* [1, с. 230]; По капелькам *льется* Душистый апрель [1, с. 291]; *плач струился* серебристый [1, с. 84]; *И струится* пенье панихидное [1, с. 163]; *струится* поток доказательств Несравненной моей правоты [1, с. 186]; *холодочка струится* волна [1, с. 222]; С колокольни соседней Звуки важные *текли* [1, с. 58]; Я в беспомощности дней забывала *теченье* годов [1, с. 232] и др.

У М. Кузмина метафорический концепт «Вода» проявляется в словах *волна, поток, пруд, струя, лить(ся), нахлынуть, течь* и т.п.: *Колдунья гонит на луну Волну* смертельных вождедений [7, с. 126]; *формальная волна* спадает [7, с. 392]; *И песня льется* [7, с. 42]; *Теперь только песня льется* [7, с. 42]; *лился* свободно Голубоватый леденящий свет [7, с. 142]; *Ароматы льются* из небесных садов [7, с. 228]; *радостная гордость разлилась* по ее сердцу [7, с. 277]; *Рвался роз* заревой *поток* [7, с. 78]; *Пруд* очей моих отверст прямо в небо [7, с. 43]; *О* благодатных слов *струи* живые! [7, с. 215]; *Прежде жизнь моя текла* Светлой сменой точных дней [7, с. 74]; *Как явственно стекает* вниз Прозрачность теплыми волнами [7, с. 92]; *Пленительны и полнозвучны, Текут* родимые слова [7, с. 97]; *Тупые протекают* дни [7, с. 158]; *Жизнь текла* без изменений [7, с. 163]; *Толпой нахлынули* воспоминанья [7, с. 154] и др.

В произведениях М. Цветаевой данный концепт реализуется в метафорах *водопад, море, плеск, прибой, разливы, река, струя, расплескаться* и т. п.: *Водопадами* занавеса [12, с. 137]; *Водопады* од [12, с. 225]; *снасти над морем* нив [12, с. 127]; *море* толп [12, с. 178]; *В этом море* слез [12, с. 223]; *над плеском* века [12, с. 140]; *ласк бурный прибой* [12, с. 243]; *О чем шумите вы, Разливы* листовенные [12, с. 121]; *Рыцарь, стерегущий Реку* – дней [12, с. 141]; *платья шелковые струи* [12, с. 59]; *расплескался* небосвод [12, с. 62] и др.

В творчестве В. Инбер концепт «Вода» выступает в метафорах *волна, зыбь, капля, море, океан, поток, прибой, литься, струиться, течь* и т.п.: *Прошла волна* овации по залу [6, с. 436]; *смерти черная волна* [6, с. 326]; *Волна* холода быстро продвинулась в глубь Европы [5, с. 99]; *волны впечатлений, мельчая, превращались* в туманную рябь [5, с. 454]; *Над зыбью* верблюжьих спин [6, с. 148]; не было уже ни *капли* жизни [6, с. 498]; *Океан* беспокойства огромен [6, с. 241]; *Она* колышет

океан колосьев [6, с. 245]; *блаженные океаны* будущего [5, с. 98]; *Быстробегущий* времени *поток* [6, с. 432]; *поток* событий на экране [5, с. 357]; *бурный поток* речи [5, с. 424]; *гул артиллерийского прибойя* [6, с. 264]; *граждане потоком Вливаются* в него [6, с. 274]; *В небе разливается закат* [6, с. 404]; *Прольется* звук [6, с. 452]; *воздух обольется* сияньем [5, с. 91]; *залитая* золотом баиня [5, с. 102]; *Струится* звездный ток [6, с. 55]; *Прозрачно струится* дымок сыроварни [6, с. 504]; *Часы текут* пленительно и длинно [6, 1, с. 53]; *Текли* геологические эры [6, с. 53]; *Сны текут* то явственней, то глуше [6, с. 57]; *И потекли* людские толпы [6, с. 120]; *Свет фонаря, словно масло, течет* [6, с. 141]; *И потекут* в привычном распорядке *Друзья* и книги [6, с. 199]; *Слова текут*, как из художого крана [6, с. 379]; *Утром* время медленно *течет* [6, с. 404]; *Текут* седые солнца и планеты [6, с. 449]; *в текущей* памяти людской Они осели [6, с. 481]; *улица текла* свежим *потоком* к окраинам [5, с. 87]; *в них тонет* и луна, и береза, и огород [5, с. 37]; *ручейковые* нашептывания [6, с. 62] и др.

В поэзии и прозе И. Сельвинского данный концепт реализуется в метафорах *брызги, капля, ливень, океан, пена, струя, лить(ся), пениться, течь* и т. п.: *даже брызгами* сторожевых огней *Такая* тьма не обагрится [10, с. 49]; *Хоть каплю* солнца смогу им принести [10, с. 188]; *И тоску по капле* коплю [10, с. 284]; *В пепле* огненных *ливней* [10, с. 64]; *любовь – безбрежный океан* [10, с. 29]; *Пена* платья твоего [10, с. 208]; *Прикосновеенья* вьюжных *струй* [10, с. 128]; *тоски* застарелой *струи* [10, с. 162]; *переходит* в гонги *Рояльная струя* [10, с. 209]; *Запах* гари, запах масла *Влился* разом в *черный бор* [10, с. 9]; *дым разлился* [10, с. 9]; *Страданье* пламенем *лилось* В *моей груди* [10, с. 140]; *Капая* солнцем, *закартавила* труба, *Заливая* уши *расплавленной медью* [10, с. 278]; *Течет* и *пенится* оплывами *Толпы* *стоглавый исполин* [10, с. 10]; *Я не одену* трауром *минуты, Протекишие* за *двадцать* долгих лет [10, с. 33]; *в три* ручья *текла струя* ромашки [11, с. 142]; *Течет* толпа *ало-желто-лилова* [11, с. 151]; *Из* *глаз* ее мне в *душу текла* голубизна [11, с. 213] и др.

Метафорический концепт «Голос» объективируется в метафорах *голос, бормотание, вопль, крик, лепет, шепот, болтливый, безмолвный, немой, хриплый, говорить, бормотать, ворчать, кричать, лепетать, шептать* и др. Голос является уникальным даром человека выражать словами свои мысли и чувства. Метафорический концепт «Голос» отражает авторские представления о действительности, наполненной разными звуками, как о «собеседнике», голос которого слышится повсюду, – так проявляется творческая потребность поэта «общаться» с окружающим миром, наделенным «правом голоса». Следует отметить, что для поэзии и прозы М. Цветаевой метафорический концепт «Голос» не характерен.

В творчестве З. Гиппиус данный концепт реализуется в метафорах *голос, лепет, молчанье, песня, пень, безмолвный, молчаливый, немой, ворчать, говорить, кричать, лепетать, молчать, петь, шептать(ся)* и др.: *Веселы и шепотливы* *Дождевые голоса* [4, с. 124]; *выговаривала* шарманка *ясно* для нее [4, с. 257]; *Безмолвный* мимо *пролетает* ветер [4, с. 110]; *Ночь безмолвна* [4, с. 205]; *ворчит*, *будто* *выстрелы, тишина* [4, с. 194]; *Закричал* ей слово *автомобиль* [4, с. 270]; *Не слышу* я *лепета* *Леты* [4, с. 78]; *про* свободу *Лепечет* ей *волна* [4, с. 58]; *шуришат* камыши, *Лепечут* о *счастье* *страданья* [4, с. 113]; *Молчит* *неверный лес* [4, с. 55]; *Молчит* *дорога* *странная* [4, с. 55]; *молчит* *река* [4, с. 102]; *Колокола молчат* [4, с. 115]; *Свободный дух молчит* [4, с. 132]; *Снегов молчанье* за *окном* [4, с. 64]; *Опять* *снег* *падает, чудесно молчаливый* [4, с. 124]; *Вода* *немая* *умерла* [4, с. 62]; *Бегут* мгновения *немые* [4, с. 64]; *отдаляют* *Мысли* *немые* *желанный* *ответ* [4, с. 106]; *Травы шепчутся* *сонные* [4, с. 109]; *листья шептались* *несмело* [4, с. 248];

Поют и плещут жалобные волны [4, с. 68]; *Властно поет* поток [4, с. 153]; *Поет* мне ветер *песню* смелую [4, с. 168] и др.

У А. Белого данный концепт реализуется в метафорах *говор*, *голос*, *лепет*, *песня*, *шепот*, *немой*, *лепетать*, *петь*, *шептать(ся)*, *шушукаться* и др.: *Над говорами струй* [2, с. 46]; *голос* любви берассудный [2, с. 176]; *ветра дальний глас* [2, с. 306]; *Голос* ветра замирает [2, с. 327]; *Приемлю молча жребий свой; Поняв душою безглагольной* [2, с. 398]; *Лучом безглагольного взора Согреет сошедший Христос* [2, с. 400]; *Зеленых волн Извечный лепет* [2, с. 171]; *Лепет* льющих лоз [2, с. 189]; *Осинка лепечет* Листвяная [2, с. 126]; *струит фонтан Шушукующий в выси лепет* [2, с. 231]; *в пустой зале стук и легкий тувельный лепет* [2, И, с. 274]; *Они – туда – в немые небеса* [2, с. 106]; *Немую* грусть Пересечет волна [2, с. 170]; *Немой* любви Невольное признание! [2, с. 170]; *Синие линии леса Немо* темнеют в закат [2, с. 394]; *В ясномемых небесах* [2, с. 48]; *И им пропел рожок* [2, с. 153]; *Пропел* в отдалении рожок [2, с. 164]; *Открыт рояль, поет* и плачет *клавиши* [2, с. 170, 172]; *Блестя, запели воды* [2, с. 371]; *Внимаю песням* небосклона [2, с. 201]; *шепчется* ветер с листвою [2, с. 42]; *Под шепот* алмазных фонтанов Проходят сквозь арку [2, с. 108]; *Перешукнется* в испуге с лебедой бурьян [2, с. 187]; *Листвой* своей поблеклой *Шушукнут* тополя [2, с. 245] и др.

В произведениях А. Ахматовой метафорический концепт «Голос» проявляется в таких словах, как *голос*, *говорить*, *бормотание*, *бормотать*, *вопл*, *крик*, *кричать*, *шепот*, *шептать*, *пение*, *петь* и др.: *скорбных скрипок голоса* [1, с. 54]; даже *голос* ветра слаб [1, с. 65]; *голос* радости могучей [1, с. 133]; *И над толпою голос* колокольный [1, с. 136]; *Пусть голоса* органа снова грянут [1, с. 162]; *голос* памяти [1, с. 167]; *А голос* ветра был понятен мне [1, с. 182]; *И в голосе* грозном софийского звона Мне слышится *голос* тревоги твоей [1, с. 261]; *А это как раз передает* *голос* молвы [1, с. 378]; *Колокол заговорил* Не набатным, грозным *голосом* [1, с. 152]; *Другие ивы что-то говорят* [1, с. 182]; свое *бормотали* *арыки* [1, с. 234]; *За порогом* дикий *вопл* судьбы [1, с. 181]; *вопл* паровоза [1, с. 235]; *Сентябрьский вихрь, листы с березы свеяв, кричит* [1, с. 98]; *К уху жарко приникает* Черный *шепоток* беды [1, с. 178]; *шепчутся* белые ночи [1, с. 231]; *Безмолвна* *песня*, музыка *нема* [1, с. 255]; *голосом* серебряным *волынка* Вдали *поет* о вечере разлук [1, с. 102]; *И вокруг тебя запела* тишина [1, с. 228]; *Это* *песня* последней встречи [1, с. 32] и др.

В поэзии и прозе М. Кузмина данный концепт выступает в метафорах *говор*, *голос*, *красноречие*, *лепет*, *напевы*, *песня*, *немой*, *хриплый*, *звать*, *лепетать*, *петь*, *шептать(ся)* и др.: *В говоре* птичьим – высокие *вести* [7, с. 109]; *Рожок* с кларнетом *говорит* [7, с. 144]; в сердце *голос* пел [7, с. 81]; *Леса безмолвны* зимней тишиной [7, с. 41]; *Безмолвна* *гладь* [7, с. 164]; *башни и ворота безмолствовали* [7, с. 186]; *Боги дадут красноречие* моей любви [7, с. 223]; *поют* *тромбоны* Подземным *зовом* *темноты* [7, с. 133]; *Вдали от плена* *Лепечет* *пена* [7, с. 111]; *Под веющий лепет* темных лип [7, с. 135]; *И поет* воспоминанья [7, с. 125]; *В оркестре* *пело* раненое море [7, с. 141]; *Под напевы* звучных арф [7, с. 49]; *И* *песня* *лется*, *песня* прошлых бед [7, с. 42]; *Хриплы* *пастушьи* *трубы* [7, с. 88]; *И* *память* – (верная служанка) – *шепчет* *внятно* Слова признания [7, с. 32] и др.

У В. Инбер концепт «Голос» реализуется в метафорах *бормотание*, *бормотать*, *голос*, *голосистый*, *говорить*, *лепет*, *лепетать*, *петь*, *шептать* и др.: *бормотание* сонной гагары [5, с. 77]; *Спасской башни* *голос* важный [6, с. 247]; *подняли* *голос* сирены [6, с. 334]; *Не* *умолкают* *пушек* *голоса* [6, с. 500]; *Кооперативный дом* не желал *слушаться* *голоса* рассудка [5, с. 73]; *громовый* *голос* наших *пушек* [5, с. 164]; *виолончель* *притаила* *голос* [5, с. 318]; *Рокочет* *пропеллер* *голосом* *высот* [5, с. 349]; *На* *бревнах* – *голосистая* *пила* [6, с. 498]; *Седые* *камни* с нами

говорят [6, с. 322]; *Ласточки сонно переговаривались* [5, с. 243]; *В саду вода лепечет* монотонно [6, с. 52]; *древний лепет римского фонтана* [6, с. 53]; *Лепечут из последнего Степные провода* [6, с. 181]; *Дождь пролепетал над садом* [6, с. 235]; *Глухонемая черная вода* [6, с. 441]; *осенний лепет птичьих голосов* [6, с. 472]; *Ручья лепечущий хрусталь* [6, с. 294]; *И рельсы, под речитатив колес, Запели* [6, с. 141]; *поют дожди* [6, с. 73]; *в Антарктике под пенье вьюги* [6, с. 408]; *Поют водопады* [6, с. 503]; *шепчет мраморная Терпсихора* [6, с. 500]; *По сторонам дороги шепчутся зеленые колосья* [5, с. 178]; *дерево продолжало шептаться с ветром* [5, с. 385] и др.

В творчестве И. Сельвинского данный концепт выступает в метафорах *голос, зов, лепет, шепот, немота, болтливый, гортанный, вопить, грассировать, картавить, охрипнуть, петь* и др.: *Поэм и птиц голоса* [10, с. 118]; *голос картечи* [11, с. 134]; *каждый камень Гудит голосами эпох* [10, с. 136]; *Звонче голос новых поколений* [10, с. 148]; *Я чую зов эпохи молодой* [10, с. 34]; *Кружится пена в лепете* [10, с. 294]; *я слышал шепот пены в волосах* [10, с. 20]; *я рыдал когда-то, упиваясь Неудержимым шепотом любви* [10, с. 133]; *Внесет немому симфоний* [10, с. 65]; *Сосать болтливую струю По вечерам сходили лоси* [10, с. 9]; *Твои гортанные ручьи и гордый говор твой* [11, с. 124]; *В блиндажах вопил телефонный нерв* [11, с. 50]; *грассирует ручей* [10, с. 183]; *Закартавила труба* [10, с. 278]; *флейты охрипнет рулада* [10, с. 176]; *Норд-остом распеваящая осень* [10, с. 19]; *стали петь леса* [10, с. 95]; *Заря петухами пропела* [11, с. 148]; *Ты не пой по горам, вода!* [10, с. 293] и др.

Метафорический концепт «Птица» объективируется в метафорах *птица, голубь, ястреб, взмах, гнездо, крыло, пух, стая, трель, бескрылый, крылатый, ворковать, нахохлиться, порхать, щебетать* и др. В нем образно выражается понятие о личной и творческой свободе, – в этом случае метафоры, как правило, выступают в сочетаниях со словами *мысль, слово, сердце, душа: птица-душа; мысли-птицы* (З. Гиппиус, М. Кузмин); *птица-сердце; мысль крылатая* (М. Кузмин, М. Цветаева); *голубь души; крылья сердца* (М. Кузмин); *сердца крылатый взмах* (М. Цветаева); *душа крылатая* (А. Ахматова, М. Цветаева); *слова крылатые; слова бескрылые* (А. Ахматова, В. Инбер). Данный концепт также отражает представление о духовности, вдохновении, творчестве, фантазии: *полет души* (З. Гиппиус); *птица вдохновения; крылья вдохновения* (В. Инбер); *голос крылатый* (М. Кузмин, М. Цветаева), реже он ассоциируется с легкостью и беспечностью (у В. Инбер: *дождь щебетал, заливался и цокал; щебетание дождя; смычок порхает*), с тоской и печалью (у А. Ахматовой: *птица-тоска; печаль бескрылая*; у З. Гиппиус: *ястреб-душа*). Для поэзии и прозы А. Белого метафорический концепт «Птица» не характерен.

У З. Гиппиус данный концепт проявляется в метафорах *птица, ястреб, крыло, крылатый, обескрылет, стая, взлетать* и т. п.: *Темные мысли – серые птицы* [4, с. 106]; *Птица-часы, как безвидная стая, не пролетают* [4, с. 280]; *Но мертвый ястреб – душа моя* [4, с. 121]; *сломлены крылья Святого безумия* [4, с. 87]; *Задев крылами, сотрясает рамы И вдаль летит без звука черный ветер* [4, с. 111]; *Но крылья острые Времен пронзили тайну тьмы* [4, с. 158]; *Покроешь темными крылами счастья* [4, с. 271]; *час бездонного смиренья Крылатым пламенем облек меня* [4, с. 119]; *И, обескрылев в мокрой мгле, Тяжелый дым ползет* [4, с. 145]; *Последних сновидений стая злая* [4, с. 261]; *Душа, как раненая птица, Рвалась взлететь – но не могла* [4, с. 82]; *Мгновений обратный лет* [4, с. 230] и др. В произведениях З. Гиппиус образ птицы служит воплощением вдохновения, творческого полета, легкости и порывистости.

В творчестве А. Ахматовой метафорический концепт «Птица» реализуется в словах **птица, крыло, стая** и т. п.: *выпустить птицу – мою тоску* [1, с. 65]; **Птицы смерти в зените стоят** [1, с. 197]; *Черной смерти мелькало крыло* [1, с. 158]; *унеслась стихов сожженных стая* [1, с. 220]; *Все тебе: и молитва дневная, И бессонницы млеющий жар, И стихов моих белая стая* [1, с. 111] и др. Птица в ахматовском творчестве ассоциируется с тоской и печалью.

В произведениях М. Кузмина данный концепт выступает в метафорах **птица, голубь, крыло, крылатый, ворковать** и др.: *Мысли – птицы ручные: журавли да аисты* [7, с. 109]; *мыслей-птиц высокое стремленье* [7, с. 114]; *сердце – пойманная птица* [7, с. 163]; *рвалась на волю птица-сердце* [7, с. 178]; *И крылья сердца глухо взвыли* [7, с. 111]; *И крылья сердца моего затрепетали* [7, с. 128]; *виднелось уже крыло какого-то здания* [7, с. 252]; *Я мыслю крылатой* *Искал вотще исчезнувших забав* [7, с. 48]; **крылаты** *мысли* [7, с. 64]; *слыша голос незабываемо крылатый* [7, с. 131]; *Мелькнул души молочный голубь* [7, с. 94]; *голубь моей печали – пришел ко мне!* [7, с. 245]; *Барабаны воркуют дробно За платиною ввечеру* [7, с. 129]; *звуки улетели бесследно* [7, с. 343]; *женщины с тем же щебетанием проследовали мимо меня* [7, с. 243] и др. Он несет в себе идею творческой и личной свободы, реже – ассоциируется с беззаботностью, беспечностью.

В поэзии и прозе М. Цветаевой метафорический концепт «Птица» проявляется в словах **крыло, крылатый, взмах, гнездо, пух, трель** и др.: *Под крыльями раскинутых бровей* [12, с. 59]; *Если душа родилась крылатой – Что ей хоромы и что ей хаты* [12, с. 93]; *Всем пророкочет голос мой крылатый* [12, с. 97]; *сердца крылатый взмах* [12, с. 227]; *И всех отчаяний гнездо* [12, с. 123]; *Женской лести лебяжий пух* [12, с. 81]; *Я любовь узнаю по цели, Нет! – по трели* *Всего тела вдоль!* [12, с. 148] и др. Он, как и у М. Кузмина, является выразителем идеи свободы (души, сердца, творчества).

У В. Инбер данный концепт выступает в метафорах **птица, гнездо, крыло, крылатый, бескрылый, оперенье, трель, порхать, щебетать** и т. п.: *кормить из рук своенравную птицу вдохновения* [5, с. 407]; *дальше пойдут скопления света, гнезда огней* [5, с. 91]; *Леса черно-бурое крыло* [6, с. 153]; *Орлиная сущность вдохновения, его широкошумные крылья* [5, с. 355]; *Слова мои сегодня не крылаты* [6, с. 79]; *Я буду близко и бескрылым словом* *Его ужасно сладко* [6, с. 395]; *Луну, с ее лебяжьим опереньем, Зеркально опрокинула в Неву* [6, с. 495]; *По ней перебегают трель огня* [6, с. 493]; *И только смычок порхает по струнам* [5, с. 203]; *дождь проливной щебетал, заливался и цокал* [6, с. 196]; *в смежной ванной комнате нежно, словно, неопытный соловей, защебетал маленький кран* [5, с. 264]; *слушали щебетание дождевых капель* [5, с. 301] и др. В творчестве В. Инбер образ птицы, как и у З. Гиппиус, является воплощением вдохновения и творческого полета.

В произведениях И. Сельвинского концепт «Птица» выражается метафорами **гнездо, крыло, крылатый, перо, оперенье, стая, нахохлиться, чирикать** и т. п.: *Ощерятся гнезда квартир* [10, с. 65]; *Улетели дети из гнезда* [10, с. 174]; *мне выметаться Меж крыльев пошлости* [10, с. 21]; *Большой рояль, от блеска бел, Подняв крыло, стоял как айсберг* [10, с. 125]; *И вскинула ночная мгла Ее метельные крыла* [10, с. 128]; *Брови крылатые Гневом свело* [10, с. 100]; *пишем для себя Заветным перышком воспоминаний* [10, с. 134]; *Не качай опереньем, тис* [10, с. 293]; *Недаром стая отважных народов В полет с тобой поднялась* [10, с. 139]; *стая девушек несетя С дюны к самой отмели* [10, с. 195]; *И меховые почки верб Нахохлятся зверятами* [10, с. 294]; *Но «Вечерка» чирикает о весне* [10, с. 186] и др.

Таким образом, метафорические концепты являются обязательными компонентами концептосферы определенной лингвокультурной общности. Их специфика состоит в том, что они отражают особенности национального образно-

ассоциативного мышления и выступают в качестве инвариантов, реализуемых в различных метафорических вариациях. Для русской поэзии и прозы первой половины XX в. характерны метафорические концепты «Вода», «Голос» и «Птица», в которых сконцентрированы ключевые понятия о движении и развитии мира, единстве и общении человека с природой, духовной и творческой эволюции личности.

В завершение следует отметить, что понятие метафорического концепта приобретает все более широкое распространение в восточнославянском языкознании в связи с активным развитием концептологии как междисциплинарного учения, однако многие вопросы по-прежнему остаются дискуссионными или нерешенными и требуют дальнейшего исследования. Изучение индивидуальных метафорических концептов на конкретном текстовом материале способствует выявлению образных компонентов концептосферы этноса на том или ином этапе его эволюции.

Библиографические ссылки

1. **Ахматова А. А.** Узнают голос мой...: Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта / сост. Н. Н. Глен, Л. А. Озеров; вступ. ст. Л. А. Озерова / А. А. Ахматова. – М. : Педагогика, 1989. – 608 с.
2. **Белый А.** Избранное / А. Белый. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. – 446 с.
3. **Белый А.** Избранная проза / сост., вступ. ст. Л. А. Смирновой / А. Белый. – М. : Советская Россия, 1988. – 464 с.
4. **Гиппиус З. Н.** Сочинения : Стихотворения. Проза / сост., вступ. ст. К. Азадовского, А. Лаврова / З. Н. Гиппиус. – Л. : Худ. литература, 1991. – 672 с.
5. **Инбер В.** Избранная проза / В. Инбер. – М. : Худ. литература, 1971. – 512 с.
6. **Инбер В.** Собрание сочинений : в 4-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы / В. Инбер. – М. : Худ. литература, 1965. – 574 с.
7. **Кузмин М. А.** Стихи и проза / сост., вступ. ст. Е. В. Ермилова / М. А. Кузмин. – М. : Современник, 1989. – 431 с.
8. **Лакофф Дж.** Метафоры, которыми мы живем; пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой; предисл. А. Н. Баранова / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.
9. **Никитин М. В.** Концепт и метафора [Текст] / М. В. Никитин // *Studia linguistica-10* : сб. статей. Проблемы теории европейских языков. – СПб. : Трипон, 2001. – С. 16–49.
10. **Сельвинский И. Л.** Стихотворения. Царевна-Лебедь / И. Л. Сельвинский. – М.: Худ. литература, 1984. – 383 с.
11. **Сельвинский И.** Избранные произведения / И. Сельвинский. – Л. : Сов. писатель, 1972. – 958 с.
12. **Цветаева М. И.** Избранное / М. И. Цветаева. – М. : Просвещение, 1990. – 366 с.

Надійшла до редколегії 01.05.10

УДК 811.161.1'373.611

О. В. Лавриненко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

АББРЕВИАЦИЯ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ ФУТБОЛЬНЫХ БОЛЕЛЬЩИКОВ

Досліджено основні абрєвіаційні тенденції в інтернет-комунікації футбольних вболівальників, описано моделі абрєвіації, що переважають, а також виявлено індивідуальні риси футбольної інтернет- абрєвіації на фоні загальних абрєвіаційних тенденцій інтернет-комунікації.

Ключові слова: абрєвіація, комунікація, інтернет-комунікація, інтернет-абрєвіація, футбольна комунікація.

Исследованы основные аббревиационные тенденции в интернет-коммуникации футбольных болельщиков, описаны преобладающие модели аббревиации, а также выявлены индивидуальные черты футбольной интернет-аббревиации на фоне общих аббревиационных тенденций интернет-коммуникации.

Ключевые слова: аббревиация, коммуникация, интернет-коммуникация, интернет-аббревиация, футбольная коммуникация.

In the article basic abbreviation tendencies in the Internet-communication of football fans are investigated, the prevailing models of abbreviation are described, and also the individual lines of football internet-abbreviation come to light on a background the general abbreviation tendencies of the Internet-communication.

Key words: abbreviation, communication, internet-communication, internet-abbreviation, football-communication.

Аббревиация в активных словообразовательных процессах интернет-коммуникации занимает важное место и достаточно массово проявляется в интернет-общении футбольных болельщиков. Есть две важные функции аббревиации [1, с. 93], обеспечивающие повышенную актуальность этого процесса в интернет-коммуникации. Во-первых, аббревиация служит своеобразным кодом общения между участниками самых разнообразных специализированных и узкоспециализированных групп по интересам и профессиональной деятельности (например, любители анимэ, футбольные болельщики или, скажем, востоковеды), являясь при этом хорошим средством языковой экономии. Во-вторых, фонетическое сближение или даже полное графическое совпадение аббревиатуры с обычным словом придает ей дополнительные эмотивные окраски, дает почву для создания каламбуров, придания высказыванию юмористического, иронического или саркастического оттенков и тому подобное.

Как известно, в академической грамматике русского языка выделяют 6 структурных типов аббревиатур [2, с. 255]:

1) аббревиатуры инициального типа, включающие два подтипа: а) образования из сочетаний начальных звуков слов; б) образования из названий начальных букв слов;

2) аббревиатуры, образованные сочетанием начальных частей слов («слоговые»);

3) смешанный тип образований, совмещающий элементы двух предыдущих;

4) аббревиатуры из сочетания начальной части слова (слов) с целым словом;

5) аббревиатуры из сочетания начальной части слова с формой косвенного падежа существительного;

6) аббревиатуры из сочетания начала первого слова с началом и концом второго или только с концом второго.

Если исходить из этой устоявшейся классификации типов аббревиации в современном русском литературном языке, то она представлена в жаргонной футбольной коммуникации достаточно однообразно. Подавляющее большинство аббревиатур являются инициальными, то есть образованными от начальных букв исходного словосочетания. Аббревиатуры других типов встречаются редко и носят единичный характер. Отметим встретившиеся типы аббревиатурных образований.

Слоговые аббревиатуры:

Центрнап ‘центральный нападающий’ – «Бангура – **центрнап**, Гусев по своей природе скоростник, по центру совместно волну будут поднимать Ребров и Корреа» (Стена, 26.02.08); **СаШо** ‘Александр (Саша) Шовковский’ – «Как думаете, **СаШо** могут вызвать на сбор, допустим перед игрой с Голландией, и вообще **СаШо** будет играть сборную?» (Стена, 30.05.10).

Аббревиатуры из сочетания начальной части слова с целым словом:

Центрбек ‘центральный защитник (центральный бек)’ – «По Михалику хочется думать, что такая игра **центрбеком** из-за отсутствия практики на этой позиции» (Стена, 30.05.10); **Центрхав** ‘центральный полузащитник’ (центральный хавбек → центральный хав → центрхав) – «Холек-Голек в такую зарубу? ну-ну. Скорее "собака" Грицай и более интеллектуальный **центрхав** Канкава» (Стена, 26.02.08).

Смешанный и другие, более редкие и специфические типы аббревиатур практически не встречаются.

Инициальные же аббревиатуры широко представлены различными тематическими группами. Это аббревиатуры, обозначающие:

1. Должности: **ГТ** ‘главный тренер’ – «Михалик – это вообще ПЕСТНЯ... Либо он на приколе, либо показывает **ГТ** Динамо, что не пойдет на цент бека в след зоне» (Стена, 30.05.10);

2. Игровые амплуа: **ЦЗ** ‘центральный защитник’ – «Матерацци знал, что ему за это ничего не будет, Липпи знал, что вероятность этого события можно приблизить довольно простым разменом функций пары **ЦЗ**» (Форум ФК «Зенит», 28.09.06); **ЛЗ** ‘левый защитник’; **ПЗ** ‘правый полузащитник’ – «**СТОЛБ** а зачем тебе так много в команде **ЛЗ** и **ПЗ**?» (Футбольный Петербург, 20.09.09).

Собственно, для всех игровых позиций сформировались двух- и трехбуквенные их символические обозначения, которые обычно употребляются в общении фанатами при составлении символических сборных. Перечисление обычно ведется от вратаря к форвардам: ВР – вратарь, ЦЗ – центральный защитник, ЛЗ – левый защитник, ПЗ – правый защитник, ОП – опорный полузащитник, АП – атакующий полузащитник, ЛП (ЛАП / АЛП, ЛФП / ФЛП) – левый полузащитник (левый атакующий полузащитник, левый фланговый полузащитник), ПП (ПАП / АПП, ПФП / ФПП) – правый полузащитник (правый атакующий полузащитник), ЦН – центральный нападающий, ПН – правый нападающий, ЛН – левый нападающий. Наравне с базовыми незаимствованными обозначениями игровых амплуа (вратарь, защитник, полузащитник, нападающий) употребляются их заимствованные полные синонимы (*голкипер / кипер, бек, хавбек / бек, форвард*), которые соответственно могут трансформировать и условные обозначения: ВР → ГК, ПП → ПХ, ЦН → ЦФ и т. д.

3. Игровые реалии: **ЖК** ‘желтая карточка’ – «Но, если бы Бузакка не забыл о первой **жк**, вторую он не показал бы». (Стена, 26.02.08); **КК** ‘красная карточка’ – «Судья в сердцах выдернул **КК**, но вспомнив правила, тут же поменял её на **ЖК**. Во втором эпизоде, он достал **КК**, подразумевая, что будет удалять игрока, но опять же вспомнил, что для показа **КК** ему сначала надо показать **ЖК**, а потом уже, по совокупности двух **ЖК**, и **КК**» (Автолига, 27.08.09).

4. Названия команд: **МЮ** «Манчестер Юнайтед» (Манчестер) – «Админы глорят за Челси, поэтому такие фото **МЮ** и ставят, уроды!!!» (комментарий к новости на сайте <http://football.ua/england/news/99067.html>, 30.05.10); **ДК** «Динамо» (Киев) – «Согласен **ШД** – **КУЕФА** а **ДК** – **ЛИГУ**» (Форум ФК «Шахтер», 25.07.06); «Давеча видел кошмарный сон, что газзая вытерли, а тренером **ДК** стал вацук. Успокойте меня кто-нибудь ((» (Стена, 30.05.10); **ШД** «Шахтер» (Донецк) – «Единственный выход – это встретиться в финале лиги чемпионов **ДК** и **ШД** тогда **ЛИГА** точно наша» (Форум ФК «Шахтер», 24.07.06); **СБУ** «сборная Украины» – «Я тоже так думаю, ну не мог он отказаться, наверное Сахо не входит в планы Марквича, а жаль, он бы очень проигрался **СБУ**» (Стена, 30.05.10); **ДД** «Днепр» (Днепропетровск) – «есть надежда, что Мирон всех посмотрит, отберет нужных без экспериментов с позициями и будет наигрывать уже тока их 2 года. Ведь его можно понять, тока пришел, ставка не только на **ДК**, **ШД** и **ДД**, давайте чуть потерпим:-)» (Стена, 30.05.10).

5. Названия турниров: **ЕК** «еврокубки» – «Есть еще пример прошлогодней истории с Фецуком и **МХ**, когда его так и не было шансов заявить в **ЕК**». (Стена, 27.05.08).

Особый интерес представляют здесь аббревиатуры, возникающие для наименования конкретных чемпионатов мира и Европы, например:

ЧМЯК «чемпионат мира в японии и корее 2002 г.» – «Эхо японо-корейских баталий или виртуальный **ЧМЯК** на прощание» (Вебпланета, 18.06.02); **ЧЕП** «чемпионат европы в португалии 2004 г.» – «Греция? Да это обыкновенные выскочки, которые просто то ли «на шару», то ли с «бодуна» выиграли **ЧЕП** 2004 (Чемпионат Европы в Португалии). Их футбол почти такой же примитивный, как и у Шотландцев» (Анимэ, 4.06.08); **ЧМОГ** «чемпионат мира в объединенной германии 2006 г.» – «Сборная моей страны к сожалению, после празднования исторического успеха для нее на **ЧМОГе** 2006 (попали в четверть финал), так и не смогла пробиться в Швейцарию и в Австрию» (Анимэ, 4.06.08); **ЧЕАШ** «чемпионат Европы в Австрии и Швейцарии 2008 г.» – «Ну что ж, скоро **ЧЕАШ** (Чемпионат Европы в Австрии и Швейцарии)» (Анимэ, 4.06.08).

6. Прозвища тренеров. Здесь можно выделить:

а) уважительные прозвища, образованные от первых букв ФИО:

ВВЛ «Валерий Васильевич Лобановский» – «Да и нельзя стать вторым Лобановским только благодаря чтению его конспектов – надо ещё и самим чуть-чуть мыслить. С этой проблемой столкнулись в киевском «Динамо», где президент клуба всё никак не может отойти от принципов **ВВЛ**» (www.footballin.kiev.ua); **ОИР** «Олег Иванович Романцев» – «Ещё в Спартаке **ОИР** пару раз появлялся на пресс-конференциях "веселее обычного", что потом и обсуждали журналисты...» (Футбольный гуру, 25.07.04); **ААМ** «Алексей Александрович Михайличенко» – «**ААМ** постоянно повторяет, что для него понятия «товарищеский матч» просто не существует» (<http://mag.football.ua/8/686/sbu.htm>, 22.05.08); **ЮПС** «Юрий Павлович Семин» – «А я вот хотел пооппонировать с соратниками по поводу возраста **ЮПС**, даже аргумент приготовил железобетонный: приход Бескова в "мясо" в конце 1976 г, и последующий взлёт **СМ** на космические высоты и на долгие-долгие годы» (Форум ФК «Динамо» (Москва), 25.04.06);

б) презрительные прозвища, образованные на основе речевок недовольных фанатов:

БИА «В. Г. Газзаев» (аббревиатура призыва болельщиков ЦСКА «баул – ишак – аул», недовольных вылетом команды из квалификации Лиги Чемпионов в 2003 г.) – «**К&К**, я не знаком с Газзаевым, а потому не могу сказать любая ли критика в его понимании пасквиль или нет... Вот с моей точки зрения – Парашин написал

типичный пасквиль... и один номер СЭкса был полностью в этом жанре... Впрочем, пишу это не из-за особых возражений на лозунг **БИА**, а скорее из чувства справедливости...» (На Песках, 20.08.03); **ЧТН** 'А. А. Чернышев, бывший тренер «Спартака» – «**ЧТН** – аббревиатура призыва болельщиков Спартака «Чемодан – Такси – Новогорск». Новогорск – место расположения тренировочной базы московского «Динамо», за которое Чернышев провел много лет» (Бронепоезд).

Вопрос об отнесении инициальных аббревиатур интернет-коммуникации к буквенным или звуковым может быть решен только косвенно, с учетом входящих в аббревиатуру букв и их последовательности. Очевидно, буквенными являются аббревиатуры **ЦЗ**, **ЖК**, **КК**, **ДК**, **ВВЛ** и им подобные, явно тяготеют к звуковому произношению аббревиатуры **ОИР**, **ЧМЯК**, **ЧЕП**, **ЧМОГ**. А вот скажем **ЮПС**, **ААМ** можно произносить по-разному и их тип покажет только устная языковая практика.

Любопытным видится сопоставление аббревиационных тенденций интернет-коммуникации футбольных болельщиков с общими аббревиационными тенденциями сети Интернет, которые выделяет Л. Ф. Компанцева [1, с. 94]:

1. Большинство аббревиатур создаются на базе экспансированных англоязычных компонентов. Здесь с уверенностью можно сказать, что это не характерно для футбольной коммуникации. Подвергаются аббревиации либо незаимствованные слова, либо заимствования, уже освоенные русским языком до аббревиации. В качестве исключения можно привести аббревиатуру **МЮ** (MU), а также аббревиатуры официальных футбольных организаций: **ФИФА** – Международная федерация футбола (*FIFA* – фр. *Fédération internationale de football association*), **УЕФА** – Союз европейских футбольных ассоциаций (*UEFA* – англ. *Union of European Football Associations*); а также федерации футбола остальных континентов: **АФК** – азиатская конфедерация футбола (*AFC* – англ. *Asian Football Confederation*), **КАФ** – Африканская конфедерация футбола (*CAF* – англ. *Confederation of African Football*), **КОНКАКАФ** – Конфедерация футбола стран Северной и Центральной Америки и зоны Карибского моря (*CONCACAF* – англ. *Confederation of North, Central American and Caribbean Association Football*), **КОНМЕБОЛ** – Конфедерация южноамериканского футбола (*CONMEBOL* – исп. *CONFederacion sudaMERicana de FutBOL*), **ОФК** – Конфедерация футбола Океании (*OFC* – англ. *Oceania Football Confederation*). Но эти аббревиатуры не относятся к футбольным жаргонизмам и давно освоены газетными, учебными и официально-деловыми жанрами футбольной коммуникации. Любопытно также отметить, что они являются транслитерированными заимствованиями иноязычных (латинизированных) аббревиатур и их расшифровка в русском языке не соответствует буквам, входящим в состав аббревиатуры.

2. Большинство аббревиатур представляют собой производные фраз, а не только словосочетаний.

3. Большинство аббревиатур являются не только именованьями, но и концептуализируют события, ситуации: **ИМХО** / **ИМНО** (от англ. «in my humble opinion» – «по моему скромному мнению») [3]. Иллюстрацией второй и третьей тенденции являются, например, аббревиатуры, образованные от фанатских речевок типа **БИА** (баул – ишак – аул), **ЧТН** (чемодан – такси – Новогорск).

4. Большинство аббревиатур формируются на основе языковой игры (10X – спасибо). Примерами в футбольной коммуникации могут послужить **АК** (Аршавин и Кержаков – бывшая связка нападающих ФК «Зенит»; здесь обыгрывается скорострельность автомата Калашникова), **КЫС-КЫС** (ФК «Крылья Советов»).

5. Большинство аббревиатур включают различные графические знаки. Потенциально такие аббревиатуры вполне могут возникать и в футбольной коммуникации, хотя в обследованном языковом материале такие не встречались.

Таким образом, можно сделать заключение, что аббревиация в футбольной коммуникации, с одной стороны, достаточно однообразна в способах образования, а с другой – в ней обнаруживаются некоторые индивидуальные черты на фоне общих аббревиационных процессов интернет-коммуникации.

Библиографические ссылки

1. **Компанцева Л. Ф.** Интернет-лингвистика : когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы / Л. Ф. Компанцева. – Луганск : Знание, 2008. – 528 с.
2. **Русская грамматика** : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Т. 1. – М. : Наука, 1980. – 783 с.
3. **ІМНО** [Електронний ресурс] – Режим доступа : <http://lurkmore.ru/ІМНО>.

Источники фактического материала

1. Автолига. – Форум Автомобильной Футбольной Лиги. – Режим доступа : <http://www.internetliga.ru/forum>.
2. Анимэ. – Спортивный раздел анимэ-форума. – Режим доступа : <http://forum.littlesanime.ru/forum41.html>.
3. Бронепоезд. – Сайт болельщиков ФК «Локомотив» (Москва). – Режим доступа : <http://www.bronepoezd.ru>.
4. Вебпланета. – Режим доступа : <http://www.webplanet.ru>.
5. На Песках. – Гостевая книга болельщиков ФК «ЦСКА» (Москва.) – Режим доступа : <http://www.peski.ru>.
6. Стена. – Форум болельщиков ФК «Динамо» (Киев) на сайте dynamo.kiev.ua – Режим доступа : <http://old.dynamo.kiev.ua/gb>.
7. Форум ФК «Динамо» (Москва). – Гостевая книга болельщиков ФК «Динамо» (Москва). – Режим доступа : <http://www.fc-dynamo.ru/gbook>.
8. Форум ФК «Зенит». – Архив форума болельщиков ФК «Зенит» (Санкт-Петербург). – Режим доступа : <http://zenit-piter.ru/guestbook/arc>.
9. Форум ФК «Шахтер». – Форум официального сайта ФК «Шахтер» (Донецк) – Режим доступа : <http://forum.shakhtar.com>.
10. Футбольный гурю. – Форум футбольных болельщиков. – Режим доступа : <http://forum.footballguru.org>.
11. Футбольный Петербург. – Форум футбольных болельщиков Санкт-Петербурга. – Режим доступа : <http://www.spbfootball.ru>.
12. mag.football.ua/8/686/sbu.htm.
13. football.ua – крупнейший украинский сайт общекфутбольной тематики.
14. www.footballin.kiev.ua.

Надійшла до редколегії 28.05.10

УДК 811.161.1'373.45

А. В. Лебедева

Херсонский государственный университет

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ НОВЕЙШИХ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В МОЛОДЁЖНОМ И КОМПЬЮТЕРНОМ СЛЕНГЕ

Присвячено новітнім англіцизмам, що функціонують у сучасному російському сленгу; визначено й описано найбільш продуктивні семантичні моделі англійських запозичень.

Ключові слова: запозичення, англіцизми, сленг, молодіжний сленг, комп'ютерний сленг, сленгізми.

Посвящена новейшим англицизмам, которые функционируют в современном русском сленге; выявлены и описаны наиболее продуктивные семантические модели английских заимствований.

Ключевые слова: заимствования, англицизмы, сленг, молодёжный сленг, компьютерный сленг, сленгизмы.

The article is aimed to review the latest anglicisms functioning in modern Russian slang; the most productive models of English borrowings are defined.

Key words: borrowings, anglicisms, slang, youth slang, computer slang, slang words.

Активное проникновение слов из английского языка в современный русский язык является характерным языковым отражением происходящих в мировом сообществе процессов глобализации, расширения и углубления международных связей, межгосударственного и межъязыкового взаимодействия, интернационализации науки.

В современной лингвистической литературе большое внимание уделяется проблемам освоения новейшей заимствованной лексики в различных сферах функционирования русского языка (Л. А. Баранова, Ю. В. Бичай, И. И. Вакулик, Г. В. Дружин, И. В. Забело, В. В. Задунай, М. Г. Зеленцова, В. В. Зирка, С. С. Изюмская, С. П. Кожушко, Т. В. Максимова, И. Н. Мозовая, А. А. Мурашов, И. О. Наумова, И. В. Нечаева, И. Н. Обухова, Н. Е. Петрова, Т. М. Полякова, Л. В. Рацибурская, О. П. Сологуб, М. В. Тарасова, Чан Хоанг Май Ань, В. М. Шаклеин, В. Н. Шапошников и др.).

На наш взгляд, недостаточно изученными остаются процессы заимствования из английского языка в отдельные субкоды современного русского языка с точки зрения семантики. В частности, неисследованными являются англицизмы в молодёжном и компьютерном сленге (однозначно разграничить молодёжный сленг и компьютерный сленг не всегда представляется возможным).

В связи с отмеченным *целью* данной статьи является определение наиболее продуктивных семантических моделей проникновения английских слов в русский сленг.

В ходе анализа современных сленгизмов-заимствований из английского языка установлено семь семантических моделей заимствования английских слов в русский молодёжный и компьютерный сленг:

1. Заимствуется основное значение многозначной лексемы.

Например, в стандартном английском языке слово *moon* обозначает 'луну'; 'Луну'; 'спутник (планеты)'; 'лунный месяц'; 'месячное заключение в тюрьму'; 'медовый месяц'; 'долгий срок'; 'лунный свет'; 'большое круглое печенье'; 'голые ягодицы'; 'контрабандный спирт; виски' [1; 9].

В русском молодёжном сленге заимствование *мун* (от англ. moon) функционирует в единственном значении ‘луна’: *Гляди, какой мун – как блин горячий* [6, с. 361, 7, с. 402].

Лексема *knife* в английском языке имеет значения ‘нож’; ‘скальпель’; ‘резец, скребок, струг’ [1; 9].

В современном русском сленге слово *наиф* (от англ. knife) имеет только одно значение ‘нож’: *У тебя есть наиф? Пришли джорджи с наифами* [Никитина, с. 415]; *На нас напала урла с наифами* [6, с. 371].

В стандартном английском языке существительное *room* обозначает ‘комнату’; ‘зал для приёмов, собраний, проведения аукционов и т. д.’; ‘жилище, жильё; помещение; квартиру’; ‘место, пространство, площадь’; ‘участок памяти’; ‘общество; компанию (людей, находящихся в одной комнате)’; ‘участок, надел земли; ферму’; ‘стойло (конюшни, коровника, хлева)’; ‘рыболовные причалы, сушилки для рыбы, склады и т. д.’; ‘удобный случай, возможность’; ‘возможности, простор (для передвижения, действий, мыслей и т. п.)’ [1; 9].

Слово *рум* (от англ. room) заимствовано молодёжным сленгом в значении ‘комната’: – *А это чей рум? – Чей-то с литфака* [7, с. 607]; *По углам моей рум были развешаны динамики* [6, с. 516]. Непосредственно в русском сленге возникли дериваты *румната* (контаминация *комната* и англ. *room*): *Даю тебе пять минут на то, чтобы ты вымелся из моей румнаты* [6, с. 516] и *румка*, который в школьном сленге обозначает ‘класс, учебный кабинет’ [4, с. 240].

2. Заимствуется производное значение многозначной лексемы.

В английском языке существительное *English* употребляется в двух значениях: ‘англичане’ и ‘английский (язык)’ [1; 9].

В современном школьном и студенческом жаргоне лексема *инглиш* (от англ. English) функционирует в значениях ‘английский язык (учебный предмет)’: *Девушка, принимающая документы, спросила, что за язык был у Лиды в школе. Лида неожиданно улыбнулась: «Инглиш». Покраснела* [4, с. 110] и в вариантах *инглиш* и *ингл* – ‘урок английского языка’: *Сорвёмся с инглиша?* [4, с. 110]; – *Ингл сделал? – Да скачал доклад из интернета* [4, с. 110]. Сленгизмы *ингл* и *инглесиаз* употребляется также в значении ‘учитель английского языка’: *Ингл под штатника канает – ни слова не разобрать, каша во рту* [4, с. 110]; *Инглесиаз велел остаться после уроков* [4, с. 110].

В стандартном английском языке лексема *mail* имеет значения ‘почта (система доставки корреспонденции)’; ‘почта, почтовая корреспонденция’; ‘почтовый поезд’; ‘мешок с почтой’; ‘дорожный мешок, дорожная сумка’; ‘электронная корреспонденция (письма по электронной почте)’ и т. д. [1; 9].

Современный молодёжный сленг заимствует это слово в фонетических вариантах *мыло*, *мэйло* (от англ. mail), где оно обозначает ‘электронную почту’: *Получить статьи по мылу* [7, с. 405]; *Посмотреть мэйло* [6, с. 365]; *У тебя есть мыло?* [5, с. 277]; *Я себе поставил мэйло, так что теперь пиши мне письма* [5, с. 278] и ‘письмо’: *Пожалуйста, пошли мне мыло* [5, с. 278]. Уже в сленге были образованы выражения *написать/писать (бросить/бросать, кинуть/кидать) мылом что* ‘передать что-л. с помощью электронной почты (e-mail)’: *Мылом брось координаты, если не влом* [7, с. 405]; *Срочно нужен реферат по философии, если найдётся, киньте мылом* [6, с. 364]. Вариант написания лексемы *е-мэйл* (от англ. E-mail) имеет значение ‘подпись учителя или родителей’: *Где образец? Есть у вас его Е-мэйл?* [4, с. 91]. Выражение *уйти в мыло* обозначает ‘перейти от общения в конференции к личной переписке’ [6, с. 364, 7, с. 405]. В процессе функционирования сленгизма возникли дериваты *мылсервер* в значении ‘почтовый компьютерный сервер’, *мыльница* в значениях ‘электронная почта’: *У тебя дома мыльница есть, или же*

только на работе? [5, с. 278] и ‘почтовый ящик на сервере или на персональном компьютере’ [6, с. 364], а также *мэйлер* – ‘компьютерная программа-почтальон, служащая для приёма и передачи электронной почты’ [5, с. 278].

3. Заимствуется несколько значений многозначной английской лексики.

Английское слово *long* имеет следующие значения: ‘длинный; больше своей ширины’; ‘долговязый, высокий’; ‘обладающий определённой протяжённостью; имеющий такую-то длину’; ‘долгий, длительный, существующий давно; продолжительный; затяжной’; ‘обладающий определённой протяжённостью, длящийся столько-то’; ‘долгий, медленный; неспешный, медлительный’; ‘многочисленный, большой; обширный (состоящий из многих пунктов, насчитывающий много объектов)’; ‘огромный, избыточный, непомерно высокий’; ‘длинный, далёкий (далеко направленный)’ и др. [1; 9].

Англицизм *лонговый* (от англ. *long*) в молодёжном сленге функционирует в значениях ‘длинный (обычно о волосах)’: *У него лонговый хайр* [7, с. 355]; *Когда я был чилдреном, носил я тёртый «Райфл», лонговый модный хаер и драные шузы* [6, с. 321] и ‘высокий (о человеке)’: *Лонговый мэн* [6, с. 321].

В стандартном английском языке существительное *sample* обозначает: ‘образец, образчик; экземпляр’; ‘проба (для научного или медицинского исследования)’; ‘пример, образец’; ‘выборка’; ‘модель, шаблон’; ‘сэмпл (небольшой звуковой фрагмент, вырезанный из записи, например, существующего музыкального произведения, и используемый для создания новых звучаний или новых музыкальных произведений)’ [1; 9].

Сленгизм *самплик* (от англ. *sample*) в русском компьютерном сленге имеет два значения: ‘пример, образец, шаблон’: *Дай мне лучше какой-нибудь самплик, я по нему всё и сделаю* [5, с. 408] и ‘звуковой файл’ [8, с. 158].

4. Заимствуется одно или несколько значений многозначной английской лексики, а в русский молодёжный сленг проникают другие производные значения слова.

В английском языке слово *ring* омонимично и употребляется в значениях ‘кольцо’; ‘ободок, обруч’; ‘окружность; круг’; ‘годовое кольцо (о древесных растениях), годичный слой’; ‘площадка, имеющая круглую форму, где происходит какое-л. действие’; ‘арена цирка’; ‘татами, площадка (для различных видов единоборств)’; ‘(боксерский) ринг’; ‘политическая арена, арена политической борьбы (особенно во время предвыборной кампании)’; ‘бокс; занятия боксом’; ‘оправа (очков)’; ‘различные виды преступных группировок’; ‘объединение спекулянтов для совместного контроля над рынком’; ‘клика; банда, шайка’; ‘профессиональные игроки на скачках, букмекеры’; ‘архивольт (арки)’; ‘рым’. Омоним существительного *ging* обозначает ‘дребезжание, звон’; ‘звонок в дверь’; ‘телефонный звонок’; отзвук, отголосок; ‘подбор колоколов’; ‘благовест’; ‘звучность, звонкость’ [1; 9].

Стандартным русским языком английская лексема заимствована в значении ‘ограждённая канатами площадка (обычно на помосте) для бокса’ [2], а также широко употребляется в переносном значении ‘политическая арена, арена политической борьбы’.

Сленгом заимствовано значение ‘круговой договор – соглашение нескольких предпринимателей о скупке в каком-л. районе какого-л. товара с целью его монополизации и продажи по высоким ценам’ [6, с. 510], которое, по нашему мнению, из сленга предпринимателей и бизнесменов проникло в стандартный русский язык со значением: ‘кратковременное соглашение предпринимателей с целью получить прибыль путём скупки товара на рынке и последующей продажи его по более высоким ценам’ [20].

Русским жаргоном слово *ринг* было заимствовано также в значении ‘верёвочка, повязка вокруг головы, держащая волосы’: *Ринг у тебя клёвый* [6, с. 510].

Позже в русский сленг проник омоним английского слова *ring* со значением: ‘телефонный звонок’: *От него было пару рингов с Чикаго, а потом как отрезало* [6, с. 510]. Непосредственно в молодёжном сленге появились значения: ‘телефонный аппарат’: *Зинка новый ринг купила, на нём видно, кто звонит* [6, с. 510] и ‘номер телефона’: *Какой у тебя ринг?* [7, с. 598]; *Ринг-то, ринг спрашивай скорей, сейчас ведь уйдёт, потом ищи по тусовкам* [6, с. 510].

В процессе развития семантики заимствование «обрастает» производными: *рингать, ринговать* ‘звонить по телефону’: *Стрёмно мне ей рингать, может, ты?* [7, с. 599]; *Не хочу я в этот ваш крысятник ринговать, лучше ты мне отрингуй с переговорного* [6, с. 510]; *рингануть* ‘позвонить кому-л.’: *Рингани мне вечером* [7, с. 599]; *Я тебе завтра рингану* [6, с. 510]; *рингушник* в значениях ‘записная книжка (с номерами телефонов)’: *А рингушник у меня вместе с ксивой и капустой гопники изъяли* [БСЖ, с. 510] и ‘телефонный справочник’ [7, с. 599].

5. Заимствуется одно или несколько значений многозначной английской лексемы, которые затем проникают в русский сленг.

Так, слово *business* в английском языке имеет значения ‘дело, занятие; работа’; ‘постоянное занятие, профессия’; ‘бизнес, предпринимательская деятельность; занятие, приносящее доход, прибыль’; ‘небольшое промышленное или торговое предприятие; фирма, компания’; ‘дело, сфера ответственности; обязанность, долг’; ‘причастность, отношение (к кому-л., чему-л.)’; ‘дело, начинание, предприятие’; ‘занятие, доставляющее много хлопот, беспокойства; морока’; ‘действие, игра, мимика, жесты (в отличие от реплик)’; ‘занятость’ [1; 9].

«Большой словарь иностранных слов» фиксирует давно заимствованное из английского языка слово *бизнес* в значениях ‘коммерческая, биржевая или предпринимательская деятельность, приносящая доход, прибыль’, ‘деловая жизнь, экономическая деятельность вообще в отличие от других сфер жизнедеятельности (культуры, образования и др.)’, а также *перен.* ‘лёгкая афёра как источник обогащения, наживы’ [2, с. 89].

По определению «Большого словаря русского жаргона» в молодёжном сленге англицизм *бизнес* (от англ. *business*) употребляется, когда речь идёт ‘о неудачном, неприбыльном деле’ или ‘о нелепости’ [6, с. 61].

В английском языке лексема *printer* имеет значения ‘печатник; типограф; типографщик’; ‘набойщик’; ‘принтер, печатающее устройство’ [1; 9].

Заимствование *принтер* (от англ. *printer*) в стандартном русском языке обозначает ‘печатное устройство, подключаемое к компьютеру для вывода буквенно-цифровой информации’ [2, с. 466].

В современном компьютерном сленге функционирует сленгизм *принтак* в значении ‘принтер’, а также производные слова *принтануть* – ‘сделать распечатку на принтере’, *принтить, принтовать* – ‘печатать, делать распечатку на принтере’: *А особенно не люблю посуду мыть и принтить* [БСЖ, с. 476].

6. Заимствуется одно или несколько значений многозначной английской лексемы, которые затем проникают в стандартный русский язык.

В английском языке лексема *rave* как существительное имеет следующие значения: ‘бред, бессвязная речь’; ‘бешенство; неистовство’; ‘мода, повальное увлечение’; ‘восторженный отзыв’; ‘рейв’; ‘вечеринка (в 60-е гг.)’; ‘полуподпольные тусовки, дискотеки, на которых в больших количествах употребляются галлюциногены – особенно *ecstasy* – явление конца 80-х и 90-х’; ‘танцевальная музыка, характерная для рейвов – включает стили *acid house, hard core* и т.д.’, а также функционирует как сленгизм со значениями ‘балдёжный’, ‘модный’, ‘тусовка’, ‘любовь’ [1; 9].

Современные словари жаргона и сленга дают следующее определение: *рэйв, рейв* (от англ. rave) – ‘одно из направлений музыки техно’: *Да пойми ты, рэйв – это ритм, мелодия тут ни при чём* [7, с. 610]; ‘вечеринка с музыкой в стиле рэйв’: *В субботу собираемся на рэйв. Пойдёшь?* [6, с. 519]; ‘стиль жизни поклонников музыки в стиле рэйв’: *Рэйв – хреновень, обозначающая стиль жизни, активное прожигание времени, тусовку, моду, жаргон, прикид, температуру подмышек и попки, экстази и ЛСД* [6, с. 519; 7, с. 610], ‘наркотик «Экстази»’ [5, с. 399].

В стандартном русском языке заимствованное из английского языка слово *рейв* функционирует в значениях ‘современная танцевальная музыка стиля техно с использованием световых эффектов; направление молодёжной субкультуры, культивирующее такую музыку’; ‘встреча молодёжи, вечеринка с танцами под такую музыку’ [2, с. 494].

В современном английском языке слово *raver* имеет значения ‘человек, ведущий богемный образ жизни’ и ‘рейвер (человек, принадлежащий рейв-культуре)’. В английском сленге *raver* – ‘повеса’, ‘эмансипированная особа’ [1; 9].

В русском молодёжном сленге *рэйвер, рейвер* (от англ. raver) – ‘музыкант, работающий в стиле рэйв’; ‘любитель музыки в стиле рэйв, поклонник данного музыкального стиля’: *Да и сами клубящиеся рэйверы [в Германии] мало чем отличались от российской дискотечной публики* [7, с. 610]; *Тинэйджер ты или пейджер, рейвер ты или плейер – мне давным давно переллельно* [6, с. 519].

Уже в сленге образовались дериваты *рэйвануть* ‘пойти на рэйв-вечеринку’: *Ну что, рэйванём в политех?* [7, с. 610], а также *рэйвовать* ‘исполнять музыку в стиле рэйв’: *Скутер уже давно перестал рэйвовать* [6, с. 519].

Англицизм *рейвер* в современном стандартном русском языке имеет значение ‘представитель молодёжного субкультурного направления рейв’. *Рейв-клуб* – ‘ночной клуб или дискотека, где проводятся вечеринки в стиле рейв’ [2, с. 494].

По нашему мнению, данное заимствование из современной русской жаргонной речи перешло в стандартный русский язык.

7. Заимствование слова из английского сленга в русский сленг.

В стандартном английском языке слово *swinger* имеет значения ‘жизнелюб’, ‘свингер (мяч, брошенный боулером таким образом, что он меняет траекторию полёта)’, ‘поворотная лебёдка’ и др. В английском сленге – ‘хиппи’; ‘раскрепощённый человек, который может заниматься сексом одновременно с несколькими партнёрами’, мн. ‘молодые хиппи, которые меняются своими партнёрами’ [1, 9].

В стандартном русском языке слово *свингер* (от англ. swinger) употребляется в значении ‘фасон женской верхней одежды, расклешённой от плеч, в виде куртки, пальто’. Во множественном числе лексема *свингеры* обозначает ‘супружеские пары, практикующие свободный обмен половыми партнёрами’ [2, с. 517].

Сленгизм *свингер* в русском молодёжном сленге имеет значения ‘участник группового секса’: *Около 4000 свингеров («свингер» означает – участник группового секса) съехались на уик-энд сюда, в отель в пустыне Невада* [7, с. 620], а также ‘полупальто или пиджак в форме трапеции’: *Чёрный свингер к красным штанам?* [6, с. 528]; *Особенно популярен свингер – короткий, расклешённый, летящего покроя* [7, с. 620].

Таким образом, нами выявлено семь основных семантических моделей, по которым происходит заимствование слов из английского языка в русский молодёжный и компьютерный сленг и их адаптация. Английская лексема может заимствоваться не со всеми значениями многозначного слова, а лишь с одним или несколькими из них. При этом возможно проникновение некоторых англицизмов из стандартного русского языка в сленг, а также из сленга в стандартный русский язык, то есть наблюдается процесс внутриязыкового заимствования. В ряде случаев

в сленге происходит развитие новых значений заимствованных слов, отсутствующих в английском языке, и активное образование дериватов.

В дальнейшем планируется проследить как новые, возникшие непосредственно в сленге, значения англицизмов расширяют сферу своего использования, проникая в язык масс-медиа и другие дискурсы современного русского языка.

Библиографические ссылки

1. **Англо-русский словарь общей лексики.** 100 тыс. статей [Электронный ресурс] / [Сост. лексикографич. группой отдела прикладной лингвистики компании АBBYY]. – АBBYY Lingvo 12, 2006.
2. **Булыко А. Н.** Большой словарь иностранных слов / А. Н. Булыко. – 2-е изд., испр. – М. : Мартин, 2007. – 704 с.
3. **Иванов Г. А.** Хулиганско-блатной жаргонный словарь / Г. А. Иванов. – Донецк : Донеччина, 2006. – 320 с.
4. **Вальтер Х.** Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона: ок. 5000 слов и выражений / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2005. – 360, [8] с.
5. **Левикова С. И.** Большой словарь молодёжного сленга / С. И. Левикова. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 928 с.
6. **Мокиенко В. М.** Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Норинт, 2001. – 720 с.
7. **Никитина Т. Г.** Молодёжный сленг : толковый словарь : более 12 000 слов; свыше 3000 фразеологизмов / Т. Г. Никитина. – М. : Астрель : АСТ, 2007. – 910, [2] с.
8. **Словарь молодёжного и интернет-сленга.** Толкование более 10 000 слов и выражений / [авт.-сост. Белов Н. В.]. – Минск : Харвест, 2007. – 256 с.
9. **The Oxford-Russian Dictionary** / [by Paul Falla]. – Moscow : Oxford, 1997. – 734 p.

Надійшла до редколегії 20.05.10

УДК 811.161.1'373.7

Е. Л. Ляпичева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ПОСЛОВИЦЫ И ЛЕКЕМЫ, ИМЕНУЮЩИЕ ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В СКАЗКАХ, КАК ПРЕДМЕТ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ

Запропоновано методику опрацювання спецкурсу з лінгвокультурології «Стейкі вислови із зоосемізмами в російській мові» для студентів-іноземців, зокрема визначено перелік таких висловів, встановлено їх відповідність ПОСЕСИВНОМУ та АКЦІОНАЛЬНОМУ фреймам на основі фреймової віднесеності зоосемізмів, що входять до складу стійких висловів; визначено когнітивні моделі досліджуваних висловів на основі фреймової віднесеності прямого й переносного значень зоосемізмів.

Ключові слова: зоосемізм, посесивний та акціональний фрейми, когнітивна модель.

Предложена методика разработки спецкурса для студентов-иностранцев «Устойчивые выражения с зоосемизмами в русском языке», в частности определен список таких выражений, установлено их соответствие ПОСЕСИВНОМУ и АКЦИОНАЛЬНОМУ фреймам на основе фреймовой отнесенности зоосемизмов, входящих в состав устойчивых выражений; определены когнитивные модели исследуемых выражений на основе фреймовой отнесенности прямого и переносного значений зоосемизмов.

Ключевые слова: зоосемизм, посесивный и акциональный фреймы, когнитивная модель.

In this article the special course «Stable phrases with the words, which contain the meaning “animal” in Russian language» is worked out. For this purpose the list of such phrases is determined, their accordance with POSESSIVE and ACTIONAL frames is found out. The cognitive models of the stable phrases are fixed on the basis of the straight and the figurative meanings’ frame belonging.

Key words: the words, which contain the meaning «animal»; possessive and actional frames, cognitive models.

В последнее время в методике преподавания иностранных языков происходит постепенный переход от коммуникативной модели к когнитивно-культурологической [1, с. 14], согласно которой основной задачей обучения является приобретение иностранными обучающимися культурной компетенции; знаний, связанных с культурами, образом жизни, нравственными эталонами народа, язык которого изучается. Лингвокультурологический подход к изучению русского языка как иностранного имеет долгую традицию, хотя и не был доминирующим в недавнюю советскую эпоху. Такой подход предлагался в исследованиях В. Г. Костомарова и Н. Д. Бурвиковой [5]. Он предлагается и сегодня в новых учебниках по русскому языку для иностранных учащихся [4], изобилующих материалами о реалиях русской жизни, текстами популярных стихов, песен, отрывками из художественной прозы культурно значимых русских писателей. Вместе с тем заявление лингвокультурологического подхода как ведущего в методике преподавания иностранных языков предъявляет новые требования к его разработке, прежде всего совершенствование практических методов его применения в преподавании различных тем, связанных с лексико-семантическим уровнем языка.

Культурно значимым представляется такой лексический пласт, как русские фразеологизмы, пословицы и лексемы, именующие образы сказочных животных. Эти лексические единицы широко используются в русской речи, их «внутренняя форма» даёт представление об образе мыслей русского человека, о русской языковой картине мира.

Целью нашего исследования является разработка содержания спецкурса по лингвокультурологии «Устойчивые выражения с зоосемизмами в русском языке» для студентов-иностранцев филологических специальностей. Достижение поставленной цели требует выполнения следующих задач: 1) выбрать из БТС устойчивые выражения с зоосемизмами, имеющими в своём значении неядерную сему «Животное»; 2) распределить фразеологизмы, пословицы и лексемы, именующие образы животных в сказках, по фреймам, опираясь на фреймовую отнесённость зоосемизмов, входящих в их состав; 3) выявить когнитивные модели исследуемых устойчивых выражений, определив фреймовую отнесённость гипотетического прямого и переносного значений зоосемизмов в этих устойчивых выражениях. Представим обзор содержания спецкурса.

Выбранные из Большого толкового словаря русского языка [2] исследуемые лексические единицы включены в пять фреймов, сопровождающих любую речемыслительную деятельность человека (предметный, акциональный, посессивный, идентификационный и компаративный) [3]. Это базисные отношения человеческого сознания, представляющие собой сеть базисных концептов, таких как ДЕЙСТВИЕ, СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ, АДРЕСАТ, ИНСТРУМЕНТ, МЕСТО, ВРЕМЯ, ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ, ПРЕДМЕТ, РОД – ВИД, ТАКОЙ, ТАМ (МЕСТО), ТОГДА (ВРЕМЯ) и др. Данные базисные отношения интернациональны и находят своё специфическое выражение в любом языке, поэтому распределение фразеологизмов, пословиц и лексем, именующих образы животных, по фреймам актуально для изучающих русский язык как иностранный. Другим аспектом расположения исследуемого фактического материала является его размещение в статьях, называющих то или иное слово анимальной концептосферы, входящее в состав фразеологизма либо пословицы и являющееся их метафорическим центром. Например, фразеологизм *насту-*

путь на хвост (сниж. «обидеть») располагается в статье под названием **хвост**. Значение этого слова является ключевым для понимания «внутренней формы» фразеологизма (хвост является незащищённой частью тела животного, поэтому физические воздействия на него болезненны для животного и при метафорическом перенесении действия *наступить на хвост* с животного на человека могут интерпретироваться как орудие морального давления на человека, средство его обиды). Такое расположение фактического материала удобно ещё и потому, что помогает обнаружить концептуальные метафоры, реализующиеся в языковых единицах различной структуры с помощью лексем одной семантической подгруппы. Например, в русских фразеологизмах, пословицах и сказках для отражения обобщающего концепта УЯЗВИМОЕ МЕСТО часто используется понятие ЧАСТЬ ТЕЛА И ПОКРОВА ЖИВОТНЫХ (9 значений слов *хвост*, *шкура*, *шкурка*, *холка*): **хвост** – *накрутить хвост кому-либо* – «грубо выругать», *вожжа (шляя) под хвост попала* – сниж. «о капризном поведении», *насыпать соли на хвост* – сниж. «сделать кому-либо неприятность», *наступить на хвост* – сниж. «обидеть», *укоротить хвост* – сниж. «сделать кого-либо покорным»; **шкура** – *драть шкуру* – «жестoko эксплуатировать», *шкуру спустить* – «сильно избить»; **холка** (1) – уязвимое место (1): *намять холку* – «устроить нагоняй»; **шкурка** (1) – уязвимое место (1): *взять за шкурку* – «поставить в безвыходное положение». Это даёт нам основание утверждать, что в русском сознании существует концептуальная метафора указанной модели ЧАСТЬ ТЕЛА И ПОКРОВА ЖИВОТНЫХ → УЯЗВИМОЕ МЕСТО.

Фразеологизмы и пословицы являются фразами, внутри которых можно выделить ключевые единицы, подвергшиеся переосмыслению. Если определить тип фрейма, выражаемого этими единицами, то легко установить, в составе какого фрейма можно рассматривать данный фразеологизм и в составе какого фрейма возникло переносное значение ключевой лексемы. Нами исследовано 92 имени существительного, 6 имён прилагательных и причастий, 4 глагола и 2 междометия с анимальной семантикой, входящих в устойчивые выражения (всего 104 слова). Исследование материала показывает, что в прямых значениях зоосемизмы, входящие в состав устойчивых выражений, могут быть отнесены к посессивному, акциональному и предметному фреймам. В предметном фрейме одна и та же сущность (НЕЧТО или НЕКТО) характеризуется по своим количественным, качественным, бытийным, локативным и темпоральным параметрам. В акциональном фрейме несколько предметов, являющихся участниками события, наделяются аргументными ролями. Посессивный фрейм выражает отношения трёх типов: 1) собственник имеет собственность (*Петр имеет дом*); 2) целое имеет часть: *книга имеет обложку*; 3) контейнер имеет содержимое: *год имеет месяцы* [3]. Наиболее «разработанным» представляется **ПОСЕССИВНЫЙ ФРЕЙМ**, включающий домены (связные области концептуализации, относительно которых характеризуется семантическая структура): ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО (64 слова), ЦЕЛОЕ (существо мистического мира), имеющее ЧАСТИ ТЕЛА животного (19), ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ (1). За ним следует акциональный фрейм (25 значений), предметный фрейм включает всего 6 значений. Рассмотрим фреймовую принадлежность зоосемизмов различных частей речи, входящих в состав пословиц, фразеологизмов, сказок (объём статьи не позволяет привести все возможные примеры).

1. Имена существительные (92 слова)

ПОСЕССИВНЫЙ ФРЕЙМ

ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО (54)

Хвост (19) – а) уязвимое место (5): *накрутить хвост кому-либо* – «грубо выругать», *вожжа (шляя) под хвост попала* – сниж. «о капризном поведении», *насыпать соли на хвост* – сниж. «сделать кому-либо неприятность», *наступить на*

хвост – сниж. «обидеть», *укоротить хвост* – сниж. «сделать кого-либо покорным»;

б) инструмент обмана (3): *вертеть хвостом* – сниж. «лукавить», *вилять хвостом*, *вертеть хвостом* – «заискивать»;

в) ассоциация с концом, задней частью чего-либо (3): *быть (висеть) на хвосте* – догонять, *показать хвост* – сниж. «убежать от кого-либо», *быть(плестись в хвосте)* – быть позади всех;

г) ассоциация с самостью человека (3): *поджать хвост* – «стать скромнее», *держат хвост трубой (пистолетом)* – «не унывать», *задрать хвост* – «стать самоуверенным»;

д) орудие управления (2): *прижать хвост кому-либо* – «ограничить свободу действий», *и в хвост и в гриву* – сниж. «изо всех сил»;

е) что-либо ненужное (2): *не пришей кобыле хвост* – сниж. «о ком-то ненужном», *коту под хвост* – сниж. «о напрасно израсходованном»;

ж) инструмент поступления новой информации (1): *сорока на хвосте принесла* – «о новости, полученной неизвестно где»;

Рог (8) – а) орудие подчинения (3): *обломать кому-либо рога* – разг. «укротить, усмирить», *взять быка за рога* – разг. «смело и сразу взяться за самое главное», *скрутить в бараний рог* – «полностью подчинить себе»;

б) признак драчливости (1): *бодливой корове Бог рог не даёт*;

в) символ изобилия (1): *как из рога изобилия* – книж. «в очень большом количестве»;

г) далёкое место (1): *у чёрта на рогах* – «разг. «очень далеко»»;

д) показатель обмана в супружестве (1) – *наставит рога* – шутол. «изменить мужу»;

е) инструмент помощи из волшебного мира (1): в русских сказках рог обладает чудесными свойствами: герой трубит в него перед казнью или в трудной ситуации и спасается или из него появляются помощники.

Шкура (7) – а) уязвимое место (2): *драть шкуру* – «жестоко эксплуатировать», *шкуру спустить* – «сильно избить»;

б) личное благополучие (1): *дрожать за свою шкуру*;

в) жизненные обстоятельства (1): *находиться в чьей-либо шкуре*;

г) личный опыт (1): *на своей шкуре узнать*;

д) внешний вид (1): *волк в овечьей шкуре*;

е) добыча (1): *делить шкуру неубитого медведя*.

Хребет (5) – а) воля человека (2): *Гляди, сломаешь себе хребет* – «предупреждение о рискованном действии», *гнуть хребет перед кем-либо* – «унижаться, заискивать»;

б) личные усилия человека (1): *на чужом хребте въехать в рай* – «использовать кого-либо в своих интересах»;

в) личный опыт человека (1): *узнать что-либо на своём хребте*;

г) физические способности (1): *ломать хребет* – «изнурять себя тяжёлой физической нагрузкой».

Рыло (4) – а) показатель внешних и внутренних данных человека (2): *рылом не вышел* – о неподходящем человеке по его данным, *кувшинное рыло* – традиц.-нар. «о лице со скошенным подбородком»;

б) личность (1): *воротить рыло* – «не хотеть знать»;

в) объект важных для человека знаний (1): *ни уха ни рыла (не смыслил)* – шутол., «ничего не понимает».

Потроха (3): а) физическая сущность, средоточие жизни (1): *выпустить потроха* – разг.-сниж. «зарезать, убить»;

б) глубинные чувства (1): *до самых потрохов* – «очень сильно, глубоко»;
 в) цельность, полнота личности (1): *со всеми своими потрохами* – разг. «целиком, со всем, что есть».

Перо (2) – а) показатель одинаковости (1): *перо в перо* – «об одинаковой по оперению птице»;

б) признак взволнованности, драки (1): *пух и перья полетят* – о взъерошенном, взволнованном, беспомощном виде человека, людей, участвующих в драке.

Шерсть (1) – чувственные ощущения (1): *гладить против шерсти* – говорить, делая неприятное.

Золотое руно (1) – волшебная добыча (1): в греческой мифологии золотая шкура волшебного барана, в поисках которой аргонавты отправились в Колхиду.

Холка (1) – уязвимое место (1): *намять холку* – «устроить нагоняй».

Шкурка (1) – уязвимое место (1): *взять за шкурку* – «поставить в безвыходное положение».

1.2. ЦЕЛОЕ (существо мистического мира), имеющее ЧАСТИ ТЕЛА животного (19).

Чёрт – а) воплощение силы, ловкости, смелости (7): *чёрту в дядьки годится* – «о ловком человеке», *на чьём-либо лице черти горох молотили* – «о конопатом или с оспинами человеке», *чёрту бы рога обломал (свернул)* – «о смелом человеке», *всем чертям назло* – «несмотря на, наперекор», *чёртом прыгать (скакать, пройтись)* – нар.-разг. «по-молодецки, лихо», *сам чёрт не брат кому-либо* – «всё нипочём, ничего не стоит», *всем чертям тошно станет* – «о безудержности действий»;

б) воплощение зла (3): *не верить ни в бога ни в чёрта* – «ни во что», *чёртом глядеть* – нар.-разг. «зло»; *злой, как чёрт*;

в) способность к выполнению трудных дел (2): *поймать чёрта за хвост* – «добиться успеха в трудном деле», *сам чёрт ногу (голову, шею) сломит* – «о беспорядке»;

г) страх перед светом (3): *вертеться, как чёрт перед заутреней* – разг. «изворачиваться», *ещё черти не дерутся на кулачки (ещё чёрт в ладоши не хлопал)* – «рано»;

д) показатель бессознательного поведения человека (1): *чёрт дёрнул за язык кого-либо* – «неодобрительно, напрасно сказал»;

е) дальнее место (1): *послать к чёрту на кулички (на рога)* – «далеко»;

ж) воплощение непредсказуемости (1): *чем чёрт не шутит* – «всё может быть»;

з) грязь, чернота (1): *измазался как чёрт* – «сильно»;

и) опасность (1): *послать к чёрту в зубы (в пекло)* – «в опасное место».

АКЦИОНАЛЬНЫЙ ФРЕЙМ

1.3. ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИВОТНЫМ (11).

Удочка (4): а) орудие достижения цели (3): *закинуть удочку, попасться на удочку, поймать на удочку*;

б) символ дела (1): *сматывать удочки*.

Седло (3) – а) орудие управления (1): *ходить под седлом* – «служить для верховой езды»;

б) символ жизненного равновесия, уверенности (1): *выбить из седла* – разг. «вывести из равновесия»;

в) символ меры подходящего – неподходящего (1): *идёт, как корове седло* – разг.-сниж. «о том, что не идёт кому-либо».

Уздцы (2) – орудие управления собой и другими: *держаться в узде, взять под уздцы* – «укротить».

Хомут (1): обуза, тяжесть: *надеть хомут себе на шею* – «обременить себя чем-либо».

1.4. ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНОГО (4).

Яйцо (3) – а) неопытность: *яйца курицу не учат*;б) полезный объект, пища: *выеденного яйца не стоит*;в) объект излишнего внимания: *носиться с чем-либо как курица с яйцом*.**Шёлк** (1) – символ приятной бесконтрольности действий: *в долгу как в шелку*

– «многим должен».

1.5. ПРОЦЕСС ДЕЙСТВИЯ (3).

Убой (2) – а) смерть (1): *посылать не убой* – «на верную смерть»;б) период сытного обильного кормления (1): *кормить как на убой* – «обильно, сытно».**Скачки** (1) – предмет больших усилий: *Да это настоящие скачки с препятствиями* – «о том, что требует больших усилий».

2. Глаголы (4).

АКЦИОНАЛЬНЫЙ ФРЕЙМ**ДЕЙСТВИЕ.****Трепцать** (1) – активное действие: *есть так, что аж за ушами трещит* – «усиленно, активно».**Телиться** (1), **мычать** (1) – делать что-то результативно: *не мычит, не телится* – неодобр. «о том, кто медлит, тянет с делом».**Укусить** (1) – вызвать непредсказуемое поведение: *Какая муха тебя укусила?*

3. Междометия (2).

АКЦИОНАЛЬНЫЙ ФРЕЙМ**ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИВОТНЫМ.****Тпру** (1) – сигнал к действию *стоять*: *ни тпру ни ну*.**Ну** (1) – сигнал к действию *трогаться*.

Как видно из данного списка, соотносящего лексические значения слов разной частеречной принадлежности, обобщающие концепты, домены и фреймы, среди обобщающих концептов есть повторяющиеся, что позволяет сделать вывод о частом (потенциальном) использовании домена ЧАСТЬ ТЕЛА И ПОКРОВА ЖИВОТНЫХ в русских фразеологизмах, пословицах и сказках для отражения обобщающих концептов УЯЗВИМОЕ МЕСТО (9 значений слов *хвост, шкура, шкурка, холка*), ЛИЧНОСТЬ (ВОЛЯ) ЧЕЛОВЕКА (8 значений слов *хвост, хребет, рыло, потроха*), ОРУДИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЖИВОТНЫМ (5 значений слов *рог, хвост*), ИНСТРУМЕНТ ОБМАНА (3 значения слова *хвост*), КОНЕЦ (ЗАДНЯЯ ЧАСТЬ ЧЕГО-ЛИБО) (3 значения слова *хвост*), ВНЕШНОСТЬ (3 значения слов *рыло, шкура*), ЛИЧНЫЙ ОПЫТ (2 значения слов *шкура, хребет*), ВОЛШЕБНАЯ ДОБЫЧА (2 значения слов *рог, золотое руно*), СРЕДОТОЧИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ (2 значения слов *хребет, потроха*).

Обобщающий концепт ОРУДИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЖИВОТНЫМ покрывается не только доменом ЧАСТЬ ТЕЛА И ПОКРОВА ЖИВОТНЫХ, но и доменом ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИВОТНЫМ (*седло, узды*). Обобщающий концепт НЕОПЫТНЫЙ входит в домены ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНОГО и ТАКОЙ (*яйцо, небитый*). Наконец, обобщающие концепты ДЕЛАТЬ НЕЧТО РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ и ДЕЛАТЬ НЕЧТО НЕРЕЗУЛЬТАТИВНОЕ включается в домены ДЕЙСТВИЕ и ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИВОТНЫМ (*телиться – ну, мычать – тпру*). Повторяемость обобщающих концептов в концептосфере животных свидетельствует о существовании в ней концептуальных метафор (частотных обобщающих концептов, встречающихся не менее 2 раз) и возможности появления среди них новых примеров. К таким примерам можно отнести следующие:

1) ЧАСТЬ ТЕЛА И ПОКРОВА ЖИВОТНЫХ → УЯЗВИМОЕ МЕСТО (9), ЛИЧНОСТЬ (ВОЛЯ) ЧЕЛОВЕКА (8), ОРУДИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЖИВОТНЫМ (5),

ИНСТРУМЕНТ ОБМАНА (3), КОНЕЦ (ЗАДНЯЯ ЧАСТЬ ЧЕГО-ЛИБО) (3), ВНЕШНОСТЬ (3), ЛИЧНЫЙ ОПЫТ (2), ВОЛШЕБНАЯ ДОБЫЧА (2), СРЕДОТОЧИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ (2), ДАЛЬНЕЕ МЕСТО (1);

2) ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНОГО и ТАКОЙ → НЕОПЫТНЫЙ (2);

3) ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ (*чёрт*) → ДАЛЬНЕЕ МЕСТО (1);

4) ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИВОТНЫМ → ОРУДИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ (2);

5, 6) ДЕЙСТВИЕ ЖИВОТНОГО и ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИВОТНЫМ → ДЕЛЕНИЕ ЧЕГО-ЛИБО РЕЗУЛЬТАТИВНОГО (2) и ДЕЛЕНИЕ ЧЕГО-ЛИБО НЕРЕЗУЛЬТАТИВНОГО (2).

Если обобщить фреймовую структуру части концептосферы «Животные», выраженную фразеологизмами, пословицами и устойчивыми выражениями, восходящими к сказкам, то можно отметить, что доминирующим в ней является посесивный фрейм (64 значения), за ним следует акциональный фрейм (25 значений), предметный фрейм включает всего 6 значений. Это обусловлено большими возможностями посесивных и акциональных отношений быть базисом для метафорических переносов в концептосфере «Животные».

Перспективными направлениями методики преподавания русского языка как иностранного в связи с проблематикой нашей статьи является разработка рабочей программы спецкурса «Устойчивые выражения с зоосемизмами в русском языке» для студентов-иностранцев филологических специальностей, а также освоение новых лексических и грамматических тем, предлагаемых студентам-иностранцам с культурологических позиций.

Библиографические ссылки

1. Бердичевский А. Л. Русский язык : сферы общения : учеб. пособие по стилистике для студентов-иностранцев / А. Л. Бердичевский, Н. Н. Соловьёва. – М.: Рус. яз. курсы, 2002. – 152 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2003. – 1536 с.
3. Жаботинская С. А. Концептуальный анализ языка и фреймовые сети / С. А. Жаботинская // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. – № 9 : Проблеми прикладної лінгвістики – Одеса : Астропринт, 2004. – С. 81–92.
4. Корчагина Е. Л. Приглашение в Россию. Базовый практический курс русского языка : учебник / Е. Л. Корчагина, Н. Д. Литвинова. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : Рус. яз. курсы, 2003. – 276 с.
5. Костомаров В. Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. – СПб. : Златоуст, 2001.

Надійшла до редколегії 31.05.10.

УДК 811.161.1'373.611

А. В. Мамрак

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

КОРРЕЛЯЦИЯ СВЕРНУТОЙ В ИМЕНИ ИНФОРМАЦИИ С СЕМАНТИКОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПЕРИФРАЗЫ

Виявлено взаємодію з зовнішнім світом у похідних словах шляхом формалізації їхньої семантики в дефініціях.

Ключові слова: похідне слово, словотвірна семантика, словотвірна перифраза, дефініція, ізоморфізм.

Обнаружено взаимодействие с внешним миром в производных словах путем формализации их семантики в дефинициях.

Ключевые слова: производное слово, словообразовательная семантика, словообразовательная перифраза, дефиниция, изоморфизм.

In the article interaction with external world in different words by formalisation of its semantics into definitions is found.

Key words: derivate, wordforming, definition, isomorphism.

В структуре производного слова соотношение денотата и сигнификата определяется совокупностью признаков: денотат включает минимум сем, необходимых для обозначения границ предмета отображения, сигнификат (понятие) – всю совокупность признаков, которые в разных употреблениях слова «выступают в разных наборах» [8, с. 51].

Таксономическая характеристика денотата и сигнификата находит отражение в лексикографической интерпретации субъекта / предиката словообразовательной перифразы: субъект отражает связь производного слова с объектом внешнего мира и дифференцирует его с рядом подобных, предикат – с миром понятий. «Вместо того чтобы говорить, что субъект находится внутри суждения, мы охотно скажем, что суждение находится внутри субъекта» [15, с. 153].

Различие между субъектом и предикатом перифразы проливает свет на специфику денотатных и сигнификатных словообразовательных семантических группировок, иначе говоря, субъект перифразы представлен в рамках «предварительного полагания» (Лаланд) некоторой вещи. Как справедливо замечает В. Дорошевский, «в содержании сказуемого всегда наличествует определенный субъективный элемент. Утверждение чего-либо о каком-либо А является формулировкой отношений, в которых находится А, по крайней мере, по отношению к тому, кто формулирует это суждение» [2, с. 17].

Определяя предмет, мы находимся в сфере отношений: предмет – признак, предмет, ассоциированный с другими предметами, обладающими данным признаком, субъект как элемент вне перифразы, предмет в сфере непосредственного самонаблюдения состояния сознания субъектом, предмет в отношении к предыдущему опыту (апперцепция).

Таким образом, результаты взаимодействия с внешним миром обнаруживаются в производных словах путем формализации их семантики в перифразах – элементарных высказываниях с определенной синтаксической структурой, сопоставляемой с предикатным суждением.

А. Вежбицка, исходя из постулата, согласно которому семантика, коррелирующая с содержанием высказываний, призвана воспроизводить структуру челове-

ческого сознания [16, с. 225], приходит к выводу о необходимости упорядочения метаязыка, т. е. языка разъяснений, построенного на основе естественного языка, ср.: «Философия – не теория, а деятельность. Философская работа состоит, по существу, из разъяснений» [2, с. 112].

Теория А. Вежбицкой, которую она определяет как эксплицитную семантическую теорию языковой интеграции, строится на соответствии принципам познания, интерпретируемости и предсказуемости, не исключая возможности обращения (в перспективе) к проблемам формализации.

В то же время некоторые заявления А. Вежбицкой звучат несколько парадоксально. Отмечая особенности словарей К. К. Огдена и Г. Геренхейма, включающих соответственно 900 и 1500 «базовых», «фундаментальных» слов, А. Вежбицка рекомендует в целях их адекватного представления «сначала истолковать неопределяемые слова» [16, с. 57], иначе говоря, дать неопределяемым словам определение (!), что подтверждается дефиницией глагола *истолковать* (ср. значение форм глаголов в МАС: «*истолковать* – дать какое-либо толкование, объяснение; объяснить каким-либо образом»; *толковать* – определять (!) смысл, значение чего-либо» [10, с. 689].

Критически воспринимая теорию элементарных смыслов А. Вежбицкой, Нельсон Гудмен утверждает: «Не существует ни абсолютных элементарных терминов, ни такого их выбора, который был бы единственно правильным» (цит. по: [16, с. 51]). Невозможность дать определение исходным словам приводит Б. Паскаля к выводу о бесполезности этой процедуры: «Я не имею ввиду, что все люди обладают одним и тем же понятием о сущности вещей. Всем известной является не сущность вещей, а только лишь связь между вещью и именем» [14, с. 350]. Отмечая, что польский глагол *buć*, понятный поляку, но непонятный неславянину, является условным раздражителем, В. Дорошевский пишет: «Мы не определяем онтологического содержания глагола *buć*, исходя из того, что оно понимается интуитивно. В содержание интуиции в этом случае может входить сознание существования собственного «я» и его отличия от «не-я»: уверенность в существовании «не-я» является результатом своего рода «обратной связи». ... это польское слово *buć* или латинское слово *esse* являются знаками, поскольку они *percipiuntur* «воспринимаются ... : быть в качестве, «быть знаком» значит «быть понятым», состоять в определенном, раскрытом выше отношении к сознанию того, кто реагирует на это слово как на знак или оперирует им как знаком» [2, с. 128].

Лейбниц указывает на незначительное количество «понятий», которые «мысленно представлены сами по себе», разрушая между прочим незыблемость постулата о единстве языка и мышления [13, с. 430]. Так как производное слово, ассоциируемое со словообразовательной парой, выступающей в качестве его расшифровки, развернутого структурно-семантического варианта и являющейся неизменным атрибутом словообразовательной дефиниции, представляет обозначение соотношения различных понятий (идей), значение производного слова (исходной перифразы) не может быть, по крайней мере, на первый взгляд, минимальным, нечленимым. Однако такой вывод преждевременен: обязательность и регулярность структурно-семантической связи производного и производящего слова делает проекцию производящего слова в производное конститутивным признаком последнего, что ставит его в один ряд с другими конститутивными единицами языка. Таким образом, можно утверждать, что понятие минимальности носит относительный, уровневый (соответствующий уровню) характер.

Процедура семантического анализа производного слова состоит в сведении производных слов к минимальному набору семантически простейших словообразовательных пар, из которых могут быть произведены все производные, сопостав-

ляемые определенному образцу нечлененого (на меньшие подобные), словообразовательного знака.

Выделение элементарных, нечлененых семантических составляющих производного слова предполагает удовлетворение их следующим условиям:

- 1) наделение статусом исходных образований;
- 2) исключение произвольности выбора элементарных терминов;
- 3) признание относительной степени нечленености, ставящейся в зависимость от субъективных (интуитивных) и объективных факторов;
- 4) констатация эмпирического аспекта семантического исследования одним из этапов лингвистического изучения;
- 5) допущение формального определения (ср. абсолютные синонимические определения);
- 6) формальная дискретность;
- 7) невозможность дальнейшей логической членености;
- 8) возможность синонимической замены;
- 9) соответствие требованию универсальности;
- 10) теоретико-потенциальная возможность членености;
- 11) наличие блока общих знаний, общих фокальных точек (В. Лефевр, Ю. А. Шрейдер).

При поисках словообразовательных примеров важна не семантическая сущность, а связь производного слова (перифразы) с элементом словообразовательного пространства. Через трансформации исходной семантики можно из «немногого» получить «бесконечное множество» (Б. Паскаль).

Обнаружение элементарных словообразовательных смыслов и их классификационных характеристик позволит составить целостную картину реляционных словообразовательных понятий (идей), выраженных или замаскированных в системе словообразовательных средств.

Утверждение, что информация, отражаемая единицами языка, «всегда воплощается в некотором тексте» [5, с. 10], привлекающее своей категоричностью, может быть принято с некоторыми оговорками. Действительно, текст, как «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными чертами которых является связность и цельность» [11, с. 1081], как средство коммуникации, является продуктом речемыслительных действий, направленных на представление, познание и осознание окружающей действительности. В таком понимании текст интерпретируется как «приостановленный», «исчерпывающий» дискурс. Однако отображательной способностью обладают и другие двуплановые единицы языка, что позволяет говорить об их семантической селективности, а следовательно, возможности использования в интерпретационных целях. Благодатный материал, на котором бескомпромиссно отрабатываются интроспекции и ментальности, дает словообразование.

В структуре производного слова соотношение денотата и сигнификата определяется совокупностью признаков: денотат включает минимум признаков, необходимых для обозначения границ предмета отображения, сигнификат (понятие) – всю совокупность признаков, которые в разных употреблениях слова «выступают в разных наборах» [8, с. 51].

Таксономическая характеристика денотата и сигнификата находит отражение в лексикографической интерпретации субъекта / предиката словообразовательной перифразы: субъект отражает связь производного слова с объектом внешнего мира и дифференцирует его с рядом подобных, предикат – с миром понятий.

Отрицание единства способов семантизации словообразовательных объектов находит обоснование в противопоставлении «дискурсной» и «понятийной» точки

зрения на словообразовательную семантику: производное слово ассоциируется с понятием, предложение – с суждением. Кроме того, внимание акцентируется на том, что предложение, будучи единицей категориоматического уровня, лишено способности интегрировать в единицу более высокого уровня. «В результате деления предложения на части, – писал Б. Трнка, – не получают элементы морфологического порядка (т. е. слова и морфемы) и, наоборот, сложение элементов морфологического плана не приводит к единице синтаксического плана – предложению, так как предложение (например, *отец лежит больной*) представляет нечто большее, чем простую совокупность изолированных слов, так же, как здание больше, чем сумма кирпичей, или начатая шахматная игра больше, чем совокупность функций фигур [12, с. 106]. Между тем отрицание сходства в приемах обозначения элементов объективной действительности не исключает аналогии в методах введения словообразовательной и синтаксической абстракции, их семантической идентификации.

Контраргументная интерпретация исходит из утверждений:

1) предложение обладает способностью именовать действительность, подобно слову, в свернутом виде, а не поэлементно;

2) в слове, как и в предложении, план выражения связан с планом содержания, который состоит из двух семантических областей – денотата (референта) и сигнификата (смысла);

3) референт обладает минимумом признаков, сигнификат состоит из образов, понятий и эмоциональных, волевых, эпистемических семантических компонентов;

4) аналогичная организация характеризует все значимые единицы языка, в том числе и предложение, что в значительной степени поддерживается идеей одно-многочисленных соответствий между предметной и понятийной сферами.

Учет связи семантики производного слова и синтаксиса возвращает интерес не только к ментальным характеристикам, порой наделяемым «признаками суетности и эфемерности» [8, с. 5], но и категориальным сущностям.

В последнее время широкое распространение приобрело утверждение, согласно которому семантика номинативных единиц языка аккумулирует семантические компоненты текста.

Раздельный подход к словообразовательной и синтаксической семантике сменяется объединением последних на почве когнитивистики. Связь словообразовательной семантики и синтактики выдвигает на передний план понятие словообразовательной интенции, словообразовательной телеологичности, составляющих основу словообразовательной функции [9, с. 3].

Возражая против отождествления логических и грамматических категорий, А. А. Потебня подчеркивал, что предложение может соответствовать не только суждению, но и отдельному понятию производного слова, «содержание коего, конечно, разложимо в суждение». В то же время «не только каждая пара членов предложения (подлежащее и сказуемое; подлежащее и определение; сказуемое и обстоятельство; сказуемое и дополнение) может соответствовать предложению, но и один член предложения может соответствовать одному и более чем одному суждению, притом не только в составных словах (укр. *пiчкур* – истопник, человек, «курящий» печи; укр. *дривiтня* – место, где «гнут», рубят дрова), но и в простых» [7, с. 167–168].

Одну из функций словообразования Е. А. Земская видит в упрощении синтаксической структуры высказывания, называя применение производных слов с указанной целевой установкой конструктивным словообразованием, которое удобно тем, что оно «упрощает говорящему синтаксическое построение речи, используя как средство номинализации» [3, с. 115].

Терминологическая модификация семантической конденсации производного слова стала предметом внимания Э. Бенвениста, Ш. Балли (трансформы суждения), В. Порцига (резюме предложения), М. Докулила, Г. Марчанда (редукция мотивирующих синтагм, суждений) и др.

Поскольку акт словообразования – это отражение предикатно-актантных отношений, заданных предикатом или ситуацией, их можно описывать с помощью словарных дефиниций в виде перифразы, включающей в обязательном порядке производящее слово и указание на актанты.

Обеспокоенность исследователей возможностью смешения в данном случае отношений логического и языкового уровней нейтрализуется использованием по условиям этой методики конструкций – языковых элементов, в которых реализуются эти отношения.

Словообразовательные дефиниции, представляя собой своего рода семантические подстановки-аналогии имплицитной стороны производного слова как комплексной единицы, способствуют выявлению не только композиционной семантики производного слова, задаваемой такими составляющими пропозиции, как аргумент и его функция, но и идиоматичных приращений, обладающих признаками обязательности и регулярности. Семантика производного слова является изоморфной семантике высказывания, отражая единую пропозициональную сущность. В этой связи трудно согласиться с высказыванием Е. С. Кубряковой, согласно которому такое объяснение значений производного слова фактически позволяет «определить исключительно общий содержательный каркас слова, но не его подлинное лексическое значение: все-таки единицы типа *косарь* или *ловец* означают не только «тот, кто косит» или «тот, который плавает». Идентифицируя семантику производного слова указанным способом, можно было определить его словообразовательное, формульное значение, но не его реальный смысл со всеми «приращенными» значениями или же коннотациями» [6, с. 14]. Дефиниции слов *косарь*, *ловец* как раз и отличаются включением всех приращенных сем или коннотативных элементов, ср.: *косарь* – тот, кто косит траву, хлеба; косец; большой тяжелый нож с толстым и широким лезвием для щепания лучины, соскабливания чего-либо и т. п.; *ловец* – тот, кто умеет плавать, тот, кто плывет: спортсмен, занимающийся плаванием.

Таким образом, композиционная структура производного формируется несколькими составляющими: значением производящего слова, семантикой аффиксов, характером идиоматичности. Последняя может носить как концептуальный, так и прагматический характер.

Результаты взаимодействия с внешним миром обнаруживаются в производных словах путем формализации их семантики в перифразах – элементарных высказываниях с определенной синтаксической структурой, сопоставляемой предикатному суждению.

Р. Карнап утверждает, что явление экземплификации свойственно только простым дефинитным (перифрастическим) предложениям, соотносительным с денотатом. Отсюда вывод: предложение не отражает ситуацию поэлементно. Моделирующий характер словообразовательной перифразы позволяет рассматривать ее как средство экземплификации словообразовательного значения. Сложные выражения не имеют экземплификации, так как их смысл носит производный характер: «смысл сложного выражения устанавливается семантическими правилами системы с помощью смыслов составляющих выражений и того способа, которым эти выражения соединены» [4, с. 69].

Критику противопоставления предложения и словосочетания, с одной стороны, и их составных частей – словоформ (лексем), с другой, делимитация между которыми устанавливается на том основании, что синтаксис изучает изменчивые, инди-

видуальні елементи, а морфологія – постійні, соціально значимі елементи, виявляють праці представників Празької лінгвістическої школи [12, с. 106].

Наблюдаються спроби пояснити співпадіння імені (субстанції) і неімені (атрибута, дієвості) в єдиному частеречному конгломераті відсутністю об'єктивних основань розмежування результатів (процедури) їх позначення. (Е. Бенвенист, У. Куайн, Г. Фреге).

Одному і тому ж семантичному еквіваленту можуть відповідати значення дієвості і признака, ср.: *Я голодаю* і *Я голоден*.

Різниця імені і глагола як предикативного центра речення не розділяються емпіричним семантичним аналізом, їх різниця – в фактах морфології. По мненню Е. Бенвениста, «то, як ім'я і дієслово відрізняються в тому або іншому мові (спеціальними морфемами або сполучуваністю і т. д.), або той факт, що в якомусь третьому мові ім'я і дієслово формально не відрізняються, – все це не дає критерію для визначення їх різниці і не дозволяє навіть сказати, дійсно чи таке різниця необхідно існує [1, с. 169].

Словообразовальної конструкції ставиться в відповідність синтаксическа конструкція перифрази, яка в будь-якій дефініції є реченням (повним або ситуативно неповним).

Перифраза, представляючи собою речення семантичного тотожства з виведеним словом, включає суб'єктну частину «той, хто...», «те, що...», атрибутивну конструкцію «такий, який...», об'єктну структуру «те, чого...», «те, к чому...», омонімічну суб'єктну «те, що», «те, на (в) що», «те, з чим», «те, чим», «те, про чому», інструментальне структурно-семантичне ядро «те, чим», центр «те, де» і т. п. Перифразі поза формальної зв'язі з предикатною частиною приписується функція вербального заміщення суб'єкта в зовнішньому світі («я» – речення і «класическі» номінативно-дієслівні речення), і предикатною частиною, створюючи образ діючого предмета.

Структурне ядро словообразовальної перифрази задовольняє вимогам нечлененого, мінімального речення в значенні А. Вежіцкої.

Возможності трансформації ядерної предикатної структури дозволяють зробити висновок про еквівалентність її з предикатною дієслівною перифразою конструкцій з поліпредикативними відносинами (*отцепщик* – робітник, зайнятий відцепкою; *завоеватель* – той, хто здійснює завоювання), отсубстантивних іменних (іменних) образів, які включають компоненти з отдієслівним дериватом (*нюхальщик* – той, хто займається нюханню; *оновитель* – той, хто вносить нове в щось; *откатчик* – гірняк, зайнятий відкаткою; *заготовщик* – той, хто виробляє заготовку; *заказчик* – той, хто робить замовлення).

Кількість актантів в метаязиковій описці словообразовального признака визначається валентністю предиката. Це може бути одностепенна валентність (*западник* – сторонник західництва; *заправщик* – той, хто виробляє заправку), двухепенна валентність (*закупщик* – той, хто виробляє закупку чогось; *затримувач* – той, хто перешкоджає (затримує) вільному проявленню чогось); трохепенна (і більше) валентність (*захисник* – 1) той, хто захищає (захистить) когось, щось від посягань, нападів, ворожих дій і т. п.; 2) той, хто захищає (захистить) на суді інтереси обвинуваченого; 3) той, хто веде захист в футболі, хокеї і т. п.).

Обобщення предиката відбувається в напрямку категоріальної семантики – номінативного признака інваріантної частини вертикальної структури. Носителем процесуального признака може стати об'єкт дієвості, інструмент дієвості, місце дієвості, які позначаються обобщеними іменами, дифферен-

цируемыми содержанием придаточной части предложения нерасчлененного типа, в связи с чем могут быть подвергнуты операции трансформации – замены местоимением, которое лишено номинативной семантики: *тот, кто, то, что; то, на что; то, чем; то, где* и т. п.

Отсутствие в дефинициях деривата производящего слова объясняется подавляющим выбором из стоящих за какими-то рассуждениями одного из его синонимов. Производящее слово, следовательно, может быть возобновлено путем привлечения дефиниций членов соответствующего синонимического ряда, ср.: *усилитель* – устройство, прибор для увеличения (усиления) каких-либо физических величин (синонимический ряд: *усилить – увеличить, повысить, углубить, обострить, усугубить*); *защитник* – тот, кто ограждает (защищает) кого-либо, что-либо от посягательства, нападения, неприязненных или враждебных действий и т. п. (синонимический ряд: *защитить – оградить, предохранить, спасти, отстоять, заступиться*). Изменяя толкование производного слова так, чтобы оно включало производящее, мы определяем словообразовательный признак.

Для словообразовательных пар абстрактное метавыражение (или его трансформация), которое описывает отношение производного и производящего слова, есть гиперонимом по отношению к конкретным перифразам, которые выступают в качестве гипонимов.

Таким образом, учитывая, что словообразовательные значения отображают через язык концептуализацию предметного мира, дать описание словообразовательных отношений можно за счет включения в описание экстралингвистических сведений о денотате производного и производящего слова: профессиональный, социальный статус (специалист, рабочий, мастер), вещество, предмет (инструмент, машина, прибор), функциоанальная нагрузка, назначение (предназначен для) и т. п. Высокая степень регулярности словопроизводственных отношений обеспечивает возможность расширения соответствующих классов на основе аналогии словообразовательных отношений, упорядоченных иерархически по принципу «выше – ниже» (ср. эллипсис промежуточного звена или упрощение состава частных значений).

Библиографические ссылки

1. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
2. **Дорошевский В.** Элементы лексикологии семантики / В. Дорошевский. – М. : Прогресс, 1973. – 287 с.
3. **Земская Е. А.** Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
4. **Касевич В. Б.** Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – М. : Наука, 1988. – 299 с.
5. **Карнап Р.** Значение и необходимость / Р. Карнап // Исследование по семантике и модальной логике; [пер с англ.]. – М., 1959. – С. 289–320.
6. **Кубрякова Е. С.** Типы языковых значений / Е. С. Кубрякова – М. : Наука, 1981. – 200 с.
7. **Потебня А. А.** Мысль и язык / А. А. Потебня // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 11. – М. : Гос. учебно-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1960. – С. 167–168.
8. **Степанов Ю. С.** Имена. Предложения. Предикаты / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.
9. **Степанов Ю. С.** Некоторые соображения о проступающих контурах новой парадигмы / Ю. С. Степанов // Лингвистика. Взаимодействие концепций и парадигм : матер. межведом. научно-теорет. конф. – Вып. 1. – Ч. 1. – Харьков, 1990. – С. 3.
10. **Словарь русского языка** : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; [под ред. А. П. Евгеньевой]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1984. – Т. 1. – 790 с.

11. **Словарь русского языка** : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; [под ред. акад. А. М. Прохорова]. – М. : Сов. энцикл., 1981. – Т. 4. – 1600 с.
12. **Трнка Б.** К дискуссии по вопросам структурализма / Б. Трнка // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. 2. – М. : Гос. учебно-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1960. – С 100–111.
13. **Leibniz G. W.** De organo sive arte magna cogitandi / G. W. Leibniz // Opuscules et fragments ineditis, éd L. Couturat. – Paris, 1903. – 430 p.
14. **Pascal B.** Ouvres Completes / B. Pascal. – Paris, 1963. – 350 p.
15. **Serrus Ch.** Traité de logique / Ch. Serrus. – Paris, 1945.
16. **Wierzbizka A.** Lexicography and conceptual analysis / A. Wierzbizka. – Ann Arbor : Karoma, 1985. – 368 p.

Надійшла до редколегії 01.06.10

УДК 811.161.1'36.7

И. И. Меньшиков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гочара

ТИПОЛОГИЯ РЕСПОНСИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (к постановке вопроса)

Відповідно до комунікативного завдання висловлювання виділено особливий тип речень, які кваліфіковані як респонсивні. Здійснена типологічна класифікація респонсивних речень у сучасній російській мові.

Ключові слова: питання, відповідь, респонсивне речення, типологія респонсива.

В соответствии с коммуникативным заданием высказывания выделен особый тип предложений, квалифицированных в качестве респонсивов. Осуществлена типологическая классификация респонсивных предложений в современном русском языке.

Ключевые слова: вопрос, ответ, респонсивное предложение, типология респонсива.

A special type of sentences qualified as responsive ones has been separated according to the message communicative task. The typological classification of responsive sentences is effected in modern Russian.

Key words: question, answer, responsive sentence, typology of response.

Метаязык синтаксиса, языкового уровня, на котором приводятся в действие и приобретают свою функциональную специализацию все единицы и средства языка [12, с. 547], остаётся до сих пор чрезвычайно проблематичной составляющей и теоретической, и прикладной лингвистики. Система дефиниций даже основных синтаксических категорий и понятий, в том числе речевых построений, непосредственно связанных с актом коммуникации, далеко не в полной мере отвечает не только своему прямому назначению – толкованию и дифференциации указанных лингвистических фигур, но и самым общим требованиям, предъявляемым к определениям научного термина, – специализации этих определений и их максимально возможной точности. Этому, разумеется, есть свои причины как субъективного, так и объективного характера, связанные, в частности, и с относительно недавним по сравнению, скажем, с морфологией становлением синтаксиса как самостоятельного раздела собственно грамматики (в русистике это происходит лишь в XIX столетии), и – что самое главное – с огромным объёмом речевого материала, непосредственно находящегося в компетенции синтаксиса и оформленного в виде речевых цепей и

их грамматически значимых фрагментов, квалифицированных лингвистами в качестве тех или иных синтаксических единиц [8, с. 65].

Обозреть и проанализировать весь речевой материал невозможно даже теоретически, а отсюда вполне логично допустить, что какие-то возможности языка, какие-то потенциальные речевые образования остаются и, надо думать, всё время будут оставаться вне поля зрения лингвистов. Естественны в связи с этим и определённые пробелы в метаязыковых построениях синтаксиса, и в частности в типологии предложений, традиционно подразделяемых по цели высказывания на три класса: повествовательные, вопросительные и побудительные. На этот счёт мы и выскажем некоторые свои соображения.

Проблематичность классификации предложений по их коммуникативному заданию (цели высказывания, целенаправленности сообщения, установке сообщения) объективно каузирована целым рядом факторов, но, если не выходить за рамки синтаксического уровня структуры языка и грамматики в целом, можно, по видимому, свести эти факторы к двум основным: 1) к степени полноты и адекватности соответствующей типологической системы и 2) к её внутренней организации, к соотносённости плана выражения и плана содержания компонентов этой системы, однозначной или диффузной маркировке предложений с разным коммуникативным заданием. Обратимся сначала ко второму из указанных факторов как к метаязыковой проблеме.

Прямая корреляция формальной организации и целевой установки предложений с разным коммуникативным заданием – явление, казалось бы, не только нормативное, но и обязательное, и русский язык располагает самыми различными средствами выражения модальности как на письме, так и в устной речи. Однако далеко не всегда целевая установка высказывания оформляется соответствующими языковыми средствами, а эти средства, в свою очередь, не всегда используются по назначению. Типичен для русского языка, например, невыраженный императив типа *Здесь сквозит; Вы мне загораживаете экран; Программа не вводится* и т. п. [7, с. 46–47], когда к тому или иному действию участников акта коммуникации побуждают повествовательным предложением. Во множестве вопросительных предложений выделяется довольно обширное подмножество предложений со вторичными функциями, т. е. предложений, направленных не на поиск информации, а на её передачу, на непосредственное сообщение о чём-либо [10, с. 394]. Да и сама установка на получение каких-то сведений может быть реализована не только в вопросительном, но и в побудительном, а также в повествовательном предложении: *Когда ты вернёшься? Скажи, когда ты вернёшься. Скажи мне о времени своего возвращения. Хотелось бы мне знать, когда ты вернёшься. Ты должен сейчас же мне сказать о времени своего возвращения* и т. п. При этом существует ещё и целый класс синкретических образований, таких, скажем, как вопросительно-побудительные предложения и вопросительно-повествовательные предложения как родовые, по А. М. Ломову, наименования для вопросительно-утвердительных (*Кому не приходилось иметь дело с дураками?*) и вопросительно-отрицательных предложений (*Кто же устоит перед таким соблазном?*) [6, с. 45–46].

Налицо, таким образом, несостоятельность или, как минимум, расплывчатость, некорректность существующей формальной маркировки коммуникативного задания высказывания, а соответственно, и некорректность квалификации предложений как повествовательных, вопросительных и побудительных только по их субстанциональным параметрам. Ведущими здесь, по всей вероятности, должны быть параметры функциональные независимо, в частности, от того, какие правила пунктуации или нормы произношения этим параметрам должны сопутствовать и реально сопутствуют. Актуализация же функциональных параметров при классификации

предложений по цели высказывания потребует, очевидно, более тщательного анализа принципов построения рассматриваемой типологической системы, определяющих количество и характер типов коммуникативных единиц, формируемых в соответствии с их коммуникативным заданием.

Наряду с, казалось бы, вполне устоявшимся и общепринятым членением предложений по цели высказывания на повествовательные, вопросительные и побудительные [3, с. 353], в современном языковедении представлены, причём на уровне академических изданий, и иные концепции как с меньшим, чем три, так и с большим, чем в традиционной системе, количеством основных типов предложений, различающихся по цели высказывания. Так, Н. Ю. Шведова считает возможным ограничиться только двумя такими типами: невопросительными и вопросительными. При этом и первые и вторые членятся далее на различные подтипы, и в рамках невопросительных предложений различаются, в частности, предложения повествовательные, побудительные и предложения со значением желания, под которыми понимаются предложения, выражающие «эмоционально-волевое устремление к тому, чтобы что-либо осуществлялось, существовало» [10, с. 88].

Вопросительные же предложения подразделяются на два функционально-семантических типа: на вопросительные предложения с первичными функциями, когда вопрос направлен на получение ответа, и на вопросительные предложения со вторичными функциями, когда вопрос направлен, как уже было отмечено выше, не на поиск информации, а на её передачу [10, с. 394]. В каждом из указанных типов вопросительных предложений есть ещё и своя рубрикация более частного характера. Встаёт невольно вопрос о том, сколько всё же у Н. Ю. Шведовой основных типов предложений по цели высказывания – два: невопросительные и вопросительные (или повествовательные и вопросительные [4, с. 545]) – или пять: повествовательные, побудительные, желательные, вопросительные с первичными функциями и вопросительные со вторичными функциями? А сколько их вообще должно быть? В энциклопедии «Українська мова», например, по цели высказывания предложения членятся на четыре типа: повествовательные, вопросительные, побудительные и оптативные [12, с. 442]. Последние, правда, как и желательные предложения типа *Как было бы хорошо, если бы он был учителем! Хочу покоя. Мечтаю, чтобы он стал учителем* [10, с. 88], с нашей точки зрения, не имеют сколько-нибудь убедительной формальной маркировки.

Своеобразная классификация высказываний по их коммуникативной цели, как это засвидетельствовано в Лингвистическом энциклопедическом словаре, осуществлялась античными философами. Так, у стоиков предложения членились на отрицательные и утвердительные, общий и частный вопрос, повеление, заклинание, клятва, высказывание-обращение. Несколько раньше Аристотель различал такие высказывания, как утверждение, отрицание, повествование, побуждение. А ещё раньше (5 в. до н. э.) Протагор подразделял предложения на вопрос, ответ, поручение, просьбу [5, с. 449]. Большинство из названных типов предложений можно соотнести и с современной классификацией высказываний по их коммуникативному заданию, а также по модальности. Однако был у античных философов маркирован целый ряд коммуникативных единиц, имеющих определённую целевую установку, но не выделяемых современными языковедами в отдельные типы предложений. И это, в частности, если не выходить за пределы уже упомянутых номинантов, – **заклинание, клятва, ответ**. Лингвистически значимым из трёх этих терминов является, с нашей точки зрения, только последний, и мы можем предметно поставить вопрос об ответных предложениях и их типологии.

Словарь русского языка первое значение слова *ответ* толкует следующим образом: «Вызванные вопросом или обращением слова (слово), заключающие в

себе подтверждение или отрицание чего-л., сообщение о чём-л. и т. п.» [11, с. 667]. В свою очередь, *ответный* – это «являющийся ответом (в 1 знач.), заключающий в себе ответ» [11, с. 668]. Указанное прилагательное имеет и терминологическое значение, с которым оно вошло в Словарь лингвистических терминов О. С. Ахмановой и дефинировано так: «Определяемый (вызываемый) предыдущим членом сверхфразового единства, несамостоятельный. *Ответное предложение. Ответная реплика*» [1, с. 298]. Введен, таким образом, хотя и косвенно, сам термин **ответное предложение** с недостаточно чётким, однако, его содержательным наполнением и, вероятно, поэтому (не исключено, естественно, что не только поэтому) не включённый в существующую систему классификации предложений по цели высказывания. Вполне реально, надо думать, и коммуникативная ситуация, в которой ответное предложение как предложение со своей специфической целевой установкой выступает в качестве функционально значимой синтаксической единицы, противопоставленной синтаксическим же единицам с иным коммуникативным заданием.

Обращаясь к типологии предложений, заключающих в себе ответ на тот или иной вопрос, мы предпочитаем использовать для такого рода конструкций термины **респонсивное предложение** и **респонсив** (от английского слова *response*, означающего *ответ; ответное чувство; отклик; реакция* и включающего в себя первые значения слов *answer* и *reply*). Соотносим мы респонсивы, естественно, только с вопросительными предложениями в их первичной функции. Что же касается конституирующих признаков респонсивного предложения, определяющих его место в системе основных типов коммуникативных единиц и противопоставляющих такое предложение всем другим синтаксическим построениям, формирующимся в зависимости от цели высказывания, то соответствующие функциональные и структурные параметры респонсивов проявляют себя разным способом и поэтому где-то пересекаются с параметрами повествовательного, вопросительного и побудительного предложения, а где-то радикально отличаются от них. Укажем сначала на две наиболее существенные особенности респонсивного предложения, которые можно квалифицировать в качестве абсолютных дифференциальных признаков этой лингвистической фигуры.

Специфика респонсива чётко проявляет себя ещё на предкоммуникативном уровне, т. е. ещё только при получении стимула для генерации высказывания. Дело в том, что, несколько обобщив известное суждение Л. Блумфилда о наличии при речевом общении расчленённой структуры: стимула говорящего и реакции слушающего – и о том, что язык позволяет одному человеку осуществить реакцию, когда другой имеет стимул [2, с. 37–38], указанную структуру мы не расчленяем, а как частный случай её реализации фиксируем совмещение реакции и стимула у одного участника акта коммуникации, когда сам говорящий получает стимул для общения и сам же на этот стимул реагирует, в том числе и вербально. Соответственно и стимул может быть, как у Л. Блумфилда, практическим, связанным с какими-то физическими процессами или явлениями, в том числе вызванными говорением, и речевым (замещающим) [2, с. 39], вербальным. И вот что мы получаем, сопоставляя комплекс стимулов и реакций при генерации предложений с разным коммуникативным заданием:

Предложение	Стимул		Реакция	
	практический	вербальный	практический	вербальный
Повествовательное	+	–	+	–
Побудительное	+	–	+	–
Вопросительное	+	–	–	+
Респонсивное	–	+	–	+

Респонсив, как мы видим, противопоставлен всем остальным типам предложений по характеру стимула, получаемого говорящим: практического при сообщении, волеизъявлении и задаваемом вопросе, но вербального при ответе на поставленный вопрос. Противопоставлено респонсивное предложение повествовательному и побудительному ещё и по характеру отражённой в нём реакции говорящего на полученный стимул. Реакция эта, если она вообще имеет место, как правило, тоже вербальная. Следствием такой же реакции являются и вопросительные предложения, что вполне закономерно, поскольку система *вопрос-ответ* обычно оформляется в языке как коммуникативное единство. При отсутствии в этой системе вербальной реакции хотя бы у одного из её компонентов, прерывается процесс речевой коммуникации.

Вторым абсолютным дифференциальным признаком респонсивного предложения, глубинно связанным и с первым, является тот непреложный факт, что респонсивное предложение в естественных условиях общения не может существовать как отдельная самостоятельная коммуникативная единица. Оно обязательно входит – и это отмечено в приведенной выше цитате из Словаря лингвистических терминов О. С. Ахмановой – в состав какого-то более крупного синтаксического образования, и в частности в состав сложного синтаксического целого, содержащего в себе вопрос, каким бы этот вопрос ни был по своему назначению и характеру. Невозможны вне сверхфразового единства высказывания типа *Нет; Когда-нибудь; Вчера; Не знаю; Только с мамой* и т. п. Коммуникативно не детерминированными окажутся и более развёрнутые конструкции (*Нет, я ходила вчера в кино только с мамой*), если подобным синтаксическим образованиям не предшествует какой-то вопрос. И только в сверхфразовом единстве, таком, скажем, как *Вчера вы всей семьёй совершали культпоход в кинотеатр? Нет, я ходила вчера в кино только с мамой* подобные конструкции являются функционально значимыми.

Итак, налицо определённая специфика респонсивных предложений, специфика как внутреннего, содержательно-функционального плана, так и плана внешнего, касающегося структурной организации речевых цепей, включающих в себя респонсивы. Налицо, таким образом, два, как минимум, дифференциальных признака, противопоставляющих респонсивы всем остальным типам предложений. Типична для респонсива и редукция.

Ответ на поставленный вопрос – это, как правило, неполное предложение. Коммуникативное задание вопросительных предложений, по Е. А. Брызгуновой, – выяснить неизвестное, т. е. из ряда неизвестных выбрать что-либо определённое и представить его в ответе [10, с. 397]. Ответ, следовательно, ориентирован прежде всего на актуализацию проблематичного фрагмента вопросительного предложения и, надо полагать, не востребован в его тавтологической составляющей. Можно, конечно, на вопрос типа *С кем это ты вчера вечером целый час сидел на лавочке возле подъезда своего дома?* ответить и так: *Это я вчера вечером целый час сидел на лавочке возле подъезда своего дома с твоей сестрой* или *Это я вчера вечером целый час один сидел на лавочке возле подъезда своего дома*. Однако такие тирады, скорее всего, будут восприняты не как ответы на поставленные вопросы, а как скрытая издёвка или намёк на нежелание разговаривать на эту тему. Ответы же типа *С твоей сестрой; Ни с кем; Один*, которые, разумеется, в зависимости от ситуации общения и настроения собеседников могут быть так или иначе расширены, в том числе и с привлечением уже фигурирующей в заданном вопросе лексики (*Конечно же, с твоей сестрой; Как всегда, ни с кем; По вечерам на лавочке я сижу один* и т. п.), окажутся приемлемыми, коммуникативно достаточными и коммуникативно значимыми.

Можно указать ещё на ряд частных особенностей респонсивного предложения, непосредственно связанных с его коммуникативным заданием, но сопутствующих в отдельных случаях не только респонсивам, но и высказываниям с иной целевой установкой, таких, например, особенностей, которые проявляют себя при коммуникативном саботаже (вопрос на вопрос; подмена вопроса; игнорирование вопроса и т. п. [9]), однако и названных лингвистических параметров респонсивного предложения, по нашему мнению, достаточно, чтобы рассматривать такое предложение как отдельный компонент системы коммуникативных единиц, квалифицируемых по цели высказывания, компонент со своей типологией. И ниже мы приводим один из вариантов такой типологии.

Прежде всего респонсивные предложения можно расчленить на два основных класса, и подобно тому, как в системе вопросительных предложений выделены два функционально-семантических типа с первичными и вторичными функциями этих предложений [10, с. 394], все респонсивы мы подразделяем на **функциональные** и **нефункциональные**, т. е. респонсивные предложения, так или иначе отвечающие на заданный вопрос, и респонсивные предложения, в которых целевая установка собеседника игнорируется. Так, на вопрос *Ты законспектировал заданную статью?* ответом может быть и функциональный респонсив типа *Да; Конечно; И не думаю* и т. п., и респонсив нефункциональный, такой, скажем, как *А тебе какое дело*.

Нефункциональный респонсив естественно, как нам кажется, подразделить на предложения, содержащие собственно отказ (прямой или завуалированный) ответить на заданный вопрос, и предложения, с помощью которых отвечающий возвращает своего собеседника к вопросу и пытается этим вопросом манипулировать. Прямой отказ ответить на какой-то вопрос может прозвучать как *Не знаю; Не имею права говорить об этом* и т. п. Завуалированный отказ – это отказ типа *Тебя это не касается; Кто его знает?* и т. п. И в том и в другом случае налицо попытка прекратить диалог.

Возвратить собеседника к поставленному им вопросу можно не только с помощью респонсивов типа *Не слышу* или *Что вы сказали?*, но и таким, например, образом:

- *Садиста нашего здесь нет? – Это Вы о директоре?*
- *Почему Вы так рано? – Разве нельзя?*
- *Ревнуете к своему соседу? – Не надо сейчас шутить.*

Ответа на вопросы соответствующие респонсивные предложения не содержат, но диалог ими не завершается и может быть направлен отвечающим в то или иное русло либо уже по его собственной воле, либо в силу каких-то обстоятельств, возникших при общении и требующих разъяснения.

Респонсивные предложения, заключающие в себе отказ от ответа на поставленный вопрос, можно назвать **саботирующими** респонсивами, которые, в свою очередь, могут быть подразделены на **прямой отказ** и **завуалированный отказ**, а предложения, возвращающие спрашивающего к его вопросу, – **манипулирующими** респонсивами с такими двумя их разновидностями: респонсивом, формально **не требующим** каких-то **дополнений** к вопросу (*Что вы сказали?*), и респонсивом, **требующим дополнительной информации** для ответа на заданный вопрос по существу (*Это Вы о директоре?*).

Функциональный респонсив гораздо разнообразнее нефункционального, но и его в коммуникативном плане можно подразделить сначала на два основных типа: **содержательный** респонсив и **формальный** респонсив. Содержательный респонсив представляет собой предложение, ответ в котором выражен конкретным лексическим материалом, прямо или косвенно соотносящимся с запрашиваемой в вопросе информацией. Так, на поставленный выше вопрос *Ты законспектировал задан-*

ную статью? варианты ответа в форме содержательного респонсива могут быть, например, такими: *Законспектировал; Ещё вчера; Мне ещё этого не хватало* и т. п. Формальный респонсив – это семантически не конкретизированное сообщение универсального характера, не выходящее за рамки актуализированной в вопросе информации и дающее на него лишь самый общий, как правило, положительный или отрицательный ответ. На наш вопрос, как и на любой другой такого же типа, формальными респонсивами будут, например, такие ответы: *Да; Конечно; Нет* и т. п.

Формальный респонсив коммуникативно значим тогда, когда в вопросе нет прямого antecedента в виде, скажем, вопросительного слова типа *кто, когда, почему* или вопросительной конструкции, требующей от респонсивного предложения выхода за пределы содержащейся в вопросе лексики. Представить формальный респонсив можно тремя его основными разновидностями: **утверждающим** с прямым и косвенным утверждением, **отрицающим** с теми же двумя его вариантами и **обуславливающим**, когда вместо ответа сообщается о каких-то обстоятельствах, сопутствующих утверждению или отрицанию. На наш вопрос о конспектировании статьи соответствующие респонсивные предложения могли бы прозвучать следующим образом: 1) *Да; Разумеется; Конечно;* 2) *Нет; И не думал; Оно мне надо;* 3) *Если бы у меня было на это время; Я болел.*

Содержательный респонсив заключает в себе затребованную вопросом информацию в том или ином её объёме, с той или иной степенью её адекватности и интерпретируемости, и мы можем выделить по меньшей мере три типа соответствующих предложений: **тавтологический** респонсив, респонсив **эвристический** и респонсив **латентный**. Тавтологическое респонсивное предложение строится на основе лексики вопроса, зачастую лишь просто воспроизводя её. Таким предложением в нашем примере будет ответ типа *Законспектировал* или *Заданную статью законспектировал*. Эвристическое включает в себя новые, подобранные специально для ответа на поставленный вопрос слова и словосочетания. В нашем случае это мог быть ответ *Только наполовину* или *Ещё неделю назад*. В латентном респонсive, уже по определению представляющем собой скрытый, завуалированный ответ на поставленный вопрос, лексический материал вообще может непосредственно не соотноситься с лексикой вопроса, как, скажем, в ответе типа *Тож же мне статья* или *Куда же студенту деться*.

Тавтологический респонсив может оказаться **простым**, включающим в себя только лексику вопроса, пусть даже конвертированную, и **дополненным**, когда в ответе, наряду с лексикой вопроса, наличествуют ещё и другие слова, не затребованные характером вопроса, а включённые в него по воле отвечающего. Простой тавтологический респонсив может быть минимальным (В нашем примере – *Законспектировал*), расширенным (*Заданную статью законспектировал*) и модифицированным (*Я законспектировал* или *Не законспектировал*). Дополненный тавтологический респонсив есть, по-видимому, смысл подразделить на две его разновидности: модально дополненный (*Конечно же, законспектировал*) и информативно дополненный (*Законспектировал и даже уже сдал*).

Новая лексика, как и общее содержание, эвристического респонсива, в принципе, затребованы вопросом, но жёстко не регламентированы им. Отвечающий сам в зависимости от наличия или отсутствия в вопросе анафоры, в зависимости от актуализируемого фрагмента вопросительного предложения, а также в силу своей осведомлённости и прагматической установки общения выбирает как лексическое наполнение, так и форму генерируемого им респонсивного предложения. И в этом плане вполне логично, с нашей точки зрения, респонсивное предложение, непосредственно соотносящееся с анафорическим компонентом вопроса, назвать **анафорическим** респонсивом, а ответ, не ориентированный на анафору или отвле-

кающийся, уводящий от неї, квалифицировать как респонсив **перифразированный**. Анафорический респонсив, в свою очередь, может быть элементарным (одна анафора в вопросительном предложении) и осложненным (две и более анафоры) и при этом может включать в себя и лексику вопроса. Два примера элементарного анафорического респонсива:

– *Где ты был?* – *На стадионе.*

– *Как тебя зовут?* – *Меня зовут Яков.*

Простейшие примеры осложнённого анафорического респонсива:

– *Кто и к кому?* – *Коваленко к декану.*

– *Кто, куда и откуда?* – *Курьер в Киев из Ровно.*

Перифразированный респонсив, в принципе, может быть ответом на любой вопрос, в том числе и на вопрос с форсированной анафорой, но этот ответ, как правило, редуцирован либо в силу очевидности опускаемой его части, либо потому, что отвечающий предвосхищает последующие слова или действия собеседника, либо по каким-то иным причинам. Связь такого респонсива с вопросом всегда опосредована. Примеры:

– *Что ты хочешь?* – *Иди сюда.*

Ответом здесь является редуцированное респонсивное предложение вместо полного такого, например, строя: *Я хочу, чтобы ты подошёл сюда.*

– *У тебя бумаги много?* – *Бери, не стесняйся.*

Редукция респонсива, связанная с прогнозированием дальнейшего развития коммуникативной ситуации. Отвечающий, как это, по всей вероятности, и могло бы быть на самом деле, предполагает, что независимо от его ответа последует просьба взять какое-то количество этой бумаги. Отсюда и ориентация респонсивного предложения не на сам вопрос и не на ответ типа *Много; Не очень много* или *Мало*, а на предполагаемую просьбу, которая, скорее всего, последует за ответом.

– *Куда же ты дел зарплату?* – *Прожил.*

– *Где он?* – *Вот, посмотри.*

Ответ дан, но он перифразирован и не указывает в данном случае на запрашиваемую информацию о месте событий, о которых едет речь в диалоге.

Перифразированный респонсив и сам может быть оформлен как вопросительное предложение, оставаясь при этом функциональным, т. е. не переходя на уровень коммуникативного саботажа. Так, на вопрос первой из приведенных иллюстраций перифразированного респонсивного предложения *Что ты хочешь?* может прозвучать и вполне определённый, а не саботирующий ответ типа *Декан принимает?*, являющийся тоже вопросом как следствием редукции такой, например, конструкции: *Я хочу узнать, принимает ли сейчас декан.*

Наконец, латентный респонсив. Это, пожалуй, самый разнообразный как по форме, так и по содержанию тип респонсивных предложений, к тому же и наиболее интересный, по нашему мнению, в собственно коммуникативном плане. Прямого, а зачастую и косвенного ответа на поставленный вопрос в латентном респонсивном предложении нет, однако спрашивающий получает из такого предложения достаточно информации, чтобы определить своё дальнейшее поведение и сделать заключение либо по существу заданного вопроса, либо о том, что конкретного ответа ему ждать не следует. Характер содержащейся в латентном респонсиве информации и позволяет нам говорить о двух основных типах соответствующего высказывания – о респонсиве, **наводящем** на тот или иной ответ, т. е. содержащем в себе информацию, позволяющую выяснить коммуникативную позицию отвечающего, и о респонсиве **недетерминированном**, в котором такой информации нет. Пример наводящего респонсива:

– *Декан уже ушёл?* – *В кабинете нет, и бумаги со стола убраны.*

Прямого ответа на заданный вопрос не получено, но спрашивающий, надо полагать, сам решит, что декан всё же ушёл.

В модальном отношении наводящий респонсив чрезвычайно разнообразен и может заключать в себе и утверждение, и отрицание, и модальную индифферентность при ответе даже на один и тот же вопрос. Так, на вопрос типа *Принести тебе одеяло?* может последовать любой из следующих трёх ответов с разной модальностью: *Давно пора; Мне не холодно; Как хочешь.*

А вот примеры недетерминированного латентного респонсива:

– *Где декан?* – *Просил подождать.*

– *Вы кто?* – *К декану.*

Вопрос не проигнорирован, но ответ построен так, чтобы спрашивающий понял, что знать ему о месте пребывания декана (во втором примере имя собеседника) в данном случае необязательно и диалог на эту тему прекращён.

Латентный респонсив содержит в себе, как правило, какую-то дополнительную информацию, указывающую на отношение отвечающего к заданному вопросу, на степень его осведомлённости или заинтересованности в обсуждаемой теме и т. д., поэтому такой респонсив, как было указано выше, чрезвычайно разнообразен во всех отношениях и его дальнейшее членение потребовало бы выбора целого ряда самых различных оснований для соответствующей классификации. Поэтому мы считаем возможным ограничиться только двумя указанными классами латентных респонсивных предложений, полагая при этом, что практически все потенциальные подклассы как наводящего, так и недетерминированного респонсива так или иначе могут быть соотнесены со сформированными выше подтипами основных типов функционального содержательного респонсива (тавтологическим и эвристическим) и функционального формального респонсива (утверждение, отрицание, обусловленность). И вот несколько примеров:

– *Возьмут с него штраф?* – *Незаконно.*

– *Куда Вы?* – *Слышал, декан ищет себе заместителя.*

– *Что ты ему сказал?* – *А ты будто не догадываешься.*

– *Тут, наверное, холодно?* – *Это как платить будешь.*

– *Не рассердится ли он?* – *Пускай сердится.*

– *Ругать меня будешь?* – *Слова не услышишь.*

– *А если ему заплатить?* – *Тогда он будет молчать.*

– *Как ты смеешь?* – *Сам виноват* и т. п.

Всё это латентный респонсив самого различного по своему содержанию и значению характера, но с двумя обязательными и общими для всех латентных респонсивных предложений признаками: скрытым ответом на поставленный вопрос и наличием дополнительной, не затребованной вопросом информации.

Общая схема типологической классификации респонсивных предложений в предлагаемой нами интерпретации выглядит следующим образом:

Функциональный респонсив

Содержательный

Тавтологический

Простой (минимальный, расширенный, модифицированный)

Дополненный (модально, информативно)

Эвристический

Анафорический (элементарный, осложненный)

Перефразированный

Латентный

Наводящий

Недетерминированный
 Формальный
 Утверждение (прямое, косвенное)
 Отрицание (прямое, косвенное)
 Обусловленность
 Нефункциональный респонсив
 Собирающий
 Прямой отказ
 Завуалированный отказ
 Манипулирующий
 Не требующий дополнения вопроса
 Тrequющий дополнительной информации

Предложенная система – это первый, насколько мы осведомлены, опыт подобного рода типологии, не претендующий, конечно же, на решение всех проблем, связанных с выделением респонсива как особого типа предложений русского языка. Мы лишь хотим обратить внимание лингвистов на описанные выше функционально-конструктивные фигуры, квалифицируя при этом наши разработки прежде всего как постановку вопроса.

Библиографические ссылки

1. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
2. **Блумфилд Л.** Язык / Л. Блумфилд. – М. : Прогресс, 1968. – 608 с.
3. **Грамматика русского языка** / под ред. В. В. Виноградова. – Т. 2. – Ч. 1. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 704 с.
4. **Грамматика современного русского литературного языка** / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1970. – 768 с.
5. **Лингвистический энциклопедический словарь** / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 686 с.
6. **Ломов А. М.** Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А. М. Ломов. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 416 с.
7. **Меньшиков И. И.** Прагматика невыраженного императива / И. И. Меньшиков // Прагматический аспект грамматической структуры текста : тез. выступлений на совещании / под ред. С. Ю. Никифорова и А. М. Шахнаровича. – М. : ИЯ АН СССР, 1988. – С. 47–48.
8. **Меньшиков И. И.** Курс лекций по основам информатики и прикладной лингвистики / И. И. Меньшиков. – Д. : РВВ ДНУ, 2007. – 152 с.
9. **Меньшиков И. И.** Приёмы коммуникативного саботажа в системе лингвистических фигур манипуляции общественным сознанием / И. И. Меньшиков // Філологічні науки : зб. матер. підсумкової наук. конф. викладачів / за ред. О. І. Панченко. – Д. : Пороги, 2008. – С. 84–86.
10. **Русская грамматика** / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. – М. : Наука, 1980. – 710 с.
11. **Словарь русского языка** : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – Т. 2. К–О, 1982. – 736 с.
12. **Українська мова. Енциклопедія** / за ред. В. М. Русанівського, О. О. Тараненка. – К. : Укр. енцикл., 2000. – 752 с.

Надійшла до редколегії 20.01.09

УДК 811.161.1'373.46

О. В. Нашиванько

Днепропетровская медицинская академия

НАЗВАНИЯ НАПРАВЛЕНИЙ КОСМЕТОЛОГИИ И ИХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ (на материале русскоязычных сайтов)

Проаналізовано назви основних напрямів косметології та їхні дефініції, що вилучені з рекламних матеріалів російськомовних Інтернет-сайтів різних косметологічних центрів, клінік та салонів; встановлені причини неоднозначності та варіативності досліджуваних найменувань; підкреслена необхідність впорядкування та уніфікації термінів косметології.

Ключові слова: термінологія косметології, метамова, неоднозначність термінів, варіативність термінів, рекламні матеріали з косметологічних послуг.

Проанализированы наименования основных отраслей косметологии и их дефиниции, извлеченные из рекламных материалов русскоязычных Интернет-сайтов различных косметологических центров, клиник и салонов; установлены причины неоднозначности и вариативности исследуемых наименований; подчеркнута необходимость упорядочения и унификации терминов косметологии.

Ключевые слова: терминология косметологии, метаязык, неоднозначность терминов, вариативность терминов, рекламные материалы по косметологическим услугам.

The analysis touches upon the main branches of cosmetology and definitions taken from the Internet promotional materials of various cosmetological centers, clinics and salons; the reasons for ambiguity and variety of the investigated denominations are established; the necessity of the cosmetological terms ordering and unification is highlighted.

Key words: cosmetological terminology, meta-language, ambiguity of terms, variety of terms, cosmetological services promotional material.

Как известно, терминология, обслуживающая медицину, относится к одной из наиболее обширных терминологических систем. По разным источникам в ней насчитывается от 200 000 до 500 000 терминов, что значительно больше, чем в любой другой научной дисциплине. Выделяют до 200 областей медицины, каждая из которых имеет свою частную микросистему терминов [5]. Очевидно, что установить размеры номинативного фонда медицины не представляется возможным, так как крайне трудно с достаточной четкостью определить границы ее областей, разделов, подразделов, не говоря уже о «стыковых», пограничных с медициной областях знаний (например, экологии) или областях, формирующихся сегодня на пересечении многих медицинских дисциплин и прикладного мастерства. К последним относится и косметология, которая в последние годы, по мнению специалистов, «из области украшения переросла в одно из социальных направлений специализированной медицины» [3, с. 4].

Гетерогенный характер естественно складывающегося специального словаря косметологии, формирующейся на пересечении многих медицинских (дерматологии, хирургии, трихологии, физио-, фито-, ароматерапии, стоматологии, диетологии и др.), естественных (химия, физика и др.) наук и медицинской практики, отсутствие унифицированной терминосистемы предопределяет особый интерес к этой номинативной сфере, до сих не подвергавшейся лингвистическому описанию. Актуальность обращения к номинативной системе косметологии обуславливается и тем, что, как и всякая молодая синтетическая наука, возникшая на стыке сразу нескольких медицинских специальностей, «косметология активно использует термины и понятия, принятые в этих дисциплинах. Обособляясь и приобретая всё большую автономность, она предлагает и собственную терминологию» [9]. Естествен-

но, что динамично формирующаяся и развивающаяся номинативная система косметологии характеризуется существенными недостатками, к которым, прежде всего, следует отнести разноречивость в толковании одних и тех же терминов, существование многозначных терминов, вариантов и синонимов терминов и т. д.

С учетом всего сказанного мы поставили перед собой *цель* провести анализ использования и толкования терминов, обозначающих основные направления косметологии, и изложить в настоящей статье результаты проведенного исследования. Материалом для анализа послужили наименования отраслей косметологии и их дефиниции, извлеченные, в основном, из рекламных материалов русскоязычных Интернет-сайтов различных косметологических центров, клиник и салонов.

Номинативная ситуация, сложившаяся в отмеченном фрагменте терминосферы косметологии, значительно обостряется в связи с тем обстоятельством, что ученые-теоретики и косметологи-практики до настоящего времени живут и действуют «в рамках приказа МЗ СССР № 1290 от 28 декабря 1982 года, в соответствии с которым косметология признается как вид медицинской деятельности и подразделяется на *терапевтическую* и *хирургическую косметологию*» [2]. Это же разделение, а соответственно и термины, обозначающие направления косметологии, сохраняются и в других официальных документах, принятых уже Минздравом Российской Федерации*. Однако в рекламных материалах, размещенных на сайтах косметологических учреждений России и Украины, активно функционирует целый ряд составных и сложных названий с опорной лексемой *косметология*, в частности *общая, практическая, лечебная, врачебная, эстетическая, лазерная, аппаратная косметология, дерматокосметология, геронтокосметология* и др., которые не всегда используются авторами текстов однозначно и корректно. Нет общепринятого понимания и термина *косметология*. В связи с этим обращение к терминологии косметологии как объекту специального лингвистического исследования, прежде всего, требует определения как самого термина *косметология*, так и определения основных видовых наименований косметологии, таких как *медицинская, лечебная, врачебная, эстетическая*, которые используются наряду с определениями *терапевтическая* и *хирургическая* и нуждаются в уяснении характера их соотношения между собой.

Вопрос об определении термина *косметология* в связи с его отграничением от термина *косметика* уже был предметом рассмотрения в нашей статье [8], что позволяет нам остановиться здесь лишь на краткой характеристике самого понятия «косметология» и его трактовки в современных источниках.

Определяя суть косметологии и ее место в социуме, некоторые специалисты рассматривают косметологию как раздел дерматологии. Так, в аннотации к учебнику «Практическая косметология» отмечается: «С каждым годом растет интерес к косметологии, постоянно ведутся дискуссии относительно места этого медицинского направления, предлагается выделение такой специальности. Однако на сегодняшний день следует исходить из того, что косметология, несомненно, является разделом дерматологии и что именно этот раздел требует совершенных знаний по дерматологии» [10], см. также: «В наши дни косметология представляет собой один из разделов дерматологии» [<http://ara-aestheticsurgery.com>]. Не делая акцента на иерархической связи дерматологии и косметологии, многие авторы имплицитно эту связь подразумевают, ограничивая объект косметологии проблемами кожи, как, например, в следующих дефинициях, предлагаемых на сайтах косметологических

---

* Речь, в частности, идет о приказе МЗ СССР № 1290 от 28.12.82 г. «О мерах по улучшению косметологической помощи населению», и приказе Минздравсоцразвития от 26 июля 2002 № 238 «Об организации лицензирования медицинской деятельности» (см. об этом: [1–3;]).

клиник и салонов: «Косметология – это область медицины, которая помогает человеку в налаживании регуляции обменных процессов кожи, отсрочивании появления признаков процессов старения» [<http://medkharkov.net>]; «Врачебная косметология – это область медицины, занимающаяся изучением всевозможных кожных проблем, их предотвращением и устранением» [<http://formula-beautiful.ru>] и т. д.

В наши дни следует, скорее всего, говорить о возникновении смежной дисциплины, использующей терминологический аппарат дерматологии, направленный на решение целей и задач косметологии. Эта дисциплина уже получила название *дерматокосметологии*, которое широко применяется в специальных дискурсах научного, обучающего и прикладного характера.

В отдельных случаях акцент в дефиниции смещается на определение места косметологии в общей системе отраслей медицины, при этом может отмечаться ее синтетический, междисциплинарный характер, ср.: «**Косметология** (*косметика* + греч. *logos* учение, наука) – область клинической медицины, изучающая характер и механизмы возникновения косметических дефектов и разрабатывающая способы их устранения, маскировки и профилактики» [6; 12]; «В настоящее время косметология занимает лидирующее положение среди прикладных медицинских наук, что объясняется, прежде всего, возрастающим интересом людей к своей внешности. ... научный подход к проблемам косметологии, основывающийся на фундаментальных знаниях в дерматологии, хирургии, фармакологии, физиотерапии, лазеротерапии способствует постоянному совершенствованию этой науки» [<http://www.l-med.ru>]; «Современная косметология – это полноправная отрасль медицины, применяемые в ней методы, зачастую находятся на грани хирургии и физиотерапии» [<http://www.in-stal.com.ua>]. Показательно, что один из новейших толковых словарей русского языка также определяет косметологию как «раздел медицины», уточняя, что она занимается «причинами возникновения косметических дефектов, способами их устранения, маскировки и профилактики» [13, с. 370].

Термин *косметология* в наши дни все чаще воспринимается как обозначение научной отрасли медицины, ср.: «Косметология со временем становится не только разделом медицины, но целой наукой «Косметология», включающей в себя знания из области биологии, химии, диетологии и дерматологии» [<http://vita-cosmetolog.ru>]. Научный статус косметологии подтверждают и ученые, занимающиеся научными разработками в области косметологии. В частности, О. М. Бурлыгина отмечает: «За последнее десятилетие косметология в России превратилась в науку, основанную на законах и достижениях современной биологии, морфологии, физики, химии, биохимии, физиотерапии, генетики, иммунологии и других естественных наук. «Чистая» клиническая наука, проводимая на базе Института пластической хирургии и косметологии (г. Москва), создает и накапливает большой научный потенциал по различным направлениям эстетической медицины, реализуемый впоследствии во врачебной практике» [1].

Исчерпывающее, на наш взгляд, определение косметологии предлагает Ю. Ю. Дрибноход в своем словаре-справочнике: «**Косметология** – научная дисциплина, изучающая методы диагностики, профилактики, лечения заболеваний, устранения косметических недостатков кожи, врожденных и приобретенных дефектов головы, лица и тела, а также проверки на безвредность косметических средств, создаваемых и выпускаемых косметической промышленностью» [4, с. 218].

Это определение оптимально соответствует представлению об *общей косметологии*, которую чаще всего подразделяют на два основных направления: *эстетическую косметологию* и *врачебную*, или *медицинскую, косметологию*, в которой выделяют хирургическую и терапевтическую линии развития, соответствующие официальному подразделению косметологии (см. об этом выше. – О. Н.).

Практически все специалисты, выделяющие отмеченные направления, сходятся в том, что основное различие эстетической и врачебной косметологии заключается в том, что специалисты эстетической косметологии не занимаются процедурами, ведущими к нарушению кожных покровов. **Эстетическая косметология** помогает осуществлять полноценный уход за кожей, скрывать недостатки внешности, подчеркивать красоту человека, но объектом ее внимания являются люди с практически здоровой кожей. К эстетической косметологии, как правило, относятся общие процедуры по уходу за телом, такие как маникюр, педикюр, различные виды массажа, маски, различные spa-процедуры. Данные процедуры в течение жизни регулярно выполняют большинство женщин, желающих поддержать и сохранить ухоженный внешний вид [14]. Это направление в некоторых источниках называется **декоративной косметологией** [<http://www.krasotamax.ru>].

Направлениями в косметологии, требующими серьезной медицинской подготовки, занимается **врачебная косметология**, которая для избавления от тех либо иных недостатков может разрезать (пластика) или шлифовать (химический, лазерный пилинги) кожу и расположенные под ней ткани.

Наряду с термином **врачебная косметология** довольно часто встречаются обозначения **медицинская, лечебная, терапевтическая косметология**, которые используются чаще всего или как синонимы, или как наименования, находящиеся в родовидовых отношениях. Проанализируем возможные варианты функционирования данных наименований более подробно.

По данным Интернет-страниц, наиболее часто термин **косметология** сочетается с определением **медицинская** (1 080 000 стр.), производным от слова **медицина**, заимствованного из латинского языка, в котором лексема **medicina** восходит к адъективу **medicus** – врачебный, лечебный [11, с. 373]. В составе термина определение **медицинская** непосредственно сигнализирует о прямой связи сферы косметологии с медициной. Это в современных условиях, когда косметологические услуги предлагают бесчисленные косметологические кабинеты и салоны, оказывается чрезвычайно важным посылом, способствующим установлению доверительных отношений между пациентом и клиникой и воспринимаемым, прежде всего, как гарантия качества, обеспеченная тем, что косметологические услуги оказывают высококвалифицированные врачи. Максимально отчетливо этот же посыл выражен в определении **врачебная косметология** (194 000 Интернет-страниц), прямо указывающем, что исполнителем косметологической услуги является дипломированный врач.

Воздействующий потенциал прилагательных **медицинский** и **врачебный** в сочетании с лексемой **косметология** хорошо осознают составители рекламных материалов, статей, акцентирующие роль медицины и врачей в оказании косметологических услуг, ср.: **«Косметология** – раздел медицины, поэтому ее иногда называют **медицинская косметология**. Медицинская косметология – прерогатива врачей-косметологов. Именно они, получившие высшее медицинское образование, имеют право заниматься коррективкой внешности, связанной с повреждением кожных покровов или назначать лечение при дерматологических болезнях» [<http://vita-cosmetolog.ru>]; «Основная профессиональная единица, работающая в сфере **врачебной косметологии**, – врач» [<http://www.doctor-alex.ua>]; «Наш медицинский центр предлагает услуги, относящиеся к **врачебной косметологии**... В нашем центре работают опытные врачи-косметологи (кандидаты медицинских наук), постоянно совершенствующие свои знания и навыки и владеющие всеми современными косметологическими методиками» [<http://www.medestetik.ru>]; «Косметология в медицинском центре «ИНСТАЛ» – это **врачебная косметология**. Мы гордимся своими специалистами, их опытом и достигаемыми результатами в решении широкого спектра косметологических проблем» [<http://www.in-stal.com.ua>] и др.

В отдельных рекламных материалах особо подчеркивается безопасность проводимых процедур, которая обеспечивается квалификацией медицинского персонала, с одной стороны, и применением научно обоснованных методик – с другой, ср.: «**Врачебная косметология** – это, в первую очередь, профессионализм и опыт врачей-косметологов и дерматокосметологов. Во-вторых, **врачебная косметология** – это безопасность» [<http://cosmetologija.ru>]; «Поскольку косметология – это прежде всего наука, то это значит, что ею должны заниматься профессионалы – врачи-дерматокосметологи. Врач-косметолог – это специалист, получивший высшее медицинское образование, задача которого решать проблемы пациента комплексно, используя как и самые последние достижения современной науки, так и гарантированно эффективные, уже проверенные своей практикой. Залог успеха – это научно обоснованные методики, позволяющие эффективно решать эстетические проблемы, не нанося вред организму» [<http://www.in-stal.com.ua>].

Концептуальная близость выражаемых признаков, объединенных областью медицины, способствует тому, что в реальных дискурсах определения *медицинский* и *врачебный*, входящие в состав наименований отраслей косметологии, часто не разграничиваются, ср.: «В современной косметологии принято выделять два направления – эстетическое и **врачебное (медицинское)** [7]. В рекламных дискурсах определения *врачебная* и *медицинская* используются как субституты, помогающие избежать монотонности изложения, ср.: «Возможности, которыми сегодня располагает **медицинская косметология**, поистине безграничны. Это и приборы, которыми широко пользуется аппаратная косметология, и экстракты природных материалов, без которых не обходится мезотерапия, это косметические средства на основе натурального сырья, ультразвук, лазер, озон. **Врачебная косметология** зачастую становится единственным средством избавления от дефектов, причинявших пациенту огромные моральные страдания и являвшихся причиной постоянных стрессов» [<http://manuolog.ru>]; «**Врачебная косметология** основана на том, что любая процедура должна быть, прежде всего, безопасной для пациента. ... перед проведением мероприятий, которые предусматривает **медицинская косметология**, необходимо, чтобы квалифицированный врач произвел осмотр и определил, насколько показана та или иная процедура» [<http://www.cprzd.ru>]; «Современная **врачебная косметология** аккумулирует фундаментальные знания не только по вопросам гигиены, правильного ухода за кожей лица и тела, но требует широкой ориентации врачей по вопросам дерматологии, микологии, хирургии, физиотерапии, фармакологии, медицинской эстетики. Огромное число пациентов, обращающихся к косметологам, дерматологам и врачам смежных профилей за такой помощью, делает работу **медицинской косметологии** весьма актуальной» [<http://www.cosmolux.com.ua>].

В рекламном дискурсе, широко представленном на Интернет-страницах различных косметологических сайтов, термин *косметология* в сочетании с синонимами-конкретизаторами *медицинская* и *врачебная* используется не только в значении «направление, отрасль медицины», но и «медицинская услуга», ср.: «В Москве сегодня многие лечебные учреждения предлагают такую услугу, как **врачебная косметология**. ... Одним из лучших учреждений, в которых **врачебная косметология** выполняется на высочайшем уровне, является Центральная поликлиника ООО «РЖД». ... Широкий спектр процедур выполняется по самым современным методикам, которыми располагает **медицинская косметология**» [<http://www.cprzd.ru>].

Синонимия терминов *медицинская косметология* и *врачебная косметология* фиксируется словарем-справочником Ю. Ю. Дрибноход [4], в то время как словарь-

ные статьи, посвященные лечебной или терапевтической косметологии, здесь вообще отсутствуют.

Семантически близок к атрибутам *медицинский* и *врачебный* и адъектив *лечебный* (206 000 Интернет-страниц), образованный от глагола *лечить* – «применять медицинские средства для восстановления здоровья, принимать меры к прекращению болезни» [13, с. 405]. В семантике лексемы *лечебный* обнаруживаются семы, доставшиеся ей «по наследству» от производящего глагола, с одной стороны, это сема «назначение косметологических процедур, их конечная цель», а с другой – сема, указывающая на характер лечения – медикаментозный, неоперативный (консервативный). То обязательное условие, что лечение должно проводиться врачом, приводит к синонимизации атрибутов *лечебный* и *врачебный* в следующих, например, контекстах: «Современная косметология делится на два направления – *лечебную* и эстетическую. Эстетическая призвана поддерживать здоровья кожи, скрывать недостатки внешности, бороться с признаками старения. ... *Врачебная косметология* предполагает более серьезное вмешательство в организм...» [<http://vedin.ru>].

В отношении синонимии с названием *лечебная косметология* находится термин *терапевтическая косметология* (37 000 Интернет-страниц). Прилагательное *терапевтический* образовано от греческого заимствования *терапия* (*therapeia* – лечение), которое определяется в русском языке как «1. Раздел медицины, занимающийся лечением и профилактикой внутренних болезней консервативными, не хирургическими методами; 2. Само такое лечение» [13, с. 978]. Анализ дефиниции мотивирующего существительного позволяет сделать вывод о том, что в семантике данного прилагательного содержатся те же семы, что и в семантической структуре прилагательного *лечебный*, что и служит основанием к их синонимическому сближению, ср.: «... *терапевтическая (лечебная) косметология* очень близка к дерматологии, которая занимается устранением различных проблем с кожей и волосами» [<http://www.med-beauty.ru>].

Этап становления концептосферы косметологии отражают и контексты, в которых рассмотренные выше наименования выступают или гипонимами, или гиперонимами по отношению друг к другу. Мы зафиксировали следующие возможные варианты родовидовых соотношений этих терминов, когда гипонимом является:

а) название *врачебная косметология*, см.: «Сегодня *врачебная косметология* располагает самыми современными методами диагностики и лечения, а также средствами и методиками *терапевтической косметологии* и эстетической медицины, позволяющими добиться результатов даже в самых сложных случаях» [<http://cosmetologija.ru>]; «*Врачебная косметология*, в свою очередь, делится на две большие группы – *терапевтическая* и *хирургическая*, в которой можно выделить эстетическую хирургию, дерматохиргию и дерматокосметологию» [<http://www.doctor-alex.ua>].

б) название *медицинская косметология*, см.: «*Медицинская косметология*, в свою очередь, подразделяется на профилактическую, диагностическую и *лечебную*. *Лечебная косметология* может быть консервативной, пользующейся терапевтическими методами (иными словами, *терапевтической*. – О. Н.), и *хирургической*, использующей оперативные приемы» [<http://www.krasotamax.ru>].

Многие источники следуют официальным документам и употребляют названия *терапевтическая косметология* и *хирургическая косметология*. Однако содержательное наполнение термина *терапевтическая косметология* в таких случаях ничем не отличается от аналогичного наполнения термина *медицинская* (или *врачебная*) косметология, представленного на других сайтах косметологических учреждений. Ср.: «*Терапевтическая косметология* предлагает своим пациентам ма-

лоинвазивные способы коррекции внешности. Её методы можно разделить на те, где используют косметические средства (наружно), пилинги, введение различных препаратов в кожу (мезотерапия, озонотерапия, контурная пластика), аппаратная косметология, а также массаж» [<http://www.beautynet.ru>]; «Наиболее эффективные направления **терапевтической косметологии**: химический пилинг, мезотерапия, озонотерапия» [<http://slimeffect.ru>]. Приблизительно такой же комплекс процедур рекламируется в разделах «врачебная косметология», ср.: «**Врачебная косметология** салона красоты «Версайд» включает в себя процедуры мезотерапии и биоревитализации, инъекции ботокса и контурную пластику, озонотерапию, гирудотерапию, пилинги» [<http://www.vercise.ru>]; «Эстетисты не могут заниматься врачебными манипуляциями, которые нарушают целостность кожного покрова (контурная пластика, мезотерапия, инъекции ботулотоксина, средние и глубокие пилинги, лазерная шлифовка и т. д.), лечит дерматологические болезни, выписывать лекарственные препараты. Все эти направления в косметологии требуют серьезной медицинской подготовки, и ими занимается **врачебная косметология**» [<http://www.lner.ru>].

Зачастую содержание термина **терапевтическая косметология** ничем не отличается от содержания термина **эстетическая косметология**, а в некоторых рекламных материалах эти обозначения используются как синонимы, ср., например: «Профессиональная **терапевтическая косметология** включает в себя спектр самых разнообразных услуг: очищение, пилинги (косметический, механический, физический и химический), маски, паровые ванны... Парафиновые аппликации, чистка лица, массажи, орошение лица паром (вапозон) и дарсонвализация – вот только приблизительный список инструментов терапевтической косметологии!» [<http://esteline-samara.ru>] и «Самые распространенные услуги **эстетической косметологии** это: маникюр и педикюр, массаж различных видов (антицеллюлитный, лимфодренажный, омолаживающий, классический и прочее), чистка лица, дарсонвализация, разнообразные спа-процедуры – все это те процедуры, которые знакомы большинству женщин, стремящихся иметь ухоженный вид. Все это вместе, как **терапевтическая косметология**, служит гарантией предотвращения появления или устранения на ранних стадиях различных косметологических недостатков» [<http://bussp.ru>].

Примером авторской интерпретации терминов, обозначающих направления косметологии, может служить и следующий материал, составители которого, пытаясь объяснить каждый термин, не очень-то задумываются о точности и правильности предлагаемых толкований: «С девятнадцатого века понятие «**терапевтическая косметология**» стало включать не только лечение заболеваний кожи, но и профилактику косметических недостатков кожи лица, шеи, волосистой части головы, рук и ног. ... **Эстетическая косметология** – это способ разгладить кожу, выровнять маленькие и более крупные морщины, придать объём губам... Однако не торопитесь прибегать к пластической и эстетической косметологии: есть еще **косметология лечебная**! Она не так категоричная, как эстетическая или пластическая косметология, но и более действенная, чем косметология терапевтическая. **Лечебная косметология** – направление в профессиональной косметологии, важнейшим методом которой является мезотерапия. Таким образом, **лечебная косметология** выбирает своим инструментом подкожные и внутрикожные микроинъекции фармакологических препаратов и витаминных комплексов» [<http://esteline-samara.ru>].

Ряд таких «околонаучных» дефиниций, рассчитанных на малосведущего клиента, очевидно, можно было бы продолжать до бесконечности, мы же ограничимся еще двумя по-настоящему малограмотными «опусами», размещенными в Интернете: «**Косметология** – это раздел медицины, который изучает анатомию, гистологию, свойства и функции кожи, подкожной клетчатки и близлежащих желез. ... **Лечебная косметология** – это раздел, который занимается применением лекарствен-

ной косметики, и имеющий главную цель – улучшение внешнего вида пациента, состояния его кожи, коррекция фигуры и изучение существующих патологических факторов, которые негативно влияют на состояние кожных покровов, подкожной клетчатки, волос и ногтевых пластинок» [<http://zolotavin.ru>]; «В основе *лечебной косметологии* лежит прием витаминов. Их правильный приём замедлит процессы старения и разрушения клеток. А в состав некоторых поливитаминов включены специальные добавки, например для похудения или упругости кожи. Так что первое, с чего нужно начать – это витамины, витаминные коктейли» [15]. Как нам кажется, подобные маловразумительные толкования способствуют не столько привлечению потенциальных клиентов, сколько отпугивают их.

Необходимость упорядочения формирующегося метаязыка косметологии, его специфику отчетливо осознают и специалисты-практики, работающие в области косметологии. Так, Е. С. Парсагашвили отмечает, что «особенность медицинской косметологии, как подавляющего большинства других медицинских отраслей, – в её прикладном характере, и беспорядок в использовании дефиниций не может идти на пользу ни научной базе косметологии, ни практикующим специалистам. Трансформация или недопонимание сути термина влечет за собой практические ошибки в тактике ведения пациентов и даже технике выполнения процедур. Таким образом, косметологические термины и определения нуждаются в анализе, обосновании и устойчивых общепринятых формулировках. ... Дерматологи-косметологи – не только свидетели, но и основные пользователи профессионального языка. Активное участие в его формировании и корректное использование терминологии поможет правильно понимать друг друга и исключать практические ошибки. При этом язык косметологов – ни в коей мере не откровение, отличное от общемедицинского языка, а необходимая лепта, призванная обогатить сопредельные науки новыми понятиями и свежими идеями» [9]. Специалисты обращают внимание на некорректность отдельных рекламных материалов, авторы которых «проявляют чудеса словесной фантазии», допускают фактические и грамматические ошибки, искажают передаваемую информацию, что заставляет всерьез задуматься о роли нравственности и рекламы в развитии косметологии [3].

Таким образом, проведенное исследование показало, что сегодня в сравнительно малочисленной подгруппе наименований основных направлений косметологии отсутствуют столь необходимые для терминологии однозначность и точность. Во многом такое положение объясняется тем, что концептосфера современной косметологии, а соответственно, и номинативная система, репрезентирующая ее в языке, находятся в стадии активного развития, вычленения в общей системе медицины в ряду смежных концептосфер и терминологий. Однако значительную сумятицу и разнобой в стихию номинативного пространства косметологии вносят и недобросовестные составители рекламных материалов, произвольно применяющие термины, обозначающие направления косметологии, и продуцирующие их некорректные толкования на многочисленных сайтах косметологических учреждений. Очевидно, что метаязык современной косметологии нуждается в целенаправленном изучении и описании, необходимом для проведения работы по его упорядочению и унификации, что и составляет перспективу дальнейших исследований в данной области.

Библиографические ссылки

1. **Бурылина О. М.** Качество и право в деятельности врача-дерматокосметолога. – Режим доступа : http://www.rmj.ru/articles_
2. **Виссарионов В. А.** Утверждение специальностей «пластическая хирургия» и «косметология» как фактор повышения качества услуг специалистов эстетической медицины / В. А. Виссарионов, И. В. Виссарионова. – Режим доступа : http://www.rmj.ru/articles_

3. **Виссарионова И. В.** Роль нравственности и рекламы в развитии косметологии / И. В. Виссарионова, О. М. Бурлыкина // Клиническая дерматология и венерология. – 2009. – № 1. – С. 4–7.
4. **Дрибноход Ю. Ю.** Косметика и косметология : словарь-справочник / Ю. Ю. Дрибноход. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 540 с.
5. **Казарина С. Г.** Типологические характеристики отраслевой терминологии / С. Г. Казарина. – Краснодар : Изд-во Куб. гос. мед. акад., 1998. – 271 с.
6. **Косметологический словарь.** – Режим доступа: <http://www.parisbeaute.ua/glossary>.
7. **Косметология.** – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
8. **Нашиванько О. В.** Термины *косметика* и *косметология* : проблема определения / О. В. Нашиванько // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Мовознавство. – Вип. 14. – 2008. – С. 209–215.
9. **Парсагашвили Е. З.** Определимся в дефинициях / Е. З. Парсагашвили. – Режим доступа : <http://www.maspi.ru>.
10. **Медведева И. И.** Практическая косметология / И. И. Медведева. – [изд. 2-е, дополн.]. – К., 2008. – 440 с.
11. **Словарь иностранных слов и выражений** / авт.-сост. Е. С. Зенович. – М.; ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 778 с.
12. **Словарь медицинских терминов.** – Режим доступа: <http://www.lib.ru>
13. **Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов** / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Изд. Центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.
14. **Эстетическая и врачебная косметология как составляющие общей косметологии.** – Режим доступа: <http://renoplast.info>
15. **Ядрышников А.** Лечебная, эстетическая косметология. – Режим доступа: <http://foto.inspring.ru>.

Надійшла до редколегії 26.04.10

УДК 811.161.1'373.46

Ю. Р. Олещенко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ФРЕЙМА «СТРУКТУРА ЛИТЫХ МЕТАЛЛОВ»

Розглянуто концептуально-лексичне наповнення фрейму тематичної області матеріалознавства «Структура литых металлов»: проаналізовано структуру фрейму, встановлено інвентар концептів та їхній зв'язок з лексичними одиницями, що їх означають; терміни кожної фреймової підсистеми охарактеризовано за походженням та способом творення.

Ключові слова: терміносистема, матеріалознавство, фрейм, концептуально-дискурсивний аналіз.

Рассмотрено концептуально-лексическое наполнение фрейма тематической области материаловедения «Структура литых металлов»: проанализирована структура фрейма, установлен инвентарь концептов и их связь с лексическими единицами, которые их обозначают; термины каждой подсистемы фрейма охарактеризованы с точки зрения происхождения и способа образования.

Ключевые слова: терминсистема, материаловедение, фрейм, концептуально-дискурсивный анализ.

The conceptual and lexical content of the material science theme field "Moulded metals structure" is investigated: the frame structure is analysed, the inventory of material science concepts is made and the connection between concepts lexical units is defined ; the terms of each subsystem of the frame are characterized in etymological and word formation ways.

Key words: term system, material science, frame, conceptual and discourse analysis.

Данная статья продолжает наши исследования, посвященные реализации идеи фреймового представления терминосистемы и описания концептуально-лексического наполнения конкретных фреймов (см. [2]). В качестве материала изучения в данной статье избран подфрейм терминосистемы «Металловедение» – «Структура литых металлов», подвергнутый концептуально-дискурсивному анализу. В силу того, что терминосистема металловедения лингвистически практически не изучалась, и тем более с точки зрения когнитивного похода, **актуальность** данного исследования представляется несомненной.

Как и в предыдущей работе [2], при концептуально-дискурсивном исследовании термина мы исходили из анализа его текстового (контекстного) окружения, сочетаемости, выявления всех особенностей и закономерностей включения термина в текст, как результат того или иного дискурса, выявления когнитивных структур, которые стоят за репрезентирующими их терминами, поскольку наибольшую характеристику терминов можно получить исходя из дискурса, отражающего всю базу знания, включая профессиональный опыт производителей. Таким образом, результаты исследования специальной литературы, анализа словарных дефиниций, как элементов текста, явились источником для отбора терминов и использовались при исследовании содержания терминологических единиц, то есть при инвентаризации концептов, которые составляют структуру терминологии тематической области металловедения «Структура литых металлов».

Фрейм «**Структура литых металлов**» включает в себя подфреймы, дающие представление о процессе кристаллизации, обуславливающем строение литых металлов (сплавов), и фазовой структуре металлических сплавов.

Структура литых металлов формируется в процессе перехода расплавленных металлов из жидкого состояния в твердое (кристаллическое), протекающего при определенной температуре и получившего название кристаллизации. Научные знания о процессе кристаллизации и научном аппарате его исследования содержит подфрейм второго уровня «Кристаллизация металлов и сплавов». Концептуальное ядро микросистемы образуют понятия о кристаллизации, механизме ее осуществления и результате, выражаемые терминами *кристаллизация*, *зародыши*, *кристаллит*. Производный термин *кристаллизация* образован от основы отыменного глагола кристаллиз(оваться) с помощью суффикса -ациj(a), имеющего процессуальное значение. Процесс кристаллизации начинается с образования в охлаждаемом металле устойчивой группировки атомов, в которой атомы расположены, как в кристалле. Такая группировка получила метафорическое обозначение – *зародыши* (по сходству процесса зарождения, появления), наряду с которым часто используется составной термин с прозрачно мотивированной формой – *центр кристаллизации*. В процессе кристаллизации зародыш растет и превращается в *кристаллит* – кристалл неправильной формы, который чаще всего называют метафорически переосмысленным на основе сходства формы общеупотребительным словом – *зерно*.

Наименования видов кристаллизации образуются, в основном, синтаксическим способом по модели «П+С». Атрибутивный компонент отражает признак, указывающий на время, последовательность протекания процесса: *первичная к.*, *вторичная к.*; характер образования центров кристаллизации: *самопроизвольная к.* (зародыши образуются благодаря присутствию в жидком металле посторонних твердых частиц,

находящихся там случайно), *несамопроизвольная к.* (зародыши образуются под влиянием специально введенных в жидкий металл примесей).

В основу наименования видовых признаков зародышей положен критерий температуры, при которой происходит рост зародыша: *критический зародыш, докритический зародыш, закритический зародыш*. Прилагательное *критический* в составе термина имеет значение «переломный; находящийся в высшей точке переходной стадии» (ср.: «*критический зародыш* – зародыш минимального размера, способный к росту при данных температурных условиях» [ЛМ, с. 29]). Размер критического зародыша выступает эталоном для характеристики зародышей меньшего (*докритический зародыш*) или большего (*закритический зародыш*) размеров. Отметим, что ономаσιологический признак формируется в результате метонимического переноса признака размера (части) на весь зародыш (целое): *зародыш критического размера* → *критический зародыш* и др. Для номинации твердой частицы, служащей основой для образования зародыша, используется префиксально-суффиксальный термин *подложка*, образованный от слова *ложе* с помощью аффиксов *под-* и *-к(а)*.

Процесс образования зародышей обозначается производным термином *зарождение*, наряду с которым употребляется сложный термин более прозрачной по степени мотивированности структуры – *зародышеобразование*.

Вариантность наименований в исследуемой микросистеме обусловлена, в основном, использованием наряду со своеязычными и заимствованными терминами или терминологическими элементами. Например, антонимические пары атрибутов *несамопроизвольный* – *гетерогенный* (гр. *heterogenes* – неоднородный по составу) и *самопроизвольный* – *гомогенный* (гр. *homogenes* – однородный по составу) участвуют в образовании терминов с опорными компонентами *кристаллизация, зарождение, зарождение центров кристаллизации*.

Для описания процессов кристаллизации используются физические концепты «движение», «скорость», представленные в составных терминах *кинетика роста центров кристаллизации, скорость зарождения центров кристаллизации*; концепт «температура» реализуется в наименованиях величин: *температура кристаллизации, теоретическая температура кристаллизации, фактическая температура кристаллизации, равновесная температура кристаллизации, теплота кристаллизации, температурный гистерезис / гистерезис* (от гр. *hysteresis* – отставание; «разница между температурами плавления и кристаллизации»), *степень переохлаждения* (разница между фактической и теоретической температурой кристаллизации) и др.

Микросистема второго уровня «**Строение металлического слитка**» репрезентирует знания, полученные в результате экспериментальных исследований структуры слитка и научного описания их результатов. Номинативная система, представляющая концепты анализируемого подфрейма, включает термины, обозначающие виды кристаллов, образующихся при кристаллизации, структурные зоны слитка и виды ликвации.

Одним из основных видов кристаллов, образующихся при затвердевании слитка, являются *дендриты* – разветвленные или древовидные кристаллы. Основой для номинации кристалла послужил внешний вид кристалла, его сходство с деревом. Термин образован путем прибавления к основе, выраженной заимствованием из греческого языка (от гр. *dendron* – дерево), суффикса *-ит*, имеющего предметное значение и в исследуемой терминосистеме указывающего на отношение к роду кристаллов (ср. *кристаллит*).

В научном дискурсе наряду с термином *дендрит* возможно употребление описательных выражений *дендритный кристалл, дендритный кристаллит*, где атрибутивный компонент указывает на форму. Термин может быть основой и для образования видового атрибута, указывающего на состав или результат: *дендритная струк-*

тура (в виде дендритов), *дендритная кристаллизация* (приводящая к образованию дендритов).

Наименования других видов кристаллов, образующихся в застывающей слитке, создаются синтаксическим способом, причем ономазиологический признак указывает на форму, внешний вид кристалла: *столбчатый кристалл, игольчатый кристалл, пластинчатый кристалл*; этот же признак, совмещенный с концептом количества, реализуется в ономазиологической структуре сложного термина *многогранник*.

Структурные зоны слитка получают свои наименования по типу кристаллов, преимущественно характеризующих данную зону: *зона мелких равноосных кристаллитов* (1-я зона), *зона удлинённых кристаллитов-дендритов // зона столбчатых кристаллов* (2-я зона), *зона крупных равноосных кристаллов* (3-я зона). Поскольку во второй зоне столбчатые кристаллы растут до стыка друг с другом в направлении от центра слитка к стенкам изложницы (емкости для расплавленного металла), то она еще называется *зоной транскристаллизации*. Первая часть термина *транскристаллизация* отражает пространственный концепт «направление» (лат. *trans* – сквозь, через), в данном случае – направление роста столбчатых кристаллов.

Одним из основных явлений, наблюдаемых при кристаллизации слитка, является *ликвация* – неоднородность сплава по химическому составу, структуре и неметаллическим включениям [ТМС]. Термин заимствован из латинского языка через посредство французского: фр. *liquation* < лат. *liquation* – плавление, плавка. Как видим, специализация термина произошла путем метонимического переноса: плавление → то, что обнаруживается при плавлении.

В составных наименованиях видов ликвации отражаются ономазиологические признаки, указывающие на место ликвации: *дендритная л.* (внутри дендрита), *зональная л.* (в отдельных зонах слитка), *угловая л.* (в углах слитка), *подсадочная л.* (в зоне под садочной раковиной слитка), *осевая л.* (вдоль вертикальной оси слитка), *внеосевая л.*; форму ликвации: *пятнистая л.* (в виде локальных скоплений – пятен), *ликвация А-образного типа, ликвация V-образного типа*. Названия ликвации по ее внешнему виду синонимичны терминам, ономазиологический признак которых отражает концепт места: *осевая ликвация – ликвация V-образного типа, внеосевая ликвация – ликвация А-образного типа*.

Фреймовый блок первого уровня «**Фазовая структура металлических сплавов**» концептуализирует обширные знания о фазовом составе металлов и сплавов, которые, в свою очередь, структурируются подфреймами «Общие понятия», «Виды фаз», «Фазовые превращения» и «Диаграммы фазового состояния».

При описании фазового состояния сплавов используются базовые, исходные понятия, которые обозначаются общенаучными терминами греческого и латинского происхождения *система, структура, компонент, фаза* и русскоязычными словами *сплав, состояние, равновесие*. Содержание этих терминов применительно к анализируемой области знания и является объектом описания в подфрейме «**Общие понятия**».

Поскольку теория фаз и фазового состояния касается прежде всего сплавов, целесообразно первоначально рассмотреть ономазиологическую структуру и содержание данного термина. Русскоязычный термин *сплав* образован способом нулевой суффиксации от глагола *сплавить* в значении «соединить посредством плавления» [БТС]. В металлургии и металловедении у этого термина фиксируется значение, существенно отличающееся от общезыкового: «**Сплавы**. Однородные системы из двух или более элементов, претерпевающие переход из жидкого в твердое агрегатное состояние и обладающие характерными металлическими свойствами» [ТМС]. Ср. в БТС: «**Сплав**. Вещество, полученное при плавлении из двух или нескольких плавких твердых тел».

Спеціальні значення появляются у термінов *система* (1. «совокупность бесконечно большого числа сплавов, образованных данными металлами» [НОМ, с. 116]; 2. «совокупность фаз, находящихся в состоянии равновесия» [ЛМ, с. 7]); *структура* («форма, размер и характер взаимного расположения фаз в металлах и сплавах» [ЛМ, с. 7]); *компоненты* (химические элементы, образующие сплав [ЛМ, с. 7]). В сочетании с термином *фаза* (*компоненты фазы*) у термина фиксируется значение «независимые индивидуальные вещества, наименьшее число которых достаточно для образования всех фаз системы» [НОМ, с. 132]. Заимствованное из греческого языка слово *фаза* (гр. *phasis* – появление) обозначает в исследуемой микросистеме «обособленную часть системы (сплава), имеющую одинаковый состав, строение и свойства, отделенную от других частей системы поверхностью раздела» [НОМ, с. 117].

Нетрудно заметить, что в основе формирования конкретно-научного терминологического значения у общенаучных терминов *система*, *компонент*, *структура*, *фаза* лежит сужение значения слова и его дальнейшая специализация. В рассматриваемой нами терминсистеме отмеченные термины взаимосвязаны как часть и целое (*компонент* → *фаза* → *структура* → *система*), что отражается в их конкретно-научных дефинициях, формирующихся на основе общенаучных значений этих слов. Ср.: *компонент* ‘составная часть чего-л.’ [БТС]; *фаза* ‘отдельная стадия, период, этап развития какого-л. явления, процесса и т. д.’ [БТС]; *структура* ‘взаиморасположение и связь составных частей чего-л.; строение’ [БТС]; *система* ‘8. Совокупность каких-л. элементов, единиц, частей, объединенных по общему признаку или назначению’ [БТС].

Слова *состояние* и *равновесие* реализуются в данной подсистеме как термины физики, сохраняя присущие им «физические» значения: *состояние* – «вид, характер расположения, взаимодействия в движении частиц вещества» (*равновесное состояние системы*, *стационарное состояние системы*), *равновесие* – «состояние неподвижности, покоя, в котором находится какое-л. тело, система под воздействием равных, противоположно направленных сил» (*фазовое равновесие*, *химическое равновесие*).

Подфрейм «**Виды фаз**» имеет два структурных раздела «Твердые растворы» и «Промежуточные фазы».

Микросистема «**Твердые растворы**» аккумулирует знания о фазах, в которых один из компонентов сплава сохраняет свою кристаллическую решетку, а атомы других компонентов располагаются в решетке первого компонента, изменяя ее размеры (периоды). **Твердый раствор**, таким образом, имеет один тип решетки и представляет собой одну фазу. В зависимости от характера соотношения атомов компонентов выделяют *твердые растворы внедрения* (ономасиологический признак указывает на механизм соединения компонентов: атомы второго компонента *внедряются* в кристаллическую решетку первого компонента и располагаются в ее междоузлиях), *твердые растворы замещения* (часть атомов одного компонента *замещается* атомами другого компонента). Именование разновидностей выделенных фаз происходит путем присоединения атрибутивного компонента, указывающего на степень растворимости компонентов: *граничные твердые растворы замещения* (наблюдаются в случае ограниченной растворимости компонентов), *непрерывные твердые растворы замещения* (характеризуются полной взаимной растворимостью металлов). Компоненты *внедрение* и *замещение* номинации разновидностей твердых растворов могут редуцироваться, и основная ономасиологическая нагрузка ложится на атрибутивный компонент: *упорядоченный твердый раствор* (‘твердый раствор замещения с правильным чередованием компонентов в узлах кристаллической решетки’), *неупорядоченный твердый раствор* (‘твердый раствор замещения с атомами компонентов, статистически однородно распределенными по узлам кристаллической решетки’).

Синонимом составного термина *упорядоченный твердый раствор* выступает сложение *сверхструктура*. Компонент *сверх-* в данном случае имеет значение высо-

кой степени качества, репрезентує здатність твердих розчинів цього типу к устойчивості при порівняльно низьких температурах.

Помімо розглянутих базових термінів, мікросистема включає в себе складні терміни, позначають елементи твердих розчинів: *примесні атоми вбудовування, примесні атоми заміщення*. Для позначення скоплень примесних атомів вбудовування навколо лінії дислокації або в дефекті упаковки використовується метафорический концепт, оснований на схожості функції, *атмосфера*. Як правило, це слово являється опорним компонентом в складних найменуваннях різновидностей таких скоплень, ономазіологічним признаком яких виступає фамилия досліджувача, описавшого данне явлення: *атмосфера Коттрелла, атмосфера Снука, атмосфера Сузуки*.

Существенным для описания атомно-кристаллической структуры твердых растворов являются антонимичные понятия *упорядочения* (установление ближнего или дальнего порядка в твердом растворе) и *разупорядочения* (нарушение ближнего или дальнего порядка в твердом растворе). Первый из производных терминов образован с помощью суффикса *-ениј(e)* от глагола *упорядочиться* (приобрести атомное строение, отвечающее ближнему или дальнему порядку), а второй представляет собой отыменное префиксальное образование (*раз-* + *упорядочение*). Однако в данном случае вполне возможно и образование термина от глагола *разупорядочиться*.

Мікросистема «**Промежуточные фазы**» представляет знания о фазах, которые, в отличие от твердых растворов, имеют иную кристаллическую решетку, чем составляющие их компоненты. В зависимости от того, какие компоненты соединяются, промежуточные фазы делят на *интерметаллиды*, или *интерметаллические соединения* (соединения одних металлов с другими, что отражается в ономазіологіческом признаке *интер-* (< лат. *inter* – между), присутствующем в сложном и составном терминах), и *металлические соединения* (соединения металла с неметаллами).

Разновидностью металлических соединений являются *фазы вбудовування*, представляющие собой соединения переходных металлов с неметаллами – углеродом, азотом, бором, водородом и др. Однословные видовые наименования таких фаз создаются по специализированной модели «Название внедряемого неметалла + -ид»: *карбиды, нитриды, бориды, гидриды* и т. д.

Разновидности промежуточных фаз, возникающих в сплавах, в зависимости от строения и состава принято обозначать буквами греческого алфавита: *α-фаза, β-фаза, γ-фаза, δ-фаза* и т. д.

Составные наименования данной микросистемы образуются по двум базовым моделям «П+С» и «С+С». Атрибутивный компонент в терминах, образованных по этим моделям, может указывать на особенности атомно-кристаллической структуры компонентов: *электронная фаза, электронная α-фаза, электронная β-фаза, электронная γ-фаза* и др.; химический состав: *никель-арсенидная фаза, карбидная фаза*; на фамилию ученого, описавшего их: *хэгговские фазы, нехэгговские фазы, фаза Лавеса, фаза Юм-Розери*.

Вариантные ряды в данной микросистеме образуются за счет использования в научном дискурсе односложного термина и его номенклатурного соответствия: *вюстит* – фаза *FeO*; буквенного или словесного представления первой части символа-терминов: *α-фаза* – *альфа-фаза*; мотивированного термина и термина с патронимическим компонентом: *электронные фазы* – *фазы Юм-Розери*.

Подфрейм четвертого уровня «**Фазовые превращения**» репрезентует знания о видах фазовых превращений, структурах и компонентах, которые возникают в сплавах в результате фазовых превращений, и факторах, влияющих на процесс фазообразования и фазовые превращения. Структуризация этих знаний позволяет выделить

три подфрейма пятого яруса. Рассмотрим номинативный состав выделенных микросистем.

В центре микросистемы «*Виды фазовых превращений*» находится понятие **фазового превращения**, под которым подразумевается процесс появления новых или исчезновения старых фаз при переходе системы из одного состояния в другое. Ономасиологический базис, выраженный суффиксальным отглагольным производным (от основы глагола *превращ(ать) + -ниј(е)*), воплощает процессуальный концепт «изменение, преобразование». Идея изменения одной фазы в другую реализуется и бессуффиксальным отглагольным существительным *переход*, которое выступает синонимом к опорному компоненту *превращение*. Механизм фазового превращения связан с явлением *полиморфизма* – способностью металла существовать в разных кристаллических формах, поэтому основным видом фазовых превращений является *полиморфное превращение*. В результате полиморфного превращения в сплаве образуются новые зерна, новые кристаллы, имеющие другой размер и форму, чем исходные. Структура металла в результате полиморфного превращения перекристаллизуется. Осознание этой стороны процесса полиморфного превращения послужило стимулом для возникновения синонима, образованного с помощью суффикса -ациј(я): *перекристаллизация*.

Наименование видов фазовых превращений происходит по структурной модели «П+С», реализующей ряд ономасиологических моделей, различающихся семантикой ономасиологического признака. Последний может указывать на структуру, которая появляется в результате превращения: *аустенитное п., бейнитное п., мартенситное п., перлитное п., эвтектическое п., эвтектоидное п., монотектическое п., перитектическое п.* и др.; характер фазы: *промежуточное п.*; механизм превращения: *бездиффузное п., диффузное п., магнитное п., сдвиговое п.*; температурный фактор: *изотермическое п.*

Фазовые превращения, происходящие в перенасыщенном твердом растворе, получили названия *распада*. В основе мотивации термина лежит процессуальный концепт: однородный состав фазы распадается, разделяется на новые фазы. Видовые признаки составных наименований отражают результат процесса: *двухфазный р., однофазный р., ячеистый р.*; место протекания процесса: *зонный р., локализованный р.*, его механизм: *непрерывный р., прерывистый р., спинодальный р., равномерный р.*

Вариантность наименований обуславливается варьированием атрибутивных компонентов: *полиморфное / аллотропическое превращение, диффузное / нормальное превращение, бездиффузное / безызбирательное превращение, однофазный / непрерывный распад, общий / равномерный распад, прерывистый / ячеистый распад*. В научном дискурсе может наблюдаться замена опорного компонента *превращение* родовым субститутутом *процесс*: *перитектическое превращение – перитектический процесс*.

В результате фазовых превращений, происходящих на основе твердых растворов и промежуточных фаз, в сплавах образуются новые компоненты и структуры, знания о которых представляет микросистема «*Вторичные фазовые структуры*».

Родовые понятия данной микросистемы обозначаются терминами *аллотропическая форма* – строение, получающееся в результате полиморфного превращения, тип кристаллической структуры. Наряду с составным термином используется однословный заимствованный термин *модификация* (фр. *modification* < позднелат. *modificatio* – изменение). В терминосистеме металловедения происходит специализация общеязыкового значения слова (ср.: «*Модификация* – видоизменение предмета или явления» [БТС]), развивается категориальная многозначность (ср.: *полиморфная модификация* – способность металла существовать в различных кристаллических формах [ЛМ, с. 35], *модификации* – различные типы кристаллических структур [АМ,

с. 19)]. В предметном значении термин **модификация** выступает основой для образования составных наименований, атрибутивный компонент которых реализует физический концепт «температура»: *высокотемпературная модификация, низкотемпературная модификация*. Разные аллотропические формы обозначаются буквами греческого алфавита, при этом низкотемпературные модификации обозначают буквой α , а последующие в порядке роста температур – буквами β , γ , δ и т. д.

Для номинации типов структур, образовавшихся в результате фазовых превращений, привлекаются заимствованные термины *эвтектика* (гр. *eutektos* – хорошо плавящийся, < *eu* – хорошо + *tēktos* – оплавленный) – «структура из двух и более фаз, одновременно кристаллизующихся из жидкого сплава» [ЛЮМ, с. 76]; *эвтектоид* (< греч. *eutektos* + *eidos* – подобный) – «двухфазная структура, подобная эвтектике, но отличающаяся от нее тем, что образуется из твердого раствора, а не жидкого сплава»; *перитектика* (< гр. *peri* – вокруг, около, возле + *tēktos* – оплавленный) – «однофазная структура, образовавшаяся в результате взаимодействия жидкой и твердой фазы».

Как справедливо отмечает Л. Бесекирска [1], строй греческого языка оказался хорошей базой для создания терминологических единиц различных наук. И несмотря на то, что в течение многих веков языком ученых Европы была латынь, она служила нередко проводником, прежде всего, греческих терминов, терминоэлементов, словообразовательных моделей и моделей терминологических сочетаний.

Наименования разновидностей отмеченных структур образуются синтаксическим способом по модели «П+С», при этом атрибутивный компонент указывает на форму эвтектики: *пластинчатая эвтектика, скелетная эвтектика, спиральная эвтектика, сферолитная эвтектика*; количество фаз: *двойная эвтектика, тройная эвтектика*; состав: *графитная эвтектика, графитный эвтектоид*.

Большинство однословных наименований разновидностей вторичных фазовых структур образуется по ономаσιологической модели «основа сущ. + -ит»: *аустенит, графит, ледебурит, мартенсит, перлит, сорбит, феррит, троостит, цементит* и др. В составных наименованиях разновидностей этих структур, образованных по модели «П+С», отражаются ономаσιологические признаки:

а) времени образования структуры: *первичный аустенит, цементит; вторичный аустенит, цементит, графит; третичный цементит*;

б) температуры образования: *переохлажденный аустенит, высокотемпературный мартенсит, высокотемпературный бейнит, низкотемпературный бейнит*;

в) формы: *пластинчатый графит, перлит, мартенсит; шаровидный графит, хлопьевидный графит, сотовый ледебурит, гексагональный мартенсит, игольчатый мартенсит, мелкоигольчатый м., крупноигольчатый м., грубоигольчатый м., бесструктурный м.; зернистый перлит, крупнозернистый п., точечный п.* и др.

г) размера зерна: *грубозернистый перлит, мелкозернистый перлит*.

По модели «С+С» образуются наименования, видовой признак которых указывает на разновидность процесса или технологической операции, в результате которых появилась структура: *мартенсит деформации, м. закалки, м. охлаждения, м. отпуска; сорбит отпуска, с. патентирования; троостит отпуска* и др.

Вариантные наименования возникают вследствие варьирования атрибутивного компонента: *компактный / хлопьевидный графит, пакетный / высокотемпературный / массивный / недвойникованный / речный мартенсит; пластинчатый / игольчатый / низкотемпературный мартенсит*. Нетрудно заметить, что синонимичные атрибутивные компоненты отражают различные признаки, характеризующие ту или иную структуру: формы, температуры образования, способа появления.

Подфрейм «**Факторы фазообразования**» (см. схему 2) описывает, во-первых, процессы и явления, характеризующие фазообразование, и во-вторых, элементы, используемые для образования тех или иных фаз в составе сплавов.

К терминам, называющим явления, свойственные фазообразованию, относятся суффиксальное существительное *гомогенизация* и составные наименования *структурная наследственность*, *фазовый наклеп*, *флуктуации концентрации*. Ономаσιологическая структура отглагольного термина *гомогенизация* (< гр. *homogenes* – однородный по составу) отражает основное содержание обозначаемого концепта – «создание однородной структуры в жидких и твердых сплавах», семантика процессуальности в данном случае реализуется с помощью суффикса *-ациј(я)*. Мотивирующей основой термина *структурная наследственность* («образование при нагреве зерен аустенита той же формы, размера и ориентации, что и исходное зерно» [НОМ, с. 193]) является метафорический концепт, передающий сходство по функции: наследственность, свойственная живым существам, экстраполируется на свойства неживых объектов. Видовой признак указывает, что объектом преемственности является структура. В ономаσιологической структуре термина *фазовый наклеп* (повышение плотности дислокаций в новой фазе в ходе фазового превращения [НОМ, с. 216]) мотивированным является только видовой признак, эксплицирующий отношение к фазе, а именно: появление наклепа во время фазового превращения. Сам же термин *наклеп*, образованный способом нулевой суффиксации от глагола *наклепать*, как нам кажется, представляет собой ассоциативное переосмысление металлургического термина *наклеп*, обозначающего «изменение структуры и свойств металлов и сплавов в результате пластической деформации; сопровождается повышением твердости и прочности [ТМС]». Содержание составного термина *флуктуации концентрации* и его варианта *флуктуационные концентрации* образуется суммой физического значения термина *флуктуация* и химического значения термина *концентрация*: «временно возникающие отклонения химического состава сплава в отдельных малых объемах жидкого раствора от его среднего состава» [ЛМ, с. 45] (ср.: *флуктуация* (< лат. *fluctuatio* – колебание), в физике – «случайное отклонение физической величины от ее среднего значения», *концентрация* (лат.), в химии – «отношение числа частиц компонента системы, его количества или массы к объему системы»).

Наименования элементов, влияющих на образование определенных фаз, образуются, как правило, синтаксическим способом по модели «П+С» путем добавления к опорным словам *элемент* и *примесь* видových признаков, указывающих функцию: *леггирующий элемент*, *графитизирующий элемент*, *антиграфитизирующий элемент*; характер примесей: *случайные примеси*, *полезные примеси*, *постоянные примеси* и т. д.

Ряд наименований процессов, влияющих на фазообразование, систематически соотносится с названиями элементов: *графитизация* (процесс образования графита) – *графитизирующий элемент*, *графитизатор* (элемент, способствующий образованию графита), соответственно: *карбидообразование* – *карбидообразующие элементы*, *карбидообразователи*; *нитридообразование* – *нитридообразующие элементы*, *нитридообразователи* и т. д. В первой паре *графитизация* – *графитизатор*, *графитизирующий элемент* процессуальный признак выражен в существительном суффиксом *-ациј(я)*, в составном термине – формой причастия наст. вр. действительного залога, признак предметности – суффиксом *-тор* в однословном термине и существительным *элемент* в составном. Ономаσιологический базис в процессуальном и предметном термине эксплицирует фазу, которая образуется – *графит*. В сложных терминах функцию ономаσιологического признака, реализующего концепт «процесс», выполняют компоненты *-образование* и *-образующий*.

Подфрейм третьего уровня «*Диаграммы фазового состояния*» содержит концептуализированные сведения об аппарате исследования фазовых превращений, полученные как экспериментальным путем, так и с помощью теоретических исследований с применением компьютерной техники.

Фазовое состояние сплавов в металловедении исследуется с помощью *диаграмм состояния*, которые представляют собой графическое изображение фазового состояния сплава и показывают превращения, протекающие в сплавах в зависимости от температуры и концентрации элементов. Поскольку диаграмма состояния показывает устойчивые, равновесные состояния сплава, не изменяющиеся во времени, то ее иногда называют *диаграммой фазового равновесия*.

Само обращение к способу интерпретации знаний с помощью диаграммы предопределяет инвентарь базовых терминов, с помощью которых происходит эта интерпретация. Большинство из них, так же как и термин *диаграмма* (< гр. *diagramma* – изображение, рисунок, чертеж), принадлежат терминосистеме геометрии (*кривая, линия, плоскость, поверхность, сечение, точка*). Помимо общеизвестных терминов геометрии, для обозначения элементов диаграммы используются термины, заимствованные из классических языков для передачи специальных понятий: *нода* (точка, которая показывает состав одной из равновесных фаз), *конода* (линия между двумя нодами), *солидус* (< лат. *solidus* – крепкий, твердый; точки, показывающие температуру окончания процесса кристаллизации сплава), *ликвидус* (< лат. *liqua* – жидкость; точки, показывающие температуру начала кристаллизации сплава).

Еще одним широко употребительным базовым элементом микросистемы является слово *правило*, применяемое в своем прямом значении «положение, выражающее определенную закономерность».

На базе отмеченных языковых единиц образуются многочисленные составные термины, выражающие конкретно-научные понятия анализируемой микросистемы. Преобладающее число составных терминов образуется по моделям «С+С» или «С+ПС»: *кривая ликвидуса, поверхность ликвидуса, кривая солидуса, поверхность солидуса, диаграмма изотермического превращения, линия предельной растворимости, линия перитектического превращения, правило отрезков, правило фаз, правило концентраций, правило натянутой нити* и др.

Наименования диаграмм могут включать от 3 до 7–8 компонентов, репрезентирующих видовые признаки изображаемого состояния: *фазовая диаграмма состояния железо – цементит, диаграмма состояния при неограниченной растворимости компонентов, диаграмма состояния тройной системы с трехфазным перитектическим равновесием* и др.

Основным элементом диаграмм, отражающих состояние тройных сплавов, является сечение, разновидности которого обозначаются составными терминами *вертикальное сечение, изотермическое сечение, псевдобинарное сечение, специальное сечение* и др.

Категория величин, привлекаемых при описании диаграмм состояния, в основном, репрезентируется составными терминами с опорными компонентами *интервал* и *температура*, реализующими физический концепт «температура». В составных наименованиях с опорным общенаучным термином *интервал* этот концепт представлен атрибутивным компонентом: *температурный интервал превращения, температурный интервал равновесной кристаллизации, температурный интервал существования фазы*.

Ономасиологические признаки разноструктурных терминов с опорным компонентом *температура* указывают на начало или конец фазового превращения: *температура ликвидуса, температура солидуса, температура начала мартенситного превращения, температура плавления, температура фазового перехода, температура конца мартенситного превращения*; или же на компонент, который образуется при данной температуре: *эвтектическая температура, эвтектоидная температура*. Температура, при которой начинается или полностью прекращается изменение строения, получила название *критической температуры*, или *критической точки*.

Наименования разновидностей критических точек, как правило, содержат патронимический компонент, указывающий на ученого, установившего данную величину: *точка Кюри*, *точка Нееля* (соответствуют магнитному превращению), *точка Курнакова* (температура, при которой твердый раствор полностью разупорядочивается) и др.

Таким образом, общий фрейм «Структура литых металлов» репрезентирован терминами, образованными семантическим, морфологическим и синтаксическим способами. Определенную роль в развитии номинативного фонда терминосистемы играют заимствования. Вариантность наименований в исследуемой микросистеме обусловлена, в основном, использованием наряду со своеязычными и заимствованными терминами или терминологическими элементами. Осуществленный концептуально-дискурсивный анализ подфрейма «Структура литых металлов» позволяет сделать выводы о том, что в терминах проанализированной микросистемы находят преимущественное выражение пространственные и физические концепты, что вполне закономерно обуславливается приемами и принципами изучения анализируемой концептуальной области. В то же время сама структура литых металлов и многие ее элементы, недоступные восприятию невооруженным взглядом, довольно часто репрезентируются в метаязыке металловедения с помощью метафорических и метонимических концептов.

Библиографические ссылки

1. **Бесекирска Л.** Интернациональная лексика в медицинской терминологии (на материале русского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Л. Бесекирска. – М., 1997. – 34 с.
2. **Олещенко Ю. Р.** Концептуально-дискурсивный анализ фрейма «Кристаллическое строение металлов» / Ю. Р. Олещенко // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Мовознавство. – Вип. 15, т. 2. – 2009. – С. 103–113.

Список сокращений

- АМ – Материаловедение : учеб. для вузов / под общ. ред. Б. Н. Арзамасова, Г. Г. Мухина. – 3-е изд., стереотип. – М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2002. – 648 с.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
- ЛМ – Лахтин Ю. М. Материаловедение : учеб. / Ю. М. Лахтин, В. П. Леонтьева. – 3 изд., перераб. и доп. – М. : Машиностроение, 1990. – 528 с.
- ЛОМ – Лахтин Ю. М. Основы металловедения / Ю. М. Лахтин. – М. : Металлургия, 1988. – 320 с.
- НОМ – Научные основы материаловедения / под ред. Б. Н. Арзамасова. – М. : Изд-во МГТУ им. Н. Баумана, 1994. – 366 с.
- ТМС – Толковый металлургический словарь. Основные термины / под ред. В. И. Куманина. – М. : Металлургия, 1989. – 446 с.

Надійшла до редколегії 10.02.10

УДК 811.161.1'373.46

И. В. Острецова

Днепропетровская национальная металлургическая академия Украины

ВОЗМОЖНОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОГО И КОГНИТИВНОГО ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ В СПЕЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Розглянуто та критично проаналізовано сучасні наукові підходи до дослідження описових предикатів (ОП). Обґрунтовано можливість реалізації когнітивного підходу до вивчення ОП під час аналізу семантики ОП з точки зору пропозиційного формату знань і під час інтерпретації описових предикатів як концептуальних гібридів.

Ключові слова: описовий предикат, функціонально-комунікативний підхід, когнітивний (когнітивно-дискурсивний) підхід, пропозиційна структура, гібридна сутність девербативів.

Рассмотрены и критически проанализированы современные научные подходы к исследованию описательных предикатов (ОП). Обоснована возможность реализации когнитивного подхода к изучению ОП в ходе анализа семантики ОП под углом пропозиционального формата знаний и при интерпретации описательных предикатов как концептуальных гибридов.

Ключевые слова: описательный предикат, функционально-коммуникативный подход, когнитивный (когнитивно-дискурсивный) подход, пропозициональная структура, гибридная природа девербативов.

Modern scientific approaches to research of descriptive predicates (DP) are considered and critically analyzed. Realisation possibility of the cognitive approach to studying during the analysis of DP semantic in line with the propositional format of knowledge and at interpretation of DP as conceptual hybrids is proved.

Keywords: descriptive predicates, the functional-communicative approach, the cognitive (cognitive-discursive) approach, propositional structure, hybrid nature of nominal components.

Глагольные описательные единицы с общим значением процессуальности относятся в русском языке к области «нечетких структур» и переходных явлений, анализ которых принадлежит к наиболее перспективным направлениям современного языкознания [8, с. 2]. Повышенное внимание ученых к подобным структурам обусловлено их семантической усложненностью, разнообразием выполняемых в языке функций и сравнительно высокой частотностью употребления в разных функциональных разновидностях русского и других языков. Несмотря на то, что описательные глагольные обороты являются традиционным объектом лингвистики, в последнее время интерес к ним возрождается благодаря появлению новых объектов исследования, новых подходов к изучению языка и речи, новых целей и аспектов лингвистических исследований.

В связи с отмеченным в настоящей статье предпринимается попытка на основе критического осмысления имеющихся научных разработок осветить возможности современных научных подходов, в частности функционально-коммуникативного и когнитивного, к изучению подобных языковых структур. Исследование выполнялось на материале специальных текстов производственно-технического (металлургия), естественнонаучного (медицина) и гуманитарного (право) профилей.

Отметим прежде всего, что до недавнего времени к разряду глагольных описательных выражений традиционно относились глагольно-именные словосочетания непредикативного характера, соотносимые с однословными коррелятами (типа *осуществлять прокатку* = *прокатывать*, *производить зондирование* = *зондировать*, *проводить досмотр (груза)* = *досматривать (груз)*), которые именовались в лингвистической литературе по-разному: лексикализованные сочетания (С. И. Ожегов),

глагольно-именные фразеологические обороты (В. А. Козьменко), глагольно-именные сочетания (В. М. Дерibas, Е. М. Вольф, Э. И. Ефремова, В. В. Розанова), описательные глагольно-именные обороты (П. А. Лекант, Е. Н. Лагузова, Л. Н. Касьянова), глагольно-описательные выражения (А. П. Мордвилко) и т. д. (см. об этом: [21]). Со временем ученые пришли к выводу о том, что подобные единицы не исчерпывают всего состава описательных выражений, поскольку многие из последних имеют структурную модель предложения, например: *идет ремонт, проходит рекристаллизация, происходит внесение (налога), происходит изменение (функций почек)* и т. д. С учетом последнего описательные выражения получили название **описательных предикатов**. Современный этап изучения описательных предикатов связан с работами М. В. Всеволодовой [4; 5], Р. Канзы [11] и их последователей. В частности, в исследовании Р. Канзы последовательно проводится разграничение ОП по структурному принципу: **ОП-1**, строящиеся по образцу непредикативной конструкции-словосочетания: *производить посадку, подвергать тело давлению* (примеры наши. – И. О.), и **ОП-2**, строящиеся по образцу предикативной конструкции: *происходит излучение, распад, рассеяние*.

Как мы уже отметили, современный этап изучения описательных предикатов требует применения новых данных и новых методов исследования, к которым в первую очередь относятся функционально-коммуникативный и когнитивный, а точнее – когнитивно-дискурсивный. Перейдем к освещению возможностей заявленных подходов.

Обоснованием функционально-коммуникативного подхода к языковым явлениям стали теория коммуникативной грамматики, разрабатываемая в русистике Г. А. Золотовой и ее синтаксической школой, и теория функционально-коммуникативного синтаксиса, основоположником которой является М. В. Всеволодова и ее ученики. Обращение к ним помогает понять цели, мотивы и задачи, определяющие употребление языковых единиц, и в частности ОП, в коммуникативных актах, изучить соответствующие когнитивные структуры.

В рамках школ коммуникативной грамматики получил свое продолжение принцип разграничения «логического и грамматического» в предложении. Мотив такого разграничения не раз выдвигался в истории лингвистической мысли [1, с. 126; 25 и др.]. Наиболее точно этот принцип представлен в работах Т. П. Ломтева, который четко разграничивал «грамматическое и логическое» в предложении и считал, что «граница между грамматическим и логическим проходит по линии неодинакового количества членов предложения и членов выражаемого им суждения» [17, с. 9]. По Т. П. Ломтеву, компонентами означаемого предложения являются:

а) события, ситуация или просто явления объективной действительности, которые являются денотатами предложения;

б) информация о событиях, ситуациях или явлениях объективной действительности, которая представляет собой интеллектуальное отражение денотата предложения.

Согласно Т. П. Ломтеву, предикат – это «способ задать некоторое информационное содержание». Информация может быть представлена говорящим (пишущим) различными способами (в том числе – при помощи описательных и однословных предикатов). В работе «Предложение и его грамматические категории» ученый пишет: «Одно объективное событие может отображаться в двух разных предикатах, которые представляют собой его разные интеллектуальные модели» [17, с. 36; см. также: 18, с. 203]. Одно и то же событие (один и тот же денотат) может моделироваться в разных формах, ср.: *Студенты помогли строителям* и *Студенты оказали помощь строителям*.

Таким образом, в общей семантике представления исходного события, ситуации, явления объективной действительности имеются различия, заключающиеся в

разных способах мыслить события, ситуации, явления. Рассуждая о различных способах представления информации, Т. П. Ломтев писал, что «из двух предложений, обозначающих один денотат, но различающихся по числу мест в предикате, большими выразительными возможностями относительно денотата обладает то, которое в составе предиката имеет больше мест» [17, с. 36], отмечая, вслед за Ф. И. Буслаевым и А. А. Потебней, что у конструкций с описательными предикатами богаче синтаксический потенциал.

Дополнительным инструментом в изучении синтаксической системы языка и, в частности, явления ОП, послужило применение к предложению парадигматического анализа. Сквозь призму парадигматики более стройно видится системность языка, и сегодня, как пишет Т. В. Шмелёва, «парадигма завоевала все языковые уровни» [29, с. 47]. За этим стоит стремление лингвистов к выравниванию понятийного аппарата и фундаментальное свойство языковой системы – изоморфизм уровней языка.

Концепция коммуникативной парадигмы разрабатывается М. В. Всеволодовой и её учениками. Так, в монографии М. В. Всеволодовой и О. Ю. Дементьевой [6] даётся изложение основных концепций парадигмы в синтаксисе, анализируются идеи, развивающие теорию синтаксической парадигмы и даётся определение коммуникативной парадигмы, которая понимается как «совокупность объединённых общностью отражаемой ситуации предложений, каждое из которых служит решению определённой коммуникативной задачи». Авторы отмечают, что «коммуникативная парадигма представляет собой совокупность определённым образом упорядоченных способов номинации отражаемого события» [6]. В коммуникативную парадигму, согласно ученым, входят, в частности, предложения, построенные по модели $N - V - N$ с типовым значением «субъект и его действие» и «субъект и его состояние», в которых действие или состояние представлено ОП. В таких предложениях выявляется смысловое отношение между именами субъекта и действия и вводится показатель смыслового отношения – глагол-экспликатор. Предложения с ОП и предложения с однословным предикатом включены в коммуникативную парадигму на том основании, что «представляют собой совокупность определённым образом упорядоченных способов номинации отражаемого события» [6, с. 57].

Данная концепция коммуникативной парадигмы позволяет рассматривать на единых основаниях как предложения, различающиеся порядком слов и интонацией, так и предложения, различающиеся по синтаксической модели, по линии соотношения компонентов денотативной и семантической структуры, по линии представления компонентов денотативной структуры разными частями речи и членами предложения.

Подход к изучению описательных предикатов, обозначенный нами как функционально-коммуникативный, тесно смыкается с когнитивным и, по сути дела, может быть интерпретирован как одна из возможностей осмысления языковых явлений в рамках когнитивной парадигмы.

Когнитивная лингвистика (или когнитивная семантика) в наши дни прочно завоевала позиции в современном языкознании, став одной из наиболее актуальных научных парадигм, методы которой успешно применяются к изучению единиц различных языковых уровней. Когнитивная семантика рассматривает влияние когнитивных (познавательных) способностей человека на языковое значение. В центре внимания ученых оказался комплекс вопросов, касающихся компонентов языковой действительности, к которым отнесены категории мышления, фонд общих знаний и представлений о мире, «житейская логика», психологические механизмы.

Лингвистический анализ множества форм выражения того или иного понятия позволяет вычленить то обобщенное содержание, которое дает возможность осознать понятие как концепт. Подобный анализ называется *концептуальным* и предполагает следующие этапы, в ходе которых устанавливается: 1) как определяется понятие в

том или ином контексте; 2) что есть в онтологии, обуславливающее возможность такого его понимания; 3) что следует из подобного способа определения понятия (какое словоупотребление, языковые свойства представляющей его языковой единицы) [19, с. 18]. В отличие от семантического анализа, направленного «на экспликацию семантической структуры слова, уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и коннотативных значений, ... концептуальный анализ предстает как поиск тех общих компонентов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры» [13, с. 88].

Анализ различных подходов к пониманию концептов как единиц мышления позволяет ученым сделать вывод, что когнитивный подход базируется на положении о том, что языковые средства в конечном итоге являются отражением когнитивных структур, а «квантование» мира идей и вещей средствами языка происходит на уровне концептов [24, с. 63]. На наш взгляд, это является принципиально важным обстоятельством, которое позволяет в определенной степени реконструировать концепт через его языковое выражение. Мыслительные способности человека выделять в действительности признаки разных объектов, создавать их целостный образ, структурировать поток информации, воспринимаемой в виде различных стимулов, несомненно, обуславливают необходимость рассмотрения этих процессов с точки зрения когнитивной семантики. И прежде всего необходимо выяснить, каким образом языковые структуры отражают знания человека об окружающем мире, какими смыслами оперирует человек в процессе мышления.

Как нам представляется, в рамках настоящего исследования когнитивный подход к изучению описательных предикатов может быть реализован в двух основных направлениях: 1) в ходе анализа семантики, выражаемой ОП, под углом пропозиционального формата знаний (подпункт 2.1); и 2) в ходе интерпретации описательных предикатов как концептуальных гибридов (подпункт 2.2). Изложим наши соображения более подробно.

Следует отметить, что во всех этих случаях концептуальный анализ сочетается с дискурсивным и функционально-коммуникативным подходами, поскольку, как мы уже отмечали, языковая природа ОП и их особенности могут быть выявлены только в реальных контекстах. Данный подход с полным основанием может быть классифицирован как *когнитивно-дискурсивный* (или когнитивно-коммуникативный). Теоретические основания такого подхода разработаны Е. С. Кубряковой и ее школой. Суть когнитивно-дискурсивной парадигмы, по определению ее автора, заключается в том, что «в ней не просто признаются двумя главными функциями языка коммуникативная и когнитивная, но и преследуется цель изучать эти функции в постоянном взаимодействии и согласовании друг с другом» [14, с. 519]. При исследовании научного текста, – отмечает Т. В. Дроздова, – когнитивная составляющая указанной парадигмы позволяет «проанализировать типы знаний / информации, вербализуемые в научном тексте, и стоящие за ними ментальные единицы и структуры, в то время как дискурсивная составляющая позволяет выявить способы представления информации адресату...» [9, с. 18].

Изложим основные положения, составляющие теоретический фундамент отмеченных выше направлений изучения описательных предикатов, в ракурсе отмеченного подхода.

2.1. Как известно, в основе концептуальной системы человека лежат такие базовые концепты, как «предмет», «действие», «признак», «количество», «процесс» и др., находящие отражение в системе частей речи. Е. С. Кубрякова пишет: «Части речи как бы прокладывают своим концептуальным содержанием некие русла, по которым течет мощный поток человеческой мысли» [13, с. 5]. По общепризнанному мнению когнитологов, язык не просто отражает мир, но и «создает новые ментальные

пространства» [там же, с. 4]. Особую роль в конструировании ментальных пространств играет концепт «процесс», репрезентируемый глаголами и описательными предикатами. При этом появление последних осознается как неизбежный результат отражения когнитивного знания, так как «глагол не справляется морфологически с естественными потребностями обозначить весь существенный для человека его внутренний мир», вследствие чего непосредственно ненаблюдаемую деятельность ума или души «языковое сознание стремится запечатлеть как своего рода константы, опредмечивая глагол или прилагательное» [27, с. 143].

В рамках концепции вербоцентрической организации предложения Л. Теньера [28], активно развивающейся в современной лингвистике, глагол рассматривается как потенциальная синтагма. По мнению сторонников этой концепции, в значении глагола имплицитно присутствуют предметные имена. Так, Е. С. Кубрякова пишет: «В значении глагола явно прослеживаются следы предметности, следы связанности данного движения или действия, процесса или состояния с объектами определенных типов» [13, с. 283]. Следовательно, значение глагола невозможно рассматривать в отрыве от участников события. Это позволяет ученым говорить о том, что значение глагола фиксирует пропозициональные форматы знания, которые реализуются в определенных языковых единицах, и в первую очередь – в высказываниях.

Вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, мы признаем различие высказываний как конкретных лексически определенных предложений, обладающих позиционной схемой, и предложений (точнее, структурных схем простого предложения) как типовых последовательностей словоформ, используемых для обозначения субъекта и предиката мысли [23].

Высказывания содержит в себе позиционную схему, о которой идет речь, – пропозицию. Пропозиция, согласно З. Д. Поповой, состоит из отдельных компонентов смысла – актантов и ситуантов – и отношений между ними. З. Д. Попова подчеркивает, что в пропозиции нет ни главных, ни второстепенных членов предложения, нет никакой формальной структуры. Это, – пишет автор, – «чисто смысловой концептуальный набор компонентов, который говорящий стремится вербализовать (действие, инструмент, объект действия, время, место действия и т. п.)» [23, с. 51].

В когнитивной семантике пропозиция рассматривается как способ хранения и репрезентации знаний, как ментальная структура, которая формирует каркас будущего предложения. Ученые отмечают, что пропозициональные форматы знания могут фиксироваться не только предложениями, но и другими языковыми структурами. В частности, в лекции, прочитанной слушателям Международной летней школы «Новые типы словарей и их роль в сохранении национального языка и культуры» (Екатеринбург, 2000), Е. С. Кубрякова привела следующие примеры свертывания пропозиции: 1) *человек пашет землю* – пропозиция репрезентирована предикативной конструкцией; 2) *пашущий человек* – пропозиция репрезентирована словосочетанием, то есть непредикативной конструкцией; 3) *землепашец* – пропозиция репрезентирована композитом (сложным словом); 4) *пахарь* (человек, который пашет землю) – пропозиция репрезентирована производным словом (цит. по: [22, с. 28]). Как видим, пропозиция может репрезентироваться как эксплицитными способами (предложением), так и имплицитными (в свернутом виде присутствовать в единицах с композиционной семантикой, то есть в производных словах).

А. М. Плотникова подчеркивает, что в значении глагола в свернутом виде содержится указание на участников ситуации [22, с. 28]. В свою очередь, это позволяет ученым определять глагол как «узел когнитивный», поскольку глаголы, «реализуя свои валентные свойства, активизируют в голове коммуникантов когнитивные о познанных ими взаимосвязях между объектами внеязыковой действительности, то есть задают параметры соответствующего кадра внеязыковой действительности» [7, с. 20].

Важное значение для понимания когнитивной природы описательных предикатов и соотношения их с однословными коррелятами имеет замечание Т. В. Шмелёвой о том, что номинация «в одних случаях ... полностью вмонтирована в лексическую семантику предиката и в синтаксисе остаётся прямо не раскрытой; в других, напротив, она оказывается синтаксически прозрачной, и это даёт ей определённые препозитивные преимущества или маркирует её стилистически» [29, с. 46]. «Пропозиция, – как справедливо полагает исследователь, – может быть обозначена не только предикатом, но и препозитивным именем (*лов, выплавка, сбор*)». Соответственно, предложения *Завод выплавляет чугуна* и *Завод производит выплавку чугуна* Т. В. Шмелёва рассматривает как разные номинативные репрезентации одной пропозиции. Об этом же пишут З. Д. Попова и И. А. Стернин, которые отмечают, что одна и та же пропозиция может быть в плане выражения передана разными способами. «Пропозиция существует в совокупности всех способов своего выражения, во множестве конкретных высказываний», – подчеркивают исследователи [23, с. 52].

При этом способ представления (структурирования) информации диктуется коммуникативными потребностями говорящего / пишущего, а также стилистическими особенностями контекста [29].

Уместно в данном случае будет еще раз вернуться к концепции информативности высказываний, предложенной Т. П. Ломтевым и частично освещенной нами выше. Анализируя семантику предложения, Т. П. Ломтев отмечает, что содержание – это структура с такими элементами, как: 1) денотат; 2) информация о денотате, которая является его интеллектуальным отражением; 3) структура этой информации. Согласно ученому, причина, по которой одному онтологическому содержанию соответствуют разные планы выражения, состоит в том, что структура предложения может отражать разные звенья содержательной его стороны – то структуру события (*Завод выплавляет чугуна*), то информацию о событии (*Чугуна выплавляется заводом*), то структуру этой информации (*Завод выплавляет чугуна* и *Завод производит выплавку чугуна*) [17]. Т. В. Шмелёва подчеркивает, что «различия семантических структур в звене ‘информация’ и в звене ‘структура информации’ имеют принципиально разный характер. ... В первом случае различия касаются языкового освещения события, во втором – выбора для него способа называния, оформления в предложении» [29, с. 44]. Для обозначения рассматриваемых различий, считает исследователь, можно говорить «в первом случае о разных пропозициях, во втором же – о разных номинативных репрезентациях пропозиций» [там же].

Таким образом, в лексических значениях глаголов и соотносимых с ними описательных предикатов, являющихся репрезентантами обобщенного процессуального концепта, фиксируются пропозициональные форматы знаний, которые могут различаться способами выражения и актантажной структурой.

2.2. Обоснованное выше положение о том, что одна и та же пропозиция и одно и то же концептуальное содержание могут быть выражены как глаголом, так и описательным предикатом, тем не менее не позволяет поставить абсолютный знак равенства между значением описательного предиката и значением его односложного коррелята.

В состав ОП, помимо глагольных компонентов, входят и отглагольные имена, обозначающие действия, так называемые *nomina actionis*, поэтому осознание как сходства, так и различия в семантических, морфологических и синтаксических свойствах глаголов и соотносительных с ними ОП необходимо начинать с сопоставительного анализа глаголов и их deverбатов.

На наш взгляд, плодотворный подход к восприятию этих единиц заложен в работах Е. С. Кузьминой [15], развивающей мысли В. В. Виноградова, Г. О. Винокура,

Э. Сепира, В. Матезиуса и др. ученых, и О. К. Ирисхановой [10], рассматривающей интересующую нас проблему в когнитивном ключе.

Наиболее существенной спецификой имен действия, отмечаемой многими учеными, является «их двойственная, гибридная грамматическая природа, полуглагольная, полупредметная» [15, с. 25]. На них, как и на полнозначных глаголах, лежит печать как существительных, так и глаголов. С одной стороны, у этой группы есть все морфологические признаки субстантива. *Nomina actionis* в составе ОП имеют категорию рода, изменяются по падежам и числам. На синтаксическом уровне имена действия, подобно существительным, выступают в предложении в качестве подлежащего и дополнения, обладают способностью распространяться согласующимися и не согласующимися с ними словами (ср.: *осуществить горячее цинкование, провести исследование костного мозга*). Однако при всем внешнем морфологическом и синтаксическом сходстве с субстантивами имена действия отличаются от них в главном: они имеют отличное от категории существительных общелексическое значение. *Nomina actionis* вербализуют концепт «действие» (шире – «процесс»). Обозначая действие, они, по образному выражению Э. Сепира, «говорят голосом предмета» [26, с. 92]. Сама же их предметность, как отмечает Е. С. Кузьмина, доступна только лингвистической рефлексии [15, с. 25].

Nomina actionis вступают в синтаксические связи по глагольному образцу, чаще всего сохраняя способность управлять теми же падежными формами субстантивов (ср.: *влиять на ускорение – влияние на ускорение*) [15, с. 26]. По мнению исследователя, имена действия сохраняют даже такое синтаксическое свойство глагола, как переходность, то есть способность глагола переносить свое активно протекающее действие на прямой объект, хотя в этом случае эта способность выступает в иной форме, чем у глаголов.

К отмеченным синтаксическим глагольным свойствам *Nomina actionis* следует добавить еще одно, своеобразное и характерное только для них, – это способность присоединять к себе модифицированное подлежащее в форме родительного падежа, называемого в таких случаях родительным субъекта. Родительный субъекта, по мнению Е. С. Кузьминой, оказался возможным только благодаря гибридной природе этих существительных, так как образование словосочетаний с беспредложным родительным падежом – свойство всех существительных, а связь с субъектом – чисто глагольная функциональная особенность [15, с. 27]. Для сравнения в работе приводятся следующие примеры:

<i>осадок выпадает</i>	–	<i>выпадение осадка,</i>
<i>тело падает</i>	–	<i>падение тела,</i>
<i>температура повышается</i>	–	<i>повышение температуры.</i>

Однако исследователь отмечает, что граница между родительным объекта (*измерять длину – измерение длины*) и родительным субъекта (*тело движется – движение тела*) «в научном языке довольно зыбка, “смазана” и не всегда проводима: *измерение длины* трансформируется в словосочетание *измерять длину* и в предложение *длина измеряется*» [15, с. 27]. К этому ряду вполне уместно добавить и трансформации, включающие описательные предикаты: *проводить (осуществлять, производить) измерение длины – измерение длины проводится (осуществляется, производится)*.

При синтаксической близости к глаголу *nomina actionis* совсем лишены его морфологических свойств: у них отсутствуют категории вида, залога, наклонения, времени. «Субстантивация действия, его “опредмечивание” парализует грамматические свойства глагола», – отмечает В. В. Виноградов [3, с. 105].

В девербативе выражение конкретного действия с глагольными признаками времени, вида, залога, наклонения утрачивается и заменяется отвлеченным понятием

о действии. При этом основное отличие девербатива от глагола, по мнению Р. З. Мурясова, состоит в том, что трансформированный номен – это имя по совокупности прагматических характеристик и синтаксическим функциям и глагол по характеру выражаемого им значения. Это имена-“хамелеоны”, одновременно выражающие и абстрактную предметность, и процессуальность» [20, с. 41]. В работах Е. С. Кубряковой, Р. З. Мурясова и других ученых убедительно показано, что хотя имена действия образуются путем транспозиции (т. е. путем «перевода слова из одной части речи в другую или его употребление в функции другой части речи» [16, с. 519]), в семантическом плане «нельзя рассматривать глагольное имя как простой “слепок” глагола» [12, с. 74]. По мнению Е. С. Кубряковой, разделяемому и нами, даже классические синтаксические дериваты «не вполне укладываются в схему изменения одного только лексического значения. ... К семантическим сдвигам могут привести любые процессы словообразования, ибо по сути своей они и созданы для возникновения новых названий, имен с отличными от уже имеющихся денотатами и сигнификатами, а следовательно, со своим собственным объемом значения» [12, с. 80].

Исходя из отмеченного, вряд ли можно согласиться с Е. С. Кузьминой, которая считает, что эквивалентами глаголов в их прямом значении выступают глагольно-именные конструкции, соотносимые с глаголами по образованию и по смыслу: *гореть – происходит горение, выделять – происходит выделение, кипеть – происходит кипение* [15, с. 33]. Очевидно, что *nomina actionis*, входящие в состав описательных предикатов, в силу своей гибридной природы обозначают не «чистые» действия, а воспринятые предметно целые ситуации или отдельные акты, и это обстоятельство распространяется на весь оборот в целом. И, безусловно, глагольный компонент *pro-исходиться* в данном случае тоже не является полностью семантически опустошенным: в нем достаточно отчетливо сохраняется семантика эволютивного действия, отражающего самопроизвольный процесс, развитие [2, с. 122].

Когнитивные теории образования девербативов стали предметом специального анализа в трудах Е. С. Кубряковой [12; 13; 14], поэтому ограничимся кратким изложением основных положений, представленных в работе О. К. Ирисхановой, которые могут быть спроецированы и на изучение описательных предикатов.

Исследователь прежде всего отмечает, что с точки зрения когнитивной грамматики номинативные пары типа *explode/explosion (взрывать/взрыв)* не являются семантически идентичными: «при сходстве концептуального содержания различны пути его конструирования», из чего вытекает вывод о том, что суть языкового творчества «состоит в поиске или создании языковых единиц, выражающих качественно новые пути концептуализации объекта» [10, с. 114], в способности человека конструировать ситуацию альтернативными способами.

Отглагольное имя, наследуя концептуальную базу глагола, отличается от последнего тем, что профилирует определенную область данной базы. Подобный подход «привязывает» семантику девербатива к концептуальному содержанию глагола, сводя различие между ними к смещению фокуса на тот или иной элемент концептуальной структуры. Вместе с тем О. К. Ирисханова отмечает, что само появление в языке существительных, образованных от глаголов, а также появление описательных предикатов (уточнение наше. – *И. О.*), вызвано необходимостью создания новых языковых единиц с собственными уникальными когнитивными свойствами, которые обнаруживают себя не только на уровне концептуальной организации их значения, но и в особенности их поведения в дискурсе [10, с. 117]. Последнее представляется нам особенно важным и для изучения ОП.

Значимым для обоснования особой семантики девербативов является предложенное О. К. Ирисхановой понятие концептуальной гибридизации, под которой понимается «совмещение в одной лексической единице разных способов концептуали-

заци референта (глагольного и именного)», происходящее «в результате межкатегориального перехода “глагол → имя существительное”» [10, с. 58]. Важно, что, разрабатывая свою концепцию, автор не останавливается на простой констатации гибридной природы девербативов, как это делают Е. С. Кузьмина и Р. З. Мурясов (см. выше. – И. О.), но, применяя аппарат когнитивной семантики, добротнo его обосновывает.

О. К. Ирисханова исходит из современного понимания гибридизации как процессов скрещивания не только разнородных в наследственном отношении биологических организмов, но и «любых сущностей (конкретных или абстрактных), чье непосредственное взаимодействие в определенных условиях возможно и продуктивно, а значит, приводит к возникновению объектов с качественно новыми свойствами, способных отвечать определенным целям и выполнять определенные задачи» [10, с. 132]. Применение теории гибридизации к языковым процессам, и в частности к появлению отглагольных имен, позволяет, по мнению автора, рассматривать девербативы (а по нашему мнению, и описательные предикаты) как языковые единицы, призванные решать проблему приспособления речевого общения к меняющимся условиям коммуникации, в ходе которой разрешается вечное противоречие между конвенциональностью имеющихся языковых средств и постоянной потребностью коммуникантов к взаимной когнитивной настройке. «Будучи единицами конвенциональными и в то же самое время обладая преимуществом выхода в несколько категориальных областей, номинализации-гибриды представляют говорящим достаточно широкий “коридор” для совместной ориентации в дискурсе» [10, с. 139]. Отметим, что в реальном дискурсе такая ориентация зачастую происходит именно при вхождении девербатива в состав описательного предиката, что позволяет распространить понятие концептуальной гибридности и на ОП в целом.

Применительно к отглагольным именам гибридизация рассматривается как процесс концептуальной интеграции, при которой происходит совмещение различных путей концептуализации какого-либо фрагмента действительности. «В отглагольном имени частично повторяются разные участки широкой референтной базы, к которой восходит мотивирующий глагол», так, что обе эти единицы оказываются способными нетождественным образом отражать сходное концептуальное содержание. В определенном смысле о новом производном имени можно сказать, что в нем совмещаются глагольный и именной способ представления этого концептуального содержания» [10, с. 142]. При этом глагольный путь обеспечивает концептуализацию референтной ситуации не только через такие процессуальные концепты, как действие/состояние/изменение, но и такие, как агенс, пациенс, партиципранты, цель, результат/продукт, причина, способ, инструмент и др. Именной способ оставляет открытыми для номинализации следующие «предметные» характеристики: целостность восприятия, протяженность в пространстве, наличие границ, стабильность во времени, тождество самому себе [13].

Изложенные выше положения, характеризующие особенности девербативов, по нашему мнению, позволяют во многом понять и интерпретировать специфику описательных предикатов.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие *выводы*: 1) на современном этапе ОП рассматриваются как коммуникативный механизм, оптимально обеспечивающий говорящему (пишущему) решение коммуникативных задач, плодотворно изучаются в функционально-коммуникативном и когнитивном подходах; 2) когнитивную природу ОП позволяет раскрыть изучение особенностей пропозициональной структуры высказываний с ОП. Актантная структура пропозиций, реализуемая в предложениях с описательными предикатами, представляет собой самостоятельный предмет изучения и может составить перспективу дальнейших исследований; 3) на дальнейшее изучение ОП может быть спроецирована и когнитивная теория

образования девербативов, позволяющая трактовать ОП как гибридные языковые единицы, совмещающие глагольный и именной способ представления концептуального содержания.

Библиографические ссылки

1. **Буслаев Ф. И.** Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 623 с.
2. **Васильева А. Н.** Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи / А. Н. Васильева. – М. : Рус. язык, 1976. – 188 с.
3. **Виноградов В. В.** Русский язык (грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г. А. Золотова. – [3-е изд., испр.] / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
4. **Всеволодова М. В.** Описательные предикаты и их соотносительность с денотативной структурой предложения / М. В. Всеволодова // Слово. Грамматика. Речь. – М., 2001. – Вып. III. – С. 24–31.
5. **Всеволодова М. В.** Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы / М. В. Всеволодова, В. А. Кузьменкова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2003. – № 5. – С. 7–29.
6. **Всеволодова М. В.** Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума) / М. В. Всеволодова, О. Ю. Дементьева. – М. : КРОН-ПРЕСС, 1997. – 176 с.
7. **Гришаева Л. И.** Глагол как узел когнитивной / Л. И. Гришаева // Филология и культура : II Междунар. конф. 12–14 мая 1999 г. : тезисы докл. : в 3-х ч. / [отв. ред. Н. Н. Болдырев]. – Тамбов, 1999. – С. 19–21.
8. **Дидковская В. Г.** Системно-функциональное описание фразеологических сочетаний современного русского языка (на материале глагольно-именных словосочетаний) : автореф. дис. ... доктора филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / В. Г. Дидковская. – СПб, 2000. – 38 с.
9. **Дроздова Т. В.** Проблемы понимания научного текста (англоязычные экономические тексты) : монография / Т. В. Дроздова. – Астрахань: Изд-во АГТУ, 2003. – 224 с.
10. **Ирисханова О. К.** О лингвокреативной деятельности человека : отглагольные имена / О. К. Ирисханова. – М. : Изд-во ВТИИ, 2004. – 352 с.
11. **Канза Р.** Описательный способ выражения семантического предиката в современном русском языке (предикат со значением состояния человека) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Р. Канза. – М., 1991. – 20 с.
12. **Кубрякова Е. С.** Части речи в ономазиологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с.
13. **Кубрякова Е. С.** Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1997. – 327 с.
14. **Кубрякова Е. С.** Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
15. **Кузьмина Е. С.** Синтагматика научного текста / Е. С. Кузьмина. – М. : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1986. – 120 с.
16. **Лингвистический энциклопедический словарь** / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
17. **Ломтев Т. П.** Предложение и его грамматические категории / Т. П. Ломтев. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – 200 с.
18. **Ломтев Т. П.** Структура предложения и состав предикатных предметов / Т. П. Ломтев // Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание / Т. П. Ломтев. – М. : Изд-во МГУ, 1976. – С. 201–207.
19. **Макович Г. В.** Описательные предикаты со значением конкретного действия, поведения, когнитивно-познавательной и речевой деятельности в современном русском языке / Г. В. Макович. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1995. – 148 с.

20. **Мурясов Р. З.** Словообразование и теория номинализации / Р. З. Мурясов // Вопросы языкознания. – 1989. – № 2. – С. 39–58.
21. **Мухин А. М.** Валентность и сочетаемость глаголов / А. М. Мухин / Вопросы языкознания. – 1987. – № 6. – С. 52–64.
22. **Острецова И. В.** Место глагольно-именных сочетаний в системе русского языка / И. В. Острецова // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Мовознавство. – 2006. – Вип. 12. – № 4. – С. 168–175.
23. **Плотникова А. М.** Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов) : учеб пособие / А. М. Плотникова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 140 с.
24. **Попова З. Д.** Семантико-когнитивный анализ языка : монография. – [2-е изд., перераб. и доп.] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во «Истоки», 2007. – 252 с.
25. **Попова Т. Г.** Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале англ., нем. и рус. языков) : монография / Т. Г. Попова. – М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. – 146 с.
26. **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике : в 4-х т. / А. А. Потебня. – Т. IV. – Вып. 2. Глагол. – М. : Просвещение, 1977. – 406 с.
27. **Сепир Э.** Язык. Введение в изучение речи / Э. Сепир ; пер. с англ. – М.–Л. : Соцэкгиз, 1934. – 243 с. (Периздано в: **Сепир Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии ; пер. с англ. – М.: «Прогресс», «Универс», 1993. – 655 с.).
28. **Телия В. Н.** Типы языковых значений : связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1981. – 269 с.
29. **Теньер Л.** Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер ; пер. с франц. вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.
30. **Шмелева Т. В.** Предложение и ситуация в синтаксической концепции Т. П. Ломтева / Т. В. Шмелева // Филологические науки. – 1983. – № 3. – С. 42–48.

Надійшла до редколегії 12.02.10

УДК 811.111'25

Е. И. Панченко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЮМОР КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Розглянуто проблеми, пов'язані з перекладом ряду жанрів гумористичного дискурсу.

Ключові слова: *гумористичний дискурс, велеризм, симулякр, псевдопереклад.*

Рассмотрены проблемы, связанные с переводом ряда жанров юмористического дискурса.

Ключевые слова: *юмористический дискурс, веллеризм, симулякр, псевдоперевод.*

The article deals with the problems connected with the translation of a number of genres of humour discourse.

Key words: *humour discourse, wellerism, simulacra, pseudotranslation.*

В данной статье в общем виде ставится проблема перевода такого особого типа дискурса, как дискурс юмористический. Нам представляется, что эта проблема находится в русле актуальных лингвистических исследований, поскольку юмористические тексты широко используются в различных жанрово-стилевых построениях и представляют собой сложную переводческую проблему.

Для всех национальных культур характерен особый юмор, особое понятие о смешном. «Индивидуальная концептуализация сущностей является одним из приемов создания юмористического эффекта», – отмечает В. И. Карасик [1, с. 331].

В частности, юмор часто называют в качестве наиболее ярких показателей национального характера английского языка [3]. Как считает В. И. Карасик, «юмор по своей сути есть один из самых удобных способов адаптации человека к меняющимся обстоятельствам, это реакция на неожиданное развитие событий, в известной мере – примирение с действительностью, причем с переживанием положительных эмоций [1, с. 87].

Юмористическое общение представляет собой эмоциональную обстановку, которая характеризуется дружелюбным отношением участников общения, с одной стороны, и переворачиванием определенных ценностей, с другой стороны. Готовность понимать юмор базируется не только на личностных особенностях человека, но и на определенных стереотипах поведения, принятых в той или иной культуре.

Ю. В. Щурина, анализируя речевые жанры комического, утверждает, что прообразом этих жанров является шутка в виде бытовой реплики. Затем исторически возникали многие другие формы и жанры, как оставшиеся без авторства, так и созданные конкретной личностью. Более сложные (вторичные) речевые жанры включают шуточный афоризм, велеризм, эпиграмму, анекдот, диалогическую миниатюру [4, с. 147].

Шутка, будучи одним из нестандартных, имеющих особый эмоциональный тонус речевых жанров, может снимать ряд ограничений – например, употребление слов с отрицательным значением (*дурачок*, *балбес*) возможно при наличии шуточного оттенка; нарушение стандартного коммуникативного требования точности допустимо при употреблении иронических высказываний со смещением в сторону генерализации. «Анекдот подключается к текстам, относящимся к области разговорного и письменного творчества, чтобы в парадоксально заостренной форме обнажить, раскрыть явления, особенности нравов, черту реальной личности или целого типа. Это есть доминантная эстетическая функция, а в целом текст представляет собой предельно концентрированное повествование, завершающееся острым, неожиданным финалом» [2, с. 27].

Как известно, переводить юмор очень сложно в силу внутриязыковых особенностей того или иного языка и особенно фоновых знаний, и эта проблема остается нерешенной. **Целью** данной статьи является анализ способов перевода некоторых жанров юмористического дискурса.

Проблема перевода юмористического текста многогранна, и здесь мы попытаемся рассмотреть лишь некоторые ее аспекты. Одним из сравнительно легко переводимых жанров можно считать велеризм, который представляет собой «высказывание, включающее в качестве необходимых компонентов устойчивое выражение, ситуацию, автора цитируемой реплики; при этом связи между ними носят специфический характер несоответствия между значением выражения и тем применением, которое оно приобретает в контексте» [4, с. 152]. На наш взгляд, более правильным написанием данного термина был бы вариант «веллеризм», так как термин этот произошел от имени одного из героев романа Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1836–1837) Сэмюэла Веллера (Уэллера, в английском написании Weller). Приведем несколько примеров классического веллеризма:

– *Ничто так не освежает, как сон, как сказала служанка, собираясь выпить полную рюмку опия;*

– *Если вы дорожите моей жизнью, не опрокиньте меня, как говорил джентльмен вознице, когда тот вез его на Тайбурн (виселица).*

Такая форма шутки не была изобретена Ч. Диккенсом, первый известный ее пример относится к 1521 году, а опубликован он был в 1533 году Джоном Хейвудом:

– *Мэри! вот кого я бы с радостью повидал, как сказал слепой Хью (Mary that wolde I se quod blynde Hew).*

Другой известный пример «додиккенсовского» веллеризма в той или иной мере можно считать перифразом прототипа:

«Мы ничего не скажем, но мы посмотрим», как сказал слепой Пит своей собаке («We'll say nothing, but we'll see», as blind Pete said to his dog (1632 г.).

Как указывают исследователи веллеризма, этот жанр впервые зафиксирован на континенте в 1572 г. и имеет свой вариант в немецком языке *Ich will es sehen, sagt ein mal ein blinder* (*Хотел бы я это когда-нибудь увидеть, как сказал слепой*). Итальянский перевод был впервые зафиксирован в 1612 г. До середины XVIII века в веллеризме, как правило, использовалось имя собственное, далее стало использоваться перифрастическое обозначение говорящего.

Веллеризмы, созданные Ч. Диккенсом, оказались столь разнообразны и удачны, что дали название самому жанру. Исследователи-диккенсоведы говорят о шестидесяти семи образцах этого жанра в «Записках Пиквикского клуба». Им присуща строгая последовательность необходимых элементов:

- утверждение, как правило, представляющее собой прямую речь;
- указание на автора высказывания;
- обозначение ситуации, комически соотносящейся с первой частью.

Приведем еще несколько примеров диккенсовских веллеризмов и их перевод:

That's what I call a self-evident proposition, as the dog's-meat man said, when the housemaid told him he warn't a gentleman –

Это я называю истиной, не требующей доказательств, как заметил продавец собачьего корма, когда служанка, сказала ему что он не джентльмен;

Werry sorry to 'casion any personal inconvenience, ma'am, as the house-breaker said to the old lady when he put her on the fire... –

Очень сожалею, если причину личные неудобства, сударыня, как сказал грабитель, загоня старую леди в растопленный камин;

Fine time for them as is well wropped up, as the Polar Bear said to himself, ven he was practising his skating –

Славная погода для тех, кто тепло укутан, как сказал самому себе полярный медведь, скользя по льду;

Vether it's worth while goin' through so much, to learn so little, as the charity-boy said ven he got to the end of the alphabet, is a matter o' taste –

Стоило ли столько мучиться, чтобы узнать так мало, как сказал приютский мальчик, дойдя до конца алфавита.

К сожалению, высокопрофессиональный перевод данного романа оставляет за скобками особенности речи Сэма Уэллера, свидетельствующие о его низком уровне образования, адекватное отражение которых, вероятно, придало бы дополнительное очарование роману.

Веллеризм, хотя и не относится к наиболее распространенным жанрам комического, тем не менее не вышел из употребления полностью. Существует обширная англоязычная литература, посвященная его исследованию, составлены словари веллеризмов.

Еще одним сложным для перевода построением является перевод текста-симулякра, то есть текста, построенного из несуществующих слов. Известный пример текста-симулякра представлен в «Лингвистических сказках» Л. Петрушевской. Далее мы предлагаем наш вариант перевода одной из сказок на английский язык.

Сяпала Калуша с Калушатами по напушке. И увазила Бутявку, и волит:

– Калушата! Калушаточки! Бутявка!

A Doat with her Doatlings was streep-ing along the edgrest. And she attaw an Insug and crouts:

Doatlings, my little ones! An Insug!

Калушата присяпали и Бутявку стрямкали. И подудонились.

А Калуша волит:

– Оее! Оее! Бутявка-то некузявая!

Калушата Бутявку вычучили.

The Doatlings have cread and swallated the Insug. And have bebt.

And the Doat crouts:

Woy! Woy! The Insug is unfute!

The Doatlings have bacmit the Insug.

Бутявка вздрезбулась, сопритюкнулась и усяпала с напушки.

А Калуша волит калушатам:

– Калушаточки! Не трямкайте бутявок, бутявки дюбые и зюмо-зюмо некузявые. От бутявок дудонятся.

The Insug shkrack-ed, jonocked and strept away from the edgrest.

And the Doat crouts to the Doatlings,

Dear Doatlings! Don't swalleat the Insugs, they are bany and bary, bary unfute.

They make you beeb.

А Бутявка волит за напушкой:

– Калушата подудонились! Зюмо некузявые! Пуськи бятые!

And the Insug crouts behind the edgrest,

– The Doatlings have bebt! Bary unfute! Floded pusters!

По нашим наблюдениям, при переводе подобных текстов наиболее подходящим приемом перевода является создание слов-телескопов.

Еще одним видом перевода, предназначенным для создания юмористического эффекта, можно считать псевдопереведенные тексты. Под псевдопереводом мы понимаем передачу идентичной информации с помощью средств родного языка, имеющих то или иное отличие (стилистическая отнесенность, индивидуальные особенности, игра слов и т. п.). На описываемые нами дальше лингвистические феномены можно смотреть с разных точек зрения, однако мы считаем правомерным объединить их в рамках данного понятия, так как в любом случае здесь происходит перекодирование идентичной информации с помощью других средств языка.

Псевдопереводом можно считать краткое изложение текста известного произведения в соответствии с идиостилем писателя, предлагаются варианты того, как бы то или иное известное произведение написали бы разные писатели, то есть в данном случае имеет место стилизация (намеренная имитация художественного стиля, характерного для какого-либо автора, жанра, течения, для искусства и культуры определенной социальной среды, народности, эпохи). Приведем несколько примеров:

Дж. Р. Р. Толкин:

Сразу за домом Красной Шапочки начинался лес. Лес этот был одним из многочисленных ныне осколков Великого Леса, покрывавшего некогда все Средьземелье — давно, еще до наступления Великой Тьмы. Когда-то в прежние времена, оказавшись на опушке этого леса в час захода Солнца, в лесу этом можно было услышать песню на Синдарине — языке той ветви Перворожденных, что никогда не покидали пределов смертных земель и не видели света Закатного Края.

Михаил Зощенко:

А вот еще дамочку я знаю. В Лесном переулке проживает. Гражданка Красношапникова. Очень миленькая из себя и колготки носит. Как-то через лес ей идти пришлось. Бабушка ейная в гости позвала. С собой корзинку имела – редикюли-то из моды нынче выходят. А там – молоко, пирожки. Может, и горячительного чего. Водка, скажем. Или кальвадос....

Александра Маринина:

Настя Каменская задумчиво отхлебнула кофе. – Воля твоя, Юр, не нравится мне поведение этой старушки. Сам посуди: живет себе бабулька тихо, как мышка, и никаких с ней проблем. Но как только она переписала свой домик на внучку, тут же к ней является таинственный визитер, и старушка резко меняет все повадки, образ жизни и даже внешность! – А визитер точно был? – спросил Коротков. – Да, его вспомнили соседи! Когда наш Мишаня их опрашивал по делу об исчезновении внучки, несколько человек показали, что слышали ночью, как к бабушке постучали и она ответила «Дерни за веревочку, дверь откроется!»...

К явлению псевдоперевода можно отнести и использование несуществующего языка с целью зашифровки какого-либо сообщения. Так, в переводе комедии Лопе де Вега «Собака на сене» Тристан и его друг, желая обмануть графа, говорят между собой якобы на греческом:

Тристан. Началдахи недурносы.

Фурьо. Здоровожди.

Тристан. Пошлибаши.

Ряд вариантов функционирования псевдоперевода связан с использованием иностранных слов. Языковая игра с псевдопереводом может, например, быть обусловлена многозначностью того или иного слова, в частности, глагола *перевести*, которая обыгрывается в следующем примере:

Студент иныза и старушка на перекрестке. Старушка:

– Внучок, приглянись – там зеленый?

– Зеленый, бабуля!

– Переведи, пожалуйста.

– Ну, по-английски – GREEN.

Другой вариант обыгрывания слова заключается в явлении межъязыковой омонимии. Так, в следующем контексте русское слово понимается как иностранное:

Чебурашка заходит в комнату и говорит Гене:

– Ген, закрой, пожалуйста, окно, дует.

Гена: do it yourself!

Может иметь место и обратное явление, то есть иностранное слово понимается как русское:

Русский солдат в исподнем сидит на пеньке и зашивает рваные штаны.

Пленный француз пытается заговорить с победителем: – C'est pour qui? (Ce n'est pour qui? = Это для кого?) – Портки, портки... – C'est pour vous? (Ce n'est pour vous? = Это для вас?) – Я те порву, чертова образина.

Таким образом, мы можем говорить о том, что существуют различные способы передачи юмора в переводе. Их полная систематизация представляет собой перспективу дальнейшего исследования.

Библиографические ссылки

1. **Карасик В. И.** Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2004. – 390 с.
2. **Курганов Е.** Анекдот как жанр / Е. Курганов. – СПб. : Академический проект. 1997. – 123 с.
3. **Цветкова М. В.** Английское / М. В. Цветкова // Межкультурная коммуникация. – Н. Новгород, 2001.
4. **Щурина Ю. В.** Шутка как речевой жанр : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Ю. В. Щурина. – Новгород, 1997. – 20 с.

Надійшла до редколегії 31.05.10

УДК 811.161.1'38

И. В. Пожидаева

Международный научно-технический университет имени академика Ю. Бугая (г. Киев)

КОНЦЕПТ ПАМЯТЬ В ВИРТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Досліджено модифікацію концепту *пам'ять* в лінгвокультурологічному просторі Інтернету, а також особливості його функціонування у віртуальному дискурсі; запропоновано методику концептуального аналізу концепту *пам'ять*; проаналізовано когнітивно-прагматичні особливості наповнення його концептосфери.

Ключові слова: концепт, концептосфера, концептуальне поле, лексема, віртуальна пам'ять, глобальний архів.

Исследована модификация концепта *память* в лингвокультурологическом пространстве Интернета, а также особенности его функционирования в виртуальном дискурсе; предложена методика концептуального анализа концепта *память*; проанализированы когнитивно-прагматические особенности наполнения его концептосферы.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, концептуальное поле, лексема, виртуальная память, глобальный архив.

This article studies the modification of the concept *memory* in the linguo culturological environment of the Internet as well as peculiarities of its functioning in the virtual discourse. The author suggests the techniques of concept *memory* conceptual analyses, researches cognitive-pragmatic features of its concept sphere.

Key words: concept, concept sphere, concept field, lexeme, virtual memory, global archive.

Природа концепта достаточна досліджена лінгвістикою. Тем не менше в останні роки виникла лакуна в лінгвоконцептології – концептосфера віртуальної культури. Це обумовлено, перше за все, відносительною новизною всеобщої практики інтернет-комунікації, динамічністю і постійною змінністю мовної картини світу Сети, трансакцією національних картин світу в мережу. Лінгвокультурологічна середовище Інтернету продукує нові концепти і модифікує старі, серед яких далі розвиток отримав концепт *пам'ять*.

Цель нашої роботи – дослідження модифікацій концепта *пам'ять*, що відбуваються в лінгвокультурологічному просторі Інтернету, і особливості його функціонування в віртуальному дискурсі. Для здійснення цілі нашої дослідження нам доведеться вирішити наступні *задачі*: 1) провести концептуальний аналіз концепта *пам'ять* за запропонованою методикою, 2) проаналізувати когнітивно-прагматичні особливості наповнення його концептосфери; вербально-смысловую мережу слів, що утворюють концептуальне поле ключової лексики *пам'ять* (з значеннями «властивість свідомості» і «вспоминання»), а також смислового поля концепта «пам'ять». Під *концептуальним полем* ми будемо розуміти коло концептів, пов'язаних общністю мовного значення; сформулювати способи концептуалізації *пам'яті* в віртуальному дискурсі.

Анализ последних исследований и публикаций. Обстоятельный анализ термина *концепт* представлен в современных лингвистических работах. Так, З. Д. Попова и И. А. Стернин разделяют *концепт* и *понятие*, акцентируя внимание на психоментальной сущности концепта и языковой сущности понятия. А. В. Кирилина дает обстоятельный анализ сущности концепта. Е. А. Селиванова предлагает модель анализа когнитивной природы концепта. Ю. С. Степанов разработал методику исследования культурного концепта, позволяющую отразить внутриязыковые и межкультурные связи концепта. А. Вежбицкая разработала этноцентрическую теорию концепта, предполагающую универсальный субкод и культур-

ные скрипты в качестве средства описания национальной ментальности. В. И. Карасик разделяет лингвокультурологический и лингвокогнитивный концепты, обращаясь к трем измерениям концепта – образному, понятийному и ценностному. Г. Г. Слышкин рассматривает концепт как значимую часть лингвопрагматики и один из инструментов коммуникативно-прагматического анализа.

Память – многослойное понятие. В аспекте взаимодействия языка и мышления она изучается психолингвистами (А. А. Леонтьев, Е. С. Кубрякова, А. А. Залевская и др.). Концептуальные особенности феномена *память* описываются в лингвокультурологических и лингвоконцептологических исследованиях (Н. Г. Брагина, О. В. Шаталова и др.). Концепт *виртуальная память* существует в *виртуальной культуре*, которая формируется на пересечении концептуальных миров различных наций, с одной стороны; с другой – на пересечении реальности и виртуальности как различных пространств деятельности человека, различных картин мира, различных дискурсов. В виртуальном дискурсе концепт *память* претерпевает значительные модификации.

Изложение основного материала. Понятие *концепт* сложно и многогранно. Е. Селиванова квалифицирует концепт как «информационную структуру сознания..., которая содержит совокупность знаний про объект познания» [7, с. 410]. Данное определение развивает идеи Е. Кубряковой, определяющей концепт как «термин, который служит объяснению единиц ментальных и психологических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека», «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [5, с. 44].

А. П. Чудинов говорит о том, что концепт обладает свойствами *гештальта* – существующего в индивидуальном или групповом (в т. ч. и национальном) сознании целостного представления с нечеткой внутренней структурой и размытыми границами [11, с. 73]. Под гештальтом мы вслед за Дж. Лакоффом понимаем «способ соотнесенности значений с поверхностными формами», т.е. способ осмысления языковой формы [6, с. 119]. Нечеткость структуры и проективная природа концепта свидетельствуют о том, что в сферу представления будут вовлечены разнородные элементы, несущие в составе своего значения сему, заявленную концептом.

Поскольку концепт исследуется рядом лингвистических дисциплин, существует ряд методик его анализа. Так, методика исследования культурного концепта, предложенная Ю. С. Степановым, включает следующие этапы: этимология концепта, ранняя европейская история, русская история, эволюция концепта до сегодняшнего дня. Эта методика позволяет отразить внутриязыковые и межкультурные связи концепта, проследить развитие «коллективного бессознательного» в современном обществе [9, с. 8].

В. И. Карасик выделяет в культурном концепте три измерения – образное, понятийное и ценностное, которое и является критерием выделения культурного концепта: «Концепт – это многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [2, с. 29].

Г. Г. Слышкин отмечает необходимость исследования соотношения культуры языка и сознания в двух направлениях – от единиц языка к единицам культуры и от единиц культуры к единицам языка. Главную задачу в рамках второго направления ученый определяет как установление, «во-первых, языковых средств, выражающих ту или иную культурную единицу в дискурсе, во-вторых, основных прагматических функций апелляции к данной культурной единице в различных коммуникативных ситуациях» [8, с. 8]. Таким образом, концепт рассматривается как значимая часть

лингвопрагматики и один из инструментов коммуникативно-прагматического анализа.

Именно сочетание когнитивно-прагматического и лингвокультурологического подходов мы считаем необходимым при исследовании концептуальной системы Сети. Исследование концептов *память / виртуальная память* нами было проведено по следующей методике, предложенной Л. Ф. Компанцевой [3, с. 292]:

1. Семантический анализ ключевого слова, номинирующего данный концепт;
2. Этимологический анализ ключевого слова;
3. Семантический анализ прямых (слово в прямом значении) и косвенных номинаций (слово в переносном значении);
4. Определение семантических отношений концептов с другими понятиями виртуальной культуры;
5. Интерпретативный семантический анализ контекстов, в которых употребляются концепты виртуальной реальности;
6. Анализ ключевых идей, определяющих рассматриваемый концепт и значимых для формирования концептосферы виртуального пространства.

Мы предлагаем включить в этот список анализ когнитивных моделей, связанных с концептом *память*.

Обратимся, прежде всего, к сущности концепта *память*. БСЭ трактует концепт *память* как «способность к воспроизведению прошлого опыта, одно из основных свойств нервной системы, выражающееся в способности длительно хранить информацию о событиях внешнего мира и реакциях организма и многократно вводить её в сферу сознания и поведения» [<http://bigsoviet.org/Bse>]. Психологический словарь дает следующее определение: «Память – когнитивный процесс, состоящий в **запоминании, сохранении, восстановлении и забывании** приобретенного опыта. В наиболее простой форме память реализуется как **узнавание** ранее воспринимавшихся предметов, в более сложной форма предстает как **воспроизведение** в представлении предметов, которые не даны в настоящее время в актуальном восприятии» (выделено авт.) [<http://psi.webzone.ru>].

Для нас представляют интерес две модификации памяти, которые концептуализируются в едином понятии: *память человека* и *компьютерная память* (машинная память – «совокупность технич. устройств и процессов, обеспечивающих запись, хранение и воспроизведение информации в компьютере» [<http://bigsoviet.org/Bse>]). Полагаем, что концепт *память* в виртуальной языковой картине мира представляет собой когнитивно-прагматический, лингвокультурологический и технологический феномен, поскольку техническая модификация памяти относится к ведению технических дисциплин, благодаря которому и создается *виртуальная реальность* – зона формирования концепта *виртуальная память*.

В языке происходит лексическая объективация концепта *память*, и он может быть представлен лексемами *опыт, история жизни, событие* и др., которые позволяют рассмотреть в целостности составляющие компоненты смыслового поля концепта. Смысловыми центрами концепта *память* являются семы «воспоминание» и «обратимость времени».

Принципы концептуального анализа, представляющего собой единство исследовательских приемов (см.: [4; 10]), используемых для описания процесса концептуализации феномена *памяти*, позволяет нам путем вычленения ключевых слов (в данном случае слов *память – воспоминание*), представить несколько когнитивных моделей (*память как жизнь, память как вместиллице, память как орган* и т. д.). Концептуализацией в данной работе мы называем осознанную фиксацию в знаковой форме результатов постижения сути объекта, т. е. описание не только основного признака объекта, но и ассоциативных его черт, вариантов интерпретаций.

Этимологический словарь М. Фасмера предлагает следующие значения термина *память*: 1) *разум, рассудок*; 2) *мысль, суждение*; 3) *загадка*; 4) *мысль, намерение, мнение*; 5) *ум, мышление, разум* [<http://vasmer.narod.ru>]. В смысловом аспекте существенных изменений не наблюдается. Этимология именованная *виртуальная память* связана с философско-языковым становлением понятия *виртуальный*. Толковые словари русского языка трактуют это понятие в узком [<http://ushdict.narod.ru/>] – «*Пребывающий в скрытом состоянии и могущий проявиться, случиться; возможный*» и широком значении: *виртуальный* – «логический, не имеющий физического воплощения или реализованный только в компьютере» [<http://softacademy.inpu.edu.ua/>]. В данных определениях для нас значима актуализация семы *реализованный только в компьютере*.

Поскольку наше исследование посвящено реализации концепта *память* в *виртуальном дискурсе*, мы его вслед за Л. Ф. Компанцевой определяем как «коммуникативное событие Сети Интернет, коммуникативную ситуацию, зафиксированную в гипертексте; системный процесс корреляции символически-речевого общения виртуальных коммуникантов, способ представления виртуальных языковых личностей в единстве психологических, социальных, национальных, этических и других характеристик» [3, с. 49].

Концептуализация понятия *память / виртуальная память* проходит процесс своего развития. В соответствии с новым онтологическим подходом – виртуалистическим – существуют значимые когнитивно-семантические составляющие концепта *виртуальная реальность*, которые могут быть соотнесены с составляющими концепта *виртуальная память*, а именно:

- полипарадигмальность (психическая, компьютерная и др.);
- порожденность. *Виртуальная память* продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней.
- актуальность. *Виртуальная память* существует актуально, только «здесь и теперь», только пока активна порождающая реальность;
- автономность. У *виртуальной памяти* свое время, пространство и законы существования.

Сравнительный анализ параметров концептов *память – виртуальная память* приведем в следующей таблице:

Память	Виртуальная память
является свойством головного мозга человека	является свойством компьютера
работает постоянно, пока человек жив	условна и в любой момент может быть отключена (виртуальный пользователь понимает, что все, зафиксированное в ней, создается и поддерживается техническим способом, эргономичным для пользователя)
ограничена	безгранична
зависит от свойств отдельно взятого индивидуума	систематизирована и категоризирована, что облегчает поиск и архивирование
является психическим свойством человека	создается человеком

Проведем семантический интерпретационный анализ гиперссылок, где ключевым являлось слово *память*. Наиболее актуализированы семантические составляющие концепта «память», значимые в межкультурном коммуникативном пространстве:

– виртуальна пам'ять як среда для самопрезентації, самопонимання: «*Определимся для начала с терминами. "Память" (человеческая, твоя, читатель, личная память) и "информация" – две принципиально разные вещи. Запросто их смешивая, особенно в цифровом контексте, можно до черт знает чего договориться. Память это НЕ информация, как бы ни легко было поставить между ними знак равенства, простоты и красоты ради*» (<http://www.webplanet.ru/>);

– виртуальна пам'ять як умовне створення мережесуспільств: «*Я бы хотела почтить их память: память неформальных Ромео и Джульетты – Марлы-Стаси и Зомби-Антонна... Они остались вечно молодыми и влюбленными в друг друга... Их союз теперь не разрушат мелкие подводные камни обыденности. Они были романтиками, как Бони и Клайд были готовы снести все преграды на своем пути. Они ничего не боялись...*» (<http://blog.i.ua/search/>);

– виртуальна пам'ять як піар-площадка: «*Я в нашу церковь хожу как партизан. Почти подпольно, взывая к **памяти** образы первых тайных христиан. Крадучись тихонько паркую ярко-красный джип перед храмом. И короткими перебежками, потряхивая пирсингом, кожаными штанами и приглаженным ирокезом, пробегаю открытую, простреливаемую взглядами, местность. В храме быстренько беру полную горсть свечей и начинаю лихорадочно их расставлять перед иконами, произнося про себя короткие молитвы. Похоже, я местная достопримечательность*» (<http://blog.i.ua/search/>);

– виртуальна пам'ять як архів інформації та емоцій: «*Родился праведный батюшка Иоанн в семье священника Свято-Покровской церкви д. Стрешин Рогачевского уезда Гомельской губернии, тоже Иоанна, Гашкевича в ночь на 7 октября (ст.ст.) (20 октября н.ст.) 1837 года. Был крещен с именем Иоанн – «благодать Божия» – в честь апостола любви Иоанна Богослова*» (<http://cerkov.by>). «*Тот кусочек плоти навсегда останется в ее **памяти** – не родившийся сыночек, ради которого она хотела отвоевать то, что ей не принадлежало. А вещи так и висят в шкафу – немым укором и напоминанием. **Живите так, чтобы не было стыдно вам, и чтобы детский смех наполнял вашу жизнь смыслом. Пусть в тесном, но таком уютном и родном доме***» (<http://blog.i.ua/search/>).

Н. Г. Брагина розглядає концепт *пам'ять* в руслі ідей теорії метафори і приходять до висновку, що основними базовими метафорами для конструювання цього концепта являються метафори «телесний орган» («тренувати пам'ять», «напрячь пам'ять»), «способність», просторові метафори (в пам'яті що-либ складається, остається, втрачається, стирається і т.п.). Концепт *пам'ять* згоджується з такими поняттями, як *время, пространство, понимание, ум, рассудок, слава, гений, любовь, детство* і т. д. [1].

Научний інтерес, значимий для нашого дослідження, представляють соціальні стратегії пам'яті. Включення в пам'ять може сприйматися як нагорода («Пам'ять о нем никогда не умрет»), як покарання («Дантес вошел в память человечества как убийца Пушкина»), як попередження («Со мной никогда этого не повторится, потому что я всегда буду помнить этот урок») і як травма («Впечатление это слишком тяжело залегло на моей памяти»).

Проведене нами дослідження дозволяє зробити наступні **висновки**: 1) концепт *пам'ять* в умовах нової віртуальної реальності отримує не тільки нове іменування *віртуальна пам'ять*, але і модифікується по суті; 2) технологічні особливості Інтернету дозволяють частково або повністю передавати функції пам'яті людини машині. В Інтернеті формується віртуальний дискурс гігантської пам'яті – сховище когнітивного досвіду окремого індивіда і соціума в цілому; 3) завдяки вилученню в Інтернеті особистої інформації в соціальній сфері, професійним матеріалам, фотографіям, відео, Інтернет

«опрозрачничает» личность и события, с одной стороны, а с другой – перебирает на себя функцию памяти. Индивиду все меньше и меньше необходимо запоминать. Иными словами, когнитивная модель *память как орган и память как вместилище* начинают существовать в новой информационно-коммуникативной среде, приобретая новые свойства; 4) по мере своего развития Сеть все больше становится глобальным архивом, памятью человечества. Этот процесс приводит к «технологизации» процесса запоминания, что приводит к изменениям когнитивных параметров языковой личности.

Перспективы дальнейших исследований. Формирование новой парадигмы предполагает концептуализацию знаний и взглядов. В условиях новой виртуальной среды, базовые концепты претерпевают значительные изменения. Технологическая среда, становясь все более равноправным участником межличностного, межкультурного, межнационального взаимодействия, заставляет исследователя задумываться о новых глобальных виртуальных реалиях в контексте базовых лингвистических исследований.

Библиографические ссылки

1. **Брагина Н. Г.** Память в языке и культуре / Н. Г. Брагина. – Режим доступа : <http://nsop.ucoz.ru/>
2. **Карасик В. И.** Культурогенные концепты / В. И. Карасик // Язык. Культура. Коммуникация : в 3 ч. : матер. Междунар. науч. конф. – Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2006. – Ч. 1. – С. 24–28.
3. **Компанцева Л. Ф.** Интернет-лингвистика : когнитивно-прагматические и лингвокультурологические подходы : монография / Л. Ф. Компанцева. – Луганск : Знание, 2008. – 528 с.
4. **Кубрякова Е. С.** Введение / Е. С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке : Язык и порождение речи. – М. : Наука, 1991. – 275 с.
5. **Кубрякова Е. С.** Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М. : Филол. фак-т МГУ, 1996. – 175 с.
6. **Лакофф Дж.** Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.
7. **Селіванова О. О.** Сучасна лінгвістика : напрями та проблеми : підручник / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2008. – 712 с.
8. **Слышкин Г. Г.** От текста к символу : лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 125 с.
9. **Степанов Ю. С.** Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд. – М. : Акад. проект, 2001. – 990 с.
10. **Степанов Ю. С.** Методы и принципы современной лингвистики : монография / Ю. С. Степанов. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
11. **Чудинов А. П.** Россия в метафорическом зеркале. Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Русская речь, 2001. – 419 с.

Надійшла до редколегії 10.06.10

УДК 811.161.1'37

Е. А. Половинко, Чжан Минь

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА СУБСТАНТИВОВ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩАЯ ВНУТРЕННЕГО ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сконструйовано та проаналізовано лексико-семантичну групу російських іменників, що номінують людину за внутрішньою ознакою.

Ключові слова: лексико-семантична група, семантична структура слова, мовна картина світу, внутрішня ознака.

Сконструирована и проанализирована лексико-семантическая группа русских существительных, номинирующих человека по внутреннему признаку.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, семантическая структура слова, языковая картина мира, внутренний признак.

Lexical and semantic group of Russian nouns is constructed and analyzed, which name a human being according their inner feature.

Key words: lexical and semantic group, semantic word structure, language world picture, inner feature.

Изучение и описание языковых явлений с помощью построения разного рода группировок давно признано плодотворным, поскольку помогает раскрыть системные связи и системную организацию языка на всех его уровнях. К словесным группировкам среди прочих относят, как известно, и лексико-семантическую группу, объединяющую в своем составе лексические единицы не только на основе семантического сходства, но и общности формальных свойств.

Объектом исследования данной работы была выбрана лексико-семантическая группа существительных, номинирующих лиц по некоторому внутреннему признаку. Данная словесная группировка как фрагмент языковой картины мира репрезентирует в современном русском языке внутреннего человека, то есть человека во всем многообразии черт его характера, природных или приобретенных способностей, склонностей и т. д. *Цель* предлагаемой работы состоит в изучении и описании компонентов лексико-семантической группы существительных современного русского языка, которые называют людей по внутреннему признаку и представляют в языке образ человека во всем многообразии его внутренних особенностей. Для реализации поставленной цели предполагается решение следующих задач: рассмотреть существующие подходы к описанию семантического пространства внутреннего человека; основываясь на достижениях системно-функционального описания лексических множеств в научной литературе, уточнить термин «лексико-семантическая группа»; определить понятие «внутренний признак»; выявить и описать состав лексико-семантической группы русских существительных, номинирующих людей по внутреннему признаку.

Обобщая опыт современной лингвоантропологии, можно выделить несколько основных взаимодополняющих друг друга аспектов изучения внутреннего человека в русской языковой картине мира.

Во-первых, эта картина может быть представлена как наивная «анатомия» и «физиология» внутреннего человека. Исследователи склонны видеть здесь проявление характерной черты архаического языкового сознания, «для которого естест-

венно описание абстрактных способностей человека, его поступков через название органов, обеспечивающих эти способности» [4, с. 69]. Такой аспект изучения данного объекта находим в работах Ю. Д. Апресяна [1; 2], Е. В. Урысон [12], А. Д. Шмелева [13]. Включая в устройство внутреннего человека душу, дух, сердце, ум (разум, рассудок), память, совесть, воображение, фантазию, волю, способности, чувства, нутро, чутье, нюх, мозг (мозги), инстинкт, интуицию, печень (печенку, печенки) и грудь (метонимический заменитель сердца), исследователи представляют внутреннего человека в виде сложной системы органов «душевной» жизни (систем и подсистем), совместно с обычными органами и системами человеческого тела обеспечивающих возникновение, развитие и проявление различных психических реакций и состояний.

Во-вторых, может учитываться внешнее выражение (симптоматика) внутреннего человека. Представление о внешних проявлениях внутренних состояний и качеств человека, формирующее наивную языковую картину мира, провозглашает заложенную в ней идею целостности человека, то есть единства его внутренних (душевных) и внешних (физических) ипостасей. Язык в этом смысле оказывается многофункционален: то или иное явление психики может быть представлено в речи как протекающее внутри человека, не выходящее за пределы его внутреннего мира и как наблюдаемое, проявляющееся вовне – в поступках человека, его мимике, жестах, позе, движениях, речи и т. п. Изучение «симптоматики» психического составляет, таким образом, еще один важный аспект лингвоантропологических исследований, к которому обращались Ю. Д. Апресян [1; 2], Е. М. Вольф [5], О. В. Коротун [6] Л. Б. Никитина [7], В. И. Убийко [10] и др.

В-третьих, внутренний человек может быть представлен как микрокосм. Таким его можно увидеть в исследованиях, направленных на расшифровку метафоры, при помощи которой вскрываются абстрактные понятия, представляющие систему внутреннего человека, область его чувств. В зависимости от того, что положено в качестве интегрирующего компонента в основу семантического анализа образных выражений – представление о каком-либо конкретном, чувственно воспринимаемом предмете, служащем ассоциативно-образным основанием метафорического обозначения или о некоем метафорически переосмысленном качественном признаке объекта физического мира, – определяют тип модели лингвистической интерпретации (работы Ю. Д. Апресяна [1; 2], Ф. Уилрайт [11]).

Реконструкция языкового образа внутреннего человека в нашей работе осуществляется с опорой на формализованные, получившие системно-языковое воплощение смыслы – семантику субстантивов, употребляющихся в современном русском языке для номинации человека по его внутреннему признаку. Материалом исследования послужили имена существительные, отобранные методом сплошной выборки из толковых словарей современного русского языка. Классификация данных единиц производилась с опорой на критерии как внелингвистического, так и сугубо лингвистического характера.

Настоящее исследование выполнено в русле лингвоантропологических исследований и посвящено описанию внутреннего человека (человека во всем многообразии его психических состояний, действий, реакций, характеристик) как фрагмента русской языковой картины мира в рамках соответствующей лексико-семантической группировки, наполнение которой осуществлялось путем обращения к словарным дефинициям слов.

Если говорить о лексико-семантических группах, то они отличаются от всех остальных традиционно выделяемых парадигматических объединений слов прежде всего тем, что представляют собой класс слов одной части речи, то есть имеют общую категориально-грамматическую сему, и поэтому обладают большей смысло-

вой близостью. Характерной чертой единиц лексико-семантической группы также является сходство сочетаемости и широкое развитие функциональной эквивалентности. Принципиальное отличие лексико-семантических от других словесных группировок ученые видят в том, что лексико-семантические группы, объединяя слова с близкими и сопоставимыми значениями, организованы, прежде всего, на базе языковых, парадигматических связей, сохраняя при этом некоторую связь с миром вещей и сферой понятий. Таким образом, под лексико-семантической группой слов мы будем понимать организацию слов одной части речи, объединенных интегральным семантическим компонентом.

Прежде всего обратимся к определению базовых для нашей группировки понятий, а конкретно – к тем из их значений, которые являются значимыми для нашей лексико-семантической группы:

Качество – «то, что делает предмет таким, каков он есть; одна из основных логических категорий, являющаяся определением предмета по характеризующим его, внутренне присущим ему признакам», «о вещах и лицах: положительная или отрицательная характеристика, свойство, черта кого-чего-нибудь (в сочетании с оценочными определениями, а без определения преимущественно имеет смысл положительной оценки; то же, что достоинство; *книжн.*)» (здесь и далее толкования приводятся по Большому толковому словарю русского языка [3]).

Признак – «та сторона в предмете или явлении, по которой его можно узнать, определить или описать, которая служит его приметой, знаком».

Внутренний – «находящийся внутри, обращенный внутрь», «*перен.* находящийся, содержащийся более глубоко, скрытый за чем-нибудь внешним», «относящийся к личной душевной жизни *книжн.*».

Исходя из понимания данных реалий, в состав исследуемой группировки мы включали лексемы, словарное определение которых содержит такие компоненты как «человек, любящий заниматься чем-либо», «тот, кто склонен делать что-либо», «тот, кто занимается чем-либо», «человек, отличающийся чем-либо» и т. п.

Общепризнанно, что внутренний мир человека – это уникальный объект познания. Его уникальность заключается в возможности лишь опосредованного наблюдения и недостаточной эмпирической уловимости. Даже несмотря на очевидность существования многообразных психических явлений в форме мыслей, переживаний, представлений, чувств, побуждений, желаний и т. д., даже психология – наука, сфокусировавшая все свое внимание на человеческой психике, не может сделать эту реальность объектом непосредственного исследования: ученые ищут другие объекты и только через их изучение предпринимают попытки делать выводы о человеческой психике. В этом смысле полезными оказываются, на наш взгляд, и лингвистические исследования, которые через язык раскрывают и описывают сущность недоступных для непосредственного восприятия реалий действительности, таких, в частности, как внутренний мир человека.

Внутренний мир человека репрезентируется в языке очень своеобразно, поскольку, как утверждают исследователи, «язык – это не только знаковая система, приспособленная к передаче сообщений, но и компонент сознания человека и как таковой участвует в сотворении мира психики и знания» [9, с. 65].

Будучи фрагментом языковой картины мира, языковой образ внутреннего человека имеет все присущие ей существенные отличия от традиционных, выработанных в процессе познавательной деятельности человека научных моделей мира. Безусловно, он не может претендовать на абсолютную цельность, полноту и непротиворечивость в силу того, что создавался на протяжении длительного времени разными поколениями людей. Мы неизбежно сталкиваемся с тем, что в языковом образе человека научное соседствует с наивным, реалистическое, эмпирически

подтверждаемое – с фантастическим, мифопоэтическим. Он лишен упорядоченности и системности, но вместе с тем языковой образ человека (внутреннего в частности) представляет собой воплощение сути тех представлений о человеке, которые фиксируются всей системой языковых единиц, он объемлет и характеризует все семантическое пространство языка.

Кроме того, языковой образ внутреннего человека, в отличие от его рационально созданных научных моделей, не осознается или слабо осознается носителями языка, ибо представления, его образующие, существуют, главным образом, в качестве внутренней, содержательной формы языковых и речевых единиц. Формирующие языковую картину мира представления о мире, в том числе о внутреннем мире человека, находящие отражение в семантике языка, в спонтанной речи как бы «навязываются» всем говорящим на нем в качестве обычных, стереотипных, конвенциональных способов репрезентации реальности, так как они относятся в своем большинстве к «области действия бессознательной социальной психологии» [8, с. 22].

Очевидно, что внутренние свойства человека не так просто заметить, как, например, поведенческие характеристики, лежащие на поверхности. С другой стороны, именно поведение человека, позиционирование себя в социуме отражает особенности его внутреннего мира и состояния. Поэтому очень часто лексемы, в семантике которых отражены внутренние качества человека, номинируют его по поведению, образу жизни, по конкретным поступкам, по той социальной роли, которую он выполняет в обществе, по отношению к каким-либо объектам действительности и т. д.

Отобранные нами существительные, которые характеризуют человека по его внутреннему качеству, можно, на наш взгляд, разделить на несколько подгрупп, в зависимости от семантической структуры каждой из единиц. Следует при этом оговориться, что границы между указанными группами весьма условны, четко разграничить их практически невозможно, так как большинство слов характеризуют человека не по одному конкретному признаку, а по целому набору внутренних качеств, но все эти единицы объединены интегральным признаком 'лицо как носитель некоторого внутреннего признака'. Среди них:

1. Существительные, которые номинируют человека непосредственно по определенному качеству его характера, а также некоторым заложенным в нем природным способностям, например: *завистник* в зн. «завистливый человек»; *недоτροга* в зн. «обидчивый, чрезмерно щепетильный человек»; *неженка* в зн. «изнеженный человек»; *подлец* в зн. «подлый человек, негодяй»; *простак* в зн. «простодушный человек»; *размазня* в зн. «о вялом, нерешительном человек»; *рохля* в зн. «медлительный, нерасторопный человек»; *трус* в зн. «человек, легко поддающийся чувству страха»; *циник* в зн. «циничный человек»; *честолюбец* в зн. «излишне честолюбивый человек» и др.

Примечательно, что почти 80 % слов данной подгруппы характеризуют человека по какому-то негативному признаку (*зануда* в зн. «занудливый человек»; *злюка* в зн. «тот, кто постоянно злится из-за плохого характера»; *невежа* в зн. «грубый, невоспитанный человек» и т. д.) и только шестая часть лексем указывает на некоторое положительное качество (*альтруист* в зн. «человек, отличающийся альтруизмом»; *смельчак* в зн. «смелый человек»; *удалец* в зн. «удалой человек, храбрец»; *храбрец* в зн. «храбрый человек»). Нейтральными наименованиями в данной подгруппе можно считать слова, называющие людей по принадлежности к одному из четырех выделяемых психологами темпераментов (*сангвиник*, *меланхолик*, *холерик*, *флегматик* «человек сангвинического и т. д. темперамента»), а также такие лексемы, как *скромник* в зн. «скромный человек»; *смиреник* в зн. «смиранный человек»,

которые могут приобретать в определенном контексте (ситуации) более позитивный или негативный оттенок.

2. Поведение человека, образ жизни, позиционирование себя в обществе характеризуют такие лексемы, как: *безобразник* в зн. «тот, кто безобразничает, озорник»; *обыватель* в зн. «человек, лишенный общественного кругозора, живущий только мелкими личными интересами»; *выскочка* в зн. «человек, который, выдвигая себя, стремится выслужиться или который занял какое-н. общественное положение незаслуженно, по протекции, путем происков и т.п.»; *хулиган* в зн. «тот, кто занимается хулиганством, грубо нарушает общественный порядок»; *балагур* в зн. «человек, который любит балагурить, шутник, весельчак»; *кутила* в зн. «человек, который проводит время в кутежах»; *забияка* в зн. «тот, кто любит затевать драки, ссоры»; *деревенщина* в зн. «о грубом, простоватом человеке, жителе деревни»; *приспособленец* в зн. «человек, который приспосабливается к обстоятельствам, маскируя свои истинные взгляды»; *аферист* в зн. «человек, который занимается аферами, проходимец».

Во второй группе также большинство лексем (около 70 %) отмечают людей по поведению, которое в данном обществе оценивается как негативное, аморальное (*блудница* в зн. «распутная женщина»; *ломака* в зн. «тот, кто ломается»; *дебошир* в зн. «человек, который устраивает дебоши» и т. д.). К таким, которые выделяют человека по поведению в положительном смысле, можно отнести только *хлебосол* в зн. «хлебосольный человек»; *дипломат* в зн. «о человеке, действующем тонко и умело», а также в некоторых случаях – *весельчак* в зн. «веселый человек, забавник»; *забавник* в зн. «весельчак, шутник, умеющий забавлять»; *спартанец* в зн. «воздержанный, закаляющий себя в лишениях человек, довольствующийся самым необходимым»; *аскет* в зн. «человек, который ведет аскетическую жизнь».

3. Интересы человека, склонность к определенной деятельности фиксируют такие наименования лиц, как: *сластолюбец* в зн. «сластолюбивый человек»; *сонливец* в зн. «сонливый человек, соня»; *графоман* в зн. «тот, кто страдает графоманией»; *придумщик* в зн. «тот, кто придумывает, сочиняет»; *шутник* в зн. «человек, который любит шутить»; *гулена* в зн. «человек, который любит гулять»; *домосед* в зн. «человек, который любит проводить свободное время у себя дома».

Субстантивы, характеризующие человека по склонности к некоторой деятельности, сложно разделить по признаку «положительный / отрицательный», так как отношение к разным видам деятельности весьма субъективно. Отрицательную оценку такие слова несут, когда называют лицо, занимающееся тем или иным видом деятельности слишком часто (много) (*соня* в зн. «сонливый, любящий много спать человек»; *фантазер* в зн. «человек, который любит фантазировать, мечтатель») или же делающее это непрофессионально, неумело (*невун* в зн. «тот, кто любит петь много поет»; *плясун* в зн. «тот, кто пляшет»). Явно негативный оттенок имеет, пожалуй, только слово *насмешник* в зн. «любящий насмехаться человек».

4. Умственные данные, уровень интеллектуального развития человека характеризуют следующие лексемы: *глупец* в зн. «глупый человек»; *дубина* в зн. «о тупом, глупом человеке»; *дурень* в зн. «глупец, дурак»; *балда* в зн. «бестолковый человек»; *бездарность* в зн. «неспособный, неодаренный, пустой человек»; *остолоп* в зн. «глупец, болван»; *тугодум* в зн. «медленно соображающий человек»; *тупица* в зн. «тупой человек»; *балбес* в зн. «бестолковый, грубый и неотесанный человек»; *невежда* в зн. «малообразованный, малосведущий человек».

Как это ни парадоксально, но лексем, отмечающих высокие интеллектуальные данные человека, в нашей выборке насчитывается лишь 7: *выдумщик* в зн. «человек изобретательный, ловкий на выдумки»; *гений* в зн. «человек, обладающий высшей творческой способностью»; *самородок* в зн. «человек с большими природ-

ними дарованиями, но без систематического образования); *эрудит* в зн. «человек, обладающий эрудицией»; *грамотей* в зн. «грамотный человек»; *умник* в зн. «умный человек», «человек, который умничает, старается выказать свой ум», «тот, кто поступает хорошо, разумно (обычно о детях)»; *умница* в зн. «умный человек». Тогда как низкий уровень интеллекта фиксируют 25 единиц (около 78 %). При этом даже субстантивы, указывающие на неординарные умственные данные человека, могут иметь прямо противоположное значение (*грамотей, умник*).

5. Лексемы, характеризующие человека по его мимике, особенностям проявления тех или иных эмоций: *неулыба* в зн. «человек, который редко улыбается, неулыбчив»; *пласа* в зн. «тот, кто много и часто плачет»; *гримасник* в зн. «тот, кто любит делать гримасы»; *хохотун* в зн. «тот, кто часто хохочет, смешливый человек»; *рева* в зн. «тот, кто часто ревет»; *мямля* в зн. «тот, кто мямлит, вялый, нерешительный человек» и др.

Как видим, специальные наименования существуют лишь для тех особенностей, которые являются отклонением от «нормы». При этом основная масса конститuentов данной подгруппы выражает явно отрицательную оценку (*брюзга* в зн. «брюзгливый человек»; *зубоскал* в зн. «человек, который любит зубоскалить, насмешник»; *нытик* в зн. «нюющий, всегда чем-н. недовольный человек» и др.).

6. Лексемы, которые характеризуют речевую деятельность человека, особенности той информации, которую он обычно озвучивает: *балаболка* в зн. «человек, любящий заниматься пустой болтовней, пустомеля»; *говорун* в зн. «человек, который любит много говорить»; *обещалкин* в зн. «человек, который легко дает обещания и забывает их выполнять»; *пошляк* в зн. «человек, который говорит или делает пошлости»; *сплетник* в зн. «человек, который сплетничает»; *трепач* в зн. «человек, который треплется, враль»; *хвастун* в зн. «хвастливый человек»; *хохмач* в зн. «тот, кто любит смешить, шутить, насмеяться над кем-, чем-н.»; *болтун* в зн. «болтливый человек»; *крикун* «крикливый человек», а также «тот, кто много и попусту говорит» и др.

Как видим, большинство лексем несут отрицательную характеристику, отмечают склонность человека говорить неправду (*брехун* в зн. «враль, пустобрех»; *враль* в зн. «лгун, болтун»; *лжец* в зн. «человек, который лжет, склонен ко лжи»), говорить слишком громко (*горлан* в зн. «тот, кто горланит, крикун»; *горлодер* в зн. «тот, кто дерет горло, горлан»; *горлохват* в зн. «горлан, горлопан»), говорить многословно (*водолей* в зн. «тот, кто многословен и бессодержателен в своих речах, писаниях») или же, наоборот, несклонность говорить (*молчун* в зн. «тот, кто постоянно молчит»). К позитивным характеристикам можно отнести слово *почемучка*, которое характеризует ребёнка как любознательного, и *острослов*, которое отмечает наличие у человека чувства юмора и умение остроумно говорить.

7. Последняя из выделенных нами групп представлена лексемами, которые характеризуют человека опосредованно, через его отношение к таким значимым объектам действительности, как:

– работа (работоспособность, отношение человека к выполняемой работе): *белоручка* в зн. «тот, кто чуждается физической или вообще трудной, грубой работы»; *бездельник* в зн. «тот, кто бездельничает, лентяй»; *лентяй* в зн. «ленивый человек»; *лоботряс* в зн. «бездельник, лентяй»; *лежебока* в зн. «лентяй, бездельник»; *работяга* в зн. «работящий, старательный человек»; *ишак* в зн. «человек, безропотно выполняющий самую тяжелую работу»; *тунеядец* в зн. «человек, который живет на чужой счет, чужим трудом, бездельник» и др.;

– материальные ценности: *жадина* в зн. «жадный человек»; *жмот* в зн. «скряга, скупой человек»; *скряга* в зн. «очень скупой человек»; *скупердяй* в зн. «скупой, скарденый человек»; *эконом* в зн. «бережливый, хозяйственный человек»; *бессребреник* в зн. «бескорыстный человек»; *транжир, транжира* «(разг.) человек,

который транжирит, мот», *мот* «расточительный человек, тот, кто мотает свои деньги, имущество» и др.;

– еда, напитки: *водохлеб* в зн. «человек, который пьет много воды, чая»; *забулдыга* в зн. «спившийся, беспутный человек»; *обжора* в зн. «ненасытный, прожорливый человек»; *пьяница* в зн. «тот, кто пьянствует, алкоголик»; *чревоугодник* в зн. «человек, отличающийся чревоугодием, обжора» и др.;

– окружающие люди: *диктатор* в зн. «тот, кто ведет себя по отношению к другим властно и нетерпимо»; *нелюдим* в зн. «нелюдимый человек»; *самодур* в зн. «человек, который действует по прихоти и по личному произволу, унижая достоинство других»; *джентльмен* в зн. «человек подчеркнутой вежливости, корректности»; *донжуан* в зн. «человек, который падок на любовные похождения, искатель любовных приключений (по имени литературного героя)»; *издеватель* в зн. «тот, кому доставляет удовольствие издеваться над кем-н.»; *женолюб* в зн. «тот, кто любит ухаживать за женщинами»; *шкурник* в зн. «тот, кто заботится только о себе, не думая о других» и др.;

– по отношению к самому себе: *зазнайка* в зн. «человек, который зазнается»; *себялюбец* в зн. «себялюбивый человек»; *сноб* в зн. «человек, считающий себя носителем высшей интеллектуальности и изысканных вкусов»; *эгоист* «человек, отличающийся эгоизмом, себялюбец»; *эгоцентрист* в зн. «человек, отличающийся эгоцентризмом».

Таким образом, в языке закрепились единицы, характеризующие человека по его отношению к таким значимым реалиям, как работа, материальные ценности, еда, а также по его отношению к самому себе и окружающим. Причем большинство из указанных лексем выражают крайнюю степень увлечения чем-либо, пристрастия к чему-либо, и тем самым характеризуют человека с отрицательной стороны.

В заключение можно сказать, что в русском языке наименования людей по внутреннему признаку представлены довольно большой группой слов, языковую характеристику внутреннего человека можно с уверенностью назвать разносторонней. Особенности исследуемых наименований заключаются прежде всего в том, что в семантической структуре соответствующих лексических единиц чаще всего присутствует указание не на один, а сразу на несколько признаков. Кроме того, основная масса единиц в выборке не просто констатирует наличие / отсутствие у человека определенного свойства, но и выражает его оценку: негативную в 80 % случаев и положительную – в 20 %. Связано это, по нашему мнению, в первую очередь с существованием некоторых общепризнанных «стандартов», отклонение от которых неизменно находит выражение в языке.

Обращение в перспективе к разнообразному по стилистической и частеречной принадлежности речевому материалу позволит дополнить образ внутреннего человека.

Библиографические ссылки

1. **Апресян В. Ю.** Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
2. **Апресян Ю. Д.** Образ человека по данным языка: Попытка системного исследования / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–68.
3. **Большой толковый словарь русского языка** / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
4. **Виноградов В. В.** Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов – М. : Наука, 1977. – 312 с.

5. **Вольф Е. М.** Эмоциональные состояния и их представление в языке / Е. М. Вольф // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1989. – С. 55–74.
6. **Коротун О. В.** Образ внешнего человека в функционально-семиотическом аспекте (на материале русского языка) / О. В. Коротун // Вестник Омского ун-та. – 2001. – Вып. 1. – С. 68–70.
7. **Никитина Л. Б.** Homo sapiens в русской языковой картине мира (на материале оценочных высказываний об интеллекте) / Л. Б. Никитина // Вестник Омского ун-та. – 2002. – Вып. 3. – С. 89–92.
8. **Постовалова В. И.** Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова. – М. : Наука, 1998. – С. 8–70.
9. **Телия В. Н.** О специфике отображения мира психики и знания в языке / В. Н. Телия // Сущность, развитие и функции языка. – М., 1987. – С. 67–75.
10. **Убийко В. И.** Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Функционально-когнитивный словарь / В. И. Убийко – Уфа : Башкир. ун-т, 1998. – 232 с.
11. **Уилрайт Ф.** Метафора и реальность / Ф. Уилрайт // Теория метафоры : сб. ст. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М. : Прогресс. 1990. – С. 82–110.
12. **Урысон Е. В.** Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1995. – С. 3–12.
13. **Шмелев А. Д.** Дух, душа и тело в свете данных русского языка / А. Д. Шмелев // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997. – С. 523–540.

Надійшла до редколегії 05.06.10

УДК 811.161.1'373

Т. С. Пристайко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

О СТИЛЬНОМ IPOD'е ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...

(оценочная лексика в рекламе высокотехнологической продукции)

Проаналізовано оцінну лексику (прикметники і прислівники), що використовується у журнальній рекламі високотехнологічної продукції: сформовано групи оцінних слів за частотою їхнього використання у рекламних контекстах, розглянуто семантику оцінки, відповідно до якої виділено семантичні типи оцінних прикметників, вивчено та описано засоби інтенсифікації оцінки й типи об'єктів оцінки.

Ключові слова: журнальна реклама, оцінка, лексика із семантикою загальної та часткової оцінки, інтенсифікація оцінки, об'єкти оцінки у рекламі високотехнологічної продукції.

Проанализирована оценочная лексика (прилагательные и наречия), используемая в журнальной рекламе высокотехнологической продукции: сформированы группы оценочных слов в соответствии с частотой их употребления в рекламных контекстах, рассмотрена семантика оценки, в соответствии с которой выделены семантические типы оценочных прилагательных, изучены и описаны средства интенсификации оценки и типы объектов оценки.

Ключевые слова: журнальная реклама, оценка, общеоценочная и частнооценочная лексика, интенсификация оценки, объекты оценки в рекламе высокотехнологической продукции.

The evaluative vocabulary (Adjectives and Adverbs) used in the journal advertisement of hi-tech production is analyzed; the groups of evaluative words are formed according to the frequency of their usage within advertising context; semantics of assessment is regarded according to which semantic types of evaluative Adjectives are separated; means of evaluation intensification and the types of evaluated objects are studied and described.

Key words: journal advertisement, evaluation, general and partial evaluating vocabulary, evaluation I intensification, evaluated objects in hi-tech advertising.

Современному человеку трудно представить свою жизнь без присутствия предметов, воплощающих результаты применения так называемых высоких технологий – наиболее передовых и прогрессивных достижений науки и техники. Новейшие наработки в области аудио- и видеотехники, компьютеров и Интернета, мобильной связи, фотографии, техники для развлечений и отдыха представляют сферу высоких потребительских технологий, непосредственно направленных на создание технических новинок, которые человек использует на работе и в быту.

Знакомство рядового человека со многими овеществленными результатами высоких потребительских технологий чаще всего происходит при помощи коммерческой рекламы, играющей в нашей жизни роль своеобразного популяризатора новейших достижений науки и техники. Реклама, как важнейшая разновидность массовой коммуникации, прочно вошла в жизнь современного человека. Рекламный текст, основанный на использовании выразительных возможностей средств языка всех уровней, оказывает значительное влияние на формирование различных стереотипов и образа жизни современного общества [2]. Этим объясняется неослабевающий интерес отечественных и зарубежных учёных к кругу проблем, связанных с изучением рекламы и её языка.

В последние годы средства массовой информации пополнились значительным количеством журналов, основной целью которых является рекламирование высокотехнологической техники. Ведущее место среди них по праву занимает журнал «Т3» [ТЭ ТРИ] – европейское издание, оперативно и живо информирующее общественность обо всех значимых событиях и новостях в области высоких потребительских технологий. Высокий уровень экспертов, неповторимый стиль и юмор, сеть корреспондентов в Европе, Японии и США – все это помогло изданию завоевать признание и популярность во всем мире.

В задачи данного исследования входит анализ оценочной лексики в языке журнальной рекламы, посвященной новинкам высокотехнологической техники, на материале рекламы в «Т3». Обращение к заявленной теме обусловлено прежде всего недостаточной изученностью специфики журнальной рекламы в целом, и рекламы продукции высоких потребительских технологий в частности. Выбор в качестве объекта исследования оценочной лексики определен также нашим критическим отношением к мнению А. В. Беликовой о том, что в рекламных текстах «мужского» журнала, в отличие от «женского», в целом отсутствует эмоционально-оценочная лексика [2]. Поскольку читателями «Т3», по данным маркетинговых исследований [<http://t3.com.ua/?view=about>], являются обеспеченные образованные активные мужчины – владельцы собственного бизнеса, топ-менеджеры, руководители структурных подразделений, специалисты, а также студенты, журнал вполне можно отнести к категории «мужских».

Как отмечают исследователи, своеобразие журнальной рекламы заключается в «органичном соединении лингвистических и паралингвистических средств, к которым относятся графическая сегментация рекламного текста, длина строки, пробелы, шрифт, цветовая гамма, курсив, разрядка, втяжка, типографские знаки, графические символы, рисунки, фотографии, логотипы и др.» [2]. Изображение, являясь средством визуальной рекламной коммуникации, выполняет аттрактивную, иллюстративную, информативную, эстетическую, экспрессивную функции, способствуя нужной

рекламодателю інтерпретації товару, виступая фактором підвищення індекса убєдательности и воздействия журнального рекламного текста. В то же время практика показує, что без текстового супроводження ни демонстрация изделия, ни распространение фотографии не раскрывают до конца заложенные в них возможности, тогда как текст может успешно выполнять функцию рекламы даже без предъявления того, что рекламируется, то есть его невербального образа [6, с. 23].

Объектами рекламирования в журнале «Т₃» являются такие товары, как компьютеры, телефоны, музыкальная аппаратура, фото-, аудио- и видеотехника, бытовая техника (холодильники, блендеры и др.), автомобили, мотоциклы и т. д., требующие, прежде всего, их описания и сообщения точных данных о технических характеристиках тех или других устройств. Однако, как известно, ни один рекламодатель не будет платить деньги за рекламный текст, который только сообщает о товаре, но который не побуждает к покупке [9]. В рекламном тексте реализуется сложная прагматическая установка речи: бесспорно, текст прежде всего информирует потенциального покупателя, но это речевое общение состоит не только из обмена информацией и сообщения новостей, но включает и разнообразные средства воздействия. Исследователи отмечают, что в становлении специфики рекламной речи значительную роль играет эмотивный фактор, так как стремясь внушить определенную мысль, субъект речевого воздействия апеллирует прежде всего к эмоциям, чувствам. Как отмечает Ю. Рождественский, именно «эмоциональная сила текста является прямой формой побуждения» [10, с. 161].

Эмотивность в рекламном тексте находит свое выражение в активном использовании эмоционально-оценочных слов, так называемых оценочных клише рекламы [6; 8], иначе – ключевых слов, принадлежащих к категории аттрактивов [5]. Их использование объясняется задачей оказать косвенное воздействие на волю человека, возбудив желание воспользоваться рекламируемым объектом.

По наблюдениям ученых, наиболее характерно для рекламной речи употребление оценочных клише в группе прилагательных и наречий: *новый, надежный, простой, экономный, легко, быстро, удобно* и т. п. [7, с. 15]. При этом сами ключевые слова могут не иметь экспрессивной окраски, но благодаря своей семантике они создают в контексте эффект положительной оценки.

По нашим данным, круг оценочных прилагательных и наречий, используемых в журнальной рекламе высокотехнологических потребительских новинок, не ограничивается только ключевыми словами. В частности, всего в двух первых номерах журнала «Т₃» за 2010 мы отметили более 600 контекстов, в которых использовано около 130 оценочных прилагательных и наречий. Сформированный корпус оценочной лексики был проанализирован в нескольких аспектах, направленных на установление: а) частоты встречаемости оценочных слов в рекламных контекстах; 2) семантики оценочных слов; 3) средств интенсификации оценки и 4) объектов оценки в журнальной рекламе высоких потребительских технологий. Представим ниже полученные результаты.

I. Количественный анализ частоты встречаемости оценочных лексем позволил распределить состав сформированного корпуса по 4 подгруппам:

В первую подгруппу вошло 9 прилагательных и производных от них наречия с частотой свыше 20 словоупотреблений: *отличный / отлично* (52 ед.), *хороший / хорошо* (38 ед. + *лучший* (4), *наилучший* (4)), *превосходный / превосходно* (41), *качественный* (40 ед.), *удобный / удобно* (39 ед.), *великолепный* (33 ед.), *прекрасный* (32 ед.), *простой / просто* (29 ед.), *стильный / стильно* (21 ед.).

Вторую подгруппу составили 18 лексем с частотой от 5 до 20 словоупотреблений: *приличный* (15 ед.), *приятный* (14 ед.), *привлекательный* (14 ед.); *высокое качество* (10 ед. + *высочайший* (4 ед.)), *оригинальный* (11 ед.); *симпатичный* (9 ед.);

достойний, красивый, тонкий – по 8 ед.; *изящный / изячно, недорогой, потрясающий, роскошный, элегантный, кристально чистый* – по 6 ед.; *удачный, идеальный / идеально, уникальный* – по 5 ед.

Третья подгруппа представлена 42 лексическими единицами, встретившимися менее чем в 5 контекстах: *безупречный / безупречно, бюджетный, доступный, интересный, компактный, надежный, настоящий, эффективный / эффективно* – по 4 ед.; *быстрый, выдающийся, интуитивно (понятный), комфортный, легкий, мощный, невероятный, несомненный / несомненно, понятный, престижный, современный, солидный, точный, ультратонкий, фантастический / фантастически* – по 3 ед.; *богатый, внушительный, восхитительный, выносливый, гуманная (цена), разумная (цена), добротный, инновационный, модный, немаркий, новый, одаренный, нестандартный, поразительный / поразительно, свежий, традиционный, уважающий себя, фирменный, эксклюзивный* – по 2 ед.

И наконец, в **четвертую подгруппу** вошло 55 лексем, характеризующихся единичной встречаемостью: *адекватный (пульт), аскетично (выглядит ноутбук), бескомпромиссный (качество изготовления), броский (дизайн), веселый (веселый голубой цвет крышки телефона), впечатляющий (яркость экрана), высококлассный (материал), демократичный (стоимость), дивный (процессор), занятный (устройство), живой (изображение), естественный (изображение), мягкий (изображение), жизне-радостный (оформление), заботливо (прикрыт), завидный (видео), замечательный (модель), импозантно (выглядит), непрошибаемый (камера), классический (дизайн), коронный (дизайн), любимый (видеокамера), многообещающий (смартфон), могучий (конкурент), небывалый (взлет), невысокая (стоимость), необычайно (функциональное устройство), неприхотливый (камера), нетрадиционный (дизайн), образцово-показательный (телефон), общедоступный (телефон), оправданная стоимость, отзывчивый (экран), чувствительный (экран), первоклассный (звучание), передовой (софт), прелестный (звучание), приемлемый (стоимость), прочный (видеокамера), «неубиваемый» (видеокамера), навороченный (мышь), популярный (устройство), внятный (настройка), полезный (аксессуар), продвинутый (ноутбук), распространенный (бренд), старый добрый (ноутбук), строгий (корпус), ультрапортативный (гаджет), оптимальных размеров, футуристический (сабвуфер), чарующий (красота – о телефоне), чертовски (оригинально выглядит – о ноутбуке), шикарный (система).*

II. Основополагающим для характеристики **семантики оценочных прилагательных и наречий** в настоящем исследовании был принят подход, базирующийся на аксиологических концепциях и логике оценок, где первичным считается концепт ценности, добра (А. А. Ивин, Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова). Вслед за Ю. Г. Лозовским, под «оценкой» мы понимаем устоявшееся, закрепившееся в сознании представление о ценностной значимости предмета, свойства, явления действительности [8, с. 8].

Среди работ, посвященных типологии оценочных значений, выделяются труды Е. М. Вольф [4] и Н. Д. Арутюновой [1]. На наш взгляд, наиболее обоснованной и четкой является типология общеоценочных и частнооценочных значений, предложенная Н. Д. Арутюновой, которая выделяет две разновидности оценочных значений: общие и частнооценочные. Первая разновидность оценок (общие) строится на противопоставлении прилагательных *хороший/плохой* и их синонимов с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (*прекрасный, великолепный, отличный, превосходный* и т. п.), во вторую группу (частнооценочные) входят значения, дающие оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения (сенсорно-вкусовые, этические, эстетические, нормативные, психологические, телеологические) [1, с. 75–76]. Частные оценки объединяются в три категории: сенсорные оценки, связанные с ощущением, чувственным опытом – физическим и психическим; сублими-

рованные оценки, объединяющие эстетические и этические; рационалистические (практические, прагматические) оценки, связанные с практической деятельностью, практическими интересами и повседневным опытом человека. В последнюю группу входят утилитарные, нормативные и телеологические оценки, критериями которых являются физическая или психическая польза, направленность на достижение определенной цели, выполнение некой функции, к которой данный предмет предназначен, соответствие установленному стандарту [1, с. 76–77].

Особое место среди отмеченных нами оценочных прилагательных занимает группа общеоценочных слов, семантическая структура которых включает только один компонент – знак оценки и которые характеризуются семантической опустошенностью. Все они могут быть определены через лексемы *хороший / плохой*, являющиеся доминантами этого ряда прилагательных: *отличный, превосходный, восхитительный* и др. – положительная оценка (сема «хорошо»+интенсификация) или *плохой, отвратительный, ужасный* и др. – отрицательная оценка (сема «плохо»+интенсификация). Предметом нашего анализа, как уже было отмечено выше, являются признаковые лексемы, выражающие положительную оценку, что наиболее характерно для рекламы вообще, и для рекламы высоких потребительских технологий в частности.

Показательно, что общеоценочные прилагательные входят, в основном, в состав первой из отмеченных нами подгрупп, где они составляют 50 %. Их набор вполне соответствует представлению об оценочных клише рекламы: *отличный, хороший, превосходный, великолепный, прекрасный*. И только один адъектив с общеоценочной семантикой встретился в нашей выборке всего один раз – *замечательный* (модель).

Частнооценочные прилагательные разных типов распределяются по отмеченным выше частотным подгруппам следующим образом:

– **рационалистические (прагматические) оценки:**

I-я подгруппа – *удобный, простой, качественный* – 30 %;

II-я подгруппа – *достойный, высокое качество, идеальный, кристально чистый* (звук), *недорогой, оригинальный, удачный, уникальный* – 44 %;

III-я подгруппа – *безупречный, быстрый, бюджетный, внушительный* (объем памяти), *выносливый, добротный, доступный, инновационный, компактный, легкий, надежный, настоящий, немаркий, нестандартный, новый, мощный, современный, свежий, традиционный, точный, фирменный, эксклюзивный, эффективный* – 56 %;

IV-я подгруппа – *адекватный, высококлассный, демократичный, классический, многообещающий, могучий, невысокий* (стоимость), *неприхотливый, нетрадиционный, образцово-показательный, общедоступный, первоклассный, передовой, приемлемый, прочный, полезный, распространенный, ультрапортативный, оптимальных размеров* – 38 %;

– **сенсорные оценки:**

I-я подгруппа – *стильный* – 10 %;

II-я подгруппа – *приличный, приятный, привлекательный, симпатичный, тонкий, потрясающий, роскошный* – 39 %;

* Спецификой рекламы высокотехнологической техники в журнале «Тз» является особая композиция отдельных рекламных текстов, включающих три рубрики: в рубрике «Паспорт» даются технические характеристики объекта рекламы; в рубрике «Хорошо» отмечаются положительные качества и в рубрике «Плохо» характеризуются отрицательные стороны высокотехнологических устройств. Негативные характеристики репрезентируются с помощью прилагательных *посредственный* (экран), *дрянной* (интерфейс), *неудачный* (дизайн), *слишком громоздкий* (корпус) и т. д. Способы и средства представления отрицательной оценки в подобных текстах в сопоставлении с положительной, на наш взгляд, вполне могут стать объектом самостоятельного изучения.

III-я підгрупа – *богатий* (возможности), *восхитительный, выдающийся, интересный, комфортный, модный, невероятный, несомненный, одаренный, поразительный, понятный, престижный, разумный* (цена), *солидный, ультратонкий, фантастический* – 39 %;

IV-я підгрупа – *аскетичный, броский, веселый, впечатляющий, дивный, занятный, живой, естественный, мягкий, жизнерадостный, заботливый, завидный, импозантный, непрошибаемый, коронный, любимый, небывалый, оправданный, отзывчивый, чувствительный, «неубиваемый», навороченный, внятный, популярный, продвинутый, футуристический, шикарны́й* – 54 %;

– **сублимированные оценки:**

II-я підгрупа – *красивый, изящный, элегантный* – 17 %;

III-я підгрупа – *гуманный* (цена), *уважающий себя* – 5 %;

IV-я підгрупа – *бескомпромиссный, прелестный, строгий, чарующий* – 8 %.

Нетрудно заметить, что, помимо общеоценочных прилагательных, в рекламе потребительских высокотехнологических устройств особую роль играют адъективы с семантикой рационалистической и сенсорной оценки, гораздо реже используются прилагательные, виражающие сублимированную (естетическую и етическую) оцнку.

Закономерно, что среди общеоценочных прилагательных нет слов, которые использовались бы в текстах рассматриваемой рекламы в переносном, метафорическом, значении. В составе же частнооценочных слов немало семантически переосмысленных прилагательных, причём перенос значения реализується здесь чаще всего по одной моделі: характеристики человека переносятся на высокотехнологические устройства, то есть используется приём олицетворения. Так, среди адъективов с семантикой рационалистической оценки отмечены метафорические лексемы, входящие в следующие синтагмы: *безупречный дисплей* (*безупречный* – ‘ничем не опороченный, безукоризненный’ [11, с. 38]), *выносливая камера* (*выносливый* – ‘физически сильный, стойкий, способный много вынести’ [11, с. 132]), см. также: *свежая модель телевизора, неприхотливая камера* и др. Еше больше олицетворяющих прилагательных в кругу лексем с семантикой сенсорной оценки: *приличный компьютер, симпатичный монитор, выдающаяся ЖК-панель, одаренное устройство, разумная цена, солидный ноутбук, аскетично выглядит ноутбук, веселая крышка телефона, живое изображение, жизнерадостное оформление, заботливо прикрытая крышка, импозантно выглядит ноутбук, отзывчивый и чувствительный экран* и др.

Только среди сенсорно-оценочных прилагательных с единичной встречаемостью отмечены функционально маркированные прилагательные *непрошибаемая камера* (*непрошибаемый* – разг. ‘не поддающийся воздействию’ [11, с. 516]), *навороченная мышь* (*навороченный* – жарг. ‘снабженный множеством дополнительных деталей, приспособлений, наворотов’ [3, с. 573]), *продвинутый ноутбук* (*продвинутый* – разг. ‘находящийся впереди, более совершенный по сравнению с другими’ [11, с. 750]), *шикарная система* (*шикарный* – разг.-сниж. ‘прекрасный, превосходный’ [3, с. 1497]). Функцию оценки в рекламном тексте выполняет и окказионализм *неубиваемый* (‘не поддающийся какому-либо воздействию’) в контексте «неубиваемая» видеокамера.

III. Составители рекламных текстов в журнале «Т₃» не ограничиваются активным использованием оценочных прилагательных, но и довольно часто обращаются к различным **средствам интенсификации оценки**, в качестве которых прежде всего выступают наречия *весьма* (*весьма привлекательный экран, весьма эффективные регулировки*), *вполне* (*вполне качественный и современный монитор, вполне приличные углы обзора*), *достаточно* (*достаточно простая и удобная система, достаточно удобный интерфейс*), *очень* (*очень компактная камера, очень симпатичная модель*), *предельно* (*предельно простая установка*), *действительно* (*действительно*

выдающийся аппарат, действительно превосходный интерфейс), **несомненно** (несомненно прекрасный проект), **по-настоящему** (по настоящему достойный телевизор), **поразительно** (поразительно тонкий телевизор). Отмеченные слова-интенсификаторы не выражают оценки по принципу «хорошо»/«плохо», но подчеркивают высокую интенсивность проявления качеств и свойств высокотехнологического устройства. Первое место по частоте использования среди наречий-интенсификаторов занимает лексема *очень* (более 30 словоупотреблений), которая сочетается как с общеоценочными, так с частнооценочными прилагательными всех типов.

Интенсификация оценки выражается и формами сравнительной и превосходной степени оценочных прилагательных. В анализируемых рекламных текстах представлены, в основном, аналитические формы сравнительной степени (*более простое и гибкое администрирование, более тонкие и изящные телевизоры*), в то время как наивысшая степень интенсификации оценки может передаваться как с помощью простых (*высочайшее качество, высочайший уровень воспроизведения, наилучшее качество звучания*), так и с помощью аналитических (*наиболее престижный ноутбук, самый большой экран, самый полезный аксессуар*) форм превосходной степени. Чаще всего в рекламе высокотехнологических устройств используются суперлативы, образованные при помощи слова *самый* (более 10 ед.).

Еще одним средством интенсификации оценки являются префиксы **сверх-**, **супер-** и **ультра-**, присоединяемые к оценочным прилагательным разных категорий и превращающие их в суперлативы: *сверхкачественный звук, сверхъяркий экран, суперсовременный материал, ультрапортативный гаджет, ультратонкий корпус, ультратонкое устройство*.

IV. Основные объекты оценки, релевантные для журнальной рекламы высокотехнологической потребительской продукции, были выявлены на основе анализа контекстной сочетаемости оценочных слов с определяемыми словами. В ходе анализа было установлено, что преимущественными «точками оценивания» для составителей рекламы рассматриваемой разновидности являются в первую очередь сами высокотехнологические предметы и устройства в целом, например, **ноутбук** – *качественный, симпатичный, мощный, прекрасный, наиболее престижный, оригинальный, очень красивый, стильный, изящный, самый продвинутый*; **телефон** – *быстрый и мощный, качественный, простой, удобный в использовании, недорогой, добротный, очень тонкий, общедоступный*; **камера** – *великолепная, выносливая, качественная, недорогая, красивая*; а также конструктивные части устройств: **экран** – *великолепный, отличный, привлекательный, качественный, невероятный*; **процессор** – *дивный, надежный, точный*; **мышь** – *великолепная, новая*; **клавиатура** – *великолепная, отличная, очень качественная, очень удобная*; **наушники** – *достойные, красивые, удобные, отличные*; **корпус** – *стильный, строгий, красивый, немаркий, удобный, привлекательный, приятный, ультратонкий, устойчивый к царапинам и т. д.*

В сферу экспрессивно-эмоциональной оценки вовлекаются технические параметры высокотехнологических устройств: **звук** – *великолепное звучание, великолепное качество звука, великолепный звук, восхитительное качество звука, высочайший уровень воспроизведения, кристально чистый звук, чистый звук, отличное качество звука, отличные басы, отличный звук, прелестное звучание*; **изображение** – *великолепное изображение, великолепная глубина изображения, великолепная картинка, великолепное качество изображения, впечатляющая яркость, высокое качество изображения, высочайшая контрастность, живое, естественное, мягкое изображение, прекрасная детализация, приличная детализация*; **цвет** – *великолепный, веселый голубой (цвет крышки телефона), просто прекрасный, превосходная цветовая палитра*; **сборка** – *качественная, превосходное качество сборки, хорошее качество*

сборки; системные характеристики, которые обеспечивают взаимодействие пользователя с устройством: **интерфейс** – действительно превосходный, достаточно удобный, интересный, интуитивно понятный, модный, отличный, потрясающий, превосходный, простой, вполне удобный; **меню** – интуитивно понятное, отличное, очень простое и удобное; другие параметры: великолепные характеристики, отличные характеристики, прекрасные характеристики, хорошие характеристики, отличная функциональность, превосходная функциональность, отличная производительность, хорошая производительность, отличные спецификации и пр.

Общеоценочные и частнооценочные прилагательные участвуют в оценочной презентации и таких характеристик рекламируемых высокотехнологических продуктов, как их внешний вид: *жизнерадостное оформление, изящная графика, приятный вид, симпатичная внешность, импозантный вид, стильная внешность, традиционная элегантность, хрупкая внешность, элегантная модель*; дизайн – *изящный, интересный, невероятный, нестандартный, нетрадиционный, оригинальный, прекрасный, привлекательный, приятный, современный, стильный, тонкий, традиционный, уникальный, хороший, элегантный*. Оценочная характеристика внешнего вида высокотехнологического устройства может реализовываться посредством сочетания прилагательных *стильный, элегантный, изящный, симпатичный, приятный* с обозначениями самих устройств.

Еще одним обязательным объектом оценки в рекламе высоких технологий является стоимость рекламируемых устройств: **цена** – *весьма бюджетная, гуманная, доступная, очень привлекательная, приятная, разумная*; **стоимость** – *демократичная, доступная, невысокая, оправданная, привлекательная, приемлемая, хорошая*. Оценка стоимости того или иного прибора может предьявляться путем сочетания прилагательных *недорогой, доступный, демократичный* с названиями предметов (телефон, телевизор, ноутбук и т. д.).

Наречия, образованные от оценочных прилагательных, в сочетании с обще- и частнооценочными адъективами выполняют, как правило, функцию интенсификации оценки: *безупречно прекрасный дисплей, кристально прозрачный вид, кристально чистый звук, невероятно мягкая кожа, несомненно прекрасный проект, предельно простая установка*. Сочетаясь с глаголами, они выражают значение оценки а) работы и использования устройства: *прекрасно справляется, экран отлично справляется, динамики системы отлично воспроизводят низкие частоты, пользоваться слайдером удобно и комфортно*; б) соответствия чему-л. или совместимости с чем-л.: *экран великолепно подходит для просмотра видео, в ноутбуке идеально сочетаются традиционная элегантность и текстурированная алюминиевая панель*; в) внешнего вида: *смотрится ноутбук действительно изящно и стильно, ЖК-экран смотрится очень внушительно, 55-дюймовый экран выглядит по-настоящему фантастически, монитор выглядит очень импозантно, аппарат отлично выглядит, материал в стандартном разрешении выглядит очень качественно, фотокамера очень привлекательно выглядит, ноутбук чертовски оригинально выглядит* и т. д.

Естественно, что оценка в рекламе высокотехнологических устройств репрезентируется не только с помощью оценочных прилагательных и наречий. В ее экспликации участвуют и широкий круг имен существительных, нередко переосмысленных, входящих в состав сравнений: *Камера непрошибаема, как лицо Клинта Иствуда*, или метафор: *Второе лицо бизнесмена* – о часах; *настоящая интеллектуалка* – о видеокамере; *настоящие аудиочудеса, потребительское чудо* – о новом телефоне, *чудо техники, шедевр промышленной эстетики* и т. д. Особая экспрессивность оценки возникает за счет привлечения жаргонной лексики, ср.: *Богатство, роскошь и понты высшей пробы* – о седане Maybach Zeppelin; *Гламур и качество совместимы* – о мониторе Asus MS236H. Однако объем данной работы не позволяет

охватить всю оценочную лексику в полном объеме, в силу чего анализ имен существительных, глаголов, тропов, участвующих в создании разных типов оценки в рекламе высоких потребительских технологий, вполне может составить перспективу дальнейших исследований в данной области.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд **выводов**: 1) признаковая лексика (прилагательные и наречия) со значением оценки активно привлекается создателями рекламы высокотехнологических потребительских устройств, оценочно характеризуя как сами устройства, так и их внешний вид, системные и технические параметры; 2) оценка в рассматриваемой рекламе выражается как с помощью общеоценочных слов, так и с помощью частнооценочных прилагательных. Наиболее часто в языке журнальной рекламы используются общеоценочные прилагательные и прилагательные с семантикой рационалистической и сенсорной оценки; 3) достаточно широкий диапазон оценочных слов, используемый авторами рекламных материалов в журнале «Т₃», опровергает мнение некоторых авторов о гендерном различии в передаче оценки в рекламе так называемых «мужских» и «женских» журналов; 4) оценочная лексика, очевидно, неизбежна в языке журнальной рекламы любого типа, так как является необходимым средством, с помощью которого реализуется такая важнейшая функция любой рекламы, как функция воздействия.

Библиографические ссылки

1. **Аругтюнова Н. Д.** Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Аругтюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. **Беликова А. В.** Журнальная реклама: лингвокультурный и гендерный аспекты (на материале русского и английского языков) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / А. В. Беликова. – Краснодар, 2007. – 20 с. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kubsu.ru/index.php/rus/content/download/4517/17704/file/Автореферат_Беликовой_А._В..doc
3. **Большой толковый словарь русского языка** / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
4. **Вольф Е. М.** Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
5. **Зирка В. В.** Роль аттрактивов в рекламном тексте / В. В. Зирка // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Серія «Мовознавство». – 2005. – Вип. 11. – № 2/2. – С. 30–37.
6. **Каранадзе И.** Лингвосемиотика телетекста : дисс. ... академ. степени доктора философии / Каранадзе Ирма. – Батуми, 2009. – 127 с.
7. **Лебедева Л. В.** Особенности функционирования языка в печатной рекламе : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Рус. язык» / Л. В. Лебедева. – М., 1981. – 20 с.
8. **Лозовский Ю. Г.** Языковые средства создания имиджа известной личности (на примере СМИ Приморского края) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Рус. язык» / Ю. Г. Лозовский. – Владивосток, 2009. – 25 с.
9. **Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации** / отв. ред. Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов. – М. : Наука, 1990. – 135 с.
10. **Рождественский Ю. В.** Введение в общую филологию / Ю. В. Рождественский. – М. : Высш. шк., 1979. – 224 с.
11. **Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов** / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Изд. центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.

Надійшла до редколегії 29.03.10.

А. В. Пугачёва

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара***ЯДЕРНО-ПЕРИФЕРИЙНОЕ СТРОЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЖЕНЩИНА» В ПОЭЗИИ И. КОРМИЛЬЦЕВА**

Розглянуто окремі теоретичні питання структурування текстового семантичного поля; опрацьована схема ядерно-периферійної розбудови семантичного поля «Жінка», яке репрезентоване у поетичних творах І. Кормильцева; для розмежування ядра й периферії запропоновано й апробовано оригінальний критерій ключових номінацій.

Ключові слова: семантичне поле (СП), текстове СП, ядро СП, периферія СП, зони периферії, критерій ключових номінацій, поетичні твори.

Рассмотрены некоторые теоретические вопросы структурирования текстового семантического поля; выработана схема ядерно-периферийного строения семантического поля «Женщина», репрезентированного в поэтических произведениях И. Кормильцева; для разграничения ядра и периферии предложен и апробирован оригинальный критерий ключевых номинаций.

Ключевые слова: семантическое поле (СП), текстовое СП, ядро СП, периферия СП, зоны периферии, критерий ключевых номинаций, поэтические произведения.

Some theoretical issues of the structure of the text semantic field are considered; the chart of differentiation of kernel and periphery in the structure of the semantic field "Woman" represented in poetic works by I. Kormilcev is worked out; for differentiation of kernel and periphery the original criterion of key nominations is suggested and approved.

Key words: the semantic field (SF), text SF, kernel of SF, periphery of SF, zones of periphery, criterion of key nominations, poetic works.

Теории поля в языкознании широкое распространение и развитие получили в XX веке, предметом исследования в них стали «группировки языковых единиц, объединяемых на основе общности выражаемого ими значения (семантический принцип) или по общности выполняемых ими функций (функциональный принцип), или на основе комбинации двух признаков (функционально-семантический принцип)» [9, с. 4]. В лексикологии в поля объединяются, разумеется, лексические единицы. Это стало новым и весьма перспективным разрешением вопроса о системности лексики.

Но дальнейшая разработка и применение полевого подхода перспективна не только для традиционной лексикологии, но и для такого направления, как когнитивная лингвистика, обретающая всё большую популярность в последние десятилетия. Характерными для этого направления являются понятия языкового концепта, языковой картины мира, концептосферы языка и т. п. Изучение явлений такого порядка в рамках лингвистики стало возможным в том же XX веке, когда формируется антропоцентрическая парадигма в языкознании, смещающая акцент с внутренней структуры языка на его связи с другими сферами деятельности человека, а потому включающая такие новые науки, как прагматика, психолингвистика, лингвокультурология и другие.

Работая с лексическим материалом при изучении какого-нибудь языкового концепта, исследователь во множестве случаев будет иметь дело с такими единицами, которые могут быть объединены в лексико-семантическое поле или несколько таких полей. Именно в этом мы и усматриваем связь теории полевой организации лексики с концептологией.

Особое место в языкознании всегда занимали исследования языка художественной литературы всех родов. Язык этот имеет свою специфику, которая на уров-

не лексики проявляється, прежде всего, в образности, в употреблении лексических единиц в непрямом значении. Поскольку наша работа касается языка поэзии, отметим, что изучение его актуально всегда, так как поэзия – очень существенная сфера функционирования языка, выявляющая его потенцию.

В современной поэзии, несомненно, нужно выделять явление рок-поэзии, знаковое для эпохи 80–90-х гг. прошлого столетия и не потерявшее, думается, своей значимости и сегодня. Конечно, особенности рок-поэзии проявились в её языке и заслуживают внимания языковедов. Поэтому материалом для нашего исследования стали стихотворения Ильи Кормильцева, являющегося представителем рок-поэзии. В его текстах нас будет интересовать языковое отражение представлений о женщине, поскольку наряду с представлениями о мужчине они относятся к «базовым концептам культуры» [5, с. 180]. В задачи нашей работы входит представление структуры семантического поля «женщина», репрезентированного в поэзии Ильи Кормильцева, на материале сборника его стихотворений «Скованные одной цепью» [1]. Объём выборки составляет 41 номинация.

На возможность и даже необходимость исследования функционирования лексических систем в тексте и в речи указывают многие исследователи, в частности Р. М. Гайсина [1, с. 32], Е. Л. Кривченко [4, с. 102], Т. Г. Пономаренко [10], А. П. Клименко и В. А. Симхович [3], М. Л. Новикова [6], Л. И. Фролова [13, с. 43], Н. С. Новикова [7] и мн. другие. Все они отмечают определённые особенности лексико-семантических группировок, имеющих место в тексте. Так, Т. Г. Пономаренко, ссылаясь на В. И. Кодухова, говорит о том, что если в словарном составе языка лексическое значение слова специализируется, то в контексте возможна актуализация любого компонента значения [10, с. 30]. А. П. Клименко и В. А. Симхович отмечают расширение лексико-семантических и тематических групп в структуре художественного текста за счёт окказиональных вкраплений, которые возникают в силу того, что в контексте художественного произведения «нередко ослабляются словарные особенности слова, т. е. те свойства, которые присущи ему как единице языковой системы, и актуализируются речевые особенности слова» (контекстуальная моносемантичность и контекстуально обусловленные семантические модификации) [3, с. 92]. Кроме того, исследователи заметили явление семантической иррадиации, которая «проявляется в том, что доминирующее тематическое поле подчиняет себе семантику слов других групп лексики, даже не сопряжённых с ним. Доминирующее поле вбирает в себя лексемы других полей в метафорическом значении» [3, с. 93].

Эти же исследователи предложили для обозначения лексической группы в тексте ввести понятие лексико-тематической группы (ЛТГ). При этом они подчёркивают отличие её и от ЛСГ и от тематической группы. ЛТГ может иметь ядро, совпадающее с ядром соответствующей ЛСГ, так как в ядро всегда входят слова, «однозначно и систематически обозначающие более общее понятие», периферия же будет разительно отличаться, поскольку «ЛСГ представляет собой объединение лексических единиц в системе языка, а ЛТГ – в тексте» [3, с. 97]. Тематическая же группа, по мнению исследователей, является одним из видов семантического поля, и ЛТГ может объединять в своём составе несколько тематических групп [3, с. 98].

М. Л. Новикова, сравнивая семантическое поле в тексте с полем в языке, отмечает, что первое «менее определённо и более подвижно, чем второе, определяется не жёсткой языковой системой, а закономерностями строения и развёртывания текста, актуальной значимостью её единиц, которые могут не принадлежать одному языковому семантическому полю. Текст может нейтрализовать различия единиц, относящихся в языке к разным полям, и, наоборот, дифференцировать то, что является подобными единицами» [6, с. 37]. Текстовое поле, по её мнению, «пред-

ставляет собой протяжённую, динамически развивающуюся структуру» [6, с. 38]. Объясняя это положение, она пишет, что «один член образного ряда образует необходимые условия функционирования других его членов, выступая по отношению к ним как своеобразный мотивирующий фактор» [6, с. 42].

Об особой – текстовой – тематической группе говорит и Н. С. Новикова. Она рассматривает функционирование и взаимодействие таких групп как основу семантической связности текста: «...использование в тексте членов одной тематической группы есть, прежде всего, повтор сем..., а при использовании слов одной тематической группы в удалённых друг от друга частях текста возникает, по-видимому, повтор тем. Всё это в совокупности с повтором слов ... создаёт единую общую тематическую сетку текста» [7, с. 9]. При этом она констатирует возможность взаимодействия в любом фрагменте текста целого ряда текстовых тематических групп и считает, что «именно своеобразие комбинации текстовых тематических групп в зависимости от содержания выступает, видимо, в качестве одного из условий самобытности, уникальности каждого художественного текста» [7, с. 11].

Поскольку в нашей работе речь пойдёт о лексической группировке, функционирующей в поэтических текстах, созданных в 80–90-х гг., приведём здесь мнение Н. А. Фатеевой, высказанное ею в статье «Основные тенденции развития поэтического языка в конце XX века», о том, что «в последнее время поэзия по преимуществу иррациональна и не только в своих второстепенных, но и в лучших представителях» [12, с. 268]. Насколько мы понимаем, под иррациональностью имеется в виду свободно-ассоциативное выстраивание поэтического текста, который внешне иногда может выглядеть даже бессвязным, но должен постигаться интуитивно.

Однако, независимо от рациональности или иррациональности, поэзия всегда характеризуется образным языком, употреблением лексических единиц в переносном значении, метафоричностью. Таким образом, в текстовое поле (группу) многие единицы будут входить своими вторичными значениями, а «вторичные значения в художественных текстах имеют чаще всего образный характер, обусловленный общим строем литературного произведения» [6, с. 38].

Следует отметить, что к исследованию отражения представлений о женщине в языке, речи и текстах уже обращались многие лингвисты и литературоведы. В языковедении это, в основном, изучение соответствующего концепта. Т. П. Шуба-Зимянина характеризует концепт «женщина» как «проекцию стереотипных представлений о женщине как носителя социально предписанных качеств и свойств, сформировавшихся на основании половых, семейных, общественных, этических, эстетических и других функций» [14, с. 68]. Несомненно, что даже стереотипы подвержены изменениям. Поэтому, как пишет Л. Первушина, в литературе последних десятилетий XX – начала XXI века появляется новый образ женщины, который «признан литературоведами в качестве образа “новой женщины феминизма”, женщины особой культурной ситуации конца XX века» [8, с. 124]. Так что изучение концепта женщины возможно и в этом новом контексте.

Подчеркивая, что для выявления национально-культурной специфики концепта необходимо его сопоставительное изучение в языковом сознании разных народов [14, с. 68], Т. П. Шуба-Зимянина исследует концепт «женщина» в русском, белорусском и польском языках. Среди параметров оценивания женщины она выделяет две группы признаков, доминантных для поля «человек»: внешние признаки («внешность», «манеры», «поведение» и др.) и признаки внутреннего мира человека («свойства личности»: «ум», «душа» и т. д.) [14, с. 69]. Одним из выводов, полученных в результате её исследований, было то, что «в славянском языковом созна-

нии красота всё ещё тесно связана с нравственными качествами объекта оценки» [14, с. 70].

Д. Малишевская, называя в качестве характерологических свойств гендерных концептов «возрастные свойства, психофизические свойства, функциональные, интеллектуальные свойства и состояния, характеристику речевого поведения, различные формы деятельности, связанные со свойствами личности и т. д.», утверждает, что на их основании в языковом сознании обязательно формируются представления об *«идеале и антиидеале мужчины и женщины»* [5, с. 181].

Нужно признать, что такая оценочная направленность проявляется не только в лексике, составляющей синтагматическое окружение номинаций женщины, но и, как свидетельствует проведенное исследование, в самих этих номинациях.

Прежде чем приступить к изложению результатов организации номинаций женщины в поэзии И. Кормильцева в полевую структуру, сделаем еще несколько предварительных замечаний.

Общий объём поля составляет 41 номинацию: *ангел, Ариадна, бегущая вдаль, блядь, ведьма, двое, дочь, жена, женщина, звезда, зверь, Калипсо, классовый враг, кошка, летучая мышь, мама, мать, она, плачущая плоть, плебейка, плод вырождения, подруга, Полина, птица, раба, раздетое лето, роза, свет, светило беззвёздных ночей, свобода, святая судья, сексуальный партнёр, сестра, смерть, спасенье, страна, судьба, ты, тьма, хозяйка нового мира, я.*

Аргументируем включение в состав поля некоторых номинаций. Во-первых, составные номинации. Разумеется, номинацию «летучая мышь» невозможно расчленить даже в общенациональном языке, так как это зоологическое название. А что касается таких номинаций, как «классовый враг», «плод вырождения», «хозяйка нового мира», то здесь мы не можем оставить только стержневое слово в данных словосочетаниях, поскольку только в своём целом они выражают заданные поэтом десигнаты.

Во-вторых, номинации, включающие субстантивированные слова несубстантивных классов. Словосочетание «бегущая вдаль» мы встречаем в тексте И. Кормильцева в пре- и постпозиции к существительному «звезда», и в этих случаях не может быть речи о субстантивации. Однако это же словосочетание является заголовком всего текста и, кроме того, встречается в нём вообще без предшествующего или последующего определяемого существительного. Это дало нам основание отнести его к рассматриваемым в данной работе номинациям.

Собирательное числительное «двое» мы также считаем субстантивированным, поскольку такая возможность указывается даже в соответствующей словарной статье в словаре Ожегова, где допускается употребление его «без зависимого слова» и приводится пример: «Встретил двоих». Аналогичен контекст у И. Кормильцева: «мы очень легко отыскивали двоих».

В-третьих, личные местоимения «она», «ты» и «я». Как пишет Ю. Н. Караулов, «вопрос о включении или невключении в семантическое поле слова, имеющего общие компоненты с ядром, решается сравнением этого слова с именем поля по четырём характеристикам: денотату, десигнату, метадеготату и метадесигнату» (метадеготатом и метадесигнатом он называет соответственно класс денотатов и класс десигнатов) [2, с. 63]. Хотя в словарных дефинициях личных местоимений мы не встретим компонентов, общих со значениями слова «женщина», однако способность местоимений к замещению подразумевает возможность актуализации практически любого (особенно в художественном тексте) компонента значения, или, говоря словами Л. Н. Синельниковой, «дискурсивная семантика местоимений не имманентна их семантике в языковой системе» [11, с. 43]. Таким образом, соотносённость указанных местоимений с денотатом (предметом или явлением

реальной действительности) и метаденотатом, а стало быть, и с десигнатом (отражением предмета в сознании, или понятием о предмете) и метадесигнатом «женщина» не вызывает сомнений. Кроме того, в художественном тексте, в отличие от языка вообще, местоимение может выполнять не только дейктическую функцию, но и непосредственно номинативную. Особенно это показательно тогда, когда полноценной лексической номинации данного предмета в тексте нет, «что согласуется с особенностями такого рода нарратива» и может отвечать запланированной автором «нацеленности на всеобщность и неопределённость» [11, с. 88].

В порядке построения поля мы пойдём за Р. М. Гайсиной, которой «более целесообразным представляется применение дедуктивного метода», т. е. путь «от общего значения поля через значения отдельных частеречных областей, отдельных семантических классов и подклассов в составе поля к значениям отдельных лексических единиц» и определение значения каждой лексической единицы «как результата сложного взаимодействия общего, “полевого” значения, парадигматических значимостей разного порядка и индивидуальных, несопоставимых элементов значения» [1, с. 35].

Определим общее значение поля. В словаре Ожегова даны два значения слова «женщина», в БТС и в 4-томнике – одно, включающее оттенки, один из которых совпадает со вторым значением по Ожегову. Поскольку значения (или значение и его оттенки) состоят в иерархических отношениях, то, согласно методике Н. С. Новиковой, инвариантным будет главное значение. После обобщения толкований, данных в трёх словарях, получим значение «лицо, противоположное мужчине по полу». Это и будет общим, или инвариантным, значением поля.

Определим ядерную часть поля. Кроме имени поля, «к ядру присоединяются слова, значения которых имеют общие компоненты с ядром» [2, с. 61]. Однако многие элементы нашего поля употреблены в метафорическом значении, которое в контексте стихотворения имеет сему «женщина», однако в общеязыковом значении такой семы у них нет. Поэтому прежде всего в состав ядра следует включить те номинации, которые имеют её в своём словарном значении. Но и тут нам видится некоторое препятствие, обусловленное тем, что в системе художественных текстов определённого автора в ядро поля могут входить номинации, находящиеся на периферии языкового поля, и напротив, ядерные для языкового поля элементы могут не иметь такой значимости в авторских текстах. В связи с этим, вероятно, следует учесть частотность отобранных нами единиц в стихотворном сборнике И. Кормильцева как показатель их значимости.

Исходя из сказанного, в *составе ядра* окажутся слова «женщина» (9 употреблений в 6 текстах), «ты» (57 употреблений в 12 текстах) и «она» (42 употребления в 7 текстах). При этом по поводу местоимений заметим, что в 5 («Доктор твоего тела», «Под прицелом твоих окон», «Новая любовь», «Я хочу быть с тобой», «Эта музыка будет вечной») из 12 текстов «ты» является единственным способом обозначения денотата «женщина», а в тексте «Казанова» «ты» лишь дважды получает и полноценное лексическое определение: «ты – моя женщина» и «ты светишься бронзой – раздетое лето». Причём это не значит, что «ты» полностью тождественно «моя женщина» (или «раздетое лето») и замещает эти вторые номинации, а значит только то, что объекту, названному словом «ты», приписывается определённый признак (из множества возможных). Лексема «она» выступает в качестве единственного обозначения денотата в 2 текстах из 7 («Падал тёплый снег» и «Она ждёт любви с Востока и Запада»). В тексте «Ален Делон» один и тот же денотат получает обозначение обоими местоимениями «ты» и «она».

Как видим, более значимым оказывается не столько общее количество употреблений некоторой номинации во всех рассматриваемых текстах, сколько количе-

ство разных текстов, в которых эта номинация встречается, поскольку повторение её в одном и том же тексте, в котором создаётся какой-то один определённый образ женщины, по-видимому, несущественно. Кроме перечисленных уже единиц, отнесённых нами к ядру поля, более чем в одном тексте встречаются также слова «мать» (8 употреблений в 3 текстах), «сестра» (3 употребления в 2 текстах) и «зверь» (2 употребления в 2 текстах соответственно). Однако частотные показатели слов «сестра» и «зверь» несопоставимы с показателями вышеупомянутых слов. А слово «мать», хотя и обладает относительно высокой частотностью, однако имеет более конкретное значение, входит в гиперо-гипонимические отношения со словом «женщина» и не отвечает условию синонимии ядерных элементов (впрочем, как и другие два названных слова).

Все остальные номинации женщины встречаются если не один раз, то в пределах не более чем одного текста. Поэтому для них критерий частотности при определении того, как далеко они отстоят от ядра, не всегда будет адекватен. Нерелевантным для нашего поля представляется и признак стилистических ограничений, поскольку единицы «эмоционально-окрашенные с яркими оценочными семами» и с другими коннотативными компонентами вообще очень характерны для поэтической речи.

Исследователи текстовых лексических полей указывают некоторые признаки деления таких полей на ядро и периферию, однако нигде мы не встретили разработок в направлении зонального деления их периферии. Поэтому мы осмелимся предложить (хотя бы применительно только к нашему материалу) свой критерий. Поскольку большинство отобранных нами единиц функционируют каждая в пределах какого-то одного определённого текста, попробуем выделить среди них такие, которые являются для данного текста ключевыми, определяющими в целом образ женщины, заданный в этом тексте. Назовём наш критерий *критерием ключевых номинаций*. Определить, какая номинация является ключевой, нам помогут, прежде всего, заголовки текстов. Будем считать, что номинация, вынесенная в название, находится в ближней периферии, так как название идентифицирует весь текст в целом, а значит, образ женщины, выраженный в этой номинации, оказался настолько значим для автора, что он посвятил его раскрытию целый текст.

На этом основании к *ближней периферии* мы относим такие единицы: *Ариадна, бегущая вдаль, зверь, Калипсо, кошка, летучая мышь, мать, плебейка, Полина*. Прокомментируем включение слов «кошка», «мать» и «зверь». Хотя слова «кошка» нет в самом названии текста, однако и последнее («Когти»), и сам текст содержит слова, подтверждающие раскрытие в нём именно образа женщины-кошки («крупная рыжая кошка из тех что боятся росы», «она избегала рук», «она зашипела в углу» и многократное «когти»). А образ матери является ключевым для стихотворения «Паркет» наравне с образом сына. Что же касается слова «зверь», хотя оно не является «ключевым» согласно нашему определению, однако, во-первых, его частотность всё же выше других, а во-вторых (и это более существенно), оно является гиперонимом по отношению к словам «кошка» и «летучая мышь», которые мы определили как ключевые. А, как известно, гипероним не может отстоять от ядра дальше, чем его гипонимы.

Если для ближней периферии мы нашли относительно чёткий признак, то для разграничения периферии дальней и крайней такого всеобщего признака нам не представляется. Однако мы склоняемся к тому, чтобы к *крайней периферии* отнести:

Во-первых, слово «двое». Аргументом этому нам кажется то, что окказионально появившаяся в значении этого слова сема «женщина» (ведь контекстуальное значение данного числительного: «две женщины») как бы «стушёвывається»

основной семей «два», поскольку не подкрепляется образностью, метафоричностью на основе какого-либо сходства женщины с денотатом этого слова.

Во-вторых, выражения «раба», «свобода», «святая судья» и «судьба». Их соотносённость с денотатом «женщина» опосредована. В тексте «Иван Человеков» «женщина» – это персонифицированная смерть. Поэтому в строках:

я знаю эту женщину*
одни зовут её – свобода
а другие – судьба
и если для первых она раба
вторым она святая судья, –

речь идёт о смерти, но через посредство образа женщины.

На границе дальней и крайней периферии мы поместим слово «сестра». В одном из двух текстов оно употреблено в качестве прямой номинации, зато в другом – это ещё один случай персонификации явления действительности (темноты).

Оставшиеся единицы отнесём к *дальней периферии*: ангел, блядь, ведьма, дочь, жена, звезда, классовый враг, мама, плод вырожденья, плачущая плоть, подруга, птица, раздетое лето, роза, свет, светило беззвездных ночей, сексуальный партнёр, смерть, спасенье, страна, тьма, хозяйка нового мира, я.

Итак, опираясь на достижения предшествующих исследователей, а также применяя собственные критерии, мы структурировали семантическое поле «Женщина» в поэзии И. Кормильцева, выделив в нем ядро и три зоны периферии: ближнюю, дальнюю и крайнюю. Перспективы дальнейшего исследования видятся нам в выявлении парцельной (секторной) структуры поля и в установлении парадигматических и синтагматических отношений между единицами поля.

Библиографические ссылки

1. **Гайсина Р. М.** Межчастеречные семантические поля / Р. М. Гайсина // Исследования по семантике. Семантика языковых единиц разных уровней. – Уфа, 1988. – С. 31–38.
2. **Караулов Ю. Н.** Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57–68.
3. **Клименко А. П.** Лексико-семантическая группа в структуре связного текста / А. П. Клименко, В. А. Симхович // Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград, 1990. – С. 90–99.
4. **Кривченко Е. Л.** К понятию «семантическое поле» и методам его изучения / Е. Л. Кривченко // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 99–103.
5. **Малишевская Д.** Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода / Д. Малишевская // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 180–184.
6. **Новикова М. Л.** Остраннение как языковая структура текстового поля / М. Л. Новикова // Филологические науки. – 1999. – № 6. – С. 37–44.
7. **Новикова Н. С.** Тематическая группа как семантический компонент текста / Н. С. Новикова // Русский язык в национальной школе. – 1985. – № 5. – С. 8–13.
8. **Первушина Л.** Образ женщины в произведениях современных американских и белорусских писателей / Л. Первушина // Национально-культурный компонент в тексте и языке. – Ч. 2. – Минск, 2009. – С. 124–126.
9. **Полевые структуры в системе языка** / науч. ред. З. Д. Попова. – Воронеж, 1989. – 200 с.
10. **Пономаренко Т. Г.** Лексико-семантическая группа и её обусловленность / Т. Г. Пономаренко // Языковые значения. – Л. : ЛГПИ, 1976. – С. 29–35.
11. **Синельникова Л. Н.** Местоимение в дискурсе / Л. Н. Синельникова. – Луганск, 2009. – 412 с.

* Цитата приведена с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

12. **Фатеева Н. А.** Основные тенденции развития поэтического языка в конце XX века / Н. А. Фатеева // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 50 (4). – С. 416–434.
13. **Фролова Л. И.** К вопросу о лексико-семантических группах в курсе современного русского языка / Л. И. Фролова // Лингвистический сборник. – 1975. – Вып. 3. – С. 34–44.
14. **Шуба-Зимянина Т. П.** Аксиологические особенности концепта женщина в русском, белорусском и польском языках / Т. П. Шуба-Зимянина // Национально-культурный компонент в тексте и языке. – Ч. 2. – Минск, 2009. – С. 68–70.

Словари

15. **Большой толковый словарь русского языка** / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000.
16. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999.
17. **Словарь русского языка** : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984.

Источник фактического материала

1. **Кормильцев И. В.** Скормленные одной цепью / И. В. Кормильцев. – М., 1990.

Надійшла до редколегії 28.05.10

УДК 811.111'37

О. П. Ришкова

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ЗАСТОСУВАННЯ МАНІПУЛЯЦІЙНИХ СТРАТЕГІЙ ДЛЯ ВЕРБАЛІЗАЦІЇ КОНЦЕПТУ *ТЕРОРИЗМ* У СУЧАСНІЙ АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ

Присвячено розгляду характерних особливостей маніпуляційних комунікативних стратегій, застосовуваних у мові масмедіа. Проаналізовано специфіку вербалізації концепту *ТЕРОРИЗМ* у сучасних англійських медіаджерелах.

Ключові слова: комунікативна стратегія, комунікативність, маніпуляція, концепт.

Посвящена изучению характерных особенностей манипуляционных коммуникативных стратегий, используемых в языке массмедиа. Проанализирована специфика вербализации концепта *ТЕРОРИЗМ* в современных англоязычных медиаисточниках.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, коммуникативность, манипуляция, концепт.

The article deals with the survey of the characteristics of the communicative manipulation strategies used in the mass-media language. This phenomenon is illustrated by example of the analysis of the concept *TERRORISM* verbalization in the modern English media-sources.

Key-words: communicative strategy, communicativeness, manipulation, concept.

В одній із своїх робіт відома російська дослідниця О. С. Іссерс влучно зазначає: «Напевно, із самого моменту свого зародження мова стала використовуватися з метою впливу та маніпуляції. І той наш древній предок, який здогадався використовувати у якості знаряддя впливу слово, а не ломаку, був, безсумнівно, одним із перших маніпуляторів» [2, с. 74]. Дійсно, з початку свого існування людина намагалася вплинути на свідомість та поведінку іншої людини. З плином часу набір та-

ких засобів ускладнювався, ставав більш розвинутим і витонченим, набувши у сучасному суспільстві неабиякої кількості та частоти використання.

Прихований вплив, часто з корисливих міркувань, ми спостерігаємо у багатьох сферах нашого життя – у політиці, економіці, культурі, історії, соціальній сфері тощо, причому не останню роль у даному випадку відіграють саме засоби масової комунікації як надзвичайно ефективний інструмент впливу на сучасне суспільство.

Глобальний інформаційний простір за досить короткий проміжок часу став одним із важливих факторів формування особистісних характеристик сучасної людини, яка опиняється в інформаційному просторі, створеному щільною сіткою масових комунікацій, що робить ЗМІ не лише економічним, а й культурним продуктом, який знаходиться у тісній взаємодії з оточуючим світом. Цим можна пояснити той факт, що мас-медіа, поряд із телебаченням, кіно, літературою, театром та іншими варіантами мов мистецтва, зараховуються деякими лінгвістами (Г. Г. Почепцов та ін.) до так званих *міфопороджуючих машин* [5, с. 357], які здатні формувати світобачення та маніпулювати ним як у окремого індивіда, так й у суспільства в цілому. Саме тому стало таким популярним серед лінгвістів, психологів та політологів вивчати комунікацію з позиції комунікативних стратегій і мовних тактик.

Дослідження комунікативних стратегій та засобів їх маніфестації є надзвичайно актуальним у сучасній лінгвістиці, оскільки, як стверджує О. О. Селіванова, до цього часу ще не було створено їх загальної типології та розмежовано інвентар засобів їхньої реалізації в етнокультурній та міжкультурній комунікації [6, с. 174]. Тому *метою* нашої статті є вивчення особливостей впливу комунікативних стратегій на свідомість та поведінку як окремих індивідів, так і суспільства в цілому, зокрема – маніпуляції як найбільш активно використовуваної комунікативної стратегії сучасності.

Комунікативна стратегія – це спосіб досягнення перемоги та переваги в інтелектуальному протистоянні, складна когнітивна модель узагальнення минулого досвіду, що включає в себе особистісні, локальні, дієві та інші параметри, які організовані певним чином у свідомості й пам'яті людини [7, с. 110–111].

Досягнення переваги може бути стратегічною домінантою лише для певного різновиду мовлення, наприклад, для директив, вказівок, рекомендацій та інших типів авторитарного дискурсу [6, с. 171], тоді як у загальному вигляді комунікативна стратегія є «таким евристичним інтенціональним плануванням дискурсу, що направлено на досягнення його учасниками кооперативного результату» [6, с. 170]. Однак комунікативна ситуація не завжди ґрунтується на кооперації та продуктивній співпраці її учасників, оскільки її результатом може стати також і **комунікативний конфлікт**, який виникає у результаті розбіжності комунікативних стратегій учасників комунікації, що часто призводить до припинення комунікації [6, с. 170].

Деякі лінгвісти (С. Дацюк та ін.) визначають комунікативну стратегію через застосування таких термінів, як «**комунікативний простір**» (внутрішній комунікативний змістовний смисл тексту) [1], «**комунікативне середовище**» (зовнішнє реальне середовище процесу комунікації, в який втягнуто даний текст) [1] та «**комунікативний процес**» (процес трансформації комунікативного простору у комунікативне середовище, тобто виконання певної комунікативної дії та умов, необхідних для її існування) [1].

Таким чином, дане явище отримує таку дефініцію: «концептуально покладений у технології світоглядний намір та його дієве здійснення стосовно творення змісту комунікативного процесу, тобто вибір того чи іншого комунікативного простору, того чи іншого комунікативного середовища, того чи іншого способу взаємодії, того чи іншого осередку породження сенсу, і, тим самим, одного або декіль-

кох дискурсивних вимірів, із врахуванням яких ми будемо дискурс комунікації» [1]. Адже вивчення змісту комунікативного процесу та дослідження комунікативного простору у співвідношенні з комунікативним середовищем є необхідним для визначення механізму тієї чи іншої комунікативної стратегії, її результативності.

Так, синтезуючи підхід М. М. Бахтіна та М. Мамардашвілі з підходом так званої «західної теорії комунікації», зокрема – концепції Ю. Хабермаса, можна визначити чотири основні *умови комунікативності*: 1) смисл тексту має подаватися через його комунікативний простір; 2) якщо комунікативне середовище за охопленням адресатів є вузьким за комунікативний простір даного тексту, то такий текст вважатимемо некомунікативним, і навпаки, якщо комунікативне середовище дорівнює або є ширшим за комунікативний простір того чи іншого тексту, то такий текст буде комунікативним; 3) смисл тексту має бути не лише комунікативним простором, але сам комунікативний простір має бути структурованим за рахунок драматургії послань-адресацій-відповідей до сегментів аудиторії; 4) смисл має бути зрозумілим зі змісту даного тексту [1].

Звідси впливає змістовне визначення *комунікативності* через «вбудовану у внутрішній змістовний смисл тексту множини актуальних контекстів, що містить у собі сукупність прямих чи опосередкованих адресатів, яким вона призначена або яким явно чи приховано імпонує» [1]. Іншими словами, це творчий процес насамперед самого автора, його внутрішній діалог, постійне ставлення себе то у позицію автора, то у позицію потенційного читача (адресата), в основі якого у будь-якому випадку лежить використання ним тієї чи іншої комунікативної стратегії, направленої на досягнення поставленої автором мети. Сам *консенсус* (у термінах Ю. Хабермаса) або *комунікативне співробітництво* (у термінах О. О. Селіванової) несе у собі не просто функціональний, а ще й етичний зміст *конвенціональності* – це солідарність автора й адресата, встановлення між ними довірливих відносин у рамках даної комунікації [1].

Таким чином, виділяють такі типи комунікативних стратегій, як *презентація, маніпуляція та конвенція*; вони відрізняються за рівнем відкритості, симетрії та способом комунікації: презентація є пасивною формою комунікації, маніпуляція – активною, а конвенція – інтерактивною [1]. Їхніми основними засобами є: для презентації – послання, для маніпуляції – повідомлення, а для конвенції – діалог [1]. Презентаційні стратегії – спосіб побудови комунікативного простору і його презентація у комунікативному середовищі за рахунок зміни структури цього середовища; це відносно самостійний та самодостатній етап комунікації [1]. Об'єктом конвенції є певні соціальні проблеми, причому у даному випадку члени суспільства виступають партнерами (ініціаторами, помічниками, генераторами ідей), тоді як для маніпуляції характерним є ставлення до індивіда не як до суб'єкта комунікації, а як до її об'єкта [1]. Інструменти конвенціональних комунікативних дій завжди прямі, відкриті, на відміну від прихованих і таємних інструментів дій маніпуляційних [1]. *Деліберативний процес* (процес масових консультацій, обговорень та дискусій на певну тематику, кінцевою метою якого є вироблення спільними зусиллями рішення для його прийняття тими чи іншими членами суспільства) є змістом конвенціональної стратегії, тоді як для маніпулятивної таким змістом є *управління поведінкою* [1].

Успішність застосування тієї чи іншої комунікативної стратегії залежить від врахування таких факторів, як комунікатор, цільова аудиторія, канал комунікації, повідомлення тощо [5, с. 39].

Так, *комунікатор*, тобто адресант, задає завдання та цілі, які він ставить і які впливають на перебіг процесу комунікації; *цільова аудиторія* визначає інтереси адресата, оскільки з будь-якої людиною краще говорити на ті теми, які їй не бай-

дужі; **канал комунікації** задає певні стандарти, що обмежують та регламентують сам процес інформаційного обміну; **повідомлення** задає певний зміст, у відповідності з яким використовується та чи інша техніка впливу на аудиторію [5, с. 39–40]. Врахування усіх цих факторів сприяє успішній комунікації, коли комунікатор досягає поставлених цілей, враховуючи при цьому інтереси свого адресата.

Іншими словами, комунікатор оперує у такому випадку даними метарівня, проводячи одночасно і комунікацію, і метакомунікацію [5, с. 41]. Його **метазнання** про цільову аудиторію містять такий мінімальний набір: біографічна та демографічна інформація (вік, стать, раса, релігія, економічні доходи, культурні вподобання), політичні інтереси тощо [5, с. 40–41]. Тому побудова успішного процесу комунікації між комунікатором та його адресатом складається на основі залучення усіх вищезазначених параметрів, що дозволяє найбільш ефективним чином досягнути поставлених цілей.

Проведення лінгвістами досліджень особливостей функціонування комунікативних стратегій зумовлено самим фактом визнання мови потужним інструментом комунікативного впливу в різних сферах людського життя, адже мова не просто описує будь-які об'єкти або ситуації зовнішнього світу, вона інтерпретує їх, формуючи потрібне адресату бачення світу, керує сприйняттям об'єктів і ситуацій, нав'язує їх позитивну або негативну оцінку [4, с. 222].

Сьогодні науці відомо багато моделей комунікації, сформованих на межі лінгвістики, соціології та психології, проте найбільший інтерес у рамках нашого дослідження представляють ті моделі комунікації, які розроблені з урахуванням особливостей функціонування саме засобів масової інформації: двоступенева модель комунікації, спіраль мовчання, модель «воротаря» та ін.

В основу **двоступеневої моделі комунікації** лягло спостереження дослідників про особливості впливу ЗМІ на суспільну думку одразу ж після отримання повідомлення та через два тижні після цієї події: з плином часу вплив отриманої інформації не зменшився, як ними передбачалося, а навіть збільшився [5, с. 46]. Виявилось, що таке зростання популярності пов'язане із обговоренням ситуації, що склалася, із так званими «лідерами думок», тобто тими індивідами, точка зору яких має велике значення для адресатів комунікації [5, с. 46]. Таким чином, одноступенева модель комунікації (ЗМІ – адресати) трансформується у двоступеневу (ЗМІ – лідери думок – адресати), коли акцент зміщується із моменту передачі інформації на передачу впливу [5, с. 46].

Відкриття **спіралі мовчання** пов'язане з ім'ям німецької дослідниці громадської думки Е. Ноель-Нойман, яка довела вплив засобів масової комунікації на суспільство за рахунок надання слова меншості на шкоду інтересів більшості [3, с. 35]. Згідно з її гіпотезою, представник більшості у такому випадку зараховує себе до меншості, замовкає і не виголошує власної точки зору, зливаючись тим самим з тією ефемерною більшістю, якої насправді не існує [3, с. 35]. Під тиском нав'язаної мас-медіа моделі поведінки, а також через страх опинитися на самоті (у позиції «один проти всіх»), відбувається маніпуляція громадською думкою, внаслідок чого змінюється поведінка членів суспільства, їхнє світосприйняття [3, с. 35; 5, с. 47–48].

Ідея **«воротаря»** належить К. Левіну, який під час війни ставив експерименти з переорієнтації населення на більш дешеві сорти м'яса; саме домогосподарка, яка відбирає продукти для приготування обіду і стала для нього тим «воротарем», що приймає остаточне рішення [5, с. 50]. Потім цей феномен стали використовувати для дослідження принципів відбору новин для інформаційних повідомлень, який здійснюється на основі їхніх власних уподобань та особистої думки про те, що саме може цікавити цільову аудиторію [5, с. 50]. Таким чином, «воротар» – це людина, яка контролює потік новин, може змінювати, розширювати, повторювати чи вилу-

чати інформацію [5, с. 50]. У цілому варто зазначити, що модель «воротаря» похитнула уявлення дослідників про масмедіа як відкриті системи [5, с. 50].

В основу усіх цих моделей, так чи інакше, покладено принцип селективності, згідно з яким не лише впорядковується контент тих чи інших засобів масової комунікації, а й формується позитивне чи негативне ставлення до нього об'єктів комунікації. Таким чином, у суспільстві функціонує така громадська думка, яка не завжди відображає реальний стан речей, а, скоріше, викривлену картину оточуючої дійсності.

Однією з характерних реалій нашої сучасності по праву може вважатися «тероризм», який лише за останні сто років пройшов шлях від історизму часів Великої французької революції до обов'язкового атрибуту інформаційних повідомлень про надзвичайні події. У мові це суспільне явище також отримало своє відображення, ставши не просто складовою суспільно-політичної лексики, а певним ментальним утворенням у людській свідомості, що має власну, організовану певним чином структуру.

Оформлення концепту ТЕРОРИЗМ у масовій свідомості, як показує поданий нижче аналіз фактичного матеріалу, відбувається під впливом комунікативних стратегій маніпуляційного характеру.

Так, у провідних англомовних масмедіа нами були зафіксовані такі лексеми, як *anti-Western jihadist* «учасник джихаду, у даному випадку – борець із прозахідним суспільством», *the Great Satan* «будь-яка збройна сила – окрема людина, організація чи країна, – що має радикальні ісламістські погляди», *the Islamic bomb* «група мусульман з радикальними поглядами, які можуть стати потенційними організаторами або виконавцями терористичних актів», *Islamic extremism* «ісламський екстремізм», *Islamic militant* «військовий-мусульманин», *Islamic terrorist* «ісламський терорист», *Islamist violence* «ісламська жорстокість», *Islamofascism* «ісламський фашизм», *Jihadist terrorism* «тероризм з елементами джихаду – священної війни», *militant cleric* «озброєний церковник», *militant Islam* «войовнича форма ісламу», *militant Islamic terrorist* «озброєний ісламський терорист», *Muslim military powers* «мусульманські збройні сили», *pan-Islamism* «релігійно-політична доктрина, що стверджує зверхність ісламу по відношенню до інших релігій та необхідність його примусового насадження у провідних країнах світу», *radical imam* «духовний голова мусульманської общини, що проповідує радикальні погляди», *radical Islamism* «радикальна форма ісламу», *religious extremism* «релігійний екстремізм», *religious fanaticism* «релігійний фанатизм», *violent Islamism* «радикальна форма ісламу», *violent jihadist* «учасник джихаду, який вирізняється своєю жорстокістю та фанатизмом», *the 'WMD nation'* «мусульмани як зброя масового знищення для представників інших релігій» та ін. Усі вони вербалізують концепт ТЕРОРИЗМ таким чином, що у свідомості немусульман формується упереджене ставлення до представників цієї світової релігії, їхнього способу життя, релігійних та культурних цінностей.

Більше того, презентація ключового поняття ісламу – джихаду – у таких словосполученнях, як *bigoted jihad* «фанатичний джихад», *global jihad* «священна боротьба мусульман проти усього світу», *Islamic jihad* «ісламський джихад», *suicide jihad* «джихад у формі релігійного самогубства» тощо, змінює вектор його дії у діаметрально протилежну сторону: від «боротьби зі злом у власній душі» до «глобальної боротьби проти усіх немусульман світу».

Про істинні причини такої радикальної зміни у трактуванні цього поняття можна лише здогадуватися. Проте, на нашу думку, у даному випадку ми бачимо результат дії усіх можливих факторів – і маніпуляції людською свідомістю через засоби масової комунікації, і елементарна безграмотність тих представників масмедіа, які відповідають за відбір та презентацію інформації, і вже сформований у свідомості немусульман стереотип озброєного релігійного фанатика.

У якості реакції у відповідь у багатьох розвинутих країнах світу, де у великих кількостях проживає мирне мусульманське населення, виник рух *'Muslim protest against terrorism'* «протест мусульман проти тероризму», який має на меті не лише просвітницьку діяльність з приводу роз'яснення невірних витлумачених коранічних принципів, а й активне протистояння через засоби масової комунікації релігійному фанатизму у всіх його проявах.

Ці та інші факти свідчать про використання в англійських ЗМІ численних маніпуляційних стратегій, які відіграють активну роль не лише у процесі вербалізації тих чи інших концептів, зокрема – ТЕРОРИЗМУ, а й цілеспрямовано нав'язують немусульманському суспільству негативну оцінку тих мирних та цілком законслухняних його громадян, які сповідують іслам, що вже дістало назву *Islamophobia* «упереджене ставлення до осіб, що сповідують іслам, як результат антимусульманської пропаганди».

Бібліографічні посилання

1. Дацюк С. Коммуникативные стратегии [Электронный ресурс] / С. Дацюк. – Режим доступа : http://xyz.org.ua/discussion/communicative_strategy.html.
2. Иссерс О. С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу / О. С. Иссерс // Вестник Омск. ун-та. – Вып. 1. – Омск, 1996. – С. 71–74.
3. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Э. Ноэль-Нойман. – М. : Прогресс-Академия, 1996. – 352 с.
4. Пирогова Ю. К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) / Ю. К. Пирогова // Проблемы прикладной лингвистики. – М., 2001. – С. 209–227.
5. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – К. : «Ваклер», 2001. – 656 с.
6. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации : монограф. учеб. пособие / Е. А. Селиванова. – К. : Брама, Изд. Вовчок О. Ю., 2004. – 336 с.
7. Fernando С. Idioms and Idiomaticity / С. Fernando. – Oxford : University Press, 1996.

Надійшла до редколегії 21.04.10

УДК 811.124(07)

О. Л. Румик

Дніпродзержинський гуманітарний університет

ЩОДО ГУМАНІТАРНОГО АСПЕКТУ ПРИ ВИВЧЕННІ ЛАТИНСЬКОЇ МОВИ

Присвячено аналізу розвиваючого аспекту у вивченні латинської мови як засобу формування якісно нових здібностей студентів, які в майбутньому зможуть забезпечити високу ефективність професійної та громадської діяльності.

Ключові слова: гуманітаризація освіти, методи викладання, граматичні конструкції, спрощення мови, нормована мова.

Посвящено анализу развивающего аспекта в изучении латинского языка как средства формирования качественно новых способностей обучающихся, которые в будущем смогут обеспечить высокую эффективность профессиональной и общественной деятельности.

Ключевые слова: гуманитаризация образования, методы преподавания, грамматические конструкции, упрощение языка, нормированный язык.

The article deals with the analysis of the developmental aspect in learning Latin as a means of formation of the learners' qualitatively new skills that can provide a high efficiency of their professional and public activities.

Key words: humanitarisation of education, teaching techniques, grammar structures, simplification of language, standardized language.

Загальновідомо, що латинська мова була офіційною мовою Римської імперії, до складу якої входили території сьгоднішньої Італії, Франції, Швейцарії та інших сучасних держав, латинською велася документація, виголошувалися промови в сенаті, латинською говорили солдати римських легіонів і усі більш або менш освічені жителі держави. Після того, як Римська імперія припинила своє існування, латина стала міжнародним засобом спілкування в більшій частині Європи і офіційною мовою науки. Латинською мовою написані практично всі наукові праці середньовіччя, вчені різних країн спілкувалися майже тільки латиною, оскільки це була єдина іноземна мова, якою вони всі вільно володіли. Латинська викладалася в усіх учбових закладах і тому з самого дитинства людина сприймала її як щось природне і необхідне, адже без знання латини неможливо було ознайомитися з фундаментом європейської цивілізації.

Все сказане вище навряд чи хтось поставить під сумнів, але в наш час існують і інші міжнародні мови, а латинська майже забута. Чи так це насправді? Річ у тому, що латинська мова, хоча і витиснена новими мовами з багатьох сфер нашого життя, до цих пір є міжнародною, а її вивчення – досить **актуальна** закономірність. І сьогодні латинською мовою друкуються книги, пишуться дисертації, проводяться конференції, вона також викладається в школах, інститутах і університетах. Більш того, на цій мові виходять періодичні видання, художні твори сучасних авторів, новини, реклама в Інтернеті і т. п. Нарешті, латиною ведеться міжнародне листування. Опанувавши основи граматики, можна вільно спілкуватися з латиністами всього світу. Тому роль латинської мови в концептуалізації і категоризації світу важко переоцінити, так само як не можна і недооцінити важливість переорієнтації в «гуманітаризації освіти».

Важливим чинником забезпечення процесу гуманітаризації суспільства є тенденція до значного підвищення рівня освіти, гуманітаризація самої системи освіти, яка потребує створення комплексної системи виховання студентської молоді. На сьогоднішній день вища освіта має забезпечити суспільство освіченими, творчими та активними особистостями, здатними до самовдосконалення, взаємного розуміння з носіями різних мов та культур на благо своєї країни. Для реалізації поставлених завдань важливе значення має латинська мова.

Теоретичною базою для подібного роду досліджень служать здебільшого роботи таких відомих філологів-класиків як Ю. А. Стасюк [3], Я. М. Боровський [1], А. Ю. Мусорін [2] та інші.

Мета даної статті – звернути увагу на розвиваючий аспект у вивченні латинської мови, що дозволяє сформувати якісно нові здібності студентів, які в майбутньому зможуть забезпечити високу ефективність професійної і суспільної діяльності. В порівнянні з традиційним методом викладання продуктивні методики є найбільш ефективними.

Мета передбачає вирішення таких **завдань**: 1) дослідити орієнтованість латини щодо її спрощення в процесі викладання мови; 2) дослідити доцільність вивчення латинської мови періоду золоті епохи (1 ст. до н. е. – 5 ст. н. е.). До кола наших завдань не входить аналіз різних поглядів з усіх названих проблем. Відзначимо лише необхідність зберігати і розвивати культурні, педагогічні й історичні цінності латинської мови – первинне **завдання** інтерлінгвістичного аспекту у вивченні цієї мови.

Великі можливості в реалізації розвиваючого аспекту при вивченні мови розкривають нові підходи, що сформувалися у наш час, наприклад, когнітивний – вивчення мови, що дозволяє представити мовну систему або її фрагмент у вигляді концептуальної моделі, що відображає структуру даної галузі знання, і ономазіологічний підхід, який розглядає мову як номінативний процес особливого типу.

Більшість підручників латинської мови в нашій країні створювалися людьми, що здобули освіту на факультетах і відділеннях класичної філології, і що мають відповідний досвід роботи. Викладання латинської мови на таких факультетах має ряд особливостей: високий загальноосвітній рівень абітурієнтів, велика кількість годин, що відводиться на вивчення мови, наявність великої кількості «супутніх» дисциплін: історії Древнього Риму, історії римської літератури і ін. Все це дозволяє вивчати мову здебільшого за допомогою читання і аналізу великої кількості текстів. Практично всі наявні в нашому розпорядженні підручники латинської мови складаються з опису граматики, текстів для читання і словника. Вправи, спрямовані на опрацювання і закріплення граматичних правил і лексичного матеріалу, в наявних підручниках майже повністю відсутні.

На думку А. Ю. Мусоріна, такий метод викладання латинської мови в немовних вишах є дуже неефективним. «Небольшое количество часов, отводимое на преподавание латинского языка, отсутствие у студентов навыка работы с языковыми структурами требуют более интенсивных методов преподавания языка; предполагают разработку цикла упражнений, способствующих успешному усвоению лексического и грамматического материала» [2].

Розроблена ним методика викладання латинської мови будується на базі методик викладання живих іноземних мов і передбачає переваги активних методів над пасивними. На початковому етапі освоєння мови, коли вивчається алфавіт і правила читання, активно практикується транскрибування студентами окремих латинських слів і уривків засобами української графіки, це сприяє швидкому засвоєнню правил читання літери *c*, сполучення *ti*, диграфів *ae* та *oe*. Завдяки вправам, спрямованим на транскрибування, усувається небезпека впливу з боку інших іноземних мов, що користуються латинською графікою. Окрім вищезазначених вправ, студентам може бути запропоновано вибрати з декількох транскрипцій поданого слова одну правильну.

Широко практикується переклад з рідної мови на латинську, що сприяє активному засвоєнню студентами латинських граматичних конструкцій; якщо при перекладі з латини на рідну студент часто може перекласти речення «за змістом», то при перекладі з рідної мови на латинську студент вимушений працювати з латинськими граматичними формами. Іншим засобом активізації засвоєння студентами граматичного матеріалу є пошук помилок. Студентам повідомляється, що в запропонованій їм текст закладена певна кількість помилок, які їм необхідно відшукати і виправити. Оскільки курс латинської мови в немовному виші носить загальноосвітній характер і не має на меті підготовку фахівця, що професійно працює з античними або середньовічними пам'ятниками писемності, А. Ю. Мусорін не вважає розумним обмежити знайомство студентів з латинською мовою, спираючись тільки на лексико-граматичні вправи та роботу з текстами. Вважаємо досить корисною роботу з пошуку латинських запозичень в рідній та іноземній мовах. Особливо корисна робота не з прямими запозиченнями, але з кальками. Традиційно в процесі вивчення латинської мови студенти знайомилися з деякою кількістю текстів давньоримського походження. Середньовічна ж латиномовна спадщина повністю або майже повністю ігнорувалася. Такий підхід є не зовсім правильним. Середньовічні латинські тексти набагато простіше античних за своїми лексико-граматичними характеристиками. Звернення до середньовічної спадщини дозволяє студентам значно ра-

ніше відмовитися від учбових текстів і перейти до вивчення автентичних творів, ніж при орієнтації лише на античних авторів. Робота ж з «неучбовими» текстами дає студентам додаткову мотивацію до вивчення мови, сприяє не тільки поглибленню знань з латинської мови, але також і з інших дисциплін: історії, історії літератури, історії права, філософії та ін. Таким чином, «гуманітаризація освіти» передбачає не лише формування загальної культури, але і розвиток особи, її аналітичних здібностей, культури мислення, уміння набувати нових знань. У цьому плані курс латинської мови дозволяє продемонструвати переваги аналітичного способу сприйняття учбового матеріалу, сформувати раціональні прийоми роботи з професійною термінологією, розвинути когнітивні здібності студентів, прищепити культуру розумової праці і уміння вирішувати різні інтелектуальні завдання, систематизувати і узагальнювати матеріал, сформувати навички системного сприйняття теми. Певно, латина, хоч і є обов'язковим предметом в багатьох вишах, проте вже не викликає особливого інтересу у більшій частині студентів, зважаючи на відсутність практичної необхідності її вивчення, відродження традиційної мови і культури. Ці заклики знаходять відгук лише у відносно невеликого числа ентузіастів. Навіть створення спеціальних факультетів, видання періодики, проведення конкурсів, активна словотворча і лексикографічна робота не може, на думку Ю. А. Стасюка, зупинити процес омертвіння латинської мови [3, с. 91].

У цілому поборники живої латинської мови поділяються на два табори. В одному ті, хто надає збереженню духу і характеру латини золотої епохи першочергове значення і стоїть, таким чином, на позиції древнього римлянина, дивлячись на речі його очима, і не знаходить можливим йти на поступки в справі спрощення мови. Інші стоять на позиції сучасного європейця і властивого йому світу, наприклад, вживання *lingua commenticia* «штучна мова» замість *lingua artificialis* – те і інше в основі мають чисто латинське походження, але друге було б зрозуміло переважній більшості народів європейського походження, перше ж слід спеціально вивчити. Філологів-класиків у першу чергу цікавить інтерлінгвістичний аспект, вони дивляться на майбутнє латинської мови більш практично і вимагають перш за все простоти і в граматиці, і в лексичному питанні: створити стиль нескладних синтаксичних елементів латинської мови, не вживати, окрім поетичних творів, складні вирази, щоб все було зрозуміло при першому читанні. Радять уникати кон'юнктиву і підрядних речень, використовувати якомога більше пряму мову або, в крайньому випадку, складносурядні речення (Огюст Орі, ботанік Анрі де Аббей та ін.). Якими мають бути норми «живої латини»? Виникає практична необхідність погодитися з тим, що основою може бути лише мова золотої епохи – першого сторіччя до н. е. Але яким чином поєднати цю вимогу з літературною практикою всіх подальших часів, мову яких більшість філологів вважали найбільш коштовною і багатообіцяючою в інтерлінгвістичному аспекті? Вирішення даної проблеми, на наш погляд, це досить важка і спірна методологічна складова у вивченні латинської мови.

У питаннях граматики розбіжностей в поглядах поборників руху «живої латини», що виник в академічних колах філологів-класиків, значно менше, оскільки всі погоджуються з тим, що морфологічну систему класичної латини слід повністю зберігати. Майже єдиним відхиленням від класичної мови, на думку автора базової доповіді по граматиці на першому міжнародному конгресі (Premier Congrès International pour le Latin vivant) Жана Бейє, стало припустимим дозволити утворення вищого та найвищого ступенів прикметників аналітичним шляхом за допомогою допоміжних слів *magis* і *maxime*, що в граматиці класичної мови допускається лише для деяких прикметників [5]. Говорилося також про видалення або обмеження винятків, проте деякі філологи-класики рішуче відмовлялися від таких нововведень (Едуард Борнеманн, на другому конгресі Deuxième Congrès International

pour le Latin vivant), стверджуючи, що вилучення винятків «порушує систему і загрожують основам мови» [4].

Більше дискутувалося питання про спрощення синтаксису. На третьому конгресі (Troisième Congrès International pour le Latin vivant) Р. Мараш запропонував зберігати лише основні правила *consecutio temporum*, не зважаючи на різні види підрядних речень. Але загального схвалення ця пропозиція не знайшла [6]. Ж. Бейє виступав проти всіляких змін у синтаксисі, оскільки в «латинській мові все є глибоко осмислене та мудро обгрунтоване» [6].

Вихід вбачається в укладанні граматики-мінімум, в якій були б надані найпростіші і найпрозоріші конструкції латинської мови, з успіхом вживані як в науковій літературі, так і у спілкуванні між людьми. Замість підрядних речень пропонувалося акцентувати увагу на складносурядних реченнях та на ясних і коротких інфінітивних конструкціях, що властиві саме латинській мові.

Таким чином, дискусії з питань граматики здебільшого зводилися до міркування про те, як скласти необхідний мінімум синтаксису і як його викладати в аудиторії.

Професор Кільського університету Еріх Бурк виступив з доповіддю на першому конгресі (Premier Congrès International pour le Latin vivant) щодо питань про латинську вимову [5].

Було прийнято рішення дотримуватися так званої відновленої вимови, тобто первинної вимови часів створення латинської літературної мови. Хоча Бурк та інші вимагають дотримання всіх тонкощів класичної мови в цій області, вони визнають, що можливі відхилення від цієї норми і національні відмінності не будуть великою перешкодою у вживанні мови в міжнародному спілкуванні. Про це свідчить багатовікова практика латинської мови в європейських народів. Багато хто вважав введення вимови, що реставрувалася, дуже важким і радили допустити щонайменше два варіанти: окрім класичного, ще так звана італійська вимова, тобто читання букви *c* перед *e* та *i* як [ч]. В цілому підкреслювалася необхідність єдиної вимови, але констатовано, що досягнення цієї мети в найближчому майбутньому нереальне, і збереження національних особливостей вимови неминуче.

Зберігаючи свої позиції, позиції практично єдиної літературної мови у європейських народів протягом майже півтори тисяч років, латинська мова успішно доводила свою здатність бути засобом інтернаціонального об'єднання різних народів, засобом спілкування, яке в змозі пристосуватися до найрізноматніших умов і потреб суспільства.

Таким чином, потрібно не обмежувати норми вузькими рамками, а намагатися приймати будь-які нововведення. Прикладом найкращого поєднання вимог про нормовану мову з необхідністю добиватися гостроти, гнучкості і новаторства став Еразм Роттердамський, в латинській творчості якого багато вказівок на те, як застосовувати латинську мову в обставинах, що змінюються, зберігаючи при цьому високий рівень мовної культури.

На закінчення підкреслимо: ставлення до латинської мови як системи категорій відображення зовнішнього світу і сприйняття слова як продукту людської діяльності і форми передачі інформації не лише розширює кругозір і підвищує ерудицію, але і виховує усвідомлене ставлення до змісту навчання, розвиває інтелект, здатність бачити суть речей, вибудовувати причинно-наслідкові зв'язки і загальну картину фрагмента світу, що осягається, тобто якості, необхідні для майбутнього фахівця-перекладача.

Бібліографічні посилання

1. **Боровский Я. М.** Латинский язык как международный язык науки. Проблемы международного вспомогательного языка / Я. М. Боровский. – М., 1991. – С. 70–76.
2. **Мусорин А. Ю.** Преподавание латинского языка в неязыковом вузе / А. Ю. Мусорин. // Материалы 1-й метод. конф. профессорско-препод. состава Института экономики и менеджмента. – Новосибирск, 1999. – С. 32–34.
3. **Стасюк Ю. А.** Латинский язык в современной католической церкви. Иностранные языки в научном и учебно-методическом аспектах / Ю. А. Стасюк. – Вып. 6. – Новосибирск, 2006. – С. 91.
4. **Deuxième Congrès International pour le Latin vivant.** Lion. Villerbanne du 8 au 18 septembre 1959. – Avignon : Edouard Aubanel, 1959.
5. **Premier Congrès International pour le Latin vivant.** Avignon, 3–6 septembre 1956. – Avignon : Edouard Aubanel, 1956.
6. **Troisième Congrès International pour le Latin vivant.** Strasbourg, du 2 au 4 septembre 1963. – Avignon : Edouard Aubanel, 1963.

Надійшла до редколегії 24.04.10

УДК 811.162.1.

M. Rutkowska

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ROLA GRAMATYKI W NAUCZANIU JĘZYKA POLSKIEGO JAKO OBCEGO

Проаналізовано роль граматики у вивченні польської мови як іноземної. Розкрито поняття «граматика» у глоттодідактиці й представлено способи вивчення граматики іноземцями. Запропоновано граматичні вправи.

Ключові слова: глоттодідактика, граMATИКА, комунікація, методи навчання, повторення.

Проанализирована роль грамматики в изучении польского языка как иностранного. Раскрыто понятие «грамматика» в глоттодидактике и представлены способы изучения грамматики иностранцами. Предложены грамматические упражнения.

Ключевые слова: глоттодидактика, грамматика, коммуникация, методы обучения, повторение.

The role of grammar in teaching Polish as a foreign language is analyzed. The term «grammar» in glottodidactics and the ways of learning grammar by foreigners are presented. Grammar exercises are proposed.

Key words: glottodidactics, grammar, communication, teaching methods, repetition.

Rola gramatyki w nauczaniu języków obcych zmieniała się w zależności jak pojawiały się nowe metody. Była podstawą w metodzie *gramatyczno – tłumaczeniowej* (zadaniem uczącego się było opanowanie umiejętności czytania tekstów obcojęzycznych) i *kognitywnej* (dążono do wykształcenia u uczącego się pełnej kompetencji językowej przy opanowaniu jak największej liczby reguł gramatycznych, dzięki którym można zbudować nieskończoną liczbę zdań w języku obcym). W metodach *naturalnej* i *bezpośredniej*, gramatyka nie była aż tak ważna, ponieważ zakładano, że odpowiednie zanurzenie w języku i tak sprawi, że uczący się będą w stanie produkować poprawne gramatycznie zdania.

Podjęście komunikacyjne, najpopularniejsza obecnie metodyka nauczania języków obcych, odsuwała na początku gramatykę na dalszy plan, mając na uwadze wykształcenie

umiejętności skutecznego zdobywania i przekazywania informacji. Jednakże szybko okazało się, że komunikat typu: «Ja był do sklep i kupić mleka», mimo tego, że zrozumiały i skuteczny, nie jest elegancki i świadczy o braku kompetencji gramatycznej. Osoby uczące się języka obcego nie chcą poznawać go na takim poziomie (czysto komunikacyjnym), bo postrzegani są jako osoby mało inteligentne lub niewykształcone. Dlatego też obecnie nacisk kładzie się na zdobywaniu umiejętności komunikowania się z równoczesnym rozwijaniem kompetencji gramatycznej. Sytuacja to dotyczy nauczania wszystkich języków obcych, w tym języka polskiego.

Gramatyka to, według ESOKJ, «zestaw zasad rządzących łączeniem elementów w ciągi znaczeniowe o ustalonych ramach» [5, c. 112]. Co za tym idzie, *kompetencja gramatyczna* to «znajomość i umiejętność stosowania gramatycznych środków językowych, umiejętność rozumienia i wyrażania znaczeń za pomocą odczytywania i tworzenia odpowiednio skonstruowanych wyrażen i zdań zgodnie z tymi zasadami» [5, c. 112–113]. Aby poprawnie posługiwać się językiem, należy poznać jego kod i umiejętnie wykorzystywać jego struktury w akcie komunikacji, łącząc je w logiczne ciągi wypowiedzi. Trzeba równocześnie dbać o zrozumiałość jak i o poprawność gramatyczną.

Na potrzeby nauczania języka polskiego jako obcego, stworzono pojęcie *gramatyki pedagogicznej*, która jest częścią *gramatyki naukowej*. Gramatyka naukowa to zbiór wszystkich zasad gramatycznych, systematyczna prezentacja, całościowy opis struktury języka (jako kodu). Gramatyka pedagogiczna to wybór zasad potrzebnych do nauczania obcokrajowców. Zakłada ona stworzenie modelu nauczania gramatyki możliwie nieskomplikowanego, pomocnego w zrozumieniu struktur. Opiera się ona na gramatyce naukowej (opisowej), ale jest bardziej pragmatyczna, użytkowa. Wybiera z niej tylko co najważniejsze i dostosowuje do potrzeb uczących się języka obcego.

Uczenie się gramatyki jest, dla obcokrajowców, czasochłonne i monotonne. Kojarzy się z nudą, ciągłym powtarzaniem. Wymaga od uczącego się stałego wysiłku i systematyczności, ponieważ musi on mieć świadomość tego, że tylko przez samodzielną pracę może osiągnąć zadowalające efekty. Aby móc bez problemu porozumiewać się z otoczeniem i czytać proste teksty po polsku, potrzeba około 450–600 godzin codziennej, intensywnej nauki [5, c. 117]. Nauczyciel musi pamiętać jednak, że należy urozmaicać ćwiczenia gramatyczne, muszą one mieć formę autentycznej komunikacji, ponieważ wtedy stają się ciekawe. Nie można zapominać, że uczenie gramatyki nie jest celem samym w sobie, ponieważ *podejście komunikacyjne* zakłada, zachowanie proporcji pomiędzy nauczaniem sprawności a nauczaniem gramatyki. Muszą się one przeplatać, uzupełniać i wynikać z siebie.

Nauczanie gramatyki języka obcego, powinno mieć następujący schemat: na początku należy wprowadzić nowe zagadnienie gramatyczne, pokazać jego strukturę i znaczenie. Następnie, poprzez ćwiczenia, należy pomóc studentowi w utrwaleniu nowej struktury, aby w końcu doprowadzić do sytuacji, kiedy student sam będzie umiał zastosować ją w praktyce (produkując poprawne gramatyczne zdania). Reasumując, chcąc poprawnie uczyć gramatyki należy zachować następujący schemat: «wprowadzenie (prezentacja), ćwiczenia (praktyka językowa), stosowanie (produkcja językowa)» [3, c. 165].

Wprowadzanie nowego materiału gramatycznego, wymaga przygotowania ze strony nauczyciela. Zanim będzie on gotowy przeprowadzić dobrą lekcję musi odpowiedzieć sobie na kilka pytań. Przede wszystkim, ważne jest ustalenie, którą strukturę gramatyczną nauczyciel będzie wprowadzał (decyzja wynikać może z programu nauczania, układu podręcznika lub potrzeb komunikacyjnych uczniów). Dalej ważne jest znaczenie tej struktury. Rzadko zdarza się, że potrzebne jest zagadnienie jako całość, zazwyczaj znaczenie ma związek z konkretną sytuacją komunikacyjną i tylko tego należy uczyć, by uniknąć natłoku informacji i zaciemnienia materiału (np.: kiedy prowadzimy lekcję na temat hobby, sygnalizujemy studentom, że mówiąc o nim, używamy następujących struktur: **lubić** + **bezokolic-**

znik [*lubię jeździć na rowerze*], **lubić** + **B.** [*lubię literaturę francuską (co?)*], **interesować się** + **N.** [*interesuję się sportem (czym?)*]). Kolejnym krokiem jest podjęcie decyzji jakie konkretnie formy zostaną uczniom przedstawione na lekcji (np.: w języku polskim istnieją dwa czasy przyszłe – prosty i złożony; różnica między nimi polega na użyciu aspektu; oczywiście jest, że na początku nauki studenci używają tylko aspektu niedokonanego; w związku z tym, że czas przyszły złożony opiera się na aspekcie niedokonanym, ten czas wprowadzamy jako pierwszy, pomijając czas przyszły prosty). Następnie należy ustalić jaka sytuacja komunikacyjna zostanie wykorzystana przy wprowadzaniu danego zagadnienia gramatycznego (np.: do wprowadzenia dopełniacza liczby pojedynczej i mnogiej najlepszy jest temat «robienie zakupów»; dopełniacz występuje w strukturze: **ile? kilo, pół, litr, butelka, paczka, itd.** + **D.** [*kilo ziemniaków, butelka mleka, paczka herbaty, pół chleba (czego?)*]). Dalej ważne jest ustalenie sposobu przedstawienia nowego zagadnienia. Można wykorzystać krótkie scenki sytuacyjne (np. w sklepie, na dworcu), dialogi (podręczniki do nauczania języka polskiego jako obcego wprowadzają materiał w ten sposób), krótkie teksty (w których zawarta jest nowa struktura, np.: czas przeszły, przyszły). Ważne, żeby to studenci potrafili wskazać nowe zagadnienie i z pomocą nauczyciela ułożyć ich definicje. Kolejnym ważnym elementem jest ustalenie czy potrzebne będą jakieś dodatkowe materiały dydaktyczne (poza podręcznikiem). Warto je wykorzystywać ponieważ urozmaicają lekcje i pobudzają wyobraźnię studentów. Przydatne mogą być: obrazki, pocztówki, fotografie, scenki nagrane na wideo, dialogi do słuchania, scenki zaaranżowane w klasie, itd. Na końcu należy przygotować materiał leksykalny, który będzie potrzebny do pracy z nową strukturą gramatyczną. Trzeba powtórzyć ze studentami te słowa, które już znają albo wprowadzić nowe (np.: ćwicząc strukturę **jeść, pić** + **B.** należy najpierw podać studentom słownictwo związane z jedzeniem i piciem).

Przygotowana w ten sposób lekcja ma szansę powodzenia. Już na samych zajęciach należy kierować się następującym schematem: 1) wprowadzenie struktury w odpowiednim kontekście, zrozumiałym dla studenta; 2) sprawdzenie właściwego zrozumienia struktury; 3) powtarzanie struktury przez studentów; 4) zapisanie struktury na tablicy; 5) objaśnienie budowy struktury; 6) przeczytanie jej; 7) zapisanie struktury w zeszytach w możliwie charakterystycznym kontekście (za: [3, c. 167]). Takie wprowadzanie struktury to «dedukcyjne wprowadzenie gramatyki» [3, c. 167], czyli najpierw nauczyciel musi ją wyjaśnić, żeby studenci mogli ją ćwiczyć. Aby rozwijać u studentów samodzielność i domysł językowy, można wykorzystać prezentację «indukcyjną» (podajemy tekst, w którym zawarta jest nowa struktura; studenci po zapoznaniu się z nim sami ją wskazują i, z pomocą dodatkowych przykładów, próbują zrozumieć zależności, odczytać znaczenie z kontekstu aby w końcu stworzyć definicje reguły gramatycznej).

Kiedy nowe zagadnienie gramatyczne zostało zaprezentowane, należy przejść do jego utrwalenia poprzez ćwiczenia. Istnieją wiele technik nauczania gramatyki, które zostaną tu krótko omówione.

Techniki automatyzujące, polegają na systematycznej, kontrolowanej praktyce językowej, nazywanej *drylem*. Dryl kojarzy się z monotonnym, nudnym powtarzaniem, jednakże na pierwszym etapie nauki gramatyki jest nieodzowny. Pomaga bowiem utrwalić nowy materiał i przyzwyczaić aparat artykulacyjny do jej wypowiedzania. Aby jednak ćwiczenia nie były nudne (co za tym idzie bezproduktywne) i zainteresowały studentów, techniki automatyzujące zostały urozmaicone. Nie należy jednak zapominać, że są one jedynie wstępem do pracy, po którym powinny nastąpić ćwiczenia swobodniejsze, imitujące sytuacje komunikacyjne.

1) Technika imitacji, czyli powtarzanie. Studenci powtarzają nową strukturę. Na tym etapie należy eliminować wszystkie błędy (także te w wymowie). Trzeba pamiętać, że powtarzanie szybko się studentom znudzi, dlatego należy ćwiczenia imitacyjne ograniczać.

1. Udaliśmy się do sekretariatu, ponieważ chcieliśmy uściślić termin kolejnych zajęć.
.....
2. Kiedy rozmawialiśmy z sekretarką, zadzwonił profesor.
.....
3. Profesor przekazał, że obojętnie jaki będzie stan jego zdrowia, przyjdzie na następny wykład.
.....
4. Postanowił, że nie będzie leżał w łóżku, bo liczy się z tym, co jest dobre dla studentów.
.....
5. Potem jednak stwierdził, iż jeśli mu się pogorszy, zostanie w domu.
.....

d) integracja należy do ćwiczeń transformacyjnych i polega na połączeniu dwóch podanych zdań w jedno, np.:

Anna poszła do restauracji. Nie jadła jeszcze obiadu.

Anna poszła do restauracji, ponieważ nie jadła jeszcze obiadu.

Opisane wyżej techniki są elementem drylu gramatycznego. Mimo tego, że monotony i nudny jest nieodzowny na pierwszym etapie utrwalania nowego materiału gramatycznego. To od nauczyciela zależy atrakcyjność ćwiczeń i to on musi zadbać o to by były one urozmaicone i ciekawe dla studentów, tak by odniosły oczekiwany skutek.

Ćwiczeniami dzięki którym studenci będą mogli zastosować nowo poznane struktury gramatyczne, są ćwiczenia stymulujące komunikację. Są one bardzo ważne w dalszej części lekcji. Po ćwiczeniach automatyzujących będą dla uczniów ciekawe, a lekcja zyska na atrakcyjności. Poza tym rozwijają wyobraźnię studentów i pokazują zasadność nauki gramatyki (uczymy się jej, by poprawnie się porozumiewać w codziennej komunikacji).

1) Ćwiczenia fatyczne polegają na podtrzymaniu rozmowy zakłóconej przez niezrozumienie, niedosłyszanie, itd. Są one najczęściej wykorzystywane na zajęciach o niższym poziomie zaawansowania (utrwalają nie tylko strukturę gramatyczną, ale i leksykę) lub w grupach dziecięcych. Przykłady:

– *Która godzina? – Słucham? – Która godzina?*

– *Idziesz ze mną do kina? – Słucham? – Idziesz za mną do kina?*

2) Ćwiczenia z zarysowanym kontekstem wypowiedzi to takie, w których prezentuje się tak dobraną sytuację, by reakcją uczniów było użycie nowej struktury, np.:

*Robisz przyjęcie. Co musisz kupić? (ćwiczone: **dopelniacz**)*

*Adam pokłócił się z żoną. Co powinien zrobić? (ćwiczone: **czasownik powinien**)*

*Niedługo wakacje. Co planujesz robić? (ćwiczone: **czas przyszły**)*

*Niedawno było Boże Narodzenie. Jak spędziłeś święta? (ćwiczone: **czas przeszły**)*

3) Ćwiczenia sytuacyjne polegają na podaniu przez nauczyciela gotowego scenariusza językowego, jednak jego realizacja należy w pełni do studentów, np.:

*Byłeś na wakacjach w Hiszpanii. Opowiedz co tam robiłeś. (ćwiczone: **czas przeszły**).*

*Opowiadasz koleżance o stażu w telewizji. Praca Ci się nie podoba. (ćwiczone **użycie przymiotników o nacechowaniu negatywnym**).*

4) Ćwiczenia «przeczytaj i przekaz informację» mają różne formy. Najlepsze są takie z luką informacyjną, ponieważ ćwiczenia komunikacyjne sprawdzają się kiedy nadawca i odbiorca komunikatu dysponują różną wiedzą. Część studentów może czytać tekst lub oglądać obrazki a potem opowiadać reszcie grupy o tym co przeczytali lub obejrżeli. Ćwiczenie dobre jest do utrwalenia czasów i form przypadków. Materiały muszą być jednak odpowiednie do potrzeb zajęć ale także do umiejętności studentów.

5) Ćwiczenia transformacyjne – komunikacyjne to nadanie automatyzującym ćwiczeniom transformacyjnym charakteru ćwiczeń komunikacyjnych. Są to, np. [3, c. 171–172]:

a) maszyna czasu – tekst, który napisany jest w konkretnym czasie, student przekształca na inny (teraźniejszy na przyszły, itd.). Może być bohaterem lub obserwatorem.

b) podsłuchana rozmowa – dwie osoby rozmawiają, umawiają się, a trzecie «podsluchuje» i opowiada o tym kolegom.

c) co byś zrobił na moim miejscu? – jeden student dzieli się swoim problemem z kolegami i chce od nich rady. Wybiera najlepszą dla siebie i uzasadnia swój wybór.

Opisane wyżej sposoby nauczania gramatyki powinny przynieść oczekiwane skutki. Nie należy jednak zapominać o błędach, które na pewno wystąpią. Chociaż są one sygnałem, że proces nauczania wystąpił, trzeba je poprawiać. Na etapie ćwiczeń automatyzujących należy poprawiać błędy od razu po ich wystąpieniu, ale dopiero wtedy kiedy student skończy zdanie. Musi mieć też szansę, żeby poprawić się samemu. Na etapie ćwiczeń komunikacyjnych błędy poprawia się po zakończeniu całego zadania, w podsumowaniu. Trzeba pamiętać, że duża ilość błędów na etapie komunikacyjnym jest sygnałem, że było za mało ćwiczeń automatyzujących lub struktura została źle wprowadzona. Aby mieć pewność, że nic nie zostało pominięte, nauczyciel powinien kierować się następującymi zasadami [3, c. 173]:

- 1) ćwiczenia muszą mieć swój tytuł i temat;
- 2) ćwiczenia muszą mieć określony cel i wyraźną dla studentów instrukcję;
- 3) ćwiczenia powinny umożliwiać wielokrotne powtarzanie danego wzoru zadania, ale zawsze w naturalnych sytuacjach;
- 4) ćwiczenia muszą toczyć się szybko, być krótkie i urozmaicone – inaczej będą nużące;
- 5) należy dać studentom więcej samodzielności – ćwiczenia ostaną lepiej przyswojone;
- 6) im więcej zaangażowania (prawdziwych wypowiedzi studentów) tym większa skuteczność nauki gramatyki;
- 7) studenci muszą mieć pełną jasność czego się od nich oczekuje. W ćwiczeniach automatyzujących chodzi o wyuczenie struktury. W ćwiczeniach komunikacyjnych o zastosowanie jej w naturalnych sytuacjach.

Nauczanie gramatyki jest procesem bardzo ważnym, ponieważ jej znajomość jest często postrzegana jako dobra znajomość języka w ogóle. Uczenie się reguł gramatycznych to proces długotrwały i żmudny, dlatego wymagający cierpliwości ze strony studenta. Należy jednak pamiętać, że gramatyka musi iść w parze z nauczaniem sprawności – to jest najistotniejsze założenie *podejścia komunikacyjnego*.

Библиографические ссылки

1. **Язык польски jako obcy** / pod. red. S. Grabiasa. – Lublin, 1992.
2. **Komorowska H.** *Metodyka języków obcych* / H. Komorowska. – Warszawa, 2005.
3. **Komorowska H.** *Podstawy metodyki języków obcych* / H. Komorowska. – Warszawa, 1993.
4. **Słaby-Góral I.** *Między językoznawstwem integracyjnym a językoznawstwem filologiczno – semiotycznym. Gramatyka w nauczaniu języka polskiego jako obcego, [w:] Inne optyki. Nowe programy, nowe metody, nowe technologie w nauczaniu kultury polskiej i języka polskiego jako obcego.* / pod. red. R. Cudaka i J. Tambor. – Katowice, 2001.
5. **Seretny A.** *ABC metodyki nauczania języka polskiego jako obcego* / A. Seretny, E. Lipińska. – Kraków, 2005.

Надійшла до редколегії 29.05.10

УДК 811.112.2'373.7

И. А. Сахно

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ФРАЗЕОЛОГИЯ «ПРОТОКОЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Досліджено стилеві особливості жанру «протокольна література». Проналізовано культурну конотацію фразеологічних висловів в оповідях двох сучасних німецьких авторок – Максї Вандер та Мартїни Реллін. Розглянуто співвідношення між проблемами, які хвилюють героїнь-жінок, та специфікою ідіоматики творів.

Ключові слова: протокольна література, інтерв'ю, ідіоматика, фразеологізм, конотація.

Исследованы стилевые особенности жанра «протокольная литература». Пронализирована культурная коннотация фразеологических выражений в сочинениях двух современных немецких авторов – Макси Вандер и Мартины Реллин. Рассмотрено соотношение между проблемами, волнующими героинь, и спецификой идиоматики произведений.

Ключевые слова: протокольная литература, интервью, идиоматика, фразеологизм, коннотация.

The stylistic peculiarities of the «protocol literature» genre are examined. The cultural connotation of stock phrases in the works by Maxi Wander and Martina Rellin, two modern German authors, is analysed. The correlation between the problems worrying the heroines and peculiar features of the idiomatics of the books are studied.

Key words: protocol literature, interview, idiomatics, phraseological units, connotation.

Последние десятилетия характеризуются всплеском исследовательского интереса к проблемам фразеологии и, в частности, фразеологии немецкого языка. Большой вклад в ее изучение внесли такие отечественные и зарубежные авторы, как М. Д. Степанова, И. И. Чернышова, А. Д. Райхштейн, В. И. Гавриш, О. П. Пророченко, В. Фляйшер, Х. Бургер, Р. Хесски и другие. Вместе с тем многие лингвисты отмечают, что некоторые аспекты образования, семантики и употребления фразеологизмов еще не нашли своего полного освещения в специальной литературе. Так, указывается на необходимость анализа текстообразующего потенциала фразеологических единиц [16], распределения фразеологических выражений по отдельным типам текстов [11], на когнитивные, прагматические и культурологические аспекты фразеологии [6].

Актуальность затронутой в предлагаемой статье проблематики обусловлена двумя следующими моментами. С одной стороны, недостаточно исследовано соотношение устных и письменных жанров и их взаимовлияние. С другой стороны, нуждается в детальном изучении специфика функционирования фразеологических единиц в текстах разной функционально-стилистической направленности.

В рамках данной статьи предпринимается попытка проанализировать особенности использования фразеологического фонда немецкого языка в произведениях, представляющих так называемую «протокольную литературу».

Материалом для исследования послужили художественные произведения двух современных немецких авторов – Макси Вандер и Мартины Реллин. Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть следующие теоретические вопросы и систематизировать подходы к их решению в современной лингвистической науке:

– специфика протокольной литературы: альтернативные названия, место в литературном процессе, стилевые черты;

- биографический жанр как междисциплинарный объект исследования;
- роль автора и рассказчика в протокольной литературе;
- культурологические аспекты фразеологии;
- типы фразеологической модификации.

В немецкой литературе последнего времени стали достаточно популярными художественные произведения специфической жанровой направленности, получившие название «протокольной литературы». Основоположником жанра принято считать Сару Кирш с ее новеллами «Fünf unfrisierte Erzählungen aus dem Kassettenrecorder» [13]. Другие критики признают первенство за Эрикой фон Хорнштайн [12]. Особую нагрузку несли произведения «протокольной литературы» в ГДР, где они выполняли субститутивную функцию, в известной степени компенсируя собой, говоря «перестроечными» понятиями, дефицит гласности. К. Райман характеризует подобную роль как Ersatzöffentlichkeit [14, с. 99]. Волна документалистики в литературе и на экране 70-х объясняется растущим разрывом между газетно-книжной и повседневной действительностью в ГДР [19]. Вместе с тем в ФРГ того же периода протокольная литература занимает, по мнению литературоведов, периферийные позиции [7, с. 50]. Несмотря на то, что условия для возникновения и рецепции жанра сегодня существенно изменились, литература данной направленности сохраняет свою актуальность и в наши дни. Особенно часто к этому литературному жанру обращаются немецкие авторы в переходный период (прежде всего, в 1990–1992 годы). В это время возникают целые тома практически протокольных свидетельств современников о важнейших социально-политических событиях [10].

Неоднозначно употребление и самого термина «протокольная литература». Г.-Й. Шредер, например, говоря о литературном, биографическом и социально-историческом значении документальных жанров, отдает предпочтение определению «литература интервью» (Interviewliteratur). Встречаются также альтернативные наименования: «портрет», «документально-литературный жанр», «нарративно-биографическое интервью», «литературно-биографический портрет», «биографические исследования» и т. д. [17]. Для сравнения рассмотрим дефиниции двух наиболее частотных исходных компонентов в составе определяющих жанр терминов – «интервью» и «протокол».

Интервью понимается как беседа на представляющие общественный интерес вопросы корреспондента радио, телевидения, газеты и т. п., предназначенная для распространения в средствах массовой информации. Кроме того, это газетная или журнальная статья, излагающая содержание такой беседы. В социологии интервью – это беседа по заранее намеченной программе со специально или случайно избранными собеседниками [3, с. 252]. Как видим, элементы собеседования, социальной значимости вполне применимы к рассматриваемому жанру, хотя точнее можно было бы говорить о «литературном интервью». Протокол понимается как «документ с записью всего происходящего на заседании, собрании, допросе. Элемент «протокольности» в литературе данного жанра, безусловно, присутствует, поскольку исходным материалом, как правило, являются беседы, которые автор ведет со своими согражданами, фиксируя сказанное сначала на магнитофон, а затем перерабатывая в прозаическое произведение.

Название «протокольная литература» представляется нам более емким и выразительным применительно к двум анализируемым в статье произведениям. Это название соотносит исходное, зафиксированное высказывание и его последующую литературную обработку. Протокол является по сути своей вторичным жанром, то есть таким, который отражает первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения. На необходимость изучения проблемы

взаимоотношения вторичных (преимущественно письменных) и предшествующих им первичных (устных) жанров указывает М. М. Бахтин [1, с. 163].

Очевидно, что биографические жанры и формы вызывают интерес и могут получать оценку с точки зрения самых разных исследовательских дисциплин: лингвистики, литературоведения, психологии, социологии, журналистики и т. д. С литературоведческой, социологической и лингвистической точек зрения жанр литературно-биографического интервью еще не стал объектом детального анализа [17]. Остановимся поэтому лишь на формальных признаках жанра и отдельных проблемах его изучения. Представленные в протокольной литературе рассказы отличаются, как правило, непосредственностью, обилием деталей и повседневно-бытовых подробностей. Множество рассказчиков порождают стилистическое многообразие повествования и сложность выделения общих лексико-стилистических особенностей. Вместе с тем есть и типичные черты. Повествование ведется от первого лица, преимущественно в форме *Präteritum* или *Perfekt*. В изобилии представлены эллиптические формы разных структурных уровней. Если первые публикации такой направленности воспринимались как литературный эксперимент, то со временем жанр превращается в своего рода сейсмограф, который отражает восприятие социальных реалий современниками. Этим обусловлено обилие в текстах оценочно-коннотированной лексики. Существует проблема сравнения идентичности исходных записей бесед и транскрипций текстов интервью. Важно также сопоставление содержания печатного текста нарративно-биографического интервью с жизненными реалиями, с одной стороны, или с глубоко личными переживаниями героев – с другой [17].

Особого внимания заслуживает вопрос о роли автора и рассказчика. По словам Р. Андресса, в произведениях «протокольной литературы» автор выводит себя как очевидного участника за рамки беседы, в результате чего возникают мнимые монологи. Содержание таких монологов фокусируется на пережитой и рассказанной, публичной и частной, прошлой и актуальной действительности [7, с. 49]. Свернутая диалогичность и фактическое присутствие автора подтверждается обращением героинь типа «*hör mal*», «*guck mal*», «*was du da machst ... ist wunderbar*» и т. п. Автор как тонкий и деликатный, вызывающий доверие собеседник, оставаясь за кадром, играет весьма значительную роль. От него требуются умение сопереживать и понимать, ставить общезначимые и вместе с тем откровенные, иногда провокационные вопросы.

Все эти качества отличают двух современных немецких писательниц: Макси Вандер и Мартину Реллин. Две их книги («*Guten Tag, du Schöne!*» Макси Вандер и «*Klar, bin ich eine Ost-Frau!*» Мартины Реллин) объединяет много общего: общая творческая идея, биографические содержательные моменты, авторский интерес к судьбам современниц, форма исходной протокольной записи с последующей интерпретацией ее в монолог. Это в обоих случаях беседа авторов с нашими современницами об их жизни, их социальной роли, о семье, карьере, о самом сокровенном. Книжки и их героинь отделяет друг от друга целая эпоха: 30 лет в истории современной Германии, ознаменовавшиеся такими важнейшими событиями, как падение Берлинской стены, исчезновение с карты мира государства ГДР, объединение двух Германий. Подобные социальные катаклизмы не могли не оставить существенный след в судьбах, воззрениях и исповедуемых духовных ценностях героинь.

Автор первой книги – Макси Вандер, австрийская писательница (1933–1977 гг.). «*Guten Morgen, du Schöne. Protokolle nach Tonband*» – самое известное ее произведение, имевшее несколько переизданий и ставшее очень популярным как в ФРГ, так и (прежде всего) в ГДР. Именно М. Вандер привлекла внимание широкого круга современных читателей к протокольной литературе как особому литератур-

ному жанру, хотя и не была его основоположницей. М. Вандер сделала магнитофонные записи рассказов женщин разного возраста и происхождения об их жизни и опубликовала их как единую книгу.

Мартина Реллин родилась в 1962 г. в Гамбурге, долгое время была главным редактором журнала «Das Magazin». Живет в Берлине и, как никто другой, знает будни своих современниц. Книга «Klar, bin ich eine Ost-Frau!» была впервые опубликована в Берлине в 2003 г. и сразу стала популярной, хотя и получила неоднозначные оценки читателей и критики. Прежде всего потому, что затрагивает многие стереотипные представления о роли женщины сегодня, о сходствах и различиях между нашими современницами на востоке и западе Германии. Автор собрала в своей книге 14 монологов-исповедей обычных женщин, проживающих на территории бывшей Восточной Германии.

Монологическая речь в художественных и публицистических произведениях всегда изобилует экспрессивной лексикой, несущей большую культурологическую информацию. Именно фразеология наиболее ярко передает неповторимую самобытность языка и культуры. Фразеологию обеих книг отличает ярко выраженная оценочная модальность. Обобщенно говоря, дается оценка социальным идеалам и их реализации в конкретных судьбах. По мнению В. Н. Телии, оценочная модальность – это связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего / слушающего и обозначаемой реалией, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию (эмоциональному, этическому, утилитарному и т. п.) в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира [6, с. 23].

Анализируя оценочную лексику и фразеологию обеих книг, можно отметить глубокую связь между тематизацией оценки и конкретными экстралингвистическими факторами в данный отрезок времени. Социалистическое прошлое проявляет себя в монологах обеих книг. Здесь и цитаты классиков марксизма («*Das Sein bestimmt das Bewusstsein*», «*Religion ist Opium fürs Volk*») и *Kaderabteilung* вместо *Personalabteilung*, и многое другое. Естественно, что на героинях М. Вандер влияние советских реалий сказывается куда значительнее: они читают «Тихий Дон», «Анну Каренину», цитируют Катаева, слушают Шостаковича. В целом, фразеологизмы этой книги демонстрируют более высокую степень структурно-семантической эквивалентности с единицами русского языка, передающими того же плана концепты. Ср.: *Sein letztes hergeben; sich ins Schneckenhaus verziehen; den Clown vom Dienst machen; den Clown spielen; jmdm. über den Kopf gewachsen sein; nehmen, was einem unter die Finger kommt*.

Большинство идиом тематизируют в текстах межличностные, главным образом, семейные отношения (*Ich spiele ihn an den Wand, jmdn. auf die Schippe nehmen*); отношения в коллективе (*jmdm. einen Schlag versetzen, Radau machen*); внешность и характер человека (*wie aus dem Gesicht geschnitten sein, nicht auf den Kopf gefallen sein*). Семантика фразеологических единиц может включать как эмотивный, так и эмоциональный компоненты. Спектр эмоций при этом бывает самым широким: от неуверенности в себе (*so klein sein*) до бурного проявления чувств (*außer Rand und Band sein, Feuer und Flamme sein*), вплоть до трагического восприятия реальности (*sich das Leben nehmen*). Эмоциональность нередко сопровождается негативной коннотацией, например: *Ich habe mein Leben nicht mehr im Griff. Ich fühle mich wie ein Blatt im Wind*. Много идиом передают концепт «справиться с чем-либо»: *unter den Hut kriegen; seinen Kopf durchsetzen; Geht nicht gibt's nicht*. Это отражает конфронтацию героинь с жизненными проблемами, успешное преодоление этих проблем, а также популярные сегодня гендерные мотивы (*Die Frau kann heute seinen Mann stehen*).

Оценочность проявляет себя и через категорию интенсивности. Фразеологизмы часто выступают в роли интенсификаторов / минимизаторов действия (*auf keinen Fall, auf jeden Fall, bis aufs Blut, auf Tod nicht ausstehen*).

С точки зрения лексико-семантической классификации большинство выделенных в ходе анализа единиц носят вербальный характер, что вполне соответствует повествовательности жанра. Возникшие в результате семантических трансформаций свободных синтагм, эти сочетания подвергаются дальнейшим модификациям при их контекстном употреблении. Это придает высказываниям дополнительную экспрессивность, служит речевой характеристике героинь и отражает некоторые тенденции развития фразеологической системы. Обнаружены следующие наиболее частотные типы модификаций фразеологизмов:

– расширение / усечение фразеологической единицы на фонемном, морфемном, синтаксическом или лексическом уровне (ср.: *eine homosexuelle Ader haben; das ist ein heißes Eisen; ein ständiges Auf und ab; Überall gibt es schwarze Schaffe*).

– субституция отдельных компонентов (*Die Leute sind faul. Sie reißen ja auch keine Betten mehr*).

Особая экспрессивность отличает модифицированные паремические высказывания: «*Schönheit vergeht, aber doof bleibt doof*», «*Lieber eins auf dem Kissen als eins auf dem Gewissen*», «*Wie man in den Wald hineinruft, so schallt es wieder raus*».

Фразеологические сочетания (так называемые *Streckformen*), нейтральны в стилистическом отношении, передают, в основном, констатацию фактов и служат структурно-смысловому единству текста (*keine Lust haben, Spaß machen*).

Преимущественно разговорный стилистический регистр текстов диктует обилие модальных частиц, особенно в квазидialogах (*Ist ja ein alter Hut. Mach ja kein Theater. Das kann ja hinten und vorne nicht stimmen*), яркую стилистическую окраску многих фразеологических единиц и наличие разговорных компонентов в их составе (*aus dem Schlammassel nicht rauskommen; auf die Mütze bekommen, das Kleingedruckte lernen*).

После прочтения обеих книг в сознании читателя постепенно формируется представление об активной, самодостаточной, оптимистичной, равнодушной и социально ангажированной современнице. Это представление достаточно убедительно прежде всего потому, что возникает у читателя благодаря откровенным монологам, сохраняющим почти протокольную идентичность, ярко отражающим национальный, иногда – локальный колорит. Особую достоверность и эмоциональность повествованию придает фразеологическая лексика.

Словарь биографических, «протокольных» исповедей героинь Макси Вандер и Мартины Реллин выразителен и разнообразен и безусловно заслуживает внимания исследователей. Неслучайно, фрагменты рассмотренных текстов широко используются в учебной литературе при обучении немецкому языку как родному или иностранному.

Библиографические ссылки

1. **Бахтин М. М.** Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин. Собрание сочинений. – М. : Русские словари, 1996. – Т. 5 : Работы 1940–1960 гг. – С. 159–206.
2. **Гавриць В. І.** Німецько-український фразеологічний словник / В. І. Гавриць, О. П. Пророченко. – К. : Рад. шк., 1981. – Т. 1. – 416 с.
3. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Рус. яз., 1990. – 925 с.
4. **Райхштейн А. Д.** Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А. Д. Райхштейн. – М. : Высш. шк., 1980. – 143 с.
5. **Степанова М. Д.** Лексикология современного немецкого языка / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. – М. : Высш. шк., 1975. – 272 с.

6. **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
7. **Andress R.** Protokolliteratur in der DDR : der dokumentierte Alltag. – New York : Peter Lang Publishing, 1999 – 232 S.
8. **Burger H.** Idiomatik des Deutschen. – Tübingen : Niemeyer, 1973. – 117 S.
9. **Fleischer W.** Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen : Niemeyer, 1997. – 299 S.
10. **Grub F.-T.** «Wende» und «Einheit» im Spiegel der deutschsprachigen Literatur. – Berlin – New York : Walter de Gruyter, 2003. – 349 S.
11. **Hessky R.** Redewendungen. Ein Wörter- und Übungsbuch für Fortgeschrittene / R. Hessky, S. Ettinger. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1997. – 377 S.
12. **Hornstein E.** Die deutsche Not : Flüchtlinge berichten. – Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 1992. – 398 S.
13. **Kirsch S.** Fünf unfrisierte Erzählungen aus dem Kassettenrecorder. – Berlin : Aufbau, 1974. – 135 S.
14. **Reimann K.-E.** Schreiben nach der Wende – Wende im Schreiben? Literarische Reflexionen nach 1989/90. – Würzburg : German literature, 2008 – 337 с.
15. **Rellin M.** Klar, bin ich eine Ost-Frau! Frauen erzählen aus dem richtigen Leben. – Berlin, Rowolt Taschenbuch Verlag, 2009. – 248 S.
16. **Shippan Th.** Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – Thübingen : Niemeyer, 2002. – 272 S.
17. **Schröder H.-J.** Interviewliteratur zum Leben in der DDR. Zur literarischen, biographischen und sozialgeschichtlichen Bedeutung einer dokumentarischen Gattung // Studien und Texte zur Sozialgeschichte der Literatur. – Bd. 83. – Tübingen : Niemeyer, 2001. – 426 S.
18. **Wander M.** Guten Tag, du Schöne! – Frankfurt: Suhrkamp, 2007. – 281 S.
19. **Zurmühl S.** Das Leben, dieser Augenblick. Die Biografie der Maxie Wander. – Berlin : Henschel, 2001. – 320 S.

Надійшла до редколегії 15.01.10

УДК 811.161.1'373.7

Г. В. Соболева

Донецкий университет экономики и права

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ФРАГМЕНТ СОВРЕМЕННОГО ПОДЪЯЗЫКА ЭКОНОМИКИ

Проаналізовано сучасну економічну термінологію, в значенні якої при утворенні відбулося перенесення лексичного значення. Викладено результати проведеного дослідження, описано групування метафоричної термінології з урахуванням значення термінів, їх метафоричного зв'язку з вихідним значенням слів та кількісного складу груп. Отримана структура блоку термінів-метафор подається автором з розподілом на ядерну частину терміносистеми та її периферію.

Ключові слова: економічна термінологія, термін-метафора, метафоричні зв'язки, вихідні значення слів, ядерна частина, периферія.

Проанализирована современная экономическая терминология, в значении которой при образовании произошел перенос лексического значения. Изложены результаты проведенного исследования, описана группировка метафорической терминологии с учетом значения терминов, их метафорической связи с исходным значением слов и количественного состава групп. Полученная структура блока терминов-метафор подается автором с делением на ядерную часть терминисистемы и ее периферию.

Ключевые слова: экономическая терминология, термин-метафора, метафорические связи, исходные значения слов, ядерная часть, периферия.

Modern economic terminology in which the transmission of lexical meaning took place in the process of formation is analysed in the article. The results of the research are stated, classification of metaphorical terminology taking into account the meaning of terms, their metaphorical connection with primary meaning of the words and quantitative structure of groups is described. The received structure of terms-metaphors is given by the author with division into nuclear part of term system and its periphery.

Key words: economic terminology, term-metaphor, metaphorical connection, primary meaning of the words, nuclear part, periphery.

В экономике, как одной из современных областей деятельности человека, появление новых терминов – постоянно действующий процесс, который в последнее время протекает особенно активно вместе с интенсивным развитием самой экономики. Это прежде всего обуславливает неослабевающий интерес исследователей к этому пласту лексики любого современного языка, в том числе и русского.

Изучение термина как основной единицы любой терминосистемы может проводиться в различных аспектах и с различными подходами. Термин, как основная единица научного знания, является объектом специального изучения языкознания и терминоведения, где существуют фундаментальные исследования, в том числе и на стыке языкознания с другими научными дисциплинами (В. М. Лейчик, С. В. Гринев, В. П. Даниленко, В. А. Татаринев, Т. С. Пристайко, Б. Н. Головин и многие другие). Исследователей интересует как терминология в целом, так и терминосистемы различных сфер деятельности или знаний, а также предметом изучения являются и различные сферы внутри одной области (например, банковская, финансовая терминология и др. в рамках экономической терминосистемы). Среди наиболее актуальных проблем изучения экономической терминосистемы являются, например, такие вопросы: образование и рост в экономической терминологии расчлененных номинаций, включающих в свой состав неизменяемый зависимый компонент (Л. А. Ким, Т. С. Пристайко и др.); когнитивный аспект рассмотрения терминологии, ее изучение в рамках проблемы языковой картины мира (Л. В. Ивина, В. И. Гвазава, Ю. Р. Олещенко и др.); освоение заимствованной терминологии (Е. В. Сенько), профессиональный перевод и др.

Внимание современных исследователей к терминам-метафорам обусловлено актуальностью вопросов, связанных с процессами мышления человека и его особенностями. Семантический перенос значения при метафоризации объясняется законами мышления, его образным характером. И поскольку уровень развития различных областей знаний у большинства народов на современном этапе приблизительно одинаков, то можно утверждать, что специфика любой терминосистемы как системы языкового выражения специальных понятий, по словам В. И. Гвазавы, состоит в том, что, являясь национальной по форме, она интернациональна по содержанию, что обуславливается универсальным характером человеческого мышления [2, с. 76]. С этой точки зрения интересным и актуальным для настоящего времени является привлечение к изучению терминов украинских переводных словарей, составленных на базе русскоязычных лексикографических источников. Все сказанное говорит об актуальности данного исследования.

Несмотря на множество основательных работ, посвященных изучению термина, учеными неоднократно отмечалось «отсутствие общепринятого определения самого понятия «термин»» [3, с. 14], что обусловлено многоаспектностью данного понятия, фактом его изучения разными науками (философией, логикой, лингвистикой, терминоведением), появлением нового подхода к его изучению (когнитивного). В данном исследовании, опираясь на определение О. С. Ахмановой, вслед за Т. С. Пристайко, в качестве рабочего было принято следующее определение: термин – это «слово или словосочетание специального

(научного, технического и т. п.) языка, создаваемое (принимается, заимствуемое и т. п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [3, с. 19]. Можно опираться на такое же по сути, но более лаконичное и упрощенное определение: «Слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности человека» [8, с. 144].

Объектом нашего внимания явилась экономическая терминология, отобранная в одном из современных словарей [9] (далее – экономический словарь). Выбор источника языкового материала обусловлен двумя причинами. С одной стороны, данный словарь включает специальные наименования из всех областей экономики, маркетинга, менеджмента, мерчандайзинга, банковского дела, бухгалтерии, финансов и предпринимательства. С другой стороны, объем словаря составляет около 3 тысяч терминов, выбранных на базе более полных источников (Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – М., 2003; Большой экономический словарь / авт.-сост. А. Б. Борисов. – М., 1999; Бенжамен Г., Пике М. Экономический и коммерческий словарь. – М., 1993, а также русско-украинские переводные словари экономической направленности). Это, таким образом, далеко не полный специальный словарь. Однако он, будучи предназначенным для студентов, работников финансово-кредитных предприятий и т. д., является практическим, ходовым словарем, который содержит самые актуальные и необходимые в работе термины данной сферы деятельности. В современных условиях развития и взаимовлияния языков и экономических систем проведенное исследование в целом представляется актуальным.

Своей *целью* мы ставили системное описание терминов-метафор экономической сферы деятельности человека на базе названного экономического словаря. Отсюда конкретными задачами были выявление слов данной группы лексики из общего состава лексики указанного словаря, анализ собранного материала и его систематизация.

В результате сплошной выборки из указанного экономического словаря, который содержит около 3000 терминов и понятий, было выявлено около 170 лексических единиц, которые образованы в результате семантического переноса значения слова и являются, следовательно, метафорическими терминами.

Учитывая, что терминологическую часть специальной лексики любой области знания или деятельности (в том числе и подязыка экономики) составляют не только термины, но и такие ее разновидности, как номен (номенклатурный знак) и профессионализмы, необходимо отметить, что основную часть собранного материала составили собственно термины. К ненормативной специальной лексике относятся лишь единичные сочетания со словарной пометой *жарг.*: «дуэль шумная», «отмывание» денег, «белый слон», «четыре М». Номенклатурные знаки с метафорической окраской в своем значении типа *экономическая зона «банковский рай»* в собранном материале представлены также единичными наименованиями.

Анализ собранного языкового материала на базе указанного экономического словаря показал возможность его распределения по группам, исходя из сферы-источника, или области-источника, области-донора [5, с. 202, 206], откуда и происходит перенос значения. Результаты исследования показали, что группировка метафорической терминологии по значению с учетом сфер-источников и количественного распределения данных терминов образует ядро данной группы лексики и не столь значительную по числу составляющих ее единиц периферию.

Еще одной существенной особенностью исследованного языкового материала является вывод о том, что процесс метафоризации экономической терминологии как одной из областей специального знания носит антропоморфный характер. Данный вывод не противоречит мнению современных лингвистов о том, что

«в научных картинах мира широко распространены «антропоморфные метафоры», представляющие окружающий мир по аналогии с человеком» [5, с. 203].

Наиболее обширными оказались несколько групп специальной лексики. Среди них, например, термины с областью-источником «природа». В нее входят такие термины-метафоры: *развитие экономики, естественный темп роста, таблица «возраста» задолженностей, поток цен, материальный поток, дерево целей, фазы экономического цикла* и др. К данной группе примыкает немногочисленная, но близкая по значению группа со значением «человек как биологическое существо», в которой присутствует лишь одно показательное наименование: *лицо* как часть человеческого тела (*должностное лицо, юридическое лицо, физическое лицо*).

Столь же обширны еще несколько групп, которые объединяются вокруг человека уже как социального существа. Например, группа со значением «быт, предметы бытовой сферы»: *чистая продукция, валютная «корзина», портфель заказов, портфель ценных бумаг, «почтовый ящик», «зонтик цен», стеллаж* (в значении «одна з форм біржових угод» [9, с. 268]) и др. Отдельную группу составляют такие единицы, которые метафорически связаны с отношениями между людьми, особенностями их поведения: *бегство капиталов, шумная дуэль, встречная торговля, система участия, биржевая паника* и др.

Следующие несколько групп терминов-метафор связаны с отдельными сферами деятельности человека в обществе. Среди них группа «строительство и сооружения»: *«окно льготных кредитов», потолок цен, процентное покрытие, торговый дом*. Сюда же входят группы «армия и военное дело» (*кредит револьверный, безопасность финансовая, блокада экономическая, тактика экономическая, фондовооруженность*) и «политика» (*товарная / финансовая / фискальная политика, делегирование полномочий*). Наименования экономических понятий, которые образовались при помощи переноса значения из различных сфер культурной жизни человека, по отдельности немногочисленны, но при объединении в группу «сфера культурной жизни» по численности могут быть отнесены к группам наименований по сферам деятельности человека. Среди таких сфер выделяются следующие подгруппы метафорических терминов: музыка (*аккордная оплата труда, казначейские ноты* (как бумажные деньги или один из видов государственных обязательств [9, с. 265])), одежда, мода (*стиль руководства, товарный шлейф*), услуги (*склад-отель, телешопинг*), физкультура и спорт (*ринг* (как синоним термину *биржевой круг*)), религия («*банковский рай*», *явление ореола*).

Последнее большое объединение групп терминологических единиц составляют метафоры, которые соотносятся с различными науками. Среди них точные науки: медицина (*экономическая диагностика предприятия, экономический шок, режим экономии, финансовые операции банков*), математика (*параллельная валюта, вертикальная интеграция, «четыре М», порочный круг бедности, реальный сектор экономики, сегмент рынка*), физика (*экономические рычаги, ошибка в проводке, жесткая заработная плата*). Среди гуманитарных наук областями-донорами стали такие: история и государство (*анархия производства, валютная интервенция, арест на вклад, налоговое бремя, хронология экономического цикла*), филология (*валютная оговорка, тендерная оговорка, трактат* (в значении «міжнародний договір, угода» [9, с. 280])).

Все названные и описанные выше группы исследуемой лексики составляют ядро метафорической экономической терминологии. Отдельные единичные наименования составляют периферию метафорической терминосистемы экономической сферы. Данная периферия складывается из следующих групп наименований: учебные заведения (*ясельное финансирование* (в значении «фінансові ресурси,

інвестиції, які вкладають інвестори в приватні компанії в початковий період їхнього створення...») [9, с. 312]), торгівля (*весовой коэффициент*), морское дело (*свободная гавань, налоговые гавани*), авиация (*взлет* (в значенні «фаза розвитку економіки країни, позначена появою автоматизму господарського піднесення внаслідок вивільнення з порочного кола слабозвинутості» [9, с. 130])), химия (*атомистичность рынка*).

Необходимо учитывать, что граница между ядерной частью и периферией вообще не может считаться абсолютной. Подвижность, нечеткость границ может выявиться и при подключении дополнительных более полных лексикографических источников экономической терминологии. Однако, учитывая характеристики исследуемого словаря, полученную структуру можно считать базовой, а выявленные ее особенности закономерными.

В собранном материале встретились несколько метафорических наименований, в которых области-источники переноса значения совмещаются, пересекаются. Например, оценка, мораль и математика (*порочный круг бедности*) или история и физика (*хронометраж*).

Таким образом, проведенное исследование выявило ряд особенностей метафорического фрагмента экономической языковой картины мира. С одной стороны, этот фрагмент является составляющей частью научной картины мира, которая понимается как «отражение объективной действительности, целостное и систематизированное представление об окружающей действительности на каждом определенном этапе развития научного познания» [4, с. 24–25]. Частью, которая составляет картину мира отдельных наук (в данном случае науки экономической). С другой стороны, исследуемый фрагмент является составляющей общенациональной языковой картины мира, которая создается лингвистическими средствами. И то и другое вносит свой вклад в формирование целостного представления об этой действительности, целостного образа мира. Такой «целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека», был осмыслен как сложное и многоаспектное понятие концептуальной картины мира [6, с. 19]. В связи с этим интересен сопоставительный анализ метафорической терминологии в русском и украинском языках, так как здесь нельзя говорить об абсолютном соответствии.

Необходимо отметить, что исследуемый материал не выявил большого количества отличий в метафорических фрагментах данных языков. Однако отличия между русскоязычными терминами и их украинским переводом свидетельствуют о том, что в осмыслении научных понятий прослеживаются национальные специфические черты. Так, например, в одном случае при отсутствии метафоризации в русском термине в украинском переводе находим перенос значения: *весовой коэффициент* – «*вага*» *фактора*. Обратный случай, когда в украинском переводе исчезает метафорический перенос: *потолок цен* – *найвищий рівень цін*. Третий вариант отличий состоит в том, что при естественном едином значении термина отличаются оттенки переноса значения. Так, при общем значении «фиктивный взнос» русскоязычный термин *вклад мнимый* имеет украинский перевод *внесок уявний*. Видимо, неверным будет полагать, что выбор прилагательного из целого ряда возможных оказался случайным, так как переводной украинско-русский словарь даже небольшого объема делает такой выбор достаточно широким: «*уявний* – мысленный; (*несуществующий*) воображаемый, мнимый, *реже* призрачный» [1, с. 538]. Русскоязычный же термин делает акцент на прилагательном *мнимый*, то есть «несуществующий в действительности; кажущийся, воображаемый» [7, с. 280].

Проведенное исследование показало, таким образом, что процесс метафоризации, как характерный и продуктивный механизм мышления, активно участвует в формировании терминосистемы экономической сферы деятельности человека и имеет ряд специфических особенностей. Дальнейшее исследование может быть связано с анализом отдельных групп метафор, а также синонимических и антонимических отношений между терминологическими наименованиями. Особый аспект возможного дальнейшего исследования может быть связан с сопоставительным анализом национальной специфики языка науки в русском и украинском языках на базе других лексикографических источников или монографий.

Библиографические ссылки

1. **Ганич Д. И.** Русско-украинский и украинско-русский словарь / Д. И. Ганич, И. С. Олейник. – К.: Рад. шк., 1991. – 560 с.
2. **Гвазава В. И.** Терминология как основная база пополнения словарного состава языка / В. И. Гвазава // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках : матер. II Междунар. науч. конф., Днепропетровск 14–15 апреля 2005 г. / сост. Т. С. Пристайко – Д., 2005. – С. 74–77.
3. **Ким Л. А.** Черты аналитизма в терминосистемах русского языка : монография / Л. А. Ким, Т. С. Пристайко. – Д. : Пороги, 2008. – 147 с.
4. **Петрова Л. А.** Лингвокогнитивные основы художественной картины мира : монография / Л. А. Петрова. – Симферополь, 2006. – 284 с.
5. **Пристайко Т. С.** Термины-метафоры как маркеры национальной научной картины мира / Т. С. Пристайко // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира : сб. науч. тр. – Вып. 2. – Архангельск : Поморский ун-т, 2005. – С. 201–207.
6. **Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира** / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 213 с.
7. **Словарь русского языка** : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – Т. 2. К – О. – 1986. – 736 с.
8. **Столярова Л. П.** Базовый словарь лингвистических терминов / Л. П. Столярова, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко. – К. : Изд-во Гос. академии руководящих кадров культуры и искусств, 2003. – 192 с.
9. **Українсько-російський економічний тлумачний словник** / авт.-упор. В. М. Копоруліна. – Х. : Факт, 2005. – 4000 с. (Словник фахівця).

Надійшла до редколегії 21.05.10

УДК 811.161.2'373.4 + 811.161.2'23

А. С. Стадній

Вінницький національний технічний університет

ПСИХОЛІНГВІСТИЧНИЙ АСПЕКТ ЕМОЦІЙНО-ОЦІННОЇ ЛЕКСИКИ

Проаналізовано психолінгвістичний напрям вивчення конотації: з'ясовано психолінгвістичні засади конотативності значень дієслів; встановлено, що конотація не є елементом матеріальної структури слова, оскільки її компоненти створюються у процесі сприйняття слів-знаків: кожне слово має значення, у процесі спілкування ці значення тонізуються, утворюючи конотацію.

Ключові слова: психолінгвістика, емоційно-оцінні дієслова, конотативне значення, асоціації, вторинна номінація.

Проанализирован психолингвистический аспект изучения коннотации: определены психолингвистические основы коннотативности значений глаголов; установлено, что коннотация не является элементом материальной структуры слова, поскольку ее компоненты создаются в процессе восприятия слов-знаков: каждое слово имеет значение, в процессе общения эти значения тонизируются, образуя коннотацию.

Ключевые слова: психолингвистика, эмоционально-оценочные глаголы, коннотативное значение, ассоциации, вторичная номинация.

Psycholinguistic course of connotation study is analysed in the article. Psycholinguistic principles of connotative verb meaning are clarified. It is determined that connotation is not an element of material word structure as its components are created in the process of words-signs perception. Every word has its meaning, and these meanings are toned up in the process of communication, forming connotation.

Keywords: psycholinguistic, emotionally evaluative verbs, connotative meaning, secondary nomination, associations..

Слово, з точки зору психолінгвістики, розглядається не як одиниця абстрактної мовленнєвої системи, а як одиниця мовленнєвої властивості людини – її індивідуального лексикону.

Термін «психолінгвістика» вперше вжив Н. Пронко у статті «Язык и психолингвистика» в 1946 році у досить широкому значенні – як назву будь-якої суміжної лінгвопсихологічної галузі дослідження, пізніше почали використовувати як назву досить вузького напрямку, очолюваного Ч. Осгудом після появи в США праці під назвою «Психолінгвістика».

Як зазначала О. С. Ахманова у праці «Психолінгвістика» 1954 року, лінгвістика не повинна боятися контакту з психологією, але вивчення лінгвістичних фактів у зв'язку з психологією не означає пояснення цих фактів через індивідуальне – дослідження мови як сфери винятково індивідуальної (ми не повинні забувати, що навіть індивідуальне детермінується загальним і перш за все соціальним). Йдеться не про повернення до психіки окремого індивіда, а про те, щоб дати інтерпретацію лінгвістичних фактів через загальні закони психіки окремого індивіда [4, с. 142].

У галузі психолінгвістики працювали вітчизняні та зарубіжні дослідники. Вагомий внесок у вирішення психолінгвістичних завдань внесли О. О. Леонт'єв, Ч. Осгуд, Аж. Міллер, Ж. Нуазе, Т. Слама-Казак, Р. М. Фрумкіна, О. О. Залевська та інші.

Конотація – це лінгвістичний феномен, особливий компонент, за допомогою якого виражається психічний стан мовця, його ставлення до предмета, об'єкта, адресата мовлення, тобто все те, що складає мету емотивної функції слова. На сьогодні

відомі три основних напрямки у вивченні проблем конотації мовних засобів. Семіотичний напрям, де досліджуються мотиви, в залежності від яких особа, яка говорить, вибирає ті чи інші мовні засоби (Л. Єльмслев, Р. Барт). Лінгвістичний аспект (Ш. Баллі, В. М. Телія, В. І. Говердовський, В. І. Шаховський) представлений кількома різновидами: стилістичним, лексичним (вивчає засоби створення додаткового значення слів, виразів, що надають їм експресивності, яскравості) та культурологічним (конотація розглядається як семантична частина значення, що доповнює відомості про об'єктивно існуючу реалію специфічно національною інформацією). Психолінгвістичний напрям (О. О. Леонтєв, О. О. Залевська, Р. Роммштейн, М. Портер та інші) – виділення та вивчення конотації якнайтісніше пов'язане з поняттям асоціації і з емоційною організацією мовлення.

З часом і конотативний елемент семантики лексичних одиниць став об'єктом психолінгвістичних досліджень (В. А. Маслоу, Е. Ю. Мягкова, Є. С. Отін). В. І. Говердовський, розглядаючи лексикологічні і психолінгвістичні засади конотації, наголосив на існуванні певних оцінок значення слова, які не вкладаються в лексикографічну метамову лінгвістики: «емоційної оцінки», «емоційного забарвлення», «експресивного значення». Оцінний момент трактується вченим як пізнавальна категорія психіки, частина думки, протиставлена іншій частині думки – поняттєвому мисленню, а саме: категорії сприйняття й уявлення, узятих разом [3, с. 5–6].

Отже, психолінгвістика намагається не лише описати лінгвістичні факти у різних випадках, а й пояснити їх, інтерпретувати факти структури чи системи через їх причинність, розглядаючи внутрішні зв'язки системи.

Але ще досі існує чимало нез'ясованих питань: психолінгвістичні засади конотативності, закономірності виникнення емоційно-оцінного компонента у значенні, способи виникнення експресивно забарвлених значень.

Метою цього дослідження є з'ясування психолінгвістичних засад конотативності значень дієслів.

Для досягнення поставленої мети необхідно розв'язати такі **завдання**: дослідити психологічні механізми виникнення конотації та розкрити імпліцитні значення дієслів, що існують у свідомості мовців. Така проблема може стати частиною комплексного дослідження, присвяченого психолінгвістичному напрямку вивчення проблем конотації мовних засобів.

Об'єктом дослідження є експресивно забарвлені дієслова, дібрані з газет «Україна молода» (УМ), «День» (Д), «Сільські вісті» (СВ), «Вечірній Київ» (ВК) та журналу «Політика і культура» (ПіК).

Більшість слів української мови багатозначні, і завдяки цій здатності вони можуть виражати індивідуальні почуття. Так, К. О. Ердман пропонує ділити значення на три частини: 1) понятійний зміст; 2) додатковий зміст 3) чуттєвий елемент чи зміст, пов'язаний з настроєм [10, с. 106]. Проте деякі мовознавці, прихильники раціоналізму в мові, заперечують чуттєві та емоційні елементи у словах. Зокрема А. Шлейхер, вважаючи мову звуковим вираженням думки, наголошував на тому, що «почуття, сприйняття, волевиявлення мова прямо не виражає; мова – не безпосереднє вираження почуттів і волі, а й думки. Якщо ж необхідно через посередництво мови передати почуття і волю, то це можливо зробити тільки опосередкованим шляхом і тільки у формі думки» [11, с. 4–5].

Деякі дослідники визначають чуттєві елементи у значенні слова, тому що мова, як відомо, існує головним чином у процесі мислення та у нашому мовленні, яке включає в себе також й вираження почуттів» [9, с. 10].

Важливу роль у формуванні і функціонуванні конотації відіграють асоціативні механізми, оскільки конотація формується на основі постійних асоціативних зв'язків у носіїв мови. Тому конотація не вказує на світ, а ніби відсилає до асоціацій, ство-

рюючи «невидимий» світ, але сама вона не є асоціацією [6, с. 112]. Мовна свідомість не вичерпується асоціативними рядами, бо включає в себе також систему соціально типових значень, систему образів і узагальнених уявлень, властивих носіям мови.

Відомо, що слово, актуалізуючись у мовленні, реалізує, крім своїх прямих і переносних значень, ще й потенційну енергію бути вираженням чи відображенням додаткових, асоціативно пов'язаних з ним образів, почуттів, ідей [2, с. 62–63]. Ця потенційна енергія і є тією основою, на якій виникає конотація.

Конотація – соціально-індивідуальний феномен. Для розуміння цього феномена слід звернутися до теорії О. О. Леонтьєва про специфіку функціонування значення в системі суспільної свідомості [5, с. 7–13], а також до мовленнєвої діяльності індивіда, його свідомості. Коли в психічне відображення світу людини «вливаються» ідеалізовані в об'єктивні надіндивідуальні значення, предмети набувають нових системних властивостей. У свідомості значення психологізуються та індивідуалізуються. Не втрачаючи об'єктивності, вони набувають конкретних суб'єктивних властивостей. Нові якості у системі індивідуальної свідомості утворюються завдяки надбанням ними індивідуальних конотативних ознак, які розкривають себе при аналізі відношень, пов'язуючи їх з об'єктивними та індивідуальними ознаками.

Людина володіє словами із вже закріпленими значеннями, у вторинній номінації з'являються змістові нашарування (конотації), які утворюються внаслідок асоціативної діяльності свідомості, що пов'язує знак з різними елементами діяльності. «Кожне окреме слово – це петля. Тисячі асоціативних зв'язків сходяться і розходяться від нього», – зазначав Ш. Баллі, але це не означає, що всі ці асоціації входять у лексичне значення кожного окремого слова [1, с. 12].

Отже, асоціації беруть участь у створенні нових понять і значень мовних одиниць, тому що вони пов'язують уявлення з тими властивостями, які пригадуються у тому чи іншому випадку. Завдяки асоціативним механізмам мислення набуті знання є ґрунтом для утворення нового поняття шляхом образної підтримки, яка асоціативно актуалізується у свідомості [8, с. 94]. На думку Н. Д. Арутюнової, В. М. Телії, лексика непередметного світу (психіки, знань і соціальних відношень) утворюється за рахунок асоціативних вражень «від наочних образів до утворення абстрактних понять». Отже, асоціації супроводжують процес мислення, а при вербальному мисленні мають мовленнєво-мислительну природу.

Конотація – емоційне, оцінне та стилістичне забарвлення слова, яке відображає знання про властивості, внаслідок чого великий асоціативний спектр атрибутивного характеру утворює об'єктивну основу для їх виникнення. Атрибутивні асоціації – це механізм, який актуалізує конотації. Конотації фіксують у своїй сутності ті асоціації, які відображають знання мови мовцем.

Конотативні ознаки відображають уявлення носіїв мови про асоціативні зв'язки позначуваної словом реалії з властивістю іншої названої реалії як за подібністю, так і за суміжністю [7, с. 226]. Так, наприклад, слово **заправляти** конотує таку дію, як керувати, організувати: *Саме цей пан, за допомогою правоохоронців, «заправляв» розгромом бару «Котон...»* (УМ, 26.03.04, с. 2); **заляльковуватися** – ‘ховатися’: *Тим гірше для нас, найбільш удачливих, які «заляльковуються», засовуючи голову в пісок...* (Д, 24.01.09, с. 3); **відірватися** – ‘помститися’: *А це, слід зазначити, дозволить більшовикам «відірватися» на політреформі «по повній»* (УМ, 24.03.04, с. 3); **викачати** – ‘позбавити коштів’: *Зауважте. Гонорару вам не платять, а от на запису з вас можуть ще й «викачати» кілька гривень* (ВК, 12.03.04, с. 14); **калатати** – ‘поширитися’, ‘розповсюдитися’: *Остання неприємна історія, яка калатає дитсадком і селом в цілому, трапилася в лютому* (Д, 09.04.09, с. 6).

Повноцінний лінгвістичний аналіз повинен спиратися на дані, отримані із трьох найважливіших джерел: системи мови, матеріалів анкет і текстів.

Ми скористалися одним з найпоширеніших психолінгвістичних методів – асоціативним експериментом, оскільки він покликаний відкрити нові перспективи в дослідженні імпліцитних, асоціативних за своєю природою, конотацій дієслів. Носії мови, подаючи свої асоціації на дієслівні стимули, показують, як вони розуміють значення. Асоціативний експеримент дозволяє виявити характер домінуючої інформації у конкретного мовного знака, а також виокремити із «семантичного середовища індивідуальних уявлень ті асоціації, на основі яких виникають конотації» [6, с. 111].

Групі інформантів (160 чоловік) пропонувалося записати декілька асоціативів на дієслово-стимул **собачитися**. Передбачалося, що буде одержано 440–480 асоціацій, оскільки інформантам пропонувалося написати по кілька асоціативів на дієслівний стимул, з яких певна частина повторювалася б, але отримано лише 293 асоціації.

Собачитися – сваритися (132), гризтися (38), лаятися (22), злитися (12), кричати (13), ворогувати (6), битися (5), гавкати (4), сперечатися (8), вислужуватися (3), гаркати (4), ображатися (3), поводитися агресивно (3), скандалити (4), гиркатися (2), дрочитися (2), зазнаватися (2), битися і знову миритися, вештатися, випендрюватися, вишкірюватися, відмовлятися, волочитися, ганьбитися, конфліктувати, корчитися, кусатися, лайка, ліпитися, любити собак, накидатися, нападати, не ладити, не переносити людину, неприязно ставитися, не товаришувати, ніяковіти, опуститися, пилитися, піддобрюватися, підлещуватися, принижуватися, притаїтися, страждати, хизуватися, ховатися, Юля і Віктор.

Реакції-асоціації утворюють синонімічні ряди, наприклад, на стимул **собачитися**: 1) «сваритися» – «лаятися» – «гризтися» – «сперечатися» – «кричати» – «пилитися» – «скандалити» – «гаркати» – «гиркатися» – «ругатися»; 2) «не ладити» – «ворогувати» – «не товаришувати» – «неприязно ставитися» – «конфліктувати»; 3) «ластитися» – «піддобрюватися» – «вислужуватися»; 4) «притаїтися» – «ховатися»; 5) «хизуватися» – «випендрюватися» тощо. Іноді асоціації утворюють антонімічні пари: «сваритися» – «піддобрюватися», «битися» – «підлещуватися», «ніяковіти» – «випендрюватися». Експресема **собачитися** викликала чимало неповторюваних цікавих асоціацій: «вишкірюватися», «випендрюватися», «волочитися», «ніяковіти», «опуститися», «притаїтися», «хизуватися», «вештатися», «корчитися», «кусатися», «страждати», «любити собак», трапляються й оказіоналізми – «ліпитися», «пилитися». У одного інформанта дієслово асоціюється з політиками «Юля і Віктор».

Розглянемо конотативне значення лексеми **собачитися**, враховуючи всі три аспекти, необхідні для лінгвістичного аналізу. Експресивно забарвлене значення виникає на основі несуттєвих для реалії явищ. Якщо порівнювати дієслова **сваритися**, **гризтися**, **собачитися**, то у слові **гризтися** в семантичний фокус потрапляє ознака ‘сильно’, ‘лайка’, **собачитися** – ‘агресивно’, денотативні ознаки – ‘сперечатися, висловлювати своє незадоволення’. Лексемами **сваритися**, **гризтися** автор повідомляє про подію, але не інтерпретує її, а предикатом **собачитися** вказує на дію та передає емоційний стан суб’єкта. Некодифікована експресема **собачитися** у семантиці містить периферійні, несуттєві щодо денотації семи, які, позначаючи якісні ознаки дії, характеризують її за тим чи іншим аспектом, який і є основою оцінки. У значенні слова **собачитися** у сигніфікаті міститься ознака, що вказує на агресію, тобто на ступінь конфлікту з точки зору суб’єктивної оцінки, яка неістотна для цього процесу. Мовець засуджує чийось агресивність, конфліктність, тобто поведінку, властиву собаці, – це викликає несхвальне ставлення до об’єкта висловлювання.

Семи ‘сварка’, ‘конфлікт’ експліціюються у словах **сперечатися**, **кричати**, **гиркатися**, **лаятися**, у яких відбувається зростання кількісної ознаки.

Отже, у семантиці дієслова **собачитися** виділяється денотативний компонент та конотативний, завдяки якому слово виконує не лише номінативну, а й прагматичну функції, тобто називає дію і сигналізує про ціннісне ставлення мовця до світу.

У текстах періодичних видань досить часто використовують метафоричні переноси назви дій, ознак, притаманних собакам: **собачитися, гавкати, знюхатися, гавкнутися, приручити** тощо. Такі слова, будучи віднесені до людини, набувають негативного оцінного смислу: **гавкати, собачитися** (сваритися), **знюхатися** (вступити у зговір), **гавкнутися** (зіпсуватися, поламатися), **приручити** (робити когось покірним): *Зокрема, російський посол, м'яко кажучи, заявив: «Так, собачаться між собою, криють один одного...»* (Д, 19.12.09, с. 1); *Боротьба стає дедалі драматичнішою, і, здається, протягом останніх тижнів пропрезидентські політики куди галасливіше собачаться між собою, ніж з опозицією* (ПіК, № 8, 2003, с. 8); *... від швидкої їзди по них машина просто «гавкнеться»* (УМ, 23.03.06, с. 12); *Про потребу платити за гостинність натякав залежно від обставин: не всі юнаки, очевидно, відразу ж зголошувалися розплачуватися сексуальними послугами, і виродок їх «приручав», готуючи до збочення* (УМ, 05.10.07, с. 3). Постійні оцінні конотативні значення дієслів виникли внаслідок переосмислення дій, властивих тваринному світові.

Отже, у словниковому складі української мови існують слова, які у своєму значенні можуть містити інформацію не лише про те, що позначено ними, а перш за все той емоційний стан суб'єкта мовлення, який він відчуває у момент мовлення, що знаходить своє відображення у виборі того чи іншого слова, при цьому емоційний стан мовця переходить в емотивне ставлення до позначуваного. Для ґрунтовного дослідження явища конотації необхідним є комплексний підхід, який передбачає об'єднання зусиль представників різних наук, серед яких чільне місце відводиться психолінгвістиці, оскільки психолінгвістичний підхід має значні переваги. Психолінгвістичний аспект емотивно-оцінної лексики почав досліджуватися порівняно недавно і тому ще недостатньо вивчений.

Бібліографічні посилання

1. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. л-ры, 1961. – 394 с.
2. Виноградов В. В. Стиль Пушкина / В. В. Виноградов. – М., 1941. – С. 62–63.
3. Говердовский В. И. Опыт функционально-типологического описания коннотации : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Общее языкознание» / В. И. Говердовский. – М., 1977. – 20 с.
4. Говердовский В. И. Феномен коннотации на денотативном уровне / В. И. Говердовский // Языковая практика и теория языка. – Вып. I. – М., 1974. – С. 139–147.
5. Леонтьев А. А. Психологическая структура значения / А. А. Леонтьев // Семантическая структура слова. – М. : Наука, 1971. – С. 7–13.
6. Маслова В. А. К построению психолингвистической модели коннотации / В. А. Маслова // Вопросы языкознания. – 1989. – № 1. – С. 108–120.
7. Телия В. Н. Типы языковых значений / В. Н. Телия. – М. : Высш. шк., 1981. – 269 с.
8. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия / отв. ред. А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 139 с.
9. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языкознание / Ф. Ф. Фортунатов. – М, 1964. – С. 10.
10. Erdman K. O. Die Bedeutung des Wortes / K. O. Erdman. – Leipzig, 1925. – S. 106–107.
11. Schleicher A. Die deutsche / A. Schleicher. – Sprache, 1982. – S. 4–5.

Надійшла до редколегії 26.05.10

УДК 811.161.1'367

С. А. Суворова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

«ОСКОЛОЧНЫЕ ЗАГЛАВИЯ» В СИСТЕМЕ ЗАГЛАВИЙ НАУЧНЫХ РАБОТ

Розглянуто один із різновидів синтаксичної структури назви наукових праць – так звані осколкові назви та засоби їх побудови.

Ключові слова: назва, синтаксична структура, осколкова назва, словосполучення.

Рассмотрена одна из разновидностей синтаксической структуры заглавия научного труда – так называемые осколочные заглавия и способы их построения.

Ключевые слова: заглавие, синтаксическая структура, осколочное заглавие, словосочетание.

The article deals with one of the types of scientific paper title – so called piece title and the ways of their construction.

Key words: title, syntactic structure, piece title, word combination.

В данной статье исследуется проблема структурной организации заглавий научных статей, докладов на конференциях и других научных произведений. Указанная проблема находится в русле важнейших исследований, так как в эпоху глобализации усиливается роль общения ученых, для чего необходимы конференции и ознакомление с их материалами; количество информации в мире постоянно растет, и для ознакомления с ней очень важны названия, которые позволят отображать материал, необходимый пользователю в том или ином случае.

В настоящее время чрезвычайно актуальна проблема поиска информации документального или фактографического характера. При этом первое, с чем сталкивается потребитель любого информационного документа, – это название, или заголовок.

Работы лингвистов, посвященные заглавиям, как бы они ни были многообразны, так или иначе обращены к решению двух важнейших задач: установлению лингвистического статуса заглавия и определению его основных функций. Проблема лингвистического статуса заглавия и его функциональной предназначенности рассматривается в работах таких авторитетных лингвистов, как Н. М. Баженов, А. Н. Гвоздев, Е. М. Галкина-Федорук, Н. А. Кожина, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. М. Пешковский, А. С. Попов, Н. П. Харченко, А. А. Шахматов, Н. Ю. Шведова и многие другие лингвисты.

Однако, насколько нам известно, номенклатура моделей названий научных статей и их специфика по отношению к другим видам заглавий еще не становились предметом детального изучения. **Целью** данной статьи является анализ одной из разновидностей таких заглавий, которые получили название «осколочных» заглавий (термин, используемый А.С. Подчасовым [9], А.С. Поповым [10]).

Материалом нашего исследования послужили заглавия научных работ, опубликованных в изданиях «Третья международная научно-техническая конференция (теоретические основы)», «Стенограмма Круглого стола «Угольная отрасль и тепловая электроэнергетика в России», каталог тематической выставки «Экологотехногенная безопасность Украины» [17].

Для того, чтобы определить место осколочных заглавий в целостной системе заглавий научного стиля современного русского языка, нам представляется целесо-

образным предварить рассмотрение разновидностей первых общим обзором типов последних.

Заглавие призвано выразить основную цель сообщения, установить контакт с читателем, привлечь его внимание, вызвать заинтересованность в статье или докладе, который будет представлен. В то же время заглавие может актуализировать наиболее важную информацию сообщения и служить действенным средством влияния на ее восприятие читателем / слушателем.

Проблему заголовков как особого лингвистического феномена изучали многие ученые, в том числе Н. Е. Бахарев, Л. Ф. Грицюк, Г. И. Шипулина и другие. Как элемент композиционной структуры текста заглавие было объектом целого ряда лингвистических исследований на материале разных языков. Изучались структурно-синтаксические особенности заглавия поэтических (Л. Ф. Грицюк), художественных (Н. О. Кожина), газетных (Л. О. Коробова) текстов; значительное внимание уделялось проблеме соотношения заглавия и основного текста поэтических (Л. Ф. Грицюк) и художественных (О. М. Траченко) произведений.

Одним из первых исследователей этой проблемы был С. Кржижановский, который рассматривал заглавие как концентрат содержания в наиболее задерживающей внимание читателя форме [6]. По мнению А. М. Пешковского, заголовки являются назывными предложениями, «параллельными глагольным» [8, с. 201]. Возводя заглавия в ранг предложений, учёный опирается в первую очередь на наличие в заглавиях понятия «сказуемости», которое он связывает с понятием содержательности высказывания [8, с. 183].

Существуют разные точки зрения на лингвистический статус заголовка, согласно которым он рассматривается как:

- 1) номинативная беспредикативная конструкция (А. С. Попов) [10];
- 2) отдельное предложение (О. Н. Траченко) [11, с. 27];
- 3) предложение только с психологической точки зрения (Л. П. Доблаев) [4, с. 36];
- 4) в рамках суперсинтаксиса его воспринимают как равноправную часть текста наряду с вступлением, выводами и прочим (В. Дресслер) [6, с. 106].

Д. Н. Овсяннико-Куликовский отмечал, что заголовки – это несомненные акты речи-мысли, имеющие свой смысл и свою цель; но предложений они «не составляют» [10]. Н. Ю. Шведова высказывает мысль, развивающую точку зрения академика А. А. Шахматова: «Заголовки... не являются номинативными предложениями, это слова и словосочетания, выполняющие функцию собственно названия, без значения бытия, существования называемого предмета» [18]. Следующие примеры могут служить подтверждением данной мысли ученых: «*Духовная трансмутация*», «*Вечная лампочка*», «*Познание неосознаваемого*» [17].

В. М. Ронгинский считает, что предложение любой синтаксической структуры может являться заголовком. Так же, как и всякое предложение, предложение-заголовок представляет собой единицу коммуникации, имеет основные грамматические признаки предложения: предикативность и интонацию сообщения; в заголовке-предложении отражена интеллектуальная и эмоциональная сторона языка [15]. Одно из коренных отличий предложения-заголовка от словосочетания заключается, по мнению В. М. Ронгинского, в наличии интонации сообщения.

Все существующие заглавия разной структуры строятся по определенным моделям, которые основаны на общих синтаксических закономерностях, вместе с тем они обладают своими специфическими чертами, присущими только заглавиям (например, использование в качестве заглавий изолированных частей предложения).

С учетом теории синтаксиса современного русского языка заглавия могут быть разделены на заглавия-словоформы, заглавия-сочинительные сочетания, заглавия-подчинительные словосочетания, заглавия-предложения. В каждом из этих типов затем выделяются подгруппы, представляющие собой разновидности определенного типа. При этом учитываются морфологические признаки и семантика словоформ, структура словосочетания или синтаксическая структура предложений.

В теоретической литературе рассматриваются основные два типа заголовков: краткие и расширенные. Первые состоят из слов, несущих только конкретную, фактическую информацию, без выражения отношения к ней составителя заголовка. Это заголовки типа «*Электродинамический расчет потока*» [17].

В расширенный заголовок вводятся слова, выражающие то или иное субъективное отношение автора, например, «*Новое представление о пространстве и времени в рамках целостной парадигмы*» [17]. Однако расширение не означает многословие: как в кратких, так и в расширенных заголовках в современных изданиях количество слов-наполнителей обычно минимально или они вообще отсутствуют [10, с. 10].

Таким образом, заглавия представляют собой синтаксические единицы разных типов. Синтаксические единицы – это элементы синтаксического строя языка, определяющие его специфику. «Среди синтаксических единиц выделяются основные, принадлежащие только синтаксису, – это словосочетание, простое и сложное предложение, сложное синтаксическое целое; и единицы, принадлежащие как синтаксису, так морфологии и лексике, – это знаменательное слово и форма слова (словоформа, или синтаксема)» [8]. С точки зрения синтаксических свойств знаменательное слово определяется как единица, которая благодаря лексико-семантическим и грамматическим свойствам способна подчинять себе другое слово или сама подчиняться. Знаменательное слово участвует в формировании словосочетания. Словоформа – это минимальная синтаксическая единица, которая является структурно-смысловым компонентом словосочетания и предложения. С одной стороны, синтаксическая словоформа – это морфологическая форма слова (иногда со служебным словом), с другой – единица, обладающая более или менее определенной синтаксической семантикой: так, «в космосе, в физике» имеют значение местоположения; «в невесомости, и к истине» – значение степени и следствия. Важной стороной характеристики синтаксической словоформы является степень свободы ее сочетаемости [6]. Так, словоформы могут выполнять предложенческую функцию и быть присловными распространителями: например, в следующем заголовке «*Единицы измерения в радиационной физике*» [17], *в физике* – самостоятельная словоформа; *радиационные, измерения* – присловные. Именно словоформы (или синтаксемы, в другой терминологии) участвуют в формировании словосочетания и предложения.

Значительная часть исследованных нами заглавий представляет собой тот или иной тип предложения, обладающий как предикативностью, так и модальностью. Можно привести ряд примеров предложений-заголовков, имеющих одинаковое грамматическое значение, но разную семантику, которая будет определяться семантикой предиката [3, с. 14]. Например: «*Верно взвесить на неверных весах*», «*Чего мы не знаем о рекламе?*», «*Школа – среда обитания будущего*», «*Слезы – сплошная загадка*». «*Гриб лечит людей*», «*Человек ищет ответ*», «*Гриб съел дом*» – субъект и его физическое действие; – субъект и его состояние: «*Путешествие начинается*» [17].

Таким образом, в позиции заголовка могут находиться различные синтаксические структуры: от одной словоформы до сложного предложения. Среди такого многообразия выделяется особая структура, которая включает в себя отдельные

элементы более полной структуры, как бы раскалывая ее. Приведем несколько примеров: «Уехать во Францию», «Читая Фрейда», «У телефона – континент» [17] и т. п.

Вряд ли можно считать предложениями заголовки типа «У моря русского», «С надеждой и верой» [16], так как они лишены предикативности, которая признаётся определяющим признаком предложения. Иного мнения придерживается Б. М. Фоминых: предложно-именные конструкции такого типа автор статьи рассматривает как полные предложения, близкие к адвербиальным и объектным неполным предложениям, отмечая, что с генетической точки зрения их можно рассматривать как неполные двусоставные. Б. М. Фоминых высказывает мнение о том, что «предложения-заглавия заключают в своём содержании не суждение, а единственное понятие или представление, соответствующим образом синтаксически оформленное» [16].

А. С. Попов также указывает на невозможность в некоторых случаях четко определить синтаксическую природу того или иного заголовочного построения [13]. Разграничивая типы заглавий, он предлагает различать:

– номинативные конструкции (имя существительное в именительном падеже или словосочетание во главе с этой формой «Микробы в космосе» [17]);

– глагольные предложения «Есть альтернатива антибиотикам», «Что может биотехнология» [17];

– «осколочные» заглавия, которые можно соотнести с отдельным изолированным членом предложения, частью предложения, придаточным предложением (сюда же автор относит предложно-падежные сочетания и наречия, которые приравниваются к обстоятельствам, а также заглавия, включающие вопросительно-относительные местоимения, имеющие обычно структуру предложения, и заглавия-предложения, включающие глагольные формы повелительного наклонения и инфинитивные предложения, конструкции с формами сравнительной степени) «Молекулы антипузыри», «Способны ли мы понять природу магнетизма» [17];

– двусоставные и односоставные предложения, а также неполные предложения, включающие имя существительное в дательном падеже (дательный падеж адресата, дательный падеж косвенного объекта) «Как соединить прогноз и Солнце» [17];

– конструкции, характерные для диалогической и разговорной речи, в том числе предложения с именным предикатом «Я – робот», «Эфир – великий часописчик», «Физика – настоящее и не настоящее» [17].

А. С. Подчасов также квалифицирует усеченные заголовки как «осколочные номинативные конструкции» и считает, что они отличаются от заголовочно-номинативов с несогласованным определением большими возможностями для обобщения и типизации фактов [12].

Осколочные заглавия являются достаточно разнообразными, и их можно соотнести с отдельным изолированным членом предложения, частью предложения или придаточным предложением. К ним можно отнести предложно-падежные сочетания и наречия. В качестве осколочных заглавий используются разнообразные отрезки речи, которые за пределами заглавий в изолированном употреблении не встречаются (изолированные деепричастия или деепричастные обороты, изолированные придаточные предложения). Но эти отрезки речи функционируют как части предложений, из которых они извлекаются [12].

В исследованном нами материале встречается ряд моделей осколочных заглавий:

– инфинитивное словосочетание: «Путешествовать среди черных дыр», «Надеяться на лучшее», «Верно взвесить на неверных весах» [17];

– деепричастный оборот: «Соединя пространство и время в структуре физической теории», «Применяя парогазовую технологию на МЭС Японии и Европы» [17];

– субстантивное сочетание: «Математика из века в век», «Температура в природе и технике», «Ненаучные споры вокруг Чернобыля», «Ключ к свободной энергии» [17];

– субстантивное сочетание с предлогом: «В поисках пятой силы», «О движении перпендикулярного луча в эксперименте Майкельсона – Морме», «К столетнему юбилею СТО», «От стакана чая до Бермудского треугольника» [17]. Типичной структурой именно для заглавий научных работ можно считать конструкцию с предлогом «о» или более подробный вариант данной структуры «К вопросу о...», например «О творческом непослушании» [17];

– менее распространенными являются сочетания с ключевым словом – именем прилагательным или местоимением: «Нечто новое в области пишущих машин» [17];

– усеченное, эллиптированное предложение: «От космоса – к картине мира» [17]. Неполные реализации без опоры на конситуацию – это, прежде всего, так называемые эллиптические предложения. Неполнота определяется лексико-семантическим фактором: в этих предложениях есть незамещенная позиция сказуемого – глаголов определенной семантики: речемыслительной деятельности, движения. Другой пример: «Ученые-ядерщики – о времени и о себе» [17]. Дополнения «о времени» и «о себе» являются распространителями пропущенного глагола речемыслительной деятельности («рассказывает», «размышляет»).

Итак, можно сделать вывод, что структура заглавий, в частности осколочных, может быть самой разной. Некоторые типы таких заглавий, в частности, номинативное заглавие с предлогом «о» или компонентом «к вопросу о» можно считать присущими в первую очередь заголовкам научного стиля современного русского языка. Дальнейшие перспективы исследования поставленной проблемы связаны с более подробным описанием синтаксической структуры научных заглавий и ее связи с семантикой самого текста.

Библиографические ссылки

1. **Бабайцева В. В.** Современный русский язык / В. В. Бабайцева. – Ч. 3. – М. : Рус. яз., 1995. – 36 с.
2. **Виноградов В. В.** О теории художественной речи / В. В. Виноградов – М. : Рус. яз., 1971. – 240 с.
3. **Грицюк Л. Ф.** До питання про лінгвістичний статус заголовка / Л. Ф. Грицюк. – Мовознавство. – 1989. – № 5. – С. 55–57.
4. **Доблаев Л. П.** Прикладные аспекты лингвистики / Л. П. Доблаев. – М. : Рус. яз., 1995. – 64 с.
5. **Доброхотова И. Ю.** Факторы вариативности семантического поля / И. Ю. Доброхотова // Прикладные аспекты лингвистики. – М. : МГУ, 1989. – 100 с.
6. **Дресслер В.** Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / В. Дресслер. – М. : МГУ, 1989. – 106 с.
7. **Кожина Н. А.** Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии / Н. А. Кожина // Проблемы структурной лингвистики 1984 : сб. науч. тр. – М. : Наука, 1988. – С. 167–182.
8. **Кржижановский С.** Заглавие // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов : в 2 т. / под ред. Н. Бродского. – М.; Л., 1925. – Т. 1. – С. 245–249.
9. **Ляпун С. В.** Лексико-семантические особенности современного газетного заголовка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / С. В. Ляпун. – Майкоп, 1999. – 185 с.
10. **Овсяннико-Куликовский Д. Н.** Синтаксис русского языка / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. – М. : Прогресс, 1989. – 472 с.

11. **Пешковський А. М.** Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Просвещение, 1956. – 144 с.
12. **Подчасов А. С.** Функционально-стилистические особенности газетных заголовков (на материале российских и британских газет второй половины 1980–1990 гг., синтаксический аспект) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / А. С. Подчасов. – М., 2001. – 187 с.
13. **Попов А. С.** Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие / А. С. Попов. // Развитие синтаксиса современного русского языка. – М., 1966. – 140 с.
14. **Траченко О. Н.** Филологический анализ заглавия / О. Н. Траченко. – 1995. – 27 с.
15. **Ронгинский В. М.** Семантико-синтаксические особенности выражения стандарта и экспрессии в сфере газетных заголовков / В. М. Ронгинский // Исследование лексической и грамматической семантики современного русского языка. – Симферополь : СГУ, 1983. – С. 121–128.
16. **Фоминых Б. И.** Синтаксическая структура заглавия / Б. И. Фоминых. – М., 1966. – 112 с.
17. **Хардин В. Н.** Научная сессия / В. Н. Хардин // МИФИ – 2007. – Т. 14.
18. **Шахматов А. А.** Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – Изд. 2-е. – М., 1941. – 620 с.

Надійшла до редколегії 20.04.10

УДК 811.161.2'373

А. А. Таран

Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького

ВЖИВАННЯ КОНКУРЕНТНИХ ІННОВАЦІЙ НА ПОЗНАЧЕННЯ ЯВИЩ СУЧАСНОГО УКРАЇНСЬКОГО ПОЛІТИКУМУ

Проаналізовано конкурентні інновації на позначення явищ сучасного українського політикуму. Особливу увагу приділено лексемам – графічним варіантам, а також синонімам, лексичним і словотвірним.

Ключові слова: мовна практика, лексикон, номінація, синонім, варіант, конкурування номінацій.

Проанализированы конкурентные инновации для обозначения явлений современного украинского политикума. Особое внимание уделено лексемам – графическим вариантам, а также синонимам, лексическим и словообразовательным.

Ключевые слова: языковая практика, лексикон, номинация, синоним, вариант, конкурирование номинаций.

In the article competitive innovations for the nomination of phenomena of modern Ukrainian politics are analysed. The special attention is given to lexemes-graphic variants, as well as synonyms, lexical and word-formative.

Key words: language practice, lexicon, nomination, synonym, variant, competition of nominations.

Динаміка суспільно-політичних, економічних і культурних перетворень закономірно викликає динаміку мовної системи, виявлену в поповненні та оновленні передусім лексичного фонду мови. Водночас спостерігаємо функціонування в лексиконі значної кількості конкурентних груп. Визначаємо їх як найменування зі спільним об'єктом номінації чи спільним поняттям, що можуть виявляти різний ступінь формальної та семантичної близькості, а отже, здатність до взаємозаміни в мовній діяльності суспільства.

Україністи в різний час уже звертали увагу на сукупності номінацій одного об'єкта чи поняття, що можуть співіснувати в системі мови. Серед праць, у яких засвідчено і в різних аспектах проаналізовано групи конкурентних одиниць українського лексикону XIX–XX ст., слід назвати передусім дослідження А. П. Грищенка, М. А. Жовтобрюха, І. І. Ковалика, Л. М. Колібаби, В. Т. Коломієць, К. В. Ленець, А. А. Лучик, О. Г. Муромцевої, Ф. О. Никітіної, М. М. Пилинського, Л. О. Родніної, Н. М. Сологуб, Г. Х. Щербатюк. Особливостям оновлення словникового складу української мови в нових умовах її функціонування в незалежній Україні присвячено праці Б. М. Ажнюка, Ф. С. Бацевича, С. П. Бибики, Я. В. Битківської, І. І. Браги, К. В. Бріткової, Г. М. Ві-няр, Г. М. Вокальчук, К. Г. Городенської, С. Я. Єрмоленко, О. В. Зарецького, Є. А. Карпіловської, Л. П. Кислюк, Н. Ф. Клименко, Ж. В. Колоїз, Т. А. Коць, Д. В. Мазурик, Г. Б. Мінчак, А. М. Нелюби, О. Д. Пономарева, Ю. В. Романюк, О. М. Рудь, І. А. Самойлової, С. О. Соколової, Л. О. Ставицької, О. А. Стишова, Л. В. Струганець, Г. М. Сюті, О. О. Тараненка, С. Г. Чемеркіна, Г. М. Яворської та інших учених.

Мета пропонованого дослідження – простежити вживання конкурентних інновацій на позначення об'єктів сучасного українського політикуму. У статті використовуємо інновації, дібрані авторкою з україномовної періодики кінця XX – поч. XXI ст. та ресурсів Укрнету, а також матеріали текстово-ілюстративної бази даних комп'ютерного фонду лексико-словотвірних інновацій в сучасній українській мові, який створюють співробітники відділу структурно-математичної лінгвістики Інституту мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України.

Демократизація суспільства передбачає формування багатопартійної системи, яка б відображала найрізноманітніші переконання громадян. Сьогочасне українське політичне життя з розмаїттям напрямів, ідейних платформ, настанов і перспектив діяльності певних політичних сил потребує номінацій на позначення не лише самих таких об'єктів, а й властивих їм процесуальних і непроцесуальних ознак [2, с. 167]. Мовна практика поповнилася кількома десятками новотворів, що є назвами політичних партій. На позначення певних сил політикуму функціонує цілий спектр синонімічних інновацій, утворених від назв партій, прізвищ лідерів, кольорів їхньої атрибутики чи за іншими, властивими їм ознаками; крім того, не лише нейтральні, а й експресивно-оцінні, стилістично заряджені, що конкурують між собою.

Компонентами досліджених конкурентних груп є графічні варіанти та синоніми: лексичні і словотвірні. *Графічні варіанти* унаочнюють зміни в написанні тієї самої номінації, напр.: *УНПісти* : *уєнпїсти* (УНП – Українська народна партія): *Своє рішення не чекати голосування на з'їзді УНП уже колишній «уєнпїст» пояснює розумінням ситуації і поглядів, які переважають серед керівництва УНП* (УМ, 02.08.07); ... *в кулуарному спілкуванні впливові УНПісти* зізнаються: *не виключена можливість виступу УНП на парламентських виборах у єдиному блоці з Юлією Тимошенко* (ДТ, 19–25.03.05); *УРПісти* : *уєрпїсти* (УРП – Українська радикальна партія): *Частина уєрпїстів навіть не вважає Анатолія Матвієнка членом партії* (УМ, 29.10.05); *Нагадаємо, до цього часу лідер львівських «УРПістів» стояв в одному ряду з тими, хто відверто критикував кадрову політику нового губернатора* (ЛГ, 21.02.05); *КУНівці* : *кунівці* (КУН – Конгрес українських націоналістів); *НДПісти* : *єндепїсти* (НДП – Народно-демократична партія); *НУНСівці* : *нунсївці* : *ну-нсївці* (НУНС – Наша Україна – Народна Самооборона): *«Столична прокуратура не дотрималася вимог Кримінально-процесуального кодексу», – зазначають «НУНСівці»* (УМ, 01.02.08); *Гіпотетичною причиною для реформатування парламентської коаліції могло б стати рішення Конституційного Суду з приводу легітимності нинішньої більшості у Верховній Раді, яка, як відомо, після виходу із її лав ну-нсївця Юрія Бута і бютівця Ігоря Рибаківа, не налічує визначеної Кон-*

ституцією кількості депутатів (МЧ, 23.08.08); **Нунсівці** доопрацьовуватимуть текст коаліційної угоди (Н, 10.12.08); **БЮТівці** : **Б'ЮТівці** : **БЮТ-івці** : **б'ютівці** : **бютівці** (БЮТ – Блок Юлії Тимошенко); **БЮТівці** із «регіонами» поаялися в Раді через контроль над грошима (ГПУ, 31.10.08); ... хоча раніше посаду голови парламенту за підсумками виборів самі **б'ютівці** відносили до сфери «Нашої України» (УМ, 22.04.06); **Необхідні для перемоги голоси «бютівцям» «підкинули» соціалісти** (ГУ, 20.05.06). В «Українському орфографічному словнику» (К., 2007, 7-е вид.) зафіксовано *б'ютівець, б'ютівка, б'ютівський* [УОС, с. 73]. У зв'язку з тим, що побутує абревіатура **БЮТ**, на нашу думку, і похідні мають зберігати зв'язок з нею.

Таке конкурування графічних варіантів розглядаємо як відображене, оскільки конкурувати здатні й самі твірні одиниці, зокрема назви політичних партій: **НУ** : **НУНС** : **НУ-НС** : **Наша Україна** : **НаСа** : **Народна самооборона** ; **БЮТ** : **Блок Юлії Тимошенко**. Варіантність абревіатур, за спостереженням О. А. Стишова, зумовлена прагненням кореспондентів, редакторів дещо урізноманітнити, пожвавити виклад, своєрідніше й влучніше назвати щось, уникаючи тавтологій, напр.: **Кабмін** : **КМ** (Кабінет Міністрів), **Євросоюз** : **ЄС** (Європейський Союз), **МінНС** : **МНС** (Міністерство України з питань надзвичайних ситуацій). На думку мовознавця, таке явище є небажаним, оскільки ускладнює сприйняття інформації [8, с. 163].

Явище відабревіатурної деривації є порівняно новим. В. Г. Костомаров щодо цього зауважував: «Як ніколи багато утворюється назв осіб та прикметників від буквених абревіатур, чого суворо уникало, принаймні, писемне мовлення попереднього періоду, яке практично не використовувало, скажімо, слів *ГАЙшник, МИДо-вец, кагэбешиник*» [4, с. 213]. На думку О. А. Стишова, це зумовлено такими чинниками: демократизацією всього українського життя, мовностилістичною розкутістю журналістів, зростанням ролі особистості, прагненням до емоційності, експресивності та влучності на тлі стандартів, економією мовної енергії, прагматизмом тощо [8, с. 128].

Лексичні синоніми трактуємо як різнокореневі слова зі спільною лексичною семантикою, але різними конотаціями, сферою використання або сполучуваністю.

Цікаву тематичну групу складають неолексеми – лексичні синоніми на позначення членів Партії регіонів *регіонали* : *регіонери* / *януковичівці* : *янучари* / *донецькі* : *дони* : *східняки* / *біло-блакитні* : *синьо-білі* : *біло-голубі* : *сині*. Такі найменування виражають різні ознаки номінації цього об'єкта: джерела формування партії, кольори його атрибутики, прізвище лідера. Отже, позначення представників такої політичної сили утворено від самої назви партії: **Регіонали хочуть зіпсувати Тимошенко річницю Майдану** (УП, 17.11.08). До речі, така назва особи з'явилася від слова *регіон* у складі назви цієї партії: словники радянської доби не подають цього похідного іменника. У них зафіксовано лише похідні прикметники *регіональний* і *регіонарний* як медичний термін. Інший тип номінацій утворено від прізвища лідера Партії регіонів Віктора Януковича, причому, як бачимо, вони можуть виражати оцінку цього політика: **«Януковичівці» знайшли новий спосіб «наїхати» на виборчий процес** (УМ, 28.12.04); **Поконсультувавшись із колишніми (часів Майдану) «бандитами», «злочинцями», «янучарами» тощо, вже в понеділок «НУ» в особі Романа Зварича, який домовлявся з «регіоналами» від імені «НУ», заявила, що готова перейти до «офіційних переговорів»** (УМ, 20.06.06). Низка номінацій вказує на походження і місце проживання верхівки цієї партії: **Донецькі, що поступово перебирають до своїх рук не лише важелі державного управління, але й державні фінанси та державні установи, починають добиратися і до інших регіонів України** (УП, 06.04.07); **Як аналітик, він об'єктивно визнає, що пасивна і мирна поведінка «східняків» заслуговує не меншої похвали, ніж стриманість «помаранчевих»** (ГУ, 16.07.07). На думку Л. О. Ставицької, таке «невинне» слово, як *донецькі* набу-

ло особливого відтінку – воно увиразнює семантичні складники: безчесність, агресивне невігластво, безграмотність, «хапальний рефлекс» (усе моє: державне теж моє, бо я – влада), безкультурність [7].

Ідеологічних конотацій набула і символіка кольорів атрибутики політичних партій після Помаранчевої революції. У свою політичну символіку кожна партія, за твердженням політолога В. Бондаренка, «намагається вкласти якнайбільше національного змісту» [1, с. 6]. Яскравим свідченням зазначеної думки є таке дотепне спостереження журналістів: *...наші політики, що пробують іменуватися «помаранчевими» (хоча насправді значною мірою вже рядяться у інші кольори – біло-червоні, малинові, а частина плавно переходить із помаранчевого у зелено-доларовий, прозоро-газовий чи шоколадно-карамельний)* (УП, 8.06.06).

За кольорами атрибутики Партії регіонів функціонують конкурентні групи лексичних синонімів-субстантивованих прикметників у формі множини зі збірним, сукупним значенням на позначення членів партії: *біло-блакитні : синьо-білі : біло-голубі : сині*, напр.: *Виходило, що начебто в одному місці зібралися біло-блакитні православні, а в іншому – помаранчеві* (НД, 7.08.08); *Синьо-білі допоможуть помаранчевим формувати уряд* (УМ, 13.09.05); *Тобто вони продовжують з'ясовувати: хто кращі – помаранчеві чи біло-голубі і хто кращий усередині помаранчевих* (ВЧ, 04.10.08); *Якщо минулого тижня мітинг на Майдані був жалюгідним за чисельністю, то вчора «сині» піднатужились і звели в Київ протестні маси з різних куточків України* (УМ, 04.04.09). Синій колір – це загальноновизнаний символ влади [9, с. 78], можливо, тієї, яку складала Партія регіонів на момент виборів.

Різноаспектну тематичну групу складають назви членів народного союзу «Наша Україна – Народна Самооборона»: *помаранчеві : помаранчі : оранжисти : оранжєві / нашоукраїнці : ну-нсівиці : НУмівці : нашисти : НУдисти / юценківці / луценківці / самооборонці*. Вербалізація різних аспектів цього об'єкта номінації, як і поданих вище, доводить перебування цих політичних сил у фокусі уваги українського суспільства. Назви *помаранчеві : помаранчі / оранжєві : оранжисти* створено від кольору атрибутики політичного союзу, напр.: *Надто ж із огляду на те, що «помаранчеві» у 2005 році вже мали найбільший об'єм влади й тому значно розгубили рейтинг* (УМ, 27.12.07); *Помаранчі зацвітуть вдруге, і цілком можливо, що перед закликem «геть!» може стояти ваше прізвище* (УП, 20.11.08); *Українські оранжисти-парламентарії звинувачують у цьому геноциді Росію і радянську владу* (УМ, 15.06.06); *Якщо після цього чи «оранжєві», чи «біло-сині» спробують облаштувати Майдан, оцей саме метапарламент, то це закінчиться скандалом* (Н, 19.11.07). Однак у ЗМІ фіксуємо омонімічну назву *оранжєві* на позначення гравців футбольного клубу Голландії, щоправда, оказіональну: *Можливо, в іншій грі оранжєві впоралися б і без Рууда*. (ВЗ, 27.06.06). Колись звичайні, позбавлені відчутних конотацій колоративи *помаранчевий (оранжєвий, жовтогарячий)* стали національно-прецедентними феноменами, органічними в національній когнітивній базі. За словами прихильників В. А. Юшенка, це колір сонця, тепла, радості, божественності, а за словами іміджмейкерів та прихильників В. Ф. Януковича – колір смерті, гниття, небезпеки [9, с. 78]. Говорячи про жовтогарячий колір, звичний для просторового й предметного континууму української лінгвокультури, треба мати на увазі його сигніфікативний аспект сенсорної семантики. На думку Л. О. Ставицької, *жовтогарячий колір не належить до архетипних, як чорний, білий чи червоний, а отже, є до певної міри периферійним, чужим на глибинному психічному рівні* [7]. Змістову аберацію *помаранчевого кольору* було застосовано в рекламі В. Ф. Януковича, яка звучала на радіо під звуки «Місячної сонати»: *Кожен з Вас бачив веселку. У ній сім кольорів. Комусь подобається помаранчевий. Але все мусить мати природний колір. Сніг має бути білим, небо – голубим, новорічні*

ялинки – зеленими. Не позбавляйте себе вибору. Подумайте [7]. Як бачимо, розлогі групи конкурентних номінацій свідчать про те, що в Україні відчутна мода на лексеми-кольороназви як особливо значущі символи певних політичних сил. У семантиці таких номінацій відображено національні традиції надання кольорам експресивно-оцінних значень.

Назви членів блоку «Наша Україна – Народна Самооборона» не обмежено колористикою. Конкурують також і лексеми, утворені від назви політичного блоку та від прізвищ лідерів партій: *нашоукраїнці* : *ну-нсівці* : *НУмівці* : *нашисти* / *ющенківці* / *луценківці* / *самооборонці*: Львівські **нашоукраїнці** вважають прем'єрство Януковича логічним (УМ, 7.08.06); *Ще б пак, адже в рідній Полтаві тамтешні «НУмівці» працюють як прокляті* (УМ, 06.04.06); **Ющенківці** заблокували всі входи до Кабміну та Адміністрації Президента (УП, 26.11.04); *Окрім того, рухівці, «костенківці», «луценківці» тощо нібито ображені...* (УМ, 18.04.07) або *Порушуючи всі канони моралі, нехтуючи елементарними етичними нормами, граючися людським горем, нашисти поспішили висунути свою, притаманну тільки їм, цинічну і низьку версію того, що сталося* (ВЗ, 24.05.04).

Ідеологічний термін *нашизм* і похідне від нього *нашисти* з'явилися в Росії на зламі 80–90-х років минулого століття. Дехто пов'язує їх з відомим російським тележурналістом О. Невзоровим, близьким до «Пам'яті» Д. Васильєва та російських націонал-патріотів, які сповідують ідеї з «Русофобії» математика І. Шафаревича. Перебудова й криза радянської системи породили в певній частині населення кризову свідомість, яка панічно не сприймала змін і шукала підтримки в традиційних – «наших» – цінностях архаїчного суспільства. Слово *ліберал* для *нашистів* було найбільшою лайкою й асоціювалося з руйнуванням моралі й основ суспільства. Найбільшу небезпеку для Росії вони вбачали у впливі Заходу, а порятунком – у відродженні імперії та монархії. У телепередачах О. Невзорова, наприклад, російський спецназ і десантники показані з пов'язками «Наші» на лобі, зокрема, в репортажах з Вільнюса, коли вони там брали штурмом телецентр і розганяли мирне населення на чолі з демократичним рухом «Саюдіс» («Згода»). Термін *нашисти* мав би на підкірковому рівні викликати відчуття небезпеки і страх – своєю співзвучністю зі словом *фашисти*. Однак закон психології: страх витісняє небезпечну реальність у підсвідомість – і вона зникає [3, с. 21]. Проте саме в такій асоціації «Нашу Україну» й сприймають її противники, такі оцінні номінації виходять з певних політичних кіл. Наприклад, під час виборів і приїзду В. Юшенка в 2004 році до Донецька містом були розвішані його зображення у фашистському мундирі. Це пов'язане, зокрема, з питанням реабілітації УПА і тих, хто співпрацював з німцями під час Другої світової війни, і частиною української діаспори, яка, свого часу не бажаючи приймати радянську владу, пішла з німцями на Захід. Тому слід враховувати прагматику, тобто ставлення мовців до змісту номінації, джерело її походження. У російській мові новотвір *нашисти* спирався на образну, оцінну семантику субстантивованого заміненника *наші*, а в українській мові його вживають противники «Нашої України».

Конкурують і назви членів блоку Юлії Тимошенко: *бютівці* : *БЮТівці*: *БЮТ'івці* : *БЮТ-івці* : *б'ютівці* / *сердечники* : *сердешні* / *тимошенківці* / *білопухнасті* : *біло-червоні* : *біло-малинові* : *біло-сердечкові* / *воїни світла*: *Утім, тривоги на обличчі губернатора чи злорадства на обличчях бютівців перед сесією не спостерігалось* (МЧ, 14.08.08); *Надто багато бажуючих стати «сердечниками», та й власне перебіжчиків у вітчизняній політиці не бракує* (НД, 11.10.08); **Тимошенківці** провели в Раді цілу ніч (ГПУ, 24.10.08); *Всі цим займаються – і голубі, і помаранчеві, і біло-пухнасті* (СВ, 08.12.06); *Ні помаранчеві, ні біло-червоні нічого не зробили в інтересах українського народу і української держави* (УМ, 20.03.06); *Ми їх називаємо: 1) київський клан, або помаранчевий; 2) дніпропетровський клан,*

або *біло-сердечковий*; 3) *донецький клан, або біло-блакитний* (УС, 18.04.08); «*Воїни світла*» (себто депутати БЮТ) найвищої вагової категорії зробили те, що було не під силу їхнім «*молодшим братам*» із Черкаської міської ради (ВЧ, 17.01.07). Щодо самої Юлії Тимошенко, то на позначення її особи також створено низку лексичних синонімів-конкурентів: *прем'єрка* : *лідерка БЮТ* / *принцеса де Помаранч* : *помаранчева принцеса* : *газова принцеса* : *депомаранчева принцеса* / *Леді Ю* : *Воюля* : *Тигрюля* / *жінка з кошою*.

Крім того, спостерігаємо активізацію лексем на позначення об'єктів сучасного українського політикуму. Наприклад, у радянську добу лексема *лівий* активно вживалася в мовленні, але зі значеннями, повністю протилежними традиційній політичній системі координат. За СУМом *лівий* – 2. Політично радикальний або більш радикальний, ніж інші; // у знач. ім. *ліві*. Прихильники радикальної політики; 3. Який показною революційністю прикриває опортуністичні, реакційні тощо погляди, настрої [СУМ, IV, с. 507]. Однак на сьогодні лексема *ліві* функціонує зі значенням «комуністи» і синонімізується з лексемами *симоненківці*, *комуністи*, *ліваки*, *неоліваки*, напр.: *Польське економічне диво, скільки б його не критикували маргінали, популісти та не надто освічені, зате дуже войовничі ліваки і праваки, існує* (ЛГ, 14.03.1996); *Лідер СПУ О. Мороз дуже прагнув об'єднатися у лівий блок, хай навіть із преференціями для «симоненківців», але ті твердо подумали: користі ніякої, а тягар – зайвий* (УМ, 11.05.08). Крім того, у ЗМІ натрапляємо на похідну лексему *лівиця* (цілком імовірно пряме запозичення з польської мови) на позначення партій такого ідеологічного спрямування: *Без лівиці* (назва статті в ЛГ, 16.09.05). Цікаво, що в СУМі це слово подано лише зі значенням «ліва рука» [СУМ, IV, с. 507]. Засвідчуємо антонім-інновацію *нелівий* з такими синонімами, як *немаргінальний*, *демократичний*, напр.: *Про існування сильної, нелівої, немаргінальної, демократичної опозиції доведеться забути на якийсь час* (ДТ, 31.03–6.04.07).

Лексема *правий* за СУМом – 2. політ. Ворожий передовим течіям у політичному й громадському житті; реакційний, консервативний [СУМ, VII, с. 502]. Проте сьогодні синонімами до неї є *націоналісти* : *праваки* та похідні композити й префіксальні одиниці: *Озброєні правоохоронці не шкодували ультранаціоналістів та расистів* (УМ, 21.10.08); ... *прийнято називати крайньоправими або радикальними* (Д, 21.07.06). Натрапляємо на антонімічну пару *нова лівиця – правиця*, яка, на відміну від уже засвідченої словниками, не синонімічна давній *десниця* – *шульга* (*права – ліва рука*).

Словотвірні синоніми розглядаємо як номінації, що мають спільну твірну основу, але різні словотвірчі форманти. Спектр інновацій-конкурентів доповнюють вже згадувані номінації певних політичних сил, утворені за допомогою суфіксів *-іст/-івець*, напр.: *уєрпіст* : *уєрпівець*, *уєнпіст* : *уєнпівець*, *уніст* : *унівець*, *ендепіст* : *ендепівець*, *пеєрпіст* : *пеєрпівець*. Такі лексеми відповідають правилам українського відабrevіатурного словотворення. Політичні назви можуть бути не лише нейтральні, а й експресивно-оцінні, напр.: *регіонали* : *регіонери*, *януковичівці* : *януковці* : *янучари* : *янучкісти*. Водночас на прикладі назв суспільно-політичної лексики спостерігаємо тенденцію пасивізації лексем. Такі словотвірні синоніми, як *кучмівець* : *кучміст*, *кравчуківець* : *кравчукіст*, *горбачовець* : *горбачовіст* відійшли на периферію українського лексикону.

У групі конкурентних інновацій *коаліціонер* : *коаліціант* / *коаліціант* : *коаліціоніст*, що недавно з'явилися в українському лексиконі, пріоритет, на нашу думку, має лексема *коаліціонер*, оскільки вона має підтримку словотвірної системи мови. Її забезпечує аналогія з такими спільноструктурними похідними від найменувань явищ суспільно-політичного життя, близьких до слова *коаліція*, як *опозиція* → *опозиціонер*, *революція* → *революціонер*, *фракція* → *фракціонер*, *реакція* → *реакціонер*.

Аналогія передбачає зразок і регулярне наслідування. На значення аналогії як вияву системної підтримки інновацій мовознавці давно звернули увагу. Ф. де Сосюр щодо цього зазначав: «Аналогічна форма – це форма, утворена за взірцем однієї чи кількох інших форм згідно з визначеним правилом» [6, с. 203].

Такі властивості мови, як відкритість і гнучкість, змістове і формальне взаємопроникнення її елементів, неоднозначність способів вираження лексичного та граматичного значення зумовлюють явище конкурування лексичних одиниць, що спричинює еволюцію загальноприйнятої норми, забезпечує рухливість мовного узусу. Водночас поява неолексем на різних стильових і стилістичних реєстрах мови, у різних сферах її функціонування унаслідок властиві сучасному українському мовомисленню принципи концептуалізації, категоризації та аспектуалізації світу [2]. Нами окреслено лише «верхівку айсберга» назв об'єктів сучасного українського політикуму, яка потребує детального опису. Аналізований матеріал показує, що ця лексика є мобільною, відображає тенденцію до кількісного зростання та якісного розширення, стимульовану потребами сьогодення. Водночас такі лексичні інновації виявляють мовні смаки нашої доби, переваги у вживанні певних мовних засобів для задоволення нових потреб українського суспільства.

Бібліографічні посилання

1. **Бондаренко В.** Тасмниці піару / В. Бондаренко // Українське слово. – 2000. – Ч. 40. – С. 6.
2. **Карпіловська Є. А.** Семантичний потенціал слова як основа прогнозування інновацій / Є. А. Карпіловська // Мовознавчий вісник : зб. наук. праць. – Черкаси, 2008. – Випуск 7. – С. 161–169.
3. **Козирєв М.** Про термін «нашизм» / М. Козирєв // Урок української – № 1. – 2004. – С. 21.
4. **Костомаров В. Г.** Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – [3-е изд., испр. и доп.]. – СПб. : Златоуст, 1990. – 320 с.
5. **Словник української мови** : В 11-ти т. / [ред. кол. : І. К. Білодід (голова) та ін.]. – К. : Наук. думка, 1970–1980.
6. **Сосюр Ф. де.** Курс загальної лінгвістики / Ф. де Сосюр ; [пер. з фр. А. Корнійчук, К. Тищенко]. – К. : Основи, 1998. – 324 с.
7. **Ставицька Л. О.** Дискурс помаранчевої пристрасти / Л. О. Ставицька. – Критика. – 2005 – № 3. – С. 3–16.
8. **Стишов О. А.** Українська лексика кінця ХХ століття: (На матеріалі засобів масової інформації) / О. А. Стишов. – [2-е вид., переробл.]. – К. : Пугач, 2005. – 388 с.
9. **Тищенко О.** Мова Помаранчевої революції / О. Тищенко // Українська мова. – 2005. – № 4. – С. 77–93.
10. **Український орфографічний словник** / [за ред. В. Г. Складенка]. – К. : Довіра, 2007. – Вид. 7. – 983 с.

Надійшла до редколегії 10.06.10

УДК 811.161.1'38

И. Т. Тарасенко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

АССОЦИАТИВНЫЕ СВЯЗИ КОНЦЕПТА ЛЮБОВЬ В ПОЭЗИИ Н. С. ГУМИЛЕВА

Розглянуто питання загальної теорії концепту, подано матеріали досліджень асоціативних зв'язків концепту ЛЮБОВ у російській національній картині світу, а також виявлено основні асоціативні зв'язки цього концепту у творчості М. Гумільова.

Ключові слова: концепт, картина світу, асоціативні зв'язки, метафора.

Рассмотрены вопросы общей теории концепта, приведены материалы исследований ассоциативных связей концепта ЛЮБОВЬ в русской национальной картине мира, а также определены ассоциативные связи данного концепта в творчестве Н. Гумилева.

Ключевые слова: концепт, картина мира, ассоциативные связи, метафора.

The article deals with the issues of general theory of concept, materials of researches of associative communications of the concept LOVE in Russian national picture of the world are resulted, and associative communications of the concept in N. Gumilev's poetry are also defined.

Key words: concept, picture of the world, associative communications, metaphor.

Обращение к антропоцентрическим проблемам языка все чаще становится центральным в работах исследователей различных областей лингвистики. Человек как носитель национального языкового сознания, его роль в развитии и восприятии уже сложившейся картины мира – вот основные вопросы, интересующие научный мир лингвистики в течение нескольких последних лет.

В широком понимании концепт – элемент языковой картины мира, в том числе конкретно-национальной, призванный помочь коллективному или индивидуальному сознанию получить, обработать и сохранить определенный объем информации об окружающем мире. Следовательно, концепты представляют мир в сознании человека, образуя концептуальную систему, а знаки человеческого языка кодируют в слове содержание этой системы.

Разработками в сфере теоретического аппарата когнитивной лингвистики занимались такие исследователи, как Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др. [7; 8; 9]. В лингвокогнитологии концептом является многомерное ментальное образование, характеризующееся полевой структурой, в составе которой выделяется ядро и периферия. К ядру мы относим лексему, репрезентирующую имя концепта, а также все свойственные ей словоформы. К ближайшей периферии, в свою очередь, относим все однокоренные образования, а также основные семантические признаки, которыми наделяет тот или иной концепт языковое сознание, характерные для языка на данном этапе развития. В дальней периферии находится пласт признаков, которые свойственны концепту в конкретной интерпретации носителей языка.

При анализе любого концепта следует учитывать ряд составляющих, и одной из важнейших процедур является выявление ассоциативных связей анализируемого концепта.

Концепт ЛЮБОВЬ относится к эмоциональным, что затрудняет его эмпирическое исследование. Эмоция не доступна прямому наблюдению, поэтому и с вербализацией ее возникает ряд сложностей.

Закрепленное в словарях ассоциативное поле концепта ЛЮБОВЬ исследовала Л. Н. Чурилина и пришла к следующим выводам: 1) основными ассоциатами для

концепта являются такие, которые репрезентируют любовь как чувство, эмоцию; 2) в ассоциативном поле концепта ЛЮБОВЬ присутствуют и единицы, которые представляют некую градационную шкалу чувств-антиподов; 3) любовь рассматривается как источник других эмоций и состояний субъекта, причем как положительных, так и отрицательных; 4) любовь выступает объектом эмоциональной и интеллектуальной оценки [1, с. 220–223].

Анализируя метафорические способы представления любви, исследователь подчеркивает, что наиболее устойчивый способ метафоризации любви в ассоциативном тезаурусе – уподобление любви стихиям (огню, воде, буре). Однако значимыми представляются и метафоры не «стихийного» плана (персонификация любви, уподобление вину, дороге, лабиринту / туману, религиозные метафоры и др.) [1, с. 224–225]. Кроме того, исследовав ассоциативные связи концепта «любовь» в наивной картине мира, Л. Н. Чурилина констатирует, что концепты «любовь», «жизнь», «смерть» и «борьба» предстают в национальном сознании как неразрывное единство [1, с. 226].

В одной из своих работ исследователь Е. Ю. Балашова приводит результаты свободного и направленного ассоциативного эксперимента, в котором испытуемым предлагали стимулы – существительное *любовь* и синонимичные этому слову понятия. Таким образом, удалось получить синхронический «срез» свойственных концепту ассоциатов. Типичными реакциями оказались тематические, визуально-функциональные ассоциации, а также ассоциации, приписывающие некоторые признаки слову-стимулу. На основе этих данных исследователем были сделаны следующие выводы: 1) любовь предполагает заботу об объекте и его защиту; 2) любовь может проявляться в наиболее обостренной форме страсти (доводить до безумия); 3) субъект любви чаще испытывает положительные, нежели отрицательные эмоции; 4) антиподом любви выступает равнодушие; 5) объект, потерявший любовь, может социально игнорироваться; 6) любовь может закончиться разочарованием и, следовательно, стать причиной страданий; 7) отсутствие любви ведет к агрессии в поведении [2, с. 115–116].

Целью данной работы является выявление ассоциативных связей концепта ЛЮБОВЬ в творчестве Н. Гумилева. Сами ассоциативные связи не только во многом повторяют функционально-семантические признаки концепта, но также дополняют и обогащают его полевыми структурами.

Поэтическая речь обладает рядом особенностей, которые в некотором смысле могут привести к путанице в процессе выявления ассоциатов того или иного концепта. Насыщенность поэзии всевозможными тропами и поэтическими фигурами, интерпретация которых позволяет определить индивидуально-авторское видение анализируемого концепта, затрудняет разграничение признаков и ассоциатов концепта. Кроме того, в основном, ассоциативные связи определяются путем эксперимента на основе свободных или направленных ассоциаций, когда некоторому числу информантов предлагается определенный набор слов-стимулов. Поэтому считаем рациональным в поэтической речи особое внимание уделить именно метафоре как одному из главных способов ассоциативного представления, тем более, если речь идет о концепте, относящемся к эмоциональной сфере, каковым и является концепт ЛЮБОВЬ.

Наиболее показательными в творчестве Н. Гумилева оказались встретившиеся случаи метафоризации имени концепта. Среди них основным выступает уподобление любви стихии огня, однако контексты стихотворений наделяют огонь различными воздействиями на субъект.

Толковые словари русского языка первым значением лексемы *огонь* определяют следующее: огонь – это горящие светящиеся газы высокой температуры, пла-

мя; к этому прямому значению относятся переносные «сильное чувство», «сильная страсть» [10, с. 87]. Кроме того, огонь обладает определенным набором физических свойств, среди которых – вектор движения. Изучая концепт ОГОНЬ в русской национальной картине мира, Г. В. Приходько приходит к заключению, что основными его признаками являются «сила», «яркость», «высокая температура», «разрушительность», «устремленность вверх», «жизнь», «всеохватность» и др. [10, с. 89]. Учитывая эти данные, рассмотрим «огненные» метафоры любви в текстах стихотворений Н. Гумилева.

*Я думал: «Нет, любовь же это!
Как пожар в лесу, любовь – в судьбе...»* [3, с. 48]

Любовь внезапна, словно лесной пожар, не подвластна никаким правилам, она развивается по собственным, подчас непонятным людям законам. Если любовь разгорается, то обладает такой силой, что огонь этот уже не погасить. По крайней мере, сделать это нелегко. А значит, если любовь проходит быстро, это вызывает сомнения в том, действительно ли это была любовь:

*Но любовь разве цветик алый,
Чтобы ей лишь мгновенье жить,
Но любовь разве пламень малый,
Что ее легко погасить?* [6, с. 77]

Прилагательное *алый* «поддерживает» ассоциацию любви с огнем, подчеркивая цвет пламени.

Сила, которой обладает любовь, огромна. Ей не могут стать помехой даже легендарные льды ада, а слезы любящего человека обладают волшебными свойствами:

*Апостол Петр, ведь если я уйду
Отвергнутым, что делать мне в аду?
Моя любовь растопит адский лед,
И адский огонь слеза моя зальет...* [3, с. 251]

Даже сама сила, с которой воздействует любовь, обладает температурой огня, что следует из предпоследней строки контекста. Обращение к теме религии здесь граничит с мифологией посредством метафор, наделяющих любовь и субъекта магическими свойствами.

Стоит отметить, что поэтам Серебряного века вообще свойственна энциклопедичность знаний, частью чего являются и знания мифологии и религии. Обращение к этим темам помогает создать атмосферу таинственности, святости чувства, обладающего сверхъестественной силой воздействия.

*Одна так нежно розовеет,
Как дева, мильм смущена,
Другая, пурпурная, рдеет,
Огнем любви обожжена* [3, с. 156].
*Любовь мужчины – пламень Прометей
И требует, и, требуя, дарит,
Пред ней душа, волнуясь и слабея,
Как красный куст горит и говорит...* [3, с. 174]

За все в жизни приходится платить, любовь – не исключение (любовь дарит и требует). Огонь может подарить тепло, но может и обжечь. У любви, как и у огня, тоже есть и своя обратная сторона. Однако, как бы там ни было, любовь заставляет душу гореть, а человека – жить, волноваться, чувствовать. В обоих контекстах метафора огня усиливается цветовыми прилагательными в «огненной» гамме оттенков.

Второй по значимости в поэзии Н. Гумилева оказалась метафорическая персонификация любви. Поэт наделяет любовь способностью ходить, видеть, говорить:

*... Подошла неслышную походкой,
Посмотрела на меня любовь...* [4, с. 143]

*И в блеске солнечного тира
Я увидал свою любовь.
Она во сне ко мне слетала,
И наклонялася ко мне,
И речи дивные шептала
О золотом лазурном дне* [5, с. 115].

Благодаря глагольным метафорам, любовь действует как отдельный человек, она сама решает, к кому прийти и кого посвятить в свои тайны (*Так много тайн хранит любовь...* [6, с. 218]).

*...Опять вернулся в грани мира
На зов тоскующей любви* [3, с. 34].
А любовь глядит и торжествует... [3, с. 253]

Однако любовь не просто действует как человек, она сама может испытывать разные эмоции – от тоски до торжества. Таким образом, от отрицательных до положительных эмоций, «оживленная» любовь способна на тот же спектр чувств, что и человек.

Персонифицированная любовь рождается и умирает, как любое живое существо. Причем ее рождение – такое же священное таинство, как и рождение человека, этот миг «охраняется» мифологическими существами:

*Любовь их души родилась возле моря,
В священных рощах девственных наяд...* [6, с. 415]
*И любовь умерла
И настала дремота* [6, с. 370].

Поэт отводит любви свое «святилище» – место, где она рождается. Таким «святилищем» в поэзии Н. Гумилева являются «священные рощи», которые пребывают под охраной мифических существ. Именно это место дарит влюбленным покой и чувство защищенности.

Когда любовь умирает, для ее субъекта прекращается жизненная активность, потому что исчезает то, что волнует душу, то, что приносит свет в жизнь человека:

*...Но будет жизнь моя светла,
Пока живет любовь* [3, с. 277].

Если, с одной стороны, любовь может жить как отдельный человек, то, с другой, любящие могут жить одной любовью, когда любовь выступает для субъектов единственной целью, единственным смыслом жизни:

*Туда, где их сердца исчезла мощь,
Где их сердца живут одной любовью* [6, с. 415].

Однако любовь в поэзии Н. Гумилева «оживает» не только в виде человека, но и животного. Родившись, она – еще маленький несмышленый детеныш, которому требуется ласка и та же любовь. Только от милости «хозяина» зависит жизнь этой любви:

*Моя любовь к тебе сейчас – слоненок,
Родившийся в Берлине и в Париже
И топчущий ватными ступнями
По комнатам хозяина зверинца* [5, с. 331].

Многие биографы отмечают любовь поэта к африканскому континенту [3, с. 11]. Путешествия, в которых он принимал участие, нашли свое отражение в различных произведениях: от прозаических очерков до поэтических циклов. Очевидно, именно в этих путешествиях поэт черпал вдохновение, находя в экзотике африканской природы и образа жизни коренных жителей все, что ему было необходимо для творчества. Возможно, выбор именно детеныша слона был продиктован впечатлениями от Африки. Кроме того, в образе слоненка поэт будто подчеркивает необычность, уникальность любви.

В стихотвореннях Н. Гумилева також зустрічаються метафори, в яких любовь виступає як хвороба, і якщо в ряді випадків любовь все так же вносить світ в життя людини, який сам по собі асоціюється з позитивним впливом (*Я не світлий, я болен любов'ю...* [6, с. 447]), то в інших варіаціях вона має негативний вплив (*Яд любови і позор мрії!* [4, с. 181]).

Таким чином, поетичні метафори в «любовних» контекстах стихотворень Н. Гумилева повністю зберігають основні асоціативні зв'язки, виділені дослідниками в національному мовному свідомості. Основними метафорическими моделями є уподіблення любови стихії (огню), персоніфікація почуття, представлення любови як джерела інших емоцій, зокрема – негативних. Специфічність асоціативних зв'язків поняття ЛЮБОВЬ в творчості Н. Гумилева заключається в автобіографічності його поезії в цілому, а також в міфологізмі, тісно пов'язаному з християнською релігією.

Бібліографічні посилання

1. **Актуальні проблеми сучасної лінгвістики** : навч. посібник / [сост. Л. Н. Чуриліна]. – М. : Флінта : Наука, 2008. – 416 с.
2. **Балашова Е. Ю.** Любовь і ненависть / Е. Ю. Балашова // Антологія концептів. – М. : Гнозис, 2007. – С. 111–129.
3. **Гумилев Н.** Збірник творів : в 4 т. – Т. 1 / Н. Гумилев. – М. : ТЕРРА, 1991. – 416 с.
4. **Гумилев Н.** Збірник творів : в 4 т. – Т. 2 / Н. Гумилев. – М. : ТЕРРА, 1991. – 416 с.
5. **Гумилев Н.** Збірник творів : в 4 т. – Т. 3 / Н. Гумилев. – М. : ТЕРРА, 1991. – 400 с.
6. **Гумилев Н.** Твори : в 3 т. – Т. 1. Стихотворення; Поеми / Н. Гумилев. – М. : Худож. лит., 1991. – 590 с.
7. **Кубрякова Е. С.** Початкові етапи становлення когнітивізму : лінгвістика – психологія – когнітивна наука / Е. С. Кубрякова // Проблеми мовознавства. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
8. **Маслова В. А.** Вступ до когнітивної лінгвістики / В. А. Маслова. – М. : Флінта, 2004. – 296 с.
9. **Попова З. Д.** Очерки по когнітивній лінгвістическій / З. Д. Попова, І. А. Стернін. – Воронеж : Истоки, 2001. – 191 с.
10. **Приходько Г. В.** Концепт «огонь» в картині світу російського народу / Г. В. Приходько // Наука. Університет. 2005. Матеріали шостої наук. конф. – Новосибірськ : Сибпринт, 2005. – С. 86–89.

Надійшла до редакції 08.06.10

УДК 811.161.2

Л. М. Ткач, І. В. Рибалко

Національна металургійна академія України

АКТИВНІ МЕТОДИ РОЗВИТКУ КОМУНІКАТИВНИХ НАВИЧОК У СТУДЕНТІВ ВИЩИХ ТЕХНІЧНИХ НАВЧАЛЬНИХ ЗАКЛАДІВ У ПРОЦЕСІ ВИВЧЕННЯ ГУМАНІТАРНИХ ДИСЦИПЛІН

Розглянуто активні методи навчання у процесі вивчення гуманітарних дисциплін, які сприяють формуванню професійної комунікативної майстерності майбутніх фахівців.

Ключові слова: комунікативна культура, активні методи навчання, комунікативно спрямовані навчальні дисципліни.

Рассмотрены активные методы обучения в процессе изучения гуманитарных дисциплин, которые способствуют формированию профессионального коммуникативного мастерства будущих специалистов.

Ключевые слова: коммуникативная культура, активные методы обучения, коммуникативно направленные учебные дисциплины.

Active methods of teaching in studying of humanitarian subjects which form communicative competence of future specialists are discussed in the article.

Key words: communicative culture, active methods of teaching, communicative subjects.

Актуальність проблеми. Сучасний рівень розвитку українського суспільства висуває низку вимог щодо оновлення професійних знань, підготовки кваліфікованих спеціалістів, зокрема актуальними є питання комунікативної культури, мовної комунікації, принципи моделювання комунікативного акту, правила мовленнєвої поведінки у професійній діяльності, які є завжди актуальними. Не знаючи прийнятих у суспільстві правил мовного етикету, не володіючи вербальними та невербальними формами вираження ввічливих взаємин між людьми, студент, як грамотний фахівець у майбутньому і як особистість загалом, не зможе правильно встановити різноманітні контакти з партнерами по роботі; уникаючи складних комунікативних ситуацій, не зможе з максимальною користю для себе і для оточуючих здійснити сам процес спілкування. Для реалізації відповідних вимог у технічному вузі вагоме місце слід надавати гуманітарним дисциплінам (для викладання яких, на жаль, відводиться мала кількість годин), які сприяють підготовці грамотних фахівців.

Однією із професійних цінностей сучасного кваліфікованого спеціаліста є **комунікативна культура**. Його психологічна готовність до фахової діяльності розкривається через виявлення і формування у нього інтелектуальних, професійних та інших навичок. Комунікативна культура грамотного фахівця виявляється у вмінні вільно володіти мовою у будь-якій комунікативній ситуації, комунікативно виправдано користуватися мовними засобами під час сприйняття, створення висловлювань у різних сферах, формах і стилях мовлення, вирішувати виробничі проблеми засобами спілкування, налагоджувати міжособистісні взаємини на різних рівнях соціальної взаємодії тощо. Тому питання формування комунікативних навичок у студентів є дуже важливим. І однією з основ гуманітарної освіти студентів у технічному вузі має стати не лише українська мова (за професійним спрямуванням)*, а й інші дисципліни, які здатні подолати обмеженість вузькопрофесійного й технократичного мислення і спрямовані на посилення комунікативних здібностей та виховання комунікативної культури.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Мета дослідження.

Чимало дослідників розглядає спілкування як важливий компонент загальної культури, зокрема Б. Г. Ананьєв, І. О. Василенко, Л. С. Виготський, М. Р. Гінзбург, О. Я. Гойхман, Б. Ф. Ломов, М. В. Молоканов та ін. Збільшується кількість робіт, присвячених формуванню комунікативної культури фахівців як важливого чинника їхнього професіоналізму (В. М. Галузинський, Л. М. Калашникова, Л. М. Мітіна, Є. І. Пасов).

Відтак, актуальним постає питання викладання гуманітарних дисциплін, що передбачають формування комунікативних вмінь, які повинні базуватися на обміні інформацією, виробленні єдиної системи взаємодії між співрозмовниками, сприйманні та розумінні один одного, на завданнях оволодіння засобами мовного етикету і правилами вживання усної і писемної форм професійного спілкування. Мовна не-

* Зазначимо, що це єдиний навчальний курс, у межах якого можна було б проводити цілеспрямовану роботу над розвитком мовленнєво-комунікативних умінь і навичок. Зміст і структура цього курсу акцентує увагу на спілкуванні у професійній діяльності, на його видах і формах, на сутності комунікації і комунікативного процесу.

грамотність, порушення нормативної мовленнєвої поведінки у суспільстві, встановлення несприятливого контакту між співрозмовниками у професійній сфері, невідання врегулювати взаємини на основі принципу ввічливості псує візитну картку будь-якого спеціаліста. Досягти належного рівня мовленнєво-комунікативної компетенції можна лише при оволодінні навичками оптимальної мовної поведінки, вмінні впливати на співрозмовника за допомогою вмілого використання різних мовних засобів (виступу, бесіди, диспуту тощо).

Формування професійної компетенції студентів як майбутніх фахівців значною мірою базується на правильній та оптимально-практичній моделі навчального процесу, в основу якого закладено використання активних методів навчання у вищій школі. Процес удосконалення фахової майстерності спеціалістів будь-якої галузі не може обійтися без системного впровадження новітніх технологій, які сприяють активній взаємодії студента з викладачем. Відповідно, **завданням статті** є аналіз активних методів навчання, які сприяють формуванню комунікативних навичок у студентів у процесі вивчення гуманітарних дисциплін.

Здатки вироблення комунікативних навичок у студентів як майбутніх спеціалістів формуються в самому навчальному процесі, зокрема шляхом ефективної комунікації у системі «викладач – студент», що сприяє ефективному оволодінню знаннями та вміннями фахівця і виступає визначальною умовою його дійсного, глибинного й сучасного професіоналізму. За словами А. М. Бойко, «...студенти цінують творчість викладача, наявність у нього почуття нового, його вміння відступити від визначених педагогічних шаблонів і канонів, вони не люблять сірості й однотипності, засуджують необ'єктивність, відсутність єдності в словах, діях і особливо – підвищені вимоги при поверховому знанні предмета самим викладачем» [1, с. 91]. Тому у напрямі досягнення мети – формування професійної мовнокомунікативної компетенції студентів – важливе значення має вибір викладачем типу комунікативної ролі, тобто способу взаємодії зі студентами.

У Національній металургійній академії України на гуманітарному факультеті готують фахівців документно-інформаційної галузі. До циклу інформаційно-документознавчих дисциплін даної спеціальності входить «Вступ до фаху», «Документно-інформаційні комунікації», «Ділові комунікації», «Етикет і протокол», «Управлінське документознавство» та ін., викладання яких вимагає забезпечення відповідного рівня оволодіння комунікативними навичками, що допоможе студентові в майбутньому користуватися ними у ситуаціях професійної діяльності. Тому перед викладачами документознавчих дисциплін постає важливе завдання – пошук таких методів і засобів навчання, які дозволили б підвищити якість підготовки майбутніх спеціалістів (зазначимо, що в академії у навчальному процесі на формування у студентів комунікативних навичок вагоме місце відводиться не лише дисциплінам даної спеціальності, а й гуманітарним дисциплінам взагалі). Наприклад, А. В. Духавнева під час навчання студентів за різними напрямками радить враховувати такі підходи:

- а) орієнтованість вищої освіти на розвиток особистості майбутнього спеціаліста;
- б) відповідність змісту вищої освіти сучасним та прогнозованим тенденціям розвитку науки, техніки та виробництва (технології);
- в) оптимальне поєднання загальних, групових та індивідуальних форм організації навчального процесу;
- г) раціональне застосування сучасних методів та засобів навчання на різних етапах підготовки спеціалістів;
- г) відповідність результатів підготовки спеціалістів вимогам, які ставляться конкретною сферою їх професійної діяльності, забезпечення конкурентноспроможності [2, с. 72–73].

Сучасні активні методи навчання викликають значну зацікавленість саме в процесі професійної освіти, оскільки їх застосування спрямоване на підвищення інтелектуального потенціалу особистості, соціальної активності студентів, а такі критерії є основними відповідно до проблеми формування професійної мовно-комунікативної компетенції майбутнього фахівця.

Враховуючи те, що кожен із методів навчання має свої переваги і недоліки, викладач не повинен надавати перевагу тому чи іншому методу, а використовувати їх системно, прагнучи досягти ефективних результатів у виробленні у студентів відповідних умінь і навичок. Активні методи та інтерактивні технології можуть бути реалізовані у межах навчального процесу за умови їх системного та комплексного упровадження, постійного звернення як під час лекційних, так і практичних та семінарських занять.

Активні методи навчання відзначаються інтенсивною подачею матеріалу, активною позицією і самостійністю студентів, постійним самоконтролем, діалогічністю, проблемністю. Потреба в таких методах зумовлена тим, що вони викликають значну зацікавленість саме в процесі професійної освіти. На думку Г. П. Щедровицького, «активними методами навчання та виховання вважаються ті, що дають змогу студентам у більш короткий термін та з меншими зусиллями оволодіти необхідними знаннями, вміннями за рахунок свідомого виховання здібностей і свідомого формування в слухачів необхідних діяльностей» [4, с. 43].

Одним із комунікативних засобів у процесі викладання гуманітарних дисциплін є використання *проблемного методу*. Проблемне навчання у вищій школі – це навчально-пізнавальна діяльність тих, кого навчають, з метою засвоєння знань і способів діяльності в межах проблемної ситуації, самостійний аналіз студентами ситуацій, формулювання проблем та розв'язання їх шляхом висунення пропозицій, гіпотез, їхнього обговорення і доведення, а також перевірка правильності розв'язання. Суть проблемного навчання полягає у пошуковій діяльності, коли студент змушений активізувати раніше засвоєний матеріал і виробити на його основі рішення. Метою застосування проблемного методу є спрямування роботи на розвиток умінь і навичок майбутніх фахівців, формування професійно-орієнтованого мислення, що забезпечується через комунікативний метод (дискусії, комунікативні ситуації проблемного спілкування, обговорення проблем тощо).

Особлива увага приділяється практичним заняттям як формі навчального процесу, активізація яких досягається за рахунок актуалізації, наприклад, рольових ігор, які наближені до професійних ситуацій і проводяться з метою вміти поводитися в ситуації, яка може виникнути в реальних умовах професійної діяльності, адаптуватися до своєї ролі, вміти розкрити себе, зайняти правильну позицію, випробувати професійну компетенцію власного «Я».

Гра як активний метод навчання охоплює практично всіх студентів у групі, стимулюючи їх до спілкування, до нормативного відтворення того комунікативного матеріалу, що пропонується опрацьовувати під час роботи з різними блоками заняття. Зазначимо, що над проблемою дослідження імітаційного інтерактивного методу навчання – рольової гри – працювали Н. Бабич, Л. Вишнякова, Н. Тоцька, Ж. Хайдаров, А. Лівшиць та ін. Імпонує класифікація пізнавальних ігор, яку запропонував П. Щербань: ділова гра, рольова гра, аналіз конкретних ситуацій (імітаційний неігровий метод, аналіз інцидентів (імітаційний неігровий метод) [5]. Таким методам властиві:

- вимушена активізація мислення студентів протягом усього заняття;
- обов'язкова взаємодія між студентами, викладачем чи інформацією на екрані для вироблення обґрунтованого і, як правило, колективного рішення та досягнення поставленої мети;

– суттєве наближення процесу навчання до реальних умов;
 – елементи контролю (непідготовленість хоча б одного студента призводить до зниження ефективності цього заняття для всієї групи; колективна відповідальність підсилює цей контроль).

Під час проведення ігор студент повинен уміти поставити себе в ситуацію, яка може виникнути в реальному житті; студент має адаптуватися до своєї ролі в запропонованій ситуації (в одному випадку він може грати самого себе, в іншому – взяти на себе уявну роль); учасникам рольових ігор необхідно поводити себе так, ніби все це відбувається в реальному житті, їх поведінка повинна відповідати їх ролі.

Наведемо приклади рольових ігор (ситуацій) до розділу «Культура професійного мовлення» з дисципліни «Українська мова професійного спрямування»:

1. Відтворіть таку ситуацію: Ви наймаєтесь на роботу за фахом. Надайте керівникові організації короткі відомості про себе, свою сім'ю, свої професійні здібності, досвід роботи тощо.

2. Змодельуйте мовну ситуацію, в якій можуть бути використані такі мовленнєві вислови: *скажіть, будь ласка..., дозвольте мені..., чи не могли б Ви..., чи можу я попросити....*

3. Складіть і відтворіть полілог на тему: «*Правила етикету вчора й сьогодні*».

4. Побудуйте діалоги (не менше 10 фраз) між керівником і його підлеглим, який постійно запізнюється на роботу; секретарем і відвідувачем (у службовій справі), використовуючи відповідні правила етикету.

5. Ви – агент фірми. Вам необхідно укласти договір з директором аеропорту про подальшу співпрацю. Відтворіть ситуацію (що Вам необхідно сказати, зробити), використовуючи правила ввічливості.

6. Ви – начальник малого приватного підприємства. До Вас прийшов влаштуватися працівник. Вакансій немає. Відтворіть ситуацію, використовуючи форми ввічливості.

Доцільно використовувати на заняттях **конфліктні комунікативні ситуації**, які визначаються різними характеристиками, описуються умовами ситуації спілкування, способом і стилем спілкування. Завдання – вибір етикетних одиниць між співрозмовниками в комунікативному акті, який залежить від багатьох екстралінгвістичних факторів, а також характеру ситуації спілкування, специфіки взаємин між комунікантами; їхніми психологічними установками (напр., намагання виявити свою індивідуальність у ситуаціях-стереотипах). Ситуації «правильного контакту» між комунікантами є необхідною й важливою складовою комунікативного процесу.

Одним із основних типів теоретичного заняття є **навчальна лекція**, на якій викладач ділиться новими знаннями, використовує наочність, наводить твердження, формулює проблеми, показує можливі шляхи їх вирішення, з використанням **методики випереджаючого навчання**. Важливим елементом такої лекції повинна стати попередня самопідготовка студентів з теми лекції. Така методика вважається ефективною в сучасних умовах.

З лекціями тісно пов'язані семінарські заняття, зорієнтовані на формування комунікативних умінь і навичок, а також навичок самостійно здобувати знання. Вони сприяють розвитку пізнавальної активності й самодіяльності студентів, розвивають логічне мислення, уміння аргументувати й висловлювати власні думки, аналізувати аргументи опонентів. Серед власне семінарських занять найпоширенішими є такі види: **семінар-диспут, семінар-розгорнута бесіда, семінар-мозковий штурм** тощо [3, с. 128].

Основна форма проведення **семінарських занять** – робота з малими групами студентів (6–8 осіб) – створює можливості для участі кожного студента у роботі за темою занять, забезпечує формування особистих і комунікативних якостей та до-

свіду соціального спілкування, що є важливим для професійної діяльності. Доцільно використовувати таку методику проведення заняття, яка сприяє глибшому вивченню теми і стимулює до пошуку нової інформації з обраної теми.

Вагоме місце серед форм організації навчальної діяльності студентів відводиться **дискусійним актуальним методам**, які можуть бути повною мірою реалізовані з метою розвитку комунікативного потенціалу майбутнього спеціаліста. Наприклад, *семінар-дискусію* можна організувати як процес діалогічного спілкування між студентами і викладачем, студентами і студентами, запрошеними до дискусії тощо.

Після виступу робиться аналіз. Аудиторія студентів-слухачів аналізує помилки щодо виступу, але перед цим дає змогу самому промовцю визначити свої недоліки. Результати таких виступів спонукають студентів уникати помилок під час промови, долати несміливість перед аудиторією тощо.

Досить ефективною формою організації навчання студентів, що передбачає розвиток професійної мовнокомунікативної компетенції, є **бесіда і діалог**. *Семінар-бесіда* дає змогу залучити до обговорення максимум студентів. Доцільно заохочувати слухачів виступати з уточненнями та доповненнями. Структура семінару-бесіди: організація групи – вступне слово викладача – власне бесіда – підведення підсумків заняття.

Діалог – це процес мовної взаємодії двох або більше учасників спілкування. Тому в межах мовленнєвого акту кожен із учасників по черзі виступає як слухач і як мовець. Діалог складається з окремих взаємопов'язаних висловлювань – реплік, які є першоелементом діалогу (кожна репліка може бути від однієї до кількох фраз). Перша репліка – ініціативна (керуюча, репліка-спонукання), друга – може бути реактивною (залежною або реплікою-реакцією) або реактивно-ініціативною (включає реакцію на попереднє висловлювання і спонукає до наступного).

Полідіалогічним (навчальним діалогом) є фронтальна бесіда викладача з аудиторією, коли він намагається задіяти в комунікативній діяльності майже кожного студента. Завдання викладача полягає в тому, щоб діалог перетворити в групову бесіду, в полілог.

Ефективним методом проведення занять, наприклад, з дисципліни «Сучасна українська література» (викладається в НМетАУ при підготовці студентів-перекладачів спеціальності «Філологія») є **проблемний**, а формою – **групова робота**. Мета *заняття-роздуму* – залучити студентів до обговорення певних проблем твору, що вивчається. Наприклад, під час вивчення теми «Новелістика Григора Тютюнника» (новели «Три зозулі з поклоном», «Син приїхав», «Оддавали Катрю», «Холодна м'ята») доцільно проводити заняття за проблемними питаннями типу: «Як вирішується у новелі «Три зозулі з поклоном» любовний трикутник?» тощо. Робота на занятті не буде ефективною, якщо використовувати традиційні методи діалогу «викладач – студент». З групи студентів створюється кілька мікрогруп, кожна з яких отримує картки із завданням, виконуючи які студенти поступово дійдуть до відповіді на проблемне питання. Наприклад, картка з такими завданнями:

1. Як розкривається багатство внутрішнього світу, глибина почуттів Марфи?
2. Звідки Софія знала про Марфине почуття і чому ніколи про це не казала їй не вбачала в ній суперницю?
3. Прокоментуйте рядки з листа батька: «я чую щодня, що десь тут, десь коло мене ходить Марфина душа нещасна. Соню, сходи до неї і скажи, що я послав їй... три зозулі з поклоном...»
4. Визначте символічне значення ключової деталі «три зозулі з поклоном» і поясніть чому так названо оповідання.
5. Як ви розумієте епіграф твору «Любові всевишній присвячується»?

Висновки. Отже, на прикладі викладання гуманітарних дисциплін у технічному виші обґрунтовується необхідність активізації методів навчання, потреба в яких зумовлена тим, що широкий спектр їх використання забезпечить високу комунікативну діяльність студентів і сприятиме розвитку їхньої професійної компетенції.

Бібліографічні посилання

1. **Бойко А. Н.** Теория и методика формирования воспитывающих отношений в общеобразовательной школе / А. Н. Бойко. – К. : Высш. шк., 1991. – 99 с.
2. **Педагогика и психология высшей школы** : учеб. пособие / М. В. Буланова-Топоркова, А. В. Духавнева, Л. Д. Столяренко и др. – Ростов н/Д. : Феникс, 2002. – 544 с.
3. **Фіцула М. М.** Педагогіка вищої школи : навч. посіб. / М. М. Фіцула. – К. : Академвидав., 2006. – 352 с.
4. **Щедровицкий Г.** Педагогика и логика / Г. Щедровицкий, В. Розин, Н. Алексеев, Н. Непомнящая. – М. : Просвещение, 1993. – 410 с.
5. **Щербань П. М.** Активні методи підготовки майбутніх учителів / П. М. Щербань. – К. : Знання, 1988. – 48 с.

Надійшла до редколегії 28.05.10

УДК: 811.161.2'23 + 811.161.2'373.4

О. Г. Хаджиоглова

Волинський національний університет імені Лесі Українки

ПСИХОЛІНГВІСТИЧНИЙ ЕКСПЕРИМЕНТ ЯК ЗАСІБ ВИЯВЛЕННЯ СТРУКТУРИ КАТЕГОРІЇ

Викладено результати психолінгвістичного експерименту, скерованого на виявлення змісту, структури та прототипів категорії «музичні інструменти» у концептосфері пересічних носіїв української мови. В ролі респондентів виступила 81 особа – студенти немусичних спеціальностей. Результати експерименту дозволяють твердити, що в центрі категорії «музичні інструменти» знаходяться скрипка, гітара, фортепіано, сопілка та барабани.

Ключові слова: психолінгвістичний експеримент, категорія, прототип, ядро, периферія, музичні інструменти.

Изложены результаты психолингвистического эксперимента, направленного на раскрытие содержания, структуры и прототипов категории «музыкальные инструменты» в концептосфере среднестатистических носителей украинского языка. В роли респондентов выступила 81 особа – студенти немусикальных специальностей. Результаты эксперимента позволяют утверждать, что в центре категории «музыкальные инструменты» находятся скрипка, гитара, фортепиано, сопилка и барабаны.

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент, категория, прототип, ядро, периферия, музыкальные инструменты.

The article presents results of a psycholinguistic experiment. The experiment was conducted with the purpose to figure out the meanings, structure and prototypes of the category «musical instruments» in the conceptosphere of ordinary speakers of Ukrainian language. 81 University student whose major is not music took part in the experiment. Judging by the form the results of the experiment we can state that violin, guitar, piano, Ukrainian pipe and drums are situated in the center of the category «musical instruments».

Key words: psycholinguistic experiment, category, prototype, nucleus, periphery, musical instruments.

Постановка проблеми. Значна кількість сучасних лінгвістичних досліджень скерована на розуміння сутності людського мислення та пізнання. Мова є відобра-

женням усіх процесів, що відбуваються в свідомості людини. Споконвіку людству було притаманно певним чином називати всі оточуючі предмети, явища та процеси. Класифікація та впорядкування навколишнього світу в свідомості людини є фундаментальною функцією мозку. Процеси категоризації завжди були невід'ємною складовою життя усіх людських істот. Досліджувати ці процеси намагалися протягом багатьох століть. Однією із найдавніших праць, що збереглися до нашого часу, є «Категорії» Аристотеля. Античний філософ вважав, що один об'єкт зовнішнього світу може належати лише до однієї категорії, оскільки границі категорії є чітко окресленими та не можуть перетинатися [1]. Таке бачення категорії панувало в науковій парадигмі до ХХ століття. Сучасним науковцям, піонером серед яких є американський психолог Е. Рош, вдалося довести, що категорія – не таке примітивне утворення, яким його бачив Аристотель. Е. Рош була однією з тих, хто замислився над тим, що іноді досить складно віднести певний об'єкт лише до однієї категорії. Вона за допомогою експериментів показала, що аристотелівська традиція не відповідає психологічній реальності та вперше представила деякі категорії як структури, в яких задані відношення між центром та периферією [3]. Зазначимо, що Е. Рош була однією з перших дослідників, хто в структурі категорії почав виділяти найтипівіших та найменш типових її представників, тобто ввела поняття прототипу категорії.

Аналіз досліджень і публікацій. Дж. Тейлор характеризує прототиповість як репрезентативність чи типовість, тобто на його думку, прототип – найтипівіший представник категорії, він найяскравіше репрезентує її у свідомості носіїв мови; при цьому прототип є еталоном для інших членів категорії [4]. Представники різних лінгвістичних шкіл розглядали поняття прототипу. Поміж ними Г. Пантам, Дж. Лакофф [2], У. Лабов, Л. Віттгенштайн, А. Вежбицька, Р. Гжегорчикова та інші. Усі вони намагалися запропонувати власні підходи до вивчення процесів категоризації. Експериментальне виявлення способів категоризації об'єктів позамовного світу в свідомості мовців є актуальним питанням сучасної психолінгвістики. Певна кількість категорій (кольори, меблі, фрукти, спорт, птахи) вже була досліджена таким чином. Цікавими є культурно марковані категорії, оскільки при зіставленні структури тієї ж категорії у різних мовах виявляється набір характерних ознак, які допомагають носіям певної мови здійснювати процес категоризації. Категорія «музичні інструменти» присутня у всіх культурах, тому її дослідження становить неабиякий інтерес.

Метою статті є опис експерименту, скерованого на встановлення структури категорії «музичні інструменти» в свідомості українських студентів немuzичного профілю, викладення методики та результатів проведеного нами дослідження.

Для визначення структури категорії «музичні інструменти» в концептосфері українських студентів немuzичного профілю у жовтні 2009 року ми провели психолінгвістичний експеримент. У ньому взяли участь респонденти віком 17–21 років – студенти фізичного факультету Волинського національного університету ім. Лесі Українки. Із 81 опитаних студентів було 43 особи чоловічої статі і 38 – жіночої.

Експеримент складався з трьох блоків. У першому блоці респондентам вголос зачитувалися запитання-ситуації, а відповіді передбачали вільне відтворення назв музичних інструментів. Зауважимо, що під час ходу усього експерименту опитувані не мали списку інструментів, з якого потрібно було обирати правильні відповіді – усі назви були відтворені з пам'яті. Для відповіді на кожне з запитань першого блоку було дано різну кількість часу: від 10 секунд у випадку, коли потрібно було вказати один інструмент, і 60 секунд у випадку, коли респонденти вписували кілька назв музичних інструментів (максимальна кількість – 12 інструментів).

Перейдімо до аналізу завдань та результатів першого блоку експерименту. Запитання подаємо у такому порядку, в якому вони задавалися під час експерименту.

Перше звучало так: *Антон Чехов у своєму оповіданні «Лошадиная фамилия» описав випадок, коли одна людина забула прізвище іншої, але пам'ятала, що те прізвище викликає певні асоціації з конем. Усі оточуючі намагалися допомогти йому згадати прізвище; в кожного з них з'явилися різні версії типу «Конявський», «Лошадников», «Табунов», «Копытин», «Жеребовський» тощо. Усі ці варіанти були хибні, оскільки прізвище, яке потрібно було згадати, – «Овсов». Завдання: придумайте, будь ласка, декілька «музичних» прізвищ, у основі яких були б назви музичних інструментів.* Для відповіді на поставлене запитання респондентам було дано 60 секунд. Ми припускали, що відповіді міститимуть назви досить добре знаних музичних інструментів, при цьому сподівалися, що вдасться прослідкувати, які суфікси будуть використані при творенні «музичних» прізвищ – українські чи якісь інші (російські, наприклад). Результати відповідей на це запитання показали, що для утворення «музичних» прізвищ респонденти найчастіше використовують такі два інструменти: скрипка (32 % від загальної кількості відповідей), гітара (13,4 %). З назвами цих інструментів бути утворені такі прізвища: *Скрипчук, Скрипка, Скрипник, Скрипальський, Скрипніченко* і т. ін. Зауважимо, що репертуар варіацій прізвища з основою *скрип-* серед респондентів жіночої статі був значно різноманітнішим, аніж у респондентів-чоловіків. З основою *гітар-* були утворені такі прізвища: *Гітаренко, Гітарець, Гітарин, Гітарист, Гітаров* тощо. Прізвища з основою *баян-* та *барабан-* зустрічалися ще рідше: лише 9 % респондентів використали *баян-* при творенні прізвищ: *Баяніст, Баянов, Баянський, Баянович*, і 8,5 % опитаних створили прізвища з основою *барабан-*: *Барабаненко, Барабанов, Барабанський* тощо. Фортепіано (6 %) та сопілка (6,3 %) завершують список найчастотніших музичних інструментів у відповідях на перше запитання. З цими основами були утворені такі прізвища: *Фортепіанов, Піанський, Фортеп'янюк, Піанінов* та інші. Найрідше (1–2 рази) у відповідях можна було зустріти основи *домр-* (домра), *лютн-* (лютня), *бас-* (бас), *арф-* (арфа), *тромбон-* (тромбон), *віолончель-* (віолончель), *цимбал-* (цимбали) тощо. Результати відповідей на це запитання показали, що домінантними суфіксами, використаними для творення «музичних» прізвищ, є українські словотворчі суфікси *-енк(о), -ськ(ий), -ець, -ич, -ук* і т. п., хоча також траплялися і російські: *-ин* і *-ов*.

Друге запитання було сформульоване так: *Андрія віддають до музичної школи. На якому інструменті, на Вашу думку, він гратиме?* Для відповіді на це запитання було дано 10 секунд. Цього часу, як показав досвід, достатньо для того, аби вписати у бланк відповідей назву одного музичного інструмента. Припускалося, що при відповіді на це запитання чоловіча частина респондентів вкаже саме ті музичні інструменти, які, на думку студентів-чоловіків, більшою мірою пасують для хлопців, ніж для дівчат, зокрема, такі інструменти, на яких самі респонденти-хлопці могли чи хотіли б грати (наявність прихованих стереотипних ознак). Стосовно жіночої частини опитаних, то припускали, що студентки вкажуть саме ті інструменти, які вони, своєю чергою, вважають найбільш «чоловічими», і їх відповіді презентуватимуть «погляд збоку», що буде виявом не автостереотипу (як у випадку із чоловічою аудиторією), а стереотипних уявлень жінок про чоловічі музичні інструменти. Близько 29 % респондентів вважають, що найбільш ймовірно, що Андрій гратиме на гітарі; 19,5 % опитаних уявили хлопчика-сопілкаря і 18,3 % «посадили» його за фортепіано. Скрипку обрало 14,6 % студентів. Наведені дані показують, що і чоловіча, і жіноча частина респондентів вважають гітару таким музичним інструментом, на якому швидше за все міг би грати хлопчик Андрій, тобто гітара є найтипівшим об'єктом підкатегорії «чоловічі музичні інструменти».

Третє запитання було скероване на виявлення музичних інструментів, які, на думку студентів, можуть бути потрібними на локальному рівні: *У нашому місті будують фабрику, де будуть виготовляти музичні інструменти. Які, на Вашу думку, інструменти там виготовлятимуть?* Для відповіді на це запитання студентам було дано 20 секунд. Оскільки експеримент проводився в м. Луцьку, припускаємо, що респонденти «будували» уявну фабрику саме тут. У відповідях найчастіше траплялися назви гітари (24%), скрипки (14,6%), сопілки (12,7%), фортепіано (12,3%) та барабанів (11,8%). Найрідше називали трубу (0,5%), фагот (0,5%), кобзу (0,9%), орган (0,9%), балалайку (1,9%) та деякі інші.

Четверте запитання першого блоку було схоже на перше. Але у ньому студентам потрібно було утворити не прізвища, а імена. І часу цього разу було дано не 60, а 30 секунд. *Молода письменниця Ольга Нота написала оповідання для дітей під назвою «Музична галявина». Ім'я головного персонажа є назвою музичного інструмента. Як, на Вашу думку, звати головного персонажа?* Найпопулярнішим іменем виявилось ім'я з основою на скрип- (33%): *Скрипка, Скрипалко, Скрипочко* тощо. Дещо нижчий індекс частотності має сопілка (16,4%). Цікаво, що чоловіча частина опитаних віддала більше голосів за сопілку, аніж жіноча (пор. 22% і 9,7%). Барабан та баян були взяті за основу імен казкового героя у 9% випадків для кожного інструмента.

П'яте запитання звучало так: *Уявіть, що Вам доручили зібрати оркестр. Кількість та склад учасників обираєте лише Ви. Це може бути донині небачений оркестр, але грати у ньому можуть тільки на музичних інструментах. Якими будуть 5 найважливіших інструментів Вашого оркестру?* Для відповіді на подане запитання респонденти мали 20 секунд. Результати показали, що найбільша кількість опитаних залучили б до своїх оркестрів фортепіано (17%), гітару (15,2%), скрипку (14,5%), барабани (14%), сопілку (9%) та саксофон (6,5%). Робимо висновок, що студенти вважають саме ці інструменти найпопулярнішими оркестровими інструментами. Найнижча частотність у волинки (0,2%), кобзи (0,2%), тромбона (0,5%) та органа (0,5%).

Шосте запитання скероване на виявлення найтипівішого чоловічого музичного інструмента і звучить так: *Моя мама закохалася в тата, бо він гарно грав на ... На якому інструменті грав мій тато?* Оскільки респондентам потрібно було назвати лише один інструмент, то для цього їм було дано лише 10 секунд. У відповідях найчастіше зустрічалася гітара (62%). Решта відповідей містили назви інших інструментів, але індекс їх частотності є значно нижчим: фортепіано (8%), скрипка (7%), труба (3,4%), сопілка та баян (по 2,3%). Бачимо, що прототипом підкатегорії «чоловічі музичні інструменти» є гітара. Цей результат узгоджується з відповідями на запитання № 2 про Андрійка.

Для відповіді на сьоме запитання *«На міжнародний музичний конкурс було подано 100 заявок. На яких інструментах грає більшість конкурсантів?»* респондентам було дано 20 секунд. Виявилось, що, на думку опитаних, найбільша кількість конкурсантів гратиме на гітарах (26%), скрипках (24,5%) та фортепіано (19,6%). Решта музичних інструментів характеризуються досить низьким рівнем згадування: барабани та баян (по 6,2%), акордеон (5%), сопілка (4%), саксофон та труба (по 3%), бандура (2,7%) та віолончель (0,4%). Оскільки в запитанні йшлося саме про міжнародний конкурс, то відповіді ілюструють погляд опитаних на інструменти, популярні у всьому світі (а не, скажімо, в Луцьку, як у питанні про фабрику), тобто у цьому випадку відсутня прив'язка до конкретного місця поширення інструментів.

Восьме запитання схоже на попереднє, але в ньому потрібно було вказати лише один музичний інструмент: *Людству вдалося встановити контакт із позаземни-*

ми цивілізаціями. Земляни запросили нових друзів у гості. Для презентації культури Землі було обрано одного музиканта. На якому інструменті він гратиме? Для відповіді було дано 10 секунд. На першому місці опинилась скрипка (30 %), наступну позицію посіло фортепіано (26 %). Згадані також сопілка (8,6 %) та гітара (6 %).

Дев'яте запитання було зорієнтоване на виявлення набору інструментів, популярних для навчання дітей: *Меценати вирішили подарувати музичній школі інструменти. Коли почали розвантажувати привезені подарунки, виявилось, що багато інструментів однакові. Яких інструментів виявилось найбільше?* Для відповіді на нього респондентам було дано 20 секунд. В анкетах були згадані гітари (26,7 %), сопілки (22 %) та скрипки (20,6 %). Найменше траплялися балалайка, саксофон (по 0,8 %), віолончель (1,5 %) та гармонія (2,3 %).

Десяте запитання скероване на виявлення прототипових об'єктів підкатегорії «жіночі музичні інструменти»: *Десятирічна Марійка щойно повернулася із концерту, де вона почула та побачила багато музичних інструментів. Вдома вона сказала батькам, що хоче грати на... На якому інструменті хоче грати дівчинка?* Для відповіді опитуваним було дано 10 секунд, оскільки назвати потрібно було лише один музичний інструмент. Найчастотнішими виявилися скрипка (35 %) та фортепіано (28 %). Рідше траплялися гітара (11 %), барабан (6 %), бандура (5 %). Зазначимо, що лише серед представників чоловічої аудиторії зустрічалися духові інструменти, хоча їх частотність не була високою: саксофон (2,4 %), труба, кларнет (по 1,2 %). Бачимо, що згідно з відповідями на це запитання, найбільш «жіночими» інструментами є скрипка та фортепіано.

Наступне завдання було скероване на виявлення не лише прототипових об'єктів категорії «музичні інструменти», а й складників периферійної зони: *Студенти 4 курсу проходили тест на рівень IQ. Найвищий бал отримав студент, який розпізнав 12 видів риб і 12 музичних інструментів. Які інструменти розпізнав студент?* Для відповіді на це запитання було дано 30 секунд. Опитувані повинні були поставити себе на місце уявного студента, який розпізнавав 12 музичних інструментів, і подумати, які інструменти були б ними розпізнані. При постановці цього питання ми навмисне не специфікували, що саме: звук чи зображення інструмента потрібно було розпізнати. Таким чином ми спонукали студентів до формування узагальненого образу об'єктів, які називаємо музичними інструментами. Припускалося, що студенти пригадають не лише інструменти, які чітко відображені у їхній концептосфері, а й такі, з якими вони досить рідко мають справу в повсякденному житті. Найчастіше називалися фортепіано (14,6 %), гітара (10,3 %), скрипка (9,7 %), сопілка (9,2 %) та барабани (8,5 %). Далі від ядра категорії знаходяться баян (6,4 %), саксофон (5,6 %), бандура, флейта (по 4,3 %), труба, акордеон (по 4 %). У відповідях траплялися також: віолончель (3,4 %), арфа (3 %), балалайка (2,6 %), контрабас (2,4 %), орган (2,1 %), гармонія (1,9 %), волинка (1,3 %), трембіта (1 %), кларнет (0,6 %), гобой, трикутник, бубон (по 0,5 %), цимбали та дзвіночки (по 0,3 %), туба, фагот, дрімба та гусла (по 0,2 %), мандоліна, тарілки, банджо, лютня, там-там та домра (по 0,1 %).

Дванадцяте запитання було сформульоване таким чином, аби респонденти назвали 5 музичних інструментів, які можна було б віднести до центру категорії: *Художник-абстракціоніст намалював картину і підписав наступним чином: «Характер ліній, форм і колорит відповідають зображенням 5-ти інструментам.» Які інструменти він зобразив?* Для відповіді було дано 20 секунд. Найчастотнішими виявилися скрипка (19 %), гітара (18 %), сопілка (10,6 %), фортепіано (7,5 %) та саксофон (5,6 %). Цікаво, що саксофон значно частіше називали особи чоловічої статі: 7,6 % відповідей у чоловіків та 3,4 % – у жінок. Припускаємо, що духові інструменти краще відображені в концептосфері осіб чоловічої статі, свідченням чого

є випадки, коли духові інструменти траплялися лише в чоловічих анкетах, хоча і з невеликою частотністю.

Наступне запитання акцентує увагу на підкатегорії «жіночі музичні інструменти»: *Наталку віддають до музичної школи. На якому інструменті, швидше за все, вона гратиме?* Респонденти мали 10 секунд і повинні були назвати лише 1 музичний інструмент. Ми передбачали, що відповіді на це запитання повинні були б узгоджуватися з відповідями на запитання № 10 про дівчинку, яка повернулася з концерту, де найчастотнішими виявилися скрипка та фортепіано. І це справді так. Частотність скрипки у відповідях – 43 %, а фортепіано – 29,3 %. Інструментом, найбільш наближеним до ядра досліджуваної під категорії, є сопілка (8,5 %). Гітара, яка, до речі, з'являється у відповідях лише представників чоловічої статі, має частотність 6 % від загальної кількості відповідей. Це свідчить про те, що чоловіки, на відміну від жінок-респонденток, бачать у руках у Наталки гітару. Бандура та баян посіли однакове місце в підкатегорії жіночих інструментів. Їх частотність – 3,6 % для кожного.

Чотирнадцяте запитання було побудоване так, щоб виявити найпопулярніші та найменш популярні музичні інструменти для навчання: *У класі навчаються учні, більшість яких відвідує музичну школу. Який музичний інструмент, на Вашу думку, є серед них найпопулярнішим, а які інструменти є менш популярними?* Опитувані мали 20 секунд, аби визначити найменш та найбільш популярний інструмент. Найпопулярнішими виявилися: гітара (38 %), фортепіано (30 %) та скрипка (22,2 %). Серед інструментів, які опитувані вважають найменш популярними серед дітей, виявлено такі: баян (14,4 %), труба (9,6 %), бандура, барабан та сопілка (по 8,4 %). Акордеон, саксофон, рояль та контрабас також є досить непопулярними, про що свідчать відповіді опитаних: по 4,8 % для кожного інструмента. Можемо припустити, що саме ці інструменти потрапили до набору непопулярних не тому, що вони не є яскраво відображеними в концептосфері студентів і досить знаними для них, а через те, що складно уявити дитину шкільного віку, наприклад, з контрабасом чи саксофоном. Це припущення вимагає дослідження – психологія сприйняття та стереотипізація дійсності становить інтерес для подальших досліджень.

П'ятнадцяте запитання – це перефразоване запитання про музичні інструменти, що були подаровані школі (див. запитання 9). Цікаво було перевірити, чи будуть збігатися відповіді в обох випадках. Найчастіше траплялися скрипка (17,5 %), гітара (17 %), фортепіано (14 %) та барабан (10 %). Припускаємо, що саме ці музичні інструменти можуть вважатися досить популярними для навчання. Нижчу частотність мають баян (7,8 %) та сопілка (7 %). Зауважимо, що у відповідях на дев'яте запитання найпопулярнішими стали не лише скрипка і гітара, а ще й сопілка, а баян (і барабан, інструмент, який зустрічався і у відповідях на запитання 15) належать радше до зони, наближеної до ядра категорії, а не до її прототипових об'єктів.

Наступне запитання схоже на запитання про малюнок художника (див. запитання 12): *У конкурсі малюнка на асфальті беруть участь 50 дітей. Завданням було намалювати музичні інструменти. В результаті конкурсу журі виявило, що найчастіше серед малюнків зустрічалися... Які інструменти зустрічалися найчастіше?* Відповіді показали, що респонденти уявляють гітару (23,6 %), скрипку (20,3 %), барабан (15 %) та сопілку (10 %) найчастіше. Зазначимо, що 17 % жіночої частини опитаних вважають, що діти намалюють сопілку, тоді як до такої відповіді схилиються лише 10,6 % чоловіків. Нижчий рівень частотності у фортепіано – лише 8,5 % від загальної кількості відповідей. Можна припустити, що, на думку опитаних, цей інструмент не був би намальований більшістю уявних дітей-конкурсантів, оскільки зовнішній вигляд фортепіано не є зрозумілим для сприйняття дитини, на відміну від гітари, скрипки, сопілки та барабана, які мають значно

виразнішу форму. Результати відповідей на це питання узгоджуються з відповідями на запитання 12.

Для визначення прототиповних об'єктів категорії «музичні інструменти» було задане запитання № 17: *На запит «музичний інструмент» у пошукових системах в Інтернеті найчастіше виводяться картинки з... Які інструменти з'являються найчастіше?* Респондентам було дано 20 секунд. На їхню думку, пошукові системи запропонують зображення гітари (32 %), скрипки (27 %), фортепіано та барабана (11 %). Найрідше у відповідях зустрічалися сопілка, гармонія, кобза (по 0,5 %), труба, баян, флейта (по 1 %), арфа (1,6 %) та саксофон (3,2 % опитаних).

Відповіді на вісімнадцяте запитання першого блоку передбачали виявлення не лише прототиповних, а й маргінальних об'єктів категорії «музичні інструменти»: *Пеппі Довганюха розказала своїм друзям, що її тато вмів грати на семи музичних інструментах. Як Ви думаєте, на яких саме?* Оскільки респондентам потрібно було назвати чітко визначену кількість інструментів, для відповіді їм було дано 30 секунд. Найчастотнішими виявилися інструменти, про прототиповість або наближеність до центральної зони категорії яких свідчать результати відповідей на попередні запитання: фортепіано (14,8 %), скрипка та гітара (по 13,3 % для кожного інструмента), барабан (11,3 %), сопілка (10,6 %). Нижчу частотність має баян (6,6 %). Зазначимо, що 8,3 % жіночої частини опитаних і лише 4,9 % чоловіків вважають, що тато Пеппі гратиме на баяні. Цікава ситуація і з саксофоном, який в загальній кількості відповідей має індекс 6,6 %, а гендерний розподіл такий: 1,9 % в респондентів жіночої статі і 7 % – у чоловічої. Кілька інструментів згадувалися недостатньо часто, що не дозволяє віднести їх до центральної зони досліджуваної категорії: флейта (6 %), труба (3,5 %), орган (3 %), акордеон, гармонія (по 2,7 %), віолончель, бандура (по 2,5 %), контрабас (1,4 %), губна гармонія (0,8 %), кобза, кларнет, бубон (0,6 %), цимбали, трикутник, волинка (по 0,4 %). Згадування деяких музичних інструментів, таких як ліра, фагот, домра, трембіта та інших, було одиничним (по 0,2 %), тому не беремо їх до уваги.

Дев'ятнадцяте запитання звучало так: *Зла фея зачаклувала місто і всі люди попили у міцний сон. Мешканців міста розбудить лише гра на... На якому інструменті, на Вашу думку, потрібно заграти?* Оскільки потрібно було назвати лише один музичний інструмент, то для виконання завдання респондентам було дано 10 секунд. На думку опитаних, мешканців казкового міста розбудять: сопілка (33,7 %), барабан (29 %) та скрипка (11,6 %). Решта інструментів, які траплялися у відповідях, мають значно нижчий індекс частотності: гітара (5,8 %), арфа (4,6 %), флейта, орган (по 3,5 %), труба (2,3 %) та баян, балалайка, волинка, трикутник (по 1,2 %).

Останнє запитання першого блоку експерименту мало на меті визначити музичні інструменти, звучання яких, на думку респондентів, є знайомим і яскраво представленим в їх концептосферах. *Студенти беруть участь в експерименті на розпізнання звучання музичних інструментів. Звуки яких інструментів будуть розпізнані найкраще?* Завдання третього блоку експерименту призначені для того, щоб виявити, як респонденти розпізнають звучання інструментів. Нам було цікаво довідатися, чи узгоджуються їх уявлення про себе з реальними результатами. Виявилось, що студенти думають, що добре розпізнають звучання барабанів (17,6 %), гітари (17,3 %), скрипки (16,7 %), фортепіано (12,7 %) та сопілки (10,9 %). Решта музичних інструментів мають значно нижчий рівень згадування: баян (5,8 %), орган, саксофон (по 2,6 %), акордеон (2,3 %), труба (1,7 %), контрабас, волинка (по 0,9 %), віолончель, арфа, трикутник, тарілки, гобой, балалайка (по 0,6 %), гармонія, губна гармонія, цимбали, кларнет, кобза, бандура (по 0,3 %).

Другий блок психолінгвістичного експерименту містив зображення 40 різних музичних інструментів, кожне з яких було показане респондентам протягом 10 се-

кунд. Метою цього завдання було виявити, чи розпізнають респонденти зображення інструментів, чи знають вони їх назви, і чи збігаються назви та частота згадок інструментів, які були названі студентами при вільному відтворенні (блок 1), із назвами розпізнаних зображень інструментів у другому блоці. Подаємо список назв музичних інструментів, зображення яких потрібно було розпізнати: рояль, орган, клавесин, баян, акордеон, гармонія, шейкер, маракаси, перкусійні інструменти (конга, бонго), барабанна установка, литаври, ксилофон, цимбали, колісна ліра, кобза, бандура, арфа, скрипка, віолончель, контрабас, гітара, саз, балалайка, ситара, свищик, дрімба, губна гармонія, сопілка, най (ребро), трембіта, волинка, флейта, кларнет, гобой, фагот, саксофон, труба, тромбон, валторна, туба. Правильно були розпізнані: гітара (98,7 %), скрипка (96,3 %), сопілка (93,8 %), арфа, губна гармонія, саксофон (по 86 %), барабанна установка (84 %), баян (79 %), волинка (75 %), трембіта (74 %), гармонія (70,4 %), балалайка (69 %), свищик (66 %), орган (61,7 %), флейта (54 %), акордеон (53 %). Зовнішній вигляд цих інструментів може вважатися найкраще знаним серед опитаних, тому за ознакою «зовнішній вигляд» їх можна віднести до центральної зони категорії «музичні інструменти». Далі від центру знаходяться: кобза, контрабас (по 43 %), віолончель (39 %), рояль (38,3 %), маракаси (37 %), бандура (33 %), перкусія (19,7 %) та цимбали (14,8 %). Спостерігаємо різкий відсотковий спад розпізнаваності таких інструментів: тромбон (11 %), гобой (10 %), саз, ситара, дрімба, ребро (по 4,9 %), ксилофон, гобой, фагот, туба (по 2,5 %), шейкер, литаври (по 1,2 %). Були й такі інструменти, зображення яких не розпізнав жоден респондент. Це клавесин, колісна ліра та валторна. Це свідчить або про те, що зображення цих інструментів не є добре відображені в їх концептосферах, або ж студенти бачили ці об'єкти, але не знають їхніх назв.

Третій блок експерименту складався з 36 аудіозаписів тривалістю 10–17 секунд. Записи являли собою уривки соло, виконаних на певному музичному інструменті. Респондентам потрібно було розпізнати звучання музичних інструментів. Метою цього завдання було визначити, якою мірою респонденти розпізнають звучання музичних інструментів, чи корелює розпізнання зображення музичних інструментів з їх звучанням, і як узгоджуються ці результати з результатами першого блоку. Перед прослуховуванням ми попередили, що кілька записів містять звучання того самого інструменту, але такі повтори траплялися не більше двох разів. Інструментів, які звучали двічі, було 5, і уривки були взяті з різних музичних творів. Двічі звучали гітара, скрипка, флейта, труба та саксофон. Цікаво, що респонденти не завжди однаково правильно розпізнавали ці інструменти: гітара (70 % та 80 %), скрипка (95 % в обох випадках), труба (59 % і 18 %), саксофон (56,8 % і 70 %), флейта (23 % й 17 %). Бачимо, що порівняно з рештою інструментів, звучання труби та флейти було найгірше розпізнане. Далі будемо подавати середнє арифметичне від двох показників. Наведімо загальні результати розпізнання звучання музичних інструментів: скрипка (95 %), орган (86 %), фортепіано (81 %), трембіта, сопілка (по 80 %), гітара (75 %), саксофон (63,4 %), арфа (45,7 %), труба (38,5 %), кобза, гармонія (по 32 %), барабан (26 %), контрабас (23 %), віолончель (21 %), флейта (20 %), акордеон (19,7 %), бандура (12 %), баян, дрімба (по 11 %), тромбон (8,6 %), кларнет (6 %), литаври, ребро (по 2,5 %), туба, клавесин, перкусія (по 1,2 %). Звучання гобоя, колісної ліри та металофона не було правильно розпізнане жодним студентом. Цікаво зазначити, що виявилось 12 музичних інструментів, які респонденти часто плутали з іншими, схожими за звучанням. Наприклад, звучання акордеона часто називали звучанням баяна (пор. 19,7 % правильних відповідей і 71,6 % – неправильних), бандуру називали кобзою у 24,7 % випадків, баян акордеоном – у 40 % випадків, кобзу бандурою назвало 7,4 % опитаних, ребро сопілкою назвали 80 % студентів. Контрабас назвали бас-гітарою 27 % опитаних, гармонію баяном –

38 %, металофон ксилофоном – 4,9 %, колісну ліру волинкою назвали 76 % респондентів, а гобой скрипкою назвали 24,7 % опитаних.

Висновки. При збереженні образу музичного інструмента людина використовує різні способи кодування інформації (аудіальний, візуальний та вербальний). Відповідно, наш експеримент було зорієнтовано на виявлення всіх трьох форм фіксації інформації про музичні інструменти. Перший блок – вербальна інформація, другий – візуальна та вербальна, третій – аудіальна та вербальна. При визначенні прототипу категорії «музичні інструменти» ми враховували результати всіх блоків експерименту. Можна припустити, що в свідомості респондентів існує кореляція між усіма трьома формами збереження інформації. Справді, результати першого блоку експерименту показали, що в центрі категорії знаходяться 5 музичних інструментів, назви яких найчастіше відтворюються в пам'яті в тих випадках, коли треба назвати типовий / популярний / частотний музичний інструмент. Це скрипка, гітара, фортепіано, сопілка, барабани. Дві перші позиції посідають скрипка та гітара. Чотири з групи названих інструментів є лідерами другого блоку (візуальна та вербальна інформація): гітара, скрипка, сопілка, барабани. Як бачимо, відсутнє лише фортепіано, що пояснюється тим, що респонденти неправильно ідентифікували рояль, називаючи його словом піаніно (відсутність кореляції між візуальною та вербальною інформацією). Чотири інструменти з тих, що посіли п'ять місць у блоці № 1, виявилися найкраще розпізнаними за звучанням. Це скрипка, фортепіано, гітара, сопілка. Барабани були розпізнані гірше, поступившись органу, трембіті, трубі та іншим інструментам. Важливо, що до ядра категорії потрапила сопілка як специфічний український народний інструмент.

Таким чином, спираючись на дані, отримані в ході трьох частин експерименту, ми можемо стверджувати, що в ядрі категорії «музичні інструменти» знаходяться скрипка, гітара, фортепіано, сопілка та барабани.

Для подальших досліджень вважаємо перспективним порівняння категоризації музичних інструментів у концептосферах різних етнічних спільнот (українців, поляків, росіян тощо), виявлення специфічно національних рис категоризації.

Бібліографічні посилання

1. **Аристотель.** Категории / Аристотель // Режим доступу : <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/kategorii.txt>
2. **Lakoff G.** Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. / G. Lakoff. – The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
3. **Rosch E. H.** Human categorization / E. H. Rosch // Advances in crosscultural psychology. – L. : Acad. Press, 1975.
4. **Taylor J. R.** Linguistic categorization / J. R. Taylor. – Oxford University Press. – 1995. – 312 p.

Надійшла до редколегії 04.06.10

УДК 811.353.1'25

Х. А. Хатиашвили, Н. М. Амирэджиби

Тбилисский государственный университет имени Ивана Джавахишвили

К ВОПРОСУ О МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЕЙ

Розглянуто феномен машинного перекладу як процесу перекладу текстів (письмових, а в ідеалі й усних) з однієї оригінальної мови на іншу за допомогою спеціальної комп'ютерної програми; проаналізовано можливості машинного перекладу, охарактеризовано найпоширеніші комп'ютерні системи перекладу, визначено типові помилки, що виникають при машинному перекладі; обговорено проблеми перекладу з грузинської мови на інші.

Ключові слова: машинний переклад, автоматичний переклад, комп'ютерний переклад.

Рассмотрен феномен машинного перевода как процесса перевода текстов (письменных, а в идеале и устных) с одного естественного языка на другой с помощью специальной компьютерной программы; проанализированы возможности машинного перевода, охарактеризованы наиболее известные компьютерные системы перевода, определены типичные ошибки, возникающие при машинном переводе; обсуждены проблемы перевода с грузинского на другие языки.

Ключевые слова: машинный перевод, автоматический перевод, компьютерный перевод.

The machine translation phenomenon is considered as translation process of texts (written, and in an ideal and oral) from one on another by means of the special computer; machine translation possibilities are analyzed, the most known computer translation systems are characterised, the typical errors arising at machine translation are defined; problems of translation from Georgian into other languages are discussed.

Keywords : machine translation, automatic translation, computer translation.

Перевод имеет давнюю историю. Своими корнями он восходит к тем далеким временам, когда праязык (ввиду географических, исторических и культурных предпосылок, а следуя религии, после Вавилонского столпотворения) распался на отдельные языки и вместе с другими элементами духовной и материальной культуры стал развиваться во внутринациональных пределах. Начиная с этого периода возникла необходимость посредничества при общении разных языковых общин, необходимость декодирования речи для осуществления коммуникации. Поэтому почти с самого начала существования человеческой цивилизации перевод выполнял важнейшую социальную функцию, делая возможным межязыковое общение людей.

На протяжении истории перевод носил спонтанный характер, использовался в локальных условиях. Как отдельная научная дисциплина переводоведение сформировалось во II-й половине XX столетия, что было обусловлено прогрессом межнациональных отношений. Человеческая склонность к обобщению происходящего в мире и веками накопленный огромный опыт в переводческой практике привели ученых к созданию теории перевода. Коротко суть переводоведения можно выразить следующим образом: во-первых, перевод – это интеллектуальная деятельность, т. е. процесс. Во-вторых, результат этого процесса – продукт переводческой деятельности, т. е. речевое произведение (текст перевода), созданное переводчиком.

В настоящее время термин *перевод* охватывает широчайший круг человеческой деятельности: переводится художественная литература – поэзия, классическая и орнаментальная проза, драматургия; научная литература по всем областям знания; публицистика, телеинформация, реклама, научно-популярные, документаль-

ные и художественные фильмы; документация и деловые бумаги; речи ораторов, приватные беседы лиц и т. д.

Служа средством общения людей различных национальностей, перевод является существенной частью межязыковой и межкультурной коммуникации. Так как принципиально язык соотносится с одним и тем же объективным миром, расхождения в национальных концептуальных и языковых картинах обусловлены различным опытом людей по освоению одного и того же мира. Исходя из этого, как бы ни были своеобразны по своей структуре отдельные языковые модели, в конечном итоге они все являются отображением в сознании человека окружающего мира. Поэтому перевод возможен с любого языка и на любой язык. В последнем случае основной точкой отправления служит динамическое понимание языка и культуры – взаимосвязь и взаимовлияние культурного опыта разных народов. А. Садохин дает следующее определение межкультурной коммуникации: «Межкультурная коммуникация есть совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам» [7]. Исследования по межкультурной коммуникации в последнее время приобретают все большее значение в связи с процессами глобализации и интенсивной миграции. В этом процессе особое место занимает перевод. Согласно А. Швейцеру, «перевод может быть определен как однонаправленный и двухфазный процесс межязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде... Процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемый различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [4, с. 75]. К научным дисциплинам, исследующим проблемы перевода, Швейцер относит лингвистику, литературоведение, психологию и этнографию.

XXI век поставил новые задачи в коммуникативном пространстве человечества. Современное движение информационных потоков не знает ни границ, ни времени, ни пространства. В этом непрерывном обмене роль перевода неуклонно возрастает. Идет процесс сопоставительных, контрастивных исследований, осуществляемых методом перевода и для перевода, которые являются частными теориями перевода для конкретных пар языков. Соответственно, расширяется переводческая методология. К традиционным видам перевода – письменному, устному, последовательному, синхронному, двустороннему, переводу с листа, письменному переводу на слух, развитию кибернетики и информационных технологий добавило машинный перевод (МП), время широкого практического использования которого наступило с 1980-х годов. **Целью** настоящей статьи является анализ основных проблем, связанных с феноменом машинного перевода и функционированием переводных электронных словарей.

Машинный перевод – процесс перевода текстов (письменных, а в идеале и устных) с одного естественного языка на другой с помощью специальной компьютерной программы [5]. Вместо определения *машинный* иногда употребляются **автоматический** или **компьютерный**.

Машинный перевод базируется на вычислительной лингвистике. Для его осуществления в компьютер вводится специальная программа, реализующая алгоритм перевода. Все практические системы без исключения используют идею переводных соответствий, т. е. модель «текст–текст».

В практике переводческой деятельности и в информационной технологии различаются два основных подхода к машинному переводу. С одной стороны, результаты машинного перевода могут быть использованы для поверхностного озна-

комления с содержанием документа на незнакомом языке. В этом случае он может использоваться как сигнальная информация и не требует тщательного редактирования. С другой стороны – это использование машинного перевода вместо обычного «человеческого». Данный процесс предполагает тщательное редактирование и настройку системы перевода на определенную предметную область. Здесь играют роль полнота словаря, его ориентированность на содержание и набор языковых средств переводимых текстов, эффективность способов разрешения лексической многозначности, результативность работы алгоритмов в извлечении грамматической информации, нахождение переводных соответствий и алгоритмов синтеза.

Возможности современного персонального компьютера вполне отвечают потребностям переводческой практики. Гарантирована высокая скорость перевода, что играет немаловажную роль в XXI столетии, универсальность – с помощью подключения специализированных словарей компьютер переводит тексты из любой области. Известно, что универсальными знаниями обладает лишь очень малый процент «живых» переводчиков. Кроме того, переводческие программы все время пополняются новейшими терминами и оперативностью далеко опережают свои полиграфические аналоги.

Действующие системы машинного перевода ориентированы на конкретные пары языков (например, английский и русский, немецкий и испанский, английский и немецкий и т. д.). На данном этапе они обеспечивают связный перевод текста, учитывающий его морфологические, синтаксические и семантические данные, перевод идиоматических словосочетаний, фразеологических единиц и штампов конкретной предметной области, лексический анализ и перевод лексем, отделение однозначных слов от многозначных, синтез словоформ и предложений в целом на выходном языке.

Можно выделить два основных стимула развития работ по машинному переводу. Первый – собственно научный; он определяется комплексностью и сложностью компьютерного моделирования перевода. Как вид языковой деятельности перевод затрагивает все уровни языка – от распознавания графем до передачи смысла высказывания и текста. Кроме того, для перевода характерна обратная связь и возможность сразу проверить языковые уровни и эффективность предлагаемых алгоритмов. «Эта характерная черта перевода вообще, и машинного перевода в частности, привлекает внимание теоретиков, в результате чего продолжают возникать все новые теории автоматизации перевода и формализации языковых данных» [6].

Второй стимул – социальный. Он обусловлен возрастающей ролью самой практики перевода в современном мире как необходимого условия обеспечения межязыковой коммуникации, объем которой растет с каждым годом.

Идея машинного перевода стимулировала развитие исследований в теоретическом и прикладном языкознании во всем мире, поскольку главные трудности при создании полностью автоматизированных систем высококачественного перевода связаны с недостаточным уровнем разработанности семантической теории языков, с помощью которой можно было бы точно сформулировать правила обработки смысла и значений предложений языка. Появились теории формальных грамматик, большое внимание стало уделяться моделированию языка и отдельных его аспектов, языковой и мыслительной деятельности, вопросам языковой формы и количественных распределений лингвистических явлений. Возникли новые направления лингвистической науки – вычислительная, математическая, инженерная, статистическая, алгоритмическая лингвистика и ряд других отраслей прикладного и теоретического языкознания.

Качество машинного перевода зависит от тематики и стиля исходного текста, от объема словаря, объема информации, приписываемой лексическим единицам, от

тщательности составления и проверки работы алгоритмов анализа и синтеза, от эффективности программного обеспечения, а также грамматической, синтаксической и лексической родственности языков, между которыми производится перевод. Лучшее всех переводятся технические и официально-деловые тексты, т. е. более качественным оказывается информативный перевод, в котором особенности индивидуально-авторского стиля не так существенны. Машинный перевод художественных текстов практически всегда оказывается неудовлетворительного качества, т. к. «художественное» мышление недоступно машине и остается человеческой прерогативой.

Современные темпы жизни – поток информации и необходимость обмена ею, огромное количество переводной документации, развитие международных образовательных систем – требуют максимально автоматизированного процесса перевода, время остается лишь для творческого редактирования, которое всегда будет выполнять «живое» мышление – человек. В любом из современных видов машинного перевода необходимо участие человека-редактора, удобство работы которого обеспечивается качеством и надежностью соответствующего программного обеспечения.

В настоящее время есть множество компьютерных программ (в большинстве созданных в США и России), позволяющих переводить с помощью автоматизированной системы. Среди них **ПРОМТ** (от PROject MT – проект машинного перевода) – продукт российской компании, разработчика систем машинного перевода для английского, немецкого, французского, испанского, итальянского, португальского и русского языков. Компания была основана в Санкт-Петербурге в 1991 году бывшими сотрудниками лаборатории инженерной лингвистики им. А. Герцена [2].

Мультитран – интернет-система, которая насчитывает 12 электронных словарей. Программа также создана в России.

ABBYY Lingvo – электронный словарь. Создан российской компанией ABBYY. Многоязычная версия охватывает 11 языков. В отличие от ПРОМТ-а, в ABBYY Lingvo нет функции полнотекстового перевода, но в программу включен обучающий модуль Lingvo Tutor и другие программы [1].

Компьютерный перевод, с одной стороны, облегчает работу переводчика-человека. Так, не надо смотреть в словаре незнакомые слова, что сберегает время и энергию, но с другой стороны, как уже было отмечено, машинный перевод нельзя считать окончательным, так как компьютерные программы допускают серьезные ошибки. Ведь даже профессиональный переводчик в процессе перевода для подбора нужного эквивалента обращается не к одному словарю. В поисках вариантов переводчик вновь и вновь обращается к единицам ИЯ (исходного языка) в оригинале, ищет в словаре их значения и одновременно пробует, нельзя ли использовать для их перевода один из вариантов, предлагаемый в двуязычном словаре. Иногда переводчик обнаруживает, что имеющийся в словаре перевод можно непосредственно использовать для перевода данного текста, т. е. задача сводится к правильному выбору словарного соответствия. Однако чаще всего переводчик не находит в словаре такого варианта, который удовлетворяет условиям конкретного контекста. В этом случае он отыскивает нужную ему единицу ПЯ (принимающего языка), сопоставляя словарные варианты, определяя общий смысл переводимого слова и применяя его к условиям контекста. Компьютерные программы зачастую выдают только один вариант перевода слова, что приводит к неправильному переводу.

Мы рассмотрим некоторые ошибки, которые допускаются при машинном переводе. Большинство программ адекватно переводят простые части речи, но допускают ошибки в переводе падежей, прилагательных, речевых оборотов, неправильно отражают построение предложения. Кроме того, недостатком выполненного компьютером перевода является неточность перевода слов, имеющих несколько значений. Электронный переводчик справляется с переводом слов во множественном и

единственном числе, но имеется определенная трудность в переводе падежей и постановки глаголов в нужное число. Это объясняется различной интерпретацией падежей в том или ином языке.

Теперь несколько слов о проблемах машинного перевода в Грузии. Здесь, как и во всем мире, широко используется машинный перевод, однако до сих пор не создана электронная программа-переводчик, обеспечивающая перевод на грузинский язык и обратно. Чтобы перевести грузинский текст по компьютерной программе, сначала его нужно обычным путем (посредством «живого» переводчика) перевести на любой, известный программе язык. Это объясняется, в первую очередь, особой сложностью грамматики грузинского языка (например, грузинского глагола). Вообще, кавказские языки, подразделяющиеся на северокавказские и картвельские (в последнюю подгруппу и входит грузинский), являются одними из наиболее сложных в мире по всем лингвистическим параметрам. К этому добавляется своеобразие грузинского письма. Как известно, грузинский язык использует **оригинальное** написание, которое относится к тем редким письменам Земли, у которых нет аналогов. Известно, что оригинальными письменами пишут чуть более 4 % землян. Они проживают в 10 государствах: Южной Корее, Эфиопии и Эритрее, КНДР, Греции и Кипре, Израиле, Армении, Ирландии, на Мальдивах и Грузии. Эти страны занимают всего менее 2 % поверхности Земли. Исходя из этого, язык и письмо этих стран большей частью являются локальными и не выходят за грани того или иного этноса. Соответственно, очень низок финансовый интерес к подобным проектам.

Таким образом, создание грузинского электронного словаря, и в особенности соответствующего машинного алгоритма, который бы переводил грузинские тексты на другие языки с учетом всех требований, – очень сложная и трудоемкая работа, требующая, кроме ощутимой финансовой поддержки, особых знаний и целеустремленности. Научные исследования по данному направлению идут уже давно. В них принимают участие виднейшие грузинские ученые-лингвисты, математики и инженеры, пишутся диссертации, однако до сих пор не удалось получить ощутимого результата.

В этом отношении перевод индоевропейских языков, к которым относится большинство самых «используемых» в настоящее время в мире языков, осуществляется намного легче. Чем ближе стоят языки в группах, тем легче находятся алгоритмические соответствия между ними. Например, используется схожесть структур германских языков, славянских языков, романских языков и т. д. По мере удаления групп разница растет, но все-таки удается находить точки соприкосновения, тем более, что в современной западной цивилизации самым распространенным письмом является *латиница* (около 40 % населения земного шара). Ареал латиницы очень широк: Америка, Австралия, Африка, Западная Европа, Турция, Азербайджан, Узбекистан, Туркмения, Индонезия, Малайзия, Филиппины и Вьетнам. Также широко распространена *кириллица*, которой пользуются белорусский, болгарский, македонский, русский, сербский, украинский, черногорский языки.

Подводя итог, отметим преимущества и недостатки машинного перевода. С одной стороны, компьютер упрощает процесс перевода, т. е. переводческие программы облегчают труд переводчика, что является, наверное, самым важным моментом их функционирования. С другой стороны, машинный перевод обязательно требует редактирования, а программный перевод художественной литературы фактически невозможен. Для подбора более адекватных соответствий в перспективе можно предложить более глубокий эвристический анализ грамматического построения предложения, с улучшением качества перевода различных частей речи и

их граматических характеристик, а также исключить конфликт словарей при переводе специализированных текстов.

Основными достоинствами машинного перевода являются высокая скорость, низкая стоимость, доступ к услуге, конфиденциальность, универсальность, перевод информации в Интернете [3, с. 172–173]. Несмотря на то, что компьютер не понимает языковых нюансов и не может предложить «одухотворенный» текст, в его распоряжении находится словарь, он вполне удовлетворительно выполняет дословный перевод, нередко предлагая синонимичные ряды обозначения понятий. Именно благодаря машинному переводу появилась возможность просматривать в Интернете иностранные сайты.

Перспективы развития машинного перевода связаны с дальнейшей разработкой и углублением теории и практики перевода, строгие теории терминологизации лексики, теория и практика работы с подязыками помогут повысить качество перевода лексических единиц. Все вышесказанное будет вносить свой вклад в совершенствование и дальнейшее развитие теории и практики машинного перевода.

Библиографические ссылки

1. Система электронных словарей **Lingvo** для **DOC** и **Windows**. – М. : «БИТ», 1995.
2. Система перевода текста **Magic Goody** для **Windows**. – СПб. : «ПРОМТО», 1999.
3. **Чейшвили К. И.** Некоторые вопросы компьютерного перевода / К. И. Чейшвили // Научные труды II. Серия: Филология. – СПб.–Тбилиси, 2001. – С. 172–173.
4. **Швейцер А. Д.** Теория перевода : Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – С. 75.
5. **Машинный перевод.** – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org>
6. **Машинный перевод.** – Режим доступа : <http://www.krugosvet.ru>
7. **Письменности современного мира.** – Режим доступа : <http://www.rbardalzo.narod.ru>

Надійшла до редколегії 24.05.10

УДК 811.161.1'373.23

А. В. Ходоренко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПРОЛЕГОМЕНЫ К СОЗДАНИЮ ОБРАЗА В НАИМЕНОВАНИЯХ ГРУПП ЛИЦ (НГЛ) : РИТОРИКА И СТИЛИСТИКА

Розглянуто особливості інформаційно-навантаженого ефективного образу рекламного повідомлення, що втілено в найменуваннях груп осіб (НГО), а саме: передумови створення рекламного повідомлення у НГО; стилістичні та риторичні прийоми утворення НГО; асоціативні зв'язки при сприйнятті НГО у реципієнтів; філософські та загальнолюдські фактори, що впливають на когнітивні процеси відтворення та сприйняття екстралінгвістичної реальності.

Ключові слова: образ, стилістика, асоціативні зв'язки, когнітивні процеси, екстралінгвістична реальність.

Рассмотрены особенности информационно-нагруженного эффективного образа рекламного сообщения, воплощенного в наименованиях групп лиц (НГЛ), а именно: предпосылки создания рекламного сообщения в НГЛ; стилистические и риторические приёмы создания НГЛ; ассоциативные связи при восприятии НГЛ; философские и общечеловеческие факторы, влияющие на когнитивные процессы воспроизводства и восприятия экстралингвистической действительности.

Ключевые слова: образ, стилистика, ассоциативные связи, когнитивные процессы, экстралингвистическая реальность.

The article deals with some peculiarities of creating the informative message in the new onomastic unit – people groups' names (PGN). Some features of the cognitive processes while creating PGN are considered; stylistic and rhetoric devices are defined; associative ties while perceiving names are discussed; philosophical and humanistic points related to the new language units are taken into consideration.

Keywords: image, associative ties, cognitive processes, non-linguistic reality.

В современных исследованиях языка в целом и отдельных языковых явлений внимание ученых акцентируется на когниции, то есть на элементе познания действительности, что находит воплощение в языке и языковых образованиях. Материалом нашего исследования являются ономастические единицы – наименования групп людей (НГЛ). Материал НГЛ очень разнообразен, он охватывает эргонимы *ООО ДЕНТА+*, *ОАО ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ*, творческие коллективы *ВИАГРА*, *Чай вдвоем*, *95 квартал*, интернетовские группы людей *Выйти замуж не напасть Как бы замужем не пропасть*, *Любители Израиля* и др. Таким образом, в поле нашего исследования попадают наименования не только зарегистрированных (зафиксированных письменно) профессиональных, индустриальных либо рабочих сообществ, предприятий, банков, страховых компаний, агентств (эргонимов) *ООО Ульяновский автомобильный завод*, *ОАО Днепроблэнерго*, *ООО Альтернатива*, *АО Надра банк*, *АО УКрсоцбанк*, *ОАО ВА-БАНК*, но и творческих и спортивных объединений, команд КВН, клубов, танцевально-музыкальных групп и т. д. Примерами таких НГЛ могут служить названия коллектив *Чай вдвоем*, коллектив *Не пара*, шоу-группа *Пара нормальных*, *КВН 95 квартал* и др. Основной тезис исследования состоит в том, что вновь созданные антропонимы отражают когнитивные механизмы процесса индивидуального познания действительности и существуют на стыке лингвистики, лингвокультурологии, нейрологии, психологии, когнитивных наук, исследований рекламы и манипуляций общественным мнением.

В настоящей статье рассматриваются предпосылки к созданию информационно-нагруженного эффективного образа рекламного сообщения в НГЛ разных сфер деятельности. Своей целью мы ставим рассмотреть в общем виде предпосылки к созданию образа НГЛ при помощи риторических и стилистических приёмов; показать, с помощью каких средств создается рекламный «код» НГЛ (некое рекламное сообщение). Задачей данного этапа исследования является показать мультидисциплинарный характер НГЛ; на стыке каких наук продвигается исследование языкового образования НГЛ; проследить связь НГЛ и категорий когнитивистики (фрейма, концепта, прототипа); описать фигуры речи, воссоздающие мысленный образ в сознании номинаторов/реципиентов НГЛ и усиливающие смысл последнего; определить перспективы исследования.

Современная научная мысль характеризуется обращением к когнитивным наукам в поисках ответов на нерешенные проблемы речепорождения, мозговых процессов, памяти, – то есть проблемы восприятия и воспроизводства действительности. Описывая языковые формы и их внутренние семантические связи, нельзя не затронуть область когнитивных наук [14–20], концептологии [7–10], фреймового анализа [17]. Проблематике воссоздания образа человека в языке, воплощению концептуальных идей индивидуума в языковых формах, посвящены работы [2; 4; 13].

Язык рекламы, вызвавший в последнее время большой интерес лингвистов, психологов, исследователей смежных областей наук [1; 5; 6; 10; 11; 12; 14], использует такие ставшие употребительными тропы словесной коммуникации, как гипербола, метафора, метонимия, оксиморон, анафора, литота. Условный рекламный «код» НГЛ-образа (импликация рекламного сообщения, апеллирующего к категориям внешней внеязыковой действительности) на уровне тропов включает разнообразные средства выражения и усиления смысла. Троп может быть неожиданным, может обретать эстетическое значение или же он может быть попыткой воспроизведения словесной метафоры, иногда стертой в обращении, трудно уловимой или не всегда понятной. Можно приводить много примеров передачи классических тропов в НГЛ. Например, НГЛ *ООО Универсальная страховая компания* – явная гипербола; НГЛ *ОАО «Подольский цемент: Самые низкие цены»* – литота, которая используется в НГЛ нечасто, однако единичные примеры всё же встречаются. Литота НГЛ противоположна гиперболе, приуменьшает качества называемого предмета. В поле НГЛ встречается также прием метафорического переноса признака, ассоциации с одной области на предмет, прямо не связанный с этой областью. Например, название *АО фирменные торты Болгария* (Болгария, южная страна, с традиционными сладостями, кухней, экзотикой, и т. п.) воссоздает соответственные ассоциации при переносе значения на акционерное общество «Болгария». Кроме того, возможны случаи визуализации или буквального воплощения словесной метафоры в зрительном образе: например, призыв к большему доверию сопровождается изображением индекса «+» (как бы говорящий «мы делаем больше, чем другие, и лучше, чем другие») в таких НГЛ, как *ООО Натали+*, *ОАО Недвижимость+*.

Рассмотрим, в результате каких концептуальных преобразований формируется значение интенсивности НГЛ. Проведенные исследования показали, что значение интенсивности формируется в результате сокращения исходного фрейма – ментальной репрезентации до единичного слота. Например, в НГЛ *Амиго арт-клуб* номинатор воплощает цепь ассоциативных связей «дружба, приятельское отношение, тепло, нечто южное, манящее, как Испания, изысканное, как испанское искусство» в слоте «амиго».

Подобным образом формируется значение самых разных НГЛ (от промышленных сообществ до творческих коллективов и интернетовских групп); во всех НГЛ воссоздается внутренний образ, кодируется информация. Прибегая к терминологии когнитивных наук, можно сказать, что номинатор НГЛ при помощи ассоциативного фрейма «подобие» воплощает свои самые разнообразные концептуальные идеи («лучшее качество», «самые низкие цены», «красота» и т. п. и т. д.). Так, внутренняя форма НГЛ может быть представлена в виде исходного фрейма «подобие», который, в свою очередь, представлен идеей-концептом номинатора. Идея-концепт номинатора – это воплощенное сообщение, «посыл», информация, которую номинатор стремится «донести» до реципиента. Один из компонентов концепта «огонь», согласно теории прототипов А. Вежбицкой, указывает на то, что «огонь – это событие или процесс» [16, с. 124], другой компонент включает наши знания о том, что «все, что находится в этом процессе, превращается в пепел, т. е. сгорает и притом очень быстро» [16, с. 124]. Таким образом, значение НГЛ вообще формируется в результате сокращения исходного фрейма «подобие» с разными сценариями «дружба», «искусство» до его слота «действие» либо «предмет» «характеристика действия» либо «характеристика предмета».

Имятворчество по сути своей субъективно, и субъективность номинации в собственных именах отражает менталитет народа, особенности его мировосприятия в разные времена. Немаловажную роль в изучении ономастической семантики НГЛ

(эргонимов, собственных наименований деловых объединений людей, предприятий, фирм, обществ и других организаций), а также других наименований групп лиц (КВН, песенных коллективов, интернетовских групп, для которых в ономастике еще нет подходящих терминов) играют стилистические и риторические приемы. Проблемы риторики и стилистики освещены в работе [1, с. 12–15]. Фигуры речи, метафоры, выполняющие познавательную, интерпретирующую, номинативную функции, выражают взаимосвязь ассоциативно-абстрактного мышления с действительностью и глубину когнитивного мира человека. Образ, создаваемый в НГЛ, преломленный в языковых формах, фигурах речи, стремится быть узанным адресатом [3]. Для того чтобы «донести» до адресата сообщение, закодированное в НГЛ, создатели НГЛ употребляют риторические приемы, используя референтивную и эмотивную функции языка.

НГЛ «АО Принцесса+» представляет собой сообщение с референтивной функцией, индекс + выполняет эмотивную функцию. Сообщение, совмещающее референтивную и эмотивную функции с соответствующими коннотациями, навязывает образ напрямую и скрыто: «изумительный, притягательный, бесценный, потрясающий, заставляющий оборачиваться».

С точки зрения риторики такие НГЛ, как «ООО Престиж», «ООО Джоконда», «ЗАО Премьер», «ООО Оздоровительный центр класса люкс» и др., апеллируют к феномену жизненного успеха или же общего успеха в делах у женщин и мужчин. При этом произведение искусства (например, «Джоконда» Леонардо да Винчи) представляет собой особую ценность и обладание им является признаком успешности. Соответственно, тот, кто добивается успеха в сферах деятельности, обозначенной соответствующим НГЛ, достоин зависти и подражания.

Эстетическая функция сообщения НГЛ-эргонимов сведена к минимуму, использованы ходовые фигуры (например, эпитеты), однако референтивная функция максимально задействована, и все коннотации опираются на вполне однозначные денотаты (ООО Металлопласт, АО Стройпроект, ЗАО Спецсплав, ООО Пластиковые окна высокого качества, АО Программные системы).

Итак, НГЛ можно изучать как рекламное сообщение. Поскольку НГЛ представлен в виде некоего лингвистического кода, цель которого – запрограммировать клиентов на выбор услуг именно этой группы людей, то можно сделать выводы о том, что НГЛ – риторическое рекламное сообщение. Подтвердить заключение позволяют используемые в НГЛ слова с экспрессивной семантикой: *престиж, премьер, люкс*.

Отметим, что перспективой исследования является идентифицировать в поле НГЛ некоторые другие типы риторических сообщений, например: а) риторически информативное и идеологически избыточное; б) риторически избыточное и идеологически информативное; в) риторически и идеологически информативное. Скажем здесь, что для характеристики и идентификации вышеперечисленных сообщений в НГЛ мы привлекаем не столько коммерческие и творческие НГЛ, а большей частью наименования политических партий и союзов.

Информативность рекламного текста НГЛ напрямую зависит от переосмысления риторических приемов (за счет столкновения плана означающих и плана означаемых), что же касается идеологической составляющей, то она является частью общей идеологии общества потребления.

В поле фактического материала НГЛ мы усматриваем создание рекламного сообщения, с позитивной рекламной аргументацией. Но не подлежит сомнению, что сообщение, даже использующее привычный арсенал риторических (сюда в нашем случае входит набор стилистических приемов и использование индексов +, !!, различных эмотиконов), когнитивно-лингвистических средств (прототип, образ,

фреймовий сценарий воссоздаваемой действительности, который тяготеет к однозначно позитивной интерпретации), преобразует идеологические установки адресата: он перестает смотреть на товар или услуги как на status symbol. Сообщение предполагает смену кодов, с помощью которых оно интерпретируется. Оно провоцирует перестройку идеологических позиций, которые не могут не принимать иное риторическое обличье (например, gadget больше уже не значит «высокое качество», «удобство», «престиж», но все больше приобретает значение «пустая трата», «ненужная финтифлюшка»).

Таково сообщение НГЛ, которое, будучи избыточным с точки зрения риторики, является концептуальной идеей, внутренним образом номинатора НГЛ. Очевидно, что в НГЛ-эргонимах присутствует реклама продуктов той или иной группы лиц. Знакомство с такого рода рекламой в НГЛ предоставляет потребителю большое количество идей, а также опыт восприятия образных и словесных сообщений. В некотором смысле реклама НГЛ – воссозданная в имени идеология современного общества, призванная стимулировать потребление, – перестраивает систему жизненных ориентиров, стремясь оказывать давление над массами в угоду продуцентов того или иного НГЛ-рекламного сообщения.

Библиографические ссылки

1. **Аристотель.** Риторика / Аристотель // Античные риторика. – М. : ИФРАН, 1978. – 467 с.
2. **Арутюнова Н. Д.** Введение / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М. : Наука, 1999. – С. 5–23.
3. **Барабуля А. М.** Контекстуально-фреймова база реалізації конотації / А. М. Барабуля // Поліетнічне середовище: культура, політика, освіта. Наук. зап. Луганського нац. пед. ун-ту. – Вип. 5. – Т. 2. – Луганськ: Альма-матер, 2004. – С. 11–18.
4. **Гдовска Б.** Роль концептуального анализа в экспликации смыслового содержания эмоций / Б. Гдовска // Поліетнічне середовище: культура, політика, освіта. Наук. зап. Луганського нац. пед. ун-ту. – Вип. 5. – Т. 2. – Луганськ, 2004. – С. 82–91.
5. **Демьянков В. З.** Теория прототипов в семантике и прагматике языка / В. З. Демьянков // Структуры представления знаний в языке / отв. ред. Е. С. Кубрякова. – М. : ИНИОН РАН, 1994. – С. 32–86.
6. **Карасик В. И.** Язык социального статуса / В. И. Карасик – М. : Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.vspu.ru/~axiology/vikar.htm>
7. **Карасик В. И.** Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
8. **Краткий словарь когнитивных терминов** / Е. С. Кубрякова и др. – М.: Филол. факт-МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 468 с.
9. **Лакофф Дж.** Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 876 с.
10. **Лихачев Д. С.** Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев. – ИАН СЛЯ. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.
11. **Мельник Г. С.** Психологические эффекты СМИ / Г. С. Мельник // Реклама : внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход : уч. пособ. для ф-тов психологии, социологии, экономики и журналистики. – Самара, 2001.
12. **Мокшанцев Р. И.** Психология рекламы / Р. И. Мокшанцев. – Новосибирск : НГУ, 2003. – 189 с.
13. **Панов М. И.** Введение в риторику / М. И. Панов. – М. : Российский открытый ун-т, 1995. – 378 с.
14. **Филлмор Ч.** Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.10. Лингвистическая семантика. – М. : Прогресс,1988. – С. 176–231.
15. **Фрумкина Р. М.** Концепт, категория, прототип / Р. М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. – М. : Наука, 1992. – С. 31.

16. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – М. : Педагогика. – Т. 1. – 1986 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://flogiston.ru/library/hechauen3>
17. Fillmore C. J. Frame semantics / C.J. Fillmore // Linguistics in the morning calm : Selected papers from the SICOL, 1981. – Seoul, 1982. – P. 111–137.
18. Lakoff G. Linguistic gestalts / G. Lakoff // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. – Chicago, 1977. – V. 13. – P. 236–287.
19. Rosch E. Natural categories / E. Rosch // Cognitive psychology. – 1973. – V.4. – P. 328–350.
20. Rosch E. Human categorization / E. Rosch // Advances in cross-cultural psychology. – L., 1975. – P. 23–57.

Надійшла до редколегії 06.04.10

УДК 811.161.1'367.623

О. Н. Черкащенко

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ ОТСУБСТАНТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Проаналізовано можливість використання концептуального аналізу в дослідженні семантики відсубстантивних прикметників, розроблено процедуру аналізу семантичних множників похідних прикметників як словотвірних концептів.

Ключові слова: словотворення, відсубстантивні прикметники, концепт, концептуальний аналіз, семантичні множники.

Проанализирована возможность использования концептуального анализа в исследовании семантики отсубстантивных прилагательных, разработана процедура анализа семантических множителей производных прилагательных как словообразовательных концептов.

Ключевые слова: словообразование, отсубстантивные прилагательные, концепт, концептуальный анализ, семантические множители.

The possibility to use the conceptual analysis in studying substantive adjectives semantics is analyzed; the procedure of analyzing semantic facients of derived adjectives as word-formative concepts is worked out.

Key words: Word formation, substantive adjectives, concept, conceptual analysis, semantic facients.

Проблема семантики отсубстантивных имен прилагательных является одной из наиболее актуальных в современной лингвистике. Относительные прилагательные, включающие в качестве составляющей и отсубстантивные адъективы, менее изучены, чем качественные, так как им, как правило, приписывают признаки, проявляющиеся через отношения и связи, и таким образом, семантика данного разряда прилагательных сводится к значению отношения. Словообразовательные перифразы многих отсубстантивных прилагательных в толковых словарях современного русского языка представляют общие формулы «относящийся к ...», «прил. к ...», что составляет трудности в раскрытии значения прилагательного как коммуникативно-функциональной единицы языка. В других словарных статьях с целью семантической конкретизации используются выражения «предназначенный для ...», «характерный для ...», «приготовленный ...», «являющийся ...» и другие.

В настоящее время изучение семантики производных имен прилагательных связывается с включением их в действующую модель языка и определением места производного в словообразовательном стратуме. Структурно-семантические (мотивационно-словообразовательные) отношения между словами носят двойственный

характер: являясь результатом связи двух однокоренных слов, они характеризуются как индивидуальные отношения, при этом будучи свойственны ряду производных слов одной категории, они определяются как системные отношения.

Исследование семантики производных слов позволяет обнаружить глубокие системные связи между однокоренными словарными единицами, а следовательно, понять такие важные для речевой деятельности механизмы, как овладение словарем языка и создание новых средств номинаций. Анализ семантики производных слов позволяет вскрыть закономерности и правила, стоящие за образованием и функционированием значительной части словарного состава изучаемого языка.

Семантика производного слова, базирующаяся на словообразовательном значении, включает также лексическое значение, возникшее за счет семантических приращений, которые являются результатом отражения обозначаемого денотата в фреймовом пространстве. Эти семантические приращения не имеют специальных средств выражения и, следовательно, являются носителями недискретной лексической семантики.

В то же время значение производного слова представляет собой не совокупность отдельных статичных компонентов, а процесс соотнесения идентифицируемой словоформы с некоей совокупностью продуктов переработки индивидуального и социального предшествующего опыта.

Интерес представляет изучение специфики словообразовательного значения отсубстантивных относительных прилагательных, его обусловленности значением производящего имени существительного, а также приращений в семантической структуре производных прилагательных – области знаний, малоисследованной в плане когнитивной лингвистики, что и явилось *целью* настоящей работы.

Общепринятым является тот факт, что относительные прилагательные отличаются семантической зависимостью от мотивирующих их слов, высокой степенью их словообразовательной валентности. Выводимость значения производного прилагательного из значения производящего имени существительного не должна сводиться к элементарной ссылке на значение ограниченного ряда исходных знаков. Не вызывает сомнения необходимость выявления закономерностей семантических связей значений относительных прилагательных и их производящих, определение степени обусловленности словообразовательного значения значением производящей основы. Однако не в меньшей степени предметом интереса становятся фразеологические приращения в семантической структуре производных имен прилагательных, выявляемые путем построения словообразовательных концептов.

Многие исследователи справедливо подчеркивают разнообразие признаков, которые передают относительные отсубстантивные прилагательные. Наряду с отношением к лицу, предмету, действию отсубстантивные прилагательные фиксируют отношение ко времени, месту, материалу, орудью, форме, национальности и т. п. Возникает необходимость систематизировать и обобщить значения производных прилагательных с помощью концептуального анализа композиционной семантики производных адъективов, включающих, помимо словообразовательного значения, элементы лексической семантики, отличающиеся разной степенью обязательности и регулярности: производное слово – комплексный знак, что и ставит вопрос о необходимости исследования его с позиций композиционной семантики. Производные слова составляют значительную часть русского языка и являются более информативными по сравнению с производящими «по той простой причине, что они позволяют увидеть..., как была воспринята определенная реальность в мире «как он есть» – через отсылки к каким (исходным, мотивирующим) сущностям (объектам, действиям, качествам и т. д.) они были осмыслены и затем поименованы» [3, с. 6].

Основываясь на когнитивной теории словообразования, методика композиционной словообразовательной семантики предполагает:

- 1) выявление словообразовательного значения производного адъектива;
- 2) определение лексических компонентов значения в отсубстантивном прилагательном;
- 3) нахождение семантических множителей прилагательных;
- 4) выделение и классификация разных типов семантической соотнесенности отсубстантивного прилагательного и производящего существительного;
- 5) выявление особенностей концептуальных связей.

Говоря о проблемах словообразования в рамках когнитивного подхода, Т. И. Вендина подчеркивает, что словообразование «открывает возможности для концептуальной интерпретации действительности», поскольку оно позволяет понять, какие именно стороны внеязыковой действительности словообразовательно маркируются, каким образом происходит процесс маркировки и почему они удерживаются сознанием [1, с. 9].

Центральное место в когнитивной теории занимает понятие концепта, главным свойством которого считается неизолированность, связанность с другими концептами. Взаимосвязанные концепты образуют структуру, которую по значению и свойствам возможно соотнести с понятием фрейма.

«Привязка ... к ситуациям типичного функционирования делает семантическое поле языка единым, потому что описания и предметной лексики, и лексики предикатной «замыкается» на одних и тех же ситуациях (фреймах). Особого значения в этой связи заслуживают прилагательные – их связь с ситуацией функционирования не так очевидна» [4, с. 7].

Как известно, концептуальный анализ – направление когнитивной лингвистики, которое изучает пути и способы формирования языкового значения. Исследование относительных прилагательных в данном аспекте предполагает рассмотрение их в рамках фреймового пространства, в основе которого лежит исследование структур представления знаний, моделируемых как пропозиции (фреймы, сценарии, скрипты). Данный подход позволяет не только обнаружить и детально рассмотреть скрытые семы прилагательных, а также распределить сферы влияния данных сем и закрепить их за определенным типом производных.

Структуру словообразовательного концепта относительного отсубстантивно-прилагательного можно представить следующим образом:

- 1) пропозициональная модель (атрибут / актант – предикат – адвербум);
- 2) денотативное пространство производящего существительного;
- 3) фреймовое пространство производящего и производного, включающее тип ситуации и аспект ее представления в реализации словообразовательной модели;
- 4) типовые отношения между производящим и производным;
- 5) процессы идиоматизации (приращений) в семантической структуре производного адъектива.

Иными словами, словообразовательный концепт представляет собой концептуальное отражение фреймового пространства производящей основы в производном слове, концептуальную характеристику форманта и характер семантических отношений между производящей основой и формантом.

Возможность применения в изучении отсубстантивных прилагательных концептуального анализа семантических множителей (соотношение семантических множителей производящего существительного и производного прилагательного) демонстрирует, в частности, пример прилагательного *северный*.

Лексическое значение производящего существительного *север* представлен в словаре двумя вариантами: 1. Одна из четырех сторон света, противоположная югу.

// Направления, сторона, противоположные южному. // *чего*. Местность, часть страны, государства, материка, расположенная в этом направлении. 2. (с прописной буквы) Территория, расположенная в зоне холодного климата по самой оконечности материков Европы и Азии, а также прилегающая к ней полярная область земного шара; Арктика. // Местность, расположенная в полосе холодного и умеренно-холодного климата [5, с. 67].

Описание значения существительного *север*, данное в Словаре сочетаемости, совпадает с тем, которое представлено в Словаре русского языка, с той лишь разницей, что значение «территория, расположенная в этом направлении, северная часть чего-л.» выделяется как отдельное омонимическое значение.

Концепт *север*, как правило, связывается в сознании носителя языка с частью света либо территорией, расположенной в определенном направлении, причем характерной чертой данного понятия является холод, что, в принципе, и отражено в словарной дефиниции данного существительного. Подобное описание производящего позволяет выделить следующие фреймы в семантической структуре существительного *север*: 1. «сторона света», «направление»; 2. «территория», «место», «часть»; 3. «местность»; 4. «холодная местность».

Значение производного *северный* представлено семантическими компонентами, отличными от композиционной семантики производящего существительного. Рассмотрим лексическое значение прилагательного *северный*: 1. Находящийся на севере, лежащий к северу от чего-либо. *Северный полюс. Северное полушарие. Северное направление.* // Дуящий с севера (о ветре). *Северный ветер.* // Свойственный северу, характерный для севера (во 2 знач.). *Северное лето.* 2. прил. к Север. *Северные народы* [5].

Словарь сочетаемости слов русского языка дает следующее описание прилагательного *северный*: 1. такой, который находится на севере, лежит к северу от чего-л., идет с севера: ~ *сторона; направление; полушарие; половина; берег / побережье; граница; окраина; часть страны; порт; ветер; течение; стена; трибуна; группировка (войск)*; 2. характерный для севера, свойственный северу: ~ *климат; небо; ночь; морозы; природа; растительность; пейзаж*; 3. такой, который относится к жителям севера или к-л. области чего-л., лежащей в этом направлении: свойственный им по виду, быту, характеру, культуре и т. п.: ~ *темперамент / характер; сдержанность / уравновешенность; диалект; говор / акцент / выговор / произношение* [2].

Синтагматические связи позволяют определить следующие его значения: 1) расположенный в данной стороне света – ‘признак по отношению к месту’; 2) являющийся частью, расположенной в данном направлении – ‘признак принадлежности’; 3) характерный для данной местности – ‘признак по сходству’; 4) свойственный жителю данной местности – ‘признак по свойству носителя’.

В словосочетаниях *северный полюс / полушарие / направление, берег / граница, окраина, порт, стена* и т. п. определенно прослеживается наследование производным значения места и все словосочетания могут быть определены препозицией «находиться – на – север». Рассматривая данные значения с точки зрения композиционной семантики, можно заметить, что семантика относительного прилагательного в словосочетаниях *северная сторона, северное направление, северное полушарие* определяется общим компонентом «сторона света», тогда как в словосочетаниях *северный берег, северная граница, северная окраина / порт / часть страны* и т. п. семантическую основу производного составляет общий компонент «часть». Кроме того, элемент ‘холодный’ не является обязательным в значении прилагательного *северный* в словосочетаниях второй группы, ведь, например, *северный берег* или *северная граница* чего-либо не обязательно значит ‘холодный берег / хо-

лодная граница». Интересны в этом отношении словосочетания *северный ветер / северное течение*, поскольку словарное описание определяет их как такой, который «идет с севера». При этом, в отличие от других словосочетаний данной группы, к признаку по отношению к месту / направлению добавляется сема 'холодный'.

Что касается третьей группы словосочетаний с прилагательным *северный*, следует отметить, что в словосочетаниях *северный климат / небо / ночь / морозы / природа / лето / растительность / пейзаж*, значение производного прилагательного *северный* определяется отношением сходства – «такой, как на севере». Однако семантика производящего «наследуется» производным неодинаково. Так, в словосочетаниях *северный климат / небо / ночь / морозы* определяющим является элемент 'холодный', который входит в семантическую структуру существительного север. Однако *северный* никак не соотносится с этой семой в словосочетаниях *северная природа / лето / растительность / пейзаж* – основным здесь является значение 'скудный', которое не проявляется в семантике производящего, а значит, может рассматриваться как семантическое приращение.

В словосочетаниях *северный темперамент / характер / сдержанность / уравновешенность* значение относительного прилагательного определяется по признаку сходства. *Северный диалект / говор / акцент / выговор / произношение* указывают на значение *северный* по признаку свойства. При этом и «сходство» как денотат, и «значение» определяются не концептом *местность, сторона*, а концептом *человек*.

Подобные отношения наблюдаются при анализе прилагательных *южный, восточный, западный*. Общность признаков, являющихся показателем процесса исследования относительных прилагательных в направлении типизации, ставит вопрос о наделении семантических приращений относительных прилагательных *северный, южный, восточный, западный* словообразовательным статусом.

Таким образом, применение концептуального анализа в исследовании семантики относительных отсубстантивных прилагательных позволит выявить и определить мотивационные отношения между производным и производящим, определить степень зависимости словообразовательного значения прилагательного от лексического значения производящей основы, описать процессы приращений в семантической структуре производного прилагательного с точки зрения их обязательности и регулярности.

Библиографические ссылки

1. **Вендина Т. И.** Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. – М. : Изд-во «Индрик», 1998. – 240 с.
2. **Денисов П. Н.** Словарь сочетаемости слов русского языка / П. Н. Денисов, В. В. Морковкин. – М. : Рус. яз., 1983. – 688 с.
3. **Кубрякова Е. С.** Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие / Е. С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2006. – Т. 65. – № 2. – С. 3–13.
4. **Рахилина Е. В.** О тенденциях в развитии когнитивной семантики / Е. В. Рахилина // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2000. – Т. 59. – № 3. – С. 3–15.
5. **Словарь русского языка** : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Т. 4, С–Я. – М. : Рус. яз., 1984. – 792 с.

Надійшла до редколегії 01.06.10

УДК 811.161.1

И. А. Шашков

Международный научно-технический университет имени академика Ю. Бугая (г. Киев)

СУГГЕСТИВНОЕ РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК МАНИПУЛЯТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ВИРТУАЛЬНОГО РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА

Досліджено ряд лінгвосугестивних засобів, що застосовуються в комунікативній практиці релігійних інтернет-ресурсів з метою здійснення глобального маніпулятивного впливу на співтовариство мережі.

Ключові слова: маніпулятивний вплив, сугестивні засоби, суггестор, мовленнєві стратегії, мовленнєві тактики, сугестивна лінгвістика.

Исследован ряд лингвосуггестивных средств, которые используются в коммуникативной практике религиозных интернет-ресурсов с целью осуществления глобального манипулятивного влияния на сетевое сообщество.

Ключевые слова: манипулятивное воздействие, суггестивные средства, суггестор, речевые стратегии, речевые тактики, суггестивная лингвистика.

In the article the author researches suggestive language means which are used in communicative practice of religious Internet resources for the purpose of exercising global manipulative influence on the network society.

Key words: manipulative influence, suggestive means, suggestor, suggestent, language strategies, language tactics, suggestive linguistics.

Коммуникативные стратегии и техники современного общества определяют эффективность информационного обмена и его манипулятивным потенциалом. Социальные сети – новый коммуникативный феномен, к исследованию которого все чаще обращаются лингвисты. Этот интерес вызван несколькими причинами: во-первых, наука XXI века антропоцентрична и развитие современного человека невозможно представить без использования информационно-коммуникативных технологий; во-вторых, виртуальная реальность все более становится комфортным коммуникативным пространством; в-третьих, глобальные информационные потоки делают возможным тотальное манипулирование языковым сознанием наций; в-четвертых, лингвистические средства манипуляции в Интернете – основной манипулятивный потенциал, поскольку единственная представленность человека в Сети – его речевые действия.

Актуальность исследования объясняется недостаточным развитием теоретико-практической базы лингвистики по проблемам речевого манипулирования сознанием и суггестивного воздействия на разнообразных религиозных интернет-сайтах. Интернет, как основной источник информации и объект внимания пользователей, не остается без внимания со стороны официальной церкви и многочисленных конфессий. Так, например, Папа Бенедикт XVI, несмотря на свой преклонный возраст и консерватизм, известен как поклонник и популяризатор Интернета. «Бенедикт XVI, в отличие от своего предшественника, пользуется электронной почтой. Он уже неоднократно обращался ко всем католикам и к священникам в частности с призывом активнее пользоваться интернетом для популяризации церкви и для проповеди Евангелия» [<http://news.rambler.ru/Russia/world/5080793/>].

Интерактивный характер интернет-коммуникации определяет его манипулятивный потенциал. «Всемирная паутина является экзаменом для человечества, поскольку это не только лаборатория формирования личности, но она также не-

сет в себе огромную опасность разрушения <...> «Как ядерная бомба, он (Интернет) может либо привести человеческую цивилизацию к коллапсу, либо оградить» [<http://ru.tsn.ua/svit/patriarh-kirill-sravnil-internet-s-yadernoi-bomboi.html>].

Цель нашего исследования заключается в систематизации ряда основных суггестивных тактик и стратегий, реализуемых в религиозном интернет-дискурсе. **Задачи** статьи предполагают определение лингвокультурологических условий, необходимых для успешной реализации суггестивных технологий; прогнозирование возможных последствий суггестивного воздействия на участника виртуального общения.

Основываясь на исследованиях Л.Ф. Компанцевой, М.Р. Желтухиной, И.Ю. Черепановой, М.П. Ахиджаковой, М. Евдокимовной, под термином *суггестивная лингвистика* мы понимаем набор языковых шаблонов, клише, текстовых сценариев, приемов, предназначенных для оказания воздействия на подсознание человека. «Суггестивность (лат. *Suggestion* – внушение) понимается как процесс воздействия на психику адресата, на его чувства, волю, разум, связанный со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации» [3, с. 21]. Процесс взаимодействия между суггестором и суггестентом осуществляется посредством 1) вербальной коммуникации (устный и письменно-печатный вариант), например, с помощью убеждения (доказывания, аргументация), ложного информирования, рассказа (как примера жизненного опыта, ситуации, результата), внушения, побуждения (повеление, призыв, принуждение, уговаривание) и 2) невербальной коммуникации (знаки, жесты, компьютерная символика). Целью коммуникации является информационный обмен, что предполагает «передачу различных видов смысла (денотативного, коннотативного, прагматического и т. д.), побуждающего адресата к определенному «ответному действию» [5, с. 34–35]. Под *суггестивными стратегиями речевого общения* мы понимаем оптимально выбранные суггестивные технологии, наиболее эффективно реализованные в определенном дискурсе (в нашем случае – религиозном). «Стратегия речевого общения – оптимальная реализация интенций говорящего относительно достижения конкретной цели общения, т.е. контроль и выбор эффективных ходов общения и гибких их видоизменений в конкретной ситуации» [2, с. 118].

Суггестор – участник процесса коммуникации, оказывающий воздействие на другую личность, обычно бывает коммуникативно компетентен и харизматичен. По мнению Ф. С. Бацевича, «коммуникативная компетенция – совокупность знаний об общении в разнообразных условиях с разными коммуникантами, знание вербальных и невербальных средств интеракции, умений их эффективного использования в конкретном процессе общения <...>» [2, с. 124].

Ф. С. Бацевич называет ряд составляющих стратегии общения в Интернете: коммуникативная компетенция (коррекция текущего процесса общения с намерениями говорящего и конечным результатом), учет психологических особенностей посетителя вебсайта, учет социальных ролей, потребностей посетителей сайта «умение преодолевать психологические фильтры» [2, с. 125], создание необходимых стилистически оформленных сообщений (текстов). Коммуникативная стратегия формируется по следующему принципу: иллюкутивная нагрузка → коммуникативная цель (результат, на который направлен речевой акт) → коммуникативная интенция → коммуникативная стратегия (действия на определенном этапе коммуникативного взаимодействия) [2, с. 120].

К коммуникативно суггестивным стратегиям мы относим и явление прецедентности. «*Прецедентный текст* – текст, основными признаками которого является особое значение для отдельных личностей и для значительного количества людей, а также многократное обращение к нему в дискурсе данных личностей» [2,

с. 151]. Религиозный дискурс, по мнению Ф. С. Бацевича, характеризуется следующими признаками:

- прецедентной особенностью и важным значением в жизни человека;
- высоким уровнем формально-смысловой организации («Этим обусловлены повторы разных видов, а также анаграммы, аллитерации, метафоричность, символизм», «тайнство», смысловая непрозрачность);
- особенностью жанровой типологии религиозной коммуникации (например, *Откровения Господа, Пожелания, Просьбы, Божьи Заповеди, Святое Писание*) [2, с. 144].

Мы считаем возможным дополнить данный список еще рядом параметров:

- использование суггестивных клишированных форм;
- наличие виртуального «транслятора» идей, например, наставника, священника, пастора или другого представителя церкви;
- феномен «патогенности», который при обязательном наличии валентностей суггестора и суггестента (агрессора / жертвы, манипулятора / манипулируемого, адресанта / адресата) влияет на снижение морально-психологического уровня и уровня самооценки участников общения;
- формирование текстовых сценариев религиозного дискурса, рассчитанных как на индивидуальное, так и на массовое восприятие.

В исследовании проблем суггестивных технологий на материале текстов религиозных интернет-сайтов особое значение приобретает явление перлокуции (побуждение у адресата необходимой реакции, соответствующей намерению говорящего), процесс развития доминантного сценария, достижение необходимого результата и, как возможный результат – феномен патогенности (негативное воздействие, патология, нездоровое состояние) участника виртуального общения. Исследователи манипулятивных речевых стратегий предлагают выделять доминантные сценарии «Д-сценарии», задача которых спровоцировать с помощью вербальных и невербальных средств коммуникации требуемую реакцию адресата. А. А. Котов выделяет два варианта начальной признаковой модели Д-сценариев, которые мы представляем в таблице, приведенной ниже [4].

1-я группа	2-я группа
«Д-сценарии этой группы распознают в смысле текста ситуацию», когда Адресант активизирует беспокойство, озабоченность, озабоченность, тревогу адресата и «угрожает» его интересам, мировосприятию. «Начальная модель Д-сценариев имеет валентности «агрессора» (AGGR) и жертвы (VICT)» [4, с. 5]	Данная группа Д-сценариев активизируется сообщениями о действиях AGGR, находящегося в некотором близком отношении с лицом, испытывающим воздействие

Следует учесть, что «эмоциональное» или «рациональное» восприятие одного и того же высказывания адресатами зависит от их индивидуальных психологических особенностей. «Д-сценарии активизируются при анализе текста в случае, если: (а) адресат предрасположен к активизации Д-сценариев или (б) текст опознан как средство воздействия и не перехвачен механизмом рационального анализа», «при речевом воздействии основная задача адресанта – транслировать воздействующий смысл, направленный против определенного лица» [4, с. 5].

Среди суггестивных языковых средств, используемых на религиозных сайтах, считаем возможным выделить следующие:

- **обобщения**, что предполагает использование лексем *все, никогда, каждый*, модальных операторов возможности и необходимости (*следует, должен, обязан*,

можем, не могу, возможно). Например: «Богу все возможно!», «Мы верим, что все церкви, миссии и другие христианские организации должны объединить усилия в деле молитвы, евангелизации и в общественной деятельности, не противодействуя друг другу. Мы утверждаем, что обязаны зримо являть Божью любовь заботой о страдающих и обездоленных» [сайт Христианской церкви полного Евангелия «Знамя Христа» – http://bannerofchrist.com.ua/viewpage.php?page_id=1];

• **умалчивание информации, деперсонализация.** Например: «Но в то самое время, когда Бог прощает тебе грех, когда полностью снимает с тебя вину – кто-то вопиет, ты чей-то должник. Оказывается, ты кого-то обворовал. И пришел в церковь, чтобы это воровство как-нибудь здесь загладилось. Здесь его как-нибудь можно загладить, а там плата вопиющего наемника взывает к справедливости. Бедный вопиет, вдова вопиет, ограбленный вопиет, кошелек ты утащил у кого-то. Что же делать?» [сайт церкви «Новая Жизнь». – http://www.newlife.by/sermons_full.php];

• **повествование некоей истории, события,** которые согласно структуре текстового сценария можно подразделить на: 1) «загадочно-сакральное» происшествие, событие, рассказ о некоем загадочном явлении, о некоем герое, где решение проблемы зачастую происходит по наставлению Бога или посредника между Богом и героем. «И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать» [сайт церкви евангельских христиан «Ковчег». – <http://www.xristmos.ru/>]; «В этот день сошествия Святого Духа церковь Христова обрела силу проповедовать Благовест до края земли! Мы должны нести эту весть людям, чтобы свет Христовой любви мог коснуться жизни каждого человека» [сайт Независимой Христианской Церкви «Источник Жизни». – <http://sourceoflife.ru/>]; 2) рассказ-повествование от человека-современника, который претерпел страдания и потом нашел спасение». «Я полностью исцелился благодаря Господу нашему, Иисусу Христу. Прошел полный курс реабилитации – 6 месяцев. За это время в моей жизни многое изменилось. Восстановилась семья. Жена раньше курила и немного выпивала по праздникам, но когда пришла в церковь "Источник Жизни" и приняла Иисуса Христа своим Господом и Спасителем – перестала курить и выпивать. В общем, началась новая жизнь в Иисусе Христе. Теперь моя семья спасена от всех болезней и зависимостей. Слава Господу нашему и Спасителю Иисусу Христу» [сайт Независимой Христианской Церкви «Источник Жизни». – <http://sourceoflife.ru/index.php>]; «Вообще, с того момента, как я обратился к Богу, моя жизнь стала совершенно другой. Бог просто спас меня, не допустив моей гибели. Теперь я совсем другой человек, моя жизнь интересна и насыщена. То, что сделал для меня Господь, можно назвать настоящим чудом. Самое главное, теперь я знаю, что вся моя жизнь еще впереди и Господь приготовил для меня много хорошего» [сайт Независимой Христианской Церкви «Источник Жизни». – <http://sourceoflife.ru/index.php>];

• **рассказ, история о мученике, в роли которого выступает часто** представитель церкви, пастор. «Неожиданная неприятность – лютеранская церковь, в стенах которой вели служение пятидесятники, закрыла для них свои двери – стала своего рода испытанием для Алексея и его единомышленников. Он продолжал служение, стоя на ступенях лютеранского храма и делал это в жару и холод, в дождь и в морозы. Людей в это трудное время, как никогда, сплотил дух веры» [сайт церкви «Новое поколение». – <http://www.ng.lv/rus/cerkov/istoria>];

• **коммуникативный парадокс, формирующий контраст с обыденностью,** иногда с негативной коннотацией. «Что ты видишь, когда смотришь на забро-

иенный полуразрушенный коровник? Я вижу церковь. Присутствие Божье. Вижу людей, которые вместе прославляют Бога. Вижу детей и молодежь, которые бегут в Дом Божий, чтобы быть с Ним» [сайт Христианской церкви полного Евангелия «Знамя Христа». – <http://bannerofchrist.com.ua/news.php>];

- **акцентирование концептов** универсальность, любовь, забота, защита, помощь, чудо, **наполнение их новым смыслом**. «Иисус спасает, исцеляет и освобождает» [сайт Таллиннской Христианско-Евангельской Городской Церкви. – <http://www.citychurch.ee/Rusindex.htm>]; «Бог начал могущественное движение в Казахстане, которое распространяется на многие страны мира. Влияние, которое Бог дал служению БЦНЖ невероятное», «Бог хочет помогать тебе при всех обстоятельствах. Нет ни одной ситуации, в которой Он не мог бы помочь тебе, совершив любое чудо» [сайт Библейского Центра «Новая Жизнь» (БЦНЖ). – <http://www.newlife.kz/?unit>];

- **«присвоение» логичного суждения посредником** (автором речевого сообщения), акцентуация им своей уникальной задачи и миссии на Земле. «Мы верим в то, что наш народ, который долгое время не знал Бога, восстановит прежние близкие отношения со своим Создателем. Наша цель – это донести до каждого жителя Инты спасительное Слово Господа нашего Иисуса Христа. Бог дал нам "великое поручение" <...>») [сайт церкви «Новая Жизнь». – <http://www.inchurch.ucoz.ru/>];

- **создание суггестивных сенсорно-активных текстов и изображений, использование паралингвальных средств** (компьютерных символов, графики, цветовых сочетаний, цветные иллюстрации на религиозных сайтах – светлый фон (белый, голубой, розовый));

- **наличие условных имплицативных высказываний** по типу «антецедент – консеквент» [7, с.422]. «Ты можешь быть частью Тела Христова, его активной частью, если принимаешь откровение об Иисусе и присоединишь себя к Его ученикам» [сайт Таллиннской Христианско-Евангельской Городской Церкви. – <http://www.citychurch.ee/cerkov.htm>]; «Если кто-то с вами поступает неправильно, вы поступайте правильно – ЛЮБИТЕ его. Если мы будем любить Христа, то будем любить и тех, кто гибнет без Него», «Если мы во всем полагаемся на Христа, мы можем вынести все» [Христианская церковь полного Евангелия «Знамя Христа». – <http://bannerofchrist.com.ua/readarticle.php?article>].

Выводы. Проведенный нами анализ некоторых религиозных интернет-ресурсов позволяет сделать вывод об использовании суггестивных лингвистических средств для манипуляции языковым сознанием сетевых сообществ. Полилогичность сетевой коммуникации используется суггестором в манипулятивных целях: религиозный дискурс формируется таким образом, что ответная реакция адресатов запрограммирована в нем изначально. Наличие в текстовых сценариях определенных суггестивных тактик (обобщение, умалчивание информации, истории о чудесах, контрастная коммуникация), акцентирующих концепты сакральности, необычности, таинства, создает их коммуникативную привлекательность. Особый интерес для дальнейших исследований представляют суггестивные возможности различных языковых уровней – фонетики, морфологии, синтаксиса.

Библиографические ссылки

1. Ахиджакова М. П. Лингвистические суггестивные средства как один из способов воздействия на массовую аудиторию / М. П. Ахиджакова, И. Евдокимова. – Режим доступа: http://window.edu.ru/window_catalog/files/r60798/lang_1.pdf.
2. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. – К.; Львів : Академ-видав, 2004. – 250 с.

3. **Желтухина М. Р.** Масс-медиаальная коммуникация : языковое сознание – воздействие – суггестивность / М. Р. Желтухина // Язык, сознание, коммуникация. – М. : МАКС Пресс, 2003. – Вып. 24. – 144 с. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_24.pdf.
4. **Котов А. А.** Инвентарь Д-сценариев / А. А. Котов. – Режим доступа: <http://www.harpia.ru/docs/d-scripts-mid-011.pdf>.
5. **Селиванова Е. А.** Основы лингвистической теории текста и коммуникации : монограф. учеб. пособие / Е. А. Селиванова. – К. : Брама, 2004. – 336 с.
6. **Селіванова О. О.** Сучасна лінгвістика : напрями та проблеми : підруч. / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2008. – 712 с.
7. **Селіванова О. О.** Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.
8. **Суггестивна лабораторія.** – Режим доступа: <http://www.alpha.perm.ru /inform/peoples/cherepanova.shtml>.
9. **Суггестивна лінгвістика.** – Режим доступа: <http://suglin.ru/suggestivnaya-lingvistika>.
10. **Шелестюк О. В.** Текстові категорії аргументативності, суггестивності та імперативності як відображення способів мовного впливу / О. В. Шелестюк. – Режим доступа: <http://www.lib.csu.ru/vch/131/028.pdf>.

Надійшла до редколегії 11.06.10

УДК 81'373.612.2

Ю. А. Шепель

Днепродзержинский государственный технический университет

СТАНОВЛЕНИЕ МЕТАФОРЫ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ

Проаналізовано шляхи становлення теорії метафори в когнітивній лінгвістиці. Метафора досліджена як складне багатопланове явище. Показані етапи її становлення в когнітології як способу пізнання, категоризації, концептуалізації, оцінки та пояснення світу, простежено підходи до аналізу метафори в сучасній метафорології.

Ключові слова: когнітологія, когнітивна лінгвістика, метафора, когнітивний поворот, когнітивна революція, мова, мислення, метафорична проєкція.

Проанализированы пути становления теории метафоры в когнитивной лингвистике. Метафора исследована как сложное многослойное явление. Показаны этапы ее становления в когнитологии как способа познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира, прослежены подходы к анализу метафоры в современной метафорологии.

Ключевые слова: когнитология, когнитивная лингвистика, метафора, когнитивный поворот, когнитивная революция, язык, мышление, метафорическая проекция.

In the article the ways of becoming of metaphor's theory are analysed in cognitive linguistics. A metaphor is investigated as a complex multi-layered phenomenon. The stages of its becoming are shown in cognitology as a method of cognition, categorizing, conceprualization, estimation and explanation of the world, going is traced near the analysis of metaphor in modern metaphorology.

Key words: cognition, cognitive linguistics, metaphor, cognitive turn, cognitive revolution, language, thought, metaphorical projection.

Начиная с 80-х годов XX столетия, в сфере исследовательского интереса гуманитарных наук оказались когнитивные структуры и механизмы оперирования этими структурами. Впоследствии этот процесс получил название *когнитивной революции* (cognitive revolution), *когнитивного поворота* (cognitnve turn), приведшего к возникновению когнитивной науки (когнитологии, когитологии), которая ставит своей целью исследовать как процессы восприятия, категоризации, классификации

и осмысления мира, так и системы репрезентации и хранения знаний. Когнитивная лингвистика явилась направлением, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм и когниция «в ее языковом отражении» [12, с. 10].

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловливается тем, что в современной когнитологии до сих пор метафора вызывает неиссякаемый интерес. И связано это, прежде всего, с тем, что центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума. Метафору в современной когнитивистике принято определять как *ментальную операцию* (которую некоторые лингвисты признают в качестве основной), как *способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира*.

В настоящей статье *объектом исследования* послужила когнитивная лингвистика. *Предметом анализа* стала теория метафоры, этапы ее становления в когнитологии как способа познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира.

Основная *задача* статьи заключается в рассмотрении этапов становления когнитивной метафоры в современных теориях когнитологии, в определении того, как и в каком направлении развивается теория когнитивной метафоры.

Основными предпосылками когнитивного подхода к исследованию метафоры стали положение о ее ментальном характере (*онтологический аспект*) и познавательном потенциале (*эпистемологический аспект*).

Метафора исследуется как сложное многослойное явление в когнитивном, коммуникативном, психологическом и других аспектах. Разработкой теории когнитивной метафоры занимались такие исследователи, как Р. Бойд, Т. С. Кун, П. Рикер, Э. МакКормак, в российской науке – Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, В. Г. Гак и другие. На феномен метафоричности мышления обращали внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, М. Бирдсли, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эриксон и другие исследователи (работы многих из них представлены в сборнике «Теория метафоры» [13]). Все рассмотренные исследования способствовали становлению когнитивного подхода к метафоре, но именно в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [10] была разработана теория, которая принесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании. Авторы постулировали, что метафора не ограничивается лишь сферой языка, что сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [10, с. 25]. Такой подход позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры. В более поздней работе «The Contemporary Theory of Metaphor» Дж. Лакофф строго разграничил метафорическое выражение и концептуальную метафору, подчеркивая, что «локус метафоры – в мысли, а не в языке» [14, с. 203].

Основной тезис теории когнитивной метафоры сводится к следующему: в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки знаний – фреймов (особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта) и сценариев (обобщенный опыт взаимодействия человека с миром). Основной характеристикой фрейма является «энциклопедичность», то есть совокупность в своей структуре различных знаний о референте, называемом именем концепта, но, в отличие от ассоциаций, эти «единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом» [9, с. 16].

В результате однонаправленной метафорической проекции (*metaphorical mapping*) из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур-«схем образов». Метафорическая проекция осуществляется не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между целыми структурами концептуальных доменов. Предположение о том, что при метафорической проекции в сфере-мишени частично сохраняется структура сферы-источника, получило название *гипотезы инвариантности* (*Invariance Hypothesis*) [25; 33]. Благодаря этому свойству становятся возможными метафорические следствия (*entailments*), которые в метафорическом выражении эксплицитно не выражены, но выводятся на основе фреймового знания. Таким образом, когнитивная топология сферы-источника в некоторой степени определяет способ осмысления сферы-мишени и может служить основой для принятия решений и действия.

Некоторая часть фреймов, безусловно, являются врожденными, так как естественно и неизбежно возникают в процессе познания мира каждым человеком. Другие фреймы усваиваются в момент обучения или приобретения опыта.

Представители когнитивной лингвистики считают, что метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – «источника» и «цели» [14; 26]. Области «источника» (более конкретное знание) не эквивалентны «цели» (менее конкретное, знакомое).

Однако это не означает, что все исследования движутся в одном русле.

Ф. А. Анкерсмит и Дж. Дж. Муйж выделяют четыре основных направления в изучении метафоры, определившие подходы к ней в этот период времени [17, с. 155].

Ведущим направлением считается *теория интеракции*, наиболее известным представителем которой стал американский логик М. Блэк. В основе этого направления лежит подход к метафоре как результату ассоциативного взаимодействия двух образных или понятийных систем – обозначаемого и образного средства. Проекция одной из двух систем на другую дает новый взгляд на объект и делает обозначаемое метафоры новым вербализованным понятием. Эта теория восходит к взглядам К. Бюлера и А. Ричардса [18, с. 45; 19, с. 21; 11, с. 58].

Второй подход, во многом противоположный первому, может быть назван «*асемантическим*», поскольку он отрицает не только когнитивные потенции метафоры, но и само понятие семантики метафоры, которая, с этой точки зрения, является или бессмыслицей, или подменой прямого значения в прагматических целях. Этот подход развивался Д. Дэвидсоном [20], позднее М. Бирдсли [см.: 2; 3; 8]. Так, в концепции метафоры М. Бирдсли перенос значения по аналогии замещен на логический абсурд. При раскрытии значения метафоры отказ от нахождения основной лексики слова происходит, главным образом, из-за логического абсурда. Роль метафорического переноса, по мнению М. Бирдсли, является в том, что с ее помощью преодолевается семантическое несоответствие, происходит сдвиг центрального значения слова в пользу маргинального. Д. Дэвидсон считает, что метафоры означают только то, что означают входящие в них слова, взятые в своем буквальном значении [20, с. 36]. По Н. Гудмену, напротив, метафора служит «отторжению» слова (фигуры речи) от буквального использования, перемещая его в новую предметную область [см.: 2; 3; 7].

Сторонники третьего подхода, основывающегося на воззрениях Ф. Ницше, полагают, что метафора является исторически первым и основным типом языкового

значения, поскольку сам язык с установленными значениями, с которыми должны были отныне считаться все члены сообщества, и был первой метафорой, из которой развились затем все другие типы языковых значений, в том числе и «индивидуальные» поэтические метафоры [см.: 2]. По его словам, знание – «не что иное, как работа с любимыми метафорами, подражание, которое не должно считаться больше подражанием» (Ф. Ницше).

Четвертый подход, который можно назвать *антропологическим*, ищет истоки языковой метафоры не в правилах логики, но особенностях человеческого сознания и мировосприятия, в закономерностях возникновения образов и понятий как в общечеловеческом плане, так и в отношении мировидения языкового коллектива. Философские основы такого подхода, который также активно развивается в 90-е годы, обнаруживаются в работах Дж. Вико, М. Осборна, В. фон Гумбольдта, Дж. Джонсона, М. Эриксона, Э. Кассирера, Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, Н. Ф. Алиференко. К данному направлению относятся работы П. Рикера и в значительной степени – Дж. Лакоффа и М. Джонсона [10; 24; 25].

В типологии американских исследователей концептуальные метафоры, разделяются на три основные группы: структурные, онтологические и ориентационные. В структурных метафорах когнитивная топология сферы-мишени является моделью для осмысления сферы-мишени (*ARGUMENT IS WAR*), онтологические метафоры категоризируют абстрактные сущности путем очерчивания их границ в пространстве (*MIND IS MACHINE*) или с помощью персонификации (*Inflation is eating up our profits*), ориентационные метафоры отражают оппозиции, в которых зафиксирован наш опыт пространственной ориентации в мире (*GOOD IS UP, BAD IS DOWN*).

Многообразии современных исследований по концептуальной метафоре свидетельствует не только о непрекращающемся, но и растущем интересе к теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона [10]. Утверждение о том, что концептуальные метафоры охватывают всю сферу человеческого опыта и обладают значимым когнитивным потенциалом, на сегодняшний момент подкрепляется многочисленными исследованиями концептуальной метафоры, охватывающими практически большинство сфер человеческой деятельности.

В настоящее время особую актуальность приобретает «теория концептуального слияния» (*conceptual blending*), теория блендинга или концептуальной интеграции, высказанная еще А. А. Ричардсом [11, с. 46], исследуется Дж. Фоконье и М. Тернером [35]. Представителями данного подхода являются Дж. Барнден, С. Ван Петтен, М. Тернер, Т. Оукли, С. Коулсон. Суть его заключается в том, что при возникновении метафоры происходит одновременная активация тех областей мозга (то есть, как минимум, двух), которые отвечают за наглядные и абстрактные образы [35]. Таким образом, понимание новой информации сводится, прежде всего, к попытке найти в памяти ситуацию, наиболее сходную с новой [1].

Когнитивный подход к метафоре в рамках этой теории создавался на основе синтеза теории ментальных пространств Ж. Фоконье и теории концептуальной метафоры, отдельные положения которой пересматривались [35 и др.].

Смена научных представлений об онтологическом статусе метафоры и ее гносеологическом потенциале легли в основу философского уровня когнитивного подхода к метафоре, однако при решении вопросов о процедурах обработки знаний и механизме метафоризации, способах репрезентации когнитивных структур и их системности мнения исследователей по-прежнему сильно расходятся.

На современном этапе можно выделить несколько взаимодействующих, дополняющих и развивающих друг друга подходов, которые, объединяясь по принципу «фамильного сходства», формируют сложный научный прототип когнитивного подхода к исследованию метафоры: классическая теория концептуальной метафоры [10;

24], теория концептуальной интеграции [33; 34; 35], теория первичных и сложных метафор [23], когерентная модель метафоры [32], модель концептуальной проекции [16; 21], коннективная теория метафорической интерпретации [27; 28; 29; 30; 31], дескрипторная теория метафоры [4; 5; 6], теория метафорического моделирования [14; 15] и др.

Несмотря на разнообразие подходов, исследователи до сих пор продолжают развивать и дополнять отдельные положения теории концептуальной метафоры. Так, подход к концептуальной метафоре в Люблинской этнолингвистической школе был проанализирован в известной работе Й. Цинкена [36; 37]. Продолжает подвергаться пересмотру тезис об однонаправленности метафорической проекции. По-прежнему большой интерес теория концептуальной метафоры вызывает у исследователей психолингвистического направления.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что когнитивный подход к анализу метафоры в настоящее время занял ведущее положение в современной метафорологии, но очень многие аспекты когнитивной теории по-прежнему остаются дискуссионными.

Библиографические ссылки

1. **Арутюнова Н. Д.** Метафора / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 296–297.
2. **Баранов А. Н.** Метафорические грани феномена коррупции / А. Н. Баранов // Общественные науки и современность. – 2004а. – № 2. – С. 70–79.
3. **Баранов А. Н.** Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем. – М. : Эдиториал УРСС, 2004б. – С. 3–20.
4. **Баранов А. Н.** Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга / А. Н. Баранов // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003. – С. 105–167.
5. **Баранов А. Н.** Русская политическая метафора : материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М., 1991. – С. 184–193.
6. **Баранов А. Н.** Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М., 1994. – 351 с.
7. **Болдырев Н. Н.** Когнитивная семантика : курс лекций по англ. филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 2001. – 123 с.
8. **Демьянков В. З.** Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
9. **Дейк Т. А. ван.** Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
10. **Лакофф Дж.** Метафоры, которыми мы живем ; пер. с англ. / под. ред. и с предисл. А. Н. Баранова. / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М., 2004. – 256 с.
11. **Ричардс А.** Философия риторики / А. Ричардс // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 44–67.
12. **Рудакова А. В.** Когнитология и когнитивная лингвистика / под. ред. И. А. Стернина / А. В. Рудакова. – Воронеж, 2002. – 69 с.
13. **Теория метафоры** : сб. ; пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М., 1990. – С. 172–193.
14. **Чудинов А. П.** Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 328 с. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>. – 2001.
15. **Чудинов А. П.** Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.
16. **Ahrens K.** When Love is Not Digested: Underlying Reasons for Source to Target Domain Pairings in the Contemporary Theory of Metaphor / K. Ahrens // Proceedings of the First

- Cognitive Linguistics Conference / Ed. Yuchau E. – Hsiao. : Cheng-Chi University, 2002. – P. 273–302.
17. **Ankersmit F. R.** Metaphor in political theory / F. R. Ankersmit // Knowledge and language. – Dordrecht etc., 1993. – Vol. 3. [Metaphor and knowledge]. – P. 155–202.
  18. **Black M.** Models and metaphors : Studies in lang. a. philosophy / M. Black. – Ithaca, 1962. – 267 p.
  19. **Black M.** More about metaphor / M. Black // Metaphor and thought. – Cambridge etc., 1979. – P. 19–45.
  20. **Davidson D.** What metaphors mean / D. Davidson // Crit. inquiry. – Chicago, 1987. – Vol 5. – P. 31–47.
  21. **Chung S.** «STOCK MARKETS AS OCEAN WATER: A Corpus-based, Comparative Study in Mandarin Chinese, English and Spanish / S. Chung, K. Ahrens, Y. Sung // Proceedings of the 17th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation (PACLIC). – Singapore, 2003. – P. 124–133.
  22. **Fauconnier G.** Conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive science. – 1998. – Vol. 22. – P. 133–187.
  23. **Grady J.** Primitive and compound metaphors / J. Grady, S. Taub, S. Morgan // Conceptual structure, discourse and language / Ed. A. Goldberg. – Stanford, CA : Center for the study of Language and Information, 1996. – P. 177–187.
  24. **Lakoff G.** The Contemporary Theory of Metaphor / G. Lakoff // Metaphor and Thought. / Ed. A. Ortony. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – P. 202–251.
  25. **Lakoff G.** The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemata? / G. Lakoff // Cognitive Linguistics. – 1990. – Vol. 1 (1). – P. 39–74.
  26. **Lakoff G.** Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago, 1980. – 242 p.
  27. **Paris R.** Kosovo and the Metaphor War / R. Paris // Political Science Quarterly. 2002. – Vol. 117. – № 3. – P. 423–450.
  28. **Ritchie D.** «ARGUMENT IS WAR» – Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors / D. Ritchie // Metaphor and Symbol. 2003a. – Vol. 18. – № 2. – P. 125–146.
  29. **Ritchie D.** Categories and Similarities: A Note on Circularity / D. Ritchie // Metaphor and Symbol. 2003b. – Vol. 18. – № 1. – P. 49–53.
  30. **Ritchie D.** Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation / D. Ritchie // Metaphor and Symbol. 2004a. – Vol. 19. – № 3. – P. 233–244.
  31. **Ritchie D.** Metaphors in Conversational Context : Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation / D. Ritchie // Metaphor and Symbol. 2004b. – Vol. 19. – № 4. – P. 265–287.
  32. **Spellman B.** Coherence Model of Cognitive Consistency: Dynamics of Attitude Change During The Persian Gulf War / B. Spellman, J. Ullman, K. A. Holyoak // Journal of Social Issues. 1993. – Vol. 49. – P. 147–165.
  33. **Turner M.** Aspects of the Invariance Hypothesis / M. Turner // Cognitive Linguistics. 1990. – Vol. 1 (2). – P. 247–255.
  34. **Turner M.** Conceptual Integration and Formal Expression / M. Turner, G. Fauconnier // Metaphor and Symbolic Activity. 1995. – Vol. 10. – № 3. – P. 183–204.
  35. **Turner M.** Metaphor, Metonymy, and Binding / M. Turner, G. Fauconnier // Metaphor and Metonymy at the Crossroads : A Cognitive Perspective / Ed. A. Barcelona. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 133–179.
  36. **Zinken J.** Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse / J. Zinken // Discourse and Society, 2003. – Vol. 14. – № 4. – P. 507–523.
  37. **Zinken J.** Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition. Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik / J. Zinken. – Bielefeld : Universität Bielefeld, 2002. – 257 p.

Надійшла до редколегії 26.04.10

УДК [811.161.2 + 811.162.4]’ 373.611

І. М. Шпілько

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ФЕМІНІТИВИ З ФОРМАНТОМ -КА В УКРАЇНСЬКІЙ І СЛОВАЦЬКІЙ МОВАХ

Досліджено назви осіб жіночого роду за професією та родом діяльності з формантом -ка (-ка) у споріднених слов'янських мовах – українській і словацькій. З'ясовано причини, які перешкоджають деривації фемінітивів в українській мові, та окреслено сфери функціонування цієї групи лексики у двох мовах.

Ключові слова: фемінітиви, агентиви, твірна основа, формант, деривація, функціональний стиль.

Исследованы названия лиц женского рода по профессии и роду деятельности с формантом -ка (-ка) в родственных языках – украинском и словацком. Установлены причины, которые препятствуют деривации феминитивов в украинском языке, и отмечены сферы функционирования этой группы лексики в двух языках.

Ключевые слова: феминитивы, агентивы, формант, производящая основа, деривация, функциональный стиль.

The female names according to gender and profession with formant -ка (-ka) are researched in two kindred languages – the Ukrainian and Slovak languages. The reasons preventing derivation of feminitives in the Ukrainian language are studied and spheres of functionality of this dictionary group in two languages are remarked.

Key words: feminitives, agentives, formant, generating basis, derivation, functional style.

Найдавнішими фемінітивами, започаткованими ще в праіндоєвропейській період і розвиненими на спільнослов'янському ґрунті, були назви спорідненості та свояцтва, найменування жінок за різними діями, функціями. Згодом вони поповнилися номінаціями осіб за їх соціальним станом та церковно-релігійними особливостями, а також за вчинками та поведінкою. Розвиток суспільних відносин, розширення галузей людської діяльності зумовлює збільшення кількості фемінітивів за рахунок найменувань осіб за їх професійною та соціально-політичною діяльністю. Суттєві зміни в соціальному статусі жінки та її утвердження в суто чоловічих сферах професійної діяльності, у бізнесі, політиці вимагають адекватного відображення жіночої професійної діяльності в мові шляхом створення відповідних найменувань.

У слов'янських мовах найменування осіб за їх професійною діяльністю репрезентовані іменниками не лише чоловічого, а й жіночого роду, що слугує розрізненню їх статевих ознак. Поява цих номінацій спричинена змінами в соціальному та суспільному статусі жінок, їх утвердженням у різних сферах професійної та громадсько-політичної діяльності. Утім, незважаючи на наявність сприятливих позалінгвальних чинників, продукування фемінітивів у споріднених слов'янських мовах не однакове. У пропонованій статті хочемо привернути увагу до особливостей номінації жінок за професією і родом діяльності, змін у номінативній, словотвірній системах, викликаних плином часу, у споріднених слов'янських мовах – українській і словацькій.

Українську та словацьку мови об'єднує не лише слов'янське генетичне коріння. Немало спільного і в їхній подальшій історії. Так само, як українська мова розвивалася свого часу в тісному контакті з російською мовою, словацька протягом тривалого історичного періоду була переплетена з чеською. Зовсім недавно ці дві мови – і українська, і словацька – унаслідок схожих позамовних чинників отримали

статус державних. Це молоді державні мови, які мають тотожний словотвірний потенціал, успадкований з праслов'янської мови, але не завжди однаково його реалізують у процесі деривації агентивів жіночого роду.

Дослідження групи іменників із значенням особи-діяча не нове в мовознавстві. Структурно-семантичні особливості, способи творення, а також історія формування фемінітивів в українській і словацькій мовах були предметом неодноразової уваги таких учених, як І. Ковалик, І. Фекета, С. Семенюк, М. Брус, Я. Горецький, В. Бланар, Л. Двонч. Однак актуальним сьогодні залишається питання компаративного аналізу фемінітивів у споріднених слов'янських мовах.

Номінації осіб жіночої статі становлять окрему систему іменникових лексем, яким характерні специфічні дериваційні й лексико-семантичні ознаки. Утворюючись від найменувань осіб чоловічого роду, іменники із значенням жіночності реалізують здебільшого модифікаційне словотвірне значення «особа жіночої статі щодо особи чоловічої статі, названої твірним іменником», оскільки позначають той же об'єкт номінації, що й мотивувальні слова, напр.: *оратор* – *ораторка*, *співак* – *співачка*, *herec* – *herečka*, *právník* – *právníčka*.

Фемінні найменування в слов'янських мовах утворюються здебільшого від маскулінних імен суфіксальним способом. Словотворчим формантом виступають суфікси **-ка (-ka)**, **-иця (-иця, -ица, -ica, -ice)** та в поодиноких утвореннях застарілий суфікс **-иня (-иня, -inja, -uni, -yně)** [5, с. 54].

Найбільшою продуктивністю в досліджуваній семантичній групі в слов'янських мовах відзначається суфікс **-ка (-ka)**.

Лінгвісти сходяться на тому, що суфікс **-к-а (-k-a)** походить із праслов'янських суфіксів **-ька, -ъка** і є характерним для форм жіночого роду давнім поширювачем суфікса **-к- (-ko-)**, успадкованим через праслов'янську мову з індоєвропейської (і.-с. *-ka) [7, с. 289].

В українській мові суфікс **-к-а**, як правило, сполучається з повними основами твірних іменників на **-ар (-яр)** (*аптекарь* – *аптекарка*, *казкар* – *казкарка*, *кухар* – *кухарка*, *лялькар* – *лялькарка*, *секретар* – *секретарка*), **-ер (-ор, -тор)** (*парфумер* – *парфумерка*, *фельдшер* – *фельдшерка*, *фермер* – *фермерка*, *актор* – *акторка*, *інструктор* – *інструкторка*, *композитор* – *композиторка*, *диктор* – *дикторка*, *редактор* – *редакторка*), **-ир** (*бригадир* – *бригадирка*, *касир* – *касирка*), **-ач** (*викладач* – *викладачка*, *завідувач* – *завідувачка*), **-тель** (*вихователь* – *вихователька*, *учитель* – *учителька*), **-ист (-іст)** (*арфіст* – *арфістка*, *журналіст* – *журналістка*, *масажист* – *масажистка*, *портретист* – *портретистка*, *рекламіст* – *рекламістка*), **-ант** (*консультант* – *консультантка*, *лаборант* – *лаборантка*, *офіціант* – *офіціантка*).

У словацькій літературній мові, за твердженням Я. Грецького, для творення жіночих назв за професією або родом діяльності найпродуктивнішими є дві морфеми **-ка** та **-куňa**, але більш продуктивним є формант **-k(a)** [14, с. 73].

Афікс **-к-а** поєднується з непохідними і похідними основами назв осіб чоловічого роду: *autor* – *autorka*, *misionár* – *misionárka*, *manifestant* – *manifestantka*. Він приєднується до повних похідних назв осіб чоловічого роду, основи яких містять такі суфікси: **-ár/-iar** (*kvetinár* – *kvetinárka*, *sochár* «скульптор» – *sochárka*, *šatniar* «гардеробник» – *šatniarka*), **-áč** (*predavač* – *predavačka*, *zametač* «підмітальник» – *zametačka*), **-ník/-ík** (*tlmočník* «усний перекладач» – *tlmočnica*, *knižovník* «бібліотекар» – *knižovnica*, *lekárnik* «аптекарь» – *lekárnička*), **-tel'** (*riaditeľ* «директор» – *riadiťelka*, *spisovateľ* «письменник» – *spisovateľka*, *cestovateľ* «мандрівник» – *cestovateľka*, *skladateľ* «композитор» – *skladateľka*, *zlepšovateľ* «новатор» – *zlepšovateľka*, **-ák** (*cirkusák* «циркач» – *cirkusáčka*, *spevák* – *speváčka*, *sveták* «світська людина» – *svetáčka*, *voják* «воїн» – *vojačka* та інші.

На відміну від словацької мови, в українській мові номінації жіночих осіб за професією та родом діяльності утворюються не від усіх іменників на позначення чоловічих агентивів.

У сучасній українській мові, за даними «Великого тлумачного словника сучасної української мови» та «Сучасного українського орфографічного словника», не зафіксовано, зокрема, корелятивних пар до таких агентивних іменників, як-от: *адвокат, академік, архітектор, банкір, бізнесмен, брокер, ветеринар, декан, декоратор, демонстратор, дилер, дистрибутор, дизайнер, ілюстратор, коментатор, кондуктор, конструктор, контролер, косметолог, кур'єр, лектор, менеджер, мер, режисер, ректор, стоматолог, терапевт, юрист* тощо.

Словники сучасної словацької мови відповідні пари фіксують, напр.: *advokát – advokátka, architekt – architektka, dekan – dekanka, dekoratér – dekoratérka, demonstrátor – demonstrátorka, díler – dílerka, distributér – distributérka, dizajnér – dizajnérka, manažér – manažérka, reštaurátor – reštaurátorka* та подібні [15; 17].

Отже, як свідчить фактичний матеріал, в українській мові менше жіночих паралелей від чоловічих назв осіб, оскільки жінку за професією часто називають іменником чоловічого роду – *лектор, декан, бухгалтер, коректор* тощо. Тенденція до називання жінок іменниками чоловічого роду в процесі засвоєння нових слів розвинулася в східнослов'янських мовах на початку ХХ ст. Формування назв осіб жіночої статі досліджуваної семантичної групи в українській мові відбувається досить непослідовно, чітких закономірностей щодо їх продукування не існує.

У ході аналізу агентивних іменників в українській мові було виявлено, що фемінітиви не утворюються, зокрема:

а) від складних іменників з другим дієслівним коренем: *винороб, землемір, землероб, екскурсивод, квасовар, китолов, краболов, лісоруб* тощо;

б) від запозичених іменників із афіксоїдами **-граф**, **-лог**: *гінеколог, зоолог, імунолог, кардіолог, косметолог, космобіолог, стоматолог, філолог, географ, лексикограф, фотограф, хореограф* тощо;

в) від назв військових та наукових звань: *академік, доцент, генерал, комісар, лейтенант, майор, маршал*.

У словацькій мові такі назви осіб чоловічого роду є твірними словами в процесі деривації фемінітивів:

а) складні іменники-агентиви (*zemeterač – zemeteračka, drevorubač – drevorubačka*);

б) основи із суфіксоїдами **-lóg**, **-graf**; однак основи із суфіксоїдом **-lóg** сполучаються з розширеною інфіксом **-ič-** (за словацькою термінологією [15, с. 29]) морфемою **-ičk-a**: *fotograf – fotografka, geograf – geografka, choreograf – choreografka, lexikograf – lexikografka, filológ – filologička, ginekológ – gynekologička, meteorológ – meteorologička, stomatológ – stomatologička, technológ – technologička*;

в) група іменників, що позначає наукові звання та ступені, військові звання: *akademik – akademička, docent – docentka, profesor – profesorka, kandidát – kandidátka, doktor – doktorka, komisár – komisárka, poručík «лейтенант» – poručička, major – majorka*.

У словацькій мові за допомогою суфікса **-k-a** утворюються агентивні назви жіночого роду й від усіх запозичених чоловічих назв із такими суфіксами у твірних основах: **-ist-a** (*regionalista «краєзнавець» – regionalistka, scenárista «сценарист» – scenáristka, klavirista «nianіcт» – klaviristka*), **-ent** (*asistent – asistentka, konkurent – konkurentka, korešpondent – korešpondentka, prezident – prezidentka, referent – referentka, respondent – respondentka*), **-ant** (*laborant – laborantka*), **-ér** (*amatér – amatérka, inžinier – inžinierka, konferencier – konferencierka, konštruktér – konštruktérka, tréner – trénerka*), **-ik** (*genetik – genetička, kritik – kritička, politik –*

politička, teoretik – teoretička), -or (direktor – direktorka, ilustrátor – ilustrátorka, imitátor – imitátorka, operátor – operátorka, prokurátor «прокурор» – prokurátorka, rektor – rektorka, senátor – senátorka), -ál (profesionál – profesionálka), -át (deputát – deputátka, kandidát – kandidátka).

Словацький суфікс **-ičk-a** сполучається не лише з основами, які містять суфіксoids **-lóg**, а й з основами на групу приголосних **-rg** [14, с. 74]: *chirurg – chirurgička, dramaturg – dramaturgička.*

Творення жіночих назв від запозичених назв осіб чоловічої статі за допомогою суфікса **-k-a/-ičk-a** в словацькій мові пройшло кілька етапів.

У 40-х роках ХХ століття назви жінок від запозичених чоловічих назв на **-lóg** утворювалися за допомогою суфікса **-k-a**, причому **g** змінювалося на **č** (*geológ – geoločka, biológ – bioločka*) [16; 14, с. 74]. Це було спричинено сильним впливом чеської мови, у якій функціонують лексеми на зразок *bioložka, filoložka* [13, с. 48].

Але з 60–70-х років ХХ ст. жіночі назви осіб від агентивів чоловічого роду на **-lóg** утворюються за допомогою суфікса **-ičk-a** відповідно до нових словотвірних тенденцій, які почали діяти в словацькій мові. Такі деривати функціонують в усіх стилях сучасної словацької мови й нині, також вони зафіксовані словниками різного типу (*biológ – biologička, filológ – filologička, psychológ – psychologička* [15, с. 81, 130, 333; 17, с. 54]).

Формування корелятивних пар «агентив чоловічого роду – агентив жіночого роду» в слов'янських мовах зумовлене власне граматичною особливістю твірної бази – належністю мотивувального іменника до чоловічого роду. «Саме родова співвіднесеність відкриває можливості для творення в українській мові похідних із модифікаційним значенням «особа протилежної статі» практично від кожного іменника – найменування особи за професією, а відтак, і здатність слугувати базою для творення співвідносних за значенням назв осіб жіночої статі», – стверджує З. О. Валюх [2, с. 102]. Теоретично, справді, від кожного іменника чоловічого роду із значенням «особа за професією або родом діяльності» можна утворити похідну лексему жіночого роду. У слов'янських мовах такій деривації сприяє і фінальна фонемна структура твірної основи, і фонемна структура словотворчого форманта, реалізувати словотвірний процес допоможуть і різні морфонологічні явища. Але, як свідчить фактичний матеріал, дібраний із засобів масової інформації і словників різного типу, кількість дериватів – назв осіб жіночого роду досліджуваної семантичної групи – у слов'янських мовах значно відрізняється.

Відсутність в українській мові корелятивних пар до цілої низки агентивних іменників чоловічого роду зумовлена різними чинниками.

По-перше, як нам здається, наявністю професій, військових звань, посад, що були, а то й нині залишилися тільки чоловічими, напр.: *боксер, гірник, зброяр, колезник, колодязник, комбайнер, кахельник, каменяр, митрополит, опалубник, рейкопрокатник, кадет, кавалерист, канонір, кардинал, резидент, фельд'єгер, фельдмаршал, рейнджер, лейтенант, генерал* тощо.

По-друге, появи фемінітивів можуть перешкоджати наявні в лексичній системі мови похідні слова з іншим значенням, омонімічним тому, яке могло б бути утвореним. Так, іменники *вапнярка* – «піч для випалювання вапна» [3, с. 75], *жниварка* – «машина, яка жне хлібні рослини» [3, с. 277], *пілотка* – «літній формений головний убір у деяких військовослужбовців» [3, с. 788], *штукатурка* – «будівельний розчин...» [3, с. 1408], *мічманка* – «формений кашкет з козирком для молодшого і старшого командного складу флоту, а також цивільний кашкет подібного вигляду» [3, с. 533], *кочегарка* – «приміщення, де містяться печі парових казанів» [3, с. 459] усувають можливість утворення лексем із значенням жіночності від таких

іменників чоловічого роду, як *ваняр, жниввар, косар, штукатур, столяр, електрик, пілот, мічман, конфедерат, кочегар* тощо.

По-третє, функціонування російської мови майже в усіх галузях людської діяльності впродовж багатьох десятиліть обмежило використання української мови, уповільнило її розвиток. Російська мова була мовою науки, освіти, професійної діяльності, тому омовлення «світу» на Україні відбувалося в руслі русифікації. Це не могло не позначитися на розвитку української мови, зокрема на її лексичній і словотвірній системах. Надання українській мові статусу державної сприяло розширенню сфер впливу рідної мови, дало можливість активізувати процеси словотворення на власне мовному ґрунті. Зрушення, що відбуваються в словниковому складі мови стосуються, зокрема, й агентивних номінацій.

Так, у сучасній українській мові фемінитиви з формантом **-ка** на зразок *архітекторка, бізнесменка, лідерка, юристка, директорка* тощо активно використовують засоби масової інформації: «**кандидатка** соціологічних наук...»; «*Напередодні жіночого свята вітав директорок шкіл мер Харкова...*» (СТБ, «Вікна», 5.03.10); *прем'єрка* Юлія Тимошенко провела прес-конференцію (ТБІ, «Сьогодні», 19.11.09), «найуспішніша кийвська **рестораторка** Маргарита Січкар влаштувала кульбаб-свято (Комсомольська правда в Україні (далі – КпУ), 19.05.08); «*У лінії прет-а-порте українська **дизайнерка** Оксана Караванська зробила акцент ...*» (<http://www.fashion.com.ua>). Однак паралельно з такими дериватами високу частоту вживання мають найменування осіб жіночої статі, виражені іменниками чоловічого роду, що свідчить, з одного боку, про непослідовне використання найменувань осіб жіночого роду, з іншого боку, про перспективи їхнього регулярного творення й функціонування: «*Влада Литовченко – президент модельного агентства Karin MMG, «Міс-Україна», засновниця благодійного фонду «Обдаровані діти – майбутнє України», радник Міністра з питань сім'ї, молоді та спорту, слухачка Дипломатичної Академії при МЗС України*» (<http://blogs.pravda.com.ua>).

У сучасній словацькій мові агентиви жіночого роду з формантами **-ka / -ička** функціонують в усіх стилях мови: публіцистичному – «*...doplňa **advokátka** Ježová*» (Sme, 10.02.09), «*riaditeľka* odboru personaly a vzťahovy vo VÚB banke Soňa Machatová hovorí...» (Sme, 27.01.09), «*prorektorka* pre stratégiu a rozvoj Kristína Zgodová ...» (Sme, 26.02.09), «*...povedala **analytička** Poštovej banky Eva Sárázová*» (Sme, 24.02.09); науковому – «*Žena ako **autorka** – žena ako téma v slovenskej poézii...*» [12, с. 24], «*poetka* sa uviedla zdanlivo neosobným záznamom voľného verša...» [12, с. 25]; художньому – «*Návštevníci ju považovali za **predstaviťku** finskeho filmu Biely sob*» [18, с. 37]. Звісно, такі номінації є й елементами розмовного стилю.

Отже, порівняльне дослідження фемінитивів з формантом **-ка (-ka)** у споріднених слов'янських мовах засвідчує, що твірною основою в процесі деривації виступають агентиви чоловічого роду. Проте номінації жіночого роду за професією та родом діяльності в українській мові, на відміну від словацької, утворюються не від усіх співвідносних агентивів чоловічого роду. У словацькій мові фемінитиви з формантом **-ka** відповідають словотвірним нормам мови й функціонують в усіх її стилях. Сфера використання таких дериватів в українській мові є обмеженою. Однак українська мова має словотвірний потенціал для творення фемінитивів від маскулінних назв осіб. Дериваційні ресурси української мови є досить гнучкими, питомі словотворчі афікси можуть вільно поєднуватися як із власними, так і із запозиченими твірними основами, не порушуючи в процесі деривації морфонологічних законів і словотвірних норм. Тому є всі підстави вважати, що в сучасній українській мові фемінитиви можуть і будуть утворюватися від співвідносних назв осіб чоловічого роду й матимуть широку сферу функціонування.

Бібліографічні посилання

1. **Брус М. П.** Загальні жіночі особові номінації в українській мові XVI–XVII століть: словотвір і семантика : автореф. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Укр. мова» / М. П. Брус. – Івано-Франківськ, 2001. – 20 с.
2. **Валюх З. О.** Словотвірна парадигма іменника в українській мові / З. О. Валюх. – К.–Полтава : АСМІ, 2005. – 356 с.
3. **Великий тлумачний словник сучасної української мови.** – К. : Ірпінь: ВТФ «Перун», 2003. – 1440 с.
4. **Загнітко А. О.** Корелятивність іменників – назв осіб чоловічого і жіночого роду / А. О. Загнітко // Українське мовознавство. – К. : Вища шк. – 1987. – № 14. – С. 67–74.
5. **Историческая типология славянских языков** [под ред. А.С. Мельничука]. – К. : Наук. думка, 1986. – 286 с.
6. **Ковалик І. І.** Питання слов'янського іменникового словотвору / І. І. Ковалик. – Львів : Вид-во Львівського ун-ту, 1958. – 153 с.
7. **Мейє А.** Общеславянский язык / А. Мейє. – М. : Изд-во иностр. лит., 1951. – 492 с.
8. **Семенюк С. П.** Формування словотвірної системи іменників з модифікаційним значенням жіночої статі в новій українській мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Укр. мова» / С. П. Семенюк. – Запоріжжя, 2000. – 19 с.
9. **Сучасний український орфографічний словник.** – 2-е вид., випр., доп. – Х. : Веста : Вид-во «Ранок», 2007. – 800 с.
10. **Фекета І. І.** Особливості творення назв осіб жіночої статі / І. І. Фекета // Українська мова та література в школі. – 1974. – № 4. – С. 77–79.
11. **Blanár V.** Minister – ministerka / V. Blanár // Slovo a tvar II. – Bratislava. – 1948. – Č. 2. – S. 52–54.
12. **Bokníková A.** Žena ako autorka – žena ako téma v slovenskej poézii od šesťdesiatych rokov po súčasnosť / A. Bokníková // Studia Academica Slovaca. – Bratislava. – 2000. – Zv. 29. – S. 24–52.
13. **Dvonč L.** Odvozené názvy osôb ženského rodu v spisovnej slovenčine / L. Dvonč // Slovenská reč. – 1972. – Roč. 37. – Č. 1. – S. 39–48.
14. **Horecký J.** Ženské mená zamestnania / J. Horecký // Slovo a tvar III. – Bratislava. – 1949. – Č. 2. – S. 73–75.
15. **Morfematický slovník slovenčiny.** – Prešov : Náuka, 1999. – 530 s.
16. **Pravidlá slovenského pravopisu.** – Bratislava : Veda, 1940.
17. **Slovensko-ukrajinský slovník.** – Bratislava : Slovenské ped.nakl-vo, 1985. – 674 s.
18. **Ťažký L.** Literárne vrásy / L. Ťažký – Bratislava, 1996. – 165 s.

Надійшла до редколегії 03.05.10

УДК 811.161.1'373.47

Ю. Ю. Яблонская

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В КОНТЕКСТЕ РОК-ПОЭЗИИ Ю. ШЕВЧУКА

Розкрито мовні та екстралінгвістичні особливості російської рок-поezії; проаналізовано можливості побудови лексико-семантичного поля «Почуття» на прикладі віршів Ю. Шевчука; наведено приклади функціонування емоційної лексики у контексті рок-поezії.

Ключові слова: лірика, рок-поezія, почуття, емоційна лексика, лексико-семантичне поле.

Раскрыты языковые и экстралингвистические особенности русской рок-поэзии; проанализированы возможности построения лексико-семантического поля «Чувства» на примере сти-

хов Ю. Шевчука; приведены примеры функционирования эмоциональной лексики в контексте рок-поэзии.

Ключевые слова: лирика, рок-поэзия, чувства, эмоциональная лексика, лексико-семантическое поле.

The article deals with disclosure of linguistic and extralinguistic particular qualities of Russian rock-poetry and analyses possibilities of composition semantic field "Senses", using examples from Yu. Shevchuk's poems; It also gives the examples of emotional vocabulary functioning in the context of rock-poetry.

Key words: lyrics, rock-poetry, senses, emotional vocabulary, semantic field.

В языке все направлено на осуществление коммуникации, единицей которой является текст, поэтому все языковые реалии обретают свой подлинный смысл только в тексте» [9, с. 73]. Поэтому **актуальной** проблемой современной филологической науки являются исследования, посвященные языку художественных произведений. Анализ поэтических текстов с точки зрения функционирования языковых средств дает более полное представление о жизни слова в языке и речи, позволяет более глубоко осмыслить идейно-художественное содержание произведения, интерпретировать его. А в основе анализа стоит человек (и все, что связано с ним) – центр, через который проходят координаты, определяющие предмет, задачи, методы, ценностные ориентации исследования. Общеизвестно, что лирика – это особый способ художественного мышления и осмысления жизни. Ее определяют как «выражение сокровенных переживаний и в искусстве, и в повседневной жизни» [12, с. 134]. В лирическом произведении выражаются чувства, эмоции, личные переживания поэта, отражается его лирическое «Я». Поэтому глубокий анализ лирического произведения невозможен без проникновения в его языковую ткань, без исследования языковых средств, отражающих чувства и эмоции художника слова.

Конец XX – начало XXI вв. отмечены повышенным интересом молодежи к рок-культуре, которая стала ведущим направлением в формировании мировоззрения и способом жизни молодежи, «рок-н-ролл для нее – это экзистенциальный прорыв нового поколения» [1, с. 65]. Источниками рок-поэзии, по мнению некоторых искусствоведов, являются религиозная музыка, а также ритуальные песни африканских негров [3, с. 68].

Говоря о рок-поэзии, многие исследователи подчеркивают ее субкультурную направленность. Под субкультурой понимается «образ культуры, участники которой ведут относительно обособленную жизнь вне общественных норм» [10, с. 250]. Возникший в последние годы интерес к рок-культуре как к особому культурному пласту подтолкнул некоторых исследователей (психологов, социологов) к изучению составляющих ее компонентов: рок-музыки, рок-театра и др. Многие журналы, занимающиеся современной молодежной культурой, обратили свое внимание и на рок-поэзию, ими были сделаны первые шаги, направленные на изучение текстов рок-песен (например, И. Смирнов, А. Кузнецов), но научных работ (литературоведческих, лингвистических) по исследованию рок-поэзии пока недостаточно. Таким образом, рок-поэзия на сегодня является одним из наиболее востребованных видов искусства, т. к. имеет в своих ресурсах средства для выражения различных сторон экстралингвистической реальности, в частности, чувств и эмоций. В рамках проведенных до настоящего времени исследований русский рок рассматривается как «сложное, многоуровневое и эклектическое образование, включающее как ряд субязыков, так и три относительно самостоятельные субкультуры: романтическую (ныне уже, скорее, факт истории рока), авангардную (она же, парадоксальным образом, андеграундная) и постмодернистскую» [5, с. 189].

Среди основных лингвистических и социально-исторических признаков российского рока исследователями выделяются «многозначность текстов; обращение к человеку, к отражению его поведения через "ты"...; широкое звучание политиче-

ской, идеологической, социальной, антивоенной тематики в тексте и подтексте...; прославление силы как энергии, а жизни как борьбы за существование» [2, с. 99].

Характерной чертой русскоязычного рока, предельно связанного с рок-культурой, является особое внимание к слову, что привело многих исследователей к мысли о связи русскоязычной рок-лирики с академической поэзией и ее подобии последней «именно по стилистике и лексикону» [8, с. 132]. Недаром рок-бард Александр Башлачев в одной из своих песен сказал: «И дар русской речи сберечь!». Как отметил диакон Андрей Кураев, русский рок – «это болевые уколы в совесть. Это борьба за право думать, за право быть одиноким, за право выпасть из толпы и из попсы» [7, с. 70]. По словам же Юрия Шевчука, считающегося патриархом русского рока, рок – это «боль, беда, правда, любовь и жизнь целого поколения нашей молодежи» [6, с. 4]. По примеру исполнителей авторской песни, всегда внимательно относившихся к слову, рок-поэты также стали более серьезно работать над текстами своих произведений.

Однако, несмотря на преобладающую роль текста в рок-произведении, все-таки сохраняется тесная его взаимосвязь с музыкой. Таким образом, рок представляет собой синкретическое искусство. Так, примером синкретизма может служить творчество древнерусских гуслиаров, европейских вагантов, украинских кобзарей. Классический же пример синкретизма мы находим в фольклоре, в частности, в народной песне, существовавшей в неразрывном единстве музыки и слов. Рок-поэзия, по большому счету, неотделима от рок-культуры, предельно с ней связана. По словам А. Дидурова, настоящую рок-поэзию отличает совершенно неконтролируемый интеллектуальный и эмоциональный «выброс», неповторимость стилистики и интонации, честность и искренность, как основные составляющие энергии текста [4, с. 5]. Эти и многие другие факторы значительно повлияли на лингвистический план развития поэтического произведения, особенно отчетливо проявившись в творчестве таких выдающихся деятелей российской рок-музыки, как Виктор Цой (1962–1990), Юрий Шевчук (род. в 1957 г.), Илья Кормильцев (1959–2007), Вячеслав Бутусов (род. в 1961 г.), Александр Васильев (род. в 1969 г.), тексты которых стали материалом для исследования рок-поэзии в ключе функционирования эмоциональной лексики.

Цель данной статьи – раскрыть особенности функционирования эмоциональной лексики в контексте рок-поэзии Ю. Шевчука. Юрий Шевчук – основатель и бессменный лидер «ДДТ», одной из наиболее своеобразных, значительных и ярких групп в истории отечественного рока трех последних десятилетий. В его творчестве отразились, как в зеркале, социальные сдвиги и потрясения нашего времени. Творческая эволюция Шевчука прошла путь от чуть наивного романтизма и частушечной сатиры ранних песен к поэтически зрелым работам второй половины 90-х годов. Этому способствовали как особенности жизни в стране, социального уклада, конфликтов внутри страны, так и личная жизнь и судьба самого Шевчука, которая была наполнена как неурядицами и страданиями, так и счастьем. Темы любви и счастья, войны и власти, человеческой личности и общества в целом ярко отражены в произведениях Шевчука. Обобщив все темы и проблемы, к которым обращается поэт, можно выделить основную идею его творчества – идею движения от реального мира к идеальному со всеми вытекающими из этого последствиями: ложными ходами, тупиками, замедлениями, прорывами и т. д. Философско-христианская позиция Юрия Шевчука отразилась в доминирующих чертах его поэтики, которую можно характеризовать как поэтику предельности, движения и поиска. Поэтому особенно важными поэтическими приемами в его произведениях являются метафора, сравнение, гипербола, антитеза. Все вышесказанное позволяет

характеризовать творческое наследие рок-поэтов, и Шевчука в частности, как богатую среду для изучения эмоциональной лексики.

Так как чувство человека относится к сфере духовной, внутренней, оно невидимо и неосязуемо, практически невозможно дать ему определение, классификацию и четкие границы, стандартно определить характер воздействия на человека. Тем не менее чувство является объектом изучения многих наук: философии, психологии, педагогики, психолингвистики и т. д. Однако все чувства, переживаемые человеком, находят свое отражение в языке, воплощаются в нем в виде конкретных слов, которые вступают в синтагматические и парадигматические отношения, формирующие лексико-семантическое (далее – ЛСП) «чувство».

Анализ произведений Ю. Шевчука позволил выделить характерные чувства (см. классификацию эмоций по субъективной ценности Б. И. Додонова [11, с. 257]), которые переживает лирический герой, а также лексические единицы, выражающие сложные эмоции, наиболее частые в его поэтическом словаре.

1. **Альтруистические эмоции** (тревога, жалость, любовь, доброта). ТРЕВОГА: *Не так уж много нужно нам, // Чтоб не будила по ночам // Уснувший мир зловещая **тревога*** (Привет М, с. 83)*. ЖАЛОСТЬ: *Смотрю на женщину, которая со мной // Вчера пришла и до утра осталась. // В ее глазах ко мне любовь и **жалость**, // А у меня душа – хоть в мир иной* (Понедельник, с. 84) (*жалость* – контекстуальный синонимом любви); *Стонет и пьет одноглазая роза, // **Жалко** скребется в затылки прохожих // Бледных потомков накуренных грез* (Суббота, с. 88). БЕЗЖАЛОСТНОСТЬ (антоним жалости): *Я поднимался выше облаков, // Я убивал **безжалостно** злодеев* (За пятьдесят копеек, с. 82). ЛЮБОВЬ (у поэта – гуманное отношение к кому- или чему-либо): *И что мы можем, можем быть, // Еще, конечно же, **любить**, // Приятель, выбрось камень свой, // Наполним небо добротой* (Наполним небо добротой, с. 86) (здесь *любовь* – неотъемлемая часть правильной жизни); *Мне страна ворковала о сыновей **любви**, // Вытирая платочком сухие глаза* (Пластун, с. 91). *Не так уж плохо все, малыши, // Когда ты рядом мирно спишь, // **Любимым** снам счастливо улыбаясь* (Привет М, с. 83) (общая эмоциональная и смысловая нагрузка этой фразы позволяет соотнести значение слова «любимый» со значением слова «светлый, спокойный»); *Как мы едем?! // Что мы видим?! // Что мы **любим**?!* (Мальчик-слепой, с. 91); *Наше время скорбит в телефонах доверия, // **Любит** в отделах знакомств* (Время, с. 85); *Не хрипи, старичок, о **любви**, // Нам известно, чем ты поешь* (Перестроище, с. 91). *Кого **любить** и бояться, // шепча, подскажут они* (Живу в назойливом мире, с. 83) (алогизм); *Я часто не верю, что на небесах // **Нашей любовью** архангелы правят* (Фома, с. 89); *Каменеющий мир, окольцованный быт, // Быть может, только **любовь** сможет всем нам помочь остаться людьми* (Дом, с. 85); *Сталь **ненавидит** дерево, // Дерево **ненавидит** землю, // Земля **ненавидит** воду, // Вода **ненавидит** небо, // А небо **любит** всех нас* (Мне снилось, с. 3). Подчеркнем, что главным чувством, которое выражается в произведениях Юрия Шевчука, которым они проникнуты, является любовь: *Прекрасная **любовь**, там ждут тебя живые. // Позволь себя увидеть тем, кого ведут на смерть. // Там по уши в грязи, но все же не слепые. // Дай разум и свободу, **дай чувствам не истлеть*** (Прекрасная любовь, с. 95). Поэтому наиболее частотным в поэтическом словаре становится слово *любовь* и его производные: *любить, любимый*. Поэт пишет о любви к родине, к женщине, к другу, к матери, к сыну, к музыке и т. д.

* В круглых скобках приводится название стихотворения и страница. Цитаты даются по книге: Поэты русского рока : Ю. Шевчук, А. Башлачев, А. Чернецкий, С. Рьженко, А. Машнин. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 496 с.

ДОБРО, ДОБРОТА: *Я – память без добра* (Церковь, с. 88); *Революция, ты научила нас// Верить в несправедливость добра* (Революция, с. 88); *Наши души не в силах сидеть на диете, // Мы кормим их до тошноты, // И верим, что в каждом живом человеке// Наберем на стакан доброты* (Время, с. 85); *Язык разноцветуший, речив добротой, // Скоро связан будет вечной немотой* (Псалом, с. 85); *И зло на заливном коне взмахнуло шашкою. // Добро, оно всегда без кулаков, трясло культяшками* (Правда на правду, с. 93).

2. **Коммуникативные эмоции** (верность, понимание, дружба). Этот тип эмоций находит выражение у Шевчука с достаточной частотой. ВЕРНОСТЬ: *Читает балет о кошмарной любви и прекрасной измене, // Танцует стихи о коварстве героев и верности крыс* (Актриса весна, с. 87) (антитеза: *Коварство героев – верность крыс*); *Что такое осень? Это камни, Верность над чернеющей Невой* (Осень, с. 83). ДРУЖБА: *А я не хочу о дружбе вам петь, // Нечасто за друга готовы на смерть* (Игра, с. 82); *Я не расстрелян, я не в тюрьме, // Хотя это желают мне, // Друг мой лучший, доброволец, судья, меццанин, я хочу тебя* (Поэт, с. 85) (здесь слово друг употребляется в переносном значении и семантически равно слову враг); *О, как ничтожны ты и я // Перед нависшею грозой. // И живы мы, пока друзья // Стоят за нас, стоят стеной* (Наполним небо добротой, с. 84) (друзья – символ спасения); *Не так уж страшно умирать, // Когда вокруг друзья и мать, // Любовь поможет вынести страданья* (Привет М, с. 82) (любовь и дружба – самые важные для человека чувства, они неразрывно связаны между собой, являются ценностным ориентиром для лирического героя). ПОНИМАНИЕ и НЕПОНИМАНИЕ: *Наш бог всегда всех нас поймет, // Грехи отпустит, боль возьмет* (Наполним небо добротой, с. 84) (понимание – неотъемлемое свойство божественной сущности); *Мы бьемся насмерть во вторник за среду, // Но не понимаем уже четверга* (Революция, с. 88); *Потерялся я среди этих строев, // Да ничего не пойму, хоть тресни* (Российское танго, с. 93).

В этой ЛС подгруппе выделяются также лексические единицы, которые называют астенические разновидности коммуникативных эмоций: ОДИНОЧЕСТВО, ВРАЖДА, РАВНОДУШИЕ и БЕЗРАЗЛИЧИЕ: *Равнодушие лечит тех, чья душа не болит* (Styx, с. 92) (олицетворение); *Безразличные грезы, прощаясь одна за другой, // Улетают, навечно покинув еще одного* (Я получил эту роль, с. 84); *В эту белую ночь... // Твои люди, шаги, как враги* (Белая ночь, с. 93); *Если твой враг никогда не узнает, // Кто его самый отъявленный враг, ...То все хорошо!* (Все хорошо, с. 83); *Одиночество спит у меня на прохладной груди* (Post-интеллигент, с. 87) (метафора); *А над Невским в глазок наблюдает тюрьма, // Состоящая из одиноких мужчин* (Ленинград, с. 86); *Как пошляк на смешной презентации // Поднимаю // Тост // За одиночество* (Как еврей, в третьем рейхе каменном, с. 95); *Когда облака ниже колен, // Когда на зубах куски языка, // Когда национальность голосует за кровь, // Когда одиночество выжмет дотла* (Предчувствие гражданской войны, с. 88); *В суете наступает совсем одинокая ночь. // Лезут мысли о третьем конце и уже не до сна* (Я получил эту роль, с. 84); *Ползу по столбам безразличных вождей, // Ползу, разгребая дерьмо их идей* (Предчувствие гражданской войны, с. 88); *Ей не нужны // Влюбленные поэты, // Их равнодушно слушает она* (К чему реке..., с. 80).

3. **Глорические эмоции** (эгоизм, престиж, каприз, хвастовство, честь). ПРЕСТИЖ: *Я электрический стул – слишком долго не посидишь, // Я вселенной вчера между глаз звезданул, // Подняв свой земной престиж* (Поэт, с. 85) (о престиже говорится в земных масштабах); *И хочется бедным в Майами или Париж. Сан-Ремо, Флорида – о, да, о, это престиж* (Мажоры, с. 85). КАПРИЗ: *Папаша попросит весь зал кричать ему «Бис!» // Папаша исполнит любой сыночкин каприз!* (Мажоры, с. 85) (каприз как свойство слабой и эгоистичной личности); *Сколько перьев с неба па-*

даєт вниз, // Сколькo душ не спит у костра, // Ктo разжег твої легкий **каприз**, // Закон или просто игра? (Он, с. 97). ХВАСТОВСТВО: *Эй, малыш, не стреляй и не хвастай другим, // Что без промаха бьешь по мишеням живым* (Не стреляй, с. 81). ЧЕСТЬ: *Я чествую вас, сыновья дипломатов, юристов, министров и профессоров* (Мажоры, с. 85) (ирон.); *Аплодисменты, на сцене – Время! // А в зале уже негде сесть, // Родная, это не овацци трели, // Это рвутся сердца в его **честь!*** (Время, с. 85).

4. **Эстетические эмоции** (потребность в красоте, чувство светлой грусти, чувство родного, чувство наслаждение звуками). КРАСОТА: *Красота, ты здесь, родная, недоступна, нелегка, за тобою наблюдаем, похмеляясь у ларька, // Ты спасешь нас, точно знаю! Я твой враг, твоя еда! // Красота не исчезает, лишь уходит иногда!* (Ларек, с. 03) (олицетворение); *Я называю плохое дерьмом, // А хорошее – красотой* (Поэт, с. 85) (антитеза). СВЕТЛАЯ ГРУСТЬ: *Время начала рок-н-ролла ушло! // Осталась прическа да светлая грусть* (Стух, с. 93). ЧУВСТВО РОДНОГО: *Еду я на родину, пусть кричат «Уродина!» // А она нам нравится – Спящая красавица...* (Родина, с. 89); *Эх, железная дорога, // Расписные поезда. // У родимого порога // Отказали тормоза* (Дорожная, с. 85). ЧУВСТВО НАСЛАЖДЕНИЯ ЗВУКАМИ: *Или услышать и // Подарить миру музыку?!* (Мальчик-слепой, с. 91); *Мелодия цветов, затерянных вначале, // Я слышу эти ноты, похожие на сон* (Прекрасная любовь, с. 95) (метафора; сравнение).

5. **Романтические эмоции** (чувство свободы, героизм, мечта, страх). СВОБОДА: *Жрите бесплатно, царечки природы, мысли, идеи, все то, чем я жил, // Рвите беззубыми ртами свободу, вонзивишюся вам между жил* (Террорист, с. 98). *Ты жаждешь свободы, ты пьешь, ты ползешь за ней вслед, // Ты тоскуешь, родимый, но не ведаешь, как эта баба страшна!* (Post-интеллигент, с. 87); *Я расставил людей посвободней, // И чтоб всем все хватило* (Я остановил время, с. 89). МЕЧТА: *Две мечты да печали стакан // Мы, воскреснув, допили до дна* (Это все, с. 94); *И случилось однажды, о чем так мечтал. // Он в горячую точку планеты попал* (Не стреляй, с. 81). ГЕРОИЗМ: *Пропечатали буквами наши песни, // Понашили из трусов героев* (Российское танго, с. 94) (ирон.); *У нас есть все, свои герои, // В любом подъезде разольют* (Мы из Уфы, с. 85) (ирон.); *Если всегда аккуратно подстрижен, // В каждой поэме – красивый финал, // В каждой компании смел и подвижен, // Лишнего, кстати, совсем не болтал! // То все хорошо!* (Все хорошо, с. 83) (ирон.); *Вчера – свиреп, силен и очень смел, // Сегодня – тих, спокоен, даже мрачен* (Понедельник, с. 84). СТРАХ: *Глаза кота // И больше ничего... Бельмо на левом, // В правом страх и ярость* (Твой взгляд, с. 83); *Ты – клочок мягкой ваты в ушах, ты – здоровый оскопленный пень, // У тебя мой крик вызывает страх, // Как и будущий Судный день* (Поэт, с. 85).

6. **Гедонические эмоции** (наслаждение, веселье, беззаботность, теплота, покой). ВЕСЕЛЬЕ: *Грянул майский гром, // И веселье бурною, щемящею волной // Окаатило... Эй, вставай-ка, и попрыгай вслед за мной* (Дождь, с. 82). ТЕПЛО, ТЕПЛОТА: *У тебя поют, у меня – луна, // У тебя тепло, у меня – к нулю* (У тебя есть сын, с. 92); *Что светит нам завтра, что греет сейчас* (Ни шагу назад!, с. 85); *Мальчик-слепой, // Задающий обычные // Детства вопросы... // Бабушке, дремлющей // Блоком тепла* (Мальчик-слепой, с. 91); *А за Невским в глазок // Наблюдает тюрьма, // Состоящая из // Одиноких мужчин, // Не нашедших причин // Дарового тепла* (Ленинград, с. 86); *Где ты и я под простой, да нескошенной крышей, // Ищем в друг друга тепло* (Ветер, с. 93). ПОКОЙ: *Он зашипел, как может только старость, // Когда она, отрекшись от всего, // Имеет лишь изодранный покой* (Твой взгляд..., с. 83); *Вы тоже пыхтели, но загнаны в круг, // Разбавляя портвейном покой* (Дохлая собака, с. 85). БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ, УДОВОЛЬСТВИЕ: *Наше время сулит безмятежную старость, // Кефир и телеорай. // И все в кайф* (Время, с. 85).

7. **Акзигитивные эмоции:** АЛЧНОСТЬ, ЖАДНОСТЬ: *Рукою твердой превратил всех алчных богачей// В прекрасных молодых парней, поэтов и врачей* (Инопланетянин, с. 82) (*алчность* – чувство, не свойственное поэтам и духовно богатым людям); *За мною жадно наблюдал из-за кулис один большой компромисс* (Компромисс, с. 82) (*свойство жадности* посредством метафоры придает абстрактным понятиям; *компромисс* выступает чем-то жадным и всепоглощающим).

8. **Гностические эмоции** (стремление что-то познать, понять, удивление, непонимание, сомнение). СОМНЕНИЕ: *Прочь вчерашние сомненья, // Прочь неудачи черных дней, // Только не ищите в тихом омуте спасенья, // И тогда окажетесь сильней* (Привет М, с. 83); *Посмотри веселей, мы искусству, без сомнений, прорубим русло* (Поэт, с. 85); *Я долго мучался в сомнениях тогда, // Шептал себе, что, может, это не беда* (Компромисс, с. 83) (*сомнение* – ‘нечто зловещее’, ‘то, что может доставить страдание’); *Я молился ему и просил об одном: // «Отжени от меня ты сомненье и страх, // Сохрани и спаси этот дом* (Четыре окна, с. 94) (семантическое наращение – ‘страх’); *Как легко верить в то, что нам с детства долбят, // Сомневаться в чем-либо лень* (Дохлая собака, с. 85). ЗНАНИЕ и СТРЕМЛЕНИЕ к нему – звенья одной цепи – познания добра: *Я – память без добра, я – знание без стремленья, // Остывшая звезда пропавших поколений* (Церковь, с. 88); *Ты так прекрасна, а я жаждал ответа, // Сколько печали несет это знанье* (Поэт, с. 1). ПОНИМАНИЕ: *Ты боишься всего, что не можешь понять, // Для тебя лишь вечно вчера* (Поэт, с. 85).

Таким образом, рок-поэзия, и песни Юрия Шевчука в частности, выражают широкий спектр чувств и эмоций; в основе его лирических произведений лежит художественно оформленная, эстетически выраженная передача всего прочувствованного и осмысленного. Благодаря идейной нагрузке и языковым средствам, передающим палитру чувств, произведения Шевчука могут выступать полноценной средой для изучения эмоциональной лексики. Для лирического героя произведений Ю. Шевчука характерно проявление эстетических, коммуникативных, романтических, альтруистических эмоций. Поэтому в его поэтическом словаре частотны слова, выражающие их: *любовь, дружба, доброта, стремление, одиночество* и др. Компоненты исследуемого лексико-семантического поля, функционируя в поэтическом тексте, приобретают дополнительные смысловые оттенки. Используя различные тропы, Шевчук открывает перед нами неожиданные языковые ассоциативные связи и подталкивает тем самым к более глубокому осмыслению или даже переосмыслению многих понятий, в том числе и чувств. Как можно заметить, творчество русских рок-поэтов преподносит оригинальный, самодостаточный, исторически обусловленный материал для анализа, в котором основное внимание нами сосредоточено на окказиональности семантики поэтического слова.

Библиографические ссылки

1. Вальран В. Н. Ленинградский андеграунд : Живопись, фотография, рок-музыка / В. Н. Вальран. – СПб. : Изд-во имени Н. И. Новикова, 2003. – 80 с.
2. Васильева Л. Л. Рок-музыка как фактор розвитку культури другої половини ХХ століття : дис. ... канд. мист. : 17.00.01 / Л. Л. Васильева. – К., 2004. – 199 с.
1. Дряпіка В. І. Розкриваючи світ джазу, рок і поп-музики / В. І. Дряпіка. – Київ–Кіровоград : «ТРЕЛАКС», 1997. – 184 с.
3. Золотое десятилетие рок-поэзии / сост. А. Дидуров. – М. : Молодая гвардия, 1992. – 158 с.
4. Козицкая Е. А. Субъязыки и субкультуры русского рока / Е. А. Козицкая // Русская рок-поэзия : текст и контекст : сб. науч. тр. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – Вып. 5. – С. 169–189.

5. **Кузнецов А.** На второй мировой поэзии... / А. Кузнецов // Золотое десятилетие рок-поэзии : поэзия / сост. А. Дидуров. – М. : Молодая гвардия, 1992. – С. 3–9.
6. **Кураев А.** Церковь и рок-музыка / А. Кураев // Серия «Беседы с богословом». – Вып. 3. – Мариуполь : Рената, 2004. – 104 с.
2. **Откидач В. М.** Рок-музыка і світовий художній процес : моногр. / В. М. Откидач. – Х. : ХДАК, 2005. – 294 с.
8. **Попова Е. А.** Человек как основополагающая величина современного языкознания / Е. А. Попова // Филологические науки. – 2002. – № 3. – С. 69–77.
9. **Радке Э.** Русская рок-музыка и ее функция в культурном советском пространстве : автореф. магистер. работы // Русская рок-поэзия : текст и контекст : сб. науч. тр. / Э. Радке. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2003. – Вып. 7. – С. 249–256.
10. **Скрипченко О.** Общая психология : [науч. пособие] / О. Скрипченко, Л. Долинская, З. Огородничук. – К. : Просвещение, 2005. – 464 с.
11. **Энциклопедический словарь юного литературоведа** / [сост. В. И. Новиков]. – М. : Педагогика, 1988. – 416 с.

Надійшла до редколегії 12.05.10

РЕЦЕНЗІЯ
НА МОНОГРАФІЮ І. С. ПОПОВОЇ
«ФУНДАМЕНТАЛЬНІ КАТЕГОРІЇ МЕТАМОВИ
УКРАЇНСЬКОГО СИНТАКСИСУ (ОДИНИЦЯ, ЗВ'ЯЗОК, МОДЕЛЬ)»

(Попова І. С. Фундаментальні категорії метамови українського синтаксису (одиниця, зв'язок, модель) : [монографія] / І. С. Попова. – Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2009. – 432 с.)

Ніколи і ні в кого не викликала принципових заперечень думка про те, що в мовній системі синтаксису відводиться найважливіше місце і що він являє собою явище найвищого порядку. Результативність комунікації безпосередньо залежить не лише від наявного відповідного лексичного запасу того чи того носія мови, але й від його вміння правильно та чітко встановлювати зв'язки між словами, словосполученнями, реченнями і т. ін. Найбагатший словниковий запас завжди піддається інвентаризації, однак мова невичерпна в поєднанні слів. До того ж саме в будові мови, у її граматиці, передусім у синтаксисі, виявляється національна специфіка. Виявлення особливостей та основних тенденцій розвитку граматичної системи тієї чи тієї мови належить до перспективних завдань сучасної лінгвістики. А відтак можна тільки вітати появу рецензованої праці, яка, безумовно, зробила свій внесок у розбудову синтаксичної теоретичної думки, оскільки, як зауважує сам автор, «пошуки шляхів чіткого й несуперечливого опису» фундаментальних граматичних категорій «надзвичайно важливі як у теоретичному, так і в практичному плані» (с. 2).

Українське мовознавство отримало комплексне дослідження фундаментальних граматичних категорій. Монографія Ірини Степанівни Попової є загалом успішною спробою систематизації таких основних понять сучасного синтаксису, як синтаксична одиниця, синтаксичний зв'язок, синтаксична модель. Дослідження вирізняється чіткою, продуманою структурою, передбачає традиційні складові елементи: вступ, чотири розділи, у кожному з яких наявна низка підрозділів, висновки та список використаної літератури (348 позицій).

Варто зауважити, що досить об'ємним за обсягом є вступ, де послідовно утверджується думка про специфічність синтаксису «як вершинного ярусу структури мови», в якому «зосереджені й скоординовані всі комунікативно значущі параметри лінгвістичних одиниць попередніх ярусів у найрізноманітніших їх виявах» (с. 20), наголошується на об'єктивних труднощах, що супроводжують вивчення й опис синтаксичного ладу мови, ідеться про особливу роль, «яку покликані відіграти метамовні побудови мовознавців, що вийшли на рівень синтаксису у своїх лінгвістичних пошуках і усвідомили нагальну потребу в побудові ефективно й несуперечливої системи опису синтаксичного ладу мови, зокрема мови української, такої системи, яка дозволила б одержувати об'єктивні й, отже, відтворені результати синтаксичного аналізу мовленнєвих ланцюгів і їх фрагментів і водночас бути достатньо простою, простою в тому плані, щоб цією системою могли користуватися у своїй практичній діяльності й учені, і педагоги, щоб вона була доступна всім, хто цілеспрямовано вивчає мову, навчає мови й використовує мову» [с. 21]. Науковець розставляє необхідні акценти для подальшого осмислення вузлових понять (синтаксична одиниця, синтаксичний зв'язок, синтаксична модель), керуючись насамперед тим, що «ясне й чітке усвідомлення сутності саме вказаних трьох синтаксичних категорій дасть можливість осмислити й визначити всі похідні від них синтаксичні конструкції, дозволить правильно вибрати опти-

мальну, максимально ефективну й несуперечливу процедуру синтаксичного аналізу» (с. 21).

У першому розділі «*Проблема метамови синтаксису у вітчизняній лінгвістиці*» закономірно репрезентовано метамовні проблеми синтаксису з огляду на те, що «навіть чи ще якийсь розділ мовознавства відзначається такою кількістю дискусій і представлений такою різноманітністю концепцій, тлумачень і поглядів» (с. 22), подано дефініції основних синтаксичних категорій із урахуванням відповідних параметрів. На передній план виводиться поняття речення, дефініції якого автор розглядає крізь призму десяти, на його думку, «найпопулярніших і найбільш доступних широкому читачу лексикографічних видань», що, вважаємо, є недостатньо переконливим, адже не зрозуміло, хто визначав їхню популярність і доступність, до того ж «широкому читачеві». Самі коментарі не викликають принципових заперечень. Щоправда, подекуди твердження є занадто категоричними, як-от: «Суворо говорячи, ні одна з цих дефініцій не визначає суті речення як синтаксичної одиниці й не відповідає ні трьом указаним вимогам загалом, ні навіть якійсь одній з них, але повною мірою» (с. 31), а деякі пояснення містять певні суперечності. Так, скажімо, аналізуючи ілюстративний матеріал (вірш Платона Воронька), Ірина Степанівна говорить про конструкції на зразок *З Німеччини; В Чернеччину* і т. ін. як про речення різного ступеня еліптованості, що суперечить загальноприйнятій класифікації речень за наявністю / відсутністю необхідних членів речення. Як відомо, еліптичні речення є одним із різновидів неповних речень, що відрізняється за своїми структурними і семантичними характеристиками від контекстуально та ситуативно неповних.

Заслуговує на увагу осмислення такої метамовної проблеми, як моделювання. Відповідно до позиції дослідниці, найбільш поширеною, реально функціональною графічною моделлю речення в україністиці є модель, яка спирається на граматику дерев залежності (с. 49), останнє витлумачується як «спрямований граф, у якому відтворюється процес деривації речення, компоненти якого кваліфікуються як вузли цього дерева, а синтаксичні зв'язки між цими компонентами – як його гілки» (с. 50). Автор демонструє найрізноманітніші зразки таких моделей, причому й подаючи один і той же ілюстративний матеріал у різних варіантах, залежно від того чи того представлення вершини дерева (с. 50–51). Впадає в око те, що більшість проаналізованих моделей репрезентує досягнення не вітчизняної, а зарубіжної науки, тобто в оригінальному вигляді такі моделі будувалися з урахуванням іншомовної національної специфіки. До того ж і запропоновані графи іноді породжують, так би мовити, омонімію, як-от, наприклад, для слова як стрижневого компонента конструкції і слова як компонента конструкції обрано графи, які вже використовуються, відповідно, для присудка і підмета (с. 57–58).

Не менш важливим у рецензованій монографії є питання про технологію синтаксичного аналізу мовленнєвих ланцюгів, орієнтованих на синтаксичні одиниці й синтаксичні відношення. Ірина Степанівна охоче вступає в дискусію щодо набору компонентів традиційної системи як головних, так і другорядних членів речення, детально зупиняється на проблемах словосполучення як синтаксичної одиниці, виокремлює базові моделі простого словосполучення (с. 84–85).

У другому розділі «*Система синтаксичних одиниць у сучасній українській мові*» з'ясовано сутність основних синтаксичних одиниць загалом і категорійні параметри речення й тексту як комунікативних одиниць зокрема; на окрему увагу заслужили похідні синтаксичні одиниці сучасної української мови, а також диференціація синтаксичних одиниць на аналітичні та аналітико-пошукові. І. С. Попова, відштовхуючись від того, що кожна синтаксична одиниця «являє собою певну матеріальну субстанцію зі своєю структурною організацією й своїми функціями

як у складі якихось інших, більших синтаксичних одиниць, так і як самостійна, окремо взята одиниця» (с. 91), веде мову, як мінімум, про дві сфери прямої компетенції синтаксису: побудова синтаксичних одиниць, тобто способи їх організації й відношення між їхніми компонентами, і функції синтаксичних одиниць, тобто їх роль і місце в мовленнєвому ланцюзі як конструктивних елементів. Звідси, відповідно, й узагальнення: «і номенклатура синтаксичних одиниць, і їх структурна організація, включаючи функції й відношення, повинні розглядатися точно в межах відповідного мовного рівня з його граничними як мінімально, так і максимально складниками, якими є, з одного боку, словоформа як компонент синтаксичної конструкції й тільки як її компонент, з іншого боку, власне синтаксична конструкція будь-якого характеру й будь-якої складності як деяка структурно-граматична єдність» (с. 92). Критично осмисливши синтаксичні наукові здобутки щодо поняття «синтаксична одиниця», дослідниця витлумачує останнє як «функціонально маркований і граматично впорядкований мовленнєвий ланцюг, який являє собою будь-яку змістову значущу послідовність слів, у тому числі й окрему словоформу» (с. 100). Згідно з авторською позицією, запропоноване визначення дозволяє кваліфікувати як синтаксичні одиниці найрізноманітніші мовленнєві побудови, здійснювані за допомогою якихось граматичних засобів (план вираження) і які містять у собі якусь інформацію семантичного чи функціонального характеру (план змісту).

Заслуговує на схвалення порушене питання щодо принципів і процедури формування основних синтаксичних одиниць. Акцентовано на п'яти критеріях, які дають змогу зарахувати синтаксичні одиниці до системи основних, а саме: 1) адекватність граматичного ладу української мови; 2) функціональна детермінованість; 3) максимально можлива узагальненість у межах виконуваних функцій; 4) співвіднесеність з конкретним мовленнєвим ланцюгом чи його граматично значущим фрагментом, а отже, повнота й самодостатність; 5) зв'язаність з іншими одиницями системи (с. 104–105). Кожен із запропонованих критеріїв «проекується» на ту чи ту синтаксичну одиницю, що вкладаються в певну систему, пов'язану з кваліфікаційним аспектом предмета синтаксису й вибудовану на основі базових синтаксичних одиниць (с. 109). З-поміж основних синтаксичних одиниць вирізняються: *словоформа, словосполучення, словоз'єднання, речення, текст і надфразна єдність* (с. 113) (очевидно, логічніше було б подати в ієрархічному ряду спочатку *надфразну єдність*, а потім *текст*. – Ж. К.). Цілком закономірно, що посилений інтерес виявлено щодо сутності речення (до категорійних параметрів речення зараховуються предикативність, комунікативність, функціональність (с. 130) та тексту. Осмислення сутності останнього, щоправда, вимагає більш чітких узагальнень, як, власне, і саме визначення тексту спонукає до дискусії: «текст – це будь-яке комунікативно значуще, формально й змістовно завершене мовленнєве утворення, побудоване з певною прагматичною настановою» (с. 149). Якщо це «*мовленнєве утворення, побудоване з певною прагматичною настановою*», то чи можна однозначно стверджувати, що текстом може бути слово, словосполучення і т. ін. (с. 149).

Третій розділ «*Синтаксичні зв'язки слів у сучасній українській мові*» присвячено аналізу синтаксичного зв'язку як конструктивного компонента мовлення, номенклатури системних синтаксичних зв'язків та типів синтаксичних відношень, ураховуючи й позасистемні. Не залишається поза увагою науковця й таке складне питання, як синтаксична омонімія. У запропонованій роботі синтаксичний зв'язок розглядається як один із трьох найважливіших складників метамови сучасного синтаксису, що обов'язково передбачає не лише загальне його тлумачення як лінгвістичного явища, але й вияв системних відношень у середині яви-

ща, а отже, і побудову номенклатури його складників. Ірина Степанівна цілком слушно зауважує: «Парадоксальність окремих аспектів учення про синтаксичні зв'язки слів, а нерідко й вияви самого синтаксичного зв'язку як граматичної категорії, онтологічна її недетермінованість вимагають не тільки особливої уваги до різних сторін репрезентації цієї дуже складної категорії, але й певною мірою скрупульозності, навіть педантизму в її трактуванні, а тим більше в її осмисленні саме як конструктивного компонента висловлення» (с. 202–203). Ота скрупульозність, отой педантизм, про який говорить автор, наявні при осмисленні ключових понять монографічної праці.

Виходячи з усталеної в україністиці традиції аналізу синтаксичної структури мовленнєвих ланцюгів, із сучасних граматичних концепцій, із наявних тлумачень синтаксичних зв'язків і синтаксичних відношень дослідниця прагне виокремити найбільш суттєві параметри системних синтаксичних відношень, «які, з одного боку, були б суворо узгоджені з найбільш загальною з реально функціональних систем синтаксичних зв'язків слів, з іншого, давали б можливість у межах обраної метамови однозначно кваліфікувати деякі синтаксичні відношення як системні чи надсистемні» (с. 221). Це дає змогу диференціювати, скажімо, узгодження як повне, неповне (с. 236), смислове, порушене (с. 237); керування як сильне, слабке (с. 239), безпосереднє, опосередковане, субстантивне, ад'єктивне, адвербіальне, вербальне (с. 240), потенційне, або вільне, одновалентне, двовалентне, тривалентне (с. 241); прилягання як смислове, позиційне, інтонаційне (с. 243) тощо. Класифікаційна схема сурядного зв'язку передбачає сурядність, супідрядність, відкритий, закритий сурядний зв'язок (с. 246). В одному з підрозділів логічно порушено питання про нестандартні (позасистемні) синтаксичні відношення. Найбільш типовим і поширеним виявом позасистемного синтаксичного зв'язку, згідно з позицією І. С. Попової, є відсутність у відношеннях між деякою парою компонентів синтаксичної конструкції протиставлення за характером синтаксичної залежності та її напрямку (с. 248). Таку ситуацію ілюструють: кореляція, приєднання, пояснення, безсполучниковий зв'язок, переорієнтація, деформація (с. 248). Кожен із цих зв'язків піддається ґрунтовному аналізу, який загалом не є суперечливим, хоч і не позбавлений певних нелогічних моментів (наприклад, розглядається пояснення як тип синтаксичного зв'язку в системі другорядних відокремлюваних членів речення (с. 254), однак пояснювальні відношення встановлюються між предикативними частинами складного речення; «не вписується» в запропоновану схему витлумачення безсполучникового зв'язку (с. 256) і т. ін). Принагідно звертається увага й на такі позасистемні відношення, як-от: перерозклад, варіативність, опосередкування, розчленування, розподіл і екстраполяція (с. 261), сепаратизація, узагальнення, з'єднання, включення, аранжування, транспозиція, контактування, квазідомінація, зчеплення (с. 272–285). Переконані, що окреслені проблеми заслуговують на подальше, більш ґрунтовне, усебічне дослідження й обов'язково стануть окремим предметом зацікавлення як вітчизняних, так і зарубіжних науковців.

У четвертому розділі «Синтаксична модель як метамовна побудова» йдеться передусім про об'єкти моделювання в українському синтаксисі. Розглядається можливість уведення в практику моделювання операції контамінування образів, що, на думку І. С. Попової, значно розширює сферу застосування цього методу лінгвістичного аналізу, а водночас і характер тих об'єктів, які вивчаються й описуються за допомогою їх моделей (с. 317). Автор розмежовує моделі основних синтаксичних одиниць докомунікативного рівня, моделі речення та великих синтаксичних сполук, розуміючи їх як «певний інструмент лінгвіста», який «може вдосконалюватися й утілюватися в якісь нові форми» (с. 395).

Підсумовуючи сказане, зауважимо: українська граматики збагатилася ще однією науковою розвідкою, результати якої заслуговують на належне поцінування. Ірина Степанівна висловила свою, нову, нетрадиційну думку, яка спонукає до тих чи тих розмірковувань, викликає на дискусію. І дискусії будуть. Це цілком закономірно. Адже саме в них і народжується істина. Рецензована монографічна праця, гадаємо, сприятиме новим пошукам, новим підходам і появі нових наукових доробків. Її ж авторові принагідно хочеться побажати творчого натхнення й подальших наукових звершень на розлогіх граматичних теренах.

*Ж. В. Колоїз, доктор філологічних наук,
професор, завідувач кафедри української мови
Криворізького державного педагогічного університету*

ЗМІСТ

Андрианова Н. С. Интернет-коммуникация – реальность или симулякр?	3
Андрухович А. А. О виртуализации и манипуляции	8
Апоненко И. Н. Структура наименований персонажей в «Русских народных сказках» А. Н. Афанасьева	14
Байрак В. Г. Типология полипредикативных синтаксических связей.....	20
Белозор О. С. Прагматическая эксплуатация прилагательного <i>чистый</i> в составе эргонимов.....	27
Белокозюк Л. А. Лексическо-фразеологические маркеры конфликтного дискурса на сайте «Lenta. ru»	32
Бердник Л. В. Источники фразеологичности семантики девербативов	38
Билан Н. И. Перевод на английский язык русских и украинских предложений с предикатами аффективного воздействия и обладания	44
Богачева М. В. Аргументативная коммуникативная стратегия и тактические приемы ее реализации в русском языке	49
Бондаренко Л. И. Специфика языковой структуры жанра «Совет»	56
Букалов А. С. Особенности функционирования общего сленга в средствах массовой информации	62
Васюкова Н. В. Принципы рекламной деятельности в Интернете	67
Вотинцева М. Л. Слово-моносемант в толковом словаре: частеречный и стилистический аспект	74
Высоцкая Т. Н. Процедура ступенчатой идентификации как инструмент выделения лексико-семантических групп наименований технических артефактов	79
Гапонова Л. Є. Іншомовні запозичення в українській криміналістичній термінології	85
Гафарова Р. И. Суффиксальные универбы, образованные на базе словосочетаний с предикатными актантами.....	90
Демецька В. В. Репродуктивний переклад vs адаптивний переклад.....	97
Дорофеев Ю. В. Изменчивость как онтологическое свойство естественного языка	104
Дьяконов Г. П. Лексикографический проект и нормативные концепции немецких языковых обществ	109
Евраева С. В. Языковая реализация концепта <i>Христос</i> в картине мира произведений А. Блока	114
Завадська О. В. Особливості розвитку і функціонування лінгвопрагматичної стратегії політкоректності на пострадянському інформаційному просторі (на прикладі російської мови).....	119
Заєць І. Г. Структура та динаміка асоціативних полів лексем <i>дівчина, жінка, хлопець, чоловік</i>	127
Закурдаева М. Ю. Пять классов сложного адъективного колоратива в современном русском языке	133

Зимовец Г. В. Структурно-семантичні особливості власних назв	138
Кедич Т. В. Фразеологічні одиниці, співвідносні за структурою зі словосполученням (на матеріалі історичного роману П. А. Загребельного «Роксолана»)	145
Ким Л. А. Критерии выделения неизменяемых зависимых компонентов в составе терминологических единиц	151
Кіркоська І. С. Скалярні єдності в обмежувальному висловлюванні (на матеріалі сучасної французької мови)	159
Козлова О. Е. Типы синонимии единиц разных уровней в современном русском языке	167
Конопелькина Е. А. Наименования лиц по роду деятельности в функционально-стилевом аспекте (на материале лексики экономико-правовой сферы русского языка)	173
Кошман И. Н. О специфике рефлексивов в русских публицистических текстах Украины	182
Кравцова Ю. В. Метафорические концепты русской поэзии и прозы первой половины XX в.	188
Лавриненко О. В. Аббревиация в интернет-коммуникации футбольных болельщиков	197
Лебедева А. В. Семантические модели новейших английских заимствований в молодёжном и компьютерном сленге	202
Ляпичева Е. Л. Русские фразеологизмы, пословицы и лексемы, именующие образы животных в сказках, как предмет преподавания иностранным студентам	207
Мамрак А. В. Корреляция свернутой в имени информации с семантикой словообразовательной перифразы	214
Меньшиков И. И. Типология респонсивных предложений в современном русском языке (к постановке вопроса)	221
Нашиванько О. В. Названия направлений косметологии и их определения (на материале русскоязычных сайтов)	231
Олещенко Ю. Р. Концептуально-дискурсивный анализ фрейма «Структура литых металлов»	239
Острецова И. В. Возможности функционально-коммуникативного и когнитивного подходов к изучению описательных предикатов в специальном дискурсе	250
Панченко Е. И. Юмор как переводческая проблема	260
Пожидаева И. В. Концепт <i>Память</i> в виртуальном дискурсе	265
Половинко Е. А., Чжан Минь. Лексико-семантическая группа субстантивов, репрезентирующая внутреннего человека в современном русском языке	271
Пристайко Т. С. О стильном iPOD'е замолвите слово... (оценочная лексика в рекламе высокотехнологической продукции)	278
Пугачёва А. В. Ядерно-периферийное строение семантического поля «Женщина» в поэзии И. Кормильцева	287

Ришкова О. П. Застосування маніпуляційних стратегій для вербалізації концепту <i>тероризм</i> у сучасній англійській мові.....	294
Румик О. Л. Щодо гуманітарного аспекту при вивченні латинської мови	299
Rutkowska M. Rola gramatyki w nauczaniu języka polskiego jako obcego	304
Сахно И. А. Фразеология «протокольной литературы»	310
Соболева Г. В. Метафорический фрагмент современного подъязыка экономики.....	315
Стадній А. С. Психолінгвістичний аспект емоційно-оцінної лексики	321
Суворова С. А. «Осколочные заглавия» в системе заглавий научных работ	326
Таран А. А. Вживання конкурентних інновацій на позначення явищ сучасного українського політикуму	331
Тарасенко И. Т. Ассоциативные связи концепта <i>любовь</i> в поэзии Н. С. Гумилева	338
Ткач Л. М., Рибалко І. В. Активні методи розвитку комунікативних навичок у студентів вищих технічних навчальних закладів у процесі вивчення гуманітарних дисциплін	342
Хаджиоглова О. Г. Психолінгвістичний експеримент як засіб виявлення структури категорії	348
Хатиашвили Х. А., Амирэджиби Н. М. К вопросу о машинном переводe и функционировании электронных словарей	357
Ходоренко А. В. Прологомены к созданию образа в наименованиях групп лиц (НГЛ) : риторика и стилистика	362
Черкащенко О. Н. Концептуальный анализ семантики отсубстантивных прилагательных	367
Шашков И. А. Суггестивное речевое воздействие как манипулятивная стратегия виртуального религиозного дискурса	372
Шепель Ю. А. Становление метафоры в свете когнитивной теории.....	377
Шпілько І. М. Фемінітиви з формантом <i>-ка</i> в українській і словацькій мовах	383
Яблонская Ю. Ю. Эмоциональная лексика в контексте рок-поэзии Ю. Шевчука.....	388
Рецензія на монографію І. С. Попової «Фундаментальні категорії метамови українського синтаксису (одиниця, зв'язок, модель)».....	396

Наукове видання

ВІСНИК ДНІПРОПЕТРОВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Серія:
МОВОЗНАВСТВО

Заснований у 1993 р.

Випуск 16

Українською, російською та англійською мовами

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованого засобу масової інформації
Серія КВ № 7898 від 17.09.2003 р.

Редактор Л. В. Омельченко
Технічний редактор В. А. Усенко
Коректор Л. В. Омельченко

Підписано до друку 24.09.2010 р. Формат 70x1081/16. Папір офсетний.
Друк плоский. Ум. друк. арк. 35,3. Обл.-вид. арк. 35,75. Ум. фарбовідб. 35,5.
Тираж 100 прим. Вид. № 1488. Зам. № .

Свідоцтво про держреєстрацію ДК-289 від 21.12.2000 р.

Видавництво Дніпропетровського національного університету,
49010, м. Дніпропетровськ, пр. Гагаріна, 72.
Друкарня ДНУ, 49050, м. Дніпропетровськ, вул. Наукова, 5.